Е 99/176

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА.

I 72

Томъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елисѣева и К°. Невскій просп. № 140.
1878.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.-Петербургъ, октября 5-го дня 1875 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Іосифъ*.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА.

Томъ первый.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елеонскаго и К°. Невскій просп. № 140.
1878.

„Прошедшее живетъ въ настоящемъ, но не можетъ защищать себя. Исторія выясняетъ теорію прошлаго, и разумное оправданіе ея — въ фактахъ дѣйствительной жизни“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія свѣдѣнія о проповѣдничествѣ.

	Стр.
Значеніе историческаго Очерка	1
Источники русскаго проповѣдничества	2
Понятіе о проповѣди и проповѣдничествѣ вообще	6
Задача русскаго проповѣдничества	10
Характеръ русскаго проповѣдничества, и періоды его	11
Выводъ изъ предъидущаго	14
Направленіе сочиненія	—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ГРЕЧЕСКОЕ.

1) Характеръ проповѣдничества греческаго:

1) въ его содержаніи.

а) Проповѣдничество изъяснительное	16
б) Полемико-догматическое	19
в) Нравственно-аскетическое	21
Практическій элементъ въ греческомъ проповѣдничествѣ	32

2) въ его внѣшнемъ выраженіи.

а) Языкъ или слововыраженіе	40
б) Логическая форма	47
в) Произношеніе	52
Проповѣдническіе сборники; переводы памятниковъ греческаго проповѣдничества на древніе и новые языки, и толкованія на нихъ	60
Отношеніе греческаго проповѣдничества къ жизни и наукѣ	62

Стр.

2) Способы проникновенія греческаго проповѣдничества въ Россію, и средства, которыми оно поддерживалось въ русской Церкви . 76

3) Гражданскій бытъ и характеръ русскаго народа:

1) Гражданскій бытъ.

а) Общій взглядъ на бытъ народа 92
б) Медленное организованіе государственной власти и законовъ. 93
в) Броженіе государственныхъ сословій, при содѣйствіи климатическихъ и географическихъ условій 94
г) Необразованность русскаго народа 96
д) Внутреннія бѣдствія народа:
α) пожары, β) голодъ, γ) эпидеміи, δ) усобицы князей и др. 100
е) Внѣшнія бѣдствія народа:
α) нашествія хищныхъ народовъ, β) истребленіе богатствъ и жителей страны. 105
ж) Вліяніе внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій на русскій народъ. 108
з) Эгоизмъ государственныхъ сословій 110
и) Домашній бытъ въ древней Руси:
α) деспотизмъ въ семействѣ, β) своекорыстіе, γ) криводушіе, δ) ранніе браки. 113
і) Слѣдствія внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ:
α) умноженіе несчастныхъ людей, β) признаки разложенія государства. 118
к) Ограниченіе предмета — внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ 122

2) Характеръ русскаго народа.

а) Чувственность народа:
α) развратъ, β) пьянство, γ) пресыщеніе, δ) неряшество . 126
б) Эгоизмъ:
α) своеволіе, β) сварливость, γ) самоуправство, δ) забіячество, ε) ругательства, ζ) сквернословіе и η) корыстолюбіе, выражавшееся въ воровствѣ, обманѣ, взяточничествѣ, подлогахъ и попрошайствѣ 134
в) Преобладаніе чувства надъ мыслію 142
г) Суевѣріе русскаго народа:
α) обожаніе природы и миѳологическихъ существъ, β) ворожба, γ) гаданіе, δ) примѣты, ε) чарованіе, ζ) заговоры, η) предразсудки разнаго рода 146
д) Способность русскихъ къ нравственному усовершенію. . 157
Общее заключеніе 161
Оправданіе недостатковъ русской жизни и характера народа. . . 164

Стр.

ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ГРЕКО-РУССКОЕ.

1) Характеръ и развитіе проповѣдничества греко-русскаго:

1) въ его содержаніи.

а) Проповѣдничество нравственно-аскетическое 168
б) Частныя черты нравственно-аскетическаго проповѣдничества, и мнѣнія о томъ писателей 174
в) Аскетическій идеалъ, развитый древнимъ проповѣдничествомъ 180

2) въ его внѣшнемъ выраженіи.

а) Бѣдность русскаго проповѣдничества по выраженію своему въ словѣ 182
б) Логическая форма его 189
в) Произношеніе 196
Историческое развитіе русскаго проповѣдничества. 200
Отзывы писателей о характерѣ русской проповѣди 207
Источники русскаго проповѣдничества. 209
Проповѣдническіе сборники, составленные въ Россіи. 212
Объемъ древняго проповѣдничества 219
Свидѣтельство лѣтописей о дѣятельности русскихъ проповѣдниковъ. 222
Проповѣдническая дѣятельность древнихъ миссіонеровъ. 226

2) Проповѣдничество нравственно-аскетическое вообще, и части его или отдѣлы.

а) Проповѣдничество нравственно-аскетическое, или тесретическое, б) церковно-историческое, в) истолковательное, г) практическое. 231

1) Проповѣдничество нравственно-аскетическое.

а) Общій характеръ сего проповѣдничества, на основаніи «слова св. отецъ, какъ жить христіанамъ» 233
α) Ученіе древнихъ проповѣдниковъ о постѣ 240
β) Ученіе — о молитвѣ, посѣщеніи церкви и соблюденіи праздниковъ. 244
γ) Ученіе—о сокрушеніи сердца и покаяніи 247
δ) Ученіе—о чтеніи книгъ, какъ средствѣ духовнаго обученія 253
б) Проповѣдничество аскетическое, въ собственномъ смыслѣ:
α) Поученія и посланія къ инокамъ 258
β) Монастырскіе уставы 263
Нравственное значеніе аскетической проповѣди, и приложимость ея къ жизни 269

2) Проповѣдничество церковно-историческое. Общій взглядъ на это проповѣдничество 272
а) Прощальныя граматы святителей, и въ особенности св. Кипріана и Митрофана воронежскаго. 274
б) Духовныя завѣщанія подвижниковъ, и въ особенности св. Антонія римлянина и Нила сорскаго 277
в) Похвальныя слова святымъ, и надгробныя 281
α) Похвальныя слова русскимъ святымъ, и причины умноженія ихъ съ XV вѣка. 283
β) Похвальныя слова святымъ иноземнымъ 288
г) Слова на праздники церковные 289
д) Слова на праздники церковно-историческаго содержанія . 292
е) Слова изъ древнихъ сборниковъ. . . . . —
3) Проповѣдничество истолковательное. Общій взглядъ на это проповѣдничество 295
Слова, изъясняющія св. Писаніе 298
Слова догматическія 301
Выводъ изъ предъидущаго 304
Отношеніе нравственно-аскетическаго проповѣдничества къ жизни. 306
4) Проповѣдничество практическое. Характеръ проповѣдничества практическаго 319
Мнѣнія писателей о практической проповѣди и проповѣдникахъ. 321
Проповѣдь практическая въ тѣсномъ смыслѣ, и отличіе ея отъ догматической. 326
Слово о мытарствахъ, какъ образецъ древней практической проповѣди 330
Виды практическаго проповѣдничества. 332

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обличеніе умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ. 334

А. *Исторія суевѣрія славянъ.*

а) Причины суевѣрія и происхожденіе его 335
б) Источники суевѣрія и виды его: 338
Суевѣріе языческое 340
Важнѣйшіе праздники и обряды въ честь боговъ 345
Закоренѣлость языческаго суевѣрія 348
Перехожденіе язычества,—сближеніе его съ христіанствомъ . . . 351
Суевѣріе астрологическое. 354
Суевѣріе, порожденное апокрифами 355
Легендарныя житія. 357
Происхожденіе національныхъ апокрифовъ 358
Составъ національныхъ апокрифовъ, и вліяніе ихъ на жизнь. . . 358

в) Вліяніе суевѣрія на жизнь народа:
α) Вліяніе суевѣрія на умственное развитіе народа. . . 363
β) Вліяніе суевѣрія на нравственное развитіе народа . . 378
γ) Вліяніе суевѣрія на частную и общественную жизнь народа. 380
г) Послѣдняя судьба суевѣрія. 417
Обличеніе умственныхъ заблужденій и нравственныхъ недостатковъ народа вообще 420
Задача древней практической проповѣди и малопроизводительность проповѣдниковъ 421
Обличеніе умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ, и эпохи въ развитіи проповѣдничества, направленнаго противъ суевѣрія 425
Обличеніе язычества съ XI до XVIII вѣка, и значеніе хронологіи въ исторіи проповѣдничества. 427
а) Обличеніе язычества, державшагося въ центрѣ Россіи, съ XI до XV вѣка. 428
Слова, въ которыхъ преимущественно обличаются языческія божества. 429
Слова, обличающія языческіе обряды и предразсудки. 432
б) Обличеніе идолопоклонства инородцевъ, населявшихъ окраины Россіи, съ XV до XVIII вѣка. 438
Значеніе обличительныхъ граматъ и посланій 441
Обличеніе выраждавшагося язычества, съ XV до XVIII вѣка. . . 443
Обличеніе астрологіи съ XV до XVIII вѣка 455
Обличеніе апокрифической литературы, съ XI до XVIII вѣка . . 460
Запреты церковной власти относительно апокрифовъ. 463
Выводъ изъ предыдущаго: заслуга обличительнаго проповѣдничества. 465

Б. *Исторія ересей въ Россіи, и обличеніе ихъ.*

Общій взглядъ на ереси и раздѣленіе ихъ. 470
а) Обличеніе богомиловъ и другихъ еретиковъ. 474
б) Ересь стригольниковъ и обличеніе ея. 475
в) Ересь жидовская и іудейская. 478
г) Ересь Бакшина, проводившая религіозное вольнодумство . 481
д) Ересь Косого, развившая іудейство. 483
Обличеніе ереси жидовской, Бакшина и Косого 485
е) Развитіе и обличеніе католицизма въ Россіи. 491
Обличеніе католицизма съ X до XV в. 492
Обличеніе католицима съ XV до XVIII в. 498
Обличеніе уніи 500
ж) Распространеніе на Руси протестантизма, и обличеніе его. 502
Отношеніе суевѣрія и ересей къ расколу, и обнаруженіе его . . 506

Стр.

а) Развитіе религіознаго консерватизма 506
б) Развитіе религіознаго либерализма 508
Заключеніе. 512

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обличеніе нравственныхъ недостатковъ народа 516
Виды нравственнообличительныхъ поученій, и эпохи въ развитіи нравственныхъ недостатковъ народа 519
а) Обличеніе чувственныхъ пороковъ: пьянства, пресыщенія и разврата.
аа) Обличеніе пьянства 522
Неудовлетворительность изложеннаго проповѣдничества въ приложеніи къ жизни дѣйствительной. 529
бб) Обличеніе пресыщенія (неумѣренности въ пищѣ) . . 531
вв) Обличеніе разврата 533
Обличеніе разврата въ смыслѣ нарушенія условій брака, съ XI до XVI в. 536
Обличеніе разврата, противоестественнаго порока, щегольства и роскоши, съ XVI до XVIII в. 542
Обличенія Транквилліона. 551
б) Обличеніе эгоизма, высокомѣрія и сродныхъ съ нимъ пороковъ. 554
в) Обличеніе корыстолюбія и сродныхъ съ нимъ пороковъ: зависти, вражды, клеветы, неблагодарности 560
аа) Обличеніе народнаго корыстолюбія 561
бб) Обличеніе ростовщиковъ 564
вв) Обличеніе лѣнивыхъ. 565
гг) Обличеніе странниковъ и праздношатающихся . . . 568
дд) Обличеніе непризванныхъ искателей монашества . . 572
ее) Обличеніе богатымъ 575
жж) Обличеніе корыстолюбія и самоуправства судей и властителей 576
г) Обличеніе семейнаго деспотизма.
аа) Въ отношеніи къ женѣ. 589
бб) Въ отношеніи къ дѣтямъ. 595
вв) Въ отношеніи слугъ 597
д) Нравственные недостатки жителей Сибири, и обличеніе ихъ. . . 603

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Увѣщаніе и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, какъ слѣдствіи грѣха . . . 609
а) Обличеніе междоусобій и раздоровъ князей, бояръ и вольныхъ городовъ. 612
аа) Увѣщаніе и обличеніе князей 613

Стр.

бб) Усмиреніе вражды князей и вольныхъ городовъ . . . 620
вв) Укрощеніе боярскихъ смутъ 621
гг) Возвышеніе власти московскихъ князей. 625
Пророчество о величіи Москвы и Россіи 632
Самостоятельность московскихъ князей въ дѣлахъ управленія 637
Отношеніе духовенства къ царской власти, и протестъ относительно церковныхъ имуществъ и привиллегій. . 638
б) Увѣщанія по случаю нашествія враговъ 648
в) Бѣдствія физическія 653
аа) Чорная смерть. 654
бб) Голодъ, бездождіе, засуха. 658
вв) Холодъ, и вообще разрушительныя дѣйствія стихій. . 659
гг) Пожаръ 662
г) Укрощеніе раздоровъ и смутъ междуцарствія 666
Увѣщаніе о любви къ ближнимъ, милостынѣ и состраданіи. 669
Увѣщаніе ропщущихъ на Промыслъ и бѣдствія жизни . . 672

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общія мѣры противъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденій и бѣдствій народа 674
1) Разсылка окружныхъ посланій и граматъ общаго содержанія . . 675
2) Пастырскія посланія и поученія духовенству 681
Обличеніе недостатковъ духовенства. 684
Дѣятельныя мѣры къ исправленію священства. 686
Наставленія мірянамъ о почитаніи духовенства. 687
3) Административныя распоряженія о благочиніи церковномъ и благочестіи народа 693
Граматы митрополитовъ относительно церковнаго благоустройства. 695
Опредѣленія соборовъ относительно церковнаго благоустройства . 699
Историческое значеніе граматъ митрополитовъ и опредѣленій соборовъ 704
Отношеніе практическаго проповѣдничества къ жизни. 705
Общее вліяніе грекорусскаго проповѣдничества и литературы на жизнь народа.
а) Произведенія грекорусской литературы, вліявшія на проповѣдь и аскетическое воспитаніе народа 714
Библія и богослужебныя книги 715
Сборники нравоученій и сентенцій. 722
Домашнія поученія или домострои 727
Патерики, прологи и четиминеи. 730
Лѣтописи, странники и сборники легендарнаго содержанія. 734
Паломники 737

стр.

б) Вліяніе греческаго проповѣдничества на русскую проповѣдь и жизнь 741
Центры просвѣщенія на Руси 751
Аскетическіе нравы предковъ, воспитанные грекорусскимъ проповѣдничествомъ и литературой. 761
Аскетическіе характеры въ жизни монашеской, семейной и общественной. 780
Общее заключеніе и приложеніе сказаннаго къ современной жизни и наукѣ 786

ВВЕДЕНІЕ.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О ПРОПОВѢДНИЧЕСТВѢ.

Значеніе историческаго очерка.

Историческій очеркъ есть изображеніе существенныхъ чертъ или явленій исторической жизни, въ коихъ выражается ея духъ и направленіе. Историческій очеркъ обыкновенно предшествуетъ появленію спеціальной исторіи въ какомъ либо родѣ, и тѣмъ доказываетъ, что главные источники и матеріалы этой науки разработаны литературой, и выражаемый ими духъ и направленіе жизни достаточно выяснены критикой. Поэтому, основательный очеркъ замѣняетъ до поры спеціальную исторію въ своемъ родѣ; но и съ появленіемъ ея онъ не теряетъ вполнѣ своего значенія. Представляя въ сжатомъ видѣ существенныя черты исторической жизни, очеркъ служитъ пособіемъ для спеціальной исторіи, содѣйствуя къ скорѣйшему уразумѣнію ея задачи.

Предлагаемый очеркъ есть сокращеніе уроковъ, по исторіи проповѣдничества, читанныхъ въ одномъ учебномъ заведеніи. Онъ имѣетъ общую научную цѣль: ознакомить читателей съ исторіей русской проповѣди и вліяніемъ ея на нравственную и гражданскую жизнь

народа, и частную — указать средства, на основаніи историческихъ изслѣдованій, къ правильной постановкѣ современной проповѣди. Для достиженія столь важныхъ цѣлей, могущихъ содѣйствовать общественному благу, очеркъ составленъ на основаніи всѣхъ источниковъ и матеріаловъ русскаго проповѣдничества, разработанныхъ учеными комиссіями и писателями, особенно съ 20—30 годовъ XIX вѣка. Источники и матеріалы эти будутъ указаны съ возможною подробностію. Нельзя ожидать, чтобы предлагаемый очеркъ, какъ первый опытъ въ своемъ родѣ, былъ безукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ; и это тѣмъ болѣе вѣрно, что не всѣ еще библіотеки въ Россіи, общественныя и частныя, описаны, не всѣ древнія рукописи приведены въ извѣстность. Одна Софійская новгородская библіотека (въ петерб. академіи) потребуетъ много времени для своей окончательной разработки и ждетъ многихъ усердныхъ дѣятелей. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что послѣдующая разработка рукописей (за исключеніемъ патріаршаго періода) не обѣщаетъ особенно важныхъ матеріаловъ для уясненія характера русскаго проповѣдничества, такъ какъ въ нихъ большею частію повторяются уже извѣстныя матеріи, оцѣненныя критикой. Поэтому и предлагаемый очеркъ, за недостаткомъ лучшаго руководства, обнимающаго судьбу русской проповѣди за 1000 лѣтъ, можетъ принести нѣкоторую пользу наукѣ.

Источники русскаго проповѣдничества.

Источниками русскаго проповѣдничества, особенно древняго, служатъ древніе рукописные сборники, хранящіеся въ монастыряхъ, Сергіевой лаврѣ, Чудовомъ

монастырѣ, и другихъ, а также въ духовныхъ академіяхъ. Къ подобнымъ сборникамъ надобно отнести Великія Четиминеи м. Макарія, Четиминеи Димитрія ростовскаго и Прологъ. Затѣмъ слѣдуютъ: полное Собраніе русскихъ Лѣтописей; Лѣтописи русской литературы и древностей Тихонравова; Памятники старинной русской литературы и под. Акты историческіе, экспедиціи, и другіе; Описаніе рукописей Царскаго,— Толстого,— Румянцовскаго музея и под.; Историческая христоматія Буслаева, Аристова, и другія; Примѣчанія къ Исторіи Карамзина. Но самымъ полнымъ, богатымъ и драгоцѣннымъ источникомъ русскаго проповѣдничества служитъ: Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки (отдѣлъ II); въ немъ содержится описаніе наиболѣе извѣстныхъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, проповѣднических сборниковъ. Что касается произведеній позднѣйшихъ проповѣдниковъ— XVII—XIX вѣка, то почти всѣ они состоятъ на лицо, и особенно за послѣднее столѣтіе составляютъ громадную массу печатнаго и рукописнаго матеріала, постоянно увеличивающуюся, при содѣйствіи учебныхъ заведеній. Матеріалы для уразумѣнія духа и направленія русскихъ проповѣдниковъ и проповѣдничества находятся въ духовныхъ журналахъ—Православномъ Собесѣдникѣ, Твореніяхъ св. отцовъ, Трудахъ кіевской академіи, Руководствѣ для сельскихъ пастырей, Христіанскомъ Чтеніи, Духовномъ Вѣстникѣ, Православномъ Обозрѣніи, Воскресномъ Чтеніи, Странникѣ, Духѣ Христіанина, и особенно въ Исторіи русской церкви пр. Макарія, и въ Обзорѣ русской духовной литературы; въ свѣтскихъ сочиненіяхъ—въ Исторіи русской Словесности Галахова, Порфирьева, Шевырева; въ Извѣстіяхъ

Академіи наукъ (отдѣлъ II), въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, Москвитянинѣ и другихъ. Изъ отдѣльныхъ сочиненій, брошюръ и монографій заслуживаютъ упоминанія: Русская Проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ—о. Николаевскаго, Югозападное проповѣдничество—г. Терновскаго, Наука и Литература при Петрѣ I-мъ—г. Пекарскаго, Придворные проповѣдники времени импер. Елисаветы—г. Попова, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій—г. Самарина, Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время,—г. Чистовича, Св. Димитрій ростовскій—пр. Горскаго, и другіе. Матеріалы для уразумѣнія быта и состоянія русскаго духовенства находятся въ Церковной Исторіи г. Знаменскаго и въ отдѣльной диссертаціи его—Приходское Духовенство со времени реформы Петра, и отчасти въ сочиненіи г. Щапова—Русскій Расколъ Старообрядства. Богатые матеріалы для уразумѣнія гражданскаго быта, нравственнаго состоянія и вообще характера русскаго народа находятся въ Исторіи Россіи г. Соловьева, въ Историческихъ Очеркахъ русской народной словесности г. Буслаева, въ Полномъ Собраніи законовъ, и отчасти въ сочиненіи г. Щапова—Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. О нравахъ русскихъ есть много свидѣтельствъ у иностранныхъ писателей, особенно въ Путешествіи Олеарія (перев. 1870 г.). При всемъ стараніи указать всѣ источники и матеріалы русскаго проповѣдничества, мы не можемъ исполнить этой задачи съ идеальною точностію, по безчисленности сочиненій этого рода и статей, разбросанныхъ въ разнохарактерныхъ изданіяхъ.

Что же касается обобщенія изложенныхъ матеріаловъ и научнаго изложенія русскаго проповѣдничества, то и

въ этомъ отношеніи сдѣлана удовлетворительная попытка, которая пролагаетъ путь болѣе серіозному историческому труду. Мы разумѣемъ книгу, подъ заглавіемъ: «Русское Проповѣдничество». Въ этой книгѣ въ общихъ чертахъ указанъ характеръ русскаго проповѣдничества и намѣчены періоды развитія его, за 1000 лѣтъ. Какъ самая книга, такъ и особенно рецензіи, высказанныя по поводу ея разными журналами, даютъ намъ возможность съ большею опредѣленностію охарактеризовать русское проповѣдничество въ предлагаемомъ «Очеркѣ» [1]).

---

[1]) Рецензіи на книгу «Русское Проповѣдничество» высказаны въ духовныхъ журналахъ слѣдующія.—Въ «Христіанскомъ Чтеніи» за августъ 1872 г. Этотъ обширный трудъ есть первый опытъ въ нашей литературѣ историческаго обозрѣнія русскаго проповѣдничества. Авторъ внимательно изучалъ памятники церков. учительства, и собранный такимъ образомъ матеріалъ онъ располагаетъ по своему, весьма удачно составленному плану. Трудность задачи и новизна дѣла, громадная масса матеріала, который надлежало переработать, служатъ причиною, что историческое обозрѣніе иногда переходитъ въ бѣглый и общій обзоръ, иногда о предметахъ важныхъ авторъ говоритъ вскользь и мимоходомъ и распространяется о мелочахъ... Со многими замѣчаніями его можно не соглашаться, и вообще нельзя сказать, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ вполнѣ и окончательно; но въ тоже время есть не мало замѣчаній вполнѣ удачныхъ и вѣрныхъ.

Въ «Воскресномъ Чтеніи» за январь 1872 г. «Въ гомилетическую литературу нашу внесенъ замѣчательный вкладъ книгою, заглавіе которой выписано («Русское Проповѣдничество»); и тѣмъ замѣчательнѣе, что она представляетъ первый и единственный опытъ—по исторіи проповѣдничества. Въ недавнее время введено въ систему семинарскихъ наукъ преподаваніе исторіи проповѣдничества, и вотъ уже мы имѣемъ почтенную книгу, спеціально трактующую объ этомъ, представляющую историческій обзоръ русскаго проповѣдничества и взглядъ на современное его направленіе. Книга представляетъ довольно удачную попытку привести въ нѣкоторую систему еще мало разработанные и довольно скудные матеріалы русскаго проповѣдничества. Исторію русскаго проповѣдничества съ такимъ же правомъ можно раздѣлить на четыре, на пять и даже больше

Понятіе о проповѣди и проповѣдничествѣ вообще.

Проповѣдію вообще называется рѣчь о какомъ либо предметѣ, произносимая въ собраніи народа. Проповѣдію въ собственномъ смыслѣ называется рѣчь, имѣю-

---

періодовъ, съ какимъ она раздѣлена на три. На основаніи тогоже матеріала одинаково справедливо можно говорить и объ отсутствіи всякаго вліянія русской проповѣди на народъ и, какъ представляетъ авторъ преувеличенно, видѣть все доброе въ русскомъ народѣ, какъ слѣдствіе благотворнаго вліянія проповѣди. Тѣмъ не менѣе большое спасибо автору книги за его трудъ, полезный во многихъ отношеніяхъ для спеціалистовъ сего дѣла, для проповѣдниковъ и читателей, ищущихъ назидательнаго чтенія. Кромѣ рѣшенія современнаго жизненнаго вопроса о проповѣди (попытокъ къ рѣшенію), авторъ справедливо замѣчаетъ, что читатели найдутъ въ исторіи русскаго проповѣдничества нравственные уроки».

Въ «Странникѣ» за октябрь 1871 г. «Авторъ, какъ спеціалистъ гомилетики, увлекающійся своимъ дѣломъ, не строго отнесся къ своей задачѣ. Допустивши неопредѣленность и произвольность въ пониманіи проповѣди, онъ не даетъ строгой, послѣдовательной системы, въ которой части и отдѣлы представляли бы неуклонное развитіе основного понятія, стройное цѣлое. Онъ больше слѣдитъ за внѣшними, гомилетическими достоинствами проповѣди, чѣмъ за отношеніемъ ея къ жизни. А какъ съ этой стороны проповѣди представляютъ весьма много достоинствъ, а у нѣкоторыхъ проповѣдниковъ прекрасные образцы ораторскаго искусства: то авторъ невольно придаетъ имъ великое значеніе для жизни народа. Въ концѣ книги авторъ посвящаетъ цѣлый отдѣлъ вопросу о современномъ направленіи проповѣди. Эта весьма обстоятельная и дѣльная компиляція является въ книгѣ, какъ отдѣльное, самостоятельное изслѣдованіе. Трудъ почтенный и довольно полный съ той стороны, съ какой посмотрѣлъ на дѣло авторъ. Съ гомилетической стороны обзоръ сдѣланъ обстоятельный; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги являются интересные очерки времени, и матеріаломъ книга весьма богата». При этомъ рецензентъ сдѣлалъ весьма дѣльное разъясненіе программы исторіи русскаго проповѣдничества, чѣмъ значительно облегчилъ трудъ историка. Намекъ его на аскетическій идеалъ жизни древней Руси и таковой же характеръ проповѣди составляетъ заслугу наукѣ.

Въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за февраль 1872 г. «Не споримъ, что проповѣдь въ общемъ своемъ видѣ должна быть такою, какою представилъ ее авторъ очерка проповѣдничества; но полагаемъ, что въ извѣстныя времена она должна принимать особое направленіе. Церков-

щая предметомъ своимъ вѣроученіе и произносимая въ церковномъ собраніи. Образцы церковной рѣчи или проповѣди находимъ въ бесѣдахъ Спасителя и въ посланіяхъ апостольскихъ. Такова проповѣдь, сказанная въ храмѣ, въ которой обличаются предразсудки, тщесла-

---

ная проповѣдь можетъ также измѣняться въ своемъ направленіи, какъ измѣняется общество въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Эти-то измѣненія авторъ и долженъ былъ отмѣтить въ своемъ очеркѣ. Къ сожалѣнію, авторъ, задавшись цѣлію собрать проповѣдническій матеріалъ и свесть литературные отзывы о немъ, опустилъ изъ виду эту живую сторону своего очерка. Изъ замѣчаній, мимоходомъ высказанныхъ (имъ), при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, онъ могъ бы составить цѣлую историческую картину развитія русской проповѣди. Кромѣ главнаго недостатка допущено довольно (и другихъ).—При началѣ обзора III періода внутреннимъ признакомъ его авторъ поставилъ то, что «проповѣдь въ немъ излагала нравственное ученіе и утверждала народъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ»; а въ заключеніи обзора періода говоритъ, что въ «III періодѣ русскіе проповѣдники почти нисколько не занимаются нравственными недостатками народа. О недостаткахъ подобнаго рода не станемъ распространяться». Въ послѣднемъ обвиненіи мы видимъ недоразумѣніе. Нравственное ученіе о добродѣтеляхъ составляетъ отвлеченную проповѣдь; ученіе о недостаткахъ народа, противныхъ христіанскимъ добродѣтелямъ, — практическую проповѣдь. Этоже и объяснено на 386 страницѣ «Русскаго Проповѣдничества»: «если кто изъ проповѣдниковъ и заговоритъ о корыстолюбіи, обманѣ, кражѣ, сквернословіи, пьянствѣ и т. под., то какъ будто невзначай, урывками, въ концѣ слова, безъ надлежащаго анализа и разъясненія народу всего безобразія порока». Во всякомъ случаѣ рецензія полезна въ томъ отношеніи, что выяснила важность изложенія внутренней жизни народа въ исторіи проповѣдничества.

Въ «Церковной Лѣтописи» за ноябрь 1871 г. «Появленіе» «Русскаго Проповѣдничества» вполнѣ современно, и по своей задачѣ отвѣчаетъ самымъ настоятельнымъ потребностямъ духовной литературы. Планъ сочиненія совершенно естественный... Авторъ коротко резюмировалъ свои первоисточники; но въ большинствѣ случаевъ читатели найдутъ достаточно данныхъ, чтобы судить о пріемахъ, которыми пользовался какой нибудь проповѣдникъ... О свойствахъ практической проповѣди онъ не говоритъ подробно, но сгруппированныя имъ мнѣнія различныхъ писателей достаточно уясняютъ этотъ вопросъ, и могутъ быть существенно полезны для многихъ нашихъ молодыхъ проповѣдниковъ, которые не успѣли развить въ себѣ хорошаго навыка къ проповѣди. Здѣсьже читатели найдутъ много дѣльныхъ соображеній о лучшей постановкѣ нашего пропо-

віе и корыстолюбіе фарисеевъ (Мѳ. 23.). Въ посланіи ап. Іакова, послѣ наставленій о терпѣніи, обличается пренебреженіе къ бѣднымъ,. сварливость и т. п. Сообразно съ важностію предмета и мѣста, проповѣдь подчиняется научнымъ правиламъ относительно изложенія мыслей и выраженія ихъ, въ словѣ, логической формѣ и произношеніи. Образцы проповѣдей научныхъ, или такъ называемыхъ «словъ», стали появляться съ развитіемъ риторическихъ и гомилетическихъ правилъ съ IV—V вѣка, и особенно съ развитіемъ діалектики и средневѣковой схоластики. Впрочемъ, проповѣдь, сообразно съ требованіями нравственно-религіозной жизни, нерѣдко излагается въ видѣ экспромта, импровизаціи, съ свободнымъ теченіемъ мыслей, и произносится внѣ церкви.

Въ какомъ бы видѣ ни излагалась проповѣдь, она всегда по содержанію своему бываетъ: отвлеченная или догматическая, практическая и смѣшанная. *Отвлеченною* или *догматическою* называется та проповѣдь, которая излагаетъ теоретическое ученіе: догматы или правила вѣры, нравственныя предписанія или правила дѣятельности, обрядовое ученіе, въ которомъ наглядно выразились христіанскіе догматы,—церковно-историческое, въ которомъ осуществились правила христіанской дѣятельности. *Практическою* называется та проповѣдь, которая имѣетъ содержаніемъ своимъ чисто практическіе вопросы, явленія дѣйствительной жизни, состоящія въ связи съ предписаніями вѣры и подлежащія ея руководству. Проповѣдь *смѣшаннаго* содержанія обыкновенно примѣшиваетъ къ догматическому ученію нѣкоторыя практическія мысли, въ видѣ совѣтовъ и обличеній, безъ надлежащаго развитія ихъ, единства предмета и послѣдовательности выводовъ [1]).

Проповѣдничествомъ вообще называется совокупность литературныхъ произведеній, относящихся къ проповѣди. Сюда относятся вопервыхъ: проповѣдническіе памятники извѣстнаго направленія, проповѣди разныхъ родовъ и видовъ, и теоретическія пособія или правила къ составленію ихъ. Во вторыхъ: указаніе историческихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на духъ и направленіе проповѣди, какъ то: условій гражданской жизни

вѣдничества со стороны содержанія, формы и языка. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы авторъ настоящимъ трудомъ могъ предохранить русское проповѣдничество отъ застоя и ложнаго направленія. Тѣмъ неменѣе разсматриваемое сочиненіе можетъ быть очень полезно множествомъ фактовъ и мнѣній о реформѣ русской проповѣди, которыя старательно сгруппированы въ этомъ трудѣ. Наши молодые пастыри могутъ извлечь изъ этого сочиненія много полезнаго». Каковы бы ни были отзывы этихъ и многихъ другихъ рецензентовъ, во всякомъ случаѣ разнообразіе ихъ сужденій и требованій показываетъ, съ одной стороны, крайнюю потребность историческаго руководства по русскому проповѣдничеству, съ другой стороны—трудность выполненія этой задачи, особенно при новости ея и неразработанности, и съ третьей стороны содѣйствуетъ къ установкѣ правильнаго взгляда на предметъ. Такое сочувствіе современной литературы, а вмѣстѣ съ нею и жизни, къ исторіи отечественной проповѣди, вызываетъ полезныхъ дѣятелей на это новое поприще науки.

[1]) Въ приведенной рецензіи «Странника» (стр. 80) сказано: «дѣленіе проповѣди на догматическую и практическую намъ кажется не весьма существеннымъ; догматъ и нравственность въ христіанствѣ неразрывно связаны между собою». Подъ догматомъ разумѣютъ и правило вѣры и правило дѣятельности, слѣдовательно ученіе теоретическое, отвлеченное (θεωρεω взвѣшиваю, θεωρια созерцаніе, теоретическое знаніе, θεωρημα теорема, правило). Теоріи противополагается жизнь, съ ея явленіями (πρασσω поступаю, πραξις дѣло, польза, πρακτικος дѣйствительный, практичный). Конечно и ереси—явленія жизни. Но пока ересь вращается въ отвлеченной сферѣ догматическаго ученія, напр. въ неправильномъ толкованіи таинства брака, она—произведеніе умственной жизни, отвлеченное ученіе, теорія. Если же ересь сопровождается фактами дѣйствительной жизни,—гражданскіе браки,—она дѣлается такъ сказать предметомъ реальнымъ, и обличеніе подобныхъ фактовъ составитъ практическую проповѣдь.

народа, на сколько она соприкасалась съ ученіемъ вѣры, быта духовенства, какъ проповѣдническаго сословія, и другихъ обстоятельствъ.

Задача русскаго проповѣдничества.

Общее понятіе о проповѣдничествѣ выясняетъ задачу русскаго проповѣдничества, или исторіи его. Оно указываетъ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ необходимо начинать исторію русскаго проповѣдничества, и назначаетъ вопросы, которыми должна заниматься эта наука. Исторія, или историческій очеркъ русскаго проповѣдничества долженъ изобразить, въ главныхъ чертахъ, судьбу отечественной проповѣди, за все время ея существованія. Для сего необходимо сообщить свѣдѣнія, во первыхъ, о развитіи проповѣдническаго матеріала: а) самой проповѣди, въ ея своеобразномъ содержаніи и направленіи. Сюда относятся: проповѣдническіе сборники для церковнаго и домашняго употребленія, отдѣльныя изданія произведеній многочисленныхъ проповѣдниковъ, образцовыя христоматіи, проповѣди рукописныя и устныя, произносимыя въ соборахъ и приходскихъ церквахъ, въ монастыряхъ и учебныхъ заведеніяхъ, а также миссіонерскія проповѣди, б) проповѣди въ ея выраженіи со стороны слога или языка, формы логической и произношенія. Сюда относятся теоретическія пособія, руководящія въ составленіи проповѣдей: грамматики, риторики, гомилетики, указатели евангельскихъ темъ и библіографія памятниковъ проповѣдничества, проливающая на нихъ историческій свѣтъ своею хронологіей. Во вторыхъ, о причинахъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ и направленіе проповѣдническаго матеріала.

Сюда относятся: гражданскій бытъ русскаго народа, его характеръ, умственныя и нравственныя особенности, насколько все это соприкасалось съ ученіемъ вѣры, и давало проповѣди особое настроеніе. Переводы св. писанія, церковное богослуженіе и богослужебныя книги, какъ источникъ проповѣдничества и нравственнаго воспитанія народа. Состояніе школъ, монастырей и просвѣщенія народнаго, характеръ свѣтской и духовной литературы, вліяющей на общественную жизнь, нравственность и настроеніе умовъ. Вліяніе на народное настроеніе иноземнаго просвѣщенія, иноземной литературы и проповѣди, и пришлыхъ дѣятелей, проповѣдниковъ, писателей, учителей, странниковъ и паломниковъ. Гражданскій бытъ и нравственное состояніе духовенства, бѣлаго и монашествующаго, какъ просвѣтительнаго сословія. Общественное положеніе главныхъ дѣятелей проповѣдничества и представителей его разнообразнаго направленія. Административныя распоряженія о процвѣтаніи проповѣди: школьныя упражненія въ проповѣдничествѣ; консисторскія росписанія срочныхъ проповѣдей, дѣятельность миссіонерская, состояніе духовной цензуры. Состояніе и требованія литературной критики, служащей представителемъ общественнаго мнѣнія, и отношеніе общества къ современной проповѣди, подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ.

Характеръ русскаго проповѣдничества, и періоды его.

Русское проповѣдничество въ теченіе огромнаго пространства времени, именно цѣлаго тысячелѣтія, не отличалось самобытностію, не имѣло самостоятельнаго характера, и состояло подъ вліяніемъ проповѣдничества

иноземнаго. Состоя подъ вліяніемъ иноземнаго проповѣдничества, оно заимствовало отъ него отвлеченный характеръ, какъ въ содержаніи своемъ, такъ и въ изложеніи, въ логической формѣ. Въ этомъ подражательномъ, отвлеченномъ направленіи русское проповѣдничество прошло два періода, различные по характеру своему, отъ которыхъ оно заимствуетъ особыя названія. Въ первый періодъ, съ IX до половины XVII вѣка (съ 867 до 1664 года), русское проповѣдничество состояло подъ вліяніемъ проповѣдничества греческаго, и потому называется *греко-русскимъ*. Во второй періодъ, съ половины XVII до половины XIX вѣка (съ 1664 до 1856 г.), русское проповѣдничество находилось подъ вліяніемъ проповѣдничества латинскаго, и потому называется *латино-русскимъ*. Проповѣдничество перваго періода въ продолженіе почти 800 лѣтъ находилось подъ исключительнымъ руководствомъ Церкви, и въ связи съ ея судьбою подвергалось разнымъ перемѣнамъ въ своемъ развитіи. Съ 867 года и особенно съ XI вѣка до 1448 года русское проповѣдничество постепенно расширялось и обогащалось, при содѣйствіи образованныхъ пастырей—грековъ, возводимыхъ на русскую митрополію. Съ 1448 до 1664 года русское проповѣдничество приходило въ упадокъ и наконецъ прекратилось, вслѣдствіе возведенія на русскую митрополію природныхъ пастырей, малообразованныхъ. Проповѣдничество втораго періода въ продолженіе почти 200 лѣтъ находилось подъ главнымъ руководствомъ школы, и въ связи съ ея жизнію испытало перемѣны въ своемъ развитіи. Съ 1664 до 1721 года, изданія Регламента, русское проповѣдничество отличалось совершенно схоластическимъ направленіемъ. Съ 1721 до 1856 года схоластика русскаго проповѣдничества ограничена Регламентомъ, и содержаніе его нѣсколько оживлено практическимъ элементомъ.

Съ окончанія крымской войны начинается третій періодъ русскаго проповѣдничества, который можно назвать самостоятельнымъ. Если въ 200 лѣтъ втораго періода несравненно болѣе сдѣлано проповѣдниками для обогащенія отечественной проповѣди, чѣмъ въ 800 лѣтъ перваго періода: то въ послѣднія 20 лѣтъ несравненно болѣе сдѣлано для правильной постановки проповѣди и примѣнимости ея къ жизни, чѣмъ въ предыдущіе 10-ть вѣковъ! И это объясняется просто, силою вещей и естественнымъ ходомъ историческихъ причинъ. Съ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи и духовной журналистики, выражающей его требованія, обращено должное вниманіе и на церковную проповѣдь; ибо общество понимаетъ, что проповѣдь есть сильнѣйшее средство къ нравственному и гражданскому преспѣянію народа, такъ какъ за нею—и искусство слова, и высота ученія, и божественный авторитетъ, для всѣхъ обязательный. Поэтому, видя односторонность и малоуспѣшность нашей проповѣди, ея отвлеченный характеръ и малоприложимость къ жизни, къ современнымъ требованіямъ христіанской нравственности, общество хочетъ взять дѣло проповѣдничества подъ свой надзоръ. Это усиліе проявляется, съ одной стороны, во множествѣ сочиненій о проповѣдничествѣ, а съ другой стороны—въ практическомъ примѣненіи взглядовъ, проводимыхъ литературою. Эти взгляды усвоиваются нашимъ духовенствомъ, особенно на его съѣздахъ, и духовно-учебными заведеніями, съ нынѣшнимъ преобразованіемъ ихъ.

Выводъ изъ предъидущаго.

Изобразивъ судьбу русскаго подражательнаго проповѣдничества, въ главныхъ его чертахъ, предлагаемый очеркъ историческимъ путемъ выяснитъ его достоинства и недостатки, какъ въ направленіи содержанія и внѣшняго выраженія, такъ и въ степени его вліянія на жизнь, на нравственно-религіозное и гражданское преспѣяніе русскаго народа, въ теченіе 1000 лѣтъ. А такое изслѣдованіе, по самой важности и современности своего предмета, каковы бы ни были недостатки его изложенія, принесетъ нѣкоторую пользу наукѣ и жизни. Съ одной стороны, на основаніи историческихъ данныхъ, оно покажетъ, въ чемъ состоятъ недостатки современной проповѣди, въ отношеніи ея содержанія и выраженія, и какія перемѣны необходимы нынѣ въ ея составѣ; съ другой стороны, правильною постановкою вопроса о приложимости проповѣди къ современнымъ нуждамъ, оно можетъ ускорить развитіе народа, коснѣющаго въ предразсудкахъ. Такимъ образомъ предлагаемый «Очеркъ» можетъ послужить прочнымъ основаніемъ самостоятельнаго русскаго проповѣдничества, при самомъ возникновеніи его, въ началѣ третьяго періода.

Направленіе предлагаемаго сочиненія.

Ни въ одной отрасли исторіи не заключается столько жизни, мысли, чувства и назиданія, сколько въ исторіи проповѣдничества. Здѣсь историческая жизнь выражается не въ однихъ фактахъ, но въ литературныхъ произведеніяхъ, мысляхъ и чувствахъ, высказанныхъ

свободно, безъ всякаго внѣшняго давленія. Поэтому, задача историка проповѣдничества сложнѣе и утонченнѣе задачи прочихъ историковъ. Онъ долженъ отличаться особеннымъ чутьемъ исторической жизни, способностію понимать духъ времени, мысли и чувства, выраженныя въ литературѣ. Онъ не ограничивается разборомъ архивовъ, цитатъ и фактовъ, которые еще не даютъ жизни, но изображаетъ духовныя стремленія народа, выраженныя въ литературѣ, и такъ сказать идеальную сторону исторіи. Поэтому, историкъ проповѣдничества долженъ быть чуждъ односторонности, партіи, искаженія правды. Онъ съ недовѣріемъ относится къ источникамъ, намѣренно или ненамѣренно искажающимъ истину, избѣгаетъ преувеличеній, прикрасъ, и т. под. Изображая жизнь такою, какова она есть, съ недостатками, онъ не можетъ «обмывать, какъ говорится, не замачивая». Здѣсь, по справедливости, не имѣетъ мѣста принятое правило: «смотрѣть на жизнь снисходительно и даже съ похвалою, если она не совсѣмъ дурна или имѣетъ хорошую сторону». Вѣрный взглядъ на жизнь, безъ жалости и гнѣва, полезнѣе искусственныхъ взглядовъ, вводящихъ въ заблужденіе. Изъ чтенія правдивой исторіи можно вынести заслуженное уваженіе къ людямъ, или состраданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ строгія правила для жизни, практическое примѣненіе къ настоящимъ потребностямъ. Напротивъ, изъ примѣра древнихъ государствъ мы убѣждаемся, какъ подозрителенъ внѣшній лоскъ въ исторіи, и какъ вредно дѣйствуетъ на нравы, образованіе и совѣсть народа искусственная рѣчь. Вотъ тотъ взглядъ и направленіе, которымъ сочинитель искренно руководствовался при составленіи предлагаемаго «Очерка».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

(867 — 1664 гг.).

Для уразумѣнія характера проповѣдничества грекорусскаго необходимо ознакомиться: а) съ характеромъ проповѣдничества греческаго, отъ котораго русское получило свое начало и направленіе; б) съ способомъ проникновенія его въ Россію, и средствами, которыми оно поддерживалось въ русской Церкви; в) съ бытомъ и характеромъ русскаго народа, на который вліяла грекорусская проповѣдь, и отъ котораго, въ свою очередь, получала особое настроеніе; г) и наконецъ съ проповѣдничествомъ русскимъ, показавъ въ составѣ его черты заимствованныя, подражательныя, и черты самостоятельныя, служившія выраженіемъ русской національности.

1) Характеръ проповѣдничества греческаго.

Проповѣдничество греческое по характеру своему отвлеченно, далеко отъ жизни дѣйствительной, ея тревогъ, запросовъ и недоразумѣній. Въ отношеніи содержанія своего оно должно быть названо догматическимъ вообще, какъ совокупность правилъ вѣры и дѣятельности христіанской. Направленіе этого содержанія есть по преимуществу истолковательное, состоящее въ изъясненіи текста св. писанія. Причина такого направленія заключается въ томъ, что греки первые изъ цивилизованныхъ народовъ приняли христіанство, и на

нихъ лежала обязанность изъяснить св. писаніе, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія. Проповѣдническая форма (или пріемъ), при тогдашнемъ состояніи науки, была самымъ удобнымъ средствомъ для проведенія богословскихъ знаній въ литературу и жизнь. Главнымъ пособіемъ истолковательнаго проповѣдничества служило сочиненіе Оригена: «Толкованіе на библію». Въ этомъ сочиненіи Оригенъ изъясняетъ текстъ писанія троякимъ способомъ,—въ смыслѣ буквальномъ, нравственномъ и иносказательномъ. Онъ учитъ, что «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (св. писанія), гдѣ есть смыслъ буквальный, надобно искать смысла таинственнаго». Сочиненіе Оригена имѣло значительное вліяніе, между прочимъ, и на развитіе символизма въ истолковательномъ проповѣдничествѣ. Проповѣдничество истолковательное въ четвертомъ вѣкѣ достигло полнаго своего развитія и законченности, особенно въ сочиненіяхъ Іоанна Златоустаго. Св. Златоустъ истолковалъ почти все св. писаніе, и до насъ дошло болѣе 800 его бесѣдъ, по преимуществу истолковательнаго содержанія. Правда, и послѣ Златоуста, до позднѣйшихъ временъ греческой имперіи, многіе проповѣдники предлагали въ своихъ бесѣдахъ истолкованіе св. писанія; но ихъ толкованія большею частію подражательнаго характера и не отличаются тою ясностію мысли и правильностію пониманія, какія видимъ въ бесѣдахъ Златоуста. Такъ напримѣръ блаж. Ѳеодоритъ въ своемъ толкованіи писанія пользовался трудами прежнихъ св. отцовъ и особенно—Златоуста. Экуменій въ своихъ толкованіяхъ большею частію ограничивался отеческими мыслями. Св. Нилъ объяснялъ писаніе въ аллегорическомъ смыслѣ. Максимъ исповѣдникъ отъ избытка аллегорій и гиперболъ въ объ-

ясненіи писанія отличается темнотою мысли и изложенія. Не распространяемся о Полихроніѣ, Исихіи, Исидорѣ Пелусіотѣ, Кириллѣ александрійскомъ, Фотіѣ и другихъ толкователяхъ писанія въ собственномъ и подражательномъ тонѣ. «Св. писаніе, со временъ Оригена, служило неистощимымъ родникомъ проповѣдническихъ матерій. Изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей отъ первыхъ вѣковъ христіанства три четверти, если не больше, посвящены толкованію св. писанія. Вдохновеніе, какое получали здѣсь отцы церкви, объясняетъ изумительную плодовитость, какою поражаетъ нынѣшняго читателя, идущая изо дня въ день проповѣдь III—IV вѣка. Представителямъ этой неустанной проповѣди ненужно было долгихъ приготовленій для постановки и обсужденія вопросовъ рѣчи. Ихъ работу облегчала библія, части которой они проходили въ церковномъ словѣ, страницу за страницей, текстъ за текстомъ, заимствуя здѣсь и матеріалъ для своихъ поученій, и главныя доказательства къ ихъ раскрытію. Отъ юности знакомые съ писаніемъ, они безъ труда раскрывали необъятный смыслъ его. И каждая объясненная страница библіи давала имъ поводъ къ нескончаемой импровизованной бесѣдѣ о великихъ тайнахъ писанія» [1]).

Слѣдствіемъ истолковательнаго направленія греческаго проповѣдничества было раздѣленіе его на двѣ особыя вѣтви: проповѣдничество полемико-догматическое и нравственно-аскетическое. Такъ какъ съ изъясненіемъ писанія, предложеннаго народу въ проповѣдяхъ, начались религіозные споры и ереси; то это послужило поводомъ къ точнѣйшему изъясненію догматовъ вѣры и правилъ дѣя-

[1]) Труды кіев. Акад. 1870 г. іюнь, 665.

тельности христіанской, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ опроверженію ересей. А поелику въ тоже время окончательно выяснялся идеалъ христіанской жизни и высокаго нравственнаго совершенства: то стремленіе многихъ къ святости породило аскетическую проповѣдь. Такимъ образомъ явилось проповѣдничество *полемико-догматическое* и *нравственно-аскетическое*.

Полемико-догматическое. Христіанское вѣроученіе съ самаго появленія своего вооружило противъ себя многихъ враговъ, какъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, такъ особенно со стороны философскихъ сектъ. Главная причина тому заключалась въ превосходствѣ самаго ученія, недостижимой глубинѣ его основныхъ догматовъ и чистотѣ нравственныхъ требованій—торжества духа надъ плотію. Второстепенная причина заключалась въ философскомъ направленіи эпохи и усиліи философовъ и сектантовъ ввести христіанскіе догматы въ формы логическаго разума и согласить ихъ съ мнѣніями различныхъ сектъ. Само собою понятно, что особенно частымъ и сильнымъ нападеніямъ враговъ подвергались коренные догматы христіанства—о троичности Божества и особенно о лицѣ Іисуса Христа, какъ наиболѣе непостижимые. Замѣчательнѣйшія изъ враждебныхъ сектъ іудейскихъ — евіонеевъ, отвергавшая Божество Іисуса Христа, и николаитовъ, отвергавшая грѣхъ и нравственный законъ. За ними слѣдуютъ разныя секты гностиковъ (изъ іудеевъ и язычниковъ), допускавшихъ въ Божествѣ и въ природѣ человѣка два начала, доброе и злое. Собственно ереси въ христіанствѣ обнаружились съ особенною силою въ IV и послѣдующихъ вѣкахъ. Причиною тому было, съ одной стороны, водвореніе мира въ греческой имперіи и усиленіе въ школахъ рито-

рики Квинтиліана и діалектики Аристотеля (особенно съ VI вѣка), а съ другой стороны наклонность грековъ къ словопренію, особенно въ догматахъ вѣры, которую Григорій богословъ называетъ «болѣзнію языка». Въ богословской литературѣ грековъ по преимуществу встрѣчаемъ утонченные споры изъ за одной іоты, напр: «Господь созда мя, ἔκτησε стяжалъ и ἔκτισε создалъ» [1]).

Понятно, что проповѣдники христіанства, особенно пастыри IV вѣка, знаменитые словомъ и жизнію, употребляли всѣ усилія ума своего къ опроверженію ложныхъ ученій и ересей и къ утвержденію христіанскихъ догматовъ. Ихъ ревность о славѣ Божіей и спасеніи ближнихъ была безгранична. И потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, они касались, въ своихъ проповѣдяхъ, заблужденій язычниковъ и іудеевъ и ученія еретиковъ; такъ они поступали, обыкновенно, при изъясненіи св. писанія. Въ изъяснительныхъ бесѣдахъ Златоуста всего болѣе находимъ обличеній іудеямъ, язычникамъ и разнымъ еретикамъ. Что же касается защиты основныхъ догматовъ христіанства о Троицѣ, лицѣ Іисуса Христа, и т. под.: то въ этомъ отношеніи пастыри Церкви не ограничивались, такъ сказать, полумѣрами. Они написали множество проповѣдей догматическаго содержанія, въ которыхъ подробно раскрыли основные догматы христіанства и заблужденія еретиковъ относительно сихъ догматовъ. Такъ въ огласительныхъ поученіяхъ Кирилла іерусалимскаго, составленныхъ по символу вѣры, объясняющихъ главные догматы и обряды церковные, находимъ и обличенія ересей. Напр. въ 6-мъ оглашеніи св.

[1]) Замѣчательнѣйшія ереси въ греческой Церкви, особенно съ IV вѣка, должны быть извѣстны каждому образованному человѣку.

Кириллъ обличаетъ допускавшихъ два начала въ Божеской природѣ; въ 10—11 оглашеніи обличаетъ аріанское ученіе: «было время, когда не было (Сына)», и опровергаетъ савеліанъ; въ 11—12 оглашеніи обличаетъ іудеевъ, отвергавшихъ воплощеніе Сына Божія, и порицаетъ гностиковъ, называя Матерь Божію Дѣвою Богородицею; въ 16 — 17 оглашеніи, говоря о Духѣ Святомъ, обличаетъ Монтана, Манеса и Маркіона; въ 18 оглашеніи обличаетъ самарянъ, отвергавшихъ воскресеніе мертвыхъ. Самое подробное и точное раскрытіе главныхъ догматовъ христіанства и въ связи съ нимъ опроверженіе ересей находимъ въ словахъ Аѳанасія великаго и Григорія богослова. Св. Аѳанасій въ четырехъ словахъ догматическаго содержанія подробно раскрылъ ученіе вѣры о лицѣ Іисуса Христа и опровергъ заблужденія аріанъ; въ четвертомъ словѣ онъ коснулся заблужденій евсевіанъ, Валентина и Павла самосатскаго. Григорій богословъ въ пяти словахъ «о богословіи» подробно излагаетъ ученіе о Св. Троицѣ и опровергаетъ заблужденія евноміанъ и македоніанъ. Въ его словахъ догматическое ученіе достигаетъ особенной тонкости въ мысляхъ и точности въ выраженіяхъ; и потому пять словъ «о богословіи» сдѣлались образцомъ точнаго изложенія ученія о Троицѣ, для послѣдующихъ богослововъ. Въ полемико-догматическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія двѣнадцать словъ Григорія нисскаго противъ Евномія; двадцать девять словъ Кирилла александрійскаго о празднованіи пасхи и другихъ догматахъ, съ обличеніемъ іудеевъ, язычниковъ, несторіанъ; двадцать бесѣдъ противъ Несторія и слово объ исходѣ души.

Нравственно-аскетическое. Вмѣстѣ съ изъясненіемъ догматовъ вѣры, проповѣдники излагали въ своихъ бе-

сѣдахъ и правила дѣятельности христіанской, и если догматами они утверждали христіанъ въ вѣрѣ, то правилами христіанскими возбуждали ихъ нравственныя стремленія. Это возбужденіе нравственныхъ стремленій особенно усиливается съ IV вѣка, съ развитіемъ нравственно-аскетическаго проповѣдничества.

Нравственное ученіе съ особенною полнотою и одушевленіемъ изложили въ своихъ бесѣдахъ вселенскіе учители, опытно прошедшіе духовную жизнь. Болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ св. Златоустъ. Онъ самое св. писаніе объяснялъ не столько съ научною, сколько съ нравственною цѣлію—исправить своихъ пасомыхъ. Обыкновенно вторую половину своей бесѣды онъ посвящалъ нравственному ученію. Посему издавна дѣлали извлеченія нравственныхъ мыслей изъ бесѣдъ Златоуста (ἐκλόγοι). Василій великій, при объясненіи псалмовъ, шести дней творенія и т. под., тоже дѣлалъ нравственныя приложенія къ слушателямъ, увѣщанія, обличенія и утѣшенія. Отъ Григорія богослова до насъ дошло не болѣе 50-ти проповѣдей, больше догматическаго содержанія; но извѣстно, что онъ своими словами, въ два съ небольшимъ года, исправилъ нравы константинопольцевъ. Кромѣ того, греческіе проповѣдники, особенно Василій великій и Іоаннъ Златоустъ, написали много словъ чисто нравственнаго содержанія и аскетическаго, въ которыхъ слегка касаются и земныхъ предметовъ. Таковы образцовыя слова Златоуста, нравственнаго содержанія, о статуяхъ и обстоятельствахъ его жизни; аскетическаго содержанія — постническія слова Василія великаго. Въ нравственномъ ученіи вселенскихъ учителей положено прочное основаніе аскетическому проповѣдничеству. Ихъ одушевленныя наставленія не ограничивались правилами

обыкновенной дѣятельности христіанской, но внушали потребность высшихъ подвиговъ, аскетизма, которымъ были проникнуты сами. Въ бесѣдахъ св. Златоуста, Василія великаго и Григорія богослова ясно проведена мысль о самоотверженіи христіанскомъ, смиреніи, пренебреженіи къ суетному міру, потребности покаянія, слезъ, молитвы, особенно ночной, поста и умерщвленія плоти. Даже въ догматическихъ словахъ Григорія богослова встрѣчаемъ подобныя мысли. Напримѣръ: приготовляя своихъ слушателей къ словамъ «о богословіи» и обличая ихъ страсть къ религіознымъ спорамъ, онъ говоритъ: «что значитъ эта страсть къ словопреніямъ? что значитъ эта болѣзнь языка? что это за новый недугъ и жажда ненасытная? Намъ нѣтъ дѣла до страннопріимства, братолюбія, супружеской любви, дѣвства, призрѣнія бѣдныхъ! Всенощное стояніе, слезы, усмиреніе тѣла постомъ (тоже) не (относится) до насъ»... Изображая идеалъ христіанскаго совершенства, вселенскіе учители требуютъ полныхъ добродѣтелей. «Какъ ты удостоишься быть вмѣстѣ съ Іовомъ, говоритъ Василій великій, не имѣя его терпѣнія? Какъ—съ Авраамомъ и другими праведниками, не подражая ихъ добродѣтелямъ?» Изображая, въ своихъ бесѣдахъ, идеалъ христіанской нравственности теоретически, вселенскіе учители подкрѣпляли его живыми примѣрами въ похвальныхъ словахъ подвижникамъ благочестія. По силѣ одушевленія и убѣдительности особеннаго вниманія заслуживаютъ похвальныя слова мученикамъ Василія великаго, напримѣръ — св. Гордію.

Вообще, нравственное ученіе въ проповѣдяхъ вселенскихъ учителей достигло высшаго своего развитія, и потому послужило основаніемъ аскетической проповѣди.

Этому содѣйствовали и постороннія обстоятельства — строгая жизнь проповѣдниковъ, ихъ высокое положеніе въ іерархіи, полуязыческіе нравы грековъ и отсутствіе гуманныхъ наукъ, которыя разграничивали бы обязанности мірянъ и иноковъ. Вслѣдствіе нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ словомъ и авторитетомъ вселенскихъ учителей, лучшіе изъ учениковъ ихъ стали стремиться къ аскетизму и выразили свои стремленія въ аскетическомъ проповѣдничествѣ. Для примѣра достаточно указать на учениковъ св. Златоуста: Марка подвижника, Исидора пелусіота, препод. Нила, Кассіана римлянина и другихъ. Аскетическія проповѣди этихъ и послѣдующихъ подвижниковъ было бы слишкомъ долго перечислять. Для нашей цѣли достаточно будетъ коснуться главныхъ памятниковъ аскетическаго проповѣдничества, утвердившихъ навсегда монашескую жизнь и выражающую ея стремленія аскетическую проповѣдь.

Самымъ прочнымъ и существеннымъ основаніемъ аскетическаго проповѣдничества послужили покаянныя проповѣди Ефрема сирина. Ефремъ, образовавшійся по греческимъ сочиненіямъ и благоговѣвшій предъ авторитетомъ Василія великаго, устроителя монашества (монашескія правила), всегда проповѣдывалъ о сокрушеніи сердца и покаяніи, при чемъ часто плакалъ и воздыхалъ. Онъ нерѣдко и начиналъ свои поученія словами скорби: «сокрушайся, душа моя!» «пріидите, братіе, будемъ сокрушаться сердцемъ и рыдать—день и ночь!» Частными темами его скорбнаго и покаяннаго проповѣдничества были: страхъ Божій, смерть, судъ, вѣчныя муки, какъ побужденія къ исправленію жизни и покаянію; вниманіе къ себѣ самому, удаленіе отъ страстей, суетныхъ вещей, соблазновъ и вообще невоздержанія, какъ средства, избавляющія отъ погибели; добродѣтель, смиреніе, молитва, дѣвство и вообще нравственное совершенство, ведущія въ жизнь. И вообще, нѣтъ нравственнаго предмета, о которомъ не училъ бы св. Ефремъ, въ чемъ удостовѣрятъ насъ самыя заглавія словъ его. Напримѣръ, слова о добродѣтеляхъ и порокахъ, о любви, о терпѣніи, о молитвѣ, о постѣ, о безмолвіи, о страстяхъ и злонравіи, о низложеніи гордыни и честолюбіи, о покаяніи, сердечномъ сокрушеніи и умиленіи, слова о подвигахъ и совершенствѣ, о брани съ діаволомъ во время искушенія, о суетѣ настоящей жизни и о томъ, что не должно дивиться временному, обольщаться пріятностями жизни, о томъ, что должно плакать о себѣ, слова умилительныя. Всѣ сіи темы изложены въ проповѣдяхъ св. Ефрема такимъ тономъ, что вообще, какъ спасительное назиданіе, могутъ относиться, болѣе или менѣе, и къ каждому христіанину. Но слѣдующія темы раскрыты въ совершенно аскетическомъ духѣ и назначены для иноковъ. «Увѣщательныя слова (инокамъ)», «увѣщанія аскетамъ», «о жизни духовной», «о совершенствѣ инока», и т. под. Аскетическій тонъ замѣтенъ и въ полемико-догматическихъ словахъ Ефрема. Изложенныя темы часто повторяются въ проповѣдяхъ Ефрема на разные лады, и, какъ любимыя его идеи, нерѣдко достигаютъ, въ своемъ изложеніи, высокаго одушевленія. Таково, напримѣръ, патетическое слово о страшномъ судѣ, въ которомъ проповѣдникъ трогательно изображаетъ прощаніе грѣшниковъ, осужденныхъ на вѣчныя муки, съ праведниками. Между темами отвлеченнаго свойства въ проповѣдяхъ Ефрема попадаются и такія, которыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ жизни, напримѣръ: «о томъ, чтобы не со-

блазнять ближняго», «о тѣхъ, которые прельщаютъ сердца на нечистоту», и, что особенно важно, по тогдашнимъ нравамъ, «о любви къ бѣднымъ». Вообще же, по характеру своего слова св. Ефремъ сходенъ со св. Златоустымъ, который богатъ нравственными мыслями и называется проповѣдникомъ покаянія и любви къ ближнему. Онъ сходенъ съ нимъ и по объему проповѣдническихъ произведеній. Патр. Фотій приписываетъ св. Ефрему болѣе 1,000 поученій. Поэтому проповѣди св. Ефрема и Златоуста могутъ служить богатымъ пособіемъ для проповѣдниковъ покаянія и любви къ ближнимъ. Остается замѣтить, что на покаянное настроеніе св. Ефрема имѣло вліяніе одно несчастное обстоятельство, по которому онъ въ молодости своей подвергнутъ былъ заключенію въ темницу.

Если вселенскіе учители своими проповѣдями и авторитетомъ подали поводъ къ развитію аскетическаго проповѣдничества, а Ефремъ сиринъ положилъ ему основаніе, раскрывъ начальную добродѣтель о покаяніи: то св. Макарій египетскій съ успѣхомъ продолжилъ это дѣло, ставъ на вторую ступень въ развитіи аскетическаго проповѣдничества. Въ 50-ти бесѣдахъ о духовной жизни онъ, съ глубокомысліемъ философа-богослова, изслѣдуетъ ту силу, которая возраждаетъ поврежденнаго грѣхомъ человѣка и возводитъ его къ нравственному совершенству. Сила эта—благодать или помощь Божія. Изображая возрожденіе грѣшнаго человѣка, проповѣдникъ съ удивительною ясностію разграничиваетъ силы, дѣйствующія въ душѣ, врожденный грѣхъ, діавола, свободу, способную къ добру, и благодать, ведущую къ совершенству. Собственное убѣжденіе въ тайнахъ духовнаго возрожденія, пріобрѣтенное 60-ти лѣтними подвигами въ

пустынѣ, онъ сообщаетъ и читателю. «Смотри, говоритъ проповѣдникъ, будь достоинъ и благоугоденъ, и на дѣлѣ, самымъ чувствомъ, постигнешь неизреченныя утѣшенія, неизмѣримыя богатства Божества, блага небесныя». Такимъ образомъ, въ области аскетическаго проповѣдничества св. Макарій, названный за свои подвиги великимъ, становится на вторую ступень, или возводитъ зданіе на положенномъ основаніи.

На этомъ проповѣдническомъ поприщѣ св. Макарій имѣетъ сотрудника, весьма сходнаго съ нимъ и по образу жизни и по характеру сочиненій. Мы разумѣемъ св. Исаака сирина, написавшаго «монашеское правило», въ 133-хъ поученіяхъ. Въ этомъ правилѣ или поученіяхъ проповѣдникъ изобразилъ духовную жизнь во всѣхъ ея состояніяхъ, нерѣдко едва уловимыхъ. Изображая духовную жизнь, онъ признаетъ въ человѣкѣ два разума—естественный и духовный. Естественный разумъ по природѣ своей различаетъ добро и зло; потерявшій способность къ этому различенію есть человѣкъ, о которомъ сказано: «въ чести сый не разумѣ». Духовный разумъ, полученный въ крещеніи и внушаемый страхомъ Божіимъ, познаетъ тайное, сверхестественное; стремясь къ Богу и многими опытами дознавъ на себѣ его дѣйствіе, онъ не заботится болѣе о мірѣ и себѣ самомъ. Раскрывая, въ подобныхъ чертахъ, духовную жизнь, проповѣдникъ описываетъ брань діавола, опутывающаго подвижника плотскими вожделѣніями. Это возвышенное ученіе, какъ плодъ многолѣтнихъ подвиговъ, подробностію психологическихъ наблюденій превосходитъ ученіе св. Макарія. Какъ пустынный аскетъ, подобный Макарію, проповѣдникъ держится на одинаковой съ нимъ высотѣ отвлеченныхъ созерцаній, почти не касаясь міра земнаго. Мака-

рій великій и Исаакъ сиринъ разширили аскетическое проповѣдничество, показавъ дѣйствіе благодати въ кающемся грѣшникѣ; и потому ихъ поученія составляютъ какъбы роскошное зданіе на основаніи, положенномъ Ефремомъ сиринымъ. Сравниваютъ эти сочиненія съ произведеніями психологовъ. Безспорно, въ отношеніи плана и научнаго изложенія они уступаютъ мѣсто философскимъ системамъ; но высокимъ содержаніемъ и благодѣтельнымъ вліяніемъ на душу далеко превосходятъ ихъ.

Если предыдущіе проповѣдники основали и возвысили аскетическое проповѣдничество: то Іоаннъ синайскій завершилъ его своими словами въ «Лѣствицѣ». Въ 30-ти словахъ Лѣствицы (примѣнительно къ возрасту Спасителя) св. Іоаннъ возводитъ кающагося, по степенямъ добродѣтелей, къ нравственному совершенству. Первою ступенью въ этой лѣстницѣ духовнаго восхожденія онъ поставляетъ отреченіе отъ міра, а послѣднею—любовь къ Богу. Нельзя требовать, чтобы этотъ планъ символическій отвѣчалъ современной наукѣ относительно основнаго положенія и естественной послѣдовательности въ развитіи его; нельзя признать безусловно вѣрными и нѣкоторыя мысли, съ точки научной. Напримѣръ: «когда хвалители, или лучше льстецы, начнутъ хвалить насъ, приведемъ себѣ на память беззаконія наши, и найдемъ, что мы вовсе не стоимъ того, что намъ приписываютъ». Но съ точки аскетизма все это имѣетъ свою цѣну, какъ побужденіе къ подвигамъ благочестія. Что же касается изображенія добродѣтелей, взятыхъ съ опыта: то совокупность и красота ихъ воспламеняетъ подвижника рвеніемъ къ совершенству, въ мѣру возраста Христова, и обнадеживаетъ успѣхомъ въ достиженіи цѣли, ясно опредѣленной. Въ этомъ отношеніи не только слова, но и отдѣльныя наставленія, поражая духовною зрѣлостію, воспламеняютъ душу къ любви Божіей. Особенную силу и убѣдительность придаютъ словамъ Іоанна примѣры изъ жизни синайскихъ подвижниковъ, добровольныхъ мучениковъ. Подкрѣпляя теоретическія наставленія примѣрами крайняго самоотверженія, проповѣдникъ облегчаетъ путь къ главной цѣли своихъ словъ—любви къ Богу. Чтобы судить о духовной опытности проповѣдника въ его руководствѣ къ любви Божіей, выражающей нравственную зрѣлость, приведемъ наставленіе о тщеславіи, которое подобно червю портитъ монашескіе подвиги. «Тщеславіе выказывается при каждой добродѣтели. Я тщеславлюсь, когда пощусь; тщеславлюсь благоразуміемъ; когда ѣмъ, чтобы скрыть постъ отъ другихъ. Говорить ли стану, попадаю во власть тщеславія; молчать ли захочу, опять предаюсь ему. Куда ни поверни это терніе, оно всегда обернется спицамм вверхъ... Кто превозносится природными дарованіями, счастливымъ умомъ, высокою образованностію, чтеніемъ, пріятнымъ произношеніемъ и другими подобными качествами, которыя легко пріобрѣтаются: тотъ никогда не пріобрѣтетъ даровъ сверхестественныхъ, потому что, кто въ маломъ (былъ) невѣренъ, тотъ и во многомъ будетъ невѣрнымъ и тщеславнымъ». Вообще, слова проповѣдника — прекрасное руководство къ духовной жизни по силѣ вопросовъ, близкихъ къ цѣли нравственнаго совершенства, и опытному рѣшенію ихъ. Поэтому «Лѣствица» признана у всѣхъ христіанскихъ народовъ лучшею монашескою книгою.

Указанные памятники считаются основою аскетическаго проповѣдничества, какъ по важности духовнаго содержанія и нѣкотораго единства въ раскрытіи его,

такъ и по взаимной связи и послѣдовательности между ними. Это—естественная система аскетизма, дающая твердую опору монашеству. Въ доказательство ея вліянія на монашескую жизнь скажемъ, что бесѣды св. Макарія великаго и Исаака сирина служатъ настольными книгами не только въ монастыряхъ, но и вообще у благочестивыхъ людей. Въ видахъ науки не безполезно замѣтить, что помянутыя бесѣды составляютъ хорошее пособіе въ ученіи о благодати, которое всего менѣе разработано въ нашихъ системахъ и проповѣднической литературѣ. Поученія Ефрема сирина и Іоанна синайскаго не только служатъ настольными книгами въ монастыряхъ, но еще уставными чтеніями въ церкви. Уставъ этотъ соблюдается доселѣ въ монастыряхъ и даже въ раскольничьихъ скитахъ (въ посту). Поученія Ефрема сирина еще при жизни его читались въ сирской Церкви наравнѣ съ свящ. писаніемъ. Прибавимъ и то, что поученія сказанныхъ подвижниковъ переведены на древніе языки: латинскій, сирскій (а обоихъ сириновъ на греческій), арабскій, армянскій, и впослѣдствіи на языки славянскіе и западно-европейскіе.

Послѣдующіе аскетическіе проповѣдники, руководясь указанными выше поученіями, раскрыли подробно духовную жизнь въ своихъ бесѣдахъ; но они не отличаются единствомъ въ изложеніи своего ученія, и потому имѣютъ второстепенное значеніе въ области аскетическаго проповѣдничества. Поэтому достаточно поименовать главнѣйшихъ изъ нихъ. Діадохъ написалъ 100 главъ или словъ подвижническихъ. Авва Дороѳей написалъ 30 словъ или главъ о подвижничествѣ. За нимъ слѣдуютъ подобные проповѣдники: Максимъ исповѣдникъ, Анастасій синаитъ, Ѳеодоръ студитъ, написавшій 389 оглашеній, Ѳеодоръ едесскій, Филоѳей синайскій, и въ особенности Симеонъ новый богословъ (XI в.). Послѣдній всѣхъ болѣе писалъ о духовной жизни, и, проходя званіе игумена около 48 лѣтъ, весьма ревностно поучалъ братію и мірянъ. Онъ написалъ 363 «главы дѣятельныя» т. е. наставленія о духовной жизни, 25 главъ созерцательныхъ, 35 сокровищъ или оглашеній, 32 бесѣды (съ мірянами и иноками) о вѣрѣ и нравственности, 25 словъ къ инокамъ, 22 подвижническихъ увѣщаній, и много подобнаго. Въ этихъ поученіяхъ Симеонъ главнымъ образомъ излагаетъ внутреннюю брань со страстьми и грѣховными помыслами. Обиліе поученій и общность заглавій ихъ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи единства въ предметахъ. Это—сокровищница назидательныхъ мыслей. Ученіе Симеона, какъ плодъ высокой жизни, строго, и не разъ вооружало противъ него учениковъ его, между прочимъ и самою плодовитостію своею; но съ другой стороны, оно создало многихъ подвижниковъ благочестія. «Нѣкоторые говорятъ: быть не можетъ, чтобы человѣкъ чистъ былъ отъ страстей и пороковъ и принялъ въ себя Утѣшителя! Такъ говорятъ противъ собственнаго спасенія, заключаютъ двери царствія для себя и другихъ... Которые рѣшились нести крестъ, идти тѣснымъ путемъ, готовы погубить душу свою для жизни вѣчной, тѣ и очень многіе видѣли Бога... Прежде скорби и слезъ не будемъ обманывать себя въ успѣхѣ благочестія. Безъ слезъ не смягчится жестокое сердце, и мы не въ силахъ сдѣлаться смиренными; а кто не устроилъ себя такъ, тотъ не можетъ соединиться съ Св. Духомъ.»—Названъ Симеонъ «новымъ богословомъ» за глубокія подвижническія наставленія.

Практическій элементъ въ греческомъ проповѣдничествѣ. Припоминая общій характеръ греческаго проповѣдничества, мы заранѣе можемъ предусматривать его скудость въ практическомъ отношеніи, малоприложимость къ современной жизни, ея тревогамъ, нуждамъ, запросамъ и недоразумѣніямъ. Особенно подкрѣпляетъ насъ въ этомъ соображеніи успѣшное развитіе греческаго проповѣдничества въ его частномъ направленіи — полемико-догматическомъ и нравственно-аскетическомъ. Извѣстно, что такія направленія слова не благопріятствуютъ практической проповѣди. Вниманіе проповѣдниковъ, всецѣло поглощенное догматами вѣры, защищеніемъ ихъ и аскетическими стремленіями, не охотно обращается къ жизни, волнуемой суетою, страстями и грѣхомъ. Даже при искренномъ желаніи услужить ей, они не имѣютъ къ тому достаточныхъ средствъ,— досуга и привычки взяться за новое дѣло. Напротивъ, по самому аскетическому и такъ сказать небесному, идеальному настроенію, они должны чуждаться земныхъ предметовъ и вопросовъ. И дѣйствительно, всѣ эти соображенія до очевидности подтверждаются самымъ дѣломъ. Мы не находимъ въ греческомъ проповѣдничествѣ достаточнаго количества практическихъ проповѣдей, которыя составили бы особый отдѣлъ, достойный изслѣдованія. Истины, возвѣщаемыя греческимъ проповѣдничествомъ, имѣютъ предметомъ своимъ вѣчную жизнь, и равно обязательны для христіанъ всѣхъ временъ и странъ. Даже въ произведеніяхъ знаменитыхъ отцовъ— Кирилла іерусалимскаго, Аѳанасія александрійскаго, Григорія богослова, Григорія нисскаго и Кирилла александрійскаго мы не находимъ прямаго отношенія къ жизни. Конечно, изъясняя догматы вѣры и опровергая

заблужденія еретиковъ, они отвѣчали требованіямъ своего времени; но эти требованія принадлежатъ къ умственно-религіозной сферѣ, а не улучшенію быта и нравовъ текущаго времени. О произведеніяхъ менѣе извѣстныхъ проповѣдниковъ: Ѳеофила антіохійскаго (написавшаго прекрасныя огласительныя поученія), Прокла константинопольскаго, Іоанна Дамаскина, написавшихъ праздничныя слова, патр. Фотія и другихъ, излишне и распространяться: всѣ они держатся въ сферѣ догматическаго, отвлеченнаго проповѣдничества, и не возвышаются силою слова надъ своимъ временемъ.

Скудость практическаго элемента въ греческомъ проповѣдничествѣ доказывается, во первыхъ, малозначительностію жизненныхъ вопросовъ, раскрытыхъ въ немъ, а во вторыхъ — способомъ раскрытія сихъ вопросовъ.

Жизненные вопросы, настоятельныя потребности времени, вызывавшія указаніе и руководство вѣры, раскрыты преимущественно въ проповѣдяхъ Василія великаго и Іоанна златоустаго. Это—вопросы и потребности нѣкоторыхъ городовъ (Кесаріи, Антіохіи и Константинополя), но не византійской имперіи. Да и эти вопросы болѣе случайны, касаются нѣкоторыхъ моментовъ жизни, а не существенныхъ потребностей сказанныхъ городовъ. Таковы, напримѣръ, пьянство кесарійцевъ и антіохійцевъ, конечно не всеобщее; пристрастіе къ зрѣлищамъ и роскоши константинопольцевъ; угнетеніе бѣдныхъ богатыми, особенно въ несчастные годы; соблазнительные нравы столичнаго духовенства и т. п. Къ этимъ же вопросамъ или темамъ необходимо отнести и отдѣльные несчастные случаи — разбитіе царскихъ статуй въ Антіохіи, паденіе евнуха Евтропія и т. под. Почему однако же и эти вопросы раскрыты пре-

имущественно въ проповѣдяхъ Василія великаго и Іоанна златоустаго? Сіи великіе проповѣдники, какъ мы видѣли, изъяснители св. Писанія, были въ тоже время преимущественно проповѣдниками нравственности христіанской и аскетизма. Проповѣдники же возвышенной нравственности всегда имѣютъ дѣло со страстями и безобразіемъ человѣческихъ дѣлъ, и волею или неволею должны считаться съ ними. Что же касается главныхъ недуговъ имперіи, отъ которыхъ зависѣли и частныя неустройства ея, и которые могли быть облегчены проповѣдію: объ нихъ едва находимъ упоминаніе въ греческихъ проповѣдяхъ. Недуги эти, приведшіе имперію къ погибели, были слѣдующіе: злоупотребленіе государственными законами и достояніемъ и нерѣдкія убійства правителей государства, истощеніе народа поборами и насиліемъ чиновниковъ; вторженіе варваровъ въ беззащитную имперію — готѳовъ, аравитянъ, славянъ, крестоносцевъ, турокъ и проч. [1]).

Жизненные или практическіе вопросы раскрывались въ греческомъ проповѣдничествѣ невполнѣ удовлетворительно, и можно сказать, съ догматической, богословской точки зрѣнія. Василій великій, говоря о пьянствѣ,

[1]) Уже во время первыхъ крестовыхъ походовъ бытъ Константинополя и его смѣшанное населеніе произвели на европейцевъ неблагопріятное впечатлѣніе. Спутникъ Людовика VII Одонъ, человѣкъ много видѣвшій и непохожій на путешественниковъ, которые все хвалятъ, или порицаютъ, оставилъ любопытную замѣтку о тогдашнемъ Константинополѣ. «Городъ грязенъ, вонючъ и во многихъ мѣстахъ постоянно теменъ, такъ какъ дворцы богатыхъ покрываютъ улицы, оставляя бѣднымъ и иностранцамъ грязь и потемки. Во тьмѣ совершаются убійства, грабежи и другія преступленія. Въ городѣ столько господъ, сколько богатыхъ; столько воровъ, сколько бѣдныхъ. О законѣ нѣтъ и рѣчи, и ни у кого нѣтъ ни страха, ни совѣсти, такъ какъ порокъ не наказывается и даже не выходитъ на свѣтъ». В. И. Шлос. VII, 150.

показываетъ гнусность этого порока, унижающаго человѣка хуже скота; «ибо, потерявъ сознаніе, пьяный видитъ вещи въ превратномъ видѣ. Такъ напримѣръ, встрѣтивъ на пути ровъ, онъ принимаетъ его за рѣку», и т. д. Св. Златоустъ говоритъ о пьянствѣ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ къ антіохійскому народу, въ приложеніи къ слушателямъ, хотя эти приложенія часто не вытекаютъ изъ предыдущей матеріи. Говоря о привычкѣ антіохійцевъ къ клятвамъ, даетъ нравственныя наставленія не клясться, и пріучилъ ихъ говорить: «да, нѣтъ, повѣрь мнѣ!» Василій великій проповѣдывалъ еще о скупости, противъ богатыхъ, ростовщиковъ, и о голодѣ, по случаю засухи. Сущность ученія его о сихъ предметахъ заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ: «просящему дай, не отказывай! Въ какой мѣрѣ? Отдай лишнее, а необходимое оставь себѣ. Но если ты имѣешь крѣпкую вѣру въ Промыслъ, отдай все. Не спрашивай меня, какъ Богъ вознаградитъ тебя? Въ Его рукахъ богатства всего міра». Говоря о голодѣ, онъ доказывалъ, что земля засохла и не даетъ плода по причинѣ скупости нашей и оскудѣнія любви къ ближнимъ (житницы были закрыты для бѣдныхъ). Св. Златоустъ, говоря о зрѣлищахъ, между прочимъ изображаетъ разслабленіе сердца, причиняемое ими. «Театръ, это—храмина сатаны, школа безнравственности, зала заразы. Не все ли здѣсь соединено для того, чтобы губить душу? и безстыдство женщинъ, и соблазнительныя пѣсни, и страстная музыка! Смотря на все это, какъ ты можешь сказать, что не чувствуешь ничего человѣческаго? Развѣ тѣло твое—камень или желѣзо?! Послѣ этого тебѣ не милы и жена твоя и дѣти». Говоря нѣсколько поученій, по случаю низверженія царскихъ статуй,

и казней, производимыхъ судіями, изображаетъ страшный судъ и неумолимость его. Говоря о паденіи Евтропія, разсуждаетъ о непостоянствѣ счастія, и начинаетъ поученіе словами: «суета суетъ и все суета!» Такимъ образомъ самые знаменитые греческіе проповѣдники, возвышающіеся надъ вѣкомъ силою мысли и слова, въ своихъ практическихъ поученіяхъ едва касаются житейскихъ нуждъ и вопросовъ. Они не разсматриваютъ коренныхъ причинъ и слѣдствій зла, не даютъ пособій для избѣжанія вреда, а относятся къ нему болѣе съ теоретической, богословской точки зрѣнія. Всего сильнѣе высказывается такой взглядъ греческихъ проповѣдниковъ при разсужденіи о бѣдствіяхъ имперіи и нашествіи варваровъ. Причиною этихъ бѣдствій поставляется общій взглядъ, библейскій, заимствованный у пророковъ, особенно Исаіи, Іереміи и Іезекіиля, а именно, гнѣвъ Божій и наказаніе за грѣхи. Оно вообще вѣрно; но можно бы указать и ближайшія причины гнѣва Божія, — злоупотребленія администраціей, какъ это сказано выше. Для насъ, впрочемъ, всего любопытнѣе два слова патр. Фотія,—по случаю нашествія славянъ на Константинополь (εισ τον εφοδον των Ρως). Первое слово начинается такъ: «что это такое? что за тяжкое и глубокое пораженіе и гнѣвъ? И откуда на насъ (летятъ) эти громовыя гиперборейскія стрѣлы?» Второе: «я знаю, и вы всѣ увѣрились въ гнѣвѣ Божіемъ на людей, какъ бы мало ни были способны сознавать это и какъ бы мало ни навыкли поучаться судамъ Божіимъ»... Все сіе показываетъ, что самые великіе умы не могутъ отрѣшиться вполнѣ отъ убѣжденій своего времени. Впрочемъ, для необыкновенныхъ проповѣдниковъ, каковъ Златоустъ, неизбѣжны исключенія. Въ тѣхъ случаяхъ,

гдѣ дѣло касалось сердца Златоуста, слово его разторгало преграды догматизма и изливалось, на подобіе рѣки, въ живительныхъ струяхъ. Таково напримѣръ слово, сказанное Златоустымъ, по случаю примиренія его съ врагомъ Северіаномъ (епископомъ гевальскимъ). Но въ высшей степени одушевленное слово сказано св. Златоустымъ въ обличеніе соблазнительнаго поведенія столичнаго духовенства. Слово это по изображенію пороковъ константинопольскаго духовенства, по живости красокъ и чувства, въ полномъ смыслѣ практическое, и составляетъ перлъ греческаго проповѣдничества. Видно изъ всего, что дурныя привычки подвѣдомаго духовенства глубоко взволновали святителя, но за то выказали его талантъ въ полномъ одушевленіи и неподражаемомъ блескѣ [1]). Вообще, говоря о греческомъ про-

---

[1]) Войдемъ въ жилище ихъ, гдѣ они живутъ вмѣстѣ, и предположимъ сначала, что сестра изъ бѣдныхъ. По бѣдности она должна трудиться сама, а возлѣ нея священникъ; у нихъ общее жилище, общая комната, общая мебель. Скажите же, какое зрѣлище представитъ вамъ такое жилище человѣка, призваннаго къ уединенному созерцанію? По стѣнамъ висятъ женскія одежды, пояса и головные уборы, въ комнатѣ виднѣются прялка, веретена и станокъ для тканья, по угламъ стоятъ корзины съ запасами шерсти и льна, тутъ же разбросаны гребни и щетки... вотъ обстановка и украшеніе жилища священника! Сюда прибѣгаютъ поработать или поболтать съ его сожительницей сосѣднія женщины или служанки, раздается грубый смѣхъ, въ немъ принимаетъ участіе самъ хозяинъ, толкуя съ ними о льнѣ, веретенѣ и пряжѣ, уподобляясь имъ; иногда пріятельницы побранятся, или слуга забудетъ уваженіе къ своей госпожѣ, — священникъ бѣжитъ возстановить тишину и порядокъ... Какъ хорошо идетъ такая жизнь къ заботамъ о спасеніи души! Предположимъ теперь, что духовная сестра богата: для священника настаютъ другія условія, для его жилища другая обстановка, для его жизни другая бѣда. Свѣтская матрона менѣе требовательна и взыскательна въ комфортѣ, чѣмъ эти богатыя дѣвы,—и священникъ долженъ между тѣмъ угождать имъ. Вотъ онъ сначала бѣжитъ къ серебряныхъ дѣлъ мастеру узнать, — готовъ ли сервизъ, хорошо ли трюмо, поспѣетъ ли во время амфора для вина или сосудъ для масла; отъ него онъ спѣшитъ къ парфюмеру, такъ какъ по-

повѣдничествѣ, мы по преимуществу должны сосредоточивать благоговѣйное вниманіе на св. Златоустѣ, какъ выразителѣ его силы и орудіи благодѣтельнаго Провидѣнія.

добныя дѣвственницы очень любятъ разныя дорогія мази, и объясняетъ ему, какія нужны именно для его дамы; отсюда онъ торопится къ продавцу тканей, къ башмачнику, къ фабриканту полотенъ и ковровъ. Вездѣ онъ бѣгаетъ, торгуется, споритъ о цѣнѣ, расточаетъ мелкія хитрости покупателя предъ продавцемъ...., — и вотъ цѣлый день для него проходитъ въ такой бѣготнѣ изъ лавки въ лавку, душа его не въ церкви, она вся на рынкѣ. Но вотъ время идти въ церковь... Сколько и здѣсь новой хулы, новыхъ скандаловъ! Священникъ толчется у дверей, въ ожиданіи своей дамы и, когда она приходитъ, проводитъ ее впередъ, подобно ея свнуху или слугѣ, встрѣчая на пути всеобщія улыбки; иногда онъ не только не стыдится, но даже гордится этимъ. Во время совершенія высочайшей службы священникъ оборачивается къ ней, размѣнивается съ ней взглядами,—и все это происходитъ предъ лицемъ Бога и вѣрныхъ. Наконецъ эти женщины имѣютъ страсть мѣшаться во все, смѣло касаясь церковныхъ вопросовъ и повсюду разсѣваютъ смуты. Сколько добрыхъ дѣлъ и святыхъ мыслей пропало чрезъ нихъ! Пусть напр. посмотритъ кто либо на нихъ косо,—тотчасъ чело священника хмурится отъ гнѣва и сердце его исполняется злобою. О, братья мои, прошу и умоляю васъ,—оставимъ это постыдное рабство, возвратимъ свое самообладаніе, какъ слѣдуетъ священствующимъ лицамъ, придемъ наконецъ къ сознанію той высокой чести, какой удостоилъ насъ Богъ, сподобивъ быть его служителями. Ап. Павелъ сказалъ: «не будьте рабами людей», а я вамъ скажу: перестаньте быть рабами женщинъ, увлекающихъ васъ съ собою къ погибели. Спаситель хочетъ, чтобы Его воинство состояло изъ мужественныхъ и крѣпкихъ воиновъ; Онъ далъ намъ духовное оружіе не для того, чтобы мы становились прислужниками этихъ жалкихъ дѣвъ, съ ихъ прялками и веретенами! Наше призваніе бороться, при помощи неба, съ таинственнымъ могуществомъ и воинствомъ духа тьмы; для этой-то борьбы Богъ далъ намъ оружіе правды, препоясалъ наши чресла препоясаніемъ истины, возложилъ на нашу главу шлемъ спасенія, на наши ноги сандаліи апостоловъ, и сказалъ намъ: «идите и проповѣдайте народамъ». Представьте напр., что вдругъ слышится шумъ, непріятель дѣлаетъ приступъ къ нашему городу, и труба сзываетъ защитниковъ на стѣны; всѣ бѣгутъ туда, кромѣ одного воина, который запирается въ своемъ жилищѣ, сбрасываетъ свое оружіе и садится у ногъ женщины. Какъ бы вы посмотрѣли на такого воина? Не разломали ли бы вы его двери и не поразили ли бы вы его своимъ оружіемъ? Такое-то именно чувство испытываю я, смотря

Въ греческомъ проповѣдничествѣ есть отдѣлъ проповѣдей, который изображаетъ дѣйствительную жизнь, растительную и животную, и сближеніемъ нравовъ животныхъ съ страстями людей, близко подходитъ къ практической проповѣди. Это такъ называемые «шестодневы». Лучшій изъ нихъ—Василія великаго. Объясняя въ бесѣдахъ дни творенія, св. Василій изображаетъ въ нихъ свойства растеній и нравы животныхъ, дѣлая примѣненія къ нравамъ людей. Напримѣръ, говоря о щукѣ, глотающей малыхъ рыбъ, онъ уподобляетъ ей богачей, угнѣтающихъ бѣдныхъ людей. Нѣчто подобное «Шестодневу» Василія составляютъ бесѣды Златоуста, въ которыхъ онъ разсматриваетъ устройство человѣческаго тѣла въ сравненіи съ животными. «Природа, говоритъ онъ, произвела тебя слабылъ, сравнительно съ животными, которымъ она дала роги, клыки, и прочее; но ты имѣешь умъ, посредствомъ котораго повелѣваешь животными и возносишься къ Творцу». До какой степени важно оживлять отвлеченное вѣроученіе фактами дѣйствительной жизни, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: шестодневы заслужили наибольшія похвалы современниковъ и потомства, и всегда были любимѣйшими кни-

---

на васъ; нужно торопить васъ, такъ какъ сообщество женщинъ быстро изнѣживаетъ человѣка. Свирѣпый левъ, если ему остригутъ гриву, вырвутъ зубы, обрѣжутъ когти, становится постыднымъ и смѣшнымъ, его ведетъ ребенокъ, и онъ только напрасно рычитъ: такъ и священникъ, разоблаченный отъ своего духовнаго оружія, становится женщиной, живя среди женъ. А что же будетъ, кромѣ того, если священникомъ овладѣетъ любовь къ этой дѣвѣ, которая день и ночь предъ его глазами, день и ночь съ нимъ? если его станетъ мучить ревность и борьба страсти съ долгомъ? Что будетъ, если долгъ уступитъ страсти, ибо можно предполагать все? Тогда онъ не посмотритъ уже ни на что,—и въ этомъ пріютѣ священника и дѣвственницы можетъ появиться скоро повивальная бабка»...

гами для чтенія. Каталоги монастырскихъ библіотекъ, какъ увидимъ, особенно богаты шестодневами. Въ шестодневахъ читатели находили удовлетвореніе всѣмъ способностямъ души, пріобрѣтая знаніе о природѣ и остроумное сближеніе ея съ нравственными законами и потребностями человѣка. «Птица алкопостъ (зимородокъ), говоритъ св. Василій, высиживаетъ птенцовъ на берегу Чернаго моря; и бурное море въ это время утихаетъ. Если Богъ для малыхъ птенцовъ удерживаетъ столь великую машину, то какихъ чудесъ не сотворитъ онъ для твоего спасенія!» Впрочемъ, сколь ни велико поэтическое впечатлѣніе, произведенное шестодневами, оно не произвело особаго направленія въ греческомъ проповѣдничествѣ, и ограничилось слабыми подражаніями имъ немногихъ проповѣдниковъ. Такъ, Амвросій медіоланскій въ своихъ бесѣдахъ часто буквально подражалъ «Шестодневу» Василія великаго.

Проповѣдничество греческое въ его внѣшнемъ выраженіи—языкѣ, формѣ логической и произношеніи.

Языкъ проповѣдничества греческаго—плодовитый и фигуральный. Онъ богатъ красками слова, которыя обыкновенно называютъ «цвѣтами краснорѣчія», и оживляетъ собою отвлеченное содержаніе догматическихъ проповѣдей. Источникомъ этой внѣшней роскоши проповѣдничества служатъ отчасти свойства греческаго языка, его богатство и живость, а отчасти библейское содержаніе проповѣдей. Греческій языкъ безспорно—богатѣйшій въ мірѣ, какъ по количеству словъ (которыхъ насчитываютъ до 50,000), такъ и по утонченнымъ формамъ слово-выраженія (въ немъ, напр., кромѣ обыкновенныхъ прошедшихъ и будущихъ временъ, есть еще аористы и 3-е будущее, въ 3-хъ залогахъ, и двойственные числа). Многіе оттѣнки мыслей, не возможные на другихъ языкахъ, на греческомъ имѣютъ свое значеніе. Вообще, въ греческомъ слово-выраженіи замѣтенъ избытокъ, какъ слѣдствіе богатства языка, не рѣдко граничащій съ тождесловіемъ. Напримѣръ: «слухомъ услышать, хотѣніемъ хотѣть». Особенно замѣтно это тождесловіе въ предложеніяхъ и отдѣльныхъ мысляхъ, напр: «онъ воскликнулъ сильнымъ голосомъ, говоря» (вмѣсто: закричалъ). «Онъ открылъ уста свои, и отвѣчая говорилъ» (вмѣсто отвѣчалъ). Вслѣдствіе богатства словъ и гибкости формъ, греческій языкъ отличается живостію и стремительностію слова, наклоненъ къ преувеличеніямъ предметовъ, фигуральнымъ оборотамъ, восклицаніямъ, вопрошеніямъ, олицетворенію и т. п. И это бываетъ при обыкновенномъ теченіи мыслей, незаключающихъ въ себѣ особенныхъ свойствъ, движеній духа. Но когда величественные предметы потрясаютъ душу и возбуждаютъ сильныя чувства, тогда излишество греческаго слово-выраженія переходитъ въ расточительность словъ. Въ греческомъ языкѣ нерѣдко встрѣчаются такія слова и обороты, порожденные сильнымъ впечатлѣніемъ: «самогласная труба, звучащая улица, трепещущая земля, ужасающееся небо». «Къ нареченному торжеству призываются всѣ народы, и въ радости восклицаетъ вся вселенная». (Въ сильномъ восторгѣ:) «Я упоенъ, я скачу! Спрашиваю васъ: скажите, кто нынѣ не обрадованъ? О чемъ мнѣ теперь говорить? и что сказать? О, если бы языкъ мой былъ трубою!» и проч. Это излишество и возбужденіе рѣчи относятъ къ фигурамъ словъ, выражающимъ движенія чувства (преувеличеніе, восклицаніе, обращеніе, вопрошеніе, повтореніе и т. п. Въ греческой рѣчи употребляется также образность или

картинность, для поясненія духовнаго міра чертами вещественными. Образность рѣчи слагается изъ сравненій, подобій, иносказаній, противоположеній и т. под.) Картины обыкновенно берутся изъ окружающей природы и явленій повседневной жизни. Сравниваютъ напримѣръ жизнь съ волнующимся моремъ, Церковь съ кораблемъ, миръ съ яснымъ небомъ, слово проповѣдника съ сѣменемъ, слушателей съ почвою доброю или каменистою и т. дал. Подобными образами Греція весьма богата. Эту образность и картинность рѣчи относятъ къ фигурамъ мыслей, выражающимъ дѣйствія воображенія. Уже одно богатство фигуръ въ греческомъ языкѣ предполагаетъ поэтическую наклонность этого народа, сильное развитіе его чувства и воображенія, подъ вліяніемъ роскошной природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ аналитическій умъ, вникающій во всѣ тонкости слова и мысли [1]). По этимъ свойствамъ творческаго ума греки сдѣлались руководителями Европы въ области поэзіи, искусствъ, философіи и проповѣдничества.

Самою употребительною фигурою въ греческомъ проповѣдничествѣ было подобіе и сравненіе, и какъ видъ его—аллегорія. Подобіе сближаетъ сходные предметы разнаго рода (слово и сѣмя), сравненіе—одного рода (почва—тучная и каменистая). Причиною господства этой фигуры служитъ наглядность ея и подручность; въ

[1]) Теплота, вызывающая богатство растительной и животной жизни, возбуждаетъ нервную систему, развиваетъ воображеніе, роскошное слово, богатое метафорами и нѣжными звуками, съ преобладаніемъ гласныхъ литеръ. Холодъ производитъ обратныя дѣйствія на жизнь, воображеніе и слово; въ языкахъ сѣверныхъ народовъ преобладаютъ жосткіе звуки, согласныя литеры, и проза. Простая фраза: «я промокъ» выражается, по мѣрѣ приближенія къ экватору, болѣе энергично, цвѣтисто и нѣжно, на разныхъ языкахъ: «я промокъ до кожи»,—«до костей», и т. д.

явленіяхъ природы сокрытъ неисчерпаемый запасъ сравненій. Аллегорія внесена въ проповѣдничество содержаніемъ библіи, и особенно: пророческими книгами и апокалипсисомъ (Вавилонъ — символъ темнаго царства), притчами Спасителя (разрушеніе Іерусалима—образъ кончины міра), и посланіями ап. Павла, преимущественно къ евреямъ (исходъ изъ Египта—образъ духовной свободы). Послѣ Климента александрійскаго и Оригена пристрастіемъ къ аллегоріямъ отличался Кириллъ александрійскій. «Будемъ, говоритъ онъ, преобразовывать повѣствованіе изъ образа и тѣни, ибо все должно возводить къ тайнѣ Христовой. И мы вправѣ просить прощенія, если заблудимся при такой тонкости созерцаній». При такой склонности къ аллегоріямъ, проповѣдники не рѣдко искажали ясный смыслъ писанія. Напр: «я недостоинъ развязать ремень сапога, — значитъ: не могу понять тайны воплощенія». Нѣкоторые греческіе проповѣдники, излишне увлекаясь аллегоріей, впали въ крайній мистицизмъ; напр. колодцы Авраама считаютъ прообразомъ духовныхъ предметовъ. Другіе изъ опасенія мистическихъ заблужденій, держались буквы писанія.

Богатство, цвѣтистость и фигуральность греческаго языка, служа роскошною оболочкою мыслей, тѣмъ самымъ нерѣдко прикрываютъ скудость содержанія проповѣди, привнося въ нее стороннія понятія и оживляя отвлеченное содержаніе игрою словъ, остроумными сближеніями и образностію. Кромѣ того, излишество въ словѣ и неумѣренность украшеній нерѣдко причиняли вредъ догматамъ вѣры, которые требуютъ особенной точности и осмотрительности въ словѣ. Наиболѣе опасною въ этомъ случаѣ оказывается страсть къ аллегоріямъ, ко-

торая увлекаетъ къ мистицизму, извращенію смысла писанія и, вслѣдствіе этого, не рѣдко—къ нравственнымъ проступкамъ. Все это достаточно подтверждается исторіей греческаго проповѣдничества, всеобщею и частною церковною исторіей.

Впрочемъ, эти невыгоды проповѣдническаго слова имѣютъ мѣсто только въ приложеніи къ нѣкоторымъ, небогатымъ талантами проповѣдникамъ. Напротивъ, въ рукахъ сильныхъ проповѣдниковъ, богатыхъ умомъ, греческое слово служило достойною оболочкою ихъ мыслей, придавая необыкновенный блескъ ораторскимъ поученіямъ. Мы коснемся здѣсь только первокласныхъ проповѣдниковъ, вселенскихъ учителей, въ проповѣдяхъ которыхъ краснорѣчіе достигло высокой степени.

Василій великій оправдалъ своимъ проповѣдничествомъ ту истину, что «краснорѣчіе состоитъ въ пониманіи предмета;» и это потому, что онъ въ особенности обладалъ разсудкомъ и постиженіемъ нравственнаго закона. Лучшія произведенія его, «Шестодневъ» и «похвальныя слова мученикамъ», не представляютъ особенныхъ украшеній слова, но убѣждаютъ мыслію и силою нравственною. Если по мѣстамъ встрѣчаются фигуры, восклицанія и вопрошенія: то онѣ, какъ выраженіе истиннаго чувства, не заслоняютъ собою мысли.

Фигуральность рѣчи достигаетъ высшаго напряженія въ словахъ Григорія богослова. Особенно часты фигуры, выражающія чувство: преувеличеніе, обращеніе, восклицаніе, вопрошеніе. Эта особенность рѣчи Григорія богослова ясно свидѣтельствуетъ о преобладающемъ талантѣ его — чувствѣ. Чувство проповѣдника до того сильно, что въ самыхъ догматическихъ словахъ его пробивается восклицаніемъ, обращеніемъ, негодованіемъ и

под. «Евноміане учили: Богъ родилъ Сына по волѣ, или противъ воли; если противъ воли, то потерпѣлъ принужденіе; если по волѣ, то Сынъ есть сынъ хотѣнія. А ты самъ, который говоришь такъ необдуманно, произошелъ по желанію своего отца, или нѣтъ? Если нѣтъ, то отецъ твой потерпѣлъ насиліе. Отъ кого же?» Въ прочихъ словахъ его, гдѣ есть просторъ чувству, фигуры усиливаются. Такъ, два обличительныя слова противъ Юліана суть «два столба, на которыхъ неизгладимо записано для потомства нечестіе Юліана». Въ прощаніи съ паствой проповѣдникъ бесѣдуетъ, между прочимъ, и съ неодушевленными вещами: «прощайте любители моихъ словъ, быстро и шумно стекавшіеся отовсюду! скорописцы тайные и явные! и эта рѣшетка, такъ часто осаждаемая!» и проч. Слова Григорія богослова, исполненныя разнообразныхъ чувствъ, оправдываютъ положеніе риторики, что «ораторы, надѣленные чувствомъ, всего болѣе исправляютъ обличеніями, укоризнами, угрозами, любовію, мольбами и слезами».

Въ словахъ Златоуста цвѣтистость греческаго языка раскрывается въ полной силѣ, всевозможныя фигуры постоянно въ ходу, даже при изложеніи обыкновенныхъ мыслей. «Что мнѣ сказать? о чемъ говорить? Я скачу, я въ изступленіи, но изступленіе мое умнѣе всякой мудрости! О чемъ говорить: о силѣ ли мучениковъ? о быстротѣ ли любви? о ревности ли императрицы? о стеченіи ли знаменитыхъ? о безуміи ли діавола?» и т. д. Но всего чаще расточаются фигуры мыслей, — подобіе и сравненіе, обличающія господствующую способность Златоуста—воображеніе. Подобія, употребляемыя имъ, берутся обыкновенно отъ величественныхъ и драгоцѣнныхъ предметовъ: моря, скалъ, золота, бисера,

порфиры и т. под. Сравненія Златоуста для насъ не всегда ясны,—напримѣръ инока съ царемъ и священника съ инокомъ. Инокъ предпочитается царю, поелику ни въ чемъ не нуждается. Отъ священника требуется болѣе подвиговъ и совершенствъ, нежели отъ инока, такъ какъ ему удобнѣе соблазнить другихъ. Вѣроятно, нравы тогдашняго духовенства требовали такихъ усиленныхъ доводовъ. Но когда подобія и сравненія Златоуста изображаютъ дѣйствительное одушевленіе предметовъ, тогда они блещутъ красками и услаждаютъ душу. «Благословенъ Богъ (3 слово при вступленіи въ столицу)! Въ каждое собраніе вижу, какъ жатва растетъ, красивыя поля цвѣтутъ, гумно наполняется, хотя не много дней прошло, какъ мы бросили сѣмена». Слова Златоуста въ полномъ смыслѣ оправдываютъ ученіе проповѣднической педагогики, что «ораторы, надѣленные воображеніемъ, подобно орламъ носятся надъ величественною природою, и, увлекаясь своею силою, склонны къ идеализаціи предметовъ». Не смотря на силу воображенія, увлекающую къ злоупотребленію словомъ, Златоустъ въ изъяснительныхъ бесѣдахъ держится точнаго смысла писанія и фигурными оборотами только выясняетъ его, не вдаваясь въ мистицизмъ. Въ этомъ отношеніи заслуга его одинакова, не въ примѣръ обыкновеннымъ проповѣдникамъ, съ заслугою Василія великаго. А надо замѣтить, что по тогдашнему времени, когда увлекались аллегоризмомъ Оригена, подобная заслуга была не малымъ подвигомъ.

Соображая все сказанное о языкѣ греческаго проповѣдничества, мы должны заключить эту статью слѣдующими положеніями. Греческое проповѣдничество, подъ вліяніемъ богатства языка, библейскаго аллегоризма и талантовъ проповѣдниковъ, привнесло въ христіанское ученіе много сторонніхъ понятій и предметовъ изъ міра видимаго. Но эти предметы послужили средствомъ къ объясненію отвлеченныхъ истинъ вѣроученія. При чемъ картинность и фигуральность рѣчи у лучшихъ проповѣдниковъ послужила роскошною оболочкою догматовъ, не подавляя собою ихъ содержанія; у посредственныхъ—нерѣдко вырождалась въ мистицизмъ, искаженіе догматовъ, или прикрывала собою скудость содержанія проповѣди.

Разсматриваемое со стороны *формы*, *системы*, греческое проповѣдничество не отличается достоинствами. Въ греческомъ проповѣдничествѣ, весьма производительномъ въ отношеніи содержанія и выраженія, не существовало строго опредѣленныхъ правилъ относительно расположенія мыслей. Уже одно преобладаніе бесѣдъ надъ словами и весьма произвольно выводимые изъ нихъ уроки очевидно свидѣтельствуютъ объ отсутствіи строгихъ логическихъ законовъ. Вслѣдствіе этого въ самыхъ бесѣдахъ допускается излишество словъ и объясненій. Напр: «бревно есть большое дерево; сучецъ—малая вѣтка». «Гора есть возвышенное мѣсто» и т. п. Самыя слова греческія, озаглавливаемыя: λογος, не заключаютъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ плана, какія мы обыкновенно соединяемъ съ понятіемъ о «словѣ». Это не болѣе, какъ размышленія, въ которыхъ заразъ говорится о нѣсколькихъ предметахъ, совмѣщаются разныя темы, опредѣляемыя нуждами Церкви. Не рѣдко они начинаются общими возгласами, напр. «благословенъ Богъ!» и оканчиваются славословіемъ Троицы. Изъ этого правила не исключаются и пять словъ «о богословіи», которымъ древность придала значеніе всесторонняго со-

вершенства. Да притомъ, греческія проповѣди часто озаглавливаются совершенно безразлично: «слова или бесѣды» и т. под. Подъ этими общими заглавіями въ греческомъ проповѣдничествѣ есть много трактатовъ (напр. слова о священствѣ), посланій (Аѳанасія и Кирилла александрійскихъ). И вообще, «греческія слова» и «бесѣды» по своей формѣ ни чѣмъ не отличаются отъ такъ называемыхъ «главъ», «наставленій», а нерѣдко—правилъ и писемъ. Во всѣхъ этихъ родахъ богословской литературы обыкновенно излагается нравственно-догматическое ученіе, въ тонѣ увѣщанія, обличенія и назиданія, съ свободнымъ теченіемъ мыслей, часто безъ предварительнаго плана и единства предмета. Мысли толпятся и сталкиваются, опережая другъ друга; отсюда—уклоненія, перерывы, возвращенія, повторенія и извиненія. Рѣчь тянется въ безконечность, и держится внѣшнимъ сцѣпленіемъ доказательствъ; она можетъ быть прервана и переставлена, гдѣ и какъ угодно, безъ ущерба плану. У лучшихъ проповѣдниковъ замѣтна простая логика здраваго смысла и добраго сердца, изощренная опытомъ, но не научная. По свидѣтельству лучшаго критика древности, патр. Фотія, сила доказательствъ и послѣдовательности мыслей, изъ всѣхъ греческихъ проповѣдниковъ, остается за Василіемъ великимъ. Большая часть его поученій (изъясненія на св. писаніе) до насъ не дошла; нынѣ извѣстныя нравственныя бесѣды и похвальныя слова подтверждаютъ отзывы Фотія. Но и въ этихъ бесѣдахъ видно соблюденіе общихъ правилъ сочиненія, но не частныхъ, въ отношеніи «слова». Слова и бесѣды Василія великаго составлены по правиламъ превращенной хріи, которыя преподавались въ ученіи о рѣчахъ вообще (ученыхъ и политическихъ). Въ этихъ рѣчахъ предложеніе ставится, большею частію, въ концѣ сочиненія, а для поясненія его въ практикѣ приводятся примѣры, подобія и проч. Въ подтвержденіе этого достаточно прочитать похвальное слово Гордію. По этимъ правиламъ и нынѣ составляются привѣтственныя рѣчи и похвальныя слова. Относясь безпристрастно къ формѣ и плану греческихъ поученій, должно замѣтить, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики въ этомъ отношеніи. Этимъ недостаткомъ плана и системы объясняется длиннота и растянутость греческихъ поученій, по которой, для своего произношенія, они не рѣдко требовали часъ и два времени. Укажемъ, для примѣра, на слово о священствѣ Григорія богослова.

Обвинять греческихъ проповѣдниковъ въ несовершенствѣ формы ихъ поученій мы не имѣемъ права. Въ школахъ византійской имперіи, до VI вѣка, не существовало гомилетическихъ руководствъ и правилъ, кромѣ общихъ риторическихъ указаній о родахъ сочиненій. Кромѣ того, богословіе только что разбиралось въ матеріалѣ и разработывалось въ своемъ содержаніи; но еще не было системы богословія, формальнаго разграниченія его отдѣловъ и частей. Слабая попытка къ обобщенію догматическихъ истинъ сдѣлана въ первый разъ Оригеномъ, а потомъ, болѣе удачная, Іоанномъ дамаскинымъ. Гомилетическія же правила и схоластическія системы, какъ увидимъ, въ первый разъ начали составлять на западѣ, въ V—XII в., Августинъ, Григорій Двоесловъ (гомилеты), Петръ Ломбартъ, Ѳома Аквинатъ и Дунсъ-Скоттъ (систематики). Западные, латинскіе проповѣдники не могли подражать греческимъ въ одушевленіи предметами вѣры, и, по свойственному римлянамъ практическому смыслу, думали замѣнить недостатокъ ора-

торскаго таланта системой, гомилетическими правилами. Такимъ образомъ греческому проповѣднику неоткуда было позаимствоваться системой и логическими пріемами въ развитіи мысли и раскрытіи предмета поученій. Поэтому, въ дѣлѣ логическаго изложенія проповѣди каждый проповѣдникъ былъ предоставленъ собственному вдохновенію, или усмотрѣнію. Послѣ сего не удивительно, что даже Златоустъ нерѣдко утомлялъ антіохійцевъ длинными вступленіями въ слово, и исправился въ этомъ недостаткѣ послѣ неоднократныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему со стороны. По поводу этихъ замѣчаній онъ даже произнесъ слово о томъ, что «укоризны должно переносить великодушно». Понятнымъ становится и то явленіе въ греческомъ проповѣдничествѣ, почему проповѣди вселенскихъ учителей запечатлѣны хотя общею научною формою, и вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтущимъ слогомъ, а проповѣди подвижниковъ безформенны и просты. Первые заимствовали общія правила о способахъ сочиненія у риторовъ, а послѣдніе не слыхали ничего подобнаго въ монастыряхъ и пустыняхъ.

Несистематичность греческаго проповѣдничества и преобладаніе въ немъ бесѣдовательной формы, имѣя свои выгоды, имѣла и невыгоды. Это замѣчаніе становится неопровержимымъ, когда припомнимъ, что греческое проповѣдничество вмѣстѣ съ фигурами и риторическими украшеніями наполнялось сторонними предметами, нерѣдко уклонявшими слово отъ главной цѣли. Такой свободный строй проповѣди имѣетъ важныя послѣдствія и для нея самой, и для слушателей, и для потомства. Проповѣдь нестройная и обремененная излишествами, хотя бы и отличалась содержаніемъ, не можетъ равняться съ проповѣдію позднѣйшихъ временъ, чуждою этихъ

недостатковъ. Такая проповѣдь не сразу достигаетъ и нравственнаго исправленія слушателей. Сообщая имъ много постороннихъ, хотя и любопытныхъ свѣденій, но обременяя ихъ память несущественными предметами и опуская существенное, она тратитъ много усилій и даетъ мало пользы. Слушатели забываютъ слышанное и не умѣютъ справиться съ окружающими ихъ соблазнами. Эту, такъ сказать, неспеціальность слушателей въ богословіи понималъ св. Златоустъ, и въ одной изъ бесѣдъ обратился къ нимъ съ такою просьбою: «одной милости прошу у васъ, чтобы зачало евангелія, которое буду объяснять въ проповѣди, каждый имѣлъ въ рукахъ своихъ, часто читалъ дома, испытывалъ и изслѣдовалъ слова». Наконецъ, по тѣмъ же причинамъ, древняя проповѣдь теряетъ свою популярность. Не удовлетворяя требованіямъ критики и вкусу образованныхъ людей, она дѣлается мало доступною читателямъ и недостаточно вліятельною на ихъ нравы. Но если бы проповѣдь древняя была проникнута единствомъ въ раскрытіи вѣроученія, излагала существенно необходимое для спасенія, въ связи съ нравственными и житейскими нуждами: тогда она стояла бы въ неразрывной связи съ жизнію и имѣла бы на нее непрестающее вліяніе. Этому содѣйствовала бы самая сжатость формы и сосредоточенность доказательствъ, устраняющая все ненужное, обременительное для читателей и слушателей. Нынѣ же, при своемъ объемѣ, составляющемъ не менѣе половины богословской греческой литературы, и при истолковательномъ направленіи, древне-греческая проповѣдь болѣе имѣетъ связи съ наукою, нежели съ жизнію. Но конечно, все хорошо и умѣстно въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Исторія литературы не сохранила свидѣтельствъ о внѣшнемъ выраженіи греческой проповѣди въ *произношеніи* и о какихъ либо талантахъ въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, исторія подробно упоминаетъ о проповѣдникахъ другихъ странъ, искусныхъ въ произношеніи, и этимъ выражаетъ свое уваженіе къ декламаціи, свидѣтельствуетъ о ея необходимости для успѣха ораторскаго слова. Такъ, она упоминаетъ о Массильонѣ, Ксаверіѣ, Млодзяновскомъ, Яворскомъ, митр. Платонѣ и другихъ отличныхъ декламаторахъ. Исторія проповѣдвической литературы тщательно подмѣчаетъ удачныя фразы, глубоко потрясшія слушателей, давая намъ урокъ хорошаго слова. «Одинъ Богъ великъ!» сказалъ Массильонъ надъ гробомъ Людовика великаго. «До чего мы дожили?...» сказалъ Ѳеофанъ надъ гробомъ Петра великаго. «Давайте братіе плакать», сказалъ преосв. Иннокентій надъ плащаницею. Дѣйствіе этихъ одушевленныхъ фразъ было до того потрясающее, что сами проповѣдники смущались и долго не могли продолжать слова, по причинѣ слезъ и общихъ рыданій. «Доселѣ, сказалъ Бриденъ (миссіонеръ изъ Индіи, въ парижскомъ соборѣ), я проповѣдывалъ покаяніе бѣднымъ дѣтямъ природы, подъ соломенными кровами. Но въ этомъ величественномъ собраніи я вижу богачей, вельможъ, притѣснителей страждущаго человѣчества. Здѣсь-то я буду гремѣть всѣми карами и угрозами евангелія!...» «Пшеница Божія, избранные! сказалъ Массильонъ, гдѣ вы? Отдѣлитесь отъ сихъ плевелъ, обреченныхъ на сожженіе!...» Впечатлѣніе, произведенное этими оборотами, было такъ сильно, что слушатели двинулись съ мѣста, — послышались вздохи и восклицанія! Но этого мало. Исторія подмѣчаетъ самую наружность проповѣдниковъ, ростъ,

движенія, физіономію, какъ пособіе дикціи,—словомъ, все то, что гомилетика называетъ «тѣлеснымъ краснорѣчіемъ;» ибо и это краснорѣчіе, возвышая простыя мысли, усиливаетъ дѣйствіе ихъ на слушателей. Такъ, о Яворскомъ (проповѣдникѣ схоластическомъ) извѣстно, что онъ всегда могъ заставить своихъ слушателей плакать, или смѣяться. Митр. Платонъ всѣхъ чаровалъ своимъ произношеніемъ. Проповѣди его не имѣютъ литературныхъ достоинствъ; но, за произношеніе, «всѣ бывало ему въ ноги, наперерывъ добиваются принять его благословеніе и облобызать руку».

При такой внимательности исторіи къ обстановкѣ произношенія, внѣшнему краснорѣчію, молчаніе ея о произношеніи греческихъ проповѣдниковъ вовсе не случайно; оно имѣетъ разумныя основанія. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что исторія сохранила свидѣтельства о великомъ ораторскомъ талантѣ вселенскихъ учителей, который не могъ проявляться слабо извнѣ, какъ и всякая сила «Кто желаетъ быть отличнымъ ораторомъ гражданскимъ, говоритъ патр. Фотій, не нуженъ ему Платонъ и Димосѳенъ; пусть онъ изучаетъ, какъ образецъ, слова Василія». «Даръ слова приношу я Богу моему, говоритъ Григорій богословъ; это одно, что у меня осталось и чѣмъ я богатъ. Только словомъ владѣю я,... я дорожу имъ, утѣшаюсь болѣе, чѣмъ другіе всѣми сокровищами» (и онъ тщательно обработывалъ свои слова). Василій великій и Іоаннъ Златоустъ проходили званіе адвоката, и слѣдовательно знакомы были съ правилами произношенія и «внѣшняго краснорѣчія». Правила эти подробно изложены въ риторикѣ Квинтиліана, и ими много занимались греческіе учители и софисты. Кромѣ того, дорожа словомъ вселенскихъ учителей, исторія со-

хранила намъ любопытныя черты ихъ внѣшняго вида и характера. Такъ, она изображаетъ Василія великаго сановитымъ и важнымъ, но больнымъ и истощеннымъ отъ подвиговъ; Григорія богослова смиреннымъ и кроткимъ, старцемъ, аскетомъ, простымъ въ обращеніи и привычкахъ, но сильнымъ въ словѣ, такъ что его слушали еретики, іудеи и язычники; Іоанна Златоустаго мало-возрастнымъ, съ большою головою и слабымъ госомъ. Послѣ этого намъ не достаетъ только услышать произношеніе знаменитыхъ проповѣдниковъ, чтобы видѣть ихъ, такъ сказать, живыми, на церковной каѳедрѣ. Поэтому, показавъ основанія, по которымъ исторія умолчала о произношеніи греческихъ проповѣдниковъ, мы постараемся найти свидѣтельства объ этомъ предметѣ въ самомъ проповѣдничествѣ и въ характерѣ знаменитыхъ витій.

Если исторія умолчала о произношеніи греческихъ проповѣдниковъ; то это явный знакъ, что проповѣдничество не выдавалось въ этомъ отношеніи, какъ оно не выдавалось и въ дѣлѣ логической формы. И кто изъ греческихъ проповѣдниковъ могъ прославиться произношеніемъ? Послѣ вселенскихъ учителей остаются извѣстные проповѣдники — Кириллъ іерусалимскій, Аѳанасій и Кириллъ александрійскіе, Григорій нисскій, Проклъ, Дамаскинъ и патр. Фотій. Но самыя проповѣди ихъ, незначительныя количествомъ и по большей части полемико-догматическаго содержанія, не предполагаютъ особеннаго навыка и мастерства въ ораторскомъ словѣ, а тѣмъ болѣе сильнаго одушевленія и паѳоса въ произношеніи. Слѣдовательно, объ нихъ нечего было и сказать. Иное дѣло вселенскіе учители, украшенные талантами, ученостію и многолѣтнею практикою въ словѣ.

Но и для нихъ, наравнѣ съ прочими проповѣдниками, была общая причина сдерживать выказность слова, раздражающую чувства и услаждающую мірской вкусъ. Это—духъ евангельскаго самоотверженія, который сообщилъ проповѣдникамъ аскетамъ серіозность и строгую важность, и въ частности, духъ христіанской проповѣди, которая названа буйствомъ. Этою важностію нрава и серіознымъ взглядомъ на проповѣдь преимущественно отличались вселенскіе учители, усвоивъ себѣ духъ писанія, которое они такъ хорошо изъяснили. Могли ли такіе свѣтильники, обиталища Св. Духа, гоняться за эффектами произношенія и дорожить «тѣлеснымъ краснорѣчіемъ»? Да этимъ они уронили бы свой авторитетъ, ставъ въ уровень съ софистами и адвокатами, которые щеголяли декламаціей и внѣшнимъ краснорѣчіемъ. Для нихъ достаточно было и слабаго голоса, и изможденнаго вида, и скромной одежды, при силѣ слова и святости жизни. Если имъ и давалось произношеніе, въ моменты сильнаго одушевленія предметомъ: то важность лица и серіозность слова ихъ, возвышаясь надъ всѣмъ прочимъ, дѣлали едва замѣтнымъ внѣшнее очарованіе слуха. Иное дѣло католическіе проповѣдники, казнодзи!

Несмотря на указанныя причины сдержанной декламаціи въ греческомъ проповѣдничествѣ и отсутствіе правилъ гомилетическихъ, мы находимъ въ немъ патетическія страницы, говорящія о сильномъ произношеніи; ибо неестественно чувству проявляться спокойно. Такія мѣста мы находимъ въ проповѣдяхъ вселенскихъ учителей. Независимо отъ этого предположенія, мы имѣемъ и ясныя свидѣтельства о томъ, что вселенскіе учители иногда трогали своихъ

слушателей до слезъ, слѣдовательно, не безъ участія голоса и внѣшняго вида, передающихъ движенія сердца. И если проповѣдники другихъ странъ поражали слушателей удачными мыслями, искусно произнесенными; то одинаковость слѣдствій въ данныхъ случаяхъ заставляетъ предполагать и однѣ и тѣже причины.

Въ бесѣдахъ Василія великаго встрѣчаются фигуры, выражающія движеніе духа; но эти фигуры болѣе выражаютъ разсудительность и важность характера, нежели чувствительность. «Солнце заходитъ, говоритъ проповѣдникъ въ одной бесѣдѣ (въ посту). Пора кончить слово и отпустить васъ домой. Но знаю, что вы пойдете на площадь и станете играть въ жребіи. А тамъ діаволъ разжигаетъ страсти». Это мѣсто, выражающее игру голоса и чувства, безъ сомнѣнія было произнесено съ достоинствомъ. Есть одно патетическое мѣсто въ бесѣдахъ Василія, выражающее сильныя чувства. Это—изображеніе борьбы родительской любви съ чувствомъ голода, когда отецъ рѣшается продать сына. «Если оставлю ихъ при себѣ, умрутъ съ голода. Продать ли старшаго? но онъ первенецъ! Или младшаго? но онъ невиненъ и выражаетъ черты матери. Ахъ, какое затрудненіе»! При этихъ словахъ, какъ бы они ни были произнесены, не обошлось безъ слезъ. Житницы были открыты для бѣдныхъ.

Въ словахъ Григорія богослова много патетическихъ мѣстъ и разнообразныхъ фигуръ. Лучшею изъ нихъ почитается «фигура обращенія» въ прощальномъ словѣ къ константинопольской паствѣ. «Прощайте, любители словъ моихъ, быстро и шумно стекавшіеся отовсюду! скорописцы тайные и явные! и эта рѣшетка, такъ часто осаждаемая по причинѣ слова! Прощайте, сановники и дворцовые слуги! Вѣрны ли вы царю, не знаю, а Богу большею частію невѣрны. Рукоплещите, расточайте острыя слова, подымайте вашего оратора (насмѣшливой) похвалой! ибо умолкъ этотъ злой и говорливый языкъ. Но впрочемъ, я не стану молчать: я буду ратовать съ вами (издалека) рукою и тростію»!... Эта патетическая рѣчь была произнесена по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства; и не потому, чтобы ораторъ этого хотѣлъ, а потому, что иначе не могъ сдѣлать, имѣя руководителемъ саму природу. Переполненный чувствами торжественной минуты, онъ пустилъ въ ходъ все свое ораторское искусство, которое было знакомо ему еще въ званіи учителя. Впрочемъ эта рѣчь не имѣла особенныхъ послѣдствій ни для жизни, ни для нравовъ константинопольцевъ, кромѣ развѣ сожалѣнія о разлукѣ съ ораторомъ.

Патетическихъ мѣстъ особенно много въ бесѣдахъ Златоуста, и эти мѣста ждутъ искусной руки, чтобы составить изъ нихъ образцовый проповѣднический сборникъ. Уже по одной рѣчи, обличающей константинопольское духовенство, мы можемъ заключать о негодованіи проповѣдника и одушевленномъ произношеніи слова. Мы можемъ представить нѣсколько подобныхъ бесѣдъ, полныхъ чувства и ораторскаго одушевленія. Напримѣръ, обличая женскіе наряды, раскрашиваніе лица и завѣшиваніе лба волосами, Златоустъ обращается къ одной знаменитости съ вопросомъ: «для чего ты украшаешь свое старое тѣло»? Понятно, что подобныя стрѣлы пускаются съ силою, или говоря просто: горячія слова вырываются съ жаромъ. Но обращаемся къ неподражаемому обличенію ушедшихъ на скачку, въ великій пятокъ—и въ театръ—въ субботу. Начало этого

обличенія проникнуто неудержимымъ одушевленіемъ, которое прорывается въ словахъ, взорахъ и движеніяхъ оратора. «Можно ли это стерпѣть? Можно ли это снести? Жалуюсь вамъ самимъ на васъ»!... Затѣмъ проповѣдникъ грозилъ отлучить виновныхъ, какъ зараженныхъ овецъ, отъ Церкви. Дѣйствіе рѣчи было такъ могущественно, что народъ палъ духомъ, и потребовалось утѣшать его. «Сильно я тронулъ васъ, говорилъ Златоустъ, обличеніемъ за скачки и театръ. Если одною бесѣдою я повергъ васъ въ такую печаль, что вы падаете духомъ, то надѣюсь исцѣлить васъ двумя-тремя бесѣдами». Излишне и доказывать, что такія вдохновенныя бесѣды, полныя огня и силы, были произнесены образцово, со властію, твердо и могущественно. Въ этомъ увѣряетъ насъ самъ Златоустъ, говоря: «сильно я тронулъ васъ!» «я повергъ васъ въ печаль», «надѣюсь исцѣлить васъ». Въ этомъ удостовѣряютъ и его слушатели, которые пали духомъ отъ силы обличенія, и три недѣли каялись, молились, искали утѣшенія.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вселенскіе учители обнаруживали иногда свой ораторскій талантъ въ полномъ блескѣ, не только силою мысли и слова, но и произношенія и внѣшняго выраженія; но это случалось въ минуты возбужденія духа и одушевленія предметомъ рѣчи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами патетическія мѣста, полныя движенія духа, и потому проявляющіяся во внѣ съ силою. Вообще же, при обыкновенномъ теченіи мыслей, и ихъ рѣчь не выходила изъ своего спокойнаго теченія. Послѣ этого намъ становятся понятными тѣ взрывы рукоплесканій и одобреній, которыми слушатели осыпали проповѣдниковъ, особенно Златоуста. Пристрастные къ слову и къ внѣшнему

его выраженію, слушатели не могли удержать своего восторга и удивленія къ таланту проповѣдника. Наэлектризованные жаромъ ораторскаго слова, при живости своей натуры, они выходили изъ границъ приличія, уваженія къ мѣсту и лицу, и разражались въ церкви трагически, съ театральнымъ шумомъ, а иногда съ воплями, удареніями въ грудь и терзаніемъ лица. Понятны и смущенія проповѣдниковъ, незнавшихъ, какъ утишить это взволнованное море чувствъ и сердечныхъ движеній. Не имѣя силъ остановить эту великую машину, они и сами изнемогали чувствомъ и плакали. «Зачѣмъ вы рукоплещите? не нужны мнѣ ваши похвалы! Исправленіе вашей жизни—вотъ моя похвала»! говорилъ Златоустъ антіохійцамъ. Но видя неудержимый шумъ одобреній, искреннюю любовь и удивленіе слушателей, и движущую ими благодать, онъ прекращалъ слово и самъ плакалъ. Понятны и тѣ шумныя стеченія къ каѳедрѣ и осады рѣшетки (отдѣлявшей оратора отъ народа), о которыхъ упоминаетъ Григорій богословъ, и его признаніе, что онъ «утѣшается словомъ болѣе, чѣмъ другіе всѣми сокровищами міра». Безъ сомнѣнія, подобные ему труженики слова находили единственное утѣшеніе въ любви слушателей. И какъ естественны эти выраженія: «прощайте любители моихъ словъ! скорописцы явные и тайные, и эта рѣшетка»! Упоминаетъ и о рукоплесканіяхъ и острыхъ словахъ...

Заключеніе ясно. Исторія умолчала о выраженіи греческаго проповѣдничества въ произношеніи; ибо не было достаточнаго повода говорить объ этомъ предметѣ. О произношеніи, также какъ и объ изложеніи проповѣди, не существовало гомилетическихъ правилъ, и проповѣдники предоставлены были въ этомъ дѣлѣ са-

мимъ себѣ. Духъ христіанскаго смиренія, аскетизмъ проповѣдниковъ и самый догматизмъ поученій не давали простора декламаціи, которою злоупотребляли свѣтскіе ораторы. Исключеніе изъ правила составляли вселенскіе учители, обнаруживавшіе свой проповѣдническій талантъ въ полномъ блескѣ. Но это обнаруженіе проявлялось рѣдко, въ сильномъ возбужденіи духа, и потому осталось назамѣченнымъ; при томъ же, это былъ паѳосъ, а не фразы и холодная декламація, чтобы объ нихъ толковать особо.

Проповѣдническіе сборники; переводы памятниковъ проповѣдничества на разные языки и толкованія на нихъ.

Для окончательной характеристики греческаго проповѣдничества необходимо разсмотрѣть его и въ компилятивныхъ памятникахъ, разныхъ сборникахъ, переводахъ и толкованіяхъ. Это разсмотрѣніе, хотя бы самое общее, окончательно выяснитъ духъ и направленіе греческаго проповѣдничества, его связь съ наукою и жизнію. Греческое проповѣдничество, въ своемъ отвлеченномъ направленіи, особенно изъяснительномъ, достигло полнаго развитія въ IV вѣкѣ, въ поученіяхъ вселенскихъ учителей и преимущественно—Златоуста. И потому съ IV в. памятники греческаго проповѣдничества съ одной стороны были переводимы на иностранные языки и подвергались толкованіямъ, а съ другой стороны сокращались и передѣлывались, для удобнѣйшаго приложенія къ нуждамъ и потребностямъ Церкви. Чаще всего подвергались переводамъ, на армянскій, сирскій, арабскій, коптскій, латинскій и славянскіе языки, и толкованіямъ, поученія Григорія богослова и Іоанна синайскаго.

Это показываетъ, что христіанскіе народы болѣе всего нуждались въ пониманіи основныхъ догматовъ вѣры и въ руководствѣ къ благочестивой жизни, къ насажденію монашества. Но болѣе всего подвергались передѣлкамъ, сокращеніямъ, компиляціямъ и извлеченіямъ бесѣды Златоуста, какъ самыя доступныя уму и богатыя содержаніемъ. Мы упомянемъ только о тѣхъ сборникахъ и переводахъ греческаго проповѣдничества, которые имѣютъ ближайшую связь съ русскимъ проповѣдничествомъ.

Извлеченія (или эклоги) нравственныхъ мыслей изъ поученій Златоуста,—одно изъ 48-ми статей, другое изъ 52-хъ. Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни, изъ св. Златоуста и другихъ отцовъ, сдѣланное напр. Филоѳеемъ. Пандекты (поученія, размышленія, наставленія) инока Антіоха о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, въ 130-ти отдѣленіяхъ или главахъ. Пандекты инока Никона черногорца, въ 63-хъ словахъ, наставленія о добродѣтеляхъ и порокахъ, особенно монашескихъ. Тактиконъ, его же, въ 40 словахъ или посланіяхъ, объ обязанностяхъ монашескихъ и обрядахъ церковныхъ; есть и практическія слова. Добротолюбіе,—извлеченіе подвижническихъ наставленій изъ проповѣдниковъ аскетическихъ, о которыхъ выше говорено, напр. Ѳеодора студита, Симеона новаго богослова и другихъ. Всѣ эти сборники греческаго проповѣдничества — вообще нравственно-аскетическаго содержанія.

Переводы памятниковъ греческаго проповѣдничества на болгарскій языкъ: Златоструй, содержащій въ себѣ 136 избранныхъ словъ Златоуста; Слова Константина (болгар. священника) на воскресные дни года, извлеченныя изъ св. Златоуста и другихъ отцовъ, съ соб-

ственными прибавленіями; Благовѣстникъ (толкованіе на четвероевангеліе) Ѳеофилакта арх. болгарскаго,—или сокращеніе бесѣдъ Златоуста, съ нѣкоторыми прибавленіями изъ другихъ отцовъ и отъ себя; Толкованіе на шестодневъ Іоанна экзарха болгарскаго, по руководству Василія великаго; Слова Аѳанасія великаго противъ аріанъ, переведенныя еп. Константиномъ; Сборникъ болгарскаго царя Симеона, содержащій поученія Василія великаго, Аѳанасія великаго, Григорія нисскаго, Іоанна Златоуста, Григорія богослова, Кирилла александрійскаго, Ѳеодорита, Максима исповѣдника, Іоанна дамаскина, и нѣкоторыя риторическія статьи. Переводы эти, какъ видимъ, вообще изъяснительнаго содержанія и нравственно-догматическаго. Всѣ эти сборники и переводы греческаго проповѣдничества, о которыхъ сейчасъ говорено, цѣликомъ перешли, какъ увидимъ, въ русскую проповѣдническую литературу. О множествѣ второстепенныхъ памятниковъ, въ томъ же родѣ, мы умолчали, а также о переводахъ сербскихъ. Упомянемъ только о Лѣствицѣ. По причинѣ разнообразія ея списковъ въ Сербіи, въ XIV в. предпринято исправленіе этой книги самимъ княземъ Георгіемъ Бранковичемъ. Подъ его покровительствомъ переведены и толкованія на слова Григорія богослова.

Отношеніе греческаго проповѣдничества къ жизни и наукѣ.

Разсмотрѣвъ, въ общихъ чертахъ, характеръ греческаго проповѣдничества, мы съ перваго разу видимъ, что оно, по своему направленію, болѣе имѣетъ отношенія къ богословской наукѣ, нежели къ дѣйствительной

жизни. Въ самомъ дѣлѣ, общее направленіе греческаго проповѣдничества отвлеченное, истолковательное, и въ частности полемико-догматическое и нравственно-аскетическое. Какое же отсюда слѣдствіе, или ближайшее приложеніе? Богословски-научное, имѣвшее въ виду утвержденіе вѣры христіанской. Проповѣдь истолковательная, съ ея развѣтвленіями, дала богатый матеріалъ христіанскому богословію. Полемико-догматическая проповѣдь разъяснила догматы вѣры, основы христіанской дѣятельности; нравственно-аскетическія правила дѣятельности христіанской вообще и въ частности монашеской, совершеннѣйшей. Все это вмѣстѣ содѣйствовало утвержденію вѣры въ умахъ и дѣятельности христіанской въ нравахъ людей. Правильность такого взгляда на дѣло, на научную заслугу греческой проповѣди подтверждаютъ опыты или тѣ приложенія, какія сдѣлала изъ нея жизнь. Мы видѣли, что съ IV вѣка стали появляться проповѣдническіе сборники нравственно-догматическаго содержанія, въ которыхъ излагались существенные догматы и правила вѣры для руководства въ жизни. Этиже пособія оказали великую услугу вѣрѣ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, въ опредѣленіи догматовъ и обрядовъ богослуженія. Съ тогоже времени памятники греческаго проповѣдничества переводятся на иностранные языки, при чемъ на догматическія слова Григорія богослова и «Лѣствицу» Іоанна синайскаго дѣлаютъ толкованія и коментаріи. Явный знакъ, что арабы, сирійцы, армяне, копты и другіе христіанскіе народы нуждались въ разъясненіи истинъ вѣры и правилъ дѣятельности христіанской. Но этою непосредственною богословскою научностію, простою и естественною, жизнь не ограничилась. При разработкѣ

научнаго матеріала, обыкновенно, являются попытки привести его въ систему, обобщить и разграничить дознанныя истины по ихъ родамъ и видамъ. Тоже самое повторилось и въ отношеніи матеріала греческаго проповѣдничества. Іоаннъ дамаскинъ, отлично знакомый съ греческою богословскою литературой и особенно съ діалектикой Аристотеля, написалъ систему богословія. Въ самомъ трудномъ отдѣлѣ богословія, — въ ученіи о Богѣ, онъ почти буквально пользовался словами Григорія богослова. Подобное явленіе повторялось въ богословской литературѣ и другихъ народовъ (напримѣръ у насъ. Въ «Просвѣтителѣ» жидовствующіе обличаются словами Григорія богослова). Патр. Фотій, въ своей «Библіотекѣ», не только подводитъ итогъ памятникамъ греческаго проповѣдничества, но и дѣлаетъ имъ критическую оцѣнку (при чемъ, по свойственной грекамъ любви къ слову, слишкомъ много занимается слогомъ проповѣдей). Впрочемъ услуга греческаго проповѣдничества богословію и утвержденію православія не ограничилась востокомъ, но простерлась и на западъ.

Съ возрожденіемъ наукъ въ Европѣ, греческіе отцы, въ ихъ проповѣдническомъ словѣ, сдѣлались руководителями въ области богословскихъ наукъ. Съ самаго открытія парижскаго университета, въ немъ назначена особая каѳедра для преподаванія св. писанія, по руководству св. отцевъ. Не смотря на успѣшное развитіе въ въ Европѣ, съ XI вѣка, просвѣщенія вообще и богословія, греческіе отцы и доселѣ остаются главными руководителями и истолкователями истинъ вѣры, а также обличителями ересей и заблужденій въ вѣрѣ. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что многія ереси западной церкви, особенно о Божествѣ, не болѣе, какъ повтореніе и перерожденіе

древнихъ ересей. Лучшимъ доказательствомъ такого просвѣтительнаго значенія греческихъ отцовъ-проповѣдниковъ служитъ капитальное богословское изданіе: «Cursus completus sacrae scripturae». Въ этомъ изданіи основными положеніями при изъясненіи истинъ вѣры служатъ толкованія греческихъ отцовъ. Такъ, въ обличеніе заблужденій католическихъ и лютеранскихъ (напр. о Св. Духѣ) приводятся слова Григорія богослова, Аѳанасія великаго и другихъ отцовъ. Въ обличеніе западныхъ христіанскихъ сектъ, отвергающихъ таинства и обряды богослуженія, приводятся свидѣтельства изъ огласительныхъ поученій Кирилла іерусалимскаго; въ этихъ поученіяхъ находятся свидѣтельства объ употребленіи таинствъ и обрядовъ богослуженія въ древнѣйшей Церкви. Безспорно, что въ толкованіяхъ св. писанія католическихъ и протестантскихъ богослововъ болѣе учености и анализа, нежели у греческихъ отцовъ (какъ и слѣдуетъ ожидать отъ развивающейся науки); но преимущество взгляда, постиженіе духа писанія, чистота и непогрѣшимость ученія вѣчно остаются за св. отцами. Гдѣ же этому причина? въ чемъ секретъ и тайна? Въ томъ, что св. отцы не насиловали текста, не подчиняли себѣ писанія, а сами слѣдовали за нимъ и въ совершенствѣ постигли духъ и букву писанія. Особенно отличнымъ толкователемъ въ этомъ отношеніи, по суду библейской критики, оказывается св. Златоустъ. Преимущество рѣдкое, свидѣтельствующее не только о великомъ умѣ толкователей, но и святости жизни ихъ и просвѣщеніи ума Св. Духомъ. До какой степени важно это преимущество въ истолкованіи писанія, доказательствомъ тому служитъ лютеранство, дробящееся на

секты, по причинѣ неодинаковаго пониманія писанія [1]); слѣдовательно дробленіе зависитъ отъ человѣческихъ умствованій и страстей, не имѣющихъ благодатнаго духа и священнаго авторитета, и потому взаимно нетерпимыхъ.

Наконецъ, проповѣди знаменитыхъ отцовъ, особенно IV вѣка, оказали вліяніе на возбужденіе слова современныхъ имъ и послѣдующихъ проповѣдниковъ. И это вліяніе особенно замѣтно въ IV вѣкѣ, когда богословская мысль и религіозная жизнь достигли высшаго напряженія. Такъ, Кириллъ александрійскій, подобно Аѳанасію великому, по опредѣленію никейскаго Собора, разсылалъ по церквамъ пасхальныя посланія или слова нравственнаго содержанія. Онъ сочинилъ много словъ или бесѣдъ, которыя предписано было повторять епископамъ всей Греціи. Въ описаніи соборовъ и житіяхъ святыхъ встрѣчаемъ указанія, какъ знаменитые пастыри поручали малоизвѣстнымъ епископамъ и даже священникамъ сказывать поученія въ праздники. А св. Златоустъ велѣлъ сказывать поученія даже на готѳскомъ языкѣ. Въ третьемъ словѣ о брачныхъ онъ говоритъ о содѣйствіи ему въ словѣ одного епископа: «недавно мой товарищъ щедро бросалъ сѣмена слова». Мы видѣли уже, что знаменитые пастыри, особенно Іоаннъ Златоустъ, оставили по себѣ учениковъ, искусныхъ въ проповѣди. О вліяніи знаменитыхъ проповѣдниковъ на современное имъ слово свидѣтельствуютъ и, такъ часто упоминаемые въ древности, скорописцы, явные и тай-

[1]) Самъ Лютеръ сознавался, что понимать св. писаніе—трудное и великое дѣло. Что можетъ быть понятнѣе и проще слѣдующихъ словъ: «сіе есть тѣло мое». Но Беллярминъ насчиталъ до 200 толкованій на эти слова!

ные. О вліяніи ихъ на послѣдующихъ проповѣдниковъ христіанскаго міра нѣтъ нужды распространяться здѣсь. Это мы увидимъ изъ исторіи русскаго проповѣдничества. Здѣсь достаточно упомянуть тотъ любопытный фактъ, что въ исторіи проповѣдничества христіанскихъ народовъ насчитываютъ многихъ Григоріевъ богослововъ и особенно Златоустыхъ. Въ Россіи напр. Григорію богослову уподобляютъ арх. Цамблака и митрополита московскаго Филарета; именемъ Златоуста почтены: архіепископъ туровскій Кириллъ, протоіерей Леванда и архіепископъ Иннокентій. Уподобленія эти основаны не столько на сходствѣ проповѣдническихъ талантовъ и произведеній, сколько на очевидномъ вліяніи проповѣдей греческихъ святителей на иноземныхъ Григоріевъ и Златоустовъ. Для примѣра мы укажемъ на проповѣди архіепископа Иннокентія: лучшія изъ нихъ запечатлѣны подражаніемъ проповѣдямъ Златоуста. Такъ, живое слово Иннокентія противъ ушедшихъ на зрѣлище, наканунѣ Троицы, слишкомъ напоминаетъ подобное слово Златоуста, въ которомъ онъ жалуется своимъ слушателямъ на нихъ самихъ [1]).

Отношеніе греческаго проповѣдничества къ жизни дѣйствительной, по самому отвлеченному характеру его, не близкое, не прямое, не непосредственное. Разъясняя догматы и правила вѣры, греческое проповѣдничество тѣмъ самымъ освящало жизнь, исправляло общественные и частные недостатки, искореняло страсти и насаждало благочестіе. Но это освященіе жизни и улучшеніе нравовъ, предполагаемое въ теоріи, на практикѣ мало замѣтно и почти неуловимо. Опытъ всѣхъ вре-

[1]) Т. 1, стр. 125.

менъ убѣждаетъ насъ, что внушенія возвышенныхъ христіанскихъ правилъ возбуждаетъ добрыя чувства; но эти чувства, безъ примѣненія къ практикѣ, безъ указанія, какъ пользоваться ими въ борьбѣ съ тяжкими испытаніями, большею частію остаются безплодными. Настроенный возвышенными чувствами уже воображаетъ себя побѣдителемъ страстей, укорененныхъ годами, и думаетъ, что добро дается въ руки безъ особенныхъ усилій. Суровая жизнь и искушенія утомляютъ неопытнаго разочарованіями, требуя постоянной борьбы съ собою, нерѣдко, какъ говорится, до кроваваго пота. И потому справедливо замѣчаетъ современная педагогика, что «отвлеченное проповѣдничество, обильное общими мыслями и наставленіями, но малоприложимое къ нравственнымъ потребностямъ слушателей, не вполнѣ благотворно» [1]). По крайней мѣрѣ нельзя фактически неопровержимо доказать, насколько самое богатое греческое проповѣдничество IV вѣка исправило недостатки общественной и частной жизни грековъ, какъ нельзя дознать, всѣ ли сѣмена, несомыя произволомъ стихій, попадутъ на добрую почву и примутся на ней. А недостатки греческой жизни, хоть бы въ IV вѣкѣ, даже при такомъ правителѣ, какимъ былъ Константинъ великій, были очень значительны. Разумѣемъ нестроеніе общественной и частной жизни, а не споры религіозные, хотя и эти споры ослабляли разстроенную имперію [2]). Между тѣмъ мы видѣли уже, что практическій элементъ въ греческомъ проповѣдничествѣ былъ не богатъ, не обнималъ всѣхъ нуждъ общественной и частной жизни,

[1]) Русск. Пропов. стр. 400.
[2]) Всем. истор. Шлос. IV, 433. 455. V, 2—14.

а касался немногихъ безпорядковъ двухъ—трехъ городовъ имперіи, невольно кидавшихся въ глаза. Нельзя было, напримѣръ, не говорить о циркѣ, когда крики его долетали до храма; или о театрѣ, когда онъ переполненъ былъ въ великую субботу; или о нищихъ, когда они кучами валялись на площади (въ Антіохіи); или о голодѣ, когда родители продавали дѣтей своихъ, для поддержанія жизни.

Кромѣ отвлеченнаго характера, греческое проповѣдничество не владѣло и необходимыми средствами для сближенія съ жизнію государства и народа, пониманія и облегченія ея нуждъ. Излишне и распространяться о томъ, что вопросъ о самостоятельномъ значеніи практической проповѣди не былъ доступенъ древнимъ, наравнѣ съ другими гомилетическими требованіями. Но кромѣ того, греческая проповѣдь не была повсюднымъ явленіемъ, пищею городовъ и селъ, а составляла какъ-бы нѣкоторую роскошь и принадлежность столицъ (Византіи, Александріи, Антіохіи и проч.). Да и въ столичныхъ городахъ проповѣдь была принадлежностію главнымъ образомъ соборныхъ церквей, предстоятели которыхъ были нерѣдко образованные пастыри. А эти пастыри, какъ уже замѣчено, по своему аскетическому воспитанію далеки были отъ мірской жизни, близкаго пониманія и сочувствія ея интересамъ. Существенную услугу этимъ интересамъ могло оказать бѣлое духовенство; но оно не отличалось достаточнымъ образованіемъ и средствами для пріобрѣтенія дорогихъ пособій къ проповѣдничеству. Казенныхъ школъ для духовенства въ Греціи не было. Общественныя школы, процвѣтавшія подъ покровительствомъ Константина великаго и его преемниковъ, со времени Юстиніана пришли

въ упадокъ. Юстиніанъ прекратилъ жалованье публичнымъ наставникамъ греческихъ школъ, обративъ эту сумму на построеніе церквей. Съ упадкомъ школъ въ греческой имперіи и проповѣдь стала рѣдкимъ явленіемъ въ самыхъ городахъ. Да и прежде Юстиніана, даже въ столицахъ, проповѣдники были явленіемъ необычнымъ. Такъ, преемника св. Златоуста Арзака константинопольцы называли «лягушкой, черепахой, рыбой, старымъ пнемъ послѣ цвѣтущаго дерева, безплоднымъ для себя и другихъ (въ дарѣ слова)». А обильная проповѣдническая литература IV вѣка не соотвѣтствовала всѣмъ нуждамъ и потребностямъ имперіи, до паденія ея, на разстояніи болѣе 1000 лѣтъ; да и не всѣмъ она была доступна. Такимъ образомъ, не говоря о скудости практической проповѣди, даже отвлеченная проповѣдь, при кажущемся обиліи ея, далеко не соотвѣтствовала нуждамъ греческой имперіи. Этотъ недостатокъ проповѣди, особенно практической, исправляющей нравы, восполняло Провидѣніе нашествіемъ варваровъ и другими казнями. Явленіе — обычное въ тѣхъ странахъ, гдѣ отъ неумѣнья, или нерадѣнья духовенства, нравственность народа распущена. И греческіе проповѣдники, основываясь на ученіи пророковъ, вѣрно изъясняли бѣдствія, постигавшія имперію, гнѣвомъ Божіимъ. Правда, греческое проповѣдничество оказало вліяніе на жизнь духовную, аскетическую, а чрезъ нее посредственно и на мірскую; и это вліяніе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отвлеченно-богословскаго направленія греческой проповѣди.

Изъясняя св. писаніе, греческая проповѣдь изображала въ особенности міръ духовный и царство небесное. Излагая догматы вѣры и правила дѣятельности,

она указывала средства къ достиженію этого царства. Естественно ожидать, что такое направленіе проповѣди окажетъ все свое вліяніе на людей съ духовнымъ призваніемъ, недовольныхъ міромъ и ищущихъ высшаго блаженства. Дѣйствительно, какъ только явилась проповѣдь Спасителя о высшемъ совершенствѣ и самоотверженіи, тотчасъ явились и подвижники христіанскіе. Проповѣдь эта подробно изложена въ 5 — 7 главахъ евангелія Матѳея; особенно въ 3—12 стихахъ 5 главы, гдѣ говорится о блаженствахъ; въ 28—30 стихахъ—объ отсѣченіи вожделѣній; въ 5 — 21 стихахъ 6 главы—о молитвѣ, постѣ и сокровищахъ небесныхъ; въ 13—14 стихахъ 7 главы о тѣсномъ пути въ царствіе небесное. Предложенныя правила подробно разъяснены въ посланіяхъ апостоловъ и особенно ап. Павла. Ап. Павелъ вообще требуетъ «отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ, облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (Еф. 4, 22). Это возвышенное ученіе о самоотверженіи не вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ греческому міру, и распространялось медленно, большею частію посредствомъ устной проповѣди. Но по мѣрѣ распространенія его въ предѣлахъ имперіи, уже въ I—III вѣкахъ являлись аскеты. Они отказывались отъ удовольствій жизни и супружества, раздавали имущество свое бѣднымъ, спали на землѣ, проводили время въ постѣ и молитвѣ. Въ IV вѣкѣ, какъ мы видѣли, вселенскіе учители раскрыли нравственное ученіе съ особенною силою, возбудили аскетизмъ и положили основаніе аскетическому проповѣдничеству. И тогда какъ догматическая проповѣдь, съ IV вѣка, стала клониться къ упад-

ку, аскетическая, вслѣдствіе умноженія подвижниковъ, процвѣтала до самаго паденія греческой имперіи. Самыя нестроенія и бѣдствія имперіи, неблагопріятныя для нравственности мірянъ, усиливали нравственность аскетовъ. Они видѣли въ переворотахъ міра подтвержденіе словъ Спасителя о суетности земныхъ благъ, и тѣмъ съ большею любовію стремились къ благамъ небеснымъ, не развлекаясь мірскими заботами и привязанностями. Со времени развитія аскетическаго проповѣдничества, жизнь монашеская приняла правильное устройство, съ половины IV вѣка, и количество подвижниковъ въ греческой имперіи умножилось. Такъ, въ понтійскую пустыню, въ которой Василій великій подвизался съ Григоріемъ богословомъ, собралось столько подвижниковъ, что они образовали многолюдный городъ. Въ Сиріи, Месопотаміи и Египтѣ образовались цѣлые полки иноковъ. Въ однѣхъ египетскихъ пустыняхъ къ концу IV в. насчитывали иноковъ до 46,000, въ томъ числѣ до 20,000 инокинь [1]). На Аѳонѣ почти въ каждое столѣтіе насчитывали иноковъ до 10,000. Съ развитіемъ монашеской жизни развивалась до тонкостей и аскетическая проповѣдь, опредѣлявшая внѣшнюю и внутреннюю дѣятельность инока и степени ея совершенства. Два–три слова изъ наставленій пустынныхъ отцовъ сразу пояснятъ то безграничное самоотверженіе, невѣроятное ограниченіе потребностей, которыя предписывались монастырской дисциплиной. Св. Исаія (подвижникъ IV вѣка), написавшій 29 аскетическихъ словъ, говоритъ: «нѣтъ ничего полезнѣе для новоначальнаго монаха, какъ поруганіе; ибо поруганіе для новаго монаха, который переноситъ его, тоже самое, что поливка для дерева». Причины столь удивительной поливки, необходимости поруганій, авва не объяснилъ, предполагая ее извѣстною изъ ежедневнаго опыта; ибо такая высокая мудрость не можетъ слѣдовать изъ теоріи. Причина конечно заключается въ томъ, что оскорбленія сбиваютъ гордость, принижаютъ духъ и вводятъ благодать, которая почиваетъ въ сердцахъ смиренныхъ. Для ревностныхъ подвижниковъ недостаточно было и поруганій: и вотъ, нѣкоторые изъ нихъ проходили подвигъ юродства, отказываясь, изъ любви къ Богу, отъ разума, лучшаго украшенія человѣка. Иные предавали себя мучительнымъ истязаніямъ за грѣхи (примѣры въ Лѣствицѣ), терпѣли на столбахъ стужу и зной (Симеонъ столбникъ въ Антіохіи, Даніилъ столбникъ въ Константинополѣ), заключались во гробы, постились по 40 дней и проч. Самъ св. Златоустъ, съ чувствомъ проповѣдывавшій нравственно-аскетическое ученіе, провелъ 4 года между пустынниками, и еще 2 года въ уединенной пещерѣ, и вслѣдствіе подвиговъ разстроилъ навсегда свое здоровье (желудокъ). Что же касается неисправностей и опущеній въ монашеской жизни: то всѣ они заранѣе предусмотрѣны, исчислены и строго преслѣдовались монастырской дисциплиной. Строгость взысканій монастырскихъ за малыя провинности невольно изумляетъ насъ; а строгость дисциплины западнаго монашества превосходитъ всякое вѣроятіе [1]).

[1]) Разсказы изъ ист. хр. Церкви. III, 74.

[1]) По уставу аѳонскому, Ѳеодора Студита и друг., за порчу казенной вещи—книги, посуды, за разрѣшеніе рыбы въ постъ и т. д. назначались продолжительные посты, сотни поклоновъ и проч. Уставы западнаго монашества отличались чисто военною строгостію. «Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ было тѣлесное, которое присуждалось за самые ничтожные проступки.—Кто во время обѣда забывалъ перекрестить ложку, получалъ шесть

Не станемъ утверждать, что всѣ эти сотни тысячъ иноковъ, появлявшихся въ Греціи съ IV до XVI вѣка, были истинные подвижники. Страсти, неотъемлемая принадлежность человѣческой природы, находятъ дорогу и въ пустыни и въ скиты, искусно скрываются въ ангельскомъ образѣ. Горе и нужда во всѣ времена гонятъ въ монастыри людей безъ призванія и способностей. Но что же изъ этого? Изъ за исключеній, неизбѣжныхъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, станемъ ли отрицать достоинство подвиговъ и высшій идеалъ христіанскаго совершенства? Пусть дѣло говоритъ само за себя.

Греческіе иноки, воспитанные наставленіями великихъ аввъ (отцовъ), и подвизавшіеся во всѣхъ предѣлахъ византійской имперіи, имѣли благотворное вліяніе на народъ, на нравы общественной и частной жизни. Удивляя всѣхъ высокою жизнію, полною лишеній и подвиговъ благочестія, они привлекали къ себѣ мірянъ своею святостію. Соприкасаясь съ міромъ, по нравственнымъ побужденіямъ, они дѣйствовали на него словомъ назиданія и примѣромъ благочестивой жизни. Это назиданіе проникало въ міръ различными путями: церковной и домашней бесѣдой, книгой и письмомъ, сношеніемъ по дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ. Особенную помощь оказывали міру великіе подвижники, украшенные прозорливостію и другими необыкновенными дарами. Нерѣдко они отправлялись въ столичные города, по приглашенію царей и епископовъ, для разрѣшенія трудныхъ задачъ жизни, требовавшихъ высшей помощи; или же отвращали гнѣвъ Божій своими молитвами

ударовъ; кто ронялъ лампаду, — двѣнадцать; забывалъ зажечь ее, — двадцать пять». Вс. И. Шлос. V, 235.

и испрашивали странѣ милости Царя небеснаго и земнаго [1]). Что же касается частныхъ благодѣяній, примиренія вражды, укрощенія страстей, разрѣшенія недоумѣній, устроенія домашняго счастія: то этому находимъ безчисленные примѣры и доказательства въ исторіи Церкви. Вообще, монастыри, какъ школы нравственности, были врачевствомъ общественныхъ и частныхъ недуговъ, сдерживали полуязыческіе нравы грековъ, и можетъ быть продлили существованіе распадавшейся имперіи. Хотя и трудно показать степень вліянія монашества на нравы грековъ, ибо это дѣло духовное; но нѣкоторыя внѣшнія черты этого вліянія представляются сами собою. Мы разумѣемъ избраніе монаховъ на высшія іерархическія должности, съ IV вѣка, со времени утвержденія монашества въ греческой имперіи, и этотъ обычай вошелъ въ церковную практику; а также переводъ монастырей и лавръ изъ пустынь въ города, сближеніе ихъ съ архіерейскими каѳедрами и мірянами. На соборѣ трульскомъ постановлено: «епископу быть безъ жены». Къ концу имперіи византійской близь Константинополя было до 300 монастырей [2]). Иные признаютъ такой фактъ доказательствомъ общаго упадка нравственности. Но нельзя не согласиться, что народъ находилъ для себя полезнымъ сближеніе съ монастырями и давалъ имъ поддержку. Если же къ концу имперіи наплывъ въ монастыри былъ непомѣрный: то это свидѣтельствуетъ о тягостяхъ мірской жизни, и общественныхъ нестроеніяхъ.

[1]) Жизнь Даніила столбника въ Четьи-минеи, 11 декабря; жизнь Симеона столбника 1 сентября, и въ книгѣ «Боголюбцевъ» — Ѳеодорита, епископа кирскаго.

[2]) Ист. Росс. Солов. XVIII, 203.

Итакъ, отвлеченно-богословское направленіе греческаго проповѣдничества, сообразно съ своимъ характеромъ, создавъ монашество, какъ идеалъ христіанской жизни и нравственнаго совершенства, оказало благотворное вліяніе на нравственность общественную. Оно дѣйствовало освящающимъ образомъ на жизнь, посредствомъ слова и примѣра подвижниковъ, укрощая страсти и насаждая благочестіе. И постоянное умноженіе монашества и распространеніе монастырей въ Греціи, какъ школъ высокой нравственности, соотвѣтствовало нуждамъ времени и пользѣ народной. Справедливость такого вывода подтверждается непреложнымъ авторитетомъ,—прославленіемъ многихъ греческихъ подвижниковъ, за ихъ плодотворную дѣятельность, дарами благодати. Но это вліяніе греческаго проповѣдничества на общественную жизнь было не прямое, не непосредственное, а такъ сказать отраженное (рефлексивное).

Сообразивъ все сказанное объ особенностяхъ греческаго проповѣдничества, о его характерѣ и вліяніи на общественную жизнь, мы можемъ предусматривать, какъ оно примется на исторической почвѣ Россіи, какія будетъ развивать начала и какой—осуществлять идеалъ? Но предварительно намъ необходимо изложить приготовительныя свѣденія къ этому вопросу, выясняющія дѣло всесторонно.

2) Способы проникновенія греческаго проповѣдничества въ Россію, и средства, которыми оно поддерживалось въ русской Церкви.

Греческое проповѣдничество, говоря вообще, проникло въ Россію изъ Греціи, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою.

Въ частности, оно проникало въ Россію постепенно, въ теченіе 800 лѣтъ, двумя способами: живымъ устнымъ словомъ и письменнымъ. Живымъ словомъ греческая проповѣдь проникала въ Россію двумя путями: изъ Греціи и изъ Болгаріи, которая заимствовала образованіе отъ грековъ въ IX вѣкѣ.

Устная проповѣдь, вмѣстѣ съ христіанствомъ началась въ Россіи въ IX в., именно въ 867 году. Правда, христіанская вѣра проникала въ наше отечество и прежде, но такъ сказать урывками, безъ особенныхъ послѣдствій. «По памятникамъ исторіи, какъ сказалъ нѣкто, христіане были гостями въ южной Россіи, до IX в. Нѣсколько лицъ и семействъ являлись въ ней христіанами въ душѣ; но потомъ эти гости пожинались войною, или преслѣдованіемъ язычниковъ, не оставивъ по себѣ слѣда, или замѣтнаго движенія въ массѣ народной». Но и съ указаннаго времени греческая устная проповѣдь распространялась въ Россіи не съ одинаковымъ успѣхомъ. Съ 867 до 988 года (крещенія Владиміра) она была частнымъ дѣломъ въ Россіи; съ 988 до 1448 года (прекращенія въ Россіи греческихъ митрополитовъ)—дѣломъ оффиціальнымъ.

Въ 867 году греческій епископъ (предполагаютъ, что онъ зналъ славянскій языкъ и вѣроятно посланъ изъ Болгаріи) проповѣдалъ христіанство въ Кіевѣ и для увѣренія слушателей въ истинѣ своихъ словъ, положилъ евангеліе въ огонь. Какъ проповѣдію своею, такъ и чудомъ невредимости евангелія, онъ обратилъ многихъ славянъ ко Христу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ патріархъ Фотій: «руссы перемѣнили свою нечистую языческую вѣру на чистое христіанство, и, принявъ епископа, ведутъ себя какъ послушные дѣти». Это обращеніе сла-

вянъ въ христіанскую вѣру совершилось при Аскольдѣ и Дирѣ. При Олегѣ христіанство распространилось въ Россіи до такой степени, что греки считали здѣсь особую епархію, подчиненную патріарху. При Игорѣ построена въ Кіевѣ церковь пророка Иліи. Особенно христіанская вѣра распространялась при Ольгѣ, которая утверждена въ вѣрѣ патріархомъ Поліэвктомъ и крещена имъ. Такимъ образомъ христіанство насаждалось въ Россіи, до св. Владиміра, проповѣдію священниковъ, а можетъ быть и епископовъ, вѣроятно большею частію приходившихъ изъ Болгаріи и знавшихъ славянскій языкъ. Такъ напр. св. Ольга имѣла при себѣ папу Григорія, священника или епископа, руководителя въ вѣрѣ.

Оффиціальное дѣйствіе устной проповѣди началось со времени обращенія въ христіанство кн. Владиміра греческимъ инокомъ. По повелѣнію князя Владиміра священники (прибывшіе изъ Корсуня и изъ Константинополя съ царевною Анною) ходили по улицамъ Кіева и по домамъ, наставляя жителей въ вѣрѣ, и многихъ приготовили къ крещенію. Адемаръ утверждаетъ, что въ это время греческій епископъ (митрополитъ Михаилъ) обратилъ въ христіанскую вѣру самую середину страны. Митрополитъ Михаилъ, съ шестью епископами, насадилъ христіанство и въ новгородской области; потомъ, съ четырьмя епископами,—въ ростовской области. По томуже повелѣнію вмѣстѣ съ сыновьями великаго князя отправлялись въ удѣлы священники и даже епископы для проповѣди; священники, какъ знающіе славянскую рѣчь, могли, по большей части, происходить изъ Болгаріи [1]). Такимъ образомъ, въ 28-лѣтнее княженіе св.

[1]) Татищ. Ист. Рос. 1, 38. II, 79.

Владиміра, при содѣйствіи проповѣди греческихъ и болгарскихъ пастырей, вся земля русская обращена въ христіанство, что подтверждаютъ русскія лѣтописи. Затѣмъ, до 1449 года, греки, возводимые на русскую митрополію, словомъ своимъ утверждали христіанство въ Россіи. Многихъ изъ нихъ русскіе лѣтописцы называютъ искусными въ словѣ и учительными. А о митрополитѣ Іоаннѣ II пр. Несторъ говоритъ, что «подобнаго ему не было на Руси, да и не будетъ; что онъ былъ свѣдущъ въ книгахъ, искусенъ въ ученіи, владѣлъ даромъ слова и утѣшалъ печальныхъ своими бесѣдами». Но болѣе всѣхъ потрудились въ устной проповѣди митрополиты: Кириллъ I, Кириллъ II, Максимъ и Ѳеогностъ. Они объѣзжали неустроенную Русь, наставляли всѣхъ въ вѣрѣ, и исправляли народные недостатки. Греки иногда были возводимы у насъ и на епископскія каѳедры, напр. Иларіонъ ростовскій, Мануилъ смоленскій, Антоній черниговскій, Николай полоцкій. Но были ли они учительны и сильны въ русскомъ словѣ, не извѣстно; по крайней мѣрѣ извѣстно, что епископы въ то время мало посѣщали свои епархіи. Кромѣ того, многіе изъ русскихъ людей отправлялись въ Грецію, по дѣламъ службы и торговли, и тамъ были обращаемы въ христіанскую вѣру.

Проповѣдь поименованныхъ нами пастырей была вообще содержанія нравственно-догматическаго, съ одной стороны по необходимости наставлять пасомыхъ въ вѣрѣ, а съ другой стороны потому, что сами проповѣдники руководились ученіемъ Церкви и св. отцовъ. Такъ, епископъ, положившій евангеліе въ огонь, проповѣдывалъ о божествѣ и чудесахъ Спасителя, вслѣдствіе чего слушатели возразили: «мы не увѣруемъ, если не уви-

димъ подобнаго тому, что случилось съ тремя отроками». Патріархъ Поліэвктъ, наставляя княгиню Ольгу въ вѣрѣ, присоединилъ къ тому аскетическія внушенія о цѣломудріи, постѣ, молитвѣ и проч [1]). Инокъ, обратившій кн. Владиміра въ христіанскую вѣру, говорилъ о страшномъ судѣ [2]). Поученія позднѣйшихъ пастырей—проповѣдниковъ, дошедшія до насъ, запечатлѣны характеромъ древняго греческаго проповѣдничества, библейскимъ направленіемъ [3]).

Кромѣ устной проповѣди греческихъ и болгарскихъ пастырей, въ первомъ періодѣ въ Россію проникали и письменные памятники греческаго проповѣдничества, въ переводахъ болгарскихъ и славянскихъ. За недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ нельзя представить полную библіографію этихъ переводовъ. Но по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ видно, что въ XI в. Русь уже пользовалась многими отеческими поученіями. Такъ напримѣръ пр. Несторъ говоритъ о Ѳеодосіи печерскомъ, что когда онъ самъ не проповѣдывалъ, то заставлялъ другихъ читать въ церкви поученія, безъ сомнѣнія св. отцовъ. Въ жизни Авраамія смоленскаго сказано, что онъ прилежно читалъ св. отцовъ, особенно св. Златоуста и Ефрема сирина. Основываясь на указаніяхъ исторіи, мы перечислимъ немногіе памятники греческаго проповѣдничества въ славянскомъ переводѣ, и то лишь главные. Послѣ бесѣдъ св. Златоуста и Ефрема сирина Лѣствица или слова Іоанна синайскаго были въ наибольшемъ употребленіи у русскихъ,

[1]) Ист. Христ. въ Россіи.
[2]) Ист. рус. Церк. пр. Мак. 1.
[3]) Ист. рус. Цер. пр. Фил. 1.

и потому Лѣствица Іоанна почти въ каждое столѣтіе была вновь переводима на славянскій языкъ, или вновь списываема. Такъ, извѣстна Лѣствица въ спискахъ славянскихъ XII вѣка и во многихъ спискахъ XIII, XIV и XV вѣковъ. Прочіе памятники греческаго проповѣдничества появлялись въ славянскомъ переводѣ, въ Болгаріи, или Россіи, въ слѣдующемъ порядкѣ: Сборникъ болгарскаго царя Симеона, содержащій поученія Василія великаго, Аѳанасія великаго, Григорія нисскаго, Іоанна Златоуста, Григорія богослова, Кирилла александрійскаго, Ѳеодорита, Максима исповѣдника, Іоанна Дамаскина, и нѣкоторыя риторическія статьи; переписанъ для кн. Святослава, 1073 г. Сборникъ Святослава 1076 г., отличный отъ перваго, но также содержащій разныя статьи изъ поученій св. отцовъ; сборникъ этотъ переписанъ и въ 1403 г. Сборникъ словъ (18) Златоуста, Василія великаго (1) и проч., XI в. Пандекты (поученія, размышленія, наставленія) инока Антіоха о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, въ 130 отдѣленіяхъ или главахъ, XI—XV в. (составленъ въ VII в). Златоструй изъ 136 избранныхъ словъ Златоуста, съ нѣкоторыми прибавленіями, составленный болгарскимъ царемъ Симеономъ, въ спискѣ XII в. Слова еп. Климента словенскаго (4), XII в. Огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго, XII и XIII в. Слова или бесѣды Константина (болгар. священника) на воскресные дни года, извлеченныя изъ св. Златоуста и другихъ отцовъ, съ собственными прибавленіями, XII—XIII в. Сборникъ поученій св. Златоуста, Василія великаго, Ефрема сирина, Исидора пелусіота и Антіоха—рукопись троице-сергіевой лавры, XII в. Толкованіе на шестодневъ Іоанна экзарха болгарскаго, по руководству

св. Василія, XIII и XV в. Шестодневъ Василія великаго и шестодневъ Златоуста (объ нихъ упоминаетъ митр. Кипріанъ въ XIV в.). Два сборника, содержащіе толкованія св. отцовъ на разныя мѣста св. писанія, XIII—XV в. Толкованіе на евангелія Марка и Іоанна Ѳеофилакта архіеп. болгарскаго, XV в. Благовѣстникъ (толкованіе на четвероевангеліе) тогоже Ѳеофилакта, или сокращеніе бесѣдъ Златоуста, съ нѣкоторыми прибавленіями изъ другихъ отцовъ и отъ себя, XVI в., (но когда Благовѣстникъ въ первый разъ явился въ Россіи, не извѣстно). Слова противъ аріанъ Аѳанасія великаго, XV в. Поученія Ефрема сирина (3 списка) XIII—XV в. Поученіе Исаака сирина (нѣсколько списковъ) XIV—XV в. Діоптра пустынника Филиппа, аскетическія слова (5 списковъ) XIV — XV в. Постническія слова Василія великаго, XV в. Поученія Ѳеодора Студита въ спискахъ XIV—XV в. Подвижническія главы Максима исповѣдника, Ѳеодора эдесскаго и Нила, XIV—XV в. Св. Нила объ 8 помыслахъ, XV в. Сочиненія Симеона новаго богослова и Петра дамаскина, XV в. Различныя слова Григорія синаита, XV в. Слова Григорія богослова (16), съ толкованіемъ Никиты ираклійскаго (5 списковъ), XIV—XV в. Маргаритъ Златоуста, XV в. Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни, изъ св. Златоуста и другихъ отцовъ, сдѣланное патр. Ѳилофеемъ, XV в. Пандекты и Тактиконъ Никона черногорца (сборникъ догматическаго, нравственно-аскетическаго, обрядоваго и каноническаго содержанія, составленный въ XI в.). — Пандекты въ 63 словахъ, наставленія о добродѣтеляхъ и порокахъ, особенно монашескихъ, въ 8 спискахъ, XIII — XV в. Тактиконъ или типиконъ, въ 40 словахъ или посланіяхъ

объ обязанностяхъ монашескихъ и обрядахъ церковныхъ, съ присоединеніемъ практическихъ словъ о церковныхъ имуществахъ и т. п. [1]). Въ этомъ сборникѣ приведено безчисленное множество мыслей и отрывковъ изъ сочиненій греческихъ проповѣдниковъ и писателей. Читая Пандекты и Тактиконъ, предки наши знакомились и съ такими второстепенными писателями, сочиненія которыхъ не были переведены на славянскій языкъ [2]). Наконецъ, въ позднѣйшее время, былъ переведенъ аскетическій сборникъ Добротолюбіе (φιλοκαλια), о которомъ было говорено прежде. Изъ произведеній западныхъ, латинскихъ проповѣдниковъ, предки наши заимствовали весьма немногое, конечно изъ предосторожности; напр. Бесѣды на евангельскія чтенія Григорія двослова, XIV в.

Не распространяемся о множествѣ списковъ св. писанія, съ толкованіемъ св. отцовъ, бывшихъ въ домашнемъ употребленіи у нашихъ предковъ, напр. «Толкованія на книги пророковъ, извлеченныя изъ сочиненій Ѳеодорита и другихъ учителей, XV в.»; а также о множествѣ сборниковъ съ житіями святыхъ и поученіями, напр. «Сборникъ, содержащій въ себѣ египетскій патерикъ, отрывки изъ другихъ патериковъ, житія разныхъ святыхъ и поученія, XV в.», или: «Сборникъ, содержащій въ себѣ Лѣствицу Іоанна синайскаго, разныя статьи, повѣсти, слова, краткія изреченія, XV в.». Подобные сборники особенно умножились въ XIV—XV в. Но и за всѣмъ тѣмъ мы далеко еще не исчислили памятниковъ греческаго проповѣдничества, переведенныхъ

[1]) Ист. рус. Цер. пр. Мак. II, 207. III, 219. V. 246 и дал.
[2]) Прав. Соб. 1855. 1, 34.

на славянскій языкъ. Такъ, въ первомъ періодѣ было еще много проповѣдническихъ сборниковъ, составленныхъ въ Россіи, въ которыхъ наравнѣ съ словами св. отцовъ, особенно Златоуста и Ефрема, помѣщались слова русскихъ проповѣдниковъ. Подобные сборники начали умножаться съ XIV в.

Обозрѣвая исчисленные сборники, удовлетворявшіе духовнымъ нуждамъ нашихъ предковъ, мы приходимъ къ слѣдующему естественному заключенію. Сборники сіи выдерживаютъ общее направленіе греческаго проповѣдничества — отвлеченно-богословское. Въ частномъ направленіи, примѣнительно къ нуждамъ русскихъ, они отличаются нравственно-аскетическимъ характеромъ; изъяснительный элементъ въ нихъ малозначителенъ. Сборники проповѣдническіе умножаются съ XIII до XVII вѣка. Все это не случайно, основано на историческихъ причинахъ. Самый выборъ статей въ сборникахъ и появленіе извѣстныхъ сборниковъ и словъ въ опредѣленныя времена условлены нуждами Церкви и времени. Такъ, напримѣръ, знаменательно появленіе Діоптры въ XV вѣкѣ; въ ней рѣшался вопросъ о кончинѣ міра по истеченіи 7000 лѣтъ; или появленіе обличительныхъ словъ св. Аѳанасія противъ аріанъ въ XV вѣкѣ (ересь жидовствующихъ). Но особенно замѣчательны переводы Пандектъ и Тактикона, начавшіеся съ XIII вѣка. Въ этихъ сборникахъ содержатся указанія и разъясненія важныхъ вопросовъ объ устройствѣ монашества, церковнаго благочинія, о царской власти, объ отношеніи гражданской власти къ духовной, о церковныхъ имуществахъ и т. под. Коротко сказать: общій характеръ греческаго проповѣдничества въ переводахъ, какъ руководительнаго начала, предвѣщаетъ нравственно-аскетическое направленіе русской проповѣди. Особенности исторической жизни Россіи, ея гражданскія и церковныя стремленія, были тою почвою, на которой переродился характеръ греческаго проповѣдничества; вмѣсто научнаго, истолковательнаго, онъ сдѣлался нравственно-аскетическимъ, болѣе близкимъ къ русской жизни..

Но прежде, нежели мы перейдемъ къ этому вопросу, укажемъ на тѣ средства, которыми поддерживалась въ Россіи отвлеченная греческая проповѣдь, не встрѣчая препятствій своему направленію, въ теченіе многихъ вѣковъ.

Главнымъ средствомъ къ утвержденію греческой проповѣди въ Россіи была христіанская вѣра, которая, какъ мы видѣли, создала эту проповѣдь. Христіанское вѣроученіе, въ первые вѣка получившее широкое развитіе и разъясненіе въ греческомъ проповѣдничествѣ, сдѣлалось навсегда неразрывнымъ съ нимъ, какъ зерно со скорлупой, или душа съ тѣломъ. Проповѣдь, какъ сказано, при тогдашнемъ состояніи наукъ, была лучшимъ проводникомъ богословскихъ знаній въ жизнь. Къ IX вѣку, ко времени проникновенія христіанства въ Россію, оно окончательно развито греческимъ проповѣдничествомъ, не только въ догматическомъ, нравственномъ и аскетическомъ отношеніяхъ, но и въ обрядовомъ, каноническомъ и историческомъ. Особенно подробно опровергнуты всѣ ереси, колебавшія христіанство, не только древнія (коихъ, по свидѣтельству Епифанія, было 100, въ томъ числѣ 20 предшествовавшихъ христіанству), но и новыя—монофизитовъ, монофелитовъ и иконоборцевъ. Естественное дѣло, что при такомъ тѣсномъ сродствѣ христіанства съ греческою проповѣдію, послѣдняя

дѣлалась неотъемлемою принадлежностью Церкви и вѣры, особенно въ древней Руси, чуждой всякаго просвѣщенія, и нуждавшейся въ руководителяхъ. Понятно само собою, что греческое проповѣдничество было для Россіи богословскою школою, и журналистикой, и свѣточемъ вѣры. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что греческіе проповѣдническіе сборники переписывались у насъ вольными писцами, и продавались свободно, дѣлаясь достояніемъ народа безъ всякихъ препонъ [1]).

Монашество, перешедшее къ намъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, въ высшей степени содѣйствовало распространенію и утвержденію греческой проповѣди въ Россіи. Русское монашество находило въ греческомъ проповѣдничествѣ разъясненіе нравственныхъ правилъ, опредѣляющихъ христіанскую жизнь, а въ аскетическихъ поученіяхъ—изображеніе высшаго идеала или нравственнаго совершенства. По своему званію, оно

---

[1]) Ист. Рус. Слов. Порф. 153.

На многихъ проповѣдническихъ сборникахъ древней Россіи остались надписи, свидѣтельствующія объ именахъ ихъ владѣтелей, цѣнѣ книгъ и перепродажѣ ихъ въ разныя руки. Изъ этихъ надписей видно, что владѣтелями подобныхъ книгъ были люди духовные и свѣтскіе.

Писатели, часто упоминаемые въ Очеркѣ: Никонъ черногорецъ, грекъ, инокъ, постригся на Чорной горѣ, близъ Антіохіи. Составилъ Пандекты по примѣру Пандектъ Антіоха, въ руководство братіи, при императорѣ Константинѣ Дукѣ... Олеарій, посланникъ Фридриха герцога голштинскаго, собралъ точныя свѣденія о Московіи, въ 1634 г. Сочиненіе его, вѣрно изображающее политическую жизнь московскаго и персидскаго государствъ, имѣло 4 изданія, и переведено почти на всѣ европейскіе языки... Котошихинъ, дьякъ посольскаго приказа, написалъ «повѣствованіе Россіи», около 1665 г.; въ немъ вѣрно изобразилъ почти всѣ стороны русской жизни, со всѣми ея недостатками... Крижаничъ—сербъ, католическій священникъ, написалъ: «Русское государство въ половинѣ XVII в.». Въ 1660 году сосланъ въ Тобольскъ. Въ сочиненіи своемъ онъ подробно разсмотрѣлъ политическую и частную жизнь Россіи, причины ея недостатковъ, и указалъ средства къ исправленію ихъ. Прав. Обозр. 1870 г., январь, февраль.

обязано было руководиться греческимъ проповѣдничествомъ въ общественной и частной жизни. Въ церковномъ богослуженіи оно выслушивало уставныя чтенія изъ поученій отцовъ, особенно Ефрема сирина, Іоанна синайскаго, Златоуста и другихъ; недочитанное въ церкви выслушивалось за трапезой. За трапезой, кромѣ житій святыхъ, обыкновенно читались поученія Исаака сирина, Макарія египетскаго, Ѳеодора студита и другихъ отцовъ. Этиже поученія и особенно Добротолюбіе, въ которомъ, по выраженію подвижниковъ, «сложены капиталы духовныхъ сокровищъ», были настольными книгами въ монастыряхъ, для освященія жизни и права. Понятно, что при такомъ отношеніи русскаго монашества къ греческому проповѣдничеству, оно сдѣлалось постояннымъ распространителемъ его въ новообращенной странѣ. Русскіе монастыри сдѣлались настоящими школами проповѣдничества и богословія; въ нихъ постоянно списывали и переводили греческихъ проповѣдниковъ, тѣмъ болѣе, что подобныя занятія считались дѣломъ богоугоднымъ. Доселѣ сохранились большіе сборники, писанные подвижниками: Кирилломъ бѣлозерскимъ, Іосифомъ волоколамскимъ и другими. И дѣйствительно, это дѣло было богоугоднымъ въ высшей степени. Извлеченныя изъ греческихъ поученій правила проводились иноками въ міръ, посредствомъ церковной и домашней бесѣды, посредствомъ слова и письма. Такимъ образомъ нравственное добро далеко разносилось за предѣлы монастырскіе.

Окончательнымъ средствомъ къ утвержденію греческаго проповѣдничества въ Россіи было подчиненіе русской митрополіи константинопольскому патріарху. Это средство было временнымъ, сравнительно съ предыду-

щими, и повидимому малозначущимъ; но оно дало самое широкое развитіе греческому проповѣдничеству въ русской Церкви.

Подчиненіе русской митрополіи константинопольскому патріарху сблизило Россію съ Греціей духомъ, нравственно религіозными стремленіями, и такимъ образомъ дало у насъ полную свободу греческой проповѣди, какъ руководительному началу въ жизни. Митрополиты изъ грековъ, какъ представители христіанской вѣры и аскетизма, проводили въ жизнь убѣжденія, почерпнутыя ими изъ св. отцовъ и подвижниковъ. Подъ ихъ нравственно-аскетическимъ руководствомъ не только церковная, но и гражданская жизнь русскихъ принимала религіозный характеръ, превращалась нѣкоторымъ образомъ въ церковную и монастырскую обрядность. Въ этомъ руководствѣ помощниками митрополитовъ были епископы, которые въ свою очередь дѣйствовали на народъ чрезъ священниковъ и особенно монаховъ, строгихъ аскетовъ. Благодаря такому руководству, вся Россія оглашалась свято-отеческими писаніями и нравственно-аскетическими бесѣдами. Подобныя наставленія слышались съ церковныхъ каѳедръ, распространялись по Россіи въ пастырскихъ посланіяхъ, въ рѣчахъ при посѣщеніи епархіи, въ бесѣдахъ иноковъ и священниковъ. Самая обыкновенная рѣчь духовныхъ лицъ подкрѣплялась текстами, изреченіями отцовъ и молитвеннымъ тономъ. При разсужденіи о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, даже въ свѣтскомъ кругу, можно было слышать проповѣдническія сентенціи, выражающія аскетическій взглядъ на жизнь, самоотверженіе и полную преданность Промыслу. «Суета суетъ!» «Возненавидимъ плоть». «Блюди себе, чадо, и уповай на Бога». «Все въ

руцѣ Божіей, какъ Онъ восхощетъ». «Буди Его святая воля!...»

Подчиненіе русской митрополіи константинопольскому патріарху сблизило Россію съ Греціей не только духомъ, но и словомъ. Оно заставило русскихъ учиться греческому языку, для обмѣна идей и мыслей, и такимъ образомъ открыло имъ богатѣйшую греческую литературу и проповѣдничество. Греческіе митрополиты и епископы, пріѣзжавшіе въ Россію, привозили съ собою и произведенія греческихъ проповѣдниковъ, а также ученыхъ людей, помощниковъ въ словѣ. Особенно много рукописей привезъ митр. Кипріанъ изъ Греціи и Болгаріи. Изъ ученыхъ грековъ и болгаръ, или сербовъ, оказавшихъ услугу русской литературѣ и проповѣдничеству, слѣдуетъ также упомянуть о Пахоміѣ Логофетѣ, Максимѣ грекѣ и Арсеніѣ грекѣ. Но пастыри греки были недовольно вразумительны для русскихъ въ своихъ наставленіяхъ и писаніяхъ, Такъ митр. Никифоръ писалъ поученія на греческомъ языкѣ, которыя сообщались слушателямъ въ славянскомъ переводѣ. Митр. Кипріанъ писалъ весьма неправильно по-русски, и по причинѣ темной рѣчи былъ маловразумителенъ для современниковъ. Митр. Фотій тоже отличался неясною рѣчію. Эта неудовлетворительность рѣчи пастырей грековъ, и просвѣщеніе, доставляемое ими въ Россію, были ближайшимъ побужденіемъ для русскихъ знакомиться съ греческимъ языкомъ. Не говоря о русскихъ переводчикахъ, мы знаемъ нѣкоторыхъ святителей изъ русскихъ, которые вполнѣ владѣли греческимъ языкомъ; такъ напримѣръ митр. Алексій исправлялъ славянскій переводъ евангелія по греческому тексту. Необходимость почерпать знаніе изъ первоисточниковъ греческой литературы застав-

ляла и свѣтскихъ людей учиться греческому языку. Такъ, нѣкоторые князья говорили по гречески, напр. Михаилъ Юрьевичъ; держали при себѣ ученыхъ грековъ, напр. Константинъ Всеволодовичъ; приглашали греческихъ учителей и заводили училища, напр. Романъ Ростиславичъ; заставляли переводить греческія книги, напр. Ярославъ 1. Кромѣ того, вслѣдствіе духовной связи съ Греціею, люди всякаго званія отправлялись въ Константинополь и на Аѳонъ, и, знакомясь съ греческимъ языкомъ, пріобрѣтали и списывали памятники греческой литературы и проповѣдничества [1]).

Но особенною ревностію къ изученію греческаго языка отличались многіе иноки, такъ какъ они выражали въ своей жизни духъ аскетическаго проповѣдничества и нуждались въ его руководствѣ. По духовной связи съ Греціей, они особенно часто путешествовали въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ и другія мѣста. Тамъ они жили по цѣлымъ годамъ, учились подвижничеству и греческому языку, переводили и списывали памятники греческой литературы и проповѣдничества. Монастыри Студійскій и св. Предтечи въ Константинополѣ, Пантелеймоновъ и Хилендарскій на Аѳонѣ, были постояннымъ пристанищемъ русскихъ и мѣстомъ списыванія и перевода книгъ. Здѣсьже, особенно на Аѳонѣ, было много иноковъ изъ болгаръ и сербовъ, которые содѣйствовали русскимъ въ переводѣ и списываніи греческихъ книгъ. Такъ, въ монастырѣ св. Предтечи жилъ 20 лѣтъ игуменъ Серпуховскаго монастыря Аѳанасій и пріобрѣлъ здѣсь сборникъ отеческихъ сочиненій. Въ

[1]) Путеш. Стеф. и Игнатія. Хр. Чт. 1853 г. II.

студійскомъ монастырѣ жилъ митр. Кипріанъ и переводилъ на славянскій языкъ греческія книги. Такъ, на Аѳонѣ жилъ Нилъ сорскій, и тамъ позаимствовалъ аскетическія слова объ восьми помыслахъ [1]). Такимъ образомъ составились наши богатыя древнія библіотеки, изъ коихъ болѣе замѣчательны: кіево-софійская, новгородско-софійская, патріаршая, троицко-сергіевская, бѣлозерская, соловецкая, волоколамская, и другія. При помощи грековъ, проживавшихъ въ Россіи, и богатыхъ монастырскихъ библіотекъ многіе иноки и въ Россіи успѣшно изучали греческій языкъ и отеческую письменность. Такъ, Стефанъ пермскій поселился въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, богатомъ книгами. Здѣсь онъ изучилъ греческій языкъ въ такомъ совершенствѣ, что не только читалъ и понималъ греческія книги, но и говорилъ по-гречески.

Такимъ образомъ, сама христіанская вѣра, монашество, служившее выразителемъ ея, и подчиненіе русской митрополіи Константинополю, породнившее насъ духомъ и словомъ съ Греціей, были тѣми средствами, которыя утвердили греческое проповѣдничество въ Россіи, на цѣлыя столѣтія. Надобно замѣтить, что русская Церковь тяготилась злоупотребленіями греческихъ царей и патріарховъ (назначавшихъ намъ иногда по два и по три митрополита), и старалась высвободиться изъ подъ этой опеки; но эти непріятности вознаграждались духовнымъ вліяніемъ грековъ на насъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ прекращеніе проповѣди въ Россіи съ окончаніемъ нашей зависимости отъ Греціи. Какъ бы то ни было, но причины, утвердившія греческую проповѣдь

[1]) Приб. къ Твор. св. отцовъ 1853 г.

въ Россіи, окончательно ручаются намъ въ ея господствующемъ нравственно-аскетическомъ направленіи. Приступая къ изложенію этого направленія, мы коснемся сперва быта и характера русскаго народа, дабы видѣть нравственную почву, на которую пали сѣмена греко-русскаго проповѣдничества, ея особенности и пріемлемость.

3) Гражданскій бытъ и характеръ русскаго народа.

Русскіе медленно выходили изъ дикаго состоянія, устроялись общественнымъ бытомъ и сплочивались въ великое русское государство. Въ продолженіе многихъ вѣковъ они не имѣли твердой, правильно организованной власти. Это неудобство, вмѣстѣ съ другими подобными, о которыхъ сейчасъ скажемъ, замедляло ихъ гражданское развитіе. Въ дикомъ состояніи русскіе славяне находились подъ управленіемъ отцовъ семействъ, начальниковъ родовъ и племенъ; слѣдовательно управлялись патріархально. Семейныя несогласія, раздоры племенъ и родовъ подчинили славянъ варягамъ, князьямъ Рюрикова дома. Раздѣливъ между собою Россію на удѣлы и подчиняясь старшему въ родѣ, великому князю, удѣльные князья сохранили гражданское единство и цѣлость Россіи; но спорами за наслѣдство, переходами съ одного стола (города) на другой, со смертію великаго князя, ослабили ея могущество. Дружина, перемѣщавшаяся съ своимъ княземъ и переходившая отъ одного князя къ другому, усиливала общее разстройство и зло. При содѣйствіи талантливыхъ князей и осмотрительнѣйшаго изъ нихъ Іоанна III, государственная власть сосредоточилась наконецъ въ XVI вѣкѣ, въ рукахъ царя Іоанна IV; но самый избытокъ власти, на первый разъ не умѣряемой закономъ, выразился въ государствѣ разрушительною силою, и имя Грознаго дано первому царю не въ похвалу.

Медленное организованіе власти, сопровождаемое войнами и разрушеніемъ, не благопріятствовало законодательству и государственной администраціи. Дѣйствительно, въ продолженіе 700 лѣтъ древней русской исторіи сдѣлано весьма немногое для русскаго законодательства. Законы греческихъ царей, внесенные въ Кормчую книгу, на первыхъ порахъ замѣняли для насъ русское право или законъ. Появившіеся затѣмъ «Русская правда» Ярослава, «Уложеніе» Іоанна III, «Судебникъ» Іоанна IV, и «Соборное Уложеніе» Алексѣя Михайловича, далеко не обнимали всѣхъ нуждъ государства, не разграничили съ точностію приказовъ, дѣлопроизводства и даже сословій—военнаго и гражданскаго, не опредѣлили жалованья служащимъ, не оградили жизни, свободы, чести и имущества людей. Особенно важнымъ недостаткомъ древняго законодательства была крайняя неопредѣленность относительно сбора податей. Государственныя подати собирались съ домовъ, а не съ числа душъ, поэтому подати собирались крайне неисправно. При появленіи сборщиковъ податей жители разбѣгались, и казна не могла покрывать самыхъ необходимыхъ государственныхъ издержекъ. По этимъ причинамъ гражданскій судъ становился произвольнымъ и запутаннымъ; подати непомѣрно увеличивались, казнокрадство и правежи были обыкновенны; тяжебныя дѣла тянулись по нѣскольку лѣтъ, и излагались въ сотняхъ листовъ; мо-

сковская волокита, ябеда и крючкотворство вошли въ поговорку.

Вслѣдствіе слабости и злоупотребленій властей, неполноты и неопредѣленности законовъ, Русь долго не могла устроиться въ своихъ сословныхъ отношеніяхъ, и въ продолженіе почти 700 лѣтъ находилась въ броженіи, ослаблявшемъ ее. Переходили съ мѣста на мѣсто не одни князья и дружина. Переходили и крестьяне, каждую осень, отъ одного владѣльца къ другому; отдавались въ кабалу сильнымъ людямъ, чтобы избавиться отъ податей и притѣсненій; бѣжали въ Сибирь и за границу цѣлыми деревнями и уѣздами, отъ поборовъ, правежей, воинскихъ повинностей, насилія воеводъ и подъячихъ. При такомъ броженіи сословій, грабежи и разбои были дѣломъ обыкновеннымъ. Бѣглые крестьяне и солдаты цѣлыми ватагами нападали на села и города, пытали и жгли жителей, забирая ихъ пожитки [1]). Посланникъ Контарини говоритъ, что онъ, «выѣхавъ изъ Житоміра, цѣлый день ѣхалъ темнымъ лѣсомъ, весьма опаснымъ, по множеству бродягъ». Многіе владѣльцы, съ своими людьми, дѣлали наѣзды на деревни, раззоряли ихъ и давали у себя пристанище разбойникамъ [2]). Много было въ Россіи странниковъ, которые кормились на чужой счетъ, избѣгая податей и общественныхъ повинностей. Эта разобщенность сословій, праздношатаніе, разбои и броженіе были особенно вредны тѣмъ, что подавляли чувство долга и законности, и препятствовали стремиться къ общимъ цѣлямъ совокупными силами.

Броженію государства содѣйствовало климатическое и географическое положеніе страны, обрекавшее жителей

[1]) Ист. Росс. Солов. XIII, 131—133; XVI, 17.
[2]) Тамъ же VII, 193.

ея на труды и бѣдность. Сравнивая роскошную природу западной Европы, благопріятную цивилизаціи, съ природою восточной Европы, мы назовемъ первую матерію, а послѣднюю—мачихой. Россія—страна суровая, въ которой отъ половины до двухъ третей года продолжается зима. Въ древности, по свидѣтельству путешественниковъ, она была покрыта лѣсами и болотами, славилась морозами, глубокими снѣгами и вообще суровымъ климатомъ. Какъ страна суровая и земледѣльческая, она обрекала жителей своихъ на тяжелые труды, ради дневнаго пропитанія. Какъ страна ровная, незащищенная камнемъ и горами, она открыта была для враговъ и частыхъ опустошеній. Въ тоже время разобщенность съ морями и промышленными народами не давала средствъ къ обогащенію торговлею, къ сбыту продуктовъ, которыми изобиловала Россія, напр. лѣса и скота. Къ этимъ климатическимъ и географическимъ условіямъ страны прибавимъ обширность ея пространства, недостатокъ путей сообщенія и малонаселенность. Европейская Россія занимаетъ нынѣ 87,485 квадратныхъ миль. Принявъ во вниманіе, что Россія въ древности владѣла Галиціей, и съ каждымъ вѣкомъ разширялась въ своихъ предѣлахъ (о Сибири не упоминаемъ), мы допустимъ, что она всегда простиралась на десятки тысячъ квадратныхъ миль. При такой обширности страны невоздѣланной, съ слабыми путями сообщенія, и населенность ея была незначительна. По первой ревизіи, сдѣланной Петромъ въ началѣ XVIII вѣка, когда процентъ народонаселенія съ вѣками долженъ бы увеличиться, народонаселеніе Россіи оказалось въ 12.000,000 душъ. Принимая во вниманіе политическое неустройство древней Руси, войны и эпидеміи, истреблявшія на-

родъ, трудно допустить, чтобы населенность Россіи, въ самое спокойное княженіе Іоанна III, могла превысить означенную цифру. Но много ли значило хоть бы десяти или двѣнадцати милліонное населеніе на какихъ нибудь 50,000 квадратныхъ миль! Конечно, столь слабому населенію, разбросанному на огромномъ пространствѣ, не легко было справиться съ дикою и невоздѣланною природою; притомъ же, это населеніе не владѣло научными пособіями и находилось въ постоянной тревогѣ отъ нападенія враговъ. Такимъ образомъ климатическія и географическія условія древней Руси обрекали жителей ея на тяжелые труды, лишенія, потери и бѣдность. Подтвержденіемъ этой истины служитъ народная подать, въ первый разъ опредѣленная въ 1577 году, въ 1.430,000 руб., и во второй разъ въ 1710 году, въ 3.051,796 руб., не покрывавшая расходовъ государства, хотя подать эта и ничтожна сама по себѣ, и особенно въ сравненіи съ другими государствами. Общее мнѣніе о Россіи было какъ о государствѣ деревенскомъ, бѣдномъ. «Лучше поддаться, говорили казаки, крымскому царю: московскій царь станетъ водить насъ въ лаптяхъ, а крымскій— въ атласѣ». Понятное дѣло, что при тягости труда и бѣдности, вѣчномъ опасеніи за свою жизнь, и пустынности страны, народонаселеніе не привязывалось къ мѣсту и искало облегченія своей участи въ переходахъ съ мѣста на мѣсто. Этому значительно содѣйствовали безсиліе власти и закона, недостатокъ надзора и полиціи.

Указанныя неудобства гражданской жизни не благопріятствовали и просвѣщенію русскаго народа. Нелегко учиться тому народу, который постоянно трудится для дневнаго пропитанія и уплаты податей, удаленъ отъ общенія съ торговыми странами, не привязанъ къ мѣсту

и готовъ бѣжать отъ всякихъ насилій и неправосудія. Дѣйствительно, въ продолженіе 700 лѣтъ, русскій народъ не обнаружилъ склонности къ просвѣщенію, и богатая византійская литература не затронула его умственныхъ способностей [1]). Даже элементарныя школы, изрѣдка заводимыя правительствомъ, не ушли далѣе чтенія, письма и пѣнія, и скоро приходили въ упадокъ. Стоглавый соборъ сильно хлопоталъ о томъ, какъ бы завести школы, въ которыхъ бы учили читать и писать. Русскому правительству только въ концѣ XVII в. удалось завести школу, съ высшими образовательными пріемами. «Видно, русскіе, говоритъ пр. Макарій, еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они спокойно продолжали идти тѣмъже путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣмиже первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только чтобы умѣть свободно читать и понимать божественныя и свято-отеческія книги, на пользу собственныхъ душъ и для назиданія ближнихъ». Даже бояре и князья по большей части не знали грамоты (напр. Димитрій Донской и Василій Темный). И чѣмъ другіе европейскіе народы были особенно сильны и славны, тѣмъ именно русскіе были безславны и безсильны, даже въ высшихъ сословіяхъ. «Думные бояре, говоритъ Кошихинъ, уставя брады свои, ничего не отвѣчаютъ (царю), ибо царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ неучены». Кромѣ того, бояре смотрѣли на грамоту съ пренебреженіемъ, какъ и на всякую черную работу.

---

[1]) Рук. для сельск. паст. 1873 г. № 18.

Да и надо сознаться, въ оправданіе нашихъ предковъ, что древняя славянская грамота была слишкомъ непривѣтлива и тяжела даже на взглядъ. Она пугала простое воображеніе своею угловатостію (округлилъ русскій шрифтъ, по образцу латинскому, Петръ I), лишними буквами, ненужными придыханіями, со множествомъ удареній, кавыкъ, паерковъ, каморъ, оксій и самарій, загадочныхъ титлъ и подтитлъ (въ видахъ сбереженія бумаги) и произвольной пунктуаціей. Даже и нынѣ нельзя безъ скорби смотрѣть на устрашительную грамоту славянскихъ рукописей; а предки наши серіозно вѣрили въ ея вредное вліяніе на голову и боялись «изступить ума!» Однимъ словомъ, корень ученія былъ слишкомъ горекъ, и потому не приносилъ сладкихъ плодовъ. Къ томуже, языческая вѣра въ стихіи, греческое суевѣріе, перешедшее къ намъ въ палеяхъ и хронографахъ, и болгарскіе апокрифы запугали и притупили умы простого народа. Не распространяемся о томъ обстоятельствѣ, что ученіе въ старину шло объ руку съ мученіемъ и розгами.

Правда, были въ Россіи образованныя сословія, — подъячіе, священники и монахи; но образованность этихъ сословій была слишкомъ спеціальна и ограничена, чтобы оказать замѣтное вліяніе на развитіе народа. Подъячіе умѣли строчить для корысти и наживы. Священники, по большей части выходившіе изъ простонародья, умѣли читать, не всегда со смысломъ, для полученія прихода. О малограмотности священниковъ засвидѣтельствовалъ митрополитъ Кириллъ II въ поученіи имъ, говоря: «не читайте ложныхъ книгъ» (апокрифовъ). Митрополитъ Кипріанъ назвалъ священниковъ и діаконовъ невѣждами, говоря, что они наполняютъ «сельскіе сборники баснями и суевѣрными

разсказами». Памятникомъ этой малограмотности служитъ наставленіе объ отпустахъ, въ служебникѣ. «На отпустѣ не говори: Христосъ истинный Богъ нашъ молитвами честнаго и славнаго успенія, или введенія, и другихъ праздниковъ, помилуетъ; ибо не введеніе или успеніе приводитъ на молитву» и проч. Священники занимались землепашествомъ, платили подати, бывали на караулахъ и правежахъ, и имъ было не до образованія. Впрочемъ, въ лѣтописяхъ и житіяхъ святыхъ упоминаются и священники учительные. Такъ, священникъ Потапій училъ св. Юліанію добродѣтелямъ, молитвѣ, посту и милостынѣ. На аскетическое настроеніе патріарха Никона, въ его юности, имѣлъ вліяніе приходскій священникъ. Священникъ Орловскій, изъ крестьянъ, сдѣлался проповѣдникомъ-самоучкой. Упоминаются еще, какъ проповѣдники, прот. Сильвестръ, Логгинъ и отчасти Г. Скриница. Но это были рѣдкія исключенія изъ общаго правила. Монаховъ въ древней Руси было много (по репорту 1724 года 14,534 чел.); они имѣли болѣе средствъ къ самообразованію и болѣе нравственнаго вліянія на народъ, нежели священники. Но и монашествующіе, происходившіе по большей части изъ простаго народа, не были образованнѣе священниковъ. Игумены напр. писали въ своихъ граматахъ: «милостію Господа нашего и боголѣпнаго его преображенія, честнаго и славнаго успенія» и пр. [1]). Даже архіереи были мало образованы. «Русскіе епископы, сказалъ митрополитъ Исидоръ, люди некнижные». Въ XIV—XV в. переведенъ на русскій языкъ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни, въ руководство именно архіереямъ.

[1]) Ист. Росс. Сол. VII, 131.

Учительные архіереи, настоятели и подвижники, самоучкой достигшіе замѣчательнаго, по своему времени, образованія, составляли незначительное меньшинство, на разстояніи 700—800 лѣтъ. Вообще, образованіе древней Руси ограничивалось умѣньемъ читать божественныя книги, которыя всѣ назывались боговдохновенными (въ томъ числѣ палеи, хронографы и апокрифы), а наипаче псалтырь и часословъ, и писать, да еще пѣть, по церковному. Въ особенномъ уваженіи у предковъ были гадательныя и суевѣрныя книги: Громникъ, Молніяникъ, Колядникъ, Мартологъ, Острологъ, Звѣздочетецъ, Аристотелевы врата, Рафли, Лечебники и Травники, со множествомъ причитаній, заговоровъ, примѣтъ и чарованій.

Внутреннія и внѣшнія бѣдствія народа.

Разъединенный неурядицами, безсильный, бѣдный и невѣжественный, русскій народъ былъ предоставленъ самому себѣ въ бѣдахъ (которыми переполнена наша древняя исторія), являлся беззащитною жертвою внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ. Относительно внутреннихъ неустройствъ русскіе всего чаще страдали отъ грозныхъ силъ природы, съ которыми не умѣли справиться, и во первыхъ—отъ огня. Незнакомые съ правилами архитектуры и гигіены, русскіе строились коекакъ, скучивая деревянныя зданія на тѣсныхъ пространствахъ, небрежно обращаясь съ печами и трубами, и потому часто подвергались опустошительнымъ пожарамъ. Въ древней Россіи часто выгорали не только села, но цѣлые города. Самая столица не была исключеніемъ изъ общаго правила, тѣмъ болѣе, что въ ней и улицы за-

строивались лавками. Олеарій замѣтилъ, что въ бытность его въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали пожары, и русскіе не тушили ихъ, а ломали сосѣдніе домы. Въ Москвѣ пожары чередовались съ нѣкоторою правильностію, такъ что на каждое семилѣтіе приходилось по одному большому пожару, при чемъ гибло множество народа. Во время пожара, произведеннаго Девлетъ-Гиреемъ, сгорѣла вся Москва (кромѣ Кремля) въ три часа времени. Столпившіеся у воротъ, въ тѣсныхъ улицахъ, въ три ряда шли по головамъ другъ друга. Рѣка не пронесла труповъ. Народа и войска погибло до 800,000. Въ 1737 г. вся Москва сгорѣла отъ свѣчки.

Во вторыхъ, русскіе страдали отъ голода и атмосферическихъ вліяній суровой природы. Голодъ, какъ и пожаръ, чередовался въ Россіи съ нѣкоторою правильностію. Русскимъ не были извѣстны агрономическіе законы, по которымъ скудная почва истощается разъ въ 7—14 лѣтъ, а хорошая — въ 24 года, и производитъ голодовку. Къ томуже, въ странѣ, покрытой лѣсами и болотами, сильные холода смѣнялись проливными дождями и засухами, и все затоплялось, или горѣло; а пособій искуственныхъ противъ силъ природы не было. Въ 1601 году дождь лилъ непрестанно, въ теченіе 10 недѣль, и 15 августа жестокій морозъ побилъ на поляхъ хлѣбъ. Отъ наставшаго голода пострадали и погибли милліоны людей, такъ какъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи не было [1]). Въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ. Подобный голодъ опустошалъ Россію въ 1230, 1309, 1419, 1421, 1429 годахъ [2]).

---

[1]) Ист. Гос. Росс. Карам. XI, 65—67.
[2]) Ист. Росс. Сол. IV, 246.

Въ третьихъ, русскіе страдали отъ эпидемій, которыя обыкновенно слѣдуютъ за голодомъ, войною и нарушеніемъ гигіеническихъ условій жизни. Въ средніе вѣка народы европейскіе страдали отъ проказы, чумы, оспы и другихъ эпидемій: но русскіе страдали болѣе другихъ народовъ; ибо они не имѣли понятія о медицинскихъ пособіяхъ, и общественное зло приписывали вѣдьмамъ (которыхъ жгли) и наговорамъ. Впрочемъ въ большихъ городахъ лекаря были. Черная смерть, по однимъ чума, по другимъ тифозная болѣзнь, истребила $^1/_3$ населенія земного шара [1]). Но нигдѣ она не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ Россіи съ 1352 по 1448 годъ. О морѣ упоминаетъ лѣтопись въ 1308 году, 1318, 1341, 1348 [2]); но этимъ не все сказано. Возобновляясь въ многолюдныхъ городахъ—Новгородѣ, Псковѣ, и Москвѣ, черная смерть ясно указывала на дурное состояніе гигіены, условленное бѣдностію и невѣжествомъ страны. Даже лѣтописецъ, не будучи философомъ, обратилъ вниманіе на этотъ замѣчательный фактъ. Онъ сказалъ, между прочимъ, что «люди съ тѣхъ поръ выродились и и предки наши сдѣлались слабѣе и тщедушнѣе».

Въ четвертыхъ, русскіе страдали отъ необузданной силы физической, проявлявшейся въ княжескихъ раздорахъ и усобицахъ. Физическая сила и кулачное право, замѣнявшія въ древности нравственный законъ, проявлялись болѣе разрушительно, нежели дикія силы природы. Послѣднее зло было временнымъ, а первое постояннымъ; притомъже, оно сопровождалось всѣми видами разрушенія — кровопролитіемъ, пожаромъ, голо-

[1]) Ист. Гос. Рос. Карам. IV, 166—167. V, 143—144.
[2]) Ист. Росс. Сол. IV, 249.

домъ, моромъ и проч. Усобицы князей среднимъ числомъ повторялись черезъ годъ; иногда продолжались сряду по 12—17 лѣтъ. Это зло особенно вредно дѣйствовало на общественные порядки и нравы, развивая эгоизмъ, звѣрскіе инстинкты, неуваженіе къ чужимъ правамъ и долгу совѣсти. Русскіе въ своихъ нападеніяхъ и войнахъ не знали предѣла мщенію, руководствуясь пословицей: «не раздавивъ пчелъ, не ѣсть меду». Воевать по ихъ понятію значило все истреблять, жечь, бить и наносить непріятелю всевозможный вредъ. Эта жестокость русскихъ ужасала европейцевъ даже въ позднѣйшія времена. Въ концѣ XVII вѣка, напримѣръ, сдѣлано было такое предложеніе при польскомъ дворѣ: «надобно договориться съ царемъ, чтобы москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не жгли, не били, не грабили» [1]). Русскіе, по свидѣтельству лѣтописцевъ, неистовствовали на войнѣ хуже невѣрныхъ и поганыхъ; по свидѣтельству иностранныхъ историковъ, они свирѣпствовали на войнѣ «какъ дикіе, турки, монголы и хищные звѣри» [2]). Свирѣпость русскихъ доходила до того, что они разбивали дѣтей о камень и сажали ихъ на колъ. Въ безчисленныхъ междоусобіяхъ князей обнаруживались самые черные пороки и склонности человѣческой природы—хищность, злоба, коварство, гнусное насиліе, вѣроломство, святотатство и т. подоб. Особеннымъ неистовствамъ подвергался несчастный городъ, который, по тогдашнему выраженію, брали на щитъ. Въ древней русской исторіи много подобныхъ несчастій. Въ 1169 году войско Боголюбскаго, самаго бла-

[1]) Ист. Росс. Сол. XIV, 312.
[2]) Всем. Ист. Шлос. XIII, 399, 400.

гочестиваго князя, три дня грабило Кіевъ, монастыри и церкви, не давая пощады никому и ничему. Подобное несчастіе постигло г. Торжокъ. Въ 1372 году войско тверскаго князя Михаила сожгло Торжокъ, ограбило церкви, обобрало жонъ, дѣвицъ и инокинь до нага; при этомъ большая часть жителей погибла; убитыхъ, сгорѣвшихъ и утопшихъ наклали пять скудельницъ. Лѣтописецъ замѣтилъ по этому поводу, что и «поганые такъ не дѣлаютъ, и отъ поганыхъ никогда не бывало такого зла». Новгородская область много терпѣла отъ походовъ Іоанна III, отъ мора, произведеннаго осадой, голода и кровопролитія. Тверская и новгородская области опустошены походомъ Іоанна IV.

Кромѣ этихъ главныхъ неустройствъ, въ древней Россіи было множество внутреннихъ неустройствъ мелкихъ, которыя съ вѣками усложнились и укоренились. Мы изложимъ ихъ коротко, словами Крижанича, въ томъ видѣ, какъ ихъ застала реформа. «Всякое мѣсто въ (Россіи) наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками. Люди вездѣ и отовсюду связаны, не могутъ ничего свободно дѣлать, пользоваться трудами своихъ рукъ. Все они должны дѣлать тайкомъ, торговать въ молчанку, укрываться со страхомъ и трепетомъ отъ огромной толпы правителей или палачей. Сами же цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ, какъ слѣдуетъ, исполнять своихъ обязанностей; (поэтому) нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкнувъ дѣлать все тайкомъ, со страхомъ и обманомъ, какъ воры, забываютъ всякую честь. Если они нуждаются въ комъ, то не знаютъ мѣры своему уни-

женію. Необходимо въ этомъ государствѣ принять какія нибудь средства противъ чиновниковъ, для возвышенія правосудія. О нихъ-то говоритъ Исаія: «начальники твои сообщники воровъ».

Бывъ жертвою внутреннихъ неустройствъ, русскіе еще болѣе страдали отъ внѣшнихъ неустройствъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, разъединенности сословій, общаго безсилія, бѣдности и невѣжества.

Главнымъ изъ внѣшнихъ золъ или неустройствъ Россіи было частое нападеніе на ея границы хищныхъ народовъ. Съ самой глубокой древности на Россію нападаютъ обры или авары, казары, печенѣги, половцы, монголы, татары, поляки, литва, шведы. Нападенія эти большею частію шли съ востока; и если Азія, по выраженію одного историка, «была въ древности народо-вержущимъ вулканомъ», то заднѣпровская равнина была естественнымъ проводникомъ этого вулкана въ Россію. Россія, незащищенная съ востока горами и крѣпостями, при маломъ населеніи, дѣлалась легкою добычею восточныхъ варваровъ. Впрочемъ, она стольже беззащитною была и на юго-западныхъ границахъ своихъ, и потому часто подвергалась нападеніямъ западныхъ враговъ. Не говоря о мелкихъ нападеніяхъ западныхъ хищниковъ, важнѣйшихъ нападеній половцевъ и литвы на Россію, въ древности, записано 45. Это главное зло или внѣшнее неустройство повлекло за собою частныя внѣшнія неустройства.

Первымъ изъ нихъ было частое раззореніе городовъ и селъ, истребленіе жилищъ и пожитковъ, вообще богатства страны, плодовъ экономіи, трудолюбія и просвѣщенія, собранныхъ вѣками. Вторымъ частнымъ зломъ было истребленіе жителей страны, съ одной стороны мечемъ и

огнемъ, съ другой стороны отведеніемъ ихъ въ плѣнъ, на вѣчное рабство. Это зло было весьма чувствительнымъ для страны обширной и пустынной, крайне нуждавшейся въ людяхъ и рабочихъ рукахъ для своего процвѣтанія. Наконецъ, третьимъ самымъ чувствительнымъ зломъ было истощеніе и униженіе народа частыми поборами и жестокими казнями. Поборы или дань, платимая монголамъ, состояла въ десятинѣ отъ всего имущества; но сія дань чрезмѣрно увеличивалась, когда отдавалась на откупъ азіятскимъ купцамъ. Жадные купцы были настоящими кровопійцами, выжимавшими послѣднее достояніе обнищавшихъ жителей. Необузданный произволъ монголовъ, выражавшійся въ насиліяхъ, необходимо сопровождался казнями, особенно при сборѣ податей. Монголы ввели въ Россіи тѣлесную казнь (кнутъ, удары по пятамъ, правежъ), пытку (вбиваніе подъ пятки деревянныхъ гвоздей, отсѣченіе и уродованіе членовъ). Для поясненія этихъ истинъ приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи варварскихъ нашествій на Россію и опустошеній ея.

Посланникъ Карпини, посѣтившій Россію въ 1245 г., говоритъ слѣдующее о ея опустошеніи варварами: «мы прибыли въ Кіевъ, не смотря на многія опасности, ибо эту часть Россіи тревожатъ литовцы постоянными набѣгами. Жителей вездѣ мало; они истреблены монголами, или отведены въ плѣнъ. Въ завоеванныхъ земляхъ начальники монгольскіе, баскаки, проливаютъ кровь людей при малѣйшемъ неудовольствіи [1]). Гаюкъ и Батый прислали въ Россію вельможу, чтобы онъ бралъ отъ двухъ сыновей третьяго; но онъ нахваталъ множество

[1]) Ист. Карам. IV, 27. 37.

людей, безъ разбора, и переписалъ всѣхъ жителей, обложивъ ихъ данью» [1]). «Кіевъ послѣ Батыева опустошенія сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось 200 домовъ. Жители находились въ страшномъ рабствѣ. По окрестностямъ безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ». Въ 1382 году Тохтамышъ опустошилъ Россію, ограбилъ имущество общественное и частное, жителей избилъ, а большую часть отвелъ въ плѣнъ [2]). Въ то время въ Москвѣ убито 24,000 человѣкъ, захвачена казна и частное достояніе, при чемъ сожжено множество книгъ, отовсюду свезенныхъ въ Кремль для храненія. Объ истребленіи книгъ, при нашествіи варваровъ, часто упоминается въ древней исторіи.

Въ 1445 г. татары Улу-Махмета опустошали Россію, взяли въ плѣнъ великаго князя Василія; при чемъ сгорѣла Москва, погибло множество казны и частныхъ товаровъ, ибо въ Москву собрались жители изъ разныхъ городовъ).

Въ 1571 г. Девлетъ-Гирей увелъ изъ Москвы плѣнныхъ до 150,000 [4]). Въ Тавриду часто отводилось безчисленное множество русскихъ плѣнныхъ; тамъ они были рабами для потѣхи и удовлетворенія жестокости [5]). Ихъ дѣлали кастратами, клеймили на лбу и щекахъ, связанныхъ и скованныхъ днемъ мучили на работѣ, а ночью — въ темницѣ. Жизнь ихъ поддерживали небольшимъ количествомъ дохлаго мяса, покрытаго червями, отврати-

[1]) Ист. Росс. Сол. III, 209.
[2]) Тамъ же. III, 363, 364.
[3]) Тамъ же. IV, 66.
[4]) Тамъ же. VI, 301.
[5]) Тамъ же. VII, 190, 191.

тельнаго и для собакъ. Эти плѣнники, испорченные нравомъ, нерѣдко возвращались въ Россію, ибо выкупъ плѣнныхъ былъ у насъ дѣломъ государственнымъ и дѣломъ частной благотворительности.

Въ 1611 г., съ пресѣченіемъ царской власти, Москва раззорена поляками; въ областяхъ буйствовали казаки [1]). До какой степени Россія была ослаблена рядомъ этихъ неустройствъ, видно изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ. Голландскіе послы на пути изъ Ревеля въ Новгородъ нашли страну совершенно опустошенную казаками [2]). Они обыкновенно ночевали въ разрушенныхъ деревняхъ. Останавливаясь на ночлегъ, сперва вытаскивали изъ избы трупы людей, убитыхъ казаками; но отвратительный запахъ выгонялъ ихъ на морозъ. Флетчеръ на пути отъ Вологды до Ярославля насчиталъ болѣе 50 обширныхъ деревень, совершенно пустыхъ [3]). Тысячи людей лишились средствъ къ жизни. Къ Сергіевой лаврѣ направились, съ разныхъ сторонъ, цѣлыя толпы страдальцевъ. Одни изъ нихъ были изломаны, или обожжены, у другихъ вырѣзаны изъ хребтовъ ремни, съ головы содраны волосы, руки и ноги обсѣчены; многіе умирали на дорогѣ. Монастырь, деревни и дороги были наполнены умирающими и мертвыми. Такимъ образомъ, не говоря о мелкихъ нападеніяхъ, на каждое столѣтіе приходится по одному крупному нашествію враговъ, крайне раззорительному для Россіи.

Эти внѣшнія неустройства Россіи, при множествѣ внутреннихъ, неблагопріятно дѣйствовали на развитіе общественной жизни и нравственности народа. Истребляе-

[1]) Тамъ же. VIII, 439.
[2]) Тамъ же. IX, 101.
[3]) Тамъ же. VII, 418.

мое богатство и населеніе страны нашествіемъ варваровъ мѣшало развитію государственныхъ силъ. Оно останавливало торговлю и промышленность страны, успѣхи просвѣщенія, и держало народъ на низкой степени земледѣльческаго быта, въ бѣдности и невѣжествѣ. Но особенно неблагопріятно дѣйствовали подобныя неустройства на нравственность народа. Притѣсненія всякаго рода, поборы и казни развращали народъ, подавляя въ немъ нравственныя чувства и возбуждая низкія страсти. Притворство, ложь, обманъ и злоба—обыкновенныя чувства угнетеннаго народа. Но особенно вредно дѣйствовала на нравственность тѣлесная казнь. Унижая народъ до скота, она крайне ожесточала его, дѣлала способнымъ на всякое преступленіе, и въ свою очередь вызывала строгость законовъ противъ испорченной нравственности. Дѣйствительно, со времени господства монголовъ нравы русскихъ становятся грубѣе и кара законовъ строже. Правда Ярослава ограничивалась въ наказаніяхъ денежнымъ штрафомъ; тѣлесное наказаніе, за важные проступки, допускалось только по повелѣнію князя. Въ Уложеніи Іоанна III за важныя преступленія уже назначается кнутъ. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича уголовныя преступленія казнились уродованіемъ тѣла, клейменіемъ лица, вырываніемъ ноздрей и отсѣченіемъ членовъ: рукъ, ногъ, ушей, носа, языка. Со времени господства монголовъ и до Петра I, правежъ былъ постоянно въ ходу, особенно при сборѣ податей. Жалобы крестьянъ, въ 1658 г., гласятъ: «люди бѣгутъ, дворы брошены, пусты, намъ нельзя платить, помираемъ на правежѣ» [1]). Въ 1679 г. воеводы пишутъ: «крестьяне стоятъ на пра-

[1]) Тамъ же XIII, 98, 301.

вежѣ, но и съ правежа денегъ не платятъ, за скудостію, неурожаемъ и проч.».

Вообще же ослабленіе государственной силы внѣшними неустройствами и униженіе народной нравственности, при другихъ общественныхъ невзгодахъ, подготовляло незамѣтно разложеніе государства и подчиненіе его иноземной власти. Всѣ эти бѣдствія сокрушали національный духъ народа, его матеріальную, умственную и нравственную силу, и препятствовали его гражданскому развитію. Но изъ всѣхъ бѣдствій въ народной памяти оставило самые глубокіе слѣды монгольское владычество, какъ наиболѣе оскорбительное для чести народа. Доселѣ живетъ въ пословицахъ горькое воспоминаніе о татарскихъ набѣгахъ, саблѣхъ, плетяхъ, и томъ отвращеніи, какое пробуждало въ народѣ появленіе татарина. «Не пора татарамъ идти на Русь». «Руби татарская сабля, не бей царская плеть». «Гость не въ пору хуже татарина».

Эгоизмъ государственныхъ сословій.

Медленное организованіе власти и законодательства, сопровождаемое внутренними и внѣшними неустройствами, имѣло вредное вліяніе на духъ и дѣятельность государственныхъ сословій. Этому содѣйствовало отчасти и увеличеніе потребностей бѣднаго государства, возрастаніе всякаго рода налоговъ и податей, напр. перевозы, мостовщины, мыты, банное, соляное и проч. Давимыя нуждою, преслѣдуемыя насиліемъ, сословія древней Руси проникались эгоизмомъ и своекорыстіемъ, стараясь жить на чужой счетъ. Князья спорили между собою изъ-за-городовъ и селъ; бояре изъ-за-крестьянъ и рабовъ. Богатые вла-

дѣльцы скупали рабовъ, напр. плѣнныхъ, и обращая ихъ въ христіанство, перепродавали язычникамъ, съ выгодою для себя. Вообще же, господа обижали рабовъ своихъ, обременяли ихъ тяжкими работами и скудно содержали. Дружина, перемѣщаясь съ княземъ изъ одной волости въ другую, привыкла смотрѣть на отправленіе судейской должности, какъ на кормленіе; не связанная ничѣмъ съ волостію, она извлекала изъ нея всевозможную пользу. Судьи и воеводы, не получая жалованья отъ государства или не довольствуясь малымъ окладомъ въ 30 — 700 р., истощали народъ взятками и нерѣдко оффиціально называли свою службу кормленіемъ. Крестьяне и посадскіе люди, обременяемые податями, стѣсняемые налогами въ своихъ промыслахъ, дорого сбывали свои продукты. Купцы и люди промышленные, съ трудомъ наживая копѣйку въ деревенскомъ государствѣ, прибѣгали къ обманамъ и подлогамъ, ссужали въ долгъ деньги подъ страшные проценты и залоги. Большіе проценты обыкновенно свидѣтельствуютъ о плохомъ состояніи правосудія и опасеніи за свой капиталъ, за его возвращеніе къ своему источнику. «Богачи, говоритъ Маржеретъ, брали проценты больше жидовскихъ и мусульманскихъ, притомъ подъ закладъ втрое превышавшій ссуду, и сверхъ того брали по 4% въ недѣлю; по прошествіи срока закладъ пропадалъ». Многіе ремесленники и мастеровые, особенно монетчики, обогащались обманомъ. Казаки, привыкшіе къ набѣгамъ, при всякомъ замѣшательствѣ въ государствѣ грабили и разбойничали. Истинные и мнимые нищіе, калѣки, юродивые, странники, въ томъ числѣ и монашествующіе, бродя по Россіи, питались подаяніемъ. Патр. Іоасафъ, обличая эти безпорядки, пишетъ: «ходятъ по церквамъ шпыни съ

безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше. Отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ. То они бранятся, то дерутся; иные, положивъ на блюда пелены и свѣчи, собираютъ на церковное строеніе. Иные притворяются малоумными, а потомъ ихъ видятъ въ своемъ разумѣ. Иные ходятъ въ образѣ пустынниковъ, въ черныхъ одеждахъ и веригахъ, растрепавъ волосы. Иные во время св. пѣнія ползаютъ въ церквахъ, творятъ писк и возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ большой соблазнъ». Наконецъ, въ Россіи бродили скоморохи, по 60—100 человѣкъ, грабили крестьянъ и по дорогамъ разбивали.

Законы вооружались противъ сословныхъ злоупотребленій, противъ взятокъ, подлоговъ, мошенничества, грабежей, бродяжничества и проч. Законодательство съ вѣками дѣлалось строже, казни становились ужаснѣе. Уложеніемъ Іоанна III за уголовныя преступленія назначенъ кнутъ; уложеніемъ Алексѣя Михайловича — отсѣченіе членовъ, рваніе ноздрей и проч. Фальшивымъ монетчикамъ заливали горло оловомъ. При Алексіѣ Михайловичѣ казнено смертію фальшивыхъ монетчиковъ болѣе 7000 человѣкъ, отсѣченіемъ рукъ и ногъ, ссылкою и прочее – болѣе 15,000 человѣкъ [1]). Но зло общественное не прекращалось; ибо оно коренилось въ неустройствахъ государства, которыхъ не могли устранить жестокія казни. Преступленія, выражавшія эгоизмъ и корыстолюбіе сословій, искусно прикрывались, не рѣдко личиною благочестія. Такъ наприм. взятки привѣшивались къ иконамъ, «яко бы отъ доброхотныхъ дателей, или вручались съ краснымъ яйцемъ въ пасху».

[1]) Ист. Рос. Сол. XI, 272.

И человѣкъ состоятельный всегда находился въ страхѣ за свое имущество и спокойствіе. Онъ всегда могъ сдѣлаться жертвою людей, умѣвшихъ поживиться на чужой счетъ. Такіе люди были не между одними казаками. Напр. изъ Москвы пріѣзжали во Псковъ дворяне, боярскіе дѣти и торговые люди съ ложными грамотами, требуя богатыхъ горожанъ на судъ; тѣ отплачивались, чтобы избавиться отъ знаменитой московской волокиты [1]). Для исправленія глубоко укоренившихся сословныхъ недостатковъ, эгоизма и своекорыстія, для внушенія уваженія къ чужимъ правамъ и чести требовалось перерожденіе государства, нравственное воспитаніе народа.

Домашній бытъ въ древней руси.

Неблагопріятныя условія государственнаго быта въ древней Россіи заставляютъ предполагать о неудовлетворительности и домашняго быта; ибо общественная жизнь тѣсно связана съ семейною, и неустройства первой отражаются въ послѣдней. Дѣйствительно, древній русскій міръ, съ его недостатками, отражался въ семейномъ быту, какъ въ каплѣ воды, миніатюрно. Отличительныя черты семейнаго быта въ древней Руси — деспотизмъ, своекорыстіе и криводушіе, и эти черты хорошо изображены въ Домостроѣ, въ наставленіяхъ Сильвестра, какъ править домомъ.

Отецъ семейства былъ самоуправнымъ господиномъ, произволу котораго подчинялись всѣ, и которому, по выраженію Сильвестра, необходимо было уноровить. Все

[1]) Тамъ же. IX, 412.

въ дому дѣлалось съ его вѣдома, о всякомъ обиходѣ жена у мужа спрашивалась, все строилось наказаніемъ и грозою. Проступки домашнихъ наказывались плетью. «Достойно по винѣ наказывать жену и дѣтей и слугъ, и раны возлагать и плетью постегать. Такое наказаніе и больно, и страшно, и здорово. Но не бить за всякую вину по уху, ни по видѣнью, ни подъ сердце кулакомъ, и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ; отъ этого бываетъ увѣчье». Здоровое наказаніе преимущественно назначалось для нѣжнаго возраста. «Казни сына своего отъ юности, и не ослабляй бія младенца. Любя сына своего, учащай ему раны. Не смѣйся ему, не играй съ нимъ, и не дай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра, пока растетъ». По принятому обычаю, женъ подвергали наказанію за нерожденіе дѣтей, или рожденіе однѣхъ дѣвочекъ. Деспотизмъ семьянина создалъ затворничество русской женщины и особенно дѣвицы. Св. Юліанія до замужества своего ни разу не была въ церкви, невыучилась грамотѣ и не слышала, кто бы ей сказалъ или прочелъ божественное слово. Мудрено ли, что русскія дѣвицы, откармливаемыя взаперти, только лелѣяли свою красоту. Конечно, неблагонадежные нравы монгольскаго періода уполномочивали русскихъ хозяевъ обрекать женскій полъ на вѣчное заключеніе и прозябательную жизнь. Въ болѣе мрачныхъ чертахъ наши лѣтописи изображаютъ деспотизмъ мачихъ, свекровей и проч. Это были настоящіе тираны своихъ семействъ. При грубости мужей, безгласіи и неразвитости женъ, домашній бытъ часто отравлялся дракою, побоями и мученіями несчастныхъ женъ [1]).

[1]) Ист. Рос. Сол. XIII, 12.

Своекорыстіе русскаго семьянина всею тяжестію обрушивалось на домашнихъ слугъ. Не только простые люди, но и бояре и князья обижали слугъ своихъ. Они обременяли ихъ работами, побуждали къ труду наказаніями, и въ видахъ домашней экономіи скудно содержали ихъ. Вельможи дозволяли себѣ полное самоуправство въ отношеніи рабовъ, такъ какъ рабы, по своей беззащитности, нерѣдко были закабалены на вѣки. «Рабы, говоритъ Олеарій, не получаютъ отъ своихъ господъ пищи; въ замѣнъ того они получаютъ кормовыя деньги, но въ такомъ маломъ количествѣ, что едва могутъ поддерживать жизнь свою. Отъ этого въ Москвѣ происходятъ частыя воровства и убійства». Въ ожесточеніи рабы не рѣдко совершали уголовныя преступленія и въ дому своихъ господъ. Такъ напр. рабъ св. Юліаніи, повздоривъ, убилъ ея сына. Иногда рабы занимались грабежемъ въ самой Москвѣ, или бѣжали отъ своихъ господъ и занимались разбоемъ въ окрестностяхъ ея [1]). Такъ было въ Москвѣ, что же дѣлалось подальше отъ нея?

Криводушіе всего чаще обнаруживалось въ свадебныхъ дѣлахъ. По древнему обычаю женихъ не могъ видѣть своей невѣсты до самой свадьбы; а во время вѣнчанія невѣстъ подмѣнивали. Русскій человѣкъ пользовался таинствомъ, неразрывностію брака, чтобы сбыть съ рукъ неблаговидную дочь. До вѣнца онъ покажетъ красивую дочь, а къ вѣнцу подставитъ безобразную. Котошихинъ засвидѣтельствовалъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого обмана относительно невѣстъ, какъ въ московскомъ государствѣ [2]). Привычка къ подобнымъ обма-

[1]) Ист. Рос. Солов. XIII, 159.
[2]) Тамъ же. XIII, 157. 158.

намъ до того была сильна, что и для царей не дѣлали исключенія. Недобросовѣстность при заключеніи браковъ вела къ другой подобной,—постриженію мужа при живой женѣ, и обратно; или же враждебная чета отдѣлывалась другъ отъ друга отравой [1]). Но обыкновеннымъ слѣдствіемъ незаконныхъ браковъ было разстройство семейнаго счастія. «Затворничество дѣвицъ у зажиточныхъ людей, говоритъ Олеарій, и невозможность видѣть невѣсту до свадьбы, обманы и подстановка невѣстъ разстроиваютъ супружеское счастіе. Мужья съ женами часто живутъ какъ кошки съ собаками». Лѣтописцы выставляютъ на видъ и еще одну дурную черту домашняго быта. Многія жены именемъ религіи обманывали своихъ мужей при смерти. Выпрашивая себѣ наслѣдство, они обѣщали раздѣлить его съ своими дѣтьми и постричься въ монашество, чтобы молить Бога о душѣ усопшаго; но потомъ выходили за мужъ, а дѣтей пускали по міру: явный признакъ отсутствія домашней и супружеской любви. Вообще, много зла совершалось въ домашнемъ быту отъ неясности взгляда, невыработки нравственныхъ правилъ. Домострой дозволяетъ ударить человѣка невинно, для прекращенія спора хотя бы законнаго.

Къ сказаннымъ недостаткамъ домашняго быта надобно присоединить и ранніе браки въ отроческомъ возрастѣ. И если семейный деспотизмъ, своекорыстіе и криводушіе были отраженіемъ общественной грубости нравовъ, то ранніе браки были слѣдствіемъ общественнаго невѣжества. Предкамъ нашимъ не были извѣстны физіологическіе законы счастливаго брака, опредѣляема-

[1]) Котош. 125.

го зрѣлостію возраста, ума и характера. Подобно дикимъ народамъ, руководящимся инстинктомъ, они не возвышались въ этомъ дѣлѣ до благороднѣйшихъ цѣлей. Вступая въ бракъ въ раннемъ возрастѣ, безъ надлежащей подготовки и достаточныхъ силъ, они этимъ разстроивали домашнее счастіе. «У молодаго мужа, говоритъ пословица, молодая и мысль». Мальчикъ и дѣвочка не могли управиться съ собою и съ своимъ хозяйствомъ такъ, какъ этого требуетъ домашнее благополучіе. Раннимъ бракамъ отчасти содѣйствовало и духовенство. Заботясь о чистотѣ нравовъ, оно ограждало ихъ таинствомъ брака. Въ древнихъ поученіяхъ относительно этого предмета встрѣчаемъ такія наставленія: «если отрокъ и отроковица, пришедшіе въ возрастъ, не захотятъ постричься: то они должны вступить въ бракъ, ради тѣлеснаго грѣха». Стоглавый соборъ опредѣлилъ и самый срокъ вступленія въ бракъ: «отроковъ вѣнчать не ранѣе 15 лѣтъ, а дѣвицъ—12». Впрочемъ русскіе всѣхъ сословій вступали въ бракъ гораздо ранѣе этого срока. Олеарій видѣлъ въ Россіи крестьянскаго мальчика, женатаго на 12 году, и одиннадцатилѣтнюю замужнюю дѣвочку. Князья вступали въ бракъ и ранѣе этого возраста. Верхуслава вышла замужъ 8 л.; кн. Константинъ былъ женатъ 11 лѣтъ, Іоаннъ III—12 лѣтъ. И вообще, князья и цари вступали въ бракъ рано, что имѣло вредное вліяніе на ихъ характеръ и долголѣтіе, при сложныхъ обязанностяхъ. Великіе правители Іоаннъ IV и Петръ I вступили въ бракъ на 17 году (по исторіи Соловьева Петръ вступилъ въ бракъ на 13 году), и при всей крѣпости здоровья были недолговѣчны, неспокойны, болѣзненно-раздражительны.

Слѣдствія внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ.

Непрерывнымъ слѣдствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ, общественныхъ и частныхъ неустройствъ въ древней Руси было размноженіе несчастныхъ людей. По всей Россіи бродило множество нищихъ, вдовъ, больныхъ, калѣкъ, сиротъ, плѣнныхъ, погорѣлыхъ, убитыхъ горемъ, отчаянныхъ, пьяныхъ, помѣшанныхъ, идіотовъ, лѣнтяевъ, бѣглыхъ рабовъ, воровъ, разбойниковъ и вообще бездомныхъ людей. Всѣ они сплочивались около богатыхъ городовъ, монастырей, церквей, частныхъ благодѣтелей, пользуясь подаяніемъ, и составляя бремя въ бѣдномъ государствѣ. Количество несчастныхъ людей увеличивалось въ страшной пропорціи послѣ пожаровъ, голода, мора, татарскихъ погромовъ, походовъ Іоанна Грознаго, нашествія поляковъ и другихъ бѣдъ. Никто не считалъ ихъ, ибо тогда не занимались статистикой; но если въ одной Москвѣ народъ гибнулъ сотнями тысячъ: то нищихъ, потерявшихъ имущество и здоровье, были тысячи. Впрочемъ, о множествѣ нищихъ въ древней Россіи свидѣтельствуютъ житія святыхъ и другія сказанія отрывочныя. Въ житіи св. Юліаніи читаемъ: однажды насталъ голодъ; святая распустила рабовъ своихъ и велѣла готовить хлѣбы изъ древесной коры и лебеды. Этимъ хлѣбомъ она питала нищихъ два года; а ихъ безчисленное множество. И когда сосѣди возражали: «что вы ходите къ Юліаніи? она сама умираетъ съ голоду!» Нищіе отвѣчали: «много селъ мы обходимъ, а такъ въ сладости не наѣдаемся, какъ у этой вдовы». И когда послѣ голода настала моровая язва, а потомъ опять голодъ, и такой страшный, что люди ѣли

другъ друга, и зима однажды была столь лютая, что земля разсѣдалась, безчисленныя толпы нищихъ просили у Юліаніи хлѣба, а дать было нечего. Монастыри кіевопечерскій, троицкій, волоколамскій, бѣлозерскій и другіе были пристанищемъ для бѣдныхъ во времена общественныхъ бѣдствій.

Какъ дѣйствовали общественныя бѣдствія на духъ и характеръ разныхъ людей, это видно изъ слѣдующаго примѣра. «Литовскіе люди, говорили новгородцы, нашихъ крестьянъ мучатъ, жгутъ, побиваютъ на смерть на правежѣ. Иные изувѣчены до сихъ поръ лежатъ, другіе пометались въ воду, иные повѣсились» [1]).

Общественныхъ больницъ и пріютовъ въ древней Руси мы не видимъ, кромѣ скудныхъ богадѣленъ при нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ и проч.; и тамъ, какъ слѣдуетъ ожидать, совершались большіе безпорядки. Объ этомъ высказался стоглавый соборъ: «да повелитъ благочестивый царь описать, по всѣмъ городамъ, всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ, и устроить въ каждомъ городѣ мужскія и женскія богадѣльни, въ коихъ довольствовать пищею и одеждою больныхъ, престарѣлыхъ и неимѣющихъ куда голову приклонить; а боголюбцы пусть приносятъ имъ милостыню и все потребное. Смотрѣть, чтобъ имъ не было насильства и обиды отъ стряпчихъ». Въ 1718 г. въ Москвѣ было 90 богадѣленъ и въ нихъ 4,000 нищихъ; число женщинъ превышало число мужчинъ. Естественное дѣло, что пораженные общественными бѣдствіями погибали безпомощно, или обращались къ благотворителямъ, въ родѣ св. Юліаніи, къ монастырямъ, извѣстнымъ сво-

[1]) Ист. Рос. Сол. IX, 95.

сю любовію и милосердіемъ. Мы видѣли, какое множество несчастныхъ устремилось въ сергіеву обитель, послѣ погрома Москвы въ 1611 году; что погнало ихъ въ такую даль? Съ одной стороны, погибель выгорѣвшей Москвы, при чемъ побито до 100,000 людей, съ другой стороны—извѣстная благотворительность сердобольнаго настоятеля Діонисія [1]). И бѣдные страдальцы, усѣявшіе поля трупами, не обманулись въ своихъ чувствахъ. На вопросъ братіи: «кто государь архимандритъ соберется съ разумомъ въ такой бѣдѣ? невозможно промышлять никому, кромѣ единаго Бога!» Діонисій заплакалъ и убѣдилъ всѣхъ приняться за подвигъ состраданія [2]). И вотъ, монастырскіе люди ѣздятъ по полямъ и лѣсамъ, подбираютъ живыхъ и мертвыхъ; однимъ въ монастырѣ шьютъ рубашки и саваны, другимъ строятъ дома; однихъ лечатъ, другихъ напутствуютъ и т. д.

Окончательнымъ слѣдствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ въ Россіи было ослабленіе ея и разложеніе, предвѣщавшее скорую погибель. Постоянное умноженіе несчастныхъ людей служило признакомъ опаснаго состоянія государства. Какъ въ больномъ тѣлѣ развивающіеся паразиты предвѣщаютъ разложеніе его, такъ въ неустроенномъ государствѣ размноженіе пролетаріевъ свидѣтельствуетъ о дурномъ состояніи нравственности и законодательства. То и другое неминуемо ведетъ къ утратѣ національности и подчиняетъ слабое государство болѣе сильному. Таковъ законъ борьбы и развитія національностей, непреложный въ исторіи міра; ибо сильное государство болѣе способно осуществлять

[1]) Всем. Ист. Шлос. XIV, 167.
[2]) Ист. Росс. Солов. VIII, 439.

начала благоустройства, нежели слабое. Тотъже законъ торжества жизни, красоты и силы надъ слабостію и безобразіемъ замѣчаемъ и въ царствѣ животномъ и растительномъ. Разложеніе русскаго государства началось въ несчастное время междуцарствія, съ прекращеніемъ княжеской власти изъ дома Рюрика. Начавшееся междоусобіе съ смертію царя Ѳеодора ясно показало отсутствіе внутренней силы Россіи, единства государственныхъ сословій, и что все въ ней держалось внѣшнею властію. Какъ скоро эта власть исчезла: эгоизмъ и своекорыстіе сословій столкнулись, государство раздѣлилось на враждебныя партіи. Польша и Швеція старались завладѣть Россіей. Особенно ясно свидѣтельствовали о разложеніи русскаго государства партіи казачьяго войска, подъ начальствомъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго. Привыкнувъ жить грабежемъ и пользуясь исчезновеніемъ власти и закона, они пожирали Россію, какъ черви гніющій трупъ. При разъединенности сословій и внутренней слабости, Россія и ранѣе подверглась бы смерти, въ случаѣ пресѣченія царственной власти. Безпорядки государственные и самоуправство бояръ во время малолѣтства Іоанна IV убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Если Россія, испытанная тяжкими ударами, ослабленная внутренними и внѣшними неустройствами, разлагавшаяся и погибавшая устояла: то этимъ она обязана духовной силѣ, которая въ критическую минуту скрѣпила распадавшееся царство, соединила враждовавшія сословія и неимовѣрнымъ напряженіемъ устремила ихъ къ одной цѣли — спасенію Россіи. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Ограниченіе предмета — внутреннихъ и внѣшнихъ неустройствъ Россіи.

Участь древней Россіи представляется намъ совершенно безотрадною; но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Не надо воображать бѣдствія ея въ преувеличенномъ видѣ, въ непрерывной цѣпи, помня поговорку: «скоро дѣло сказывается, но не скоро дѣлается». Міръ нашъ не любитъ яркихъ красокъ, и идеалы совершенства и несовершенства допускаетъ только въ воображеніи, въ области поэзіи. Обыкновенно дѣла человѣческія умѣряются борьбою добра и зла и располагаются въ пропорціяхъ, которыя статистика подмѣчаетъ, на основаніи историческихъ причинъ. Эту ровность и мѣрность въ судьбахъ міроправленія выразилъ общечеловѣческій смыслъ знаменательной поговоркой: «нѣтъ худа безъ добра». И такъ какъ пропорція добра и зла колеблется въ опредѣленныхъ степеняхъ, взаимно пересиливая другъ друга: то неудивительно, что самая великость опасности иногда служитъ средствомъ избавленія отъ бѣдъ. Нѣчто подобное совершилось и въ исторіи Россіи. Великость бѣдствій ея, какъ увидимъ, сдѣлала ее вѣрующею; монгольскій деспотизмъ содѣйствовалъ утвержденію въ Россіи царской власти. Самыя же неустройства Россіи сопровождались благопріятными обстоятельствами, которыя помогли ей восторжествовать надъ опасностями.

Наиболѣе благопріятнымъ обстоятельствомъ для Россіи былъ огромный періодъ времени (700 лѣтъ), въ который она поражалась несчастіями. Великія несчастія и нестроенія Россіи, слѣдовавшія преемственно въ теченіе 700 лѣтъ, давали ей возможность собираться съ

силами, для перенесенія новыхъ ударовъ. Другимъ подобнымъ обстоятельствомъ была безграничность пустынной Россіи, дававшая возможность укрываться отъ преслѣдованій. Не будь этихъ важныхъ обстоятельствъ, Россія не устояла бы въ тяжкихъ испытаніяхъ, какъ не устояли прочія славянскія племена, доселѣ находящіяся въ рабствѣ. Не менѣе важны, въ своей совокупности, и частныя обстоятельства, облегчавшія страданія Россіи.

Пожары не были такъ гибельны въ древней Россіи, какъ они гибельны теперь, съ одной стороны по дешевизнѣ строеваго матеріала, а съ другой стороны по непривычкѣ роскошно обзаводиться. Постоянныя тревоги не дозволяли привязываться къ мѣсту и корениться на немъ. Въ неожиданныхъ случаяхъ русскіе легко разставались съ своимъ незатѣйливымъ имуществомъ и также легко обзаводились имъ на другомъ мѣстѣ. Жилища русскихъ, по свидѣтельству иностранцевъ, не заключали въ себѣ ничего, кромѣ лавокъ, скамей и иконъ. Ктому же, въ городахъ продавались готовые складные дома, по дешевой цѣнѣ, и погорѣвшіе тотъчасъ могли устроиться жильемъ. Во время голода, засухи, проливныхъ дождей, жестокаго холода цѣлыя тысячи народа спасались бѣгствомъ изъ Россіи въ благоустроенныя страны, въ Польшу, Австрію, Литву, въ заднѣпровскія степи и въ Сибирь. Тудаже многіе спасались отъ разбоевъ и притѣсненій. Въ столицѣ бѣднымъ давали вспоможеніе деньгами и хлѣбомъ; напр. Борисъ открылъ въ Москвѣ всѣ запасныя житницы для нищихъ. Богатые монастыри, какъ мы видѣли, тоже служили пристанищемъ для бѣдныхъ. Эпидеміи, такъ часто упоминаемыя въ лѣтописяхъ, до половины XIV вѣка поражали отдѣльные города и области: Кіевъ, Новгородъ,

Псковъ, Владиміръ, Тверь и проч. Чума, извѣстная подъ именемъ черной смерти, опустошавшая Россію съ половины XIV до половины XV вѣка, являлась періодически, въ значительные промежутки времени. Притомъже, многіе зараженные выздоравливали, и послѣ эпидеміи процентъ раждающихся увеличивался; двойни и тройни были обыкновеннымъ явленіемъ. Природа такъ спѣшила вознаградить убыль населенія, что у многихъ изъ нарожденнаго поколѣнія не доставало коренныхъ зубовъ. По прекращеніи черной смерти русскія лѣтописи не упоминаютъ болѣе о эпидеміяхъ въ Россіи. Болѣзнь атмосферы земной, какъ думаютъ физіологи, истощилась въ черной смерти.

Междоусобія князей ослабѣваютъ съ возвышеніемъ Москвы и царской власти, своеволіе бояръ и судей обуздывается тиранніей Іоанна грознаго и развивающимся законодательствомъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Въ самый разгаръ междоусобій князья сдерживаютъ свою силу страхомъ Божіимъ, раскаяваются въ преступленіяхъ и ограничиваютъ зло. Игорь сѣверскій признается, что отдавъ городъ Глѣбовъ на щитъ, онъ тяжко согрѣшилъ, и Богъ отомстилъ ему чрезъ половцевъ. Самое великое зло — опустошеніе Россіи монголами было не такъ страшно, какъ кажется. Не должно, говоритъ г. Соловьевъ, преувеличивать вреда, который Россія претерпѣла отъ татаръ. Надобно помнить, что власть монголовъ особенно тяготѣла въ первые 25 лѣтъ, и въ 1266 году она уже ослабѣла. Въ концѣ XIII вѣка баскаки исчезаютъ и русскіе князья сами отсылаютъ подать хану. До нашествія Тохтамыша, въ продолженіе 50 лѣтъ, сѣверная Россія не слыхала о татарахъ. Кромѣ опустошительныхъ нашествій Тохтамыша, Эдигея и Улу-Махмета, набѣги татаръ касались границъ Россіи и особенно рязанскаго княжества.

Неустройство домашняго быта не было зломъ всеобщимъ, не допускавшимъ исключеній. Многія семейства наслаждались миромъ и счастіемъ домашнимъ. Мужъ св. Юліаніи, прижившій съ нею 13 дѣтей, никакъ не согласился отпустить ее въ монастырь. Въ житіяхъ русскихъ святыхъ встрѣчаемъ похвалы ихъ родителямъ, жившимъ въ благочестіи и любви (св. Сергія, Макарія желтоводск. и друг.). Самые рабы во многихъ домахъ пользовались счастіемъ. Св. Юліанія довольствовала своихъ рабовъ пищею и одеждою и не обременяла ихъ работою. Домострой предписываетъ хозяйкѣ дома «заботиться о слугахъ». Особенно съ XV вѣка, когда поднятъ былъ вопросъ о рабствѣ, многіе бояре отпускали своихъ рабовъ на свободу и раздавали имъ свое имѣніе. Такъ напр. поступилъ Зосима соловецкій, Антоній сійскій, Кириллъ бѣлозерскій, Александръ свирскій, Савва вишерскій, Корнилій вологодскій и другіе. Башкинъ говорилъ: «у меня были кабалы полныя, я всѣ изодралъ. Держу людей у себя добровольно; хорошо ему, живетъ; не нравится, идетъ куда хочетъ». Сильвестръ говорилъ: «я рабовъ своихъ всѣхъ надѣлилъ и освободилъ, иныхъ выкупилъ изъ рабства. И слуги наши нынѣ всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ». Отпускали на волю рабовъ и злые господа, но обыкновенно при смерти, и такъ писали въ завѣщаніи: «всѣмъ моимъ кабальнымъ людямъ свобода; надѣлить ихъ деньгами и хлѣбомъ. И буде чѣмъ сиротъ моихъ оскорбилъ и смерти предалъ, простите меня грѣшнаго [1])».

Вообще, съ фактами и цифрами надо обращаться весьма осторожно, дабы ложнымъ сопоставленіемъ и толкованіемъ ихъ не исказить историческую правду. При всемъ

---

[1]) Ипат. лѣт. 206—219. Акт. юрид. I, № 86.

томъ, не смотря на сдѣланныя оговорки, мы должны признать древній бытъ Россіи суровымъ и мрачнымъ. Много древняя Русь казнилась и искушалась въ напастяхъ, такъ что едва не погибла, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ къ ея возрожденію. Печаленъ и тяжелъ гражданскій бытъ Россіи, какъ ея сѣрое небо, облегающее тучами мрачные лѣса. Повсюду слезы, вопли, казни, насилія! Не привѣтливъ и ея домашній бытъ, какъ тѣ трущобы, въ которыя рѣдко заглянетъ солнечный лучъ и согрѣетъ холодный воздухъ. Вездѣ крутой произволъ, обида, нищета, лукавство, бозсердечіе. И вотъ та суровая жизнь, которая воспитала нашихъ предковъ! та историческая почва, на которой выросъ русскій характеръ, въ теченіе семи столѣтій. Можемъ ли ожидать отъ этого характера особенной мягкости и привлекательности, когда воспитавшая его исторія пугаетъ воображеніе и давитъ чувство?

Характеръ русскаго народа.

Всѣ историческіе народы, подъ руководствомъ Промысла, рѣшаютъ сложную задачу цивилизаціи, многосторонняго развитія жизни человѣческой, внѣшняго благоустройства и духовной усовершимости. И каждый изъ этихъ народовъ въ общей задачѣ рѣшаетъ частный вопросъ, служитъ представителемъ извѣстной дѣятельности и преимущественнаго развитія одной какой либо способности. Русскій народъ, занимающій видное мѣсто въ исторіи міра, всегда отличался болѣе внѣшнею дѣятельностію, нежели духовною, преимущественнымъ развитіемъ внѣшнихъ чувствъ на счетъ умственныхъ способностей; и потому онъ служитъ представителемъ не столько ума и творчества, сколько характера и воли. Съ этой стороны необходимо разсматривать его достоинства и недостатки, историческую дѣятельность и значеніе. Къ внѣшней дѣятельности и развитію воли русскій народъ призванъ самою природой сѣверною, которая требуетъ напряженія физическихъ силъ и мало оставляетъ досуга для высшихъ стремленій. Въ связи съ природою къ той же цѣли направила его и суровая жизнь, исторія, заставивъ бороться за свое существованіе съ безчисленными препятствіями. Но этотъ характеръ непреклонный и воля, закаленная въ напастяхъ, служатъ орудіемъ высокихъ цѣлей, проводникомъ нравственныхъ началъ въ мірѣ.

Исторія застаетъ русскихъ славянъ въ патріархальномъ бытѣ, на свободѣ, безъ всякихъ уставовъ и правилъ жизни. Она находитъ въ нихъ природныя достоинства и недостатки, которыя развились съ вѣками, видоизмѣнились и усилились вслѣдствіе историческихъ причинъ. Славяне отличались простотою нрава, добротою сердца, честностію, ловкостію, гостепріимствомъ и великодушіемъ. Этими свойствами они удивляли иностранцевъ, особенно испорченныхъ грековъ, и заслужили отъ нихъ похвалы. Современники говорили, что «между славянами очень рѣдко попадаются лукавые и злые [1])». Хотя славяне не были пристрастны къ войнѣ, но на войнѣ отличались смѣлостію, съ свойственнымъ имъ великодушіемъ. Авары ставили славянъ впереди своего войска, зная ихъ неустрашимость. Воинственность славянъ развита послѣдующею исторіею ихъ. Представителемъ хорошихъ свойствъ славянъ и особен-

[1]) Ист. Карам. I, 34. Ист. Росс. Сол. III, 54.

по воинственности былъ Святославъ. «Не посрамимъ земли русской, говорилъ онъ въ опасности, но ляжемъ костями. Мертвые стыда не знаютъ». Хорошія свойства славянъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли развиться до высокой степени и сдѣлать этотъ народъ единственнымъ въ свѣтѣ. Къ несчастію, по несовершенству природы, въ славянахъ были и худыя свойства, и исторія благопріятствовала развитію ихъ.

Естественнымъ недостаткомъ славянъ была чувственность, свойственная и другимъ народамъ; она проявлялась въ многоженствѣ, пьянствѣ и пресыщеніи. Чувственность другихъ народовъ имѣетъ обычные предѣлы; чувственность славянъ, какъ выраженіе великой и необузданной силы, переступала эти предѣлы. «Наши, говоритъ Крижаничъ о русскихъ, ни въ чемъ не держатъ мѣры, не могутъ ходить среднимъ путемъ, но блуждаютъ по окраинамъ и пропастямъ». Они похищали себѣ женъ и содержали ихъ по нѣскольку. Брачный обрядъ состоялъ въ томъ, что женихъ и невѣста ходили трижды вокругъ озера или дерева. Съ теченіемъ времени многоженство выродилось въ неестественный порокъ, которому удивлялись иностранцы. «Первый вопросъ, съ которымъ русскіе обращаются къ незнакомцу, говоритъ тотъ же авторъ, есть ли у тебя жена? Намъ должно учиться стыдливости у турокъ. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противоестественно; но у нихъ никто не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не станетъ хвастаться имъ и упрекать другого. У западныхъ народовъ сожигаютъ такихъ преступниковъ. Въ Россіи же это считаютъ шуткою». Развратъ особенно усилился въ Россіи со времени завоеванія Казани и сближенія съ татарами. Иностранцы съ удивленіемъ говорили объ отсутствіи у русскихъ

стыдливости, о ихъ обычаѣ купаться при людяхъ, мыться въ общественныхъ баняхъ мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ, и даже монахамъ и монахинямъ. Впрочемъ, относительно разврата, равно какъ и государственнаго неустройства, исторія отдаетъ преимущество полякамъ. «Во всемъ свѣтѣ, говоритъ Крижаничъ, нѣтъ такого безпорядочнаго и распутнаго государства, какъ польское».

Ни въ одномъ порокѣ исторія не упрекаетъ русскихъ такъ безпощадно, какъ въ пьянствѣ. И если бы мы заподозрили въ справедливости иностранныя свидѣтельства относительно этого предмета: то имѣемъ достаточно и своихъ. Исторія не скрываетъ пьянства и другихъ народовъ, напримѣръ, нѣмцевъ, но преимущество въ этомъ порокѣ уступаетъ русскимъ. Многіе объясняютъ эту слабость суровостію климата, трудами, однообразіемъ жизни. Но мы видимъ другихъ народовъ въ подобной обстановкѣ, напримѣръ евреевъ и цыганъ, отличающихся трезвостію. Главною причиною нетрезвости русскихъ надобно признать природную страсть, усиленную историческими обстоятельствами. Славяне, поклоняясь душамъ умершихъ, часто совершали поминки и, при своей склонности къ удовольствіямъ, пріучались къ пьянству. Зная эту слабость славянъ, непріятели нерѣдко нападали на нихъ во время пьянаго пира [1]). Затѣмъ причиною усиленнаго пьянства были государственныя неустройства, и наконецъ—множество праздниковъ, съ которыми неразвитый народъ не умѣлъ справиться. «Для русскихъ, замѣтилъ кн. Владиміръ, веселіе—вино» (т. е. пьянство). «Нѣмцы, говоритъ Крижаничъ, боль-

[1]) Ист. Росс. Сол. I, прим. 71.

шіе пьяницы; но нигдѣ на свѣтѣ не видно такого гнуснаго пьянства, какъ въ русской державѣ. По улицамъ валяются въ грязи мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ». «Нѣтъ страны въ мірѣ, говоритъ Олеарій, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ московіи. Всѣ, какого бы ни были званія, возраста и пола, мужчины и женщины, молодые и старые, свѣтскіе и духовные, пьютъ водку во всякій часъ, до обѣда, послѣ обѣда и во время его. Въ первый день пасхи, послѣ обѣда, кабаки наполнились народомъ, мужчинами и женщинами, свѣтскими и духовными. На улицахъ валялись пьяные; на другой день утромъ подобрали много мертвыхъ». Контарини: «главнѣйшій недостатокъ москвитянъ есть пьянство» [1]). «Русскіе пьютъ съ утра до вечера, пропиваютъ съ себя одежду, и если достанутъ денегъ, тотъ-часъ бѣгутъ въ кабакъ». «Люди, писалъ арх. Ѳеодосій, постоянно гибнутъ въ корчмахъ отъ пьянства, безъ покаянія, и проповѣди противъ пьянства не имѣютъ успѣха». «Большая часть русскихъ, писалъ Курбскій, предается пьянству съ горя и погибаетъ въ корчмахъ». Особенно въ праздники, «на масляницу и въ пасху, стрѣльцы подбирали по улицамъ цѣлые десятки онившихся» [2]). Въ XVIII вѣкѣ вошло въ обычай и въ поговорку: «пить штрафъ». Сколь ни тягостны эти и многія подобныя обвиненія, но ихъ не должно принимать въ обширномъ значеніи. Всѣ приведенныя свидѣтельства касаются большихъ городовъ, Москвы и Новгорода, гдѣ жители болѣе имѣли средствъ удовлетворять своимъ страстямъ.

[1]) Рус. прон., стр. 70.
[2]) Ист. Рус. Цер. Знам. 289.

Что же касается деревенскихъ жителей, то они скромнѣе, какъ показываетъ и нынѣшняя ихъ жизнь, не далеко ушедшая отъ древней.

Любя пьянство, русскіе любили пресыщеніе и неумѣренность въ пищѣ. Подобнаго рода слабость всего чаще сказывалась на пирахъ. Пиры у русскихъ, особенно знатныхъ, были частые, обильные и продолжительные. Да это и естественное дѣло. Народъ неразвитый, мало знакомый съ духовными наслажденіями, всегда подчиняется матеріальнымъ стремленіямъ. Въ преданіи о пирахъ кн. Владиміра съ восторгомъ упоминается о множествѣ блюдъ. «Славяне, говоритъ Крижаничъ, расточительны и любятъ попировать. Расточительность и пьянство — наши главныя природныя свойства. Наши люди не умѣютъ ни въ чемъ мѣры держать». Олеарій называетъ русскихъ людьми «грубыми, чрезмѣрно склонными къ чувственнымъ удовольствіямъ. Богатые, говоритъ онъ, часто даютъ большіе пиры, на которыхъ предлагается множество блюдъ и напитковъ. Воеводы въ торговыхъ городахъ отличаются подобнымъ гостепріимствомъ». Маржеретъ: «не буду говорить о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ. Все это какъ наводненіе разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ». Тоже говоритъ и другой иностранецъ, Буссовъ. Палицынъ: «впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое и во всякія злыя дѣла». Русскіе пользовались случаемъ попировать [1]). Даже въ церкви, совершивъ обрядъ вѣнчанія, они пировали, потомъ запѣвали пѣсни и затѣвали пляску. Особенному разгулу и невоздержанію предавались люди простые, служивые, казаки и

[1]) Рус. прон. 204. 203.

стрѣльцы. Не говоря о вельможахъ и боярахъ, даже у патріарха и царя за столомъ подавались по 50—100 блюдъ, самаго тяжелаго свойства. Обѣдъ у знатныхъ продолжался иногда 3—4 часа, или съ полудня до вечера [1]). Послѣ обѣда дѣлами не занимались. По причинѣ тяжелыхъ обѣдовъ русскіе предавались долгому послѣобѣденному сну, страдали ожиреніемъ и желудочными болѣзнями.

Къ внѣшнимъ недостаткамъ русскихъ надобно отнести нечистоту, неопрятность и неряшество, которыя зависятъ отъ чувственныхъ привычекъ, и возбуждали отвращеніе иностранцевъ. Еще греческіе историки (Прокопій и Маврикій) засвидѣтельствовали о неопрятности славянъ, называя ихъ грязными и нечистыми. Этоже подтвердилъ и одинъ арабскій историкъ X вѣка, Ахметъ, говоря о нечистотахъ славянъ. Въ древности было мнѣніе, что славяне моются трижды во всю жизнь свою: въ день рожденія, брака и смерти [2]). «Кто много пьетъ, говоритъ Ѳеодосій печерскій, не можетъ ходить; иные валяются въ калѣ, и блюя хотятъ издохнуть». Крижаничъ называетъ русскихъ нечистоплотными и лѣсовиками, за нерасчесанные волосы и бороду; онъ говоритъ, что они ѣдятъ нечисто и все пачкаютъ (о Петрѣ I замѣтили въ Европѣ, что его не научили ѣсть опрятно). Одинъ датскій король, послѣ аудіенціи, данной русскимъ посламъ, сказалъ: «если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то я долженъ буду построить для нихъ свиной хлѣвъ; потому что гдѣ они постоятъ, тамъ отъ смрада никто не можетъ жить полгода». Выходитъ, что

[1]) Ист. Рос. Сол. V, 345.
[2]) Ист. Карам. I, прим. 121.

русскіе въ своемъ неуклюжемъ платьѣ, за которое европейцы называли ихъ варварами, носили особую атмосферу, обличавшую ихъ чувственныя привычки.

Въ дополненіе къ внѣшнему неряшеству, обличающему грубыя чувственныя привычки, русскіе также небрежны были и въ содержаніи своихъ жилищъ, планировкѣ селъ и городовъ. Низкія и темныя зданія, скученныя на тѣсныхъ пространствахъ, въ грязи и нечистотѣ, были жилищемъ болѣзней, и непріятно поражали чувства. Достаточно взглянуть на планъ даже нынѣшней Москвы, съ ея тѣсными и перепутанными улицами, чтобы убѣдиться въ нездоровости ея, особенно въ худыя времена года. Подобные планы городовъ, безъ всякой вентиляціи, совершенно гармонировали съ безобразнымъ и неудобнымъ платьемъ стараго покроя, во всемъ обличая неискуство русскихъ. И какъ въ политическомъ отношеніи Русь казнилась напастями, за свою умственную неподвижность и непроизводительность: такъ и въ физическомъ отношеніи казнилась пожарами, эпидеміями и болѣзнями, за свою грубость и неряшливость. Въ Москвѣ наприм. былъ убійственный воздухъ, особенно внутри города. Въ началѣ XVIII вѣка генералъ Волковъ писалъ изъ Москвы: «извольте вывесть меня изъ этого пропастнаго мѣста; истинно боюсь, чтобъ не занемочь. Только два дня, какъ началась оттепель, но отъ извѣстной вамъ здѣшней чистоты такая мгла и столь бальзамическій духъ, что нельзя выйти изъ дому».

Чувственность, съ ея неряшествомъ, есть внѣшній аттестатъ народа, который свидѣтельствуетъ о неустроенности его нрава и сильныхъ страстяхъ, о его, такъ сказать, дикости и животности. Прежде ознакомленія съ внутренними свойствами народа, какъ и человѣка, мы

заключаемъ о его неразвитости внутренней по внѣшней распущенности, по выраженію животныхъ инстинктовъ. Внутренніе недостатки славянъ, о которыхъ намекаетъ самая чувственность, это—величайшій эгоизмъ и корыстолюбіе. Эгоизмъ состоитъ въ преувеличенномъ понятіи о своихъ достоинствахъ и неуваженіи чужихъ правъ; онъ бываетъ признакомъ великихъ силъ и дарованій, неуправляемыхъ разумомъ, преобладанія характера надъ умомъ.

Эгоизмъ славянъ и вообще русскаго народа выражался въ самоуправствѣ, своеволіи, склонности къ спорамъ и раздѣленіямъ, однимъ словомъ—въ сварливости. И если справедливо положеніе философіи, что «родъ человѣческій сварливъ и всего болѣе губитъ себя враждою»; то славянскія племена служатъ представителями этой страсти. Это несчастное свойство славянъ вредитъ ихъ способностямъ, національному росту и вообще государственному развитію. Вслѣдствіе неукротимаго эгоизма, самоуправства и раздѣленій, славянскія племена подчинены иноземной власти. «Болгары, сербы, хорваты, говоритъ Крижаничъ, уже давно сгубили свое государство, силу, языкъ и весь разумъ. Они не разумѣютъ, что такое народная честь, не думаютъ о ней, и сами себѣ никакъ не могутъ помочь; нужна внѣшняя сила, чтобы поставить ихъ на ноги и включить въ число народовъ». Но лучшимъ доказательствомъ этой истины служатъ поляки, самый даровитый и своенравный народъ, гдѣ «что жбанъ, то панъ!» и каждый шляхтичъ вредитъ государству тщеславнымъ: «liberum veto!» Мы видѣли, что и Русь, вслѣдствіе раздѣленій, едва не погибла». Древніе писатели свидѣтельствуютъ, что между славянами постоянно господствовали различныя мнѣнія, и что они

ни въ чемъ не были согласны между собою [1]). Если одни согласятся въ чемъ нибудь, то другіе тотчасъ нарушаютъ ихъ опредѣленіе; потому что всѣ они питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому». Такое раздѣленіе и сварливость славянъ проистекали, между прочимъ, изъ ихъ свободнаго быта, разрозненности племенъ; они-то и заставили ихъ призвать чужеземную власть. Лучшимъ выраженіемъ эгоизма, самоуправства и сварливости русскихъ служитъ своеволіе князей и бояръ, особенно мѣстничество, такъ много причинявшія зла Россіи.

Самоуправство и сварливость не разлучны съ забіячествомъ, ибо гнѣвъ, не сдерживаемый разсудкомъ, прибѣгаетъ къ физической силѣ въ рѣшеніи спора. И русскіе всегда были склонны къ забіячеству и дракѣ. «Русская правда», при всей краткости своей, подробно разбираетъ вопросъ о побояхъ; она и начинается положеніемъ о смертоубійствѣ. Домострой хорошо изобразилъ склонность русскихъ къ забіячеству, говоря: «не должно бить за всякую вину, по уху, ни по видѣнью, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, не колоть посохомъ, не бить деревяннымъ и желѣзнымъ (орудіемъ)». Склонность къ забіячеству высказывалась невольно въ поединкахъ, ссорахъ, наѣздахъ, играхъ и въ религіозныхъ спорахъ. Русскіе прибѣгали къ поединкамъ въ тяжбѣ и вообще въ спорахъ, которыхъ нельзя было распутать судебнымъ порядкомъ. Такой поединокъ назывался «полемъ» и «божіей правдой». Тяжущіеся говорили судьѣ: «даждь намъ господине божію правду, да лѣземъ въ поле битися». Сила и ловкость, обнаруженныя на поедин-

[1]) Истор. Росс. Сол. 1, 54.

кѣ, считались помощію и судомъ неба, и одолѣть противника въ полѣ, — значило оправдаться. При неразвитости общества и законодательства вѣра въ небесную помощь была естественною. Думали, что Богъ, знающій невиннаго, поможетъ ему одолѣть противника. И хотя обманъ торжествовалъ надъ правдою, но предразсудокъ держался привычкою. Его поддерживало и законодательство. Въ «Правдѣ» Ярослава уже упоминается о судѣ Божіемъ. Въ 1228 г. судившіеся оффиціально доказывали свою правду полемъ. Въ «Уложеніи» Іоанна III опредѣленъ порядокъ судебнаго поединка. Стоглавъ замѣтилъ, что ябедники убиваютъ другъ друга въ полѣ. Въ 1700 г. государь приказалъ «всякихъ чиновъ людямъ не носить съ собою остроконечныхъ ножей, ибо многіе люди въ ссорахъ, дракѣ и пьянствѣ ножами рѣжутъ другъ друга до смерти; а воры нарочно ходятъ съ ножами, грабятъ и рѣжутъ людей по ночамъ». Съ XVII вѣка начались указы и воспрещенія противъ скорой ѣзды по улицамъ, и почти всегда оставались безъ дѣйствія. Въ указѣ 1730 г. сказано: «хотя прежде сего публиковано въ Москвѣ, чтобы люди всѣхъ чиновъ ѣздили смирно въ саняхъ и верхами, днемъ и ночью, и никого не давили и не топтали лошадьми; но ея величеству извѣстно, что многіе люди ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и ихъ верховые люди предъ ними скачутъ необыкновенно, и наѣзжая на другихъ, бьютъ (ихъ) плетьми и топчутъ лошадьми [1]).» Въ древности игры, по праздникамъ, сопровождались битьемъ бочекъ, кулачными боями и дреколіемъ, при чемъ не обходилось безъ убійства. Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что на кулачныхъ бояхъ соперники старались

[1]) Пол. Собр. зак. № 5761.

ударить другъ друга въ самыя чувствительныя мѣста, и ихъ нерѣдко уносили съ площади мертвыми. Указъ 1726 г. гласитъ: «ея импер. величеству стало извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ многіе люди, вынувъ ножи, гоняются за другими бойцами, иные, положа въ рукавицы ядра, каменья и кистени, бьютъ многихъ безъ милости, до смерти; также бросаютъ въ глаза пескомъ. И это убійство между подлыми (людьми) не вмѣняется въ грѣхъ... Кто захочетъ биться для увеселенія, тѣ должны выбрать сотскихъ и проч., и должны смотрѣть, чтобы у бойцовъ не было никакого оружія и инструментовъ, чтобъ во время боя не было дракъ, и кто упадетъ, лежачаго не бить [1])». Привычка къ дракѣ такъ укоренилась, что въ началѣ преобразованія Россіи она сказывалась на пирахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и въ академіи наукъ. «Если, говоритъ г. Соловьевъ, сановники и князья въ своихъ родовыхъ и личныхъ ссорахъ позволяли себѣ публично позорить и бить другъ друга, не понимая, какой вредъ наносятъ всѣмъ; то нечего удивляться, что промышленные люди еще болѣе отягчали свое незавидное положеніе усобицами [2])». Не распространяясь о кровавыхъ бунтахъ черни и стрѣльцовъ, замѣтимъ, что новгородцы болѣе всѣхъ обезславили себя безразсудными драками. Слѣдуетъ вспомнить и о духовныхъ. Въ 1682 г. защитники старой вѣры двинулись въ грановитую палату,

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4939. 5023.

[2]) Князь Долгорукій жаловался, что князь Ромодановскій билъ его и скверно лаялъ. Кулачныя схватки вельможъ часто случались въ нетрезвомъ видѣ... 1743 г. подана жалоба на Ломоносова, что онъ пьяный безчестилъ профессоровъ академіи и показывалъ поносный знакъ—кукишъ... И. Р. Сол. XVIII, 185. XXII, 296.

съ иконами, налоями, свѣчами и проч. Едва прот. В. началъ читать обличеніе, какъ его заушили и хотѣли изорвать тетрадь. «Народи же, не терпяще сего (убѣжденія), хотяху изорвати тетради и довольно побиша его». На холмогорскаго епископа Аѳанасія бросился протоіерей Никита: «что ты, нога, ставишься выше головы?» его насилу оттащили. И это при царицахъ и патріархѣ, и послѣ молебна!

Своеволіе, выражавшееся въ дракахъ и забіячествѣ, сопровождалось руганью и сквернословіемъ, и этимъ порокомъ русскіе превзошли всѣхъ людей. Мы увидимъ, какъ проповѣдники сильно вооружались противъ этого порока, но онъ держится на Руси по старому; и порядочному человѣку среди народа всегда нужно опасаться за свое нравственное чувство. Несторъ говоритъ, что славяне «срамословили передъ отцами и снохами». Въ памятникахъ древней литературы мы находимъ свидѣтельства о привычкѣ русскихъ браниться «позорною, скаредною бранію», «матерно» и т. п. Патріархъ Іоасафъ писалъ: «всякія беззаконныя дѣла умножились, еллинскія блядословія, кощунства; еще другъ друга бранятъ позорною бранію, отца и мать блуднымъ позоромъ, и оскверняютъ свои языки и души всякою безстудною нечистотою». Иностранцы отзывались о русскихъ съ презрѣніемъ, за ихъ грубость и невѣжество, проявлявшіяся въ словѣ и дѣлѣ. Контарини называетъ москвичей «весьма грубыми и невѣжественными». Крижаничъ: «въ русскомъ народѣ расплодились премерзкіе нравы; русскіе не умѣютъ изъясняться и неучтивы въ бесѣдѣ». Олеарій жалуется на грубость русскихъ, говоря, что «при особенной склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ, разговоры ихъ имѣютъ содержаніемъ грязныя

исторіи». Наши и иностранные писатели согласны въ томъ, что брань русскаго народа отзывается крайнею грубостію и раздражительностію. Они объясняютъ эту страсть народа вѣковымъ гнетомъ, рабствомъ и озлобленіемъ противъ всего. Вы видѣли, что правительство русское настойчиво преслѣдовало всѣ пороки русскихъ, даже невинныя игры. Что же касается ругательства и сквернословія: то на этотъ порокъ обратилъ вниманіе только благочестивый Алексѣй Михайловичъ, который заботился о своемъ народѣ, какъ пастырь. По его распоряженію переодѣтые полицейскіе (стрѣльцы) ходили въ толпѣ народа и наказывали бранившихся скверными словами.

Корыстолюбіе стоитъ въ тѣсной связи съ эгоизмомъ, и часто бываетъ слѣдствіемъ его. Кто по невѣжеству чрезмѣрно уважаетъ себя, презираетъ и унижаетъ другихъ: тотъ считаетъ всѣ средства къ обогащенію позволенными, готовъ жить на счетъ ближняго. Корыстолюбіе русскихъ, вслѣдствіе вышеизложенныхъ нами общихъ причинъ, было неудержимо, сопровождалось жадностію къ захватамъ и склонностію ко всѣмъ беззаконіямъ. Одинъ проповѣдникъ весьма характерно выразился объ этой жадности русскихъ къ наживѣ. «Когда, говоритъ, мы видимъ куны (деньги): то готовы издохнуть для нихъ». Корыстолюбіе русскихъ всего чаще выражалось въ воровствѣ, обманахъ, взяточничествѣ, подлогахъ и попрошайствѣ, какъ болѣе легкихъ средствахъ къ наживѣ. Воровствомъ и попрошайствомъ особенно занимался простой народъ, обманами—купцы, взяточничествомъ и подлогами—судьи и приказные. Еще древніе славяне считали кражу дѣломъ позволеннымъ, впрочемъ съ хорошею цѣлію—угостить странника. Съ теченіемъ времени воровство и всякое мошенничество въ

бѣдной странѣ усилилось, особенно со времени Годунова, когда власть и законъ ослабѣли. Самыя жестокія казни потомъ не могли истребить этихъ недостатковъ, ибо они укоренились отъ времени. Недостатки эти такъ глубоко укоренились въ народѣ, что заразили даже духовное сословіе, которое служило представителемъ божественнаго ученія и христіанской нравственности. Бѣлое и черное духовенство, наравнѣ съ чернію, не стыдилось публично просить милостыни и вдаваться въ мелкія хитрости и обманы, подъ опасеніемъ наказанія. И дѣйствительно, правительство преслѣдовало всѣхъ этихъ обманщиковъ и попрошаекъ, съ одной стороны строгими указами, а съ другой стороны—штрафами. Напримѣръ, въ 1694 г. изданъ именной указъ слѣдующаго содержанія: «буде безмѣстные чернецы или черницы въ Кремлѣ, Китаѣ, земляномъ городѣ, и безмѣстные же попы и дьяконы, также гулящіе люди, безчинно и неискусно подвязавъ руки или ноги, а иные, завѣся и зажмуря глаза, будто слѣпы и хромы, просятъ милостыни, на имя Христово, притворнымъ лукавствомъ, а по осмотру они всѣмъ здоровы; тѣхъ чернецовъ и черницъ, поповъ и дьяконовъ имать и приводить въ стрѣлецкій приказъ, чтобъ отнюдь по улицалъ нигдѣ не бродили, и по кабакамъ не водились» [1]). Подобное постановленіе издалъ соборъ 1681 г. «Которые чернецы не живутъ въ послушаніи, безчинствуютъ въ городахъ и въ Москвѣ, ходятъ по кабакамъ и мірскимъ домамъ, валяются по улицамъ: на такихъ безчинниковъ власти монастыря и проч. [2]). Женскаго пола, которыя

[1]) Полн. собр. зак. № 1489.
[2]) Акты истор. V, № 75.

безчинно постриглись и просятъ милостыни, на такихъ архіерей и проч...»

Русскій народъ за свое корыстолюбіе и обманы пользовался дурною славою, какъ дома, такъ и за границей, терялъ кредитъ, особенно у иностранцевъ, и не могъ выйти изъ своего бѣднаго положенія. Іоаннъ грозный, лаская нѣмцевъ, говорилъ: «мои русскіе всѣ воры». «Если бы я не сталъ переписывать имущества (умершаго патріарха), сказалъ Алексѣй Михайловичъ, то все раскрали бы». Петръ I на просьбу голландскихъ евреевъ заняться въ Россіи торговлей отвѣчалъ: «въ Россіи вы не разбогатѣете, потому что одинъ русскій хитрѣе четырехъ жидовъ». Иностранцы (напр. Пуффендорфъ), отдавая справедливость уму и способностямъ русскихъ, единогласно свидѣтельствуютъ о ихъ безнравственности, лживости, наклонности къ обманамъ и вообще слабомъ развитіи чувства чести. Этими недостатками они объясняютъ слабое развитіе торговли въ Россіи, несостоятельность коммерческихъ предпріятій, торговыхъ обществъ, компаній, частыя банкротства и т. под. Олеарій отдаетъ справедливость умственнымъ способностямъ русскихъ и ихъ ловкости въ дѣлахъ; но жалуется на ихъ лживость. Герберштейнъ тоже жалуется на хитрости жителей московскаго государства въ торговлѣ, на ихъ страсть торговаться, тянуть дѣло; особенно обвиняетъ въ этомъ москвичей; о псковичахъ говоритъ противное. Но болѣе всѣхъ осуждалъ русскихъ за эти пороки Пуффендорфъ. «Нѣтъ въ свѣтѣ народа, говоритъ онъ, хитрѣе русскихъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія корысти, въ обманахъ и лживости. Греки указываютъ на русское царство; если бы къ той вѣрѣ христіанской да правда была турецкая, то съ русскими людьми бесѣдовали бы анге-

лы» [1]). Даже татары пренебрегали нравственностію русскихъ. «Когда въ Крыму продаютъ съ аукціона русскихъ плѣнниковъ, говоритъ Михалонъ, то аукціонеръ кричитъ, что это рабы самые простые, не хитрые, только что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго, ибо московское племя, какъ коварное и обманчивое, считается у нихъ дешевымъ». Вообще, въ Европѣ думали, что «москвитяне только по имени слывутъ христіанами, а дѣломъ и обычаемъ хуже варваровъ» [2]).

Если въ характерѣ образованнаго народа главную черту составляетъ умъ, руководящій страстями: то въ характерѣ необразованнаго — чувственность, пересиливающая умъ. Умъ русскихъ былъ подавленъ чувственными стремленіями, и потому занимаетъ невидное мѣсто въ ихъ характеристикѣ. Русскіе не заявили себя въ умственной дѣятельности никакими заслугами, въ продолженіе 700 лѣтъ! Эта умственная непроизводительность, косность мысли особенно бросается въ глаза при сличеніи русскихъ съ западными народами и даже съ греками, которые въ немногое время сдѣлали много для блага человѣчества. Умъ русскихъ даже доселѣ не сказался ни въ наукахъ, ни въ искусствахъ, при всей поддержкѣ правительства. Направленіе его чисто практическое, и оно выразилось въ правилахъ житейской мудрости и въ обрядовой нравственности. Представителемъ первой служитъ «Домострой», который въ строгой программѣ обнялъ всѣ дрязги домашняго быта, предписалъ законъ для каждаго движенія домашнихъ, сосчиталъ всѣ вещи до-

[1]) Ист. Росс. Сол. VII, 254.
[2]) Тамъ же. X, 266.

машней экономіи. Представителемъ послѣдней служитъ мынастырскій строй домашняго быта, который въ древности возведенъ былъ въ догматъ. Введеніе европейскаго костюма, брадобритіе и другія мелочи, измѣнявшія этотъ бытъ, считались «порухою спасенія». На это направленіе ума имѣла вліяніе съ одной стороны суровая природа страны, а съ другой стороны—вѣра. Суровая природа, обрекая народъ на тяжелые труды, не давала пищи воображенію, изощряла его практическій смыслъ и ловкость въ хозяйственныхъ операціяхъ. Вѣра, предписывая правила жизни и обряды, притомъ, какъ увидимъ, въ чисто аскетическомъ настроеніи, покоряла умъ, сдерживала его пытливость и порывы, подчиняла опредѣленнымъ убѣжденіямъ и дѣйствіямъ. «Церковно-византійскее ученіе не имѣло своей задачей развивать интеллектуальныя способности русскаго народа, разумъ и мысль, а исключительнымъ назначеніемъ его было распространеніе и укорененіе въ народѣ вѣры и нравственности, или воспитаніе нравственно-религіознаго чувства [1])». Наводненіе Россіи странствующими греками, со времени паденія Константинополя, содѣйствовало нѣкоторой неподвижности русской мысли. Прося милостыни, греки все же хотѣли казаться авторитетомъ въ глазахъ русскихъ, и отличались иногда выходками противъ науки. Исчисливъ злоупотребленія, какія дозволяли себѣ греки, собиравшіе милостыню, Крижаничъ отозвался о нихъ такъ: «греки, осуждая всякую новизну, предлагаютъ свои заблужденія подъ важнымъ именемъ древности и восхваляютъ невѣжество; всякую науку считаютъ еретическою».

[1]) Педаг. усл. разв. рус. нар. 24.

Это направленіе ума и произведшія его причины даютъ возможность согласить противорѣчивые отзывы о способностяхъ русскихъ. Мы видѣли, какъ древніе путешественники хвалили русскихъ за ихъ смышленость и ловкость въ дѣлахъ. Подобные отзывы можно встрѣтить и нынѣ въ русской и заграничной литературѣ. «Многія достоинства, говоритъ одинъ современный писатель, отличаютъ русскій народъ съ выгодной стороны отъ многихъ другихъ народовъ. Это—необыкновенная легкость все понимать и выучивать, удивительный талантъ переимчивости [1])». Но также въ древней и новой литературѣ попадаются неодобрительные отзывы объ умѣ русскихъ. «Русскіе, говоритъ Олеарій, нисколько не уподобляются древнимъ грекамъ, хотя происхожденіемъ отъ нихъ хвалятся, ибо они ничего не переняли отъ этого умнаго и образованнаго народа, ни въ искусствахъ, ни въ языкѣ. Они не любятъ наукъ и искусствъ». Умы (русскаго) народа, говоритъ Крижаничъ, тупы и косны. Русскій самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ. Книгъ у него—никакихъ. Онъ лѣнивъ и непромышленъ, самъ себѣ не хочетъ добра, если не будетъ принужденъ (къ тому) силою». Но для насъ непреложный авторитетъ имѣютъ отзывы творца русскаго народа Петра великаго. «Нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради, никогда не примутся за азбуку, если не будутъ приневолены отъ мастера (учителя); имъ сперва (это) кажется досаднымъ, но когда выучатся, благодарятъ. Это явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ. Не всель сдѣлано неволею? Понеже у насъ ученіе еще не гораздо укоренилось, такожъ и въ дѣлахъ гражданскихъ, а особливо экономическихъ, почитай ничего нѣтъ». «Неискусство наше — во всѣхъ дѣлахъ». Всѣ, хвалящіе умъ русскихъ, поставляютъ его достоинство въ переимчивости, внѣшней ловкости. Это и естественно. Упражняясь 700 лѣтъ въ земледѣльческихъ работахъ, народъ изощрилъ внѣшнія чувства и внѣшній разумъ,—смыслъ и память зрѣнія, слуха, осязанія. Въ высшихъ же знаніяхъ, въ которыхъ не упражнялся, онъ—темный народъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на коверканіе иностранныхъ словъ русскимъ народомъ. Этотъ народъ, столь ловкій и переимчивый въ наглядныхъ дѣлахъ, ремеслахъ, оказывается безпамятливымъ и непонятливымъ въ усвоеніи напр. словъ: «докторъ, ректоръ, креатура, университетъ» и проч.; а о многосложныхъ словахъ, въ родѣ: «иллюминація, конференція», нечего и толковать, — народъ не выговоритъ ихъ. Древніе бояре прилаживали чужеземныя слова къ русскому строю, наприм. «Стокгольмъ — Стекольня, графъ Эссексъ—Авксентій». И нынѣ народъ выговариваетъ вмѣсто «Робинзонъ-Крузе — Груздевъ» и т. д.

[1]) Die Russen. Moritz Masson. 1865.

«Сколько народъ привыкалъ чувствами къ впечатлѣніямъ природы, столько же отчуждался отъ нея мыслію, не вникая въ сущность явленій, особенно міра духовнаго. Такъ онъ жилъ въ природѣ, въ согласіи съ нею, цѣлые вѣка, работалъ въ ней, можно сказать, одними внѣшними чувствами, физическими, мускулярными силами, а не мыслію и разумомъ» [1]). Эта острота чувствъ, при слабости мысли, подчинила русскаго человѣка суевѣрію и предразсудкамъ, сдѣлала его упрямымъ и непоколебимымъ въ разъ принятыхъ убѣжденіяхъ.

[1]) Педаг. усл. разв. рус. нар. стр. 130.

Суевѣріе русскаго народа.

Суевѣріе народа выражалось въ обожаніи силъ природы и вѣрѣ въ примѣты, вліявшія на жизнь, въ ворожбу и гаданіе, въ чарованіе или волхвованіе. Эта напрасная вѣра объясняется страхомъ предъ таинственными силами природы и желаніемъ отвратить причиняемый ими вредъ. Она поддерживалась съ одной стороны невѣжествомъ народа, а съ другой стороны—бѣдствіями, окружавшими его отовсюду.

Русскіе славяне вѣрили въ свѣтила, молнію, огонь, воду, дерево, камень, души умершихъ, русалки, кикиморы и другія божества; они обращались къ нимъ съ жертвами, молитвами, заклинаніями и заговорами. Съ теченіемъ времени вѣра во многія божества исчезла, подъ вліяніемъ христіанской проповѣди. Къ XVII вѣку уцѣлѣло вѣрованіе въ Коляду, Купалу и Ярилу, которымъ доселѣ празднуютъ въ Россіи, по мѣстамъ. Празднованіе этимъ божествамъ сопровождалось разными религіозными обрядами. Упомянемъ о важнѣйшихъ изъ нихъ, часто обличаемыхъ въ русскомъ проповѣдничествѣ. Въ честь умершихъ совершались поминки, плачъ на могилахъ и проч., въ честь Коляды пѣли пѣсни; въ честь Купалы предавались веселію и купались; въ честь Ярилы боролись и дрались. Вообще же, празднованія языческимъ богамъ сопровождались играми, переряживаніемъ, скоморошествомъ, пляскою, пѣснями, музыкой, борьбою, кулачнымъ боемъ, пьянствомъ, безчинствомъ, соблазнами всякаго рода и даже убійствомъ. Въ христіанствѣ, подъ вліяніемъ апокрифовъ, перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи, частію изъ Греціи, а частію составленныхъ въ Россіи, суевѣріе русскихъ умножилось: они вѣрили въ разныя вымышленныя существа и предметы, и чествовали ихъ религіозными обрядами. Упомянемъ о важнѣйшихъ существахъ, бывшихъ предметомъ особеннаго почитанія. Русскіе вѣрили въ св. пятницу, и дѣлали ее предметомъ самаго грубаго суевѣрнаго почитанія; обыкновенно же въ пятницу не занимались дѣлами. Русскіе вѣрили еще въ 12 пятницъ, будто бы замѣчательныхъ въ библейскомъ отношеніи, напр. первая пятница, 6 марта, памятная изгнаніемъ Адама изъ рая и проч. Эти пятницы чествовались постомъ, молитвою, цѣломудріемъ, милостынею и воздержаніемъ отъ дѣлъ. «Не подобаетъ ничтоже творити (въ сіи дни), ни путешествовати, ни садити, ни купити, ни продати... Сдѣланное не будетъ на пользу... Рожденное въ тѣ дни будетъ нездорово, криво, хромо, слѣпо». Въ награду за почитаніе 12 пятницъ обѣщается избавленіе отъ нищеты, внезапной смерти, вѣчной муки и т. п. Съ другими вѣрованіями, напр. въ пасхальную недѣлю, яко бы состоявшую изъ одного дня, съ хожденіемъ ап. Павла по мукамъ и сферамъ небеснымъ и т. д. мы познакомимся въ русскомъ проповѣдничествѣ. Очевидно, что и христіанское суевѣріе развилось подъ вліяніемъ страха предъ таинственными небесными силами, и надежды на ихъ помощь въ житейскихъ напастяхъ.

Примѣты состоятъ въ приписываніи чудесной силы вещамъ, которой онѣ не имѣютъ. Примѣты обыкновенно соединялись съ ворожбой, гаданіемъ, заговорами, заклинаніями и чародѣйствомъ. Примѣтъ у русскихъ было столько же, сколько въ жизни бѣдъ и опасеній за свое счастіе, слѣдовательно—безчисленное множество. Большею частію онѣ наслѣдованы отъ язычества, а ча-

стію составились подъ вліяніемъ христіанства. Не умѣя помочь себѣ въ безчисленныхъ бѣдахъ, въ страхѣ и трепетѣ предъ высшими силами, предки думали оградить себя отъ напастей чарующею силою примѣтъ, заговоровъ и т. под. Они обращались въ горѣ, съ своими чувствами, молитвами и слезами, къ безчисленнымъ предметамъ міра видимаго и невидимаго, прося ихъ помощи, стараясь по нимъ разгадать свою судьбу. Эта потребность увлекала ихъ къ смѣшенію христіанства съ язычествомъ, къ обожанію природы при вѣрѣ въ истиннаго Бога, къ передѣлыванію молитвъ въ заговоры, и наоборотъ. За такое смѣшеніе понятій и вѣрованій предки наши заслужили отъ проповѣдниковъ названіе двоевѣровъ. Главными примѣтами у предковъ служили: встрѣча съ духовными, отъ которой ограждались заклинаніями и нѣкоторыми обрядами, слѣды животныхъ, полетъ и пѣніе птицъ. О другихъ примѣтахъ могутъ дать понятіе слѣдующія поговорки: «огнь бучитъ, храмъ трещитъ, вороногрaй, куракликъ, сорока стрекочетъ, утица крячетъ, гусь гогочетъ, мышь грызетъ, кошка мяукаетъ, песъ воетъ, ухозвонъ, окомигъ, очи или длани свербятъ, страшный сонъ». Средствами для ворожбы и гаданія служили: жребіи, зерна, карты, зеркало, олово, воскъ, св. вода, просфора, тексты библіи и особенно стихи псалтыри. Къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи относятся примѣты и чарованія чисто языческія. Предки вѣрили, напримѣръ, что худая погода, вредящая плодородію, зависитъ отъ непогребенія утопленниковъ, и для отвращенія зла погребали ихъ; вѣрили, что причиною неурожая и дурной погоды было погребеніе умершихъ насильственною смертію, и потому откапывали ихъ; вѣрили еще, что причиною голода, чумы и общественныхъ

бѣдствій были чародѣи и вѣдьмы (знахари и знахарки), и потому сожигали ихъ. Противъ этихъ примѣтъ, вредно вліявшихъ на жизнь, проповѣдники вооружались особенно сильно. Въ XVI вѣкѣ усилилась астрологія, вѣра во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка, причемъ излагалось ученіе о счастливыхъ дняхъ луны, добрыхъ и злыхъ часахъ каждаго дня недѣли. Напр. «третій день луны золъ и лють (въ тотъ день родился Каинъ) осужденнаго ради Каина; отъ всего надо беречься, не должно покупать, ни продавать, ни сѣять, ни садить, ни свадьбу дѣлать (скоро разлучатся). Въ четырнадцатый день луны языки смѣшались, зиждуще столбъ. Добро (въ тотъ день) чинить глиняные сосуды, строить печи; кровь пускай весь день; кто родится (въ тотъ день), будетъ язычень; образенъ въ бесѣдѣ и многолѣтенъ». Въ ученіи о часахъ сказано: «1 — 2 часы воскресенія добры, 3 и 6 злы, 4 часъ средственъ» и т. д. Астрологическое ученіе перешло въ Россію съ запада, распространялось жидовствующими, и, какъ увидимъ, особенно сильно обличалось Максимомъ грекомъ. Впрочемъ, при вѣрѣ въ свѣтила, русскіе всегда смущались появленіемъ кометъ, сѣвернаго сіянія, затмѣніемъ солнца и т. под. Русскія лѣтописи наполнены изображеніями подобныхъ ужасовъ. Напр. «явися звѣзда образомъ страннымъ; отъ видѣнія сія звѣзды страхъ объя вся человѣки и ужасть» [1]). Или: «погибе все солнце; о, великъ страхъ!» [2]) Съ ослабленіемъ вѣры въ силы природы, явились примѣты другаго рода, зависѣвшія отъ неправильнаго пониманія христіанства. Русскіе стали вѣровать въ чудодѣйственную си-

[1]) Густын. лѣт. 344—345.
[2]) Ипат. лѣт. 202.

лу христіанскихъ праздниковъ, св. вещей и т. п., и примѣнять къ нимъ свои дѣйствія. Напр: «въ сретеньевъ день на дорогу никуда не выходить, ни дому, никакихъ хоромовъ не ставить».

Чарованіе или волхвованіе обыкновенно проявлялось въ употребленіи таинственныхъ вещей, ношеніи талисмановъ, амулетокъ и т. под. Средствами для этого служили обыкновенныя вещи—листья, кости и проч., но большею частію священные предметы: крестъ, богоявленская вода, ладанъ, частицы просфоры, молитвы писанныя на бумажкахъ и слова на яблокахъ, которыя ставились на престолѣ, хранились въ домахъ и носились на шеѣ. «Если идешь на поле биться, бороться, на судъ, или къ великимъ людямъ, то надо взять съ березы вѣтку (мелею) и держать ее въ правомъ сапогѣ; тотъ человѣкъ не боится ничего». Для развода хмѣлю «начертить крестъ, да ставъ на крестѣ говорить: тебѣ отъ меня отходу нѣтъ».

Заговоры, которые употреблялись при ворожбѣ, волхвованіи и другихъ видахъ суевѣрія, большею частію соединялись съ христіанскими молитвами; при этомъ иногда имена языческихъ боговъ переносились на ангеловъ и святыхъ. Сближая заговоръ съ молитвою, и переводя миѳологическія лица и событія на христіанскія, знахарь или чародѣй даетъ своимъ словамъ такой оборотъ: «есть море золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ св. Николай, отворяетъ глубину морскую, поднимаетъ ворота желѣзныя, а залучаетъ отъ раба божія имя-рекъ, усови аду въ челюсти». Вотъ прекрасный заговоръ для охраненія отъ враговъ и столкновеній въ обществѣ. «Святой государь Спасъ и святой государь архистратигъ Михаилъ! помилуй Господи меня грѣшнаго имя-рекъ! Освѣти Господи меня, имя-рекъ, князямъ и боярамъ, и властямъ и тіунамъ, недѣльщикамъ и ихъ дворянамъ, и гостямъ, и мужамъ и женамъ, и всему православному христіанству, что нареклось на семъ свѣтѣ, и на всякъ часъ и на всяко время, и на всякое сердце и на всякія очи, моему сердцу имя-рекъ, отъ всякого зла и отъ злыхъ очей, закрой, государь Михаилъ архангелъ, своею ризою нетлѣнною, раба божія имя-рекъ» [1]). А входя во дворъ, вступить лѣвою ногою, опереться правымъ плечомъ въ ворота, перекреститься и молвить всю молитву». Заговоры преимущественно употреблялись на поединкахъ.

Предразсудокъ состоитъ въ принятіи чужаго мнѣнія за истину, безъ разсужденія и повѣрки. Русскіе, при своемъ невѣжествѣ, руководились предразсудками относительно предметовъ недоступныхъ имъ, особенно въ наукѣ и религіи. Такъ напр. они вѣрили, что есть птица феникъ, которая носитъ на головѣ вѣнецъ и на ногахъ сапоги; что на земли есть рай; что земля стоитъ на трехъ китахъ; что съ окончаніемъ міра всѣ сосуды церковные и вещи вознесутся на небо. Многіе изъ этихъ предразсудковъ, не ограничиваясь омраченіемъ смысла, имѣли вредное вліяніе на жизнь и нравственность. Такъ, у русскихъ были предубѣжденія относительно табака, бороды и старыхъ рукописей, за которыя они дорого поплатились. Табакъ въ древности признавали травою бѣсовскою, богомерзскою и проклятою, и потому запрещали сѣять и продавать его (1661 г.) и жестоко наказывали курителей. Олеарій

[1]) Истор. Очерк. Буслаев. 34—45.

говоритъ, что онъ «видѣлъ въ Москвѣ, какъ за табакъ рѣзали носы мужчинамъ и женщинамъ». Бороду предки наши признавали не только украшеніемъ, но и образомъ божіимъ; и потому брадобритіе считали ересію и смертнымъ грѣхомъ». Взирайте, говоритъ одинъ проповѣдникъ, на икону страшнаго пришествія, и видите праведныя въ десней странѣ имущія брады; на шуей же стоящіи бесермены и еретики, моторы и поляки, имущія едины усы, яко имутъ кошки и псы, иже творятъ грѣхъ смертный, образъ мужескій тляще» [1]). Въ реформу этотъ предразсудокъ стоилъ нашимъ предкамъ дорого. Русскіе имѣли особенное уваженіе къ старымъ рукописямъ, иконамъ, обрядамъ, буквамъ и словамъ, и избѣгали печатныхъ книгъ, какъ опасной новизны. Вслѣдствіе этого они заблуждались въ вѣрѣ и создали расколъ. Раскольники и нынѣ почерпаютъ изъ темныхъ рукописей нелѣпыя мнѣнія, наприм. о сахарѣ, кофе, чаѣ и т. под. «А кто пьетъ чай, говорятъ они, тотъ отчаянный». Еще они читаютъ бесѣду трехъ святителей (вселенскихъ). Полагая, что эти святители были русскіе, раскольники заставляютъ ихъ объяснять греческія слова и буквы.

Для нашей цѣли особенно важенъ предразсудокъ русскихъ относительно проповѣди. Упадокъ устной проповѣди съ половины XV вѣка благопріятствовалъ мнѣнію о безполезности ея и даже вредѣ. Думали, что совершенно достаточно, для назиданія вѣрующихъ, уставныхъ отеческихъ чтеній. И потому всѣ нововведенія относительно проповѣди, начавшіяся въ половинѣ XVII вѣка, сопровождались ропотомъ и гоненіемъ. На

[1]) Сборн. гр. Строгон.

живую проповѣдь предки смотрѣли какъ на ересь. Когда муромскіе священники стали сказывать проповѣди своего сочиненія, по примѣру прот. Логгина: то имъ воспретили это нововведеніе. Орловскаго священника за сказываніе проповѣдей едва не убили; ему ставили на видъ это нововведеніе какъ ересь, и говорили, что «для спасенія души довольно и отеческихъ писаній». Московскій священникъ Прокопій говорилъ другому священнику: «заводите вы, ханжи новую ересь, учите людей въ церкви, а мы прежде сего не учивали людей въ церкви. Бѣса вы имѣете въ себѣ, и всѣ (вы) ханжи».

Суевѣріе и предразсудки отравляли жизнь русскихъ, и безъ того печальную, скорбную чувствами, и останавливали ея развитіе. Надобно представить себѣ жизнь предка, всюду подозрѣвающаго таинственную силу, всего боящагося, опутаннаго вѣрою въ химерическія существа, въ примѣты, въ ворожбу и чарованіе: сколько отсюда тревогъ, напрасныхъ опасеній, ложныхъ надеждъ и помѣхи въ дѣлахъ! Съ самаго утра онъ уже возмущенъ духомъ отъ суевѣрныхъ опасеній. Чихнувъ, наприм. во время обуванія, онъ снова ложится въ постель, для отвращенія мнимаго несчастія; споткнувшись при выходѣ изъ дому, онъ снова возвращается назадъ, для избѣжанія неудачи въ дѣлахъ; попадается на пути камень, онъ топчетъ его ногами, боясь потерять дружбу. Идетъ ли предокъ нашъ въ судъ, къ вельможѣ, на поединокъ: онъ прячетъ въ сапогъ мелею, въ ворота вступаетъ лѣвою ногою, читаетъ заговоръ и проч. На всякій предметъ, на всякое дѣло въ хозяйствѣ онъ знаетъ заговоръ, исполняетъ суевѣрный обрядъ; онъ думаетъ, что этимъ оградитъ отъ зла своихъ домашнихъ, свои стада, нивы и все имущество. Отправляясь къ другу или врагу, въ лавку, на

охоту и т. под., онъ заговариваетъ друга и врага, одежду, монету, ружье, пулю. Настанетъ спѣшное дѣло въ торговлѣ или земледѣліи, а тутъ подвернется св. пятница, или которая либо изъ 12, или худой день луны, или злой часъ дня, или всѣ вмѣстѣ, и воспрещаютъ дѣло. Однимъ словомъ: русскому человѣку отвсюду было тѣсно. И эту темную дань суевѣрію платили всѣ сословія, не исключая самыхъ умныхъ и образованныхъ людей. Особенно часто предки обращались къ колдунамъ и ворожеямъ, не смотря на жестокія казни за волшебство. Въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ процессы, что знахари испортили такихъ-то людей, и тѣ начали скорбѣть, икать и кликать. И дѣйствительно, въ XVII вѣкѣ было великое множество кликушъ, и онѣ–то составляли главное безобразіе святыхъ мѣстъ и церковнаго служенія. Иванъ грозный, усвоившій книжную мудрость на славянскомъ языкѣ, вѣрилъ въ таинственную силу драгоцѣнныхъ камней; онъ объяснялъ другимъ, какое вліяніе имѣютъ эти камни на душу и тѣло [1]). Годуновъ, замышлявшій преобразованіе Россіи, обращался къ кудесникамъ за совѣтами и предсказаніями. Между прочимъ, ему принесена присяга въ такой суевѣрной формѣ: «не учинить надъ царемъ и царицею и ихъ дѣтьми никакого лиха, въ ѣдѣ, питьѣ, платьѣ, и ни въ чемъ другомъ, и не испортить; не давать лихого зелья и коренья; не добывать вѣдуновъ и вѣдуньей на государево лихо; слѣду не вынимать, лиха по вѣтру вѣдовствомъ не посылать» и проч. Голицынъ, удивлявшій иностранцевъ своимъ образованіемъ, гадалъ по звѣздамъ о дерзкихъ планахъ царевны Софіи; онъ же бралъ у волхва коренья для снисканія любви ея.

[1]) Отеч. Записк. 1869 Сент., 113.

Всеобщая наклонность къ суевѣрію породила на Руси мечтательность, ложныя озаренія и мистицизмъ. Слѣдствіемъ этого было умноженіе духовныхъ сектъ и еретиковъ, выдававшихъ себя за необыкновенныя существа. Исторія свидѣтельствуетъ, что самое духовенство поддавалось обольщеніямъ, видѣніямъ и ложнымъ пророчествамъ [1]). Самыя печальныя доказательства этого обнаружились въ разслѣдованіи по дѣлу патр. Никона и царевича Алексѣя [2]).

Предразсудки тормозили умъ русскаго человѣка, содѣйствовали застою гражданской и религіозной жизни. Измѣнить въ чемъ либо установившіяся формы жизни, освященныя вѣрою, казалось преступленіемъ, ересію, погибелью спасенія. Представителями этой жизни служатъ до селѣ единовѣрцы, которые не могутъ возвыситься до пониманія духа религіи. У нихъ до селѣ вмѣсто проповѣди читаются отеческія писанія и т. д. Этотъ застой умственной и религіозной жизни нашихъ предковъ, подавленныхъ предразсудками, выразился въ славянскихъ букваряхъ любопытною фразой: «аще кто измѣнитъ се на оно, а оно на се, тотъ вноситъ ереси, хулы и развращеніе».

Преобладаніе чувства надъ мыслію, подчинявшее русскихъ суевѣрію и предразсудкамъ, показываетъ крайнее невѣжество ихъ въ отношеніи законовъ природы и религіи. И мы находимъ относительно этого предмета ясныя свидѣтельства въ исторіи. Иностранцы, бывшіе въ Россіи, отозвались о ней, какъ странѣ самаго темнаго невѣжества. Кобенцель въ 1576 г. между прочимъ замѣ-

[1]) Ист Росс. Сол. XI, 342.
[2]) Тамъ же, XVII, 211.

тилъ, что во всей Московіи нѣтъ школъ. Маржеретъ, подтверждая слова Кобенцеля, что «москвитяне не знаютъ школъ», прибавляетъ: «люди московскаго государства до того невѣжественны, что между ними не найдется и одной трети, которые бы знали Отче нашъ и Вѣрую». Подобнымъ образомъ отзывается о русскихъ арх. Геннадій, называя ихъ простыми людьми, живущими вѣрою и призываніемъ имени Божія.

Односторонность ума, омраченнаго суевѣріемъ и предразсудками, несвѣдущаго въ законахъ природы и религіи, объясняетъ намъ особенность и своеобразность русскаго благочестія. Особенность эта состоитъ въ томъ, что народъ усвоилъ вѣру болѣе со стороны внѣшней, нежели внутренней, болѣе со стороны буквы и обряда, нежели со стороны духа и нравственности. Отсюда это смѣшеніе въ вѣрѣ существеннаго съ измѣняемымъ, боязнь за каждый азъ и упорство въ защищеніи его. «Въ семъ азъ, говорили они, великая сила». «Не дай Богъ погрѣшить намъ не только въ вѣрѣ, но и въ частицѣ церковныхъ пѣсней или каноновъ». «Православнымъ должно умереть за одинъ азъ». Самыя ошибки и вставки грамотѣевъ, ереси и безсмыслицы въ книгахъ, освященныя древностію, становились въ глазахъ предковъ догматомъ. «До насъ положено такъ, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». Памятникомъ этой привязанности къ азамъ и умственной неподвижности доселѣ остается темный и упрямый расколъ. Этимъ же невѣжествомъ объясняется раздвоенность русской жизни, противорѣчіе въ словѣ и дѣлѣ, которыми такъ поражались иностранцы, и противъ которыхъ возставалъ Максимъ грекъ. Предки съ благоговѣніемъ исполняли обряды благочестія: какъ обращаться съ св. ве-

щами, водой, просфорой, какъ брать просфору въ ротъ и жевать ее, какъ цѣловать крестъ, икону, мощи, какъ совершать земные и поясные поклоны и складывать руки и ноги, сколько чего пропѣть и вычитать; и пренебрегали духомъ религіи, нравственностію христіанской, ибо она менѣе доступна грубому смыслу и болѣе трудна въ исполненіи.

Итакъ, умъ русскихъ, какъ господствующая сила характера, является небогатымъ и неразвитымъ. Онъ проявлялся въ низшихъ способностяхъ и будничныхъ дѣлахъ, но не въ творчествѣ мысли и особенныхъ стремленіяхъ духа. Не особенно сильный по природѣ и не имѣя поддержки въ наукахъ, онъ подчинился страстямъ, суевѣрію и предразсудкамъ, и отнесся къ вѣрѣ машинально, не управляя склонностями, противными ея духу. Впрочемъ, этотъ недостатокъ народа исправимъ, и потому онъ не можетъ служить преградою къ нравственному воспитанію его, и слѣдовательно призванію въ христіанство; напротивъ, въ подобномъ умѣ болѣе покорности и нравственной воспріемлемости, нежели въ выспреннихъ умахъ, неподчиняющихся авторитетамъ.

Способность русскихъ къ нравственному усовершенію.

Взвѣшивая характеръ русскихъ, ихъ способности и недостатки, въ связи съ вѣрою, приходимъ къ слѣдующему выводу и заключенію. Въ русскомъ народѣ преобладала плоть надъ духомъ, чувство надъ разумомъ, и потому онъ былъ жертвою страстей, суевѣрія и предразсудковъ. Но эти недостатки были слѣдствіемъ простой и суровой жизни, а не роскоши, образованія и

прихоти права. Народу, выходившему изъ язычества, гнѣтомому бѣдствіями и невѣжествомъ, естественно поддаться невоздержанію, пьянству, разврату, эгоизму и корыстолюбію, суевѣрію и предразсудкамъ. Но эти недостатки, при хорошихъ свойствахъ ума и особенно сердца, при сильной природѣ, выносливой и способной къ подвигамъ, не такъ важны, какъ кажется съ перваго раза. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что недостатки эти, какъ слѣдствіе самой жизни, усиливались въ несчастныя времена, ослабѣвали при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и могли быть подавлены образованіемъ. Однимъ словомъ: всѣ сказанные недостатки не укоренились въ народѣ настолько, чтобы совершенно испортить его нравъ, не подавили окончательно его хорошихъ свойствъ, и потому не лишили его способности нравственно усовершаться, подъ руководствомъ вѣры. Эта способность русскихъ къ христіанскому усовершенію всего болѣе очевидна изъ сравненія ихъ съ другими христіанскими народами. Русскіе, по своему характеру, не вдавались въ споры и сомнѣнія о вѣрѣ, приняли ее всѣмъ сердцемъ, исполняли ея требованія охотно, съ самоотверженіемъ; хотя, по простотѣ нрава, понимали ее болѣе съ внѣшней, обрядовой стороны, нежели внутренней.

Греки по своей природѣ оказались способными принять христіанство болѣе въ теоретическомъ, нежели практическомъ смыслѣ, болѣе умомъ, нежели сердцемъ. Почти вся исторія христіанской Греціи есть исторія богословской работы, развитія догматовъ, обрядовъ, возвышенныхъ христіанскихъ идей и созерцаній. Крайность теоретическаго направленія въ вѣрѣ образовала въ Греціи множество религіозныхъ сектъ и вовлекла ее въ нескончаемые споры и раздоры. Насколько разработанное ученіе прила-

галось къ жизни, видно изъ того обстоятельства, что лучшіе люди Греціи бѣжали въ пустыню отъ общественныхъ нравовъ. Римляне еще менѣе оказались способными къ усвоенію высокихъ догматовъ и строгихъ правилъ христіанства. Почти вся исторія христіанскаго запада есть борьба разума съ евангеліемъ, искаженіе вѣры мірскою властію папъ, реформаціей и множествомъ философскихъ сектъ. Наклонность запада къ умственному своеволію въ вѣрѣ дошла до того, что уже къ XVI вѣку искажены были главные догматы христіанства, и толкованія ихъ нерѣдко проникнуты богохульствомъ [1]). Напримѣръ: не все то грѣхъ, что обличается закономъ; нѣкоторыя его предписанія, наприм.: не пожелай... вовсе не касаются насъ. Какая же нужда много заботиться о благочестіи, по руководству св. писанія? Только смертные грѣхи заслуживаютъ вѣчное осужденіе. Не смущайтесь однако, если придется впасть въ какой нибудь изъ нихъ; не всѣ они смертные. Блудъ позволителенъ, прелюбодѣйство—легкій грѣхъ, многоженство не противно естественному и божественному праву». Во многихъ странахъ и обществахъ современнаго намъ запада совершенно разбросаны религіозныя преграды или правила, христіанскіе законы не признаются, и всякъ предоставленъ своей свободѣ. Чего же ожидать въ жизни, при такихъ правилахъ и убѣжденіяхъ?

Наружность есть наглядное выраженіе характера, внѣшняя черта его. Во внѣшнемъ видѣ народа и человѣка выражается внутренняя жизнь его. Въ лицѣ, фигурѣ и одеждѣ народа отражаются его способности, склонности, состояніе, прошедшая и настоящая жизнь. Особенно

---

[1]) Прав. Соб. 1853 г., Февр. 210. 1859 г., Апр. 395.

важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ черты лица и взоръ, въ которыхъ выражается духъ и умъ народа, или человѣка. По изображенію греческихъ писателей (Прокопія и Маврикія), древніе славяне вообще отличались здоровымъ тѣломъ и пріятною наружностію, вслѣдствіе простыхъ нравовъ и жизни, близкой къ природѣ. Они были высоки ростомъ, стройны собою, красноваты лицемъ, русые, и походили другъ на друга, какъ всѣ дикіе народы. Патріархальная жизнь, чуждая сложныхъ заботъ и разнообразныхъ стремленій, уравниваетъ характеры и физіономіи. Подъ властію воинственныхъ князей русскіе развили богатырскую силу и геропзмъ, выражали своимъ видомъ мужество, легко переносили труды, голодъ, холодъ и зной. Съ XIV вѣка, вслѣдствіе политическихъ невзгодъ, лишеній и болѣзней, особенно послѣ чумы (черной смерти), русскіе утратили богатырскую силу. «Предки наши съ тѣхъ поръ, по слову лѣтописца, выродились, сдѣлались слабѣе и тщедушнѣе». Если они послѣ чумы раждались съ такою поспѣшностію, что оставались навсегда безъ коренныхъ зубовъ: то явное дѣло, что ихъ физическія и духовныя силы потерпѣли ущербъ (коренные зубы—признакъ мудрости; у слабыхъ людей они ростутъ до 50 лѣтъ, у идіотовъ совсѣмъ не выходятъ). Съ XIV вѣка типъ русскаго народа остается одинакимъ до сего дня, вслѣдствіе однихъ и тѣхъже условій жизни. Типъ этотъ составляютъ—узкое лицо съ выдвинутыми скулами, не широкій лобъ, прикрытый волосами въ скобку и длинная борода. Борода составляетъ главное украшеніе лица, по понятію русскихъ, наслѣдованному отъ грековъ. «Богъ, говоритъ патр. Адріанъ, мужу яко начальнику, благолѣпіе браду израсти; женѣ же яко несовершеннѣй, но подначальней, онаго благолѣпія не

даде». Такими изображаются русскіе въ древней живописи (въ рисункахъ истор. очерковъ Буслаева). Судя по отзыву Крижанича, иностранцы совсѣмъ иначе смотрѣли на это украшеніе. Къ довершенію портрета, надобно прибавить углубленные глаза и взоръ унылый, разсѣянный. Этотъ типъ не обѣщаетъ умственныхъ дарованій и особеннаго нравственнаго развитія; скорѣе онъ обнаруживаетъ рабочую силу и крѣпкіе мускулы. Впрочемъ о наружности горожанъ иностранцы отзывались выгодно. «Москвитяне, говоритъ Контарини, какъ мужчины, такъ и женщины, вообще красивы собою».

Русскіе ходили въ длинномъ, широкомъ платьѣ, въ армякахъ, кафтанахъ, и подпоясывались поясомъ. Бояре сверхъ кафтана (ферязь) надѣвали еще шубу и высокую шапку. Иностранцы называли этотъ костюмъ некрасивымъ и неудобнымъ. И вообще, весь обликъ русскаго, съ его физіономіей и одеждой, производилъ неблагопріятное впечатлѣніе на европейца, ибо онъ отражалъ азіятскія привычки и умственную неподвижность. Особенно противною казалась европейцу азіятская привычка стричь и брить головы,—привычка, не имѣющая въ холодномъ климатѣ разумнаго основанія. «Иностранцы, говоритъ Крижанічъ, русскихъ презираютъ. Въ покроѣ платья высказывается умъ народа. Русское платье некрасиво и неудобно; по причинѣ его иностранцы зовутъ насъ варварами. Особенно нерасчесанные волосы и борода и остриженная голова дѣлаютъ насъ мерзскими, смѣшными, какими-то лѣсовиками».

Общее заключеніе.

Вотъ гражданскій бытъ и характеръ русскаго народа, достоинства и недостатки того и другаго! О достоин-

ствахъ мы сказали коротко, ибо они стоятъ въ зависимости отъ христіанской вѣры и развивались подъ вліяніемъ ея; недостатки же составляютъ естественную принадлежность испорченной природы. Вотъ та историческая почва, на которую должна пасть плодотворнымъ сѣменемъ христіанская проповѣдь. Мы вправѣ ожидать, что это святое сѣмя преобразитъ русскую жизнь и нравы. Мы должны надѣяться, что христіанская проповѣдь не ограничится ученіемъ вѣчнымъ, одинаково приложимымъ ко всѣмъ временамъ и народамъ, но коснется недостатковъ общественнаго и семейнаго быта, характера народа, исправитъ и истребитъ ихъ силою слова и авторитетомъ божественнымъ. Однимъ словомъ, умственное и нравственное состояніе русскаго народа таково, что оно не могло удовлетвориться одностороннею, отвлеченною проповѣдію. Оно требовало, съ одной стороны, проповѣди догматической, разъясняющей правила вѣры и дѣятельности христіанской, для достиженія царства небеснаго; а съ другой стороны—практической, устрояющей земную жизнь по духу вѣры. Такова сила вещей и требованіе жизни. Но иное дѣло требованіе, а иное—исполненіе его. Все условливается историческими причинами и неотразимымъ ходомъ дѣлъ, совершившихся событій. Перемѣнять ихъ нельзя; имъ должно подчиняться. Мы знаемъ уже отвлеченный характеръ греческой проповѣди, давшей направленіе русскому проповѣдничеству; и потому трудно предположить особенное уклоненіе подражательной проповѣди отъ своего образца, оригинала. Конечно, при особенныхъ условіяхъ русской жизни, непохожей на греческую, и проповѣдь отвлеченная должна измѣниться на новой для нея почвѣ; но при рабскомъ подражаніи русскаго проповѣдничества греческому, перемѣна эта не

могла быть коренною. Она коснулась частностей, отдѣльныхъ сторонъ греческой проповѣди или развѣтвленій ея, но не главнаго направленія. Нравственная и аскетическая проповѣдь, составлявшая въ греческомъ проповѣдничествѣ отдѣльную часть или вѣтвь, подъ вліяніемъ русской жизни и взлелѣяннаго ею идеала, приняла господствующее направленіе. Чтобы убѣдиться въ томъ, или иначе, чтобы видѣть, какое направленіе приняла русская проповѣдь, подъ вліяніемъ греческаго проповѣдничества и русской жизни, необходимо разсмотрѣть характеръ ея. Изслѣдованіе характера русской проповѣди покажетъ намъ и то вліяніе, какое она имѣла на жизнь народа.

Впрочемъ, поелику въ греческой проповѣди, при всей ея отвлеченности, замѣтенъ и практическій элементъ, хотя скудный; то и въ подражательной русской проповѣди надобно ожидать проявленія его. А такъ какъ нравственная и аскетическая проповѣдь по самому содержанію своему ближе къ жизни, къ ея настроеніямъ, нежели изъяснительная и полемико-догматическая, и кромѣ того жизнь русская представляла болѣе нестроеній, нежели греческая; то надобно ожидать усиленія практическаго элемента въ русской проповѣди, сравнительно съ греческою. Но разумѣется, что какъ въ греческой проповѣди практическій элементъ не составлялъ отдѣльной части, а смѣшивался съ догматическими истинами, въ видѣ нравственныхъ приложеній; то и въ русской проповѣди надобно ожидать повторенія того же пріема. Этого мало. Такъ какъ русскіе проповѣдники, по большей части самоучки, еще менѣе знакомы были съ правилами изложенія мыслей, нежели греческіе, или лучше сказать, не знали никакихъ правилъ: то въ поученіяхъ ихъ еще бо-

лѣе разбросанности и безпорядка въ мысляхъ, нежели въ греческихъ. Здѣсь практическія истины перемѣшаны съ нравственнымъ ученіемъ совершенно произвольно, какъ попало, безъ всякаго искусства и научнаго распредѣленія.

Какъ бы впрочемъ ни были разбросаны практическія истины въ русскомъ проповѣдничествѣ, дѣло историка собрать ихъ, съ возможною внимательностію, наравнѣ съ нравственными истинами, упорядочить и показать прямое отношеніе ихъ къ жизни, къ тѣмъ нуждамъ и запросамъ времени, которыми вызваны подобныя наставленія. При томъ планѣ, какой начертанъ въ семъ «Очеркѣ», распредѣленіе истинъ практическихъ, равно какъ и нравственныхъ, не представляетъ затрудненій; это распредѣленіе можетъ быть соблюдено съ совершенною правильностію и непринужденностію. Въ самомъ дѣлѣ, въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ къ русскому проповѣдничеству перваго періода обстоятельно изложены недостатки русской жизни, гражданскаго и домашняго быта, характера народа и отдѣльныхъ сословій его. Слѣдовательно, послѣ изложенія нравственно-аскетическаго проповѣдничества остается изложить практическія истины, въ сказанномъ порядкѣ. Нужно будетъ примѣнять практическія наставленія къ недостаткамъ и достоинствамъ гражданскаго быта, домашняго характера народа и сословій его.

Оправданіе недостатковъ русской жизни и характера народа.

Изложивъ недостатки русской жизни для связи съ исторіей проповѣдничества, мы должны установить правильный взглядъ на этотъ предметъ, въ видахъ

историческаго безпристрастія. Изложенные недостатки общественной жизни и характера народа представляются современному взгляду слишкомъ важными и унизительными для человѣчества. Но мы должны судить предковъ съ ихъ точки зрѣнія. Обогащенные опытами исторіи, мы не имѣемъ права прилагать свои воззрѣнія къ отдаленной древности. А въ такомъ случаѣ недостатки предковъ окажутся естественными, какъ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ. Предки, вышедшіе изъ язычества и дикости, не обладали сокровищами цивилизаціи и благоустроенной общественной и частной жизни. Они должны были взять эти блага кровію и потомъ, вѣковыми усиліями къ одолѣнію внѣшнихъ и внутреннихъ неустройствъ. Самая нравственность предковъ, не знавшая въ началѣ никакихъ ограниченій, не могла вдругъ переродиться въ духѣ христіанства, сдѣлаться изъ чувственной духовною. Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы обязаны смотрѣть снисходительно на неопытность и неустройства предковъ, на ихъ грѣхи и темныя дѣянія.

Обращая вниманіе на труды и усилія предковъ въ одолѣніи препонъ къ гражданской жизни, на кровь и потъ, пролитые ими за вѣру и государство, мы обязаны дорожить ихъ памятію и благодарить ихъ за оставленное намъ наслѣдство. Они вышли изъ историческихъ бѣдъ съ честію, выдержали огненную переплавку и оказались способными къ гражданскому и религіозному развитію, при всѣхъ своихъ недостаткахъ. Еще не было народа совершеннаго, безъ недостатковъ, и мы не можемъ думать, что на мѣстѣ предковъ оказались бы способнѣе ихъ къ испытанію.

Покоряясь историческому закону—видѣть достоинство и совершенство неразлучнымъ съ недостатками, мы найдемъ, если не гражданскій бытъ, то по крайней мѣрѣ нравственность предковъ лучше другихъ народовъ. Сравнивая нравственность предковъ съ нравственностію современныхъ имъ образованныхъ народовъ, мы находимъ приговоры исторіи не въ пользу послѣднихъ; что же касается необразованныхъ народовъ, то они, по своей испорченности, нейдутъ въ сравненіе. Нравственную испорченность высшихъ классовъ Греціи (XII в.) исторія признаетъ «возмутительною, и безстыдство въ порокѣ до того наглымъ, что оно поражаетъ даже въ ту эпоху полнаго нравственнаго растлѣнія» [1]). О нравственности западныхъ христіанъ (X в.) слышимъ приговоръ еще строже. «Въ Италіи того времени ученіе и заповѣди религіи лишились значенія, нравы—чистоты, порокъ—стыда. Еслибы добродѣтель и религія не лежали внѣ круга тѣхъ предметовъ, которые можетъ уничтожить человѣкъ, то они совершенно исчезли бы тогда» [2]). Приговоръ о другихъ народахъ, напр. Франкахъ, до того возмутителенъ для нравственности, что мы ограничимся относительно его цитатомъ [3]). Но мы доселѣ, по требованію предмета, занимались почти исключительно недостатками предковъ, оборотною стороною медали. Теперь ознакомимся и съ добродѣтелями ихъ, воспитанными христіанскою проповѣдію; оборотимъ медаль лицевою стороной. И если на темной, оборотной сторонѣ замѣтны были проблески

[1]) Всем. Ист. Шлос. VII. 145.
[2]) Тамъ же. VI, 67.
[3]) Тамъ же. V, 317—320.

добра, умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ; то на свѣтлой сторонѣ мы увидимъ много блестящихъ свойствъ, которыми предки наши, при всѣхъ недостаткахъ, возвысились надъ прочими народами. Разсматривая свѣтлыя черты ума и нрава предковъ, усвоившія имъ названіе вѣрующихъ, православныхъ христіанъ, мы убѣдимся, что самыя невзгоды благопріятствовали ихъ вѣрѣ и аскетическому настроенію; что эти обстоятельства были дѣломъ Провидѣнія, все направляющаго ко благу, и служили хорошимъ пособіемъ или средствомъ для нравственно-аскетическаго настроенія проповѣди. Этотъ періодъ, съ его грубыми недостатками, съ его невѣжествомъ и недостатками, и въ тоже время съ глубокою вѣрою и аскетическою нравственностію, не повторяемъ въ историческомъ развитіи народа, какъ не повторяемы фазисы въ развитіи вѣковаго дерева. И онъ-то даетъ глубоко-знаменательный урокъ потомству, что скорбный путь, въ извѣстные моменты, болѣе благопріятенъ вѣрѣ и спасенію, нежели широкій путь,—съ свободою мысли и знанія. И если въ новѣйшее время просвѣщеніе неизбѣжно: то изъ этого еще не слѣдуетъ превосходство нашего времени, по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ и нравственности, надъ стариною.

4) Проповѣдничество греко-русское.

Характеръ и развитіе проповѣдничества греко-русскаго.

Приступая къ изложенію древняго проповѣдничества, скуднаго по содержанію, а еще болѣе по внѣшнему выраженію, невольно припоминаемъ слова одного проповѣдника (св. Златоуста при вступленіи на паству):

«большая скудость на трапезѣ нашей, однакожъ не скроемъ ее. Мало и бѣдно все, что есть у насъ; и однакожъ предложимъ вамъ».

Характеръ русскаго, какъ и греческаго и всякаго проповѣдничества, выражается въ содержаніи его, слововыраженіи, формѣ логической и произношеніи; и потому долженъ быть разсматриваемъ съ этихъ сторонъ [1]).

а) Русское проповѣдничество въ его содержаніи.

Русское проповѣдничество, получившее свое начало отъ греческаго, было отвлеченнаго характера, или догматическаго, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Въ частности, примѣнительно къ нуждамъ русской жизни, русское проповѣдничество приняло другое направленіе, отличное отъ греческаго. Въ новообращенной Россіи проповѣдничество не могло быть самостоятельнымъ, напр. изъяснительнымъ, или полемико-догматическимъ. Какъ подражательное, оно избрало для себя легчайшій путь, простѣйшее направленіе, но вмѣстѣ такое, которое наиболѣе соотвѣтствовало духовнымъ потребностямъ страны. Направленіе это *нравственно-аскетическое*. Важныя и неотразимыя историческія причины дали такое, а не другое направленіе русской проповѣди.

Первою изъ нихъ было нравственно-аскетическое содержаніе проповѣдническихъ сборниковъ, переведенныхъ на славянскій языкъ, частію въ Болгаріи, а частію въ Россіи. И,—что особенно важно,—преобладаніе въ переводной литературѣ поученій Іоанна златоуста, Ефрема сирина, Василія великаго, Іоанна синайскаго, Григорія бо-

[1]) Впрочемъ, о формѣ и произношеніи древняго проповѣдничества мы имѣемъ свѣдѣнія очень скудныя.

гослова и другихъ нравственно-аскетическихъ проповѣдниковъ. Поученія этихъ проповѣдниковъ и особенно первыхъ двухъ, богатыхъ нравственно-аскетическимъ ученіемъ, перешли, какъ увидимъ, почти цѣликомъ въ русскіе сборники, составленные въ Россіи, и сдѣлались главнымъ основаніемъ всего русскаго проповѣдничества. «Большая часть переводныхъ твореній принадлежитъ къ аскетической литературѣ. Высокое достоинство твореній древнихъ подвижниковъ, распространеніе образованія преимущественно изъ монастырей, и общее уваженіе къ иноческой жизни, какъ высшему проявленію христіанскаго совершенства, были причиною, что болѣе переводились творенія иноческія. Но искреннее благочестіе могло находить въ нихъ достаточно уроковъ и для общаго назиданія» [1]).

Второю причиною было нравственно-аскетическое призваніе русскихъ проповѣдниковъ. Всѣ они были монашествующіе, какъ греки такъ и русскіе, строго благочестивые подвижники, и нѣкоторые изъ нихъ святые. Краткія біографическія свѣдѣнія русскихъ проповѣдниковъ удостовѣрятъ насъ въ этомъ. Св. Лука Жидята, съ 1034 г. еписк. новгородскій, оклеветанъ и пострадалъ (ум. 1060 г.). Св. Иларіонъ, съ 1050 г. митр. кіевскій; бывъ священникомъ, подвизался въ пещерѣ. Св. Ѳеодосій, игуменъ кіево-печерскій (1074 г.). Никифоръ, митр. кіевскій, грекъ (1104—1120). Св. Кириллъ, еписк. туровскій прежде 1171 г., подвизался въ столбѣ. Кириллъ I митр. кіевскій, грекъ (1223—1233). Кириллъ еписк. ростовскій съ 1231 г., по лѣтописи—блаженный (1262). Кириллъ II митр. кіевскій (1243—

[1]) Опис. славян. рукопис. II, 5.

1280). Св. Серапіонъ, съ 1274 г. еписк. владимірскій (1275). Св. Петръ, митр. московскій (1308—1326). Св. Алексій, митр. московскій (1354—1377). Павелъ высокій, старецъ нижегородскаго монастыря (1382). Св. Фотій, митр. московскій, грекъ, ученикъ строгаго подвижника Акакія (1410—1431). Григорій Цамблакъ, съ 1416 г. митр. кіевскій, сербъ. Св. Іона, митр. московскій (1448—1461). Пустынникъ преп. Нилъ сорскій (—1508). Даніилъ, митр. московскій (1522—1539), подвижникъ волоколамскаго монастыря, въ которомъ скончался. Преп. Максимъ грекъ (1518—1556). О большей части подобныхъ проповѣдниковъ мы умолчали, такъ какъ поученія ихъ не дошли до насъ, хотя лѣтописи упоминаютъ объ нихъ. Эти проповѣдники — аскеты обыкновенно возвѣщали тѣ истины и правила, которыми сами руководились въ жизни, правила самоотверженія и подвиговъ, ради Христа.

Третьею причиною было монашеское настроеніе общества, развитое не только нравственно-аскетическою проповѣдію и аскетизмомъ проповѣдниковъ, но и вообще церковнымъ бытомъ древней Руси. Этотъ бытъ внушалъ обществу чисто монашескія стремленія. «Патерики синайскій и скитскій, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ предковъ отъ XI и до XVII вѣка включительно. Исторія о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, вся основанная на идеализаціи пустынничества, пользовалась такою популярностію въ древней Руси, что даже отразилась въ народной поэзіи. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древнюю русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизустъ и нечувствительно вхо-

дили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ, отражались въ ихъ дѣятельности учрежденіемъ пустынножительства въ захолустьяхъ русской земли» [1]). Идеалъ аскетизма, развиваемый патериками и отеческою литературой, подкрѣплялся на дѣлѣ безчисленными примѣрами. Вся Россія была наполнена монастырями. Съ XI до XIV вѣка возникло 90 монастырей и пустынь; въ XIV—XV в. 150; въ XVI в. 100; въ XVII в. 220. Не только русскіе монахи приносили съ востока, и особенно съ Аѳона, правила полнаго отрѣшенія отъ міра, но и греческіе приходили къ намъ и распространяли тоже ученіе. Не говоря уже о странникахъ, восхвалявшихъ подвижничество, видѣнное ими на востокѣ, и множествѣ грековъ, собиравшихъ на Руси милостыню, многіе подвижники греческіе поселились у насъ. Таковы напр. Ѳеодосій, поселившійся на мурманскомъ островѣ; Лазарь, Елеазаръ, Назарій, Пахомій сербъ, и другіе. Школою самоотверженія была и самая церковь, съ ежедневнымъ богослуженіемъ. Здѣсь предки часто слышали ученіе о будущей жизни, суетѣ міра, смерти, судѣ, адѣ и раѣ. Особенно въ канонахъ, которые читались и на дому, восхвалялась подвижническая жизнь. Въ нихъ восхвалялись пустынножители, которые постомъ, бдѣніемъ, молитвою и слезами достигли ангельскаго безстрастія, собесѣдованія и сожительства. Въ канонахъ церковныхъ особенно много аскетическихъ наставленій, въ родѣ слѣдующаго: «подобаетъ намъ братіе презирати плоть, преходитъ бо, прилѣжати же о душѣ, вещи безсмертной».

Четвертою причиною было гражданское неустройство Руси. Отсутствіе всякихъ житейскихъ идеаловъ давало

---

[1]) Ист. Очерк. Бусл. II, 231.

полную власть надъ умами монашескому ученію. Свѣжее общество, неразвлекаемое наукою, искусствами, коммерціей и промышленностію, не слишкомъ привязанное къ языческой вѣрѣ, крайне неразвитой (не было системъ вѣроученія, жрецовъ и храмовъ), всецѣло предавалось аскетическому идеалу. Самыя напасти, неразлучныя съ гражданскимъ неустройствомъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовали утвержденію аскетической проповѣди. Повсюду враги, притѣсненія, потери и скорби: вотъ лучшее побужденіе презирать непостоянство счастія и стремиться въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ печалей, но вѣчная радость и неизмѣнный порядокъ. И дѣйствительно, всѣ сословія Руси, даже княжеское, глубоко постигали этотъ урокъ времени. Всѣ они «попреизлиха любили чернеческій чинъ», устрояли домашнюю жизнь по монастырскому чину, а князья хоть передъ смертію старались принять ангельскій образъ. Изъ-за этого, между прочимъ, бѣлое духовенство оставалось въ тѣни и бѣдности.

Пятою причиною была умственная неразвитость или малоразвитость проповѣдниковъ-самоучекъ и ихъ пасомыхъ и нравственное состояніе послѣднихъ. Могли ли наши проповѣдники пускаться въ какую либо область богословія, требующую самостоятельнаго изслѣдованія? Ужъ конечно не имъ было равняться съ греческими проповѣдниками, въ чемъ бы то ни было, а наипаче въ изслѣдованіи догматовъ. Между тѣмъ нравственное ученіе, не требующее перемѣнъ и новыхъ взглядовъ, какъ самое доступное для ума, было наиболѣе подручно нашимъ проповѣдникамъ; а нѣкоторымъ и это ученіе едва было подъ силу. Да оно же обильно разкрыто въ отеческихъ поученіяхъ, особенно Златоуста и Ефрема сирина.

И мы увидимъ, что главную часть древняго проповѣдничества составляютъ передѣланныя слова св. отцовъ, особенно Златоуста. И въ наставленіяхъ нравственно-аскетическихъ древніе проповѣдники не стѣснялись гуманностію и приноровленіями къ жизни. Они возлагали на мірянъ, какъ увидимъ, всю тягость аскетизма, и гдѣ требовалось, для излеченія, отнять палецъ, тамъ отрубали руку по плечо. Напр. за недостоинство нѣкоторыхъ вдовцовъ воспрещено богослуженіе всѣмъ вдовымъ священникамъ. Равно и пасомые, по простотѣ смысла, всего легче могли понять нравственное ученіе. Да они же, по своему нравственному состоянію, всего болѣе нуждались въ подобномъ ученіи. Мы видѣли, въ какомъ состояніи была нравственность предковъ. Физическая сила и чувство брали верхъ надъ умомъ и совѣстію; мысль была омрачена суевѣріемъ, предразсудками и невѣжествомъ; отсюда—низкія страсти и грубые пороки, разстроивавшіе общественную и частную жизнь. Привыкнувъ къ современному благоустройству, мы не можемъ представить всѣхъ ужасовъ того времени. Повсюду господствовали насиліе и неправда, и грубыя наслажденія цѣнились тѣмъ выше, чѣмъ меньше были ослаблены тогда физическія силы людей. Для обузданія этой грубой и порочной силы нужна была крѣпкая духовная власть, каковою и была нравственно-аскетическая проповѣдь. Практическія убѣжденія не подѣйствовали бы на людей чувства, не привыкшихъ обсуждать свои дѣла; они имѣли силу только при высокомъ нравственномъ ученіи. И мы убѣдимся, что аскетическое настроеніе проповѣди, какъ сильное лекарство противъ застарѣлой болѣзни, было устроеніемъ Промысла. Промыслъ, устроявшій господство и славу Россіи, противу-

поставилъ ея физической силѣ нравственную силу, грубымъ нравамъ народа высокія правила вѣры и авторитетъ проповѣдниковъ-подвижниковъ.

Частныя черты нравственно-аскетическаго проповѣдничества, и мнѣнія о томъ писателей.

Впрочемъ, не должно думать, что нравственно-аскетическое проповѣдничество разкрыто въ единствѣ предметовъ и послѣдовательности мыслей; напротивъ, оно представляетъ смѣсь всевозможныхъ истинъ—догматическихъ, нравственныхъ, аскетическихъ, церковно-историческихъ и практическихъ. Эта смѣсь богословскихъ истинъ и отсутствіе научной связи въ мысляхъ до того поражаетъ читателя, что онъ въ началѣ не знаетъ, на чемъ остановиться въ проповѣднической письменности. Но, пересматривая внимательно древнее проповѣдничество во всемъ его объемѣ, онъ замѣчаетъ одно господствующее направленіе мыслей — нравственно-аскетическое, такъ что прочія мысли и доказательства служатъ подкрѣпленіемъ и разъясненіемъ его. Въ этомъ направленіи проповѣди видна съ одной стороны естественная потребность проповѣдниковъ высказать свои аскетическія убѣжденія, а съ другой стороны—та сила обстоятельствъ и историческихъ причинъ, о которыхъ сказано выше. Такимъ образомъ, при всемъ недостаткѣ научнаго единства въ развитіи проповѣдничества, открывается внутренняя связь его съ жизнію, настроеніемъ общества, и, такъ сказать, психическое единство предметовъ, вѣчно повторяемыхъ на одинъ ладъ.

Вникая въ направленіе второстепенныхъ истинъ и доказательствъ нравственно-аскетическаго проповѣдничества, замѣчаемъ тотъ же внутренній порядокъ, условленный жизнію и простымъ здравымъ смысломъ самоучекъ проповѣдниковъ. Нравственная проповѣдь сильно проникается аскетизмомъ въ началѣ христіанства, при неустроенной гражданской и духовной жизни. Съ теченіемъ времени и устройствомъ общества, чисто аскетическое ученіе постепенно отдѣляется отъ мірской проповѣди и сосредоточивается въ поученіяхъ и посланіяхъ инокамъ, предсмертныхъ завѣщаніяхъ и въ монастырскихъ уставахъ. Послѣ нравственно-аскетическаго отдѣла поученій слѣдуетъ обширный отдѣлъ церковно-историческій или похвальныя слова святымъ. Этотъ отдѣлъ составляетъ одно цѣлое съ предыдущимъ въ разъясненіи аскетическаго идеала или нравственнаго совершенства; только первый — раскрываетъ этотъ идеалъ съ точки теоретической, а второй—съ практической, въ живыхъ примѣрахъ аскетической жизни. Догматическія истины или правила вѣры едва замѣтны въ древнемъ проповѣдничествѣ. Онѣ обыкновенно перемѣшиваются съ нравственными истинами или правилами дѣятельности, безъ развитія, и какъ будто случайно. Но при внимательномъ изученіи догматовъ, проводимыхъ въ русскомъ проповѣдничествѣ, замѣчаемъ повтореніе однѣхъ и тѣхъ же истинъ, имѣющихъ связь съ нравственно-аскетическою проповѣдію. Въ древнемъ проповѣдничествѣ всего чаще проводятся догматы о страшномъ судѣ, будущей жизни, вѣчной мукѣ и вѣчномъ блаженствѣ, т. е. такія истины, которыя служили опорою аскетизма и побужденіемъ къ нравственнымъ подвигамъ. Эти же истины служатъ основою нравственнаго ученія въ греческомъ проповѣдничествѣ, особенно въ словахъ. св. Златоуста и Ефрема сирина. Повторенію этихъ догматовъ,

кромѣ общественныхъ бѣдствій, содѣйствовало одно историческое обстоятельство,—вѣрованіе въ близкій конецъ свѣта, съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ, въ 1492 году [1]). Это вѣрованіе перешло къ намъ изъ Греціи, и произвело страшное смущеніе въ народѣ. Всѣ увѣрены были въ близкомъ концѣ свѣта; не считали нужнымъ исполнять гражданскія обязанности, платить подати, заключать браки. Многіе шли въ монастыри и постригались въ монашество; другіе съ отчаянія предавались пьянству, грабежу, и даже налагали на себя руки [2]). Въ посланіяхъ пастырей въ разные города и области часто разкрывается необходимость таинствъ, особенно покаянія, причащенія и брака; это объясняется уклоненіемъ новообращенныхъ христіанъ отъ таинствъ, силы и обязательности которыхъ они не понимали. Основные догматы христіанства о Троицѣ и лицѣ Іисуса Христа всего

[1]) Основаніе мнѣнію о 7000—лѣтіи міра находится въ посланіи Варнавы, апокрифическомъ. Въ этомъ посланіи время существованія міра сравнивается, символически, съ днями творенія. Міръ, сотворенный въ 6 дней, долженъ закончить свою исторію въ 6000 лѣтъ. Въ 7-е тысячелѣтіе назначенъ судъ міру и покой, и затѣмъ должна наступить новая жизнь. Это мнѣніе породило два ожиданія кончины міра, по истеченіи 6 и 7 тысячи лѣтъ. Греческіе отцы (св. Ириней, Григорій нисскій) число 8 считали символомъ или началомъ вѣчной жизни. Поэтому греческія пасхаліи оканчивали счисленіе лѣтъ 7000 годомъ, и въ одной пасхаліи за послѣднимъ годомъ написано: «горе тѣмъ, которые доживутъ до конца вѣковъ». Подобное вѣрованіе существовало на западѣ, въ X вѣкѣ. Католическіе богословы учили, что на основаніи XX главы апокалипсиса (въ 4 — 6 ст.), въ концѣ 6 тысячи лѣтъ настанетъ послѣдній судъ; и въ это время въ Европѣ ожидали конца міру (Ист. рус. Сл. Шевыр. IV, 79. Правос. Собес. 1860 г. III). По свидѣтельству Геннадія и въ русской пасхаліи за 1492 годомъ кто-то написалъ: «здѣ страхъ, здѣ скорбь!» Продолжатели пасхаліи, опасаясь конца міра, выказали робость въ дальнѣйшемъ расчисленіи годовъ; митр. Зосима продолжилъ ее на 20 лѣтъ, арх. Геннадій на 570, свящ. Агафонъ на 8000.

[2]) Допол. А. ист. 1, № 41.

рѣже упоминаются въ проповѣдяхъ, и то безъ всякаго развитія. Обыкновенно проповѣдники внушаютъ вѣровать въ Бога Отца и пр.

Какъ ни отвлеченна нравственно-аскетическая проповѣдь въ своемъ содержаніи, все же она удовлетворяла нравственнымъ потребностямъ общества и стояла въ тѣсной связи съ жизнію, съ аскетическимъ настроеніемъ вѣка. Но есть еще отдѣлъ древнихъ проповѣдей, весьма незначительный по объему, который стоитъ особнякомъ въ древней литературѣ, безъ отношенія къ жизни. Этотъ отдѣлъ, обнимающій поученія Кирилла туровскаго и Григорія Цамблака, да еще слово «о законѣ и благодати» митр. Иларіона, чисто риторическій, византійскаго характера. Византійская литература (529—1453 г) далека отъ дѣйствительной жизни, искусственна въ выраженіи мыслей, изобилуетъ фигурами, символизмомъ и діалогами. Изъяснительныхъ поученій въ древнемъ проповѣдничествѣ очень мало. Составляя компиляцію отеческихъ бесѣдъ, или же одну перефразировку дневнаго евангелія, они тоже не гармонируютъ съ общимъ направленіемъ русской проповѣди. Не имѣя особаго значенія, какое имѣла изъяснительная бесѣда въ греческомъ проповѣдничествѣ, эти поученія составляютъ нѣчто оторванное, неоправдываемое настоятельною нуждою и очевидною пользою. Впрочемъ, предки наши имѣли въ употребленіи всѣ книги св. писанія, съ толкованіями на нихъ изъ св. отцовъ.

Практическій элементъ въ древнемъ проповѣдничествѣ, по близкой связи послѣдняго съ жизнію, довольно значителенъ. Но онъ не составляетъ богатаго отдѣла, который отвѣчалъ бы всѣмъ потребностямъ времени, касался всѣхъ недостатковъ общественной и домашней жиз-

ни, характера народа и отдѣльныхъ сословій его. Трудно даже найти два-три десятка проповѣдей, которыя вполнѣ выдерживали бы характеръ практическій. Проповѣди чисто практическаго характера имѣютъ предметомъ своимъ суевѣріе и пьянство и отчасти корыстолюбіе. Коротко сказать: все древнее проповѣдничество написано въ преобладающемъ нравственно – аскетическомъ направленіи. И хотя при недостаткѣ научной формы и правильнаго изложенія всѣ истины вѣроученія въ немъ перемѣшаны; при всемъ томъ можно примѣчать нѣкоторую естественную группировку въ распредѣленіи главныхъ однородныхъ предметовъ, истинъ, или частныя черты проповѣдничества. Показанныя нами частныя черты древняго проповѣдничества послужатъ гранями или отдѣлами при подобномъ изложеніи содержанія его.

Писатели, касавшіеся древняго проповѣдничества, вообще признаютъ его подражательнымъ греческому, отвлеченнымъ и нравственно–догматическимъ. А тѣ, которые основали свои сужденія на нѣкоторомъ изученіи памятниковъ русскаго проповѣдничества, признаютъ его нравственно–поучительнымъ, и нравственно–религіознымъ и вообще аскетическимъ». Восточно–византійскіе учители имѣли огромное вліяніе на развитіе и укорененіе въ древней Россіи нравственно–воспитательнаго начала. И нужно сказать, что при первобытной грубости нравовъ русскаго народа, во времена страшнаго господства дикаго произвола и грубой физической силы, нравственно-христіанское ученіе и воспитаніе составляло первую историческую задачу. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно–обрядовыя наставленія, напр. о постѣ вообще и въ частности о филипповомъ, петровомъ, успенскомъ и великомъ; о покаяніи, исповѣди и епитиміяхъ; о недѣлѣ и благопристойномъ празднованіи праздниковъ; о хожденіи въ церковь и благопристойномъ поведеніи въ ней. Или же обличались грубые пороки времени подъ общимъ заглавіемъ: «слово еже како жити христіаномъ», «слово о спасеніи души», «слово душеполезно», «слово о лѣнивыхъ» и т. п. Мысль русская вполнѣ жила вѣрою и не требовала никакихъ доказательствъ и истинности догматовъ. Поэтому умы русскіе, вполнѣ воспитанные въ правилахъ вѣры и смиренномудрія, вовсе не любили посвящать мысль другимъ предметамъ, кромѣ вѣры и нравоученія. Всякое своемысліе, всякое ученіе разума строго запрещалось» [1]).

«Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, господство религіозныхъ идей достигло тамъ полнаго апогея, и монастыри давали направленіе обществу. Отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію, и потому она вполнѣ можетъ назваться монастырскою. Результатомъ переводной дѣятельности у южныхъ славянъ, въ Византіи и отчасти въ Россіи было значительное количество переводовъ отцовъ церкви, религіозно-нравственныхъ сочиненій и византійскихъ сборниковъ, которые сообщили русской жизни исключительно религіозное направленіе. Преобладаніе аскетическихъ идеаловъ въ литературѣ содѣйствовало развитію монастырской жизни въ Россіи, и монастыри въ свою очередь занимаютъ здѣсь такое образовательное положеніе, какъ и тамъ (въ Греціи); отчего аскетическія идеи пріобрѣтаютъ исключительное господство въ обществѣ» [2]).

[1]) Педаг. усл. разв. рус. народа. 24—27.

[2]) Опыт. культ. значенія Византіи, 61. 225. 336.

Аскетическій идеалъ, развитый древнимъ проповѣдничествомъ.

Сущность ученія, разкрытаго въ древнемъ проповѣдничествѣ, такова: «православный христіанинъ прилежитъ чтенію божественныхъ книгъ, для спасенія души. Онъ ходитъ въ церковь, ежедневно, къ утренѣ, обѣднѣ и вечернѣ. Неграмотному полагается правило: «за каѳизму 300 поклоновъ, за полунощницу 600, за утреню 1500, за часы 1500, за вечерню 600». Онъ соблюдаетъ праздники, чтитъ святыхъ, иконы и крестъ, утромъ и вечеромъ совершаетъ домашнія молитвы и встаетъ ночью на поклоны и славословіе. Онъ соблюдаетъ четыре поста, а также — въ среду и пятокъ; постъ держитъ до вечера, по крайней мѣрѣ до полудня; ибо какой въ этомъ трудъ? Онъ говѣетъ въ четыре поста, и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ; всегда воздерживается отъ объяденія и пьянства, особенно ранняго, а также блуда и всякаго невоздержанія. Онъ почитаетъ властей, наипаче отца духовнаго, часто кается, исповѣдуетъ ему грѣхи свои по вся дни, и жертвуетъ на поминовеніе себя въ церкви. Живетъ со всѣми въ мирѣ и любви, воздерживается отъ обиды и неправеднаго стяжанія, подаетъ милостыни монастырямъ, церквамъ, отцу духовному и нищимъ, посѣщаетъ больныхъ и заключенныхъ, милуетъ рабовъ своихъ. Онъ воздерживается отъ лжи, осужденія и гнѣва, любитъ молчаніе, переноситъ обиды, терпитъ скорби и терпѣливо несетъ крестъ свой. Наипаче же христіанинъ, въ чувствѣ своей виновности, неисправимости и отвѣтственности, часто кается предъ Богомъ, плачетъ о грѣхахъ своихъ, помнитъ смерть, судъ, вѣчныя муки,

царство небесное, и яко осужденный смиряется предъ всѣми. Онъ не стыдится честнѣйшимъ себе главу преклонить, стоять предъ старшими (въ честь Богу), и, имѣя взоръ потупленный, мыслію возносится на небо. А паче всего благоговѣйный христіанинъ, не взирая на свои труды, покаяніе и смиреніе, имѣетъ страхъ Божій; ибо страхъ есть основаніе всѣхъ добродѣтелей и ограженіе отъ всѣхъ бѣдъ. «О братіе! говоритъ одинъ проповѣдникъ, первѣе имѣйте страхъ Божій, тѣмъ бо можете оградиться отъ всякаго зла». «Бойтеся, братіе, грозы, говоритъ другой проповѣдникъ, и страха суда Божія! Внезапу страшный той день найдетъ; аще не уготовимся добродѣтельми, то нагіе и странные въ негасимый огонь осудимся. О братіе! живите въ страхѣ Божіемъ, время бо житія сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не малая» [1]). Однимъ словомъ: общая идея проповѣдничества—покаяніе и приготовленіе къ царству небесному; частная — обличеніе нестроеній земныхъ, препятствующихъ спасенію.

Эти аскетическія правила усилены въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ до того, что невольно смущаютъ духъ. Напр. «если ты имѣешь всѣ добродѣтели, но не имѣешь смиренія, или любви, или вѣры, или воздержанія въ словѣ, похоти и прочее, или преданъ тщеславію, гнѣву и подобнымъ страстямъ; то напрасны твои дѣла, суетно благочестіе». «Если ты постишься и говѣешь, но не престаешь отъ зла, не воздерживаешь чувствъ, не примиришься съ врагами, не благотворишь нищимъ; то напрасенъ твой постъ и говѣніе». «Если ты утаишь предъ

---

[1]) Изъ прп. Павла высок., неизвѣстнаго проповѣдника XIII в., и другихъ.

отцомъ духовнымъ хотя одинъ грѣхъ, считая его не важнымъ; то этотъ грѣхъ будетъ тяжелѣ всѣхъ, и ты примешь осужденіе». Приводятся и причины такихъ объясненій. Напр.: «въ сердцѣ гордаго почіетъ діаволъ, и слово Божіе къ нему не пристаетъ». «На постящагося немилостиваго вопіютъ обиженные и подвизаютъ Бога на гнѣвъ». «Птица, запутавшись въ силкѣ и однимъ ногтемъ, погибаетъ». Есть и такія толкованія заповѣдей, что молитва и другія добродѣтели, совершаемыя недостойно, подвергаютъ большему осужденію. Однимъ словомъ: печальна жизнь, начертанная древнимъ проповѣдничествомъ, тѣмъ болѣе, что и въ гражданскомъ отношеніи она не представляла ничего отраднаго. А тутъ еще постоянные подвиги, самоотверженіе, покаяніе, вѣчный страхъ и опасеніе за свою душу. Необыкновенна такая жизнь, и безъ особеннаго призванія Божія не выполнима. Но предки наши бодро и не колеблясь, съ вѣрою и упованіемъ на Бога, подклонились подъ его иго. И вѣра ихъ не посрамилась. Богъ укрѣпилъ ихъ въ подвигахъ благочестія, совершилъ силу свою въ немощи, въ назиданіе потомству.

б) Русское проповѣдничество въ его внѣшнемъ выраженіи, въ словѣ.

Русское проповѣдничество, строгое по характеру и небогатое содержаніемъ, просто и бѣдно по выраженію своему въ словѣ. Это легко доказать свойствами славянскаго языка, послужившаго оболочкою древней проповѣди, прослѣдивъ его развитіе. Славянскій языкъ одинъ изъ самыхъ древнихъ языковъ въ свѣтѣ. Древность его, наравнѣ съ санскритскимъ и греческимъ языками, до-

казывается двойственными числами. Не смотря на то, славянскій языкъ не обогатился понятіями, по причинѣ простой жизни и неразвитости славянъ. Онъ не имѣетъ особенно цвѣтистыхъ словъ и выраженій, ибо сложился въ сѣверной природѣ, которая давитъ заботами и почти не даетъ мѣста поэзіи. Онъ бѣденъ формами, прозаиченъ и необдѣланъ, ибо долгое время не имѣлъ литературы и грамматики. «Выражая первыя мысли и потребности необразованныхъ людей, рожденныхъ въ суровомъ климатѣ, онъ казался дикимъ въ сравненіи съ языкомъ греческимъ, смягченнымъ гражданскою жизнію, удовольствіями роскоши и пріятными искусствами [1]). Греки находили его весьма грубымъ (Прокопій называетъ его «варварскимъ»). Съ X вѣка славянскій языкъ обогатился словами и оборотами, выражающими духовный міръ, область вѣры и науки. Обогащеніе это совершилось при помощи болгарской, сербской и греческой литературы. Болгарскій языкъ схожъ во многомъ съ церковно-славянскимъ; съ сербскаго языка взяты мѣстоименія: «еговъ, тоговъ» и подоб. Съ греческаго—цѣлыя тысячи словъ и понятій; таковы слова, означающія обрядность и богослуженіе (епитимія, панихида, каѳизма); науки и искусства (философія, ариѳметика, стратагема); имена святыхъ (святцы) и житейскіе предметы (грамата, анаѳема, трапеза, монархъ, фонарь). Съ греческими словами перешли въ славянскій языкъ многія еврейскія (аллилуія, осанна), сирскія (авва), латинскія (кустодія), обоюдныя въ греческомъ и латинскомъ языкѣ (спира, спекулаторъ). Латинскія слова въ излишествѣ стали вторгаться въ славянскую рѣчь съ XVII вѣка (имита-

[1]) Ист. Карамз. 1, 62.

ція, меморія, предика). Вмѣстѣ со словами вошли въ славянскую рѣчь, съ иностранныхъ языковъ, и грамматическіе обороты. Съ греческаго: «хотѣніемъ хотѣть, страхомъ убояться, вложить въ уста слово хваленія». Отсюда и подражательныя многосложныя реченія: «воздухъ аэрный, лукавственное коварство, кликать кличъ, упиваться пьянственнымъ питіемъ, чинить всякіе способы и производить въ дѣйство, пламень жупельный горячаго огня», и т. под. Съ еврейскаго: «небеса небесъ», и проч.

Обогащеніе славянскаго языка разноязычными словами и оборотами сообщило ему пестроту и неясность, а въ XV—XVII вѣкѣ, отъ избытка риторизма и латыни, напыщенность. Темнота церковно-славянскаго языка съ каждымъ вѣкомъ усиливалась, съ одной стороны вслѣдствіе разобщенности его съ живымъ языкомъ, который постоянно обновлялся въ формахъ, а съ другой стороны вслѣдствіе обычая проповѣдниковъ писать книжнымъ, необдѣланнымъ, церковнымъ языкомъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ темноты церковно-славянскаго языка возникли на нее протесты и приняты мѣры къ уясненію рѣчи. Такъ митр. Кириллъ въ 1274 г. назвалъ переводы отеческихъ писаній помраченными облакомъ еллинскаго языка. Въ XVI в. ученики инока Зиновія говорили тоже самое, что книги писаны закрыто, темно. Стоглавый соборъ также замѣтилъ, что онѣ темны по языку. Съ XIII вѣка появляются и словари для уясненія темной церковной рѣчи. Такъ въ новгородской кормчей 1282 г. помѣщенъ краткій словарь, объясняющій иностранныя слова, особенно еврейскія. Въ спискѣ сочиненій Іоанна синайскаго 1431 г. есть словарь, объясняющій славяно-русскія слова. Въ XVI—XVII в. составлены пространные словари Зизаніемъ и Берындою. Не смотря на эти пособія, церковно-славянскій языкъ совсѣмъ разошелся съ живымъ языкомъ, такъ что въ XVII вѣкѣ онъ казался для простыхъ слушателей иностраннымъ. Поэтому, напр. священникъ орловскій излагалъ бесѣды Златоуста простѣйшимъ разговорнымъ языкомъ, потому что славянскій переводъ этихъ бесѣдъ былъ непонятенъ его слушателямъ. Подобные взгляды на недостатки церковно-славянскаго языка высказаны и другими писателями. «До Петра, говоритъ Устряловъ, русское слово развивалось медленно, сколько отъ недостатка идей, столько и еще болѣе отъ заботливости нашихъ грамотѣевъ не уклоняться отъ того образа изложенія, которому слѣдовали отцы и дѣды; они считали красотою слога строгое соблюденіе старинныхъ формъ, введенныхъ за нѣсколько вѣковъ первыми памятниками нашей словесности. Народъ давно оставилъ эти обветшалыя формы и создалъ свой языкъ живой, выразительный; люди грамотные не хотѣли знать его, усердно держались старины и составили свой языкъ, раздѣлявшійся на книжный и приказный. Первый употреблялся вездѣ, гдѣ хотѣли блеснуть краснорѣчіемъ, преимущественно въ духовныхъ сочиненіяхъ. И тотъ и другой отличался затѣйливостію формъ, нерѣдко неправильностію оборота, темнотою выраженія» [1]).

Итакъ, недостатки церковно-славянскаго языка, доказанные его исторіей, слѣдующіе: простота и бѣдность, условленныя жизнію народа и отсутствіемъ литературы до X вѣка; пестрота и напыщенность, развитыя вліяніемъ иноземной литературы; темнота и неправильность, зависѣвшія отъ разобщенности языка съ жизнію, отъ разно-

[1]) Рус. Ист. Устр. II; 95.

язычныхъ идіотизмовъ, и вообще отъ недостатка научной постановки дѣла. Впрочемъ, и разговорный славянскій языкъ, при застоѣ общественной жизни, не много развился въ 700 лѣтъ. И потому отзывы о немъ европейцевъ столь же неблагопріятны, какъ и отзывы древнихъ грековъ. «Языкъ (русскаго народа), говоритъ Крижаничъ, бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскихъ языковъ; поэтому неудивительно, что и разумы у народа косны и тупы. Чего (мы) не можемъ сказать словомъ, того не можемъ замыслить и думою» [1]).

[1]) Количество словъ древняго славянскаго языка съ точностію опредѣлить невозможно; но, по примѣру всѣхъ первобытныхъ, невоздѣланныхъ языковъ, оно не могло быть значительнымъ (языки дикихъ народовъ обыкновенно имѣютъ отъ 2 до 10,000 словъ; чувашскій, напр., 1500 словъ). Древніе словари Берынды и подобные необъемисты. Азбучный словарь—1822 года — содержитъ въ себѣ 51,388 словъ, т. е. такое количество, которое равняется словарямъ главныхъ европейскихъ языковъ. Но надобно замѣтить, что это количество совмѣщаетъ два языка — славянскій и русскій. Церковно-славяно-россійскій словарь Соколова—1834 года—заключаетъ въ себѣ 63,432 слова. Академическій словарь церковно-славянскаго и русскаго языка—1867 года—содержитъ 114,749 словъ. Наконецъ Толковый Словарь Даля—1864 года—обѣщаетъ 200,000 словъ (стр. XIII), взявъ въ разсчетъ и нѣкоторыя областныя нарѣчія. Не распространяемся о словахъ иностранныхъ, вводимыхъ въ русскую рѣчь, коихъ накопилось до 60,000. Это громадное богатство славяно-русскаго языка, превосходящее всѣ новыя и древнія нарѣчія, не противорѣчитъ мнѣнію о бѣдности древняго языка славянскаго, ибо оно скопилось вѣками, особенно въ XVIII—XIX вѣкѣ, вслѣдствіе европейскаго образованія. Грамматическія формы, установившіяся въ періодъ литературнаго развитія славянскаго языка, свидѣтельствуютъ о скудости его развитія и небогатомъ строѣ. Таковы напримѣръ неправильныя формы склоненій (разносклоняемыя имена, коихъ окончанія принадлежатъ разнымъ склоненіямъ) и спряженій (употребленіе будущаго вмѣсто настоящаго и т. п.). Не говоримъ уже о музыкальности и благозвучіи языка, которыя зависятъ отъ его богатства и тщательной разработки; примѣромъ сего служитъ латинскій, или даже русскій языкъ. Благозвучію, а равно и стройности славянскаго языка, много вредятъ двойственныя числа склоненій и особенно спряженій. Для поясненія означенныхъ свойствъ языка достаточно привести слѣдующій оборотъ рѣчи: «сердце наю горѣ бѣ въ наю»; или: «хощева, еже просива ваю».

Очевидно, что при такихъ недостаткахъ языка, древняя проповѣдь не могла быть изящною и богатою въ словѣ. Она не могла позаимствоваться отъ церковно-славянскаго языка внѣшнимъ блескомъ, грамматическою правильностію, искусными риторическими оборотами и чертами дѣйствительной жизни. Правда, русскіе проповѣдники, заимствуя мысли у греческихъ отцовъ, иногда какъ будто одушевляются въ словѣ, говорятъ фигурами. Но эти фигуры, взятыя съ чужого языка, не производятъ впечатлѣнія на душу, такъ какъ онѣ взяты изъ жизни несродной намъ, и лишены непосредственнаго одушевленія. Особенною вялостію поражаетъ фигура раздѣленія, столь обычная въ греческомъ проповѣдничествѣ, разбирающая слушателей по сословіямъ; ибо сословія въ древности не опредѣлились сполна. «Пріидите старцы и юноши, богатые и убогіе, рабы и свободные, воины и земледѣльцы, знатные и безвѣстные», и т. д. Восклицанія и вопрошенія не совсѣмъ приличествовали прозаическому народу, чуждому эстетическихъ наслажденій и ощущеній. Иногда же вопрошенія и восклицанія русскихъ проповѣдниковъ означали ихъ смущеніе и неумѣнье справиться съ предметомъ. «Сознавая свое безсиліе, говоритъ одинъ писатель, древне-русское проповѣдничество болѣе и болѣе умолкало. Оно отличалось высокими задачами и скудными средствами. Стремясь къ небу, проповѣдники не знали, что говорить, и ихъ выраженія: что реку, что возглаголю?—были не только фигурою, но и дѣйствительнымъ затрудненіемъ» [2]). Тѣмъ болѣе древняя проповѣдь не могла искупить слабаго содержанія блестящимъ слогомъ, какъ это водится въ греческомъ проповѣд-

[2]) Рук. для сел. паст. 1858 г. № 23.

ничествѣ. Напротивъ, самая энергическая мысль въ древнемъ проповѣдничествѣ не рѣдко слабѣетъ подъ тяжестію слога. Вотъ подобная мысль изъ патріаршей грамоты: «звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловляше овцы во снѣдь своего звѣрообразнаго глощенія, сирѣчь безмѣрнаго мздоимания» [1]). Тяжолый и запутанный слогъ усилился въ русскомъ проповѣдничествѣ преимущественно съ XV вѣка, подъ вліяніемъ византійской, напыщенной литературы, и много повредилъ проповѣди, безъ того уже падавшей. Неопредѣленность выраженій, странное сочетаніе словъ, многословіе и растянутость составляли обычную принадлежность проповѣди, какъ и вообще духовной литературы. Напр.: «блудное воровство», «благотщательное мудрохрабство», «пѣснію пѣть вопіюще и глаголюще». Къ этому присоединялись обветшалыя формы, напоминающія первобытный составъ языка, такъ называемыя двойственныя числа: «наю хощева», «ваю просита», и грубость оборотовъ: «отрыгнуть слово», «наблевать прелестію», «блядословить» и подоб. Такая тяжесть и неблагозвучіе слога подавляли содержаніе проповѣди. Если при всемъ томъ церковно-славянскій языкъ остался принадлежностію древней проповѣди, то именно изъ уваженія къ его древности. Инокъ Зиновій прямо утверждалъ, что проповѣдь должна быть возвѣщаема на славянскомъ священномъ языкѣ. Такъ нѣкогда католики учили, что слово Божіе должно быть возвѣщаемо только на трехъ древнихъ языкахъ. Но что славянскій языкъ неспособенъ къ выраженію идей науки и жизни, доказательствомъ тому служитъ свѣтская литература, отвергшая его со времени реформы.

[1]) Ист. Рос. Сол. XIII, 149.

Справедливость требуетъ сказать, что при всѣхъ недостаткахъ славянскаго языка, въ немъ есть и величественные обороты, богатые идіотизмы, непереводимые на русскій языкъ. И какъ вообще формы славянскаго языка, привычнаго издѣтства, кажутся намъ естественными, такъ и тѣмъ болѣе величественные обороты его, освященные Церковію, составляютъ прелесть слова и украшеніе проповѣди. Замѣнить эти обороты современнымъ словомъ значило бы испортить дѣло и унизить проповѣдь. Таковы напр. величественныя слова, приводящія знатоковъ въ удивленіе: «буди тебѣ по глаголу твоему!» или: «рече Богъ: да будетъ свѣтъ! и бысть!» Переведенныя на современный языкъ, эти изреченія лишаются своей торжественности и становятся обыденными, будничнаго характера. Напр.: «пусть будетъ по вашему!» Или: «сказалъ Богъ: «да явится свѣтъ, или: чтобы произошелъ свѣтъ; и явился свѣтъ, или: «и это исполнилось». Но подобныя реченія не выражаютъ всемогущества творческаго слова. Впрочемъ, всѣ эти тонкости могутъ цѣнить спеціалисты славянскаго слова; для простыхъ слушателей онѣ не существуютъ.

в) Русское проповѣдничество въ его логической формѣ и произношеніи.

Скудное содержаніемъ, а еще болѣе выраженіемъ въ словѣ, древнее проповѣдничество лишено всякихъ достоинствъ въ отношеніи формы и логическаго изложенія мыслей. Русскіе проповѣдники не были знакомы съ формальными науками, риторикой, логикой и гомилетикой, а равно съ системой въ области богословія, и потому не умѣли излагать свои мысли въ порядкѣ. Они и сами со-

знавались простосердечно въ незнаніи наукъ и даже въ пренебреженіи къ нимъ. Напр.: «братіе, не высокомудрствуйте, но въ смиреніи пребывайте, посему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ. Учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно, моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» [1]). Или: «философію ниже очима видѣхъ, и не учихся у философовъ» [2]). Главнымъ руководствомъ для нашихъ проповѣдниковъ служили греческія поученія и особенно аскетическія; но мы видѣли уже, что и греческія поученія, особенно аскетическія, чужды логическаго порядка и единства въ мысляхъ. Пособіемъ для проповѣдниковъ служили еще священныя и богослужебныя книги, изъ коихъ они нерѣдко заимствовали мысли и цѣлые отрывки; но эти книги, чуждыя школьнаго искусства, тоже пріучали нашихъ проповѣдниковъ къ непринужденности мысли. При недостаткѣ учебныхъ пособій къ правильному изложенію мыслей, тѣмъ болѣе нельзя искать въ древнихъ поученіяхъ какой нибудь системы или распорядка предметовъ, хотя бы въ родѣ катихизическихъ проповѣдей. Предметы поученій, какъ показываютъ проповѣдническіе сборники, опредѣлялись дневными евангеліями; но это расположеніе поученій не ведетъ ни къ какой системѣ. А поелику и практика у нашихъ проповѣдниковъ была довольно незначительная: то они не могли пріобрѣсти и той сноровки въ словѣ, которая дается опытомъ, и которую мы замѣчали у многихъ греческихъ про-

[1]) Пекар. 1, 3.
[2]) Рум. муз. № 411, 39.

повѣдниковъ. Однимъ словомъ: непринужденность мысли у русскихъ проповѣдниковъ и безъискуственность изложенія полныя. Они говорятъ заразъ о многихъ предметахъ, безъ должной послѣдовательности въ мысляхъ и доказательности. Мысли выражаютъ неправильно, въ длинныхъ періодахъ и растянутыхъ предложеніяхъ, нерѣдко оканчиваютъ рѣчь славословіемъ Троицы, а начинаютъ словами: «евлогисонъ патеръ». Для выраженія этой безъискуственности и непослѣдовательности въ мысляхъ недостаточно и того замѣчанія, какое сдѣлано уже о формѣ и изложеніи греческаго проповѣдничества. «Мысли у проповѣдниковъ толпятся и сталкиваются, опережая другъ друга; отсюда эти уклоненія отъ предмета, перерывы рѣчи, скачки, возвращеніе къ началу и частое повтореніе сказаннаго. Рѣчь тянется въ безконечность, держится внѣшнимъ сцѣпленіемъ доказательствъ, и почти всегда можетъ быть прервана и переставлена, гдѣ и какъ угодно, безъ ущерба предложенію». Въ греческихъ поученіяхъ, особенно аскетическихъ, напр. Симеона новаго богослова, Ефрема сирина и другихъ, эта игривость мысли и непослѣдовательность изложенія вознаграждается одушевленіемъ проповѣдника. Видно, что онъ взволнованъ любимымъ предметомъ, останавливается вниманіемъ на каждой чертѣ его, и не можетъ наговориться о дѣлѣ важномъ, хорошо извѣстномъ ему. Въ русскихъ поученіяхъ не видно одушевленія. Проповѣдникъ обыкновенно высказываетъ чужое, прочитанное у св. отцовъ, и холодно подбираетъ мысли, соединяя ихъ частицами: а, и, паки, или ссылками на святыхъ, у коихъ заимствуетъ доказательства. «Одни писатели, говоритъ пр. Макарій, были люди только что грамотные, съ самыми ограниченными понятіями и свѣдѣніями, и безъ всякаго навыка

излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ. Въ другихъ если замѣтны значительная начитанность и довольно разнообразныя познанія: то большею частію поверхностныя, сбивчивыя, плохо усвоенныя и непроникнутыя самостоятельностію, какія бываютъ у людей, не приготовленныхъ научнымъ образованіемъ къ усвоенію прочитаннаго. Какъ мало отчетливы и безсвязны были познанія у нихъ въ головѣ, также неясно и непослѣдовательно выражались на бумагѣ» [1]).

Поэтому поученія русскія большею частію озаглавливаются общо и безразлично: «слово, ученіе, наказаніе, поученіе, посланіе, грамота, правило», и т. под.; при чемъ рѣдко указывается предметъ поученія, содержаніе его, напр.: «поученіе о нерадивыхъ христіанѣхъ зѣло ужасное». Большею частію, какъ и самая матерія слова требуетъ, оно озаглавливается общими понятіями, напр. «поученіе избранно отъ всѣхъ книгъ»; «поученіе всѣмъ православнымъ христіаномъ о пользѣ душевней, и зѣло полезно». Или же въ заглавіи исчислялись разные предметы слова, напр. «посланіе (слово) митр. Даніила о смиреніи и о соединеніи и о согласіи и о любви и о соблюденіи православныя вѣры и закона, ученіе и наказаніе всѣмъ купно».

При недостаткѣ связи и послѣдовательности въ мысляхъ, какъ показываютъ самыя заглавія словъ, слова эти большею частію отличаются длинностію, общностію нравственныхъ наставленій, выписками изъ св. писанія и писаній отеческихъ, обременяютъ память, не даютъ опредѣленныхъ понятій о предметѣ и должнаго назиданія. Всѣ эти недостатки изложенія наиболѣе замѣтны въ

[1]) Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V, 242.

поученіяхъ митр. Даніила, величайшаго начетчика древности, и инока Зиновія. Такъ, въ поименованномъ посланіи митр. Даніила, наполненномъ выписками изъ св. писанія и писаній отцовъ, очень длинномъ по объему, связь мыслей скрѣпляется такими словами: «сего ради речено есть», «и паки глаголетъ Господь», «апостолъ наказуетъ, глаголя», «понеже писано есть», «якоже рече св. Ефремъ», «якоже глаголетъ св. Григорій»,—«Василій великій» и т. д. [1]). Въ похвальномъ словѣ преп. Савватію инока Зиновія, къ сказаннымъ недостаткамъ древняго проповѣдничества присоединена византійская напыщенность. Первые шесть листковъ слова, изложеннаго на сорока-двухъ страницахъ, наполнены восклицаніями въ такомъ родѣ: «что моего Савватія рачителя доброты первѣе похвалю, или исповѣмъ? откуду начну и гдѣ остановлюся»? [2]). Обиліе фигуръ и тяжелый слогъ подавляютъ содержаніе слова; періоды въ 20 — 30 и 44 строки! Слово тогоже инока на перенесеніе мощей св. Зосимы и Савватія написано въ видѣ акаѳиста, съ повтореніемъ: «радуйтеся!» [3]). Эта форма слова, выражающая благочестивыя чувства, нерѣдко повторяется въ древнихъ поученіяхъ, особенно въ похвальныхъ словахъ. Вообще, русскія поученія своею длинностію превосходятъ греческія. Слово патр. Никона по случаю чумы занимаетъ 52 страницы.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ поученіяхъ и посланіяхъ замѣтна естественная логика здраваго смысла и порядокъ мыслей, опредѣляемый самыми предметами слова. Такъ, въ похвальномъ словѣ св. Зосимѣ, тогоже инока,

[1]) Памятн. стар. р. лит. IV, 194—199.
[2]) Прав. соб. 1859 г. сент., окт.
[3]) Тамъ же стр. 111 и 235.

можно примѣчать три отдѣла: описаніе весны, изображеніе пасхи и похвалы святому. Заслуга, по тому времени, не маловажная! Нѣкоторый порядокъ въ мысляхъ замѣтенъ въ поученіяхъ митр. Цамблака, Фотія, и особенно— Максима грека, которые образовались за границей, внѣ Россіи.

Послѣ церковнаго слова въ древности самою употребительною формою поученія было посланіе окружное и къ частнымъ лицамъ. Такого рода поучечія или посланія вызывались обстоятельствами древней жизни. При малонаселенности тогдашней Россіи, дальности пространствъ, неудобствѣ сообщенія и трудности содержать на пути архіерейскую свиту (на послѣднюю причину указываютъ жалобы богатаго Новгорода и Пскова), пастырямъ трудно было посѣщать свои епархіи исправно. Къ этому надобно присоединить гражданскія неустройства и политическія препятствія, зависѣвшія отъ раздѣленія митрополіи, а также старость и болѣзнь архипастырей, какъ это видно изъ посланій митр. Фотія, Кипріана и другихъ [1]). И вотъ тѣ причины, которыя заставляли пастырей замѣнять церковное слово окружнымъ посланіемъ. Окружное посланіе обыкновенно разсылалось по городамъ, читалось при богослуженіи въ слухъ народа, потомъ списывалось въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разносилось по приходскимъ церквамъ, а подлинникъ возвращался архипастырю. Что же касается посланій къ частнымъ лицамъ, то они вынуждались особыми причинами. При глубокомъ благоговѣніи предковъ къ пастырямъ Церкви, они обращались къ нимъ съ вопросами въ духовныхъ нуждахъ, нерѣдко письменно, и просили разрѣшенія въ своихъ недоумѣніяхъ. Такъ, митр. Даніилъ въ посланіяхъ къ нѣкоторымъ лицамъ даетъ вразумленія относительно плотской страсти, нечистоты, и проч. Патр. Никонъ жаловался государю, что въ кельѣ его пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ государевыхъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать; также много писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у него разрѣшенія въ грѣхахъ. «Ты захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра» [1]).

[1]) Доп. ист. акт. I, № 221, 369.

Мы не будемъ касаться посланій къ частнымъ лицамъ, имѣющихъ характеръ письма и изображающихъ домашнія обстоятельства, а также посланій въ формѣ трактатовъ, обличающихъ латинство. Но не опустимъ изъ виду посланій къ частнымъ лицамъ, написанныхъ въ видѣ проповѣди, и имѣющихъ характеръ общественнаго назиданія.

Но всего чаще древняя проповѣдь употреблялась въ видѣ экспромта, или простой бесѣды, дома, на исповѣди, и особенно въ миссіонерскомъ служеніи. Не владѣя научными достоинствами, она уклонялась подъ кровъ домашній, чуждый всякой торжественности. Здѣсь, наединѣ, въ знакомой обстановкѣ, простые проповѣдники чувствовали себя легко и давали полную свободу слову. Здѣсь они не видѣли надъ собою контроля и незамѣтно одушевлялись темами, которыя предлагала имъ сама жизнь. Касаясь жизненныхъ предметовъ, непринужденнымъ словомъ, проповѣдники нерѣдко достигали занимательности и убѣдительности въ словѣ и производили благое впечатлѣніе на слушателей. Такое впечатлѣніе

[1]) Ист. Росс. Сол. XI, 300.

особенно часто производили подвижники, къ которымъ міряне обращались за совѣтомъ и поддержкой въ трудныхъ обстоятельствахъ. И мы увидимъ, сколь важное вліяніе имѣли слова подвижниковъ на жизнь частную и общественную. Поелику же древняя проповѣдь являлась одинаково простою въ церковномъ словѣ, посланіи, бесѣдѣ и экспромтѣ, и так. обр. вліяла на общественную и частную жизнь: то она должна быть изслѣдована во всѣхъ своихъ видахъ или формахъ.

г) Русское проповѣдничество въ его произношеніи.

Исторія не сохранила свидѣтельствъ о талантѣ и искусствѣ русскихъ проповѣдниковъ въ дѣлѣ произношенія; и это служитъ доказательствомъ, что подобныхъ талантовъ у насъ не было. Еще относительно формы слова лучшіе проповѣдники могли заимствоваться правилами изъ грамматики и діалектики Дамаскина, которыя помѣщались въ сборникахъ и рукописяхъ; хотя замѣтимъ мимоходомъ, что самыя главы о родахъ и видахъ, количествѣ и качествѣ, сходствѣ и различіи и проч. изложены безъ всякой связи и послѣдовательности, и при этомъ попадаются замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «истина не требуетъ пестрыхъ умышленій». Но откуда бы предки могли позаимствоваться гомилетикой и правилами произношенія, когда подобныхъ правилъ не существовало въ самой Греціи? Относительно запада, гдѣ подобныя правила господствовали съ XI вѣка, предки, остерегаемые греками, были на сторожѣ. И до XV вѣка, сколько извѣстно, въ духовной литературѣ было въ употребленіи почти одно латинское слово: «кустодія». Принимая во вниманіе нравственно-аскетическое направленіе русской проповѣди и строгую важность проповѣдниковъ-аскетовъ, мы совершенно убѣждаемся въ несуществованіи талантовъ и искусства произношенія. Аскеты, по свойственному имъ настроенію, отвергли бы подобное украшеніе рѣчи, такъ какъ «истина не требуетъ пестрыхъ умышленій». Аскетизмъ требуетъ скромнаго голоса, взора и вида, и тихой рѣчи.

Что же касается худого произношенія въ древности, то оно подтверждается разными доказательствами. Для архіереевъ, какъ мы видѣли, составленъ былъ сборникъ поученій на праздничные дни. При такой малограмотности и неискусствѣ въ проповѣди, имъ прежде всего слѣдовало позаботиться о безошибочномъ чтеніи на каѳедрѣ. И мы знаемъ, что это чтеніе невсегда было удовлетворительно. «Патр. Іоакимъ, говоритъ арх. Іосифъ, не безъ преувеличенія, мало и грамотѣ умѣетъ. На соборѣ только и говоритъ нижегородскій митрополитъ, да я; а патріархъ ничего не знаетъ... А поученіе станетъ читать, только гноитъ, и слушать нечего» [1]). Для самыхъ опытныхъ проповѣдниковъ, знакомыхъ съ діалектикой, въ родѣ инока Зиновія, древнія поученія трудны были къ произношенію, по причинѣ общности содержанія ихъ и тяжолаго изложенія. Впрочемъ, въ русскихъ поученіяхъ, какъ и въ греческихъ, попадаются, хотя рѣдко, одушевленныя страницы, полныя жизни и чувства, дающія поводъ заключать объ искусствѣ проповѣдниковъ и дарѣ произношенія. Поученія Кирилла туровскаго, оживленныя поэтическими картинами и драматическими рѣчами, свидѣтельствуютъ о большихъ дарованіяхъ и опытности проповѣдника; но чуждыя истиннаго одушевленія, они

[1]) Ист. Росс. Сол. XIII, 148.

могли быть продекламированы, какъ и всякое холодное, риторическое произведеніе. Вотъ самое драматическое мѣсто въ поученіяхъ св. Кирилла: «хощеши ли цѣлъ быти?—Ей Господи, но не имамъ человѣка... Что глаголеши: человѣка не имамъ? Азъ тебе ради человѣкъ быхъ... Тебе ради безплотенъ сый обложился плотію... И говоришь ты: человѣка не имамъ... Азъ быхъ человѣкъ, да сотворю человѣка Богомъ... Тебѣ я сотворилъ на работу всю тварь; для тебя солнце служитъ; да тебя облака напояютъ землю; для тебя текутъ рѣки, и пустыня питаетъ звѣрей, и ты говоришь: человѣка не имамъ!» и т. д.

Въ поученіяхъ митр. Даніила особенно часто попадаются страницы, полныя житейской правды и наблюдательности, и потому требующія живого голоса и произношенія. Изобличая недостатки современниковъ, съ ѣдкостію сатирика, онъ восклицаетъ: «откуда губительные расходы и долги? не отъ гордости ли и безумныхъ проторъ? А на жену и дѣтей кабалы, поруки, сиротство, рыданіе и слезы! Всегда наслажденія и угощенія, пиры и позорища, бани и лежаніе, всегда нечистые помыслы, праздность и безумное шатаніе!» Или: «сбѣгаются повара, разставляютъ жаровню, острятъ ножи, готовятъ кушанья, и все это для насыщенія чрева, для поддержки внѣшней жизни. Сколько труда и заботъ! сколько золота и серебра! сколько пота, работы и болѣзней! Если такъ заботимся о вещественныхъ брашнахъ, то тѣмъ болѣе должны заботиться о духовныхъ». Кто говоритъ хорошо, съ тонкимъ пониманіемъ предмета и сочувствіемъ ему; тотъ выражаетъ свои чувства въ голосѣ, взорѣ и движеніяхъ. Исторія сохранила намъ черты митр. Даніила, свидѣтельствующія о его дарѣ слова. Она изображаетъ его

представительнымъ по виду, съ живымъ характеромъ, и сообщительнымъ въ словѣ.

Хотя поученія патр. Никона не дошли до насъ, за немногими исключеніями; но исторія сохранила свидѣтельство о его увлекательномъ словѣ и дарѣ произношенія. По словамъ Шушерина, «бѣ свящ. митрополитъ украшенъ бесѣдою, и гласъ его благопріятенъ, яко въ та времена равнаго ему архіерея не обрѣталося. Начатъ литургію совершати и народъ ученіемъ сладостно учити, и на таковое его сладкое ученіе отъ дальнихъ приходовъ къ литургіи приходяще, поученіе его всѣ желаніемъ послушающе». По праздникамъ онъ всегда сказывалъ поученія, которыя стекались слушать изъ дальнихъ мѣстъ, и часто слушали со слезами» [1]). Судя по внѣшнимъ чертамъ патр. Никона, силѣ характера его и энергіи мыслей или отрывковъ дошедшихъ до насъ, надобно думать, что произношеніе его отличалось громогласіемъ и смѣлостію. Слѣдующій отрывокъ довольно ясно подтверждаетъ нашу мысль. «Лѣнивъ я былъ учить васъ; не стало меня на это! Отъ лѣни я окоростовѣлъ и вы окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ; и если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема!»

Вообще, по самому характеру русскаго проповѣдничества, въ его содержаніи и внѣшнемъ выраженіи, видно, что русскіе проповѣдники находились въ роли учениковъ по отношенію къ греческимъ, и притомъ несильно переимчивыхъ. Изъ богатой и разнообразной греческой проповѣднической литературы они усвоили, примѣнительно къ своей жизни, простѣйшую, нравственную область; и въ продолженіе почти 700 лѣтъ не подвинули ее впередъ

---

[1]) Чт. М. общ. ист. III, № 5.

ни въ содержаніи, ни во внѣшнемъ выраженіи. Русскіе проповѣдники довольствовались переводами, передѣлываніемъ и повтореніемъ греческихъ аскетическихъ поученій. Слѣдуя рабски содержанію греческой проповѣди, они ничего не усвоили изъ внѣшняго выраженія ея, ни фигуральной рѣчи (кромѣ надутаго византійскаго слога), ни простой формы слова, въ видѣ хріи и размышленія, ни одушевленнаго произношенія. Однимъ словомъ, оказавшись надежными къ усвоенію нравственной проповѣди, они ничего не переняли относительно выраженія ея. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи русскаго проповѣдничества, въ его историческомъ развитіи, мы еще болѣе убѣдимся въ несостоятельности русскихъ проповѣдниковъ, ихъ робкой подражательности грекамъ. Мы увидимъ, что церковная, нравственно-аскетическая проповѣдь держалась помощію митрополитовъ грековъ; съ прекращеніемъ же зависимости русской митрополіи отъ Константинополя, церковная, оффиціальная проповѣдь въ Россіи упала. И въ продолженіе 700 лѣтъ у насъ не было ни одного сильнаго таланта, который обновилъ бы русскую проповѣдь, далъ ей болѣе жизненное направленіе, или покрайней мѣрѣ оказался плодовитымъ въ отвлеченномъ направленіи проповѣди. Только Кириллъ туровскій написалъ 10 поученій, съ проблесками дарованія, малоприложимаго къ жизни; прочіе проповѣдники писали мало, и то списывали и повторяли чужое.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА.

Проповѣдничество перваго періода, нравственно-аскетическое въ содержаніи своемъ и безъискусственное во внѣшнемъ выраженіи, существовало отъ 800 до 700 лѣтъ.

Во все это время проповѣдничество не улучшалось ни въ содержаніи, ни въ выраженіи своемъ, а испытывало чисто внѣшнія перемѣны. Въ нѣкоторыя столѣтія оно расширялось въ своемъ объемѣ, количествѣ устныхъ и письменныхъ произведеній, въ иныя сокращалось, подъ вліяніемъ историческихъ причинъ. Поэтому, развитіе проповѣдничества перваго періода, выражаясь точно, слѣдуетъ назвать судьбою историческою. Въ смыслѣ такого развитія проповѣдничество русское распадается на два отдѣла, различные по характеру своему. Первый отдѣлъ обнимаетъ пространство времени съ 867 года и особенно съ XI вѣка, до 1448 года; второй отдѣлъ съ 1448 до 1664 года. Въ первый промежутокъ времени преобладаетъ проповѣдь церковная надъ такъ называемыми посланіями и миссіонерской бесѣдой. Во второй промежутокъ времени господствуетъ такъ сказать проповѣдь домашняго характера, въ видѣ посланій окружныхъ и къ частнымъ лицамъ и—миссіонерской бесѣды; недостатокъ устной церковной проповѣди восполняется проповѣдническими сборниками и устными чтеніями. Такое развитіе проповѣдничества перваго періода или судьба его опредѣлена историческими причинами, о которыхъ слѣдуетъ рѣчь.

Съ 867 года и особенно съ XI вѣка церковную проповѣдь поддерживали въ Россіи греческіе епископы и митрополиты, присылаемые изъ Греціи. Какъ пастыри образованные, многіе изъ нихъ проповѣдывали устно и письменно, при богослуженіи и посѣщеніи епархій, а также въ домашнихъ обстоятельствахъ, по случаю вражды князей и городовъ. И хотя отъ этихъ пастырей до насъ дошло немного поученій, но мы увидимъ, что лѣтописи восхваляютъ ихъ за проповѣдническую дѣятельность и даръ слова. Особенно полезны были своею

проповѣдническою дѣятельностію митрополиты: св. Михаилъ, Кириллъ I, Максимъ, Ѳеогностъ и Кипріанъ, при частомъ посѣщеніи ими неустроенной Россіи. Нѣкоторые изъ митрополитовъ поддерживали церковную проповѣдь не однимъ примѣромъ своимъ, но и административными распоряженіями о проповѣди. Особенно важны въ этомъ отношеніи распоряженія митр. Кипріана. Онъ нетолько внушалъ священникамъ поучать пасомыхъ, но и требовалъ налагать на нихъ епитиміи. А для большаго успѣха проповѣди самыхъ священниковъ училъ благонравію. «Священство, которое вы приняли отъ Св. Духа, соблюдайте чисто и непорочно, и какъ люди Божіи ходите по мятежному сему міру. Кто хочетъ учить, прежде внимай себѣ. Всякъ говорящій и учащій, но нетворящій, какъ звѣнящая мѣдь. Блаженъ, кто учитъ и творитъ. Кому надобно ставиться во священство и діаконство, тому слѣдуетъ быть чистымъ, какъ отъ чрева матерняго». Вдовымъ священникамъ онъ совѣтовалъ поступать въ монастырь. Кромѣ того пастыри-греки поддерживали духовную связь Россіи съ Греціей, обогащали ее греческою литературою, и тѣмъ укрѣпляли церковное слово. Въ это время, особенно съ начала періода и до XV в., нравственно-аскетическая проповѣдь достигаетъ высшаго развитія; отъ простыхъ мірянъ проповѣдники нерѣдко требуютъ чисто монашеской нравственности и великихъ подвиговъ. Противоположныя стремленія жизни языческой, чувственной, и духовной, аскетической, на подобіе двухъ поѣздовъ, столкнулись съ неодолимою силою. Слѣдствія этого столкновенія обнаружились постепеннымъ торжествомъ духовной силы надъ матеріальною. Практическая проповѣдь, подъ вліяніемъ аскетизма, развивалась небогато и довольно слабо. Она выражалась или проявлялась, по большей части, отрывочными мыслями въ нравственно-аскетическихъ поученіяхъ и преслѣдовала по преимуществу главные недостатки общества: суевѣріе, пьянство, корыстолюбіе и раздоры. И въ этомъ видѣ практическая проповѣдь поддерживалась главнымъ образомъ русскими проповѣдниками, знавшими родную жизнь и желавшими ей добра; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Ѳеодосій печерскій и Серапіонъ епис. владимірскій. Чисто практическихъ словъ, выдерживающихъ свой характеръ отъ начала до конца, написано не много; лучшее изъ нихъ слово св. Кирилла философа «о высокоумномъ хмѣлѣ и худоумныхъ пьяницахъ». Слово это имѣло въ древности громадный успѣхъ, и было списано безчисленное множество разъ.

Съ 1448 года проповѣдь осталась на попеченіи митрополитовъ, природныхъ русскихъ, не получившихъ школьнаго образованія. Слѣдствіемъ этого было ослабленіе и наконецъ упадокъ русской проповѣди. Дѣйствительно, до 1664 года только три лица заявили способность къ проповѣднической дѣятельности: митр. Даніилъ, патр. Никонъ и отчасти митр. Макарій; и этимъ успѣхомъ они обязаны были сколько природнымъ дарованіямъ, столько же и обширному знакомству съ отеческими писаніями. Прочіе пастыри не оказались достаточно сильными къ поддержанію церковной проповѣди и не могли въ этомъ отношеніи замѣнить собою митрополитовъ грековъ. Упадокъ проповѣди начался съ перваго же русскаго митрополита св. Іоны. Извѣстно, что митр. Іона, равно какъ и другіе московскіе митрополиты—Ѳеодосій, Макарій, дѣйствовали на пасомыхъ посланіями окружными и къ частнымъ лицамъ. Имъ подражали, въ этомъ

родѣ, многіе архіереи, особенно новгородскіе. Правда, и митрополиты русскіе подобно грекамъ, дѣлали административныя распоряженія о поддержаніи церковной проповѣди. Нѣкоторые изъ нихъ побуждали священниковъ къ проповѣди соборными опредѣленіями, посланіями и граматами. Наиболѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи «наказная грамата» или посланіе митр. Макарія; грамата эта составляетъ извлеченіе изъ постановленій стоглаваго собора. Въ ней митрополитъ внушаетъ священникамъ, обычнымъ аскетическимъ тономъ, учить народъ христіанской жизни. Священники и діаконы, говоритъ митрополитъ, «такожъ (должны) и дѣтей своихъ духовныхъ, православныхъ христіанъ, учити закону и страху, и исправляти по священнымъ правиламъ, чтобъ жили въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ, въ постѣ и молитвѣ, и въ братолюбіи, мирно, и любовь между собою имущи, и приходящіе святые посты честно имѣли, со всякимъ воздержаніемъ, и по вся дни ко святымъ божіимъ церквамъ и ко всякому соборному пѣнію приходили, и стояли бы на молитвѣ со благоговѣніемъ и со страхомъ божіимъ.»

Всѣ подобныя граматы и посланія, которыя мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ, не могли имѣть такого дѣйствія, какое оказывали граматы митрополитовъ грековъ; и это по той причинѣ, что онѣ не подкрѣплялись примѣромъ, или проповѣдническою дѣятельностію самихъ митрополитовъ. Послѣдовавшее въ XV вѣкѣ раздѣленіе русской митрополіи не благопріятствовало пастырямъ исправно посѣщать свои епархіи и назидать пасомыхъ проповѣдію. Къ тому же и священники, которымъ поручалось духовное врачевство, сами нуждались въ исцѣленіи. Такъ, въ «наказной граматѣ» одно правило изобличаетъ все недостоинство тогдашняго священства. «Протопопомъ, говоритъ митр. Макарій, таковыхъ (священниковъ) соборнѣ наказывати, чтобы не упивались въ пьянство, и къ церквамъ божіимъ ходили, и на божественномъ правилѣ стояли со всяцѣмъ духовнымъ вниманіемъ, а не бились и не сквернословили, и въ церковь бы и во святый алтарь не входили, и до кровопролитія не бились». И вообще съ XIV—XV вѣка, со времени появленія ересей и до реформы, какъ видно изъ словъ свят. Димитрія, жалобы на священниковъ и ихъ неспособность къ проповѣди усиливаются.

При такой ненадежности русскаго духовенства къ живой проповѣди, съ XV вѣка усиливается въ Россіи письменная проповѣдь въ такъ называемыхъ сборникахъ. Одни изъ этихъ сборниковъ заключали въ себѣ проповѣди св. отцовъ. Дѣйствительно, какъ видно изъ предъидущихъ показаній, самая большая часть переводовъ аскетическихъ проповѣдей падаетъ на XV вѣкъ. Другіе сборники, составленные въ Россіи, заключали въ себѣ проповѣди русскихъ пастырей, въ смѣси съ проповѣдями св. отцовъ. И эти сборники умножаются съ XIV до XVII вѣка. Въ XIV—XV вѣкѣ, какъ мы видѣли, переведенъ на русскій языкъ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни, въ руководство нашимъ архіереямъ.

Въ это время упадка русской проповѣди нельзя было ожидать перерожденія ея духа, смѣлыхъ взглядовъ, развитія новыхъ началъ и новаго направленія. Дѣйствительно, въ пастырскихъ посланіяхъ и поученіяхъ того времени господствуетъ обычный нравственно-аскетическій тонъ, внушаются тѣже добродѣтели и подвиги, какіе внушались и прежде. И въ практическихъ мысляхъ

и увѣщаніяхъ не произошло особенной перемѣны; обличаются извѣстные пороки: суевѣріе, кулачные бои и поединки, пьянство, развратъ и корыстолюбіе. Наравнѣ съ важными недостатками, по прежнему, обличаются и мелкіе: игры, пѣсни, музыка, пляска, скоморошество, переряживаніе, скаканіе на доскахъ, качели. Къ этому присоединилось слабое обличеніе «люторскихъ и кальвинскихъ злоглагольствъ» и наравнѣ съ ними «питія, табаку и брадобритія», какъ еретическихъ обычаевъ. Возвышеніе великокняжеской и царской власти, начатое прежними поученіями, утверждено, въ лицѣ московскаго князя, посланіями митр. Іоны. Вообще, ослабѣвающая проповѣдь держалась издавна заведеннаго направленія, прилаженнаго къ церковной и монашеской жизни предковъ, чуждой перемѣнъ. Только вслѣдствіе самаго ослабленія своего она крѣпче прежняго держалась отеческихъ писаній, и наконецъ уступила имъ мѣсто, была замѣнена уставными чтеніями. «По 19 правилу шестаго собора, писалъ митр. Даніилъ въ посланіи къ одному епископу, церковнымъ настоятелемъ надлежитъ во всякій день, особенно недѣльный, поучать народъ и причтъ благочестивыми бесѣдами, и не иначе, какъ поучали церковныя свѣтила и учители. На все, что ты проповѣдуешь, имѣй свидѣтельство отъ святыхъ писаній, или отеческаго обычая» [1]). Впрочемъ, въ патріаршество старые обычаи начали колебаться отъ западныхъ идей, и съ тѣмъ вмѣстѣ подымались на каѳедрѣ новые вопросы. Напр. кромѣ «люторскихъ злоглагольствъ», и прочаго тому подобнаго, поднято обличеніе насильственныхъ браковъ, бывшихъ въ старину источникомъ неисчислимыхъ

[1]) Рук. нов. соф. биб. № 1,456.

бѣдствій. Патр. Адріанъ воспрещалъ «супружествовать нелюбящихся между собою. Житіе тѣхъ мужа и жены бываетъ бѣдно и другъ друга навѣтно; и дѣтей безприжитно, и то творится вельми грѣшно и пребеззаконно». Такая новость церковнаго слова порождена тронувшеюся жизнію народа, передъ реформой.

Отзывы писателей о характерѣ русской проповѣди.

Вообще, не смотря на значительную перемѣну во внѣшней судьбѣ проповѣди, порожденную независимостію русской митрополіи, характеръ ея не измѣнился. Она шла изстари протореннымъ путемъ, какъ и самая жизнь предковъ. Съ этимъ согласны всѣ писатели, сколько нибудь знакомые съ древнею проповѣдническою литературою. Нѣкоторыя мнѣнія ихъ объ этомъ предметѣ по своей меткости заслуживаютъ вниманія. «Передъ нами народъ и духовенство, которое употребляетъ всѣ усилія, чтобы развивать его въ духѣ христіанскомъ. Разбирая дѣла по фактамъ, не находимъ никакого развитія; видимъ, что въ теченіе 600 лѣтъ духовныя лица указываютъ на одни и тѣже языческіе нравы, на одни и тѣже пороки; словомъ, одинъ повторяетъ другого, и наконецъ стоглавый соборъ признаетъ въ народѣ общій нравственный упадокъ, исчисляя тѣже языческія наклонности, противъ которыхъ возставали и прежде... Немногія личности были проникнуты христіанскими идеями и передавали ихъ въ проповѣдяхъ, поученіяхъ и посланіяхъ; но въ теченіе шести вѣковъ они повторяли одно. За ними честь сохраненія православнаго ученія, какъ оно принято отъ грековъ. Они такъ похожи другъ на друга, что нельзя составить понятія

объ отдѣльной личности. Развитія въ ихъ идеяхъ никакого; чѣмъ началъ одинъ въ XI вѣкѣ, тѣмъ кончилъ двадцатый въ XVI вѣкѣ» [1]).

«Содержаніе ихъ произведеній (проповѣдниковъ) по преимуществу догматическое и поучительное заставляло ихъ обращаться къ византійскимъ пособіямъ; и они заимствовали изъ этихъ пособій не только мысль, ея развитіе и примѣненія, но и форму и выраженіе. Произведеніе русскихъ проповѣдниковъ стали высокопарнымъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ; и Кириллъ туровскій въ этомъ смыслѣ дошелъ до изысканности, которая была бы очень хороша, если бы была понятна тогдашней массѣ. Наши писатели не умѣли освободиться отъ рамки, данной имъ образцами, не умѣли найти для своихъ произведеній формы, болѣе согласной съ домашними условіями, потребностями и степенью пониманія своихъ читателей и слушателей» [2]).

«Догматическое и нравственное ученіе утверждалось на вѣчныхъ непреложныхъ истинахъ, недопускающихъ перемѣнъ и разнообразія... Возвышаясь надъ временными и мѣстными интересами, (проповѣдь) постоянно обращала вниманіе на то, что одинаково для всѣхъ странъ и вѣковъ. Національное (въ ней) подчинялось христіанскому, какъ общему для всѣхъ національностей. Эта строгоисключительная дѣятельность имѣла въ виду одну религіозную жизнь народа» [3]).

«Сознавая свое безсиліе, проповѣдничество болѣе и болѣе умолкало, и въ половинѣ XVII вѣка смѣнилось западнымъ проповѣдничествомъ. Оно отличалось высокими задачами и скудными средствами. Выписывая изъ отцовъ цѣлыми параміями, что идетъ и не идетъ къ дѣлу, проповѣдники не умѣли найти мысли въ самомъ предметѣ. Широковѣщательность словъ и скудость мыслей шли объ руку. Не соотвѣтствуя силамъ проповѣдниковъ, оно не соотвѣтствовало характеру слушателей, степени пониманія и потребностямъ (ихъ) [1]).

[1]) О препод. рус. словес. Стоюнина, 25. 47.
[2]) Обзоръ истор. славян. литер. Пыпина. 172.
[3]) Ист. рус. словес. Галах. 1, 83.

Источники русскаго проповѣдничества.

Показавъ внѣшнюю судьбу проповѣдничества перваго періода, вліявшую на развитіе его содержанія и формы, остается изложить самое развитіе проповѣди и ея внутреннее значеніе. Въ этомъ общемъ вопросѣ слѣдуетъ разкрыть, историческимъ путемъ, слѣдующія частныя положенія: а) русское проповѣдничество, въ своемъ главномъ, нравственно-аскетическомъ направленіи, какимъ отвѣчало духовнымъ нуждамъ и потребностямъ народа? б) Въ своемъ частномъ, практическомъ направленіи какимъ отвѣчало нуждамъ и потребностямъ народа земнымъ? Насколько оно облегчало внутреннія и внѣшнія, общественныя и частныя, неустройства и исправляло недостатки народа? в) Какое вліяніе оказало проповѣдничество на жизнь народа? Насколько оно развило въ немъ религіозныя стремленія и нравственный идеалъ или христіанскій характеръ? И насколько возвысило гражданскій идеалъ, содѣйствовало утвержденію земнаго благополучія? Тогда вопросъ объ историческомъ развитіи русскаго проповѣдничества перваго періода будетъ вполь-

[1]) Рук. сел. паст. 1858 г. № 23.

нѣ законченъ. Но для обстоятельнаго рѣшенія этихъ важныхъ вопросовъ необходимо ознакомиться: во первыхъ съ источниками русскаго проповѣдничества, на которые часто будемъ ссылаться; во вторыхъ, съ количествомъ проповѣдническихъ произведеній, обнимающихъ всѣ предложенные вопросы. Это тѣмъ болѣе необходимо, что источники, образовавшіеся въ теченіе 700 лѣтъ, весьма обширны по объему и разнохарактерны по составу своему, и потому требуютъ изученія; а количество проповѣдническихъ произведеній самою цифрою докажетъ, насколько оно удовлетворяло нравственнымъ потребностямъ времени и мѣста, и какіе рѣшало вопросы.

Источники русскаго проповѣдничества по содержанію своему раздѣляются на два класса: нравственно-аскетическіе и церковно-историческіе.

Источники перваго рода суть древніе проповѣдническіе сборники, составленные въ Россіи. Преобладающее содержаніе ихъ *нравственное*, съ примѣсью аскетическихъ правилъ и практическихъ наставленій. Нѣкоторыя поученія въ этихъ сборникахъ чисто аскетическаго содержанія; таковы поученія и посланія къ инокамъ и монастырскіе уставы, состоящіе изъ отдѣльныхъ словъ и главъ. Впрочемъ, изъ монастырскихъ уставовъ, какъ строго проповѣдническій сборникъ, заслуживаетъ вниманія «уставъ Нила сорскаго», доставляющій и нынѣ высокое назиданіе. Прочіе уставы, Іосифа волоколамскаго, Корнилія комельскаго и другихъ, хотя заключаютъ въ себѣ аскетическія правила, но въ большей части главъ содержатъ хозяйственныя наставленія о пищѣ, одеждѣ и т. под. Въ сборникахъ есть еще особый родъ поученій риторическаго характера. Это—поученія извѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ, отличавшихся византійскимъ образованіемъ. Несмотря на общность содержанія и напыщенность изложенія, древность такъ дорожила этого рода поученіями, что приравняла ихъ къ отеческимъ произведеніямъ. Такъ, нѣкоторыя поученія Кирилла туровскаго въ рукописяхъ названы поученіями Златоуста и Кирилла философа. Поученія митр. Цамблака приравнены къ поученіямъ Григорія богослова. Нѣсколько поученій о вѣчной жизни, сходныхъ по характеру съ таковымъ же поученіемъ митр. Иларіона, приписаны Иларіону святому, великому, и пр. Но самую большую часть проповѣдническихъ сборниковъ составляютъ поученія анонимныя, неизвѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ. Эти поученія, нравственно-аскетическаго содержанія, часто озаглавленныя именами св. отцовъ, особенно Златоуста, отличаются совершенною безъискуственностію и частыми намеками на русскіе нравы. При обозрѣніи этого рода поученій, наиболѣе характеризующихъ проповѣдничество перваго періода, по необходимости придется говорить и о тѣхъ поученіяхъ св. Златоуста и другихъ отцовъ, которыя хоть сколько нибудь измѣнены въ своемъ составѣ русскими проповѣдниками.

Источники второго рода суть четьи-минеи, прологи и патерики, въ которыхъ содержатся похвальныя слова святымъ, особенно русскимъ. Похвальныя слова служатъ наглядным фактическимъ осуществленіемъ нравственно-аскетическихъ правилъ, изложенныхъ въ проповѣдническихъ сборникахъ, и окончательнымъ побужденіемъ къ аскетической жизни. Всѣ эти слова болѣе или менѣе однообразны по своему содержанію, какъ и жизнь аскетовъ и житія ихъ. А съ XIV—XV вѣка, со времени митр. Кипріана и патр. Логофета, похвальныя слова святымъ,

какъ и житія ихъ, искажаются риторикой и теряютъ свою простоту и естественность. Поэтому нѣтъ надобности разсматривать всю обширную область церковно-историческаго проповѣдничества. Для исторіи проповѣдничества достаточно обозрѣть тѣ похвальныя слова, которыя служатъ выраженіемъ современнаго вкуса и направленія литературы и особенно тѣ, которыя имѣютъ связь съ жизнію, съ ея пороками и недостатками. Такія слова появляются въ житіяхъ святыхъ въ XV — XVI вѣкѣ, когда, съ возвышеніемъ гражданской власти, духовенство стало терять свою представительность и смѣлость слова. Чего нельзя было сказать открыто, въ обличеніе сильныхъ людей, то высказывалось прикровенно въ похвалѣ святому. Такъ напр., проповѣдники хвалили празднуемаго святого за нестяжательность, намекая на современное взяточничество; хвалили за собранность нрава и благочестіе, намекая на своеволіе бояръ и князей; хвалили за пренебреженіе славы и доброе воспитаніе дѣтей, намекая на гордость вельможъ и безпорядки дѣтства Іоаннова. Въ заключеніе слова проповѣдники просили слушателей подражать добродѣтелямъ празднуемаго святаго, въ ожиданіи награды на небесахъ [1]). Так. обр. указаніе на современные недостатки общества или лица, дѣлаясь понятнымъ для слушателей, избавляло проповѣдника отъ отвѣтственности.

Проповѣдническіе сборники, составленные въ Россіи.

Проповѣдническіе сборники въ древности замѣняли всю нашу проповѣдническую литературу. Они составлялись медленно, подъ указаніемъ церковной практики; и лучшіе сборники, содержащіе поученія на весь годъ, какъ драгоцѣнность, составляли принадлежность духовныхъ лицъ, особенно архіереевъ. До XIV вѣка были въ употребленіи проповѣди знаменитыхъ пастырей на извѣстные праздники и дни года; съ XIV вѣка составляются сборники, содержащіе поученія на весь годичный кругъ праздниковъ, и затѣмъ на всѣ дни года. Проповѣдническіе сборники по своему назначенію и составу раздѣлялись на два класса: одни для церковнаго употребленія, съ распредѣленіемъ поученій примѣнительно къ праздникамъ, другіе для домашняго употребленія, съ распредѣленіемъ предметовъ примѣнительно къ нуждамъ житейскимъ. Составленные такимъ образомъ сборники тщательно переписывались и вплоть до XVIII столѣтія расходились во множествѣ экземпляровъ, доказывая тѣмъ свою пользу и огромное вліяніе на нравы, какую нынѣ оказываетъ духовная и свѣтская литература. И это тѣмъ болѣе справедливо, что въ началѣ сборниковъ вообще встрѣчаемъ предисловія въ такомъ родѣ: «всѣ сіи поученія на утвержденіе вѣрныхъ», «во спасеніе душъ», и т. под. Кромѣ того, на проповѣднических сборникахъ встрѣчаемъ надписи, свидѣтельствующія о принадлежности ихъ не только духовнымъ, но и свѣтскимъ людямъ, о перепродажѣ ихъ въ разныя руки, и, по всей вѣроятности, о томъ нравственномъ вліяніи, какое оказывали сіи сборники на своихъ владѣльцевъ (напр. одна надпись гласитъ такъ: «государю моему батюшкѣ, Пахому Герасимовичу, сынишко твое Якушка, падъ на землю со слезами»). При каждой новой перепискѣ или редакціи сборниковъ происходила значительная перемѣна въ составѣ ихъ, выборѣ и распредѣленіи новыхъ словъ.

Говоря о сборникѣ «Златоустникѣ», о. прот. Горскій за-

[1]) Рук. новг. соф. биб. № 1424, л. 114. 1491, л. 166—167.

мѣчаетъ: «сперва составленъ былъ рядъ поученій на дни великаго поста, съ недѣлями приготовительными, начиная съ недѣли мытаря; другой рядъ поученій на недѣли, начиная съ Пасхи, до недѣли всѣхъ святыхъ. Въ первомъ ряду словъ видно явное указаніе на время обращенія страны въ христіанство; второй рядъ словъ представляетъ намъ собственныя слова Кирилла туровскаго. Со временемъ кругъ великопостныхъ поученій разширялся назначеніемъ краткихъ словъ и на предшествующіе дни недѣль до великаго поста и на прочіе дни великаго поста. Потомъ сдѣланы дополненія и къ словамъ пасхальнымъ, собраны поученія на каждый день недѣли. Затѣмъ выбраны поученія и на прочіе воскресные дни, послѣ недѣли всѣхъ святыхъ, до недѣли мытаря. И такимъ образомъ составился полный годичный кругъ проповѣдей». Говоря о сборникѣ «Измарагдѣ», о. протоіерей замѣчаетъ: «въ расположеніи словъ его не видно приспособленія къ церковному порядку; вѣроятно, главное назначеніе сборника было домашнее чтеніе для мірянъ; и потому въ началѣ и концѣ книги есть наставленія, какъ читать книги (сіи) съ пользою душевною. Имѣя въ виду мірянъ, составитель, кромѣ общихъ христіанскихъ обязанностей, помѣстилъ въ сборникѣ много словъ, касающихся семейной жизни и житейскихъ обстоятельствъ».

Не смотря на значительныя утраты памятниковъ древней литературы отъ времени и нашествій татарскихъ, проповѣдническіе сборники дошли до насъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. Мы займемся описаніемъ важнѣйшихъ сборниковъ, въ коихъ преимущественно выразился духъ русскаго проповѣдничества. Главнымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ служитъ «описаніе рукописей синодальной библіотеки (отдѣлъ II).

Изъ древнихъ сборниковъ наибольшею полнотою словъ неизвѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ отличаются: «Измарагдъ» (Изумрудъ), содержащій въ себѣ 164 поученія, № 230, и «Златоустъ» (Златоустникъ), содержащій 112 поученій, № 231. «Изумрудъ» дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, не одинаковыхъ по своему составу. Списокъ «Изумруда» XIV вѣка разнится выборомъ и расположеніемъ словъ отъ списка синодальнаго. Списокъ синодальный въ томъ и другомъ отношеніи согласенъ со спискомъ московской академіи, XVI вѣка. Два списка библіотеки Царскаго разнятся порядкомъ словъ и различными приложеніями. Въ синодальномъ спискѣ «Изумруда» около 70 словъ надписаны именемъ Златоуста и около 40 словъ—именемъ св. отцовъ; прочія слова имѣютъ частныя надписанія. Въ соловецкой библіотекѣ есть два списка «Изумруда», № 270 и 272, XV—XVI вѣка, сходные съ предыдущими. Но вообще, въ надписаніяхъ словъ «Изумруда» нельзя искать строгой точности. Въ словахъ имени Златоуста часто можно находить только нѣкоторыя мысли, взятыя у него. Въ словахъ, неозаглавленныхъ именами отцовъ, проповѣдникъ говоритъ отъ себя, основываясь впрочемъ на ученіи св. отцовъ. «Златоустникъ», назначенный для церковнаго употребленія, дошелъ до насъ въ четырехъ редакціяхъ XVII вѣка. Во всѣхъ редакціяхъ или экземплярахъ этого сборника довольно разнообразія въ выборѣ и расположеніи дополнительныхъ поученій. Поученія этихъ обширныхъ сборниковъ, приписываемыя св. отцамъ, по большей части не принадлежатъ имъ, и составлены русскими проповѣдниками. Неизвѣстные русскіе проповѣдники, пользуясь словами св. отцовъ, особенно Златоуста и

Ефрема сирина, а въ другихъ сборникахъ словами Іоанна синайскаго, Василія великаго и другихъ, передѣлывали ихъ сообразно потребностямъ своего времени, причемъ изображали тогдашніе нравы и обычаи, а также складомъ языка обличали свое время. Доморощенные проповѣдники по разнымъ причинамъ озаглавливали свои поученія именами св. отцовъ, и главнымъ образомъ потому, что они пользовались ихъ мыслями и выраженіями. Чувствуя безсиліе своего слова и желая придать ему вѣсъ, проповѣдники подкрѣпляли свои умствованія цѣлыми тирадами изъ св. отцовъ. Для этого они брали цѣлыя отеческія поученія, или въ отрывкахъ, и предлагали ихъ слушателямъ съ своими вставками, указаніями на современную жизнь, размышленіями, дополненіями, сокращеніями и другими перемѣнами.

«Изумрудъ» и «Златоустникъ», какъ самые полные проповѣдническіе сборники, одинъ для домашняго, а другой для церковнаго чтенія, пользовались въ древности обширнымъ употребленіемъ; это видно изъ того, что многія слова этихъ сборниковъ часто встрѣчаются въ различныхъ второстепенныхъ сборникахъ. Прочіе проповѣдническіе сборники синодальной библіотеки, составленные въ Россіи, числомъ болѣе десяти, и всѣ XVI в., преимущественно состоятъ изъ поученій св. отцовъ, особенно Златоуста, Ефрема сирина, Іоанна синайскаго, Макарія великаго, Исаака сирина, Василія великаго и другихъ. Преобладающее содержаніе этихъ сборниковъ нравственно-аскетическое, и главная мысль ихъ: необходимость отрѣшенія отъ міра, покаянія и добродѣтелей, какъ средства ко спасенію. На тему о покаяніи всего чаще приводятся слова Ефрема сирина. Одинъ изъ

этихъ сборниковъ, № 321, чисто аскетическаго содержанія и назначенъ для иноковъ. Въ немъ болѣе 90 статей, преимущественно словъ. Русскихъ словъ въ помянутыхъ сборникахъ, или такихъ, кои съ вѣроятностію могутъ быть признаны русскими, не много. Всѣ эти слова мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

Замѣчательный сборникъ по обилію словъ аскетическаго и практическаго содержанія «Златая цѣпь». Этотъ сборникъ составленъ въ XIV вѣкѣ, по образцу греческихъ и латинскихъ «Золотыхъ цѣпей». Онъ состоитъ изъ статей переводныхъ—избранныхъ отеческихъ поученій и толкованій св. писанія, и статей русскихъ. «Златая цѣпь» отличается отъ прочихъ древнихъ сборниковъ чистотою рѣчи; она написана живымъ народнымъ языкомъ. Списки «Золотой цѣпи» разнятся между собою составомъ и содержаніемъ. Другой сборникъ, замѣчательный обиліемъ практическихъ словъ—«Паисіевъ» XIV в. «Златая цѣпь» и особенно «Паисіевъ сборникъ» содержатъ въ себѣ любопытныя подробности о нравахъ нашихъ предковъ и ихъ языческомъ суевѣріи.

«Мѣрило праведное», сборникъ юридическій, дошелъ до насъ въ спискахъ XIV и XV вѣка. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ объ обязанностяхъ судей и обличаетъ ихъ злоупотребленія...

Къ проповѣдническимъ сборникамъ, составленнымъ въ Россіи, относится славянскій «Прологъ». Въ немъ есть поученія нравственно-аскетическаго содержанія, вѣроятно составленныя русскимъ сочинителемъ. Въ греческихъ и болгарскихъ прологахъ обыкновенно помѣщаются краткія житія святыхъ, безъ поученій и похвальныхъ словъ. Славянскіе прологи появляются въ нашей литературѣ съ XII — XIII вѣка.

Разсмотрѣнные сборники содержатъ въ себѣ изображеніе христіанскаго идеала главнымъ образомъ съ теоретической стороны (въ нравственныхъ предписаніяхъ).

«Торжественники», содержащіе въ себѣ похвальныя слова святымъ, иногда съ житіями ихъ, и на праздники господскіе и богородичные, поясняютъ этотъ идеалъ примѣрами. Они показываютъ, какъ высокія правила христіанства осуществились въ жизни святыхъ вообще, и въ жизни святыхъ русскихъ, и въ разныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Въ «Торжественникахъ» содержатся и поученія св. отцовъ, особенно Златоуста, Василія великаго и св. Аѳанасія. Списки этихъ сборниковъ неодинаковы по своему составу [1]).

Въ заключеніе обозрѣнія проповѣдническихъ сборниковъ укажемъ на одинъ сборникъ, нравственно-аскетическаго содержанія, который образовался позже другихъ, подъ вліяніемъ древняго греческаго и русскаго проповѣдничества. Раздѣленный на главы, въ видѣ поученій, онъ и формою своею похожъ на проповѣдническіе сборники. Мы разумѣемъ «Зерцало духовное», появившееся около половины XVII в. (1652 и 1658 г.). «Зерцало духовное» составляетъ итогъ или сокращеніе древней аскетической проповѣди, и какъ въ зеркалѣ отражаетъ въ себѣ нравственнаго человѣка, со всѣми его достоинствами и недостатками. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, приложенный къ нему каталогъ славянскихъ аскетическихъ книгъ, по коимъ сосчитано «349 грѣховъ и 234 добродѣтели, ихъ же всякій христіанинъ долженъ соблюсти». Въ числѣ грѣховъ и стра-

[1]) Торжественникъ; рук. М. Д. Акад.

стей между прочимъ полагается: «жизнолюбіе, мірская радость, высокогласное пѣніе, банное мытіе, брадобритіе и табака сѣмя бѣсовское». Этотъ сборникъ своимъ появленіемъ въ концѣ перваго періода русскаго проповѣдничества и подробнымъ исчисленіемъ нравственныхъ предметовъ, разкрытыхъ древнею проповѣдію, а равно и самимъ названіемъ своимъ, ясно свидѣтельствуетъ о вліяніи древней проповѣди на жизнь, и, какъ сокращеніе этой проповѣди, усиливалъ ея впечатлѣніе на умы и сердца. Въ самомъ дѣлѣ, 583 нравственныхъ вопроса (грѣхи и добродѣтели), которые христіанинъ долженъ наблюдать, невольно заставляютъ подумать о своемъ назначеніи. А если вспомнить объ обстоятельствахъ жизни, которыя разнообразятъ грѣхи и добродѣтели до безконечности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приложеніе правилъ: то нравственная задача жизни становится не только внушительною, но и устрашающею. Вообще, «Зерцало» свидѣтельствуетъ о вниманіи предковъ къ нравственно-аскетической проповѣди, ея вліянію на жизнь и аскетическому настроенію умовъ.

Объемъ древняго проповѣдничества.

Разсмотрѣніе источниковъ древняго проповѣдничества невольно приводитъ къ убѣжденію въ его скудости. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ три сотни анонимныхъ проповѣдей въ русскихъ сборникахъ, нѣсколько десятковъ проповѣдей извѣстныхъ пастырей и нѣсколько десятковъ учительныхъ посланій, съ которыми еще познакомимся, много ли это значитъ для семисотлѣтняго періода? и при томъ для государства, раскинутаго на неизмѣримыхъ пространствахъ? Въ наше время можно найти

такихъ проповѣдниковъ, кои въ свою жизнь написали, по видимому, болѣе поученій, чѣмъ сколько произвела ихъ вся русская древность (Митр. Платонъ написалъ, въ 20 томахъ, до 500 словъ, не считая произнесенныхъ имъ экспромтовъ и катехизическихъ поученій). «Три-четыре десятка житій, говоритъ пр. Макарій о литературѣ монгольскаго періода, не многимъ больше церковныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, почти столько же посланій и граматъ, вотъ все, что дошло до насъ отъ того періода. Въ наши дни, если бы всѣ эти большею частію мелкія и очень краткія сочиненія вылились изъ подъ пера одного писателя, его отнюдь нельзя было бы назвать плодовитымъ. И если извѣстно, что не всѣ писанія того времени сохранились до нынѣ, то имѣемъ ли мы право слишкомъ преувеличивать число недошедшихъ? Да и заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства?» [1]). Но скудость письменныхъ памятниковъ древности еще не служитъ доказательствомъ совершенной скудости древняго проповѣдничества. Напротивъ, мы имѣемъ доказательства значительной распространенности проповѣди въ древней Россіи; только эта проповѣдь, по причинѣ своей простоты и безъискуственности, проявлялась болѣе домашнимъ, нежели оффиціальнымъ порядкомъ. Кромѣ того, при дороговизнѣ древняго письма и непривычкѣ къ этой работѣ, немногимъ приходила охота излагать свои поученія на бумагѣ, или вести запись о дѣятельности разныхъ проповѣдниковъ. То простое время не походитъ своими умственными привычками на нашъ многопишущій и книжный вѣкъ. Да къ тому же, много письменныхъ памятниковъ древности истреблено временемъ и нашествіемъ татаръ, какъ объ этомъ сказано прежде. Однимъ словомъ, если ограничиться дошедшими до насъ поученіями перваго періода русскаго проповѣдничества, то пришлось бы ложно судить о заслугахъ древнихъ проповѣдниковъ, и мы бы не оцѣнили той общественной пользы и нравственнаго вліянія на жизнь, какія они оказали своимъ словомъ.

[1]) Ист. рус. цер. пр. Мак. V 242.

Въ древнихъ сборникахъ есть много указаній на то обстоятельство, что проповѣдники часто и ежедневно поучали своихъ пасомыхъ. Въ «Изумрудѣ»: «возлюбленные! я во всѣ дни говорю вамъ поученія, чтобы вы жили добродѣтельно...» «Любезные! я отдаю свой долгъ (ученіемъ) на всякъ день...» «Духовное сѣмя я уже много разъ всѣялъ въ ваши души...» Въ «Златоустникѣ»: «вы братіе слышали о святой недѣлѣ...» «Братіе мои! я вамъ часто говорилъ...» «Пріидите, да обычное сотворю вамъ поученіе...» Подобныя указанія есть въ «Златой цѣпи» и другихъ сборникахъ. И самое распредѣленіе поученій въ сборникахъ на всѣ недѣли и даже дни года въ «Златоустѣ учительномъ», на дни великаго поста въ «Златоустѣ постномъ», и на разные праздники, свидѣтельствуетъ о частой и ежедневной проповѣди въ древней Церкви. Въ лѣтописяхъ, кромѣ того, сохранились отзывы и свидѣтельства о талантахъ и проповѣднической дѣятельности многихъ пастырей, поученія которыхъ до насъ не дошли, или дошли въ маломъ количествѣ. Такъ напр. до насъ не дошли многія поученія Ѳеодосія печерскаго, поученія Серапіона, епископа владимірскаго, сказанныя имъ по случаю повѣтрія, поученія Филоѳея, епис. пермскаго, о коихъ

упоминаетъ митр. Симонъ, и многихъ другихъ проповѣдниковъ.

Свидѣтельство лѣтописей о дѣятельности русскихъ проповѣдниковъ.

По отзыву лѣтописцевъ, многіе русскіе митрополиты, епископы и иноки были сильны въ словѣ и славны своимъ ученіемъ.

а) Митрополиты. «Кириллъ I былъ весьма учителенъ, искусенъ и хитръ въ ученіи отъ божественныхъ книгъ». «Іоаннъ II былъ столь учителенъ, что на Руси не было такого и впредь не будетъ». «Ефремъ мужъ весьма ученый и весьма рачительный о Церкви, часто поучалъ людей». «Кириллъ II, Максимъ и Ѳеогностъ ѣздили по своимъ епархіямъ, во время общественныхъ неустройствъ, и назидали народъ своею проповѣдью». «Свят. Петръ, принявъ русскую паству, училъ ее дѣятельно, переѣзжая по городамъ и селамъ; въ ученіи и правленіи своемъ обнаруживалъ трудъ, кротость и смиреніе, помня слова: «въ сердцѣ кроткихъ почіетъ Богъ». «Св. Кипріанъ мужъ добродѣтельный, благочестивый, исполненный любомудрія и божественнаго разума, непрестанно училъ слову божію». «Св. Фотій постоянно утѣшалъ народъ, бояръ, князей и наставлялъ ихъ». «Св. Іона пріялъ учительный даръ и слово пространное паче естества; многихъ научилъ, обратилъ на покаяніе, и многіе его поученіемъ спаслись». «Ѳеодосій былъ пастырь ревностный, много заботившійся о назиданіи народа; увѣщевалъ священниковъ исправить свою жизнь, чтобы успѣшнѣе заняться поученіемъ народа». Геронтій извѣстенъ былъ даже за

границею, и объ немъ отзывались съ похвалою, «за его ревность и мужество въ проповѣданіи слова божія». Іосифъ былъ «пастырь премудрый, непрестанно предлагавшій народу поученія, и своею ревностію оживившій сердца многихъ людей, близкихъ къ отчаянію». Макарій былъ «велегласный проповѣдникъ добродѣтелей, ревнитель догматовъ, ходатай за обидимыхъ, укрощавшій враговъ Церкви». Св. Филиппъ былъ «премудрый наставникъ православія и провозвѣстникъ истины». Объ учительствѣ патр. Никона отзывъ приведенъ выше. О Климентѣ смолятичѣ замѣчено, что онъ былъ «книжникъ и философъ», какого не бывало въ русской землѣ. Конечно, ученый митрополитъ не заслужилъ бы такого отзыва, если бы, по долгу сана своего, не дѣлалъ употребленія изъ своей учености. «Вообще, русскіе митрополиты древней Руси были весьма достойные люди по своему высокому званію, и можно думать, что всѣ они приносили пользу своимъ словомъ, хотя не всѣ заслужили похвалу современниковъ. Эта догадка нѣсколько подтверждается исключительнымъ отзывомъ лѣтописца о митр. Іоаннѣ скопцѣ, который названъ «простымъ и неученымъ». И если изъ грековъ вышелъ одинъ неудачный митрополитъ, въ отношеніи слова, то кстати ужъ замѣтить, что и изъ русскихъ вышелъ одинъ митрополитъ Зосима, совсѣмъ негожій «и въ словѣ и въ дѣлѣ» [1]).

б) Епископы и иноки. «Св. Моисей арх. новгородскій хорошо пасъ свое стадо, содержалъ многихъ писцовъ, и много списалъ книгъ, и многихъ утвердилъ ученіемъ своимъ, и многіе приходили къ нему и поуча-

[1]) Рус. проп. 107—110; разн. лѣтописи.

лись отъ него день и ночь». Архіепископы новгородскіе Симеонъ и Ѳеодосій тоже оставили по себѣ память дромъ слова и учительства. Епископы ростовскіе: Лука «утѣшалъ печальныхъ словомъ и дѣломъ, пасъ словесныя овцы какъ добрый пастырь, бодрствуя надъ ними и оберегая ихъ день и ночь». Пахомій «былъ истинный пастырь, а не наемникъ, обличалъ грабителей и лихоимцевъ, исполненъ книжнаго ученія, всѣми способами утѣшалъ печальныхъ». Кириллъ II ничѣмъ не отсталъ отъ прежнихъ епископовъ ростовскихъ, св. Леонтія, Исаіи и Нестора, послѣдуя ихъ нравамъ и ученію; «не только училъ словомъ, но и дѣломъ подавалъ примѣръ, печальныхъ утѣшалъ. И всѣ приходящіе дивились ему, всѣ изъ окрестныхъ мѣстъ спѣшили въ городъ, чтобы послушать ученіе его отъ св. книгъ». Григорій и Вассіанъ были учительны и оставили по себѣ память въ исторіи. Св. Симонъ, епис. владимірскій, былъ «учителенъ и милостивъ». Симеонъ, еписк. тверской, «былъ силенъ въ книгахъ, слово христово правилъ истинно, всѣмъ творившимъ неправду былъ страшенъ». «Авраамій смоленскій съ великою ревностію дѣлалъ выписки изъ книгъ, и дана была ему благодать объяснять прочитанное невѣждамъ, такъ что въ божественныхъ писаніяхъ отъ него ничего не утаилось, и онъ не переставалъ учить всѣхъ». «Павелъ высокій, нижегородскій монахъ, весьма книжный и философъ великій, въ поученіяхъ и бесѣдахъ весьма разсудителенъ и полезенъ, слово его растворено божественною солію, писалъ многія учительныя книги и посылалъ къ епископамъ». Перечислить всѣ отзывы лѣтописцевъ о многихъ проповѣдникахъ нѣтъ возможности; но судя по множеству отзывовъ легко можемъ заключать о проповѣдническомъ настроеніи древняго монашества и множествѣ неизвѣстныхъ намъ проповѣдниковъ.

Но особенную похвалу за проповѣдь исторія воздастъ подвижникамъ, св. игуменамъ и отшельникамъ. Въ житіяхъ русскихъ святыхъ постоянно встрѣчаемъ извѣстія о томъ, что къ нимъ приходили люди всѣхъ званій за наставленіемъ, и наставленіе это было тѣмъ сильнѣе, что нерѣдко подкрѣплялось вещественнымъ и духовнымъ пособіемъ, подаяніемъ и исцѣленіемъ. А если припомнимъ, что эти подвижники часто были духовниками князей и бояръ, и дѣйствовали на нихъ епитиміей и посланіями, а на народъ церковною проповѣдію, которая заведена была монастырскимъ уставомъ; [1]) то поймемъ всю благодѣтельность ихъ святаго и неустаннаго слова. Извѣстія о проповѣди подвижниковъ и благодѣтельномъ вліяніи ея на народъ излагаются въ житіяхъ, обыкновенно въ такомъ родѣ: «преп. Ѳеодосій печерскій заботился не только о монахахъ, но и о мірскихъ людяхъ, какъ бы спасти ихъ. Особенно заботился о дѣтяхъ (духовныхъ), наставляя и утѣшая приходящихъ къ нему; иногда же и въ домы ихъ ходилъ, и подавалъ имъ благословеніе. Поучаемые имъ приносили плоды Богу, иной въ шестьдесятъ, иной во сто кратъ». «Къ преп. Варлааму хутынскому приходили князья и бояре, иноки и простолюдины, и онъ поучалъ всѣхъ». «Слышавъ добрую жизнь преп. Александра свирскаго, многіе изъ далекихъ мѣстъ приходили къ нему исповѣдывать грѣхи свои, или получить благословеніе, или спросить о

[1]) Уставъ св. Іос. волок.

недоумѣніяхъ. И все онъ разрѣшалъ и объяснялъ, и всѣхъ благословлялъ; и всѣ отходили съ великою пользою». «Многіе приходили къ преп. Павлу обнорскому, ради назиданія. И онъ былъ доступенъ всѣмъ и учителенъ; всѣхъ училъ полезному, подкрѣпляя слова свои благимъ примѣромъ. И всякій, получившій отъ него наставленіе, чувствовалъ облегченіе страстей, утѣшеніе въ печали, и оказывалъ большіе успѣхи въ добрѣ».

Проповѣдническая дѣятельность древнихъ миссіонеровъ.

Но самое обширное употребленіе въ древности имѣла проповѣдь миссіонерская. Она поддерживалась, на окраинахъ Россіи, безчисленными проповѣдниками, преимущественно иноками. О церковномъ проповѣдничествѣ священниковъ исторія умолчала, такъ какъ священники, за немногими исключеніями, не были способны къ проповѣди. Обращая вниманіе на опредѣленіе соборовъ и граматы архипастырей, обязывавшія ихъ къ проповѣдничеству и къ наложенію епитимій, можно думать, что многіе священники, покрайней мѣрѣ на исповѣди, утверждали народъ въ вѣрѣ и добрѣ. Но въ отношеніи миссіонерской проповѣди видимъ весьма многихъ священниковъ, усердно дѣйствующихъ по требованію епархіальнаго начальства. Впрочемъ, миссіонерская проповѣдь, которую въ древности не записывали, для насъ остается неизвѣстною, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ. Равно изъ безчисленнаго множества миссіонеровъ-проповѣдниковъ въ исторіи сохранились немногія имена. Но мы сообщимъ и немногія уцѣлѣвшія свѣденія о миссіонерскомъ проповѣдничествѣ, такъ какъ оно имѣло огромное вліяніе на колонизацію страны и

усиленіе государственнаго могущества Россіи. Свѣденія о миссіонерскомъ проповѣдничествѣ особенно скудны до XIV вѣка. Извѣстно только, что въ сѣверной Россіи христіанство насаждено въ глубокой древности. Безъ сомнѣнія, насадителями его были отшельники, которые изъ любви къ Богу жертвовали собою для спасенія ближнихъ. Это мнѣніе подтверждается отзывами иностранцевъ о миссіонерской дѣятельности иноковъ, на сѣверѣ Россіи, какъ заслугѣ для Церкви и государства. «Иноки русскіе, говоритъ Герберштейнъ, особенно заботятся о томъ, чтобы обращать всѣхъ людей въ свою вѣру. Еще въ древности отшельники монахи обратили въ христіанство значительную часть идолопоклонниковъ, долго и усердно проповѣдуя имъ слово Божіе. И нынѣ (въ XVI в.) они отправляются въ сѣверныя и восточныя страны, съ великимъ трудомъ и опасностію жизни и чести. Въ этомъ (подвигѣ) они не ищутъ и не надѣются никакой выгоды. У нихъ въ виду одна (цѣль)—сдѣлать угодное Богу и наставить на путь истины многихъ заблуждающихъ и привести ихъ ко Христу». Этоже подтверждается и немногими историческими фактами, относительно миссіонерства, начиная съ XI вѣка.

На сѣверѣ, въ ростовской области, епископъ св. Леонтій обратилъ многихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, и около 1070 г. замученъ ими. Преемникъ его св. Исаія проповѣдывалъ христіанство по всей ростовской и суздальской странѣ. Послѣ него архимандритъ св. Авраамій долго училъ народъ истинной вѣрѣ, молился за него и истребилъ въ Ростовѣ идолопоклонство. Св. Кукша въ XII вѣкѣ обратилъ въ христіанство вятичей и убитъ ими, вмѣстѣ съ ученикомъ сво-

имъ Пименомъ. Препод. Герасимъ въ XII вѣкѣ обратилъ въ христіанство жителей вологодской страны, проповѣдуя имъ вѣру впродолженіе 30 лѣтъ. Псковскіе священники въ XIII вѣкѣ и Валаамскіе иноки въ XIV вѣкѣ обратили въ христіанство финское племя карелу. Преп. Кириллъ въ XIII вѣкѣ обратилъ въ христіанство финское племя чудь, подвизаясь въ проповѣди 52 года; обращеніе чуди продолжалъ въ XVI вѣкѣ преп. Корнилій. Въ XIII вѣкѣ иноки Кубенскаго озера обращали въ христіанство чудь и кареллу. Въ XIV вѣкѣ св. Лазарь обращалъ въ христіанство чудь и лопарей. Въ XV вѣкѣ св. Савватій, Германъ и особенно Зосима обращали въ христіанство финновъ, кареллу, лопарей, норвежцевъ, и многихъ изъ нихъ постригли въ монахи. Въ XVI вѣкѣ новгородскіе священники Илія и Никифоръ, по распоряженію архіепископовъ Макарія и Ѳеодосія II, обращали въ христіанство финновъ, а Илія, кромѣ того, чудь, кореллу и ижору; причемъ оба архіепископа посылали граматы, съ обличеніемъ языческаго суевѣрія, угрозою церковнаго суда и повелѣніемъ разорять капища. Въ XVI вѣкѣ преп. Ѳеодоритъ и св. Трифонъ съ большимъ успѣхомъ обращали въ христіанство лопарей, причемъ Ѳеодоритъ въ одинъ день обратилъ ихъ до 2,000. Вслѣдствіе постояннаго обращенія дикарей архангельской губерніи въ христіанство, въ томъ числѣ и самоѣдовъ, въ XVII вѣкѣ открыта была холмогорская епархія. Въ XV вѣкѣ неизвѣстный священникъ и епископъ св. Іона обратили въ христіанство многихъ жителей рязанской области. Въ XVII вѣкѣ рязанскій епископъ Мисаилъ обратилъ въ христіанство болѣе четырехъ тысячъ татаръ и мордвы.

На востокѣ, въ XIV вѣкѣ, св. Стефанъ проповѣдывалъ христіанство зырянамъ и пермянамъ. Преемники его Исаакъ и Питиримъ, со многими инокаки, продолжали это дѣло. Въ XV вѣкѣ епис. Іона, впродолженіе 9 лѣтъ, обратилъ многихъ пермянъ ко Христу. Въ XV—XVI вѣкѣ иноки четырехъ монастырей, около Вычегды, обращали пермянъ въ христіанство. Въ XVI вѣкѣ св. Трифонъ (вятскій) обратилъ многихъ остяковъ и вогуловъ. Не смотря на эти труды миссіонеровъ, въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству Герберштейна, «въ пермскихъ лѣсахъ оставалось много идолопоклонниковъ; но отшельники русскіе не переставали обращать ихъ ко Христу». Св. Макарій желтоводскій обращалъ въ христіанство мордву, чувашъ, черемиссъ и татаръ. Особенно много татаръ обращено ко Христу трудами епископовъ казанскихъ, св. Гурія, Варсонофія и Германа. Сіи святители руководствовались царскою инструкціей, которая внушала проповѣдывать христіанскую вѣру каждое воскресеніе и новообращенныхъ учить страху божію. Св. Гурій въ 9 лѣтъ обратилъ ко Христу многія тысячи магометанъ и язычниковъ. Весьма успѣшнымъ въ проповѣди былъ и св. Варсонофій, знавшій въ совершенствѣ татарскій языкъ и заблужденія магометанъ. Въ XVI вѣкѣ игуменъ Кириллъ обратилъ многихъ татаръ въ Астрахани, училъ ихъ грамотѣ и закону божію. Въ XVI вѣкѣ русскіе священники возстановляли христіанскую вѣру на Кавказѣ. Обращеніе монголовъ въ христіанство русскими проповѣдниками началось съ XIII вѣка. Римскіе послы (въ 1246 и 1253 году) видѣли при дворѣ хановъ русскихъ проповѣдниковъ. Съ открытіемъ епархіи въ Сараѣ (1261 г.) многіе татары обращались въ христіанскую вѣру, о чемъ свидѣтельствовалъ епис. Ѳео-

гностъ (1301 г.). Многія лица княжескаго и даже ханскаго рода обращались въ христіанство. [1]) Особенно замѣчательно обращеніе племянника Берки Петра епископомъ ростовскимъ Кирилломъ. Въ Сибири, по распоряженію патр. Никона, проповѣдывали многіе священники и монахи. Въ 1620 году многіе язычники обращены въ христіанство архим. Кипріаномъ. Вообще, въ XVII вѣкѣ, при содѣйствіи миссіонеровъ, христіанство утвердилось въ Иркутскѣ, Якутскѣ, Киренскѣ, и другихъ городахъ, и отсюда постепенно распространялось по Азіи. Часовни, церкви и монастыри, основанные миссіонерами, въ европейской Россіи и въ Азіи, становились центрами, около которыхъ сосредоточилось населеніе, и училищами, изъ коихъ распространялась вѣра повсюду. Такъ составились, на окраинахъ Россіи, обширныя епархіи, съ церковнымъ благоустройствомъ и руководствомъ въ вѣрѣ населенія, обращеннаго миссіонерами. Неизвѣстно, сколько инородцевъ просвѣщено миссіонерами въ теченіи 700 лѣтъ; покрайней мѣрѣ несомнѣнно, что къ концу XVIII вѣка ихъ оставалось въ Россіи до 4.000,000.

Отъ обширной проповѣднической дѣятельности миссіонерской до насъ дошло нѣсколько поученій; по нимъ мы можемъ судить о духѣ и характерѣ древней миссіонерской проповѣди. Въ главныхъ и общихъ чертахъ древняя миссіонерская проповѣдь походитъ на наши катихизическія поученія, въ которыхъ предлагаются существенныя истины христіанскаго вѣроученія. Такое поученіе находимъ въ житіи преп. Трифона. «Началъ преп. Трифонъ бесѣдовать съ лопарями о куплѣ и об-

[1]) Ист. рус. цер. пр. Мак. IV, 121—126.

личалъ ихъ заблужденія. Потомъ говорилъ о Троицѣ, созданіи міра, потопѣ, разсѣяніи языковъ, о пророкахъ, воплощеніи Сына Божія, Его смерти, воскресеніи и вознесеніи. Наконецъ—о общемъ воскресеніи, царствѣ небесномъ и вѣчной мукѣ» [1]). Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ миссіонерская проповѣдь принимала обычный характеръ нравственно-аскетическаго поученія. Миссіонеры сообщали новообращеннымъ тѣже нравственныя убѣжденія, которыми были проникнуты сами, и которыя заимствовали изъ отеческихъ писаній. Вслѣдствіе этого усерднѣйшіе изъ новообращенныхъ христіанъ украшались великими добродѣтелями, нерѣдко достигали церковныхъ степеней и даже принимали постриженіе, ангельскій образъ. Примѣръ подвижниковъ миссіонеровъ еще болѣе укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, добродѣтели и аскетизмѣ [2]).

Проповѣдничество нравственно-аскетическое вообще, и части его или отдѣлы.

Показавъ источники и объемъ древняго проповѣдничества,—тѣ формы, въ какихъ оно проявлялось, остается изложить содержаніе его, дабы убѣдиться опытомъ въ его преобладающемъ аскетическомъ направленіи. Древнее проповѣдничество весьма разнообразно въ своемъ содержаніи: но въ этомъ разнообразіи есть господствующее направленіе, которое объединяетъ всѣ разности; есть главная идея, которая связываетъ въ одно цѣлое различныя части или отдѣлы проповѣдничества. Гос-

[1]) Рук. каз. биб. № 188.
[2]) Жит. св. Стеф. перм.. Зос. и Сав. соловец.

подствующее направленіе древней проповѣди, какъ сказано въ характеристикѣ ея, есть нравственно-аскетическое, проникающее, въ различной степени, всѣ отдѣлы ея. Наибольшее количество древнихъ проповѣдей написано именно въ этомъ духѣ, съ тою особенностію, что аскетическія правила постепенно выдѣлялись изъ мірской проповѣди и сосредоточились, наконецъ, въ поученіяхъ и посланіяхъ монахамъ и въ монастырскихъ уставахъ. Поэтому, это главный и первый, самый обширный отдѣлъ древняго проповѣдничества, по характеру—отвлеченный, нравственно-аскетическій, или теоретическій. Второй отдѣлъ церковно-историческій, заключающій въ себѣ похвальныя слова святымъ и слова на праздники церковные. Правила дѣятельности, предписанныя въ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ, въ церковно-историческомъ представлены наглядно, осуществленными въ живыхъ примѣрахъ и фактахъ. Высокіе подвиги святыхъ, изображенные въ похвальныхъ словахъ имъ, и міръ небесный, какъ награда за подвиги, изображенный въ праздничныхъ словахъ, служили подтвержденіемъ теоретической проповѣди и окончательнымъ побужденіемъ къ добродѣтели и аскетизму. Третій отдѣлъ — изъяснительный или истолковательный, заключающій въ себѣ объясненіе нѣкоторыхъ евангельскихъ чтеній, событій, правилъ вѣры и дѣятельности христіанской. Этотъ отдѣлъ, строго говоря, составляетъ отрывочное явленіе въ древней проповѣди, какъ по незначительному количеству проповѣдей, такъ и по недостатку между ними какой либо связи и единства. Но такъ какъ изъясненіе—чтеній, событій, нѣкоторыхъ правилъ вѣры и дѣятельности, нерѣдко проникнутое аскетизмомъ, расширяетъ взглядъ на нравственность

христіанина, то и его можно отнести къ нравственно-аскетическому проповѣдничеству. Кромѣ того, заключая въ себѣ разъясненіе многихъ догматовъ, правилъ вѣры, этотъ отдѣлъ представляетъ немало основаній для нравственныхъ истинъ, изложенныхъ въ предыдущихъ отдѣлахъ. Безсвязность этихъ разъясненій значительно восполнялась толковыми евангеліями, апостолами и пророками, бывшими въ постоянномъ употребленіи у предковъ. Четвертый отдѣлъ практическій, заключающій въ себѣ обличенія умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ народа, противныхъ христіанскому ученію. Составляя контрастъ или противоположность нравственному христіанскому совершенству, этотъ отдѣлъ находится въ такойже связи съ нравственно-аскетическимъ проповѣдничествомъ, въ какой тьма со свѣтомъ, и этоже проповѣдничество, какъ увидимъ, составляетъ главное содержаніе и направленіе его.

Проповѣдничество нравственно-аскетическое, въ тѣсномъ смыслѣ.

Пересматривая проповѣдническіе сборники, находимъ въ нихъ много поученій въ видѣ инструкцій, совмѣщающихъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, всю христіанскую нравственность. Видно, что въ такихъ поученіяхъ, какъ краткихъ руководствахъ, особенно нуждались русскіе, обращенные въ христіанство. Замѣчательнѣйшее въ этомъ отношеніи «слово св. отецъ, какъ жить христіанамъ». Это слово, съ безчисленными варіаціями, чаще всего попадается въ древнихъ сборникахъ. Въ «Изумрудѣ» оно встрѣчается подъ слѣдующими номерами: 121, 129, 137, 147. Въ «Изумрудахъ» соловецкой библіотеки оно

находится подъ слѣдующими заглавіями: «слово св. отецъ»... и «поученіе избранное изъ всѣхъ книгъ о томъ, чтобы всякому христіанину имѣть страхъ Божій». Это слово, относимое къ XIII вѣку, вполнѣ выражаетъ характеръ древнихъ поученій, какъ по содержанію своему, такъ и по выраженію. По содержанію это слово нравственно-аскетическое. Оно заключаетъ въ себѣ болѣе ста мыслей, и въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ правилъ или нравственныхъ предписаній. Одни изъ этихъ правилъ внушаютъ обязанности или добродѣтели, такъ сказать, обыкновенныя, свойственныя всѣмъ христіанамъ; другія—свойственныя монахамъ, подвижникамъ или аскетамъ. Перваго рода обязанности: любовь къ Богу, хожденіе въ церковь, молитва, церковныя приношенія, поминовенія, исповѣдь, причастіе, исполненіе эпитиміи; любовь къ ближнимъ, почитаніе родителей, іереевъ, монаховъ, отцовъ духовныхъ, старшихъ; милосердіе къ слугамъ, сиротамъ, нищимъ, больнымъ, калѣкамъ, безроднымъ, страннымъ и заключеннымъ; воздержаніе отъ гордости, гнѣва, ласкательства, зависти, осужденія, лжи, клеветы и т. под. Втораго рода обязанности слѣдующія. Умерщвленіе тѣла. «Утруждай тѣло, которымъ ты согрѣшилъ; ибо всякій грѣхъ входитъ сластію, а прогоняется горестію, и похотныя страсти умерщвляются алканіемъ Если не труждаемся тѣломъ, которымъ согрѣшили, то намъ не возможно спастись». Молитва постоянная. «Вставши отъ сна, помолись Богу. Прежде всего сотвори эти дѣла, чтобы Господь благословилъ тебя, даровалъ мирную жизнь и царство небесное. А когда ложишься спать, то не пропусти ни одной ночи безъ поклоновъ, и сколько можешь, молись Богу; ибо тѣмъ поклоненіемъ человѣкъ побѣждаетъ діавола и избавляется отъ грѣховъ, сдѣланныхъ днемъ. Встань ночію на молитву, хотя бы краткую, ибо ночь раздѣлена на двое, на покой тѣлу и душѣ на спасеніе». «Никогда не лѣнись на правило молитвенное. Что ни дѣлаетъ каждый изъ васъ, ѣшь, пьешь, стоишь, сидишь, ходишь, непрестанно произноси въ умѣ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя; ибо Господь сказалъ: «молитесь на всякое время», и апостолъ: «непрестанно молитесь и всегда благодарите» [1]). «Если ты грамотенъ, каждый день отправляй ночные и дневные часы, вечерню, утреню и обѣдню (вѣроятно обѣдницу); если не грамотенъ, ходи каждый день въ церковь, къ службамъ; ибо кто исполняетъ это (правило), тотъ получитъ отъ Бога великую награду». «Будь прибѣженъ къ церкви, ибо она есть очищеніе отъ грѣховъ. Въ церкви стой со страхомъ, скорбя о грѣхахъ своихъ, и ни съ кѣмъ не бесѣдуй». Постъ. «Никогда не упускай ни одного поста; ибо постъ равняетъ человѣка ангеламъ. Соблюдай честно среду и пятокъ, кромѣ великихъ праздниковъ; пусть на всякую недѣлю твой постъ идетъ къ Богу. Удержись отъ ранняго яденія и питія, лишнее яденіе и питіе—тѣлу немощь и душѣ погибель». Цѣломудріе. «Не твори блуда, но женись. А если жена хочетъ воздержаться, пусть совѣтуется съ мужемъ; ибо если онъ палимъ помысломъ, то какой успѣхъ твоего воздержанія? Хотящимъ дѣвствовать необходимо удерживаться отъ зрѣнія и бесѣдъ женскихъ, необходимо удержать отъ грѣха тѣло и мысли. Кто удержитъ себя, тотъ великъ и равенъ ангеламъ; а кто въ мысляхъ согрѣшаетъ, пусть лучше женится».

[1]) Наставленіе о правилѣ молитвенномъ взято изъ слова митр. Фотія, въ недѣлю православія, о постѣ и молитвѣ.

Смиреніе и покаяніе. «Имѣй смиреніе мытаря, бойся гордости и величанія въ умѣ и сердцѣ, и многоглаголанія; ибо Богъ призираетъ на смиреннаго и молчаливаго. Не стыдись подклонять главу старѣйшимъ тебя, въ честь Богу. Если ты печаленъ, ищи утѣшенія въ келліи и неси инокамъ все необходимое. Когда дѣлаешь пиръ, зови убогихъ. А паче всего имѣй въ сердцѣ страхъ Божій, держи смерть на умѣ, слушай отца духовнаго, часто приходи къ нему и исповѣдай грѣхи свои». Хозяину дома внушаетъ заботу о спасеніи домашнихъ и называетъ его игуменомъ своего дома. За грѣхи грозитъ гнѣвомъ Божіимъ и мукою вѣчною; за добро обѣщаетъ царство небесное. «Молю васъ, любимые, заключаетъ проповѣдникъ, заботьтесь о спасеніи своемъ, пока живы и имѣете время. Скоро житіе наше проходитъ, и все въ немъ временно и мечтательно». «Но если все это исполнишь, если молишься, благотворишь монастырю, приносишь въ церковь жертвы, но не оставляешь гнѣва, злобы, лжи, клеветы, клятвы, не слушаешь отца духовнаго, утаишь хоть одинъ грѣхъ на исповѣди, недостойно причащаешься и т. под., не можешь спастись, погибнешь, подобно птицѣ, пойманной въ силокъ за одинъ ноготь».

Въ этомъ словѣ есть и практическія наставленія, обличеніе недостатковъ, общественныхъ и частныхъ, противныхъ нравственности христіанина, особенно аскета. Проповѣдникъ обличаетъ слѣдующіе грѣхи: объяденіе и пьянство, которое служитъ причиною ссоръ, драки и плотской похоти; блудъ, который сводитъ многія души въ погибель; срамословіе, глумленіе, драку и убійство. Между прочимъ запрещаетъ бить беременную жену и рабу, чтобы онѣ не извергли плода. Обличаетъ корыстолюбіе, незаконные проценты и воровство, называя любостяжателя идолопоклонникомъ. Но особенно возстаетъ противъ ложной присяги и притѣсненія слугъ,—порока частнаго, домашняго. «Хуже всего, говоритъ проповѣдникъ, нарушить крестное цѣлованіе, или неправедно цѣловать (икону) Богородицы, или иного святого. Не кленитесь именемъ божіимъ, ни головою своею, да не погибнете. Не безчествуйте слугъ и содержите ихъ въ довольствѣ, чтобы они не крали и не разбивали. Не томите ихъ голодомъ, наготою, чрезмѣрною работою и наказаніемъ, чтобы они не убѣжали къ язычникамъ, не утомились и не удавились». Вслѣдствіе аскетическаго воззрѣнія на жизнь, проповѣдникъ съ одинаковою строгостію обличаетъ маловажные проступки. «Удаляйтесь отъ зрѣлищъ, игръ, музыки, сатанинскихъ пѣсней и пляски, радующихъ діавола и прогоняющихъ ангела». Наконецъ, даетъ наставленіе о повиновеніи властямъ и князю. «Кто противится властямъ, противится божію повелѣнію. Наипаче имѣй пріязнь своему князю и не желай ему зла». Въ «Изумрудѣ» синодальномъ прибавлено обличеніе суевѣрія. Болѣзни лечатъ волшебствомъ, чарами и амулетами. Пиша на яблокѣ (заклинательныя) слова, кладутъ его на престолѣ, и тѣмъ отгоняютъ бѣса трясавицу. Господь велитъ лечить (болѣзни) не чарами и амулетами, не вѣрою во встрѣчу, чиханіе и слѣдъ животныхъ; это—скверное дѣло. Поэтому, за наши неправды, Богъ посылаетъ намъ многія казни» [1]). Затѣмъ обличаетъ (вѣроятно святитель) священниковъ и градоначальниковъ, что они не обращаютъ вниманія на такое нарушеніе церковныхъ правилъ.

[1]) О варіаціяхъ этого слова Прав. Соб. 1859 г. генв.

Что касается слововыраженія, то оно представляетъ всѣ недостатки церковно-славянскаго языка, скуднаго понятіями, не разработаннаго научно, темнаго и запутаннаго. Многія слова и обороты поражаютъ слухъ своею шероховатостію и неправильностію, напр. «опитемя, комканіе, хабить, колико мога, упиваться въ пьянство», и т. под. Такая неискусная рѣчь не только не возвышаетъ простыхъ мыслей, но и высокія умаляетъ и портитъ картинныя мѣста въ словѣ. Напр. «а еже отець заповѣсть, того не творите, то сему подобни есте, яко на рати устрелять человѣка и стрѣла въ немъ ся приломитъ, и егда къ нему врача приведутъ, тогда разрѣзавъ язву, изметъ желѣзо, ащели зелія не приложитъ, исцѣлити не можетъ, ащели зелія немощенъ будетъ терпѣти, то по малу прилагати, дабы исцѣлити» и т. д. Въ этомъ словѣ, какъ и вообще въ русскомъ проповѣдничествѣ, часто встрѣчаются преувеличенія въ мысляхъ и неточность въ словахъ,—недостатокъ, свойственный и греческому проповѣдничеству. Напр. «осуждаяй брата своего согрѣшша есть антихристъ»; «неправедная милостыня подобна тому, какъ если бы отецъ видѣлъ сына закалаема»; «резоимство идолослужителю подобно», и т. д.

Относительно формы логической слово не представляетъ никакихъ достоинствъ; нѣтъ въ немъ ни главной идеи, ни развитія и послѣдовательности въ мысляхъ, ни вывода и заключенія. Различныя заглавія слова не соотвѣтствуютъ содержанію его. Одно изъ нихъ: «какъ жить христіанамъ», отличается общностію; другое: «чтобы имѣть страхъ божій»,—частностію; Мысли излагаются отрывочно, какъ попало, и связываются механически, частицами или ссылками на св. писаніе. Напр.

«старѣйшимъ повинися, а иже о питіи и яденіи апостолъ глаголетъ».... Или: «рѣзоимство идолослужителю подобно; паки же, аще умѣешь книги, но вся дни прави часы»... При такомъ безпорядкѣ въ мысляхъ и механическомъ сочетаніи ихъ, слово растянуто на 14 страницъ, и могло быть продолжено въ безконечность.

Научнаго понятія о правильномъ выраженіи мыслей, о построеніи періода и предложенія, о составѣ рѣчи и правописаніи тоже не видно. Несомнѣнно одно, что проповѣдникъ хотѣлъ дать мірянамъ наставленіе къ доброй жизни; но сильно растворилъ его аскетизмомъ, выписывая у св. отцовъ, что попало. Конечно, онъ имѣлъ въ виду страхъ божій, грозу гнѣва божія, и смягченіе этого гнѣва покаяніемъ, добродѣтелями; но не умѣлъ разграничить и отличить добродѣтелей обыкновенныхъ отъ аскетизма. Поэтому, главною заботою христіанина поставилъ изнуреніе тѣла (которымъ согрѣшили) разными подвигами, не видя иного средства ко спасенію. Безспорно, что это слово, и подобныя ему, заслуживаютъ полное одобреніе за свою благонамѣренность и строгій аскетизмъ. И если справедливо, что это слово принадлежитъ Павлу высокому [1]), который, по лѣтописи, былъ «философъ великій»; то оно одно даетъ намъ возможность оцѣнить подобныхъ философовъ и ихъ мудрость. Мудрость доморощенныхъ философовъ состояла въ усвоеніи св. писанія, св. отцовъ, и безхитростной перефразировкѣ ихъ, съ намеками на нравственные недостатки времени, или обличеніемъ этихъ недостатковъ. Но въ древности, при недостаткѣ образованія, и эта мудрость, которую наши писатели называютъ «широко-

[1]) Обзор. № 72.

вѣщательностію» и «обширнымъ разглагольствіемъ», казалась великою. Нѣкоторыя нравственно-аскетическія поученія, въ родѣ разсмотрѣннаго нами слова, принадлежатъ извѣстнымъ проповѣдникамъ. Таково напр. «поученіе къ братіи» епис. новгор. Луки Жидяты. Въ своемъ поученіи, кромѣ общихъ наставленій, проповѣдникъ излагаетъ догматъ о св. Троицѣ, безъ всякаго развитія. «Первѣе всего братіе вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать несомнѣнно: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца, Сына и Св. Духа». Въ отношеніи ближнихъ проповѣдникъ запрещаетъ осужденіе и въ мысляхъ. «Не осуди брата даже мыслію, помиая грѣхи свои». Можно думать, что это поученіе послужило образцомъ для подобныхъ послѣдующихъ, тѣмъ болѣе, что оно записано въ «Сборницѣ разныхъ св. отецъ». Таково же по общности мысли, и «посланіе къ нѣкоему брату, св. Іосифа волок., о сохраненіи всѣхъ заповѣдей ради царствія небеснаго» [1]).

Прочія, анонимныя поученія, разкрываютъ по частямъ тѣ мысли или темы, которыя собраны въ «словѣ св. отецъ» и подобныхъ ему. Слѣдуя аскетическому убѣжденію, что необходимо изнурять тѣло для спасенія души, неизвѣстные проповѣдники всего чаще говорили: о необходимости поста, молитвы, посѣщенія церкви и соблюденія праздниковъ, о сокрушеніи сердца и покаяніи; о исповѣди и причастіи, и наконецъ о чтеніи книгъ, какъ средствѣ духовнаго обученія.

1. О постѣ. Говоря о постѣ, проповѣдники доказывали необходимость его для укрощенія етрастей и

[1]) Новг. соф. библ. № 49. Рук. Тол. II, № 86—269.

грѣха и удовлетворенія правдѣ божіей; причемъ требовали не одного тѣлеснаго поста, но и духовнаго, воздержанія отъ страстей и злыхъ дѣлъ. Впрочемъ, они болѣе разпространялись о тѣлесномъ, нежели о духовномъ постѣ, болѣе говорили объ обрядовой сторонѣ дѣла, нежели о сущности его, менѣе доступной разумѣнію, особенно простому. И нигдѣ не высказывается строгость нравственныхъ требованій, въ чисто монастырскомъ духѣ, съ такою силою, какъ въ разсужденіи о постѣ, да еще о молитвѣ и о церкви. Вотъ сущность ученія о постѣ, извлеченная изъ нижепоименованныхъ источниковъ.

«Апостолы установили три говѣнія (поста), на пользу намъ и очищеніе грѣховъ: Христово, филиппово и петрово. Какъ начали мы великій постъ, такъ и кончимъ его; ибо многіе предпочитаютъ первую недѣлю, а о прочихъ не радятъ. Великій постъ есть царь, семь недѣль—семь дочерей его, коихъ надобно равно почтить. Всю страстную недѣлю проводите чисто. Въ субботу отговѣвши, мало вкусить хлѣба и всю ночь пребыть въ молитвахъ; утромъ воскресенія причаститься со смиреніемъ. Затѣмъ немного съѣсть и выпить и заснуть, ибо такъ поступаютъ истинные постники. А свѣтлую недѣлю провести всю въ духовномъ веселіи и воздержаніи и чистотѣ, ибо она за одинъ день, такъ какъ солнце не заходило восемь дней. И Христосъ воскресъ не ради питія и объяденія, не для того, чтобы мы праздновали ту недѣлю объяденіемъ и пьянствомъ, до безпамятства. Въ ту недѣлю, ради воскресенія, вѣрные молятся, ходятъ со крестами, и съ женами не творятъ блуда. Если кто по болѣзни не проведетъ (четыредесятницу) всѣ сіи дни въ постѣ, тотъ пусть постит-

ся въ среду и пятокъ, тѣмъ болѣе, что въ эти два дня заповѣдано поститься во весь годъ; и что можетъ быть легче, какъ поститься до полудня? А постясь, воздержись не только отъ хлѣба, но и отъ питія. Въ прочіе дни кушать однажды, а въ субботу и недѣлю дважды. И всѣ недѣльные дни такъ чтите, не поститесь въ тѣ дни, но дважды кушайте. И филипповъ постъ проведемъ въ пощеніи, да сподобимся достигнуть рождества Господня;—а также и петровъ. Въ эти два говѣнья не ѣсть рыбы въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, но хлѣбъ съ овощами, и притомъ однажды въ день; а въ прочіе дни кушать рыбу, но дважды. Да и всегда нужно воздерживаться отъ безвременнаго ядения и питія. А главное: великій постъ содержите со всею крѣпостію и страхомъ, и часто кланяйтесь въ землю. Въ великій постъ, кромѣ обычныхъ поклоновъ, произнося: «Господи помилуй,» полагать по 50 поклоновъ (земныхъ) на утрени, 50 на обѣдни и 50 на вечерни. Въ филипповъ и петровъ постъ полагать въ день по 300 поклоновъ земныхъ. Нездоровые полагаютъ количество поклоновъ по указанію духовнаго отца. А намъ, братія, поминая грѣхи свои, и кромѣ говѣнія всегда слѣдовало бы поступать такъ. Намъ не слѣдовало бы и главы восклонять, бія челомъ, и очей не осушать, проливая слезы, стеня и скорбя передъ творцемъ. О братія, отцы, матери и сестры, какъ намъ не бояться Господа, не трепетать словъ его, и не творить волю его! ибо самъ говоритъ въ «Пчелѣ»: [1]) по чему человѣче ты не умѣешь почитать меня? Я твой Богъ, царь, дѣдъ, отецъ, братъ и другъ. Какъ же ты

[1]) «Пчела»—сборникъ нравственныхъ сентенцій.

не знаешь, какъ почитать меня и не боишься меня? А мы, когда придетъ постъ, представляемъ его тяжкимъ, печалимся и скорбимъ, и думаемъ, какъ-бы миновать его? И бѣгаемъ къ іереямъ спрашивать: что намъ ѣсть и пить? и какіе творить поклоны? и говоримъ: это весьма тяжко! не можемъ вынести этого...»

«А чтобы постъ твой былъ истинный и не пропалъ трудъ твой, воздержись отъ злыхъ дѣлъ и твори добрыя дѣла. Злыя дѣла, Богу ненавистныя, и святыми прокляты: гордость, зависть, злоба, осужденіе, ссоры, клеветы, воровство, разбои, грабительство, объяденіе, пьянство, прелюбодѣяніе и пр. Добрыя дѣла, оправдывающія душу: покаяніе, постъ, молитва, поклоны, бдѣніе, хожденіе въ церковь, слушаніе поученій, смиреніе, слезы, братолюбіе, невзиманіе процента, одѣяніе нагихъ, погребаніе мертвыхъ и пр. Если ты былъ пьяница, будь нынѣ постникъ; если блудникъ,—воздержись; если обижалъ и грабилъ, раздавай нынѣ свое. Особенно воздержись отъ насилія, отъ богатства собраннаго съ проклятіемъ, или награбленнаго въ пожарѣ, отъ обиды сиротъ и вдовицъ, отъ процентовъ и ложной клятвы, чтобы не поразилъ гнѣвъ Божій. Обидящему твори добро, гнѣва не имѣй и зломъ за зло не воздавай. Вотъ истинное покаяніе! Слышаще сіе потщимся братіе и сестры пройти въ чистотѣ постные дни, покаемся во всѣхъ неправдахъ своихъ, да получимъ отъ Бога совершенную награду, и чего попросимъ, да дастъ намъ Господь. Да услышитъ Богъ и меня грѣшнаго, отца вашего, молящагося за васъ, если поживете въ послушаніи. А если я молюсь за васъ, а вы творите злое, какой плодъ молитвы (моей)? Успѣхъ молитвы (тогда), когда вы, молясь Богу, успѣваете въ добрѣ; ибо вы мой вѣнецъ, моя похвала, моя слава, ста-

до Христово. Если поживете въ повелѣніи Господни, то спасете и меня убогаго. А если я всегда учу васъ, а вы не дѣлаете того, то строго осудитесь».

«Изумрудъ»: слово 122 Златоуста (глубокой древности) о страхѣ Божіемъ и покаяніи; говоритъ о трехъ постахъ: великомъ, филипповомъ и петровомъ, а также о пощеніи въ среду и пятокъ. — 124 Златоуста; это слово, равно какъ 22 и 125—о трехъ постахъ.—126 слово св. отецъ, какъ жить христіанамъ? содержитъ наставленія о страхѣ Божіемъ и соблюденіи постовъ филиппова и апостольскаго.—151 о филипповомъ говѣньи, о воздержаніи и постѣ.

«Златоустникъ»: слово 9 Златоуста о постѣ (написано нескладно). — 11 Златоуста о постѣ въ среду и пятокъ.—15 Златоуста о пользѣ поста;— подобное есть и въ «Златой цѣпи». 24 поученіе нѣкоего старца дѣтямъ (о постящихся въ среду и пятокъ). — 34 собрано отъ св. писаній, какъ надобно жить христіанамъ?—наставленіе о соблюденіи постовъ филиппова и апостольскаго. — 36 Златоуста; проповѣдникъ пользовался словомъ о постѣ Василія великаго; оно есть и въ «Златой цѣпи».—103 св. отецъ о постѣ великомъ, петровѣ и филипповѣ.

«Златая цѣпь» и «Соборникъ» (серг. лавры): поученія на недѣли великаго поста, съ недѣли мытаря (глубокой древности). Въ «Соборникѣ» есть «поученіе на сборъ», приписываемое св. Кириллу: «истинный постъ требуетъ прощенія обидъ и долговъ», раскрываетъ поученіе.

Правосл. собесѣдникъ 1858, генв. 1859 дек. («Изумрудъ» соловец.): слово св. отецъ о постѣ и востаніи церковнаго чину. Слово св. апостолъ и св. отецъ о великомъ постѣ, петровѣ и филипповѣ. Слово о филипповѣ постѣ, что предъ рождествомъ Христовымъ. Кромѣ того: слово въ недѣлю православія о постѣ, митр. Фотія. О внутреннемъ постѣ и о постѣ (къ госпожѣ) Максима грека. Увѣщаніе патр. Адріана къ разнымъ сословіямъ; въ 21 увѣщаніи внушаетъ всѣмъ говѣть четыре раза въ году (четвертый успенскій постъ). Окружное посланіе митр. Фотія къ русскому духовенству содержитъ подробныя наставленія о постахъ. Оно внушаетъ «свято проводить всѣ четыре поста, установленные апостолами. Во всѣ дни великаго поста надобно хранить сухоядѣніе; въ субботы и воскресенія, цвѣтную недѣлю и благовѣщеніе разрѣшается рыба. Сухоядѣніе должно соблюдать въ среды и пятки всего года, иногда и въ понедѣльники кромѣ недѣль по воскресеніи, рождествѣ, сошествіи Св. Духа и недѣли, предъ мясопустомъ. На преполовеніе, введеніе — постъ; на воздвиженіе и усѣкновеніе—сухоядѣніе [1]).

2. О молитвѣ, посѣщеніи церкви и соблюденіи праздниковъ. Вмѣстѣ съ постомъ проповѣдники предписы-

[1]) Акт. ист. 1, № 22.

вали частую молитву и посѣщеніе церкви, особенно въ праздники, не только для умилостивленія Бога, но и для испрошенія его помощи на враговъ. Сущность ученія о молитвѣ состоитъ въ слѣдующемъ. «Должно молиться Богу утромъ и вечеромъ, потому что въ это время наши ангелы идутъ къ Богу на поклоненіе, даютъ отчотъ въ нашихъ дѣлахъ ночныхъ и дневныхъ и жалуются на наши грѣхи. Повели ми Господи, говоритъ ангелъ хранитель, да не буду съ злымъ грѣшникомъ; ибо только имя твое носитъ, а угождаетъ плоти, и ни одной молитвы не творитъ ни днемъ, ни ночію. Вмѣстѣ съ ангелами и природа, покорная волѣ Божіей, жалуется на грѣшниковъ, нарушителей его законовъ. Солнце многажды молится Богу, говоря: доколѣ Господи терпишь неправды людей и многія беззаконія? повели мнѣ сожечь ихъ. Мѣсяцъ и звѣзды говорятъ: доколѣ мы будемъ освѣщать блудныя дѣла, давленіе дѣтей, воровство и разбои? Море и рѣки говорятъ: дозволь намъ Господи потопить плавающихъ грѣшниковъ! И земля говоритъ: я болѣе всѣхъ тварей осуждена терпѣть безчисленные грѣхи людей: позволь мнѣ Господи уморить ихъ голодомъ. Но Богъ отвѣчаетъ всѣмъ, что Онъ ждетъ покаянія грѣшныхъ. И потому на всякъ часъ будемъ благодарить Бога, не только днемъ, но и ночію. И ни одной ночи не пропустимъ безъ молитвы и поклоновъ, по силѣ нашей; а если не проснемся въ полночь, то по крайней мѣрѣ передъ свѣтомъ. Встань мужъ, разбуди жену и дѣтей своихъ, преклоните колѣна, воздыхая о грѣхахъ, и пусть домъ вашъ будетъ церковію. Ночными молитвами особенно умилостивляется Богъ, и скоро подаетъ милость свою, ибо ночію не развлекаютъ насъ помыслы и мірской шумъ. Кромѣ того необходимо совершать непрестанно,

за всякимъ дѣломъ, Іисусову молитву въ умѣ. Если мы лѣнимся молиться, то хотя бы и милостыню подавали, не можемъ спастись. Кромѣ домашнихъ молитвъ необходимо каждый день ходить къ церковнымъ службамъ, или совершать ихъ дома. Неграмотному полагается правило: за каѳизму 300 поклоновъ, за полунощницу 600, за утреню 1,500, за часы 1,500, за вечерню 600 [1]); ибо если человѣкъ исполняетъ правило относительно домашней молитвы и церковной службы, то онъ получитъ отъ Бога великую награду».

«Въ церковь ходи поспѣшно, къ утренѣ, обѣднѣ и вечернѣ, особенно въ воскресеніе и въ праздники; ибо церковь есть просвѣщеніе душъ. Въ воскресеніе надобно оставить всѣ домашнія дѣла, и только ходить по церквамъ и молиться Богу. Не говори: отпоемъ дома; ибо домашняя молитва не имѣетъ той силы. Ходя по церквамъ, не мысли зла, не занимайся пустяками, но богомысліемъ; ибо сколько человѣкъ днемъ или ночію обойдетъ церквей, столько почтенъ будетъ отъ ангеловъ. Въ церкви стой со страхомъ и молчаніемъ, скорбя о грѣхахъ своихъ, а чужими грѣхами не занимайся. Слушай божественное чтеніе и пѣніе и услаждай ими свое сердце. Слушая ученіе пророковъ и апостоловъ, житія и мученія святыхъ и отеческія поученія, просвѣщай ими душу свою и вооружайся на діавола силою Божіею. Ходи также въ монастырь и носи все потребное инокамъ; а если услышишь шумъ скомороховъ и игры,—изъ дому не выходи». Предписывая подобныя наставленія, проповѣдники нерѣдко обличаютъ слушателей за несоблюденіе ихъ,—холодность къ молитвѣ, уклоненіе отъ церкви и

[1]) Сборникъ XVI в., № 322.

богослуженія, даже въ праздники. «Зачѣмъ вы затворили церкви! Если бы это возбранили печенѣги, то вамъ слѣдовало бы оставить все имѣніе, и итти въ церковь. Вы не всегда приходите къ началу пѣнія». «Слабо живутъ нынѣ, не слушая божественныхъ словесъ. Идти въ церковь, мы чешемся и потягиваемся, дремлемъ и говоримъ: то дождь, то холодно, то что либо другое; и лѣнимся идти на поученіе» [1]). «Я надѣялся въ каждое воскресеніе собирать въ церковь поболѣе людей, а нынѣ приходитъ ихъ менѣе. Умоляю васъ, если кто имѣетъ сосѣда, или родственниковъ, или жену, или дѣтей, зовите ихъ въ церковь поучаться» [2]).

Правосл. собесѣдникъ 1858 г. авг. («Изумрудъ» соловец.): два слова о деннонощной молитвѣ.—1859 г. апр. два поученія о празднованіи воскреснаго дня и житіи христіанскомъ. Поученіе въ недѣлю православія о постѣ и молитвѣ митр. Фотія.

«Изумрудъ»: слово 71 о невстающихъ къ утрени.—123 св. отецъ о духовномъ праздноваціи Божіихъ праздниковъ. — 150 св. отецъ — увѣщаніе ходить въ церковь и вести себя по христіански (подобныхъ поученій много).

«Златоустникъ»: слово 58 Златоуста, какъ праздновать свѣтлый праздникъ.—85 Златоуста, увѣщаніе ходить въ церковь и въ праздники съ крестами.—88 св. Евсевія о недѣлѣ.—89 о томъ, что въ воскресный день слѣдуетъ упражняться въ молитвѣ... Поученіе о молитвѣ митр. Макарія;—таковое же арх. новг. Симеона.

«Прологъ»: 12 краткихъ поученій на разные праздники; въ нихъ проповѣдникъ увѣщеваетъ новообращенныхъ христіанъ ходить въ церковь день и ночь, собираться на вечерню, утреню и литургію, воздерживаться отъ пороковъ, совершать добродѣтели, и поститься [3]).

3. О сокрушеніи сердца и покаяніи. Предписывая постъ, денно-нощную молитву и хожденіе въ церковь, главнымъ образомъ для изнуренія тѣла и страстей, проповѣдники требовали еще сокрушенія сердца и покая-

[1]) Бусл. II, 62.
[2]) Изъ поученій св. Кирилла туров.
[3]) Ист. пр. Мак. III, 211.

нія, для очищенія души, возращенія добродѣтелей и вообще приготовленія къ будущей жизни. Побужденіемъ внутреннимъ къ тому служили: память о грѣхахъ и смерти, ожиданіе страшнаго суда и воздаянія, и вообще страхъ Божій. При чемъ, для дѣйствительнаго очищенія совѣсти и примиренія съ Богомъ, проповѣдники внушаютъ необходимость частой исповѣди и причастія. И ни одна истина нравоученія не повторяется такъ часто въ древнемъ проповѣдничествѣ, какъ необходимость страха Божія, сокрушенія сердца и покаянія. Не только неизвѣстные, но и всѣ извѣстные и лучшіе наши проповѣдники преимущественно говорятъ о страхѣ Божіемъ, сокрушеніи сердца и покаяніи (равно какъ въ практической проповѣди—преимущественно о милостынѣ). Главнымъ внѣшнимъ побужденіемъ къ тому служили общественныя бѣдствія, о коихъ сказано выше. При аскетическомъ настроеніи проповѣдниковъ и библейскомъ взглядѣ ихъ на жизнь, бѣдствія Россіи служили для нихъ постоянною темою о гнѣвѣ Божіемъ, страхѣ, смиреніи, сокрушеніи и покаяніи. Эта тема подкрѣплялась и общею вѣрою въ близкій конецъ свѣта, съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ. Необходимость страха Божія, смиренія, сокрушенія и покаянія всего чаще проводится въ поученіяхъ св. Серапіона, митр. Фотія и Даніила. Сущность ученія о сихъ предметахъ заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Кромѣ указанныхъ добродѣтелей, необходимо имѣть страхъ божій, который есть основаніе всѣхъ добродѣтелей и огражденіе отъ всѣхъ бѣдъ. Мы должны бояться Бога, съ трепетомъ ходить предъ Нимъ, чтобы угодить ему и избавиться отъ временныхъ и вѣчныхъ наказаній; должны на всякое время помнить смерть, судъ,

вѣчныя муки и царство небесное, чтобы приготовиться къ добродѣтели и достойно перейти въ жизнь вѣчную. Мы и здѣсь не можемъ перенести грозы, бури и грома; то какъ перенесемъ страхъ суда божія и вѣчной муки? Особенно нынѣ должны страшиться суда божія, когда гнѣвъ его такъ часто поражаетъ насъ за грѣхи». «Какую выгоду наслѣдовали мы, оставивъ божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли наши города? Не пали ли наши сильные князья отъ острія меча? Не отведены ли въ плѣнъ наши чада? Не запустѣли ли св. божіи церкви? Не томимся ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечистыхъ язычниковъ? Все это за то, что мы не хранимъ правилъ св. отецъ (Кириллъ II)». «Они (св. отцы) непрестанно учатъ насъ, а мы держимся однихъ беззаконій. Вотъ за это и наказываетъ насъ Богъ знаменіями, землетрясеніемъ... Всячески наказавъ насъ, Богъ не отучилъ насъ отъ злыхъ привычекъ, и потому нынѣ колеблетъ землю, хочетъ стрясти многіе грѣхи и беззаконія, какъ листья съ дерева... Но что потомъ было у насъ, — не гладъ ли, не моръ ли неоднократный? не частыя ли войны? Однакожъ мы не покаялись, пока не пришелъ народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города, раззорилъ церкви, избилъ отцовъ и братій, поругался надъ нашими матерями и сестрами... Умоляю васъ, убойтесь Бога, сотворившаго насъ, вострепещите страшнаго суда его! Къ кому идемъ и приближаемся, отходя отъ сей жизни? что скажемъ, какой дадимъ отвѣтъ? Страшно, дѣти, подпасть гнѣву божію (Серапіонъ)»! «Когда я слышалъ о страшныхъ прещеніяхъ владыки, обнаружившихся здѣсь лютыми болѣзнями и моромъ, то одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ я

изливался слезами... И мы должны знать, что значатъ постигающія насъ бѣдствія... Войдемъ въ свою совѣсть и испытаемъ себя, не уклонились ли мы отъ праваго пути и не сдѣлались ли непотребными по своимъ грѣхамъ и нечестію? За сіе-то и постигаютъ насъ праведныя прещенія. Постараемся возвратиться на путь правый, да увидимъ Владыку премѣняющагося отъ гнѣва и ярости на милость (Фотій)». Ревностный пастырь особенно распространяется о голодѣ и черной смерти, говоря, что такой бѣдственной казни никогда не бывало, что мертвые христіане валяются по всюду, съѣдаемые звѣрями и птицами.

«Со страхомъ божіимъ надобно соединять всегдашнее сокрушеніе сердца и покаяніе. Намъ необходимо вникать во всѣ свои дѣла, слова и помышленія, которыми оскорбляемъ Бога, жалѣть и плакать о нихъ день и ночь, и заглаждать ихъ исправленіемъ, покаяніемъ и добрыми дѣлами». «Христосъ очистилъ тебя крещеніемъ и омылъ твои скверны, а ты опять осквернился грѣхами. Прослезись же, восплачи горько, воздохни, потерпи на земли всякое страданіе, бдѣніе, неяденіе, покажи крѣпкую молитву и милостыню (митр. Никифоръ)». «Особенно нынѣ, въ послѣднее время, необходимо спѣшить покаяніемъ, чтобы не потерять вѣчной жизни».

«О братіе, убоимся, ибо все написанное приходитъ къ концу, и предсказанныя знаменія сбываются, и уже мало остается нашей жизни и вѣка. Итакъ, кто хочетъ спастись, подвизайся нынѣ въ смиреніи, воздержаніи и милостынѣ» (Сл. XIII в. о кончинѣ міра). «Постарайтесь обратиться отъ всякаго заблужденія, плотскихъ и духовныхъ скверпъ, и во всемъ обновить себя покаяніемъ и исповѣданіемъ. Вотъ, приближается

конецъ лѣтамъ человѣческой жизни, какъ проходящей тѣни и приспѣваетъ послѣдній день. Если и подъ конецъ не обратимся цѣломудреннымъ покаяніемъ во всемъ, то будемъ отвѣчать грозному и страшному Судіи, проведши жизнь во злѣ и небреженіи (Фотій)».

«Для очищенія грѣховъ необходимо часто исповѣдываться и причащаться. Если христіанинъ не причащается три раза въ году: то онъ живетъ по скотски. Непричающіеся св. таинъ подобны невѣрнымъ и армянамъ, которые не заботятся о своемъ спасеніи. На исповѣди открыть духовнику, какъ самому Богу, всѣ грѣхи, совершенные дѣломъ, словомъ и мыслію, начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ. Не должно стыдиться открывать свои грѣхи, а особенно скрывать худые помыслы. За совершенные грѣхи необходимо понести епитимію, какую назначитъ духовникъ; ибо кто не потрудится о своихъ грѣхахъ, тотъ не можетъ спастись. Невспаханная нива раждаетъ терніе и осоку; такъ и человѣкъ, не радящій о епитиміи, безплоденъ предъ Богомъ. Поэтому необходимо избрать себѣ духовника учительнаго и внимательнаго къ дѣлу, а равно избѣгать неуча и поблажчика, не дающаго епитиміи. Такой духовникъ разслабляетъ грѣшника и уготовляетъ вѣчную муку себѣ и ему. Нѣкоторые невѣжды учатъ, что съ перемѣною духовника нѣтъ нужды открывать первыхъ грѣховъ своихъ. Что ты, говоритъ, открылъ первому отцу, того не открывай мнѣ. Такіе учители—враги божіи и попиратели закона. Новому духовнику необходимо открыть всѣ грѣхи, сдѣланные отъ юности, не утаивая ничего. Многіе также распространяютъ ересь, что кающійся при смерти подобенъ волу стоящему подъ сѣкирою; проклятъ священникъ, кото-

рый лишаетъ покаянія умирающаго. Послѣ исповѣди приступай къ причастію со страхомъ и трепетомъ, ибо при св. тайнахъ присутствуютъ съ благоговѣніемъ небесныя силы, дивясь владычней любви къ намъ. Св. тайны даются святымъ, и если ты святъ,—приступи. Но если ты и великій грѣшникъ—убійца, блудникъ и т. под., да будешь при смерти и исповѣдаешь грѣхи свои предъ Богомъ, то удостоишься причастія въ жизнь вѣчную. Обновившись покаяніемъ, постарайся удержаться отъ всякаго небреженія, заблужденія, лукавства, и злобы, плотскихъ и духовныхъ скверпъ, за которыя грядетъ на насъ божій гнѣвъ».

Сборникъ XVI в. № 321. Слово о покаяніи ко всѣмъ христіанамъ. Поученіе правыя вѣры о душевной пользѣ и о покаяніи (древнее). Правосл. собесѣдникъ 1860 г. I, правило (поученіе) о покаяніи.—1861 г. I, слово божественное о покаяніи и исповѣданіи грѣховъ.—1858 г. іюль: слово св. Ефрема о кончинѣ міра. «Златоустникъ»: слово Іоанна Златоуста о покаяніи; оно есть и въ «Златой цѣпи».—21 Златоуста, о св. причащеніи; сходно съ 90 словомъ «Изумруда». — 54 Златоуста, о св. причащеніи (пользовался Златоустымъ). «Изумрудъ»: слово 37 Златоуста, о кротости и гордости. «Лучше искать кротости, нежели мудрости».—77 св. отецъ о покаяніи (чтобы не повторять грѣховъ);—78 св. отецъ о запрещеніи покаянія;—79 св. отецъ о наказаніи (мы и скота не оставляемъ въ калу).—90 Златоуста о св. причастіи (не всегда приходите въ церковь къ началу пѣнія, и потому лишаетесь причастія); сходно съ 21 словомъ «Златоустника».—138 блаж. Евсевія о причащеніи; сходно отчасти съ словами 88 и 89 «Златоустника». Слово о страхѣ господнемъ—сборникъ № 321. Слово 119 св. отца Кирилла о страхѣ божіемъ (назидательное слово, какъ и 114); оно и въ Правосл. собесѣдникѣ 1859 г. февр. «Злат. цѣпь»: поученіе о смиреніи, Златоуста. Максима грека два слова о покаяніи. Посланіе митр. Фотія въ кіев. монастырь, — призываетъ всѣхъ къ покаянію, по случаю казней божіихъ. «Златая цѣпь»: слово отца къ сыну—внушаетъ смиреніе и человѣколюбіе. «Будь пониженъ главою и высокъ умомъ; устремляй глаза въ землю, очи на небо; имѣй сомкнутыя уста и сердце вопіющее къ Богу. Не стыдись преклонять главу свою предъ каждымъ созданнымъ по образу божію».—Поученіе правой вѣры—исчисляетъ духовные подвиги, необходимые для спасенія: смиреніе, кротость, послушаніе, немногоглаголаніе, безгнѣвіе, легкосердіе, любовь, покаяніе, постъ, бодрость, пѣснаніе, молитву и милостыню». Слово о божественныхъ тайнахъ митр. Цамблака

(причащающійся долженъ испытывать себя). Поученіе митр. Никифора въ недѣлю сыропустную: о постѣ, покаяніи, исповѣди и подвигахъ. [1]).

4. О чтеніи книгъ, какъ средствѣ духовнаго обученія.

Предписывая постъ, молитву, богослуженіе, сокрушеніе сердца и покаяніе, проповѣдники рекомендовали чтеніе книгъ, которое составляло подвигъ монашескій и утверждало въ добродѣтеляхъ. Монашество было представителемъ христіанскаго совершенства и просвѣтителемъ народа; поэтому оно обязывалось уставомъ къ чтенію и даже списыванію книгъ. [2]) Въ книгахъ оно находило поощреніе къ духовнымъ подвигамъ, нравственную силу и поддержку. И въ древнихъ поученіяхъ находимъ множество наставленій инокамъ о чтеніи книгъ. Всѣ эти наставленія вращаются около одной идеи, что «книги божественныя глубина мудрости, врачевство противъ страстей, источникъ благочестія и спасенія. И какъ корабль не строится безъ гвоздей, такъ и инокъ не достигаетъ праведности безъ чтенія книгъ». Этоже требованіе относительно чтенія книгъ проповѣдники прилагали и къ мірянамъ, для ихъ обученія и утвержденія въ добрѣ; при этомъ опровергали общественное убѣжденіе о пригодности ученія однимъ монахамъ. «Прибѣгайте къ божественному писанію, говорилъ св. Серапіонъ. О, если бы мнѣ возможно было всю внутренность и сердце каждаго изъ васъ наполнить божественнымъ вѣденіемъ! Я не устану учить, вразумлять и наставлять васъ!» «Не говори, сказано въ одномъ поученіи, что чтеніе книгъ есть монашеское дѣло; а я имѣю жену и дѣтей, строю домъ, за-

[1]) Словар. дух. писат. 11, 96

[2]) Пол. собр рус. лѣт. 1, 79. Сбор. солов. библ. № 805. Прав. собес. 1858 г. апр. 499—500.

нимаюсь ремесломъ, содержу власть. О человѣкъ! что ты говоришь? Монахи, удалившись мірской суеты, живутъ въ тишинѣ и имѣютъ многое утвержденіе. А мы живемъ въ великомъ мятежѣ, въ буряхъ этого міра, и творимъ много грѣха; поэтому намъ необходимо часто читать св. книги, и этимъ отгонять печали и искать пути ко спасенію. Ибо какъ капля долбитъ камень, такъ и книги, часто прочитываемыя, разрѣшаютъ грѣховныя узы и наводятъ на истинный путь» [1]). «Невѣденіе писанія есть великая стремнина, глубокая пропасть и погибель спасенія; оно породило ереси, ввело растлѣнные нравы и небесное сдѣлало земнымъ». [2]) Внушая мірянамъ охоту къ чтенію книгъ, пастыри проповѣдники часто внушали ее и священникамъ. «Если властители, утружденные житейскими дѣлами, нуждаются въ прилежномъ чтеніи книгъ, то тѣмъ болѣе намъ необходимо чтеніе» [3]). «Упражняйтесь дѣти въ чтеніи св. книгъ и въ ученіи день и ночь. Если сами будете творить добрыя дѣла, то въ состояніи будете научить и своихъ духовныхъ дѣтей» [4]). «Внимай ученію св. книгъ, да будеши наставникъ міру, соль земли, проповѣдникъ божія слова» [5]). О необходимости чтенія книгъ болѣе всѣхъ проповѣдниковъ писалъ митр. Даніилъ. Въ своихъ поученіяхъ онъ вполнѣ развилъ правило, изложенное въ «завѣтѣ монахамъ»: «взирай на будущее и утверждайся чтеніемъ книгъ; принимая пищу тѣлесную, корми и душу божественными словами».

[1]) Слово ап. Павла, истолк. Златоустымъ.
[2]) Слово Златоуста—не лѣниться читать книги.
[3]) Изъ слова св. Кирилла туров.
[4]) Изреч. св. митр. Петра.
[5]) Изреч. арх. св. Евоимія.

«Онъ убѣждалъ, говоритъ пр. Макарій, чтобы не только пастыри и иноки, но и міряне, какъ можно чаще читали божественныя писанія, и не просто читали, но испытывали ихъ, упражняясь въ нихъ съ великимъ любомудріемъ. Объяснялъ, что чтеніе божественныхъ писаній не только доставляетъ намъ познаніе о всемъ, относящемся къ нашей вѣрѣ и благочестію, но и вообще просвѣщаетъ умъ, направляетъ волю, успокоиваетъ и веселитъ сердце, укрощаетъ страсти, возбуждаетъ къ добродѣтели, и что все зло между нами, всѣ заблужденія, всѣ суевѣрія и пороки зависятъ главнымъ образомъ отъ незнанія божественныхъ писаній.» Онъ самъ былъ начитаннымъ и ученымъ богословомъ, за что получилъ отъ Максима грека названіе «доктора закона Христова,» и другимъ внушалъ заниматься чтеніемъ книгъ. И небезполезны были всѣ эти наставленія о чтеніи книгъ; 164 слово св. Геннадія, въ «Изумрудѣ», направлено противъ чтущихъ много книгъ.

Наставленіямъ проповѣдниковъ о чтеніи книгъ много помогалъ уставъ, или способъ чтенія, придуманный составителями сборниковъ. Въ началѣ сборниковъ, назначенныхъ для домашняго чтенія, помѣщались въ видѣ предисловія, притча о сѣятелѣ, съ толкованіемъ ея; въ толкованіи объяснялось, что чтеніе книгъ приноситъ пользу людямъ кроткимъ, повинующимся писанію. За притчею слѣдовала молитва о просвѣщеніи ума, и правила чтенія. Въ нѣкоторыхъ книгахъ, напр. псалтири, помѣщались двѣ молитвы—предъ чтеніемъ и послѣ онаго. «Читая книги, сказано, внимай написанному всѣмъ сердцемъ, да вмѣнится тебѣ прочитанное во спасеніе души, а не въ осужденіе и муку вѣчную. Поэтому читай прилежно и не спѣши переворачивать

листы. Если ты не понимаешь чего, то прочитай трудное мѣсто или главу дважды, трижды и нѣсколько разъ; если и тогда не поймешь, пойди къ учителю, или къ тому, кто умнѣе тебя. И когда Богъ увидитъ твое усердіе, то не презритъ тебя, откроетъ сокровенное, хотя бы и человѣкъ не могъ объяснить его.» Наконецъ, самыя поученія о чтеніи книгъ помѣщались въ началѣ сборниковъ, и сборники иногда снабжались «правиломъ св. апостолъ и отецъ о книгахъ, ихъже подобаетъ чести и внимати,—и не подобаетъ.» Любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, послѣ св. писанія, и особенно псалтыри и патериковъ, были аскетическія поученія, и особенно Златоуста. «Великая польза, сказано въ одномъ поученіи, слушать ученіе св. Василія, Іоанна златоуста, Ефрема, Кирилла философа и иныхъ святыхъ.» [1]) Сообразно съ правилами о разумномъ чтеніи книгъ, книги наиболѣе употреблявшіяся раздѣлялись на главы или отдѣлы, для каждаго дня. Напр. лѣствица Іоанна синайскаго, бывшая въ особенномъ употребленіи у предковъ, раздѣлялась на нѣсколько отдѣловъ по днямъ и часамъ великаго поста. [2]) Въ монастыряхъ вычитывали за трапезой поученія Василія великаго, Златоуста, Ефрема, Дороѳея, не прочитанныя на утрени.

Древнее проповѣдничество, письменное, мало производительное и скудное содержаніемъ, усиливало свое значеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что оно побуждало всѣхъ къ чтенію книгъ. Чего оно не досказывало, да и не могло сказать, то было сказано въ отеческихъ писаніяхъ и заключалось въ сборникахъ. Въ древнихъ сборникахъ излагались всевозможныя богословскія знанія, въ нравственно-аскетическомъ духѣ, и въ проповѣднической, всѣмъ доступной, формѣ. Представляя чтеніе богоугоднымъ и душеспасительнымъ подвигомъ, и отсылая всѣхъ къ отеческимъ писаніямъ, проповѣдничество заставляло слушателей довершать свое образованіе самообученіемъ, и такимъ образомъ окончательно утверждало ихъ въ нравственно-аскетическомъ настроеніи. И хотя древняя литература была доступна немногимъ лицамъ, преимущественно духовнаго званія; но важно то, что эти лица глубоко проникались аскетическими убѣжденіями, почерпаемыми въ книгахъ, и обязаны были дѣйствовать на другихъ словомъ и примѣромъ. Дѣйствуя на слушателей по убѣжденію и пастырской обязанности, они были солью земли, свѣточемъ міра, проводя въ него высокія нравственныя убѣжденія. Въ древности, какъ и нынѣ, грамотный человѣкъ дѣйствовалъ на неграмотныхъ тысячью неуловимыхъ путей, часто незамѣтныхъ для него самого. Слово начитаннаго человѣка и писанная строка всегда западаютъ сѣменемъ въ душу слушателей, и приносятъ обильные плоды по роду своему. Или, какъ говоритъ стариное поученіе, «книги подобны глубинѣ морской, въ нюже ныряюще, износимъ бисеръ драгій.» И даже образованный человѣкъ послѣ бесѣды съ ученымъ и благочестивымъ лицомъ, какъ говорится, невольно чувствуетъ праздникъ на душѣ. Съ этой стороны древнее русское проповѣдничество весьма плодотворно, тѣмъ болѣе, что и само оно заключалось въ отеческихъ сборникахъ, и постоянно приносило пользу читателямъ и слушателямъ, дома и въ церкви.

[1]) Слово св. Григорія папы рим.
[2]) Опис. рум. муз. 269.

«Изумрудъ» соловец., о чтеніи книгъ: слово 1 св. Григорія папы рим.—2 ап. Павла, истолковано Златоустымъ и Василіемъ вел.—3 Іоанна златоуста—не лѣниться читать книги.—4 св. Ефрема—какъ слушать книги? Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ всѣ эти четыре поученія соединяются въ одно, подъ заглавіемъ: «Слово св. отецъ о чтеніи книжномъ». «Изумрудъ» синод: 1 наставленіе о чтеніи книгъ, на утвержденіе вѣрныхъ; объяснена притча о сѣятелѣ.—2 Григорія папы рим. о пользѣ чтенія книгъ для вѣрующихъ.—4 Златоуста о вредѣ нечтенія (многіе заблудились и погибли).—Св. Ефрема о чтеніи книгъ, какъ средствѣ противъ лукавыхъ помысловъ. «Златоустникъ»: слово 108 Златоуста о помыслахъ (худыхъ); врачевство—чтеніе св. книгъ.... Слово нѣкоего калугера о чтеніи книгъ; изв. акад. X, 426. Правосл. собесѣдникъ 1858 г. іюнь, о чтеніи книгъ.

Проповѣдничество аскетическое, въ собственномъ смыслѣ.

Нравственно-аскетическое [1]) проповѣдничество, при всей своей напряженности, болѣе обуздывало тѣло или плоть, нежели возвышало духъ, давало перевѣсъ внѣшнимъ подвигамъ надъ внутренними, занималось не столько созерцаніемъ и высшими совершенствами духа, сколько ограниченіемъ страстей и пороковъ. Однимъ словомъ: приготовляя грубый народъ къ духовной жизни, оно усиливалось отрѣшить его отъ земныхъ привязанностей. Аскетическое проповѣдничество довершило задачу христіанской нравственности и высшаго иноческаго совершенства. Дѣйствуя на подвижниковъ, удалявшихся страстей, оно предписывало имъ чисто духовную жизнь, свойственную безплотнымъ существамъ. Жизнь эта состояла въ постоянномъ бодрствованіи ума надъ помыслами и страстями и отсѣченіи своей воли, и стремленіи къ святости и вѣчности. Проповѣдничество аске-

[1]) ἄσκησις—образъ жизни, трудничество, подвижничество.

тическое развивалось подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній греческихъ отцовъ, и подобно этимъ произведеніямъ отличается, съ одной стороны, строгостію характера, высотою нравственнаго ученія, а съ другой стороны отсутствіемъ формы и послѣдовательности въ мысляхъ; по объему и количеству произведеній очень скудно. Собственно проповѣдническая аскетическая литература заключается въ нѣскольскихъ поученіяхъ инокамъ Ѳеодосія печерскаго и посланіяхъ пастырей. Началомъ и основнымъ положеніемъ аскетическаго проповѣдничества должно признать «поученіе о пользѣ душевной», приписываемое митр. Иларіону, которое обращено ко всѣмъ вообще христіанамъ. Въ этомъ поученіи митрополитъ убѣждаетъ христіанъ бѣжать отъ удовольствій временной жизни, какъ отъ ядовитой змѣи, и даже не прикасаться къ нимъ; а вмѣсто того усиленно заботиться о вѣчной жизни. Побужденіемъ къ тому ставитъ кратковременность жизни, неизвѣстность (неизбѣжность) смерти, вѣчныя муки грѣшниковъ и нескончаемое блаженство праведниковъ. Это поученіе сходно съ другими, приписываемыми Иларіону святому, преподобному и великому; напр: «поученіе о отверженіи міра», «наказаніе къ отрекшимся міра», «поученіе о безмолвіи» [1]). Иларіонъ въ священствѣ написалъ витіеватое слово для великаго князя; а какъ подвижникъ, въ санѣ митрополита, могъ говорить просто народу о вѣчной жизни [2]). Въ поученіи Иларіона великаго

[1]) Рум. муз. 618, 626. Царск. 153. 408.

[2]) Подобный фактъ замѣченъ и въ проповѣдяхъ митрополита Димитрія ростовскаго. Поученіе о пользѣ душевной помѣщено въ прологѣ, 21 октября, какъ подходящее дню.

проводится мысль, что покой, лѣность и довольство во всемъ ведутъ къ вѣчной мукѣ; а труды, воздержаніе, постъ, молитва и терпѣніе—къ вѣчному блаженству.

Ѳеодосій печерскій въ десяти краткихъ поученіяхъ, составленныхъ подъ вліяніемъ поученій Ѳеодора студита, внушаетъ тѣже подвиги и добродѣтели, о коихъ говорено выше, — постъ, молитву, бдѣніе, покаяніе и проч. Внушенія св. Ѳеодосія, выраженныя мягко и со слезами, весьма строги и не заключаютъ въ себѣ поблажки, или снисходительности человѣческой природѣ, такъ какъ они обращены къ инокамъ, а не мірянамъ. Внушая подвиги, направленные главнымъ образомъ къ изнуренію тѣла и страстей, проповѣдникъ говоритъ и о чтеніи книгъ, смиреніи и терпѣніи, питающихъ и укрѣпляющихъ душу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ касается и внутренней причины грѣховъ—худыхъ мыслей, внушаемыхъ діаволомъ. Всѣ эти предметы изложены отрывочно, безъ плана и послѣдовательности въ мысляхъ. Предписывая строгое подвижничество, полное лишеній и скорбей, проповѣдникъ утѣшаетъ иноковъ будущими наградами. «Пойдемъ путемъ господнимъ, взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, постомъ и бдѣніемъ, покорностію и послушаніемъ, возненавидимъ міръ сей. Покаяніе есть путь, вводящій въ животъ. Шествіе по сему пути нынѣ прискорбно, но конецъ его радостенъ. Скорби настоящей жизни, воздыханія и труды—ничто въ сравненіи съ будущею славою» [1]). Съ этими поученіями сходны общностію аскетическихъ наставленій два сочиненія Максима грека. Въ «поученіи инокамъ о исправленіи иноческаго житія» проповѣдникъ учитъ

[1]) Ист. Р. Цер. пр. Мак. II, 118—130.

самоотверженію, обузданію страстей и добродѣтелямъ. «Вы избрали узкій и прискорбный путь ко спасенію, а потому должны обуздывать свои внѣшнія чувства, очи, уши, языкъ и прочія, умерщвлять свои страсти и удаляться отъ всякаго зла; должны украшать свой умъ частыми поученіями въ словѣ божіемъ, трезвенными молитвами и богоугодными бдѣніями,—ходить достойно своихъ обѣтовъ, со всякою чистотою, смиренномудріемъ и братолюбіемъ». Въ «посланіи къ инокамъ» предписываетъ не только внѣшніе подвиги—воздержаніе отъ пищи, долгія молитвы и бдѣніе, но и внутренніе—безмолвіе, смиренномудріе, любовь, и особенно нестяжательность и милосердіе къ бѣднымъ [1]).

Два сочиненія Кирилла туровскаго («о черноризтѣмъ чину» и «притча о бѣлоризцѣ»), въ видѣ посланій къ инокамъ, содержатъ общія наставленія и размышленія о монашествѣ [2]). Напр. «ты какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока тебя не возьмутъ въ руки; а потомъ не заботься, если тебя разорвутъ и на тряпки». «Спящій не побѣдитъ (враговъ), и лѣнивый не можетъ спастись». Оба сочиненія темны отъ излишняго символизма. Два посланія митр. Фотія въ кіево-печерскій монастырь [3]) содержатъ не только общія наставленія о монашествѣ, но и обличеніе нетрезвости и вражды, и призываніе къ покаянію [4]). Равнымъ образомъ, и поученія митр. Даніила инокамъ содержатъ не только общія наставленія о монашествѣ, но и обличенія ихъ недостатковъ. Въ «поученіи о иноческомъ законѣ» про-

[1]) Сочин. Мак. грека 1859—1862 г. II, 220, 394.
[2]) Памят. рос. слов. XII в. Толст. 215.
[3]) Дополн. Акт, ист. I, № 180.
[4]) Сн. слово о иноч. житіи митр. Цамблака.

повѣдникъ внушаетъ общія наставленія и особенно нестяжательность, и обличаетъ корысть, отдачу денегъ на проценты. Въ двухъ посланіяхъ: «о цѣломудренномъ и благоговѣйномъ житіи» и «о цѣломудріи и чистотѣ» [1]), кромѣ общихъ наставленій о монашествѣ, предостерегаетъ относительно скверныхъ помысловъ, воззрѣнія на красивыя лица женъ и отроковъ, бесѣды и смѣшенія съ ними; предписываетъ не вспоминать объ нихъ, хотя бы они казались благочестивыми. Въ посланіи къ иноку Даніилъ внушаетъ безропотно переносить скорби и молиться за враговъ [2]). Такимъ образомъ, собственно аскетическая проповѣдническая литература состоитъ изъ отрывочныхъ наставленій о монашествѣ, безъ главной, ясно выраженной идеи, опредѣленнаго плана и послѣдовательности въ доказательствахъ. Только митр. Даніилъ въ посланіи «о различіи иноческаго жительства» (см. сл. 5) сталъ выяснять это жительство нѣсколько научнымъ порядкомъ. Онъ изображаетъ три степени подвижничества: монастырскую жизнь или общежитіе, скитскую жизнь съ двумя-тремя братіями, и уединенную въ пустынѣ, при чемъ показываетъ удобства и неудобства каждой степени.

Говоря объ общежитіи, порицаетъ безчинныхъ и своевольныхъ монаховъ; скитскую жизнь называетъ среднимъ или царскимъ путемъ. Показавъ трудности уединенной жизни, проповѣдникъ осуждаетъ легкомысленныхъ пустынниковъ, которые спорили съ общежительными иноками, навязывая имъ свои законы и считая

[1]) Слова 11 и 12.
[2]) Акт. Истор. 1, № 293.

себя великими. Эта скудость и неразвитость аскетической проповѣди, общность и отрывочность ея положеній, были причиною того, что аскетическое ученіе нерѣдко предлагалось безразлично инокамъ и мірянамъ. Этотъ порядокъ или безпорядокъ особенно замѣтенъ въ началѣ христіанства въ Россіи, при неустроенной гражданской и духовной жизни, при недостаточномъ разграниченіи сословій и ихъ обязанностей (Подобный фактъ мы указали и въ гражданской жизни Греціи). Напр. аскетическое поученіе XI вѣка «о пользѣ душевной» обращено ко всѣмъ христіанамъ; поученіе митр. Никифора въ недѣлю сыропустную обращено къ игуменамъ и мірскимъ людямъ. Св. Ѳеодосій печерскій, по свидѣтельству препод. Нестора, предлагалъ поученія свои братіи и народу. Подобныхъ примѣровъ въ древнемъ проповѣдничествѣ немало.

Развитіе аскетическаго ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ разграниченіе подвиговъ монашескихъ и обыкновенныхъ добродѣлелей совершалось постепенно, въ связи съ развитіемъ гражданской и духовной жизни Россіи, и выразилось главнымъ образомъ въ монастырскихъ уставахъ. Это совершилось преимущественно въ XIV—XV вѣкахъ, когда народъ, воспитываемый нравственно-аскетическою проповѣдію, оказался неисправимымъ въ чувственныхъ наклонностяхъ и неспособнымъ къ совершенному аскетизму, а иночество, подъ вліяніемъ выработавшихся аскетическихъ правилъ и уставовъ, просіяло великими подвижниками и достигло наибольшаго процвѣтанія. Наши уставы сложились подъ вліяніемъ аскетическихъ поученій греческихъ отцовъ, и подобно имъ раздѣлены на главы, наставленія, слова, въ проповѣдническомъ тонѣ, а также—подъ вліяніемъ «Ти-

пика», выработаннаго въ восточныхъ монастыряхъ (въ обители св. Саввы). [1]) Сообразно съ такимъ характеромъ, монастырскіе уставы нерѣдко именовались граматами (Діонисія суздал.), преданіемъ (Нила сор.), завѣщаніемъ (завѣтъ молодымъ инокамъ) и посланіемъ (Корнилія комельс.). Иногда высказывается и цѣль устава—общее назиданіе. «Все это, пишетъ въ концѣ своего устава преп. Корнилій, написалъ я, чтобы сіе преданіе соблюдали и часто читали, для напоминанія, къ

[1]) Типикъ опредѣляетъ, вмѣстѣ съ церковнымъ благочиніемъ, правило благочестія, для монаховъ, духовенства и вообще христіанъ; за нарушеніе сихъ правилъ угрожаетъ тяжкими наказаніями. «Правила св. апостолъ и отецъ, которыя всякій христіанинъ долженъ опасно хранить: 1) въ среды и пятки цѣлаго года соблюдать постъ точно такъже, какъ и въ великій постъ, кромѣ праздниковъ и немощи. 2) Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ рождественскаго поста, петрова и успенскаго—постъ до 3 часа по полудни и сухоядѣніе (хлѣбъ, вода и подоб.). 3) Въ великій постъ не слѣдуетъ ѣсть вовсе въ первый и второй день первой недѣли, до среды; послѣ обѣдни разрѣшается... Не могущіе поститься первыхъ двухъ дней разрѣшаютъ хлѣбъ и квасъ во вторникъ послѣ вечерни; такъ поступаютъ и старые. 4) Въ прочія недѣли великаго поста поститься по пяти дней въ каждую недѣлю, до вечера, до 3 часа; при чемъ соблюдать сухоядѣніе. Въ субботы и воскресенія разрѣшается масло и вино; рыба—въ благовѣщеніе и цвѣтоносную недѣлю. 5) Въ страстную недѣлю должно поститься до среды,—могущимъ до пятка (Типикъ аѳонской горы разрѣшаетъ по 1 ф. хлѣба, съ солію и водою, во вторникъ, среду и четвергъ). 6) Вообще во вторникъ, четвергъ, субботу и воскресеніе разрѣшается кушать дважды, въ прочіе дни однажды; обѣдъ назначается въ 11, 12 и 3 часу дня; кушаній отъ 1 до 3. 7) Готовящійся къ причастію долженъ провести всю недѣлю въ молитвѣ и постѣ. Исповѣдь должна быть подробная, во всѣхъ грѣхахъ; въ легкихъ грѣхахъ должно каяться ежедневно. Количество дневныхъ поклоновъ полагается 300, кромѣ полунощницы; и каждый, по силѣ, полагаетъ ихъ дома (Тип. стр. 31, 32, 311, 315). 8) Неслушающіе преданія и правилъ св. отцовъ, по правилу VII вселенскаго собора, подвергаются анаѳемѣ и повинны вѣчной мукѣ. Не постящіеся въ среды и пятки всего года, кромѣ немощи, а также въ великій постъ, міряninъ да отлучится на время отъ причастія, клирикъ да извержется сана. Монахъ, за нарушеніе поста и неурочное лакомство рыбою, кается двѣ недѣли; поклоновъ на день и на ночь—300». Впрочемъ разные уставы во многомъ разнятся.

пользѣ душевной». И дѣйствительно, какъ показываетъ аскетическая письменность, иноки и особенно настоятели обыкновенно пользовались монастырскими уставами въ своихъ наставленіяхъ. Они избирали извѣстную главу устава для церковнаго поученія, руководствовались мыслями устава въ устной бесѣдѣ съ иноками и мірянами и въ письменныхъ отвѣтахъ имъ. Многіе настоятели часто учили братію и народъ, въ строго аскетическомъ духѣ, и въ житіяхъ ихъ, какъ отчасти видно изъ приведенныхъ примѣровъ, сохранились самыя поученія. Вообще же о содержаніи уставовъ, опредѣляющихъ подвижническую жизнь, должно сказать, что они занимаются болѣе обрядовымъ, нежели внутреннимъ благочестіемъ, мало доступнымъ разумѣнію, и повторяютъ одни и тѣже аскетическія правила. Напр. уставъ преп. Корнилія, раздѣленный на 15 главъ, содержитъ слѣдующія наставленія: глава 1 о церковномъ благочиніи; 2, 3, 4 и 9 о трапезѣ, пищѣ и питіи; 13 о хмѣльныхъ напиткахъ; 5, 6, 7, 8, 12 и 14 объ одеждѣ, собственности и подаяніи (нестяжательности); 11 и 15 о посѣщеніяхъ и выходѣ изъ обители (удаленіи отъ людей и міра); 10 о работѣ съ молчаніемъ и молитвою. Уставъ Іосифа волоколамскаго [1]), состоящій изъ 14 главъ, въ 10 главѣ изображаетъ иноческую жизнь, въ 11 предписываетъ настоятелю обязанность учить другихъ (тоже внушаетъ и уставъ Ѳеодосія печерск.). Въ сборникахъ XIV—XV в. есть много поученій и посланій объ иночествѣ, а въ житіяхъ святыхъ — нѣсколько монастырскихъ ставовъ [2]).

[1]) Царск. № 185.

[2]) Девять поученій и посланій объ иночествѣ. Ист. русск. церкви I ,104. Уставъ въ житіи Кирилла бѣлоезер.

Наставленія о внутреннемъ благочестіи довольно подробно изложены въ «Завѣтѣ юнымъ монахамъ». Напр. «Не живи по плотскому хотѣнію, но Богу, заботясь о вѣчной жизни... Дѣло монаха—храненіе ума отъ худыхъ мыслей, молитва и пѣніе... Всегда произноси молитву (краткую); надобно молиться на всякій часъ... Умъ всегда имѣй горѣ, взирай на будущее, утверждайся чтеніемъ книгъ. Принимая пищу тѣлесную, корми и душу божественными словами... Одежда тебѣ—простая свита, изъ самодѣльнаго сукна... Сну предавайся только тогда, когда почувствуешь великую нужду; весь будь окомъ... Не навыкай ходить изъ келліи въ другую, развѣ для духовной потребности... Не прижимайся къ брату и не обнимайся... Бѣги всякаго смертнаго яда, да не войдетъ смерть пятью чувствами... Не допускай никого смотрѣть на твое лицо, и самъ всячески берегись смотрѣть на лицо человѣка молодаго»... [1]) Но особенною силою и глубиною въ изображеніи благочестія, — духовной жизни и подвижничества отличается уставъ Нила сорскаго состоящій изъ 11 словъ или главъ. Въ этомъ уставѣ св. Нилъ показываетъ необходимость духовной жизни или подвижничества, состоящую въ борьбѣ со грѣхомъ, для истребленія его и торжества надъ нимъ. При этомъ онъ касается самихъ началъ или сѣмянъ грѣха, показываетъ степени развитія ихъ и средства къ истребленію ихъ. Читая это высокое ученіе о духовной жизни, исполняешься благоговѣніемъ къ подвижнику, который уразумѣлъ тайны, недоступныя самымъ глубокимъ психологамъ. Одинъ недостатокъ въ уставѣ, свойственный впрочемъ всей древ-

[1]) Духов. вѣстникъ 1862 г. (рукопись XIV в.).

ней литературѣ,—отсутствіе яснаго плана и послѣдовательности въ развитіи предметовъ, чѣмъ ослабляется его опредѣлительность, доказательность и назиданіе. Вотъ содержаніе 11 словъ устава въ возможно краткомъ и стройномъ видѣ.

Грѣхъ начинается съ худыхъ помысловъ, которые не въ нашей власти и внушаются злыми духами. «Многіе подвижники хотѣли уничтожить въ себѣ худые помыслы, вооружались противъ нихъ уединеніемъ, долговременнымъ постомъ, молитвами и слезами; но нисколько не успѣли въ томъ». «Худой помыслъ, возрастая постепенно, или восходя по степенямъ, дѣлается страстію. Первая степень—прилогъ: объявленіе уму худой мысли; вторая—сочетаніе: отвѣтъ ума, принятіе худого помысла; третья—сложеніе: преклоненіе души къ помыслу, сочувствіе ему; четвертая—плѣненіе: продолжительное соединеніе съ помысломъ, разстроивающее душу; пятая—страсть, одолѣвающая душу. Помысловъ и страстей много, но главныхъ—восемь. Первый помыслъ—невоздержанія, съ котораго началось паденіе Адама. Второй—сладострастія, нападаетъ особенно передъ причастіемъ, ибо врагъ старается осквернить совѣсть. Сложеніе съ этимъ помысломъ есть любодѣйство въ сердцѣ и нравственное паденіе. Третій — сребролюбія; когда укрѣпится въ душѣ, бываетъ злѣе всѣхъ страстей. Четвертый — гнѣва; «можно оскорблять ближняго не только дѣломъ, но и словомъ и взглядомъ. Молитва гнѣвливаго непріятна, хотя бы онъ воскресилъ мертваго». Пятый—печали или скорби; онъ «дѣлаетъ душу пустою, слабою, лѣнивою къ молитвѣ и чтенію. Немалъ подвигъ въ борьбѣ съ скорбнымъ духомъ, потому что онъ приводитъ душу къ отчаянію и погибели». Ше-

стой—унынія; «въ унынiи подвижнику кажется, что Богъ не печется о немъ и ему одному отказываетъ въ своей помощи; тогда все благое представляется ему мерзскимъ. Борьба съ унынiемъ, особенно пребывающимъ въ безмолвiи, весьма трудна, ибо оно приводитъ безмолвника въ отчаяніе». Седьмой — тщеславія, которое ведетъ къ гордости, источнику всякаго зла. Восьмой—гордости. Гордый мерзокъ предъ Богомъ; «Богъ оставляетъ его, и онъ колеблется какъ листъ, какъ прахъ».

Средства противъ главныхъ помысловъ и страстей суть слѣдующія. Помыслъ надобно отсѣкать въ самомъ началѣ, ибо «дознано, что за благими помыслами являются лукавые, страстные: при этомъ удерживать частое дыханіе и творить Іисусову молитву. Когда отъ частаго призыванія Господа изнеможетъ умъ и заболитъ тѣло, — перейти къ пѣнію». Говоря о невоздержаніи, св. Нилъ излагаетъ ученіе о родахъ пищи, мѣрѣ и времени употребленія ея. Можно «вкушать отъ всѣхъ брашенъ, и сладкихъ, но умѣренно. Если ты имѣешь крѣпкое тѣло, утомляй его; если немощное, покой его, хотя мало. При воздержаніи — входятъ всѣ добродѣтели». Относительно прочихъ помысловъ проповѣдникъ говоритъ слѣдующее. «Человѣкъ, чистый отъ скверныхъ мыслей, особенно любезенъ Богу. Избѣгающему гнѣва обѣщано усыновленіе Божіе. Скорбь надобно переносить благодушно и молиться за оскорбившихъ; что кажется безполезнымъ теперь, то можетъ быть полезнымъ послѣ». Относительно гордости. «Люби молчаніе, удаляйся споровъ, не высься въ бесѣдахъ. Встрѣчаясь съ людьми, кланяйся имъ первый; въ собраніи избирай послѣднее мѣсто. Носи самыя худыя ризы, люби чорныя и низкія работы» [1]). Вообще, уставы въ высшей степени развиваютъ ученіе объ отсѣченіи своей воли и пристрастій, о жизни духовной и самоотверженіи.

Нравственное значеніе аскетической проповѣди и приложимость ея къ жизни.

Нравственное христіанское ученіе достигаетъ высшаго развитія и напряженности въ аскетическомъ проповѣдничествѣ и особенно въ поученіяхъ Нила сорскаго. Въ этихъ поученіяхъ рѣшаются основные вопросы нравственности о жизни и дѣйствіяхъ души, ея поврежденности, вмѣнимости и отвѣтственности самыхъ сокровенныхъ мыслей и движеній, и средствахъ къ исправленію ея. Уже по самой важности и отвлеченности этихъ вопросовъ можно заключать, что рѣшеніе ихъ не подъ силу нашимъ проповѣдникамъ, незнавшимъ другого образованія, кромѣ односторонней начитанности отеческихъ писаній, безпорядочно изложенныхъ въ толстыхъ сборникахъ. Дѣйствительно, какъ въ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ русскіе проповѣдники пользовались св. отцами, особенно Златоустымъ, Ефремомъ и Василіемъ, и прикрывались ихъ именами, такъ и въ чисто аскетической проповѣди они пользовались ученіемъ греческихъ подвижниковъ. Всѣ уставы и опредѣленія монашеской жизни въ Россіи сдѣланы по указанію Василія великаго, Ефрема, Ѳеодора студита, Іоанна синайскаго и другихъ [2]). И самое основное ученіе нравственности о помыслахъ и внутреннихъ состояніяхъ души заимствовано св. Ниломъ у аскети-

[1]) Преп. Нила сор. преданіе ученикомъ, 1849 г.
[2]) Ист. Русск. Церк. пр. Макарія IV, 215.

ческихъ проповѣдниковъ: Макарія египетскаго, Ефрема и Исаака сирина, особенно Нила и Іоанна синайскаго, Ѳеодора студита, Симеона новаго богослова и другихъ, какъ показываютъ его ссылки на св. отцовъ. Это же ученіе находится въ аскетическомъ сборникѣ «Добротолюбіи». Аскетическое ученіе, какъ врачевство нравственности, указывающее средства противъ зародышей грѣха, требуетъ подробнаго изслѣдованія, такъ какъ отъ него зависитъ правильное устроеніе жизни. Большая или меньшая правильность изложенія малодоступнаго ученія о зарожденіи грѣха и средствахъ противъ помысловъ и страстей условливаетъ большую или меньшую приложимость этого ученія къ нравственнымъ поступкамъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ послѣдовательнаго разъясненія этихъ важныхъ вопросовъ нетолько у русскихъ, но и у греческихъ проповѣдниковъ аскетизма, и у Нила синайскаго — объ осьми помыслахъ. И въ самомъ началѣ невидно изъ ихъ ученія, какимъ образомъ установилась связь между помыслами и злыми духами? и по какому праву они возмущаютъ душу, подвергая ее отвѣтственности? Слѣдя развитіе страстей, не видимъ причины числа основныхъ грѣховныхъ помысловъ, а также взаимной между ними причинности и внутренней связи. Связь эта разъясняется только отчасти, напр. «мысленная борьба начинается съ помысла невоздержанія, ибо отъ этого палъ Адамъ»... Большая же часть подобныхъ вопросовъ предоставляется рѣшенію читателя. Такимъ образомъ, это высокое и благодѣтельное ученіе не производитъ того естественнаго, неодолимаго впечатлѣнія на душу, какое неразлучно бываетъ съ послѣдовательнымъ развитіемъ нравственныхъ истинъ. Напр. за невоздержаніемъ слѣдуетъ сладострастіе, удовлетворяющее чувствамъ; далѣе—сребролюбіе, дающее средства къ подобнымъ удовлетвореніямъ, и т. д. Но откуда наконецъ выраждается гордость? она есть усиліе униженной страстями природы скрыть свои недостатки подъ мнимыми достоинствами. По причинѣ этой лживости, нравственнаго высокомѣрія при внутреннемъ разстройствѣ, гордость ненавистна людямъ и особенно мерзска предъ Богомъ, Существомъ совершеннымъ.

При такомъ научномъ взглядѣ на зарожденіе страстей, и врачевства противъ нихъ перестаютъ быть отрывочными правилами, и поражаютъ своею связію съ грѣхомъ, болѣзнями души. Напр. «кланяйся первый, люби молчаніе, избирай послѣднее мѣсто, носи худыя ризы, исполняй черныя работы»; понятно почему, чтобы избавиться отъ лживости и нравственнаго высокомѣрія. Однимъ словомъ: аскетическое ученіе высокое, отвлеченное и трудное къ уразумѣнію, при отрывочномъ изложеніи становится мало понятнымъ и убѣдительнымъ. Поэтому, между прочимъ, во всѣ времена оно подвергалось нареканіямъ и искаженіямъ, какъ естественное и противное бренной природѣ человѣка. Особенно же во времена матеріализма, при полномъ обнаруженіи чувственности, аскетизмъ подвергается возраженіямъ относительно его приложимости къ жизни. Не слишкомъ ли, говорятъ, идеальна нравственность, проповѣдуемая аскетами, и вмѣсто ожидаемой пользы не причиняетъ ли она вреда обществу? При послѣдовательномъ же и строго научномъ изложеніи, это высокое и малодоступное ученіе обнаруживаетъ всю свою убѣдительность, важность и нравственное значеніе. Оно показываетъ глубокую порчу души въ самыхъ

ея помышленіяхъ, невольныхъ ощущеніяхъ и зависимость отъ злыхъ духовъ, по силѣ грѣха, и необходимость горькаго врачевства, трудныхъ подвиговъ для кореннаго уврачеванія ея. При этомъ не только падаютъ возраженія относительно приложимости аскетизма къ жизни, но становится очевидною необходимость врачевать имъ матеріалистическіе нравы, унижающіе природу человѣка. Но если древніе проповѣдники не владѣли научными пособіями къ точному и послѣдовательному изложенію аскетическаго ученія, то они имѣли другое средство, болѣе убѣдительно поясняющее это ученіе и его приложимость къ жизни. Мы разумѣемъ церковно-историческую литературу, наполненную житіями святыхъ, и самую живую отрасль ея—предсмертныя завѣщанія, похвальныя слова святымъ и—на праздники церковные. Недосказанное въ теоріи поясняло примѣрами и подвигами святыхъ, въ завѣщаніяхъ, похвальныхъ словахъ имъ, и проч. И для простой мысли предковъ, руководившихся вѣрою и чувствомъ, примѣръ былъ убѣдительнѣе всякой теоріи.

Проповѣдничество церковно-историческое.

Мы познакомились съ содержаніемъ нравственно-аскетической проповѣди, ея высокими правилами, которыя не легко можно было согласить съ чувственными нравами предковъ. Но кромѣ общихъ причинъ, развивавшихъ аскетизмъ въ древней Руси, утвержденію его ближайшимъ образомъ содѣйствовало проповѣдничество *церковно-историческое*. Оно состояло изъ прощальныхъ граматъ пастырей, духовныхъ завѣщаній подвижниковъ, надгробныхъ словъ имъ, похвальныхъ словъ святымъ, и словъ на церковные праздники.

Граматы и завѣщанія имѣютъ характеръ церковныхъ поученій или словъ (при обычной тогдашней безъискуственности изложенія и отсутствіи въ мысляхъ формы логической), и окончательно характеризуютъ монашеское настроеніе древней Руси. «Словами» ихъ называютъ лучшіе историки наши [1]). Опустить изъ виду столь важную отрасль древняго проповѣдничества, наравнѣ съ монастырскими уставами, значило бы сдѣлать невознаградимую потерю для уразумѣнія духа и характера той эпохи. Всѣ этого рода поученія, особенно граматы и завѣщанія, касаясь жизни подвижниковъ, показывали достоинство вѣры и правилъ, которыми они руководились, суетность земныхъ благъ, и изображали вѣчныя блага, какъ награду за подвиги и лишенія земной жизни. Они содержали въ себѣ церковно-историческія свѣдѣнія, и не рѣдко трогательныя увѣщанія ко всѣмъ христіанамъ, духовенству и судіямъ, жить благочестиво, въ покаяніи, и исполнять дѣла своего званія. Нѣкоторыя поученія, особенно граматы и завѣщанія содержатъ въ себѣ мудрые практическіе совѣты и рѣдкія историческія свѣденія. Торжественность поминовенія и смерти и печальные обряды погребенія придавали особенную силу, наглядность и убѣдительность всѣмъ этимъ поученіямъ. Смертный одръ и катафалкъ, останки почившаго или день памяти его, его прощаніе и послѣднія наставленія, какъ бы изъ за-гробнаго міра, тысячи народа стекшагося на погребеніе и поминовеніе, послѣднее цѣлованіе, слезы молящихся, пѣніе и величественный образъ схимы, въ которую облекались многіе умирающіе

[1]) Ист. Рус. Церк. пр. Мак. IV, 85.

пастыри, производили глубокое и потрясающее впечатлѣніе. И это впечатлѣніе не было мимо-текущимъ; ибо прощальныя слова, какъ исполненныя особенной силы и торжественности, заносились въ сборники, и наравнѣ съ патериками и житіями святыхъ составляли любимое чтеніе предковъ. Не даромъ же лѣтописцы отзываются съ восторгомъ о прощальныхъ граматахъ; а грамату св. Кипріана лѣтописецъ назвалъ «чудною, исполненною истиннаго смиренія и любомудрія». Такимъ образомъ, этого рода поученія, проникнутыя аскетизмомъ, своею обстановкою, наглядностію и убѣдительностію придавали особенную силу и твердость отвлеченнымъ правиламъ нравственно-аскетическаго проповѣдничества, и примиряли чувственные нравы предковъ съ трудностями христіанской жизни и строгостію аскетическаго идеала.

Прощальныя граматы, духовныя завѣщанія и похвальныя слова святымъ.

Прощальныя граматы. Прощальныя граматы введены у насъ митр. Кипріаномъ, въ началѣ XV в., въ эпоху самаго сильнаго развитія монашества. Образцомъ для подобной граматы могли послужить духовныя завѣщанія греческихъ подвижниковъ, которыми наполнены четьи-минеи. Побужденіемъ личнымъ къ написанію граматы или прощальнаго слова была, конечно, превратность жизни св. Кипріана. Онъ съ большими усиліями и неправдами добился русской митрополіи; но исправился, при особенности своихъ дарованій и чувствѣ неизбѣжности смерти, все истребляющей [1]). И съ

[1]) Ист. Рус. Цер. пр. Мак. IV, 59.

какою горечію отзывается въ его граматѣ это чувство превратности земной! Исповѣдавъ вѣру, святитель прощается со всѣми; благословляетъ тѣхъ, кто помиловалъ его въ трудныхъ путяхъ, въ земляхъ различныхъ, и заканчиваетъ рѣчь трогательнымъ размышленіемъ о суетѣ жизни. «Увы страсти, увы мнѣ! Нагъ вышелъ я, нагъ отойду. Что тружусь и смущаюсь напрасно, зная конецъ жизни, видя, какъ всѣ мы идемъ съ плачемъ во гробъ? Начало и конецъ — плачъ! Что же въ серединѣ? Сонъ, тѣнь, мечтаніе! Во многомъ сплетеніи жизни все проходитъ, какъ цвѣтъ, какъ прахъ, какъ тѣнь».. [1]). При чтеніи этой граматы успенскій соборъ огласился рыданіемъ. И съ тѣхъ поръ (1406 г.) вошло въ обыкновеніе читать прощальныя граматы при погребеніи святителей. Этотъ новый родъ поученій, вполнѣ отвѣчавшій монашескому настроенію древней Руси, пришелся по вкусу нашимъ предкамъ. Они видѣли въ прощальныхъ граматахъ выраженіе нравственной зрѣлости почившаго, его духовной мудрости и какъбы выраженіе воли небесной. Поэтому, отвѣчая духу времени, стали писать граматы и завѣщанія не только митрополиты и патріархи, но и епископы, игумены, а наконецъ свѣтскія лица, князья и цари. Въ этихъ граматахъ завѣщатели главнымъ образомъ изображали суетность жизни, необходимость добродѣтели и благъ вѣчныхъ. И такимъ образомъ вся Россія, въ разныя времена, оглашалась покаяннымъ тономъ прощальныхъ граматъ, призываніемъ къ добродѣтели и жизни вѣчной. И тысячи народа, стекавшіяся на погребеніе благочестивыхъ завѣщателей, или имѣвшія возможность

[1]) Полн. собр. лѣтоп. V, 254.

читать ихъ граматы и завѣщанія въ сборникахъ, получали духовное назиданіе, аскетическій взглядъ на жизнь, и готовились къ будущему вѣку. Были примѣры, особенно въ монашествѣ, какъ видимъ въ житіяхъ святыхъ, что впечатлительные люди, выслушавъ предсмертное завѣщаніе, и проникшись сознаніемъ суеты земной, совершенно измѣняли образъ жизни, уединялись для строгихъ подвиговъ, и сами писали завѣщанія, дѣйствуя на другихъ словомъ и примѣромъ. Чтеніе прощальныхъ граматъ было въ полномъ употребленіи на Руси болѣе 300 лѣтъ, вплоть до реформы, и даже до царствованія Елисаветы; а съ тѣхъ поръ, вѣроятно вслѣдствіе вліянія европейскаго просвѣщенія и ослабленія монашества, это благочестивое обыкновеніе стало ослабѣвать. Разборъ прощальныхъ граматъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, какъ выраженія аскетическаго духа Россіи, и полезныхъ историческихъ фактовъ, за огромный періодъ времени, ждетъ еще своего историка.

Извѣстныя прощальныя граматы: митр. Фотія, — отчотъ въ тревогахъ по управленію паствою. «Прощальная грамата» митр. моск. Симона. «Прощальная грамата» митр. кіев. Іосифа. «Духовное завѣщаніе» митр. Макарія, весьма умилительное. «Посланіе умирающаго ко всѣмъ христіанамъ» Ѳеодосія архіеп. новгородскаго [1]).

Мы укажемъ на одну грамату, или завѣщаніе, болѣе другихъ замѣчательную въ проповѣдническомъ и историческомъ отношеніи, и самую обильную содержаніемъ. Это «завѣщаніе свят. Митрофана» воронежскаго (въ 11 листовъ). Кромѣ обычнаго исповѣданія вѣры, увѣщанія духовенству, судіямъ, правителямъ и всѣмъ христіанамъ проходить свое званіе честно и свято, святитель даетъ въ завѣщаніи практическіе совѣты, почерпнутые изъ долговременнаго опыта. «Употреби трудъ и храни умѣренность,—богатъ будешь. Пей воздержно и ѣшь мало,—будешь здоровъ. Твори благое, избѣгай зла,—будешь спасенъ.» Эти изреченія, какъ близкія къ жизни и благу каждаго, пользуются извѣстностію. Завѣщаніе свят. Митрофана содержитъ въ себѣ рѣдкія свѣденія о его жизни и поясняетъ, съ одной стороны, обстановку, которою сопровождалось чтеніе подобныхъ поученій, и съ другой стороны обширное назиданіе, внушаемое ими. Умирающій святитель проситъ облечь его въ великій схимонашескій образъ, по примѣру св. греческихъ архіереевъ и патр. Іоакима, «онъ бо заповѣда о себѣ, и намъ образъ предалъ»; а также совершать по немъ поминовеніе во всей епархіи полгода, а въ соборѣ годъ. Сколько при этомъ было молящихся!.. При погребеніи же святителя присутствовали многія тысячи, и Петръ I, съ чинами. [1]) Изъ граматъ, написанныхъ свѣтскими лицами, заслуживаетъ особеннаго вниманія, по своей обширности и назидательности, грамата Ивана грознаго [2]).

Духовныя завѣщанія. Духовными завѣщаніями назывались предсмертныя наставленія подвижниковъ-настоятелей братіи. Эти наставленія были подражаніемъ такимъ же наставленіямъ греческихъ подвижниковъ, какъ видно изъ житій святыхъ. Въ сущности, они были сокращеніемъ монастырскихъ уставовъ, краткимъ напоминаніемъ тѣхъ правилъ, которыми опредѣлялась монашеская жизнь, и слѣдовательно окончательнымъ утвержденіемъ ихъ. Въ предсмертныхъ завѣщаніяхъ св.

[1]) Ист. Акт.

[1]) Опис. воронеж. епархіи.
[2]) Ист. Карам. IX, 741 примѣч.

настоятели умоляли братію твердо хранить заведенныя ими правила, пребывать въ послушаніи, трудахъ, бдѣніи, постѣ и молитвахъ, и въ награду за это обѣщали испросить у Бога обиліе духовныхъ и земныхъ благъ. Вообще, всѣ эти духовныя завѣщанія, помѣщенныя въ житіяхъ святыхъ, служатъ повтореніемъ, часто буквальнымъ, одной и той же матеріи, и при всемъ томъ они имѣли большое вліяніе на утвержденіе въ Россіи монашескаго духа. Какъ прощальныя граматы святителей утверждали въ народѣ высокія правила нравственно-аскетической проповѣди, такъ духовныя завѣщанія или предсмертныя наставленія настоятелей утверждали въ монашествующихъ правила чистаго аскетизма. Торжественность кончины подвижниковъ, прощаніе съ братіей, нерѣдко совершаемыя при этомъ молитвы, кажденіе и другіе обряды, придавали завѣщаніямъ ихъ особенную назидательность и убѣдительность. Эту убѣдительность возвышало проявленіе благодати и особенныхъ знаменій, нерѣдко освящавшихъ кончину праведника и свидѣтельствовавшихъ о богоугодности жизни его. Слѣдствіемъ этого было точное и неуклонное соблюденіе строгихъ уставовъ, особенно въ знаменитыхъ обителяхъ. «Какъ самъ Кириллъ (бѣлозерскій), говоритъ Іосифъ волоколамскій, имѣлъ постоянно попеченіе о монастырскомъ благочиніи, таковы же были послѣ него и ученики... Многіе имѣли такое попеченіе объ иноческомъ житіи и постничествѣ, и до того преуспѣвали въ божественной любви, что никогда не занимались земнымъ, но всегда возносили умъ къ божественному свѣту.» За неуклонное соблюденіе завѣщаній св. настоятелей иноки подвергались даже гоненіямъ. «Имѣя преданія его (Кирилла) въ своихъ

сердцахъ, продолжаетъ св. Іосифъ, они никакъ не допускали безчиннымъ людямъ (нарушать ихъ). Объ этомъ они всегда заботились, не только по отношенію къ инокамъ, но и настоятелямъ». Нѣкоторые настоятели пренебрегали постановленія св. Кирилла, а обличавшихъ ихъ иноковъ часто подвергали тяжкимъ побоямъ [1]). Слѣдствія столь высокаго благочестія иноковъ и нравственное вліяніе ихъ на мірянъ, какъ увидимъ, были весьма велики.

Образцомъ духовныхъ завѣщаній, утверждавшихъ монастырскія правила и жизнь аскетическую, можно признать самое древнее и полное завѣщаніе св. Антонія римлянина (1148 г.), помѣщенное въ житіи его; а самое житіе изображаетъ и трогательную обстановку предсмертнаго завѣщанія. Св. Антоній призвалъ къ себѣ братію и сдѣлалъ ей такое наставленіе. «Вотъ, я отхожу отъ жизни сей къ Господу. Молитесь, да избѣгну воздушныхъ мытарствъ, ибо я грѣшенъ. Изберите себѣ игумена, отца и учителя, и будьте у него (въ послушаніи), въ трудахъ, во бдѣніи, въ молитвахъ, постѣ и слезахъ. О своемъ (призваніи) и спасеніи не нерадите. Милостыни и страннолюбія не забывайте... И да ничто же оставится отъ монастырскихъ законовъ, св. апостолъ и пророкъ, и вселенскихъ соборовъ; и весь чинъ монастыря сего, и обычаи, уставленные нашимъ смиреніемъ (соблюдайте). Хотя я и отхожу тѣломъ, но духомъ всегда пребуду съ вами. И если обрящу благодать у Бога, то обитель сія умножится братіей и всякимъ обиліемъ, духовнымъ и тѣлеснымъ». И наставивъ ихъ довольно, каждаго цѣло-

[1]) Ист. Рус. Цер. пр. Мак. IV, 224.

валъ лобзаніемъ духовнымъ и благословилъ. Потомъ усердно молился, говоря: «Господи, избави меня отъ князя воздушнаго, да не обрящетъ оклеветать меня! И тако да явлюся предъ тобою чистъ и непороченъ, и сподоби мя воспріяти благая, егда пріидеши воздати комуждо по дѣломъ его». И велѣлъ покадить себя и пѣть отходную; всѣхъ знаменовалъ крестомъ, перекрестилъ лицо свое и сказалъ: «миръ всѣмъ!» И возлегъ на одръ, отъиде къ Богу, въ вѣчный покой. Братія же плакали великимъ рыданіемъ и говорили съ умиленіемъ: «добрый нашъ пастырю и учителю! къ кому нынѣ прибѣгнемъ? отъ кого насладимся медоточивыхъ словесъ ученій? и кто попечется о душахъ нашихъ? Ты въ тлѣнномъ житіи имѣлъ попеченіе о нашемъ смиреніи, не остави насъ, угодниче Спасовъ, и по твоемъ отшествіи» [1]).

Подобныя завѣщанія излагались въ житіяхъ святыхъ и вмѣстѣ съ ними, какъ и прощальныя граматы святителей, составляли любимое чтеніе предковъ, особенно монаховъ. Духовныя завѣщанія особенно процвѣтали въ XV—XVI вѣкахъ, когда устанавливались правила монашества и возникали великіе подвижники, съ любовію руководившіе другихъ къ нравственному совершенству. Таковы Кириллъ бѣлоезерскій, Сергій и Павелъ обнорскій, Александръ и Евѳимій куштскій, Савва вишерскій, Макарій унженскій, и многіе другіе. Съ XVII вѣка проповѣдничество этого рода ослабѣваетъ, конечно вслѣдствіе установки правилъ монашескихъ и чисто формальнаго отношенія между настоятелями и ихъ подчиненными.

[1]) Жит. пр. Антонія рим. Правосл. собес. 1858 г. іюнь.

Самыя замѣчательныя завѣщанія по своему аскетическому духу и вліянію на нравы слѣдующія.—«Завѣщаніе духовное» св. Кирилла бѣлоезерскаго (1427 г.); «Завѣщаніе» (и общежительный уставъ) св. Евфросина псковскаго (1481 г.); «Завѣщаніе братіи» Иннокентія, ученика Нила сорскаго; «Завѣщаніе или духовная грамата» св. Александра свирскаго; «Завѣщаніе» пр. Ѳеодосія тотемскаго; и таковое же преп. Трифона печенгскаго; и особенно «Завѣщаніе» св. Нила сорскаго. Св. Нилъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи между прочимъ говоритъ ученикамъ: «мое стараніе, сколько силы есть, было въ томъ, чтобы ни въ жизни, ни по смерти, не удостониться никакой чести и славы вѣка сего». И потому онъ велѣлъ «тѣло свое, много согрѣшившее Богу, съ безчестіемъ закопать въ яму, или бросить его въ пустынѣ, на съѣденіе звѣрямъ». Преп. Трифонъ тоже даетъ уроки полнаго отрѣшенія отъ міра. «Любите Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и другъ друга. Иночество храните честно... Стремитесь туда, гдѣ нѣтъ смерти и тмы, но вѣчный свѣтъ. Не любите міра, и того, что въ немъ. Окаянный міръ волнуется вѣтрами нечестивыхъ духовъ; всюду простираетъ плачъ и пагубу, и наконецъ все осуждаетъ смертію». Въ заключеніе преподобный со слезами предсказалъ нападеніе на обитель нѣмцовъ и избіеніе братіи, что вскорѣ сбылось, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ [1]).

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ настоятелей нерѣдко содержатся домашнія распоряженія и историческія свѣдѣнія о монастыряхъ и ихъ настоятеляхъ. Такъ, въ завѣщаніи св. Антонія находятся свѣденія о способѣ избранія въ древности игуменовъ, о монастырской землѣ, угодьяхъ, и средствахъ, какими пріобрѣталъ ихъ св. Антоній. Не распространяемся о томъ, что подобныя завѣщанія подвижниковъ стоятъ въ связи съ ихъ житіями; и потому они, наравнѣ съ прощальными граматами, отнесены къ церковно-историческому отдѣлу.

Похвальныя слова святымъ, и надгробныя. Граматы и завѣщанія служили сокращеніемъ и какъ бы заключеніемъ нравственно-аскетической проповѣди; торжественностію своего тона, въ видѣ послѣдняго приговора, онѣ одобряли и утверждали достоинство ея правилъ. Похвальныя и надгробныя слова, представляя

[1]) Правос. собес. 1859 г. май.

отвлеченныя правила аскетизма въ наглядныхъ примѣрахъ, придавали имъ увлекательность и жизнь, и тѣмъ окончательно возвышали ихъ нравственное значеніе, убѣдительность и обязательность.

Похвальныя слова, изображая нравственно-аскетическое ученіе въ примѣрахъ и фактахъ дѣйствительной жизни, отражаютъ въ себѣ духъ времени и стремленій народа; и хотя они составляютъ подражаніе похвальнымъ словамъ греческимъ, но проникнуты и особымъ направленіемъ, выражающимъ духовную жизнь русскаго народа. Въ греческомъ проповѣдничествѣ, подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, наибольшее количество похвальныхъ словъ написано мученикамъ, и лучшія изъ нихъ—Василія великаго (наиболѣе одушевленное – св. Гордію). Въ русскомъ проповѣдничествѣ, подъ вліяніемъ аскетизма, наибольшее количество похвальныхъ словъ написано св. подвижникамъ, особенно XV вѣка, времени высшаго развитія монашества. Въ похвальныхъ словахъ русскимъ святымъ можно примѣчать и частныя историческія черты. Подвижники первыхъ вѣковъ,—начала христіанства въ Россіи, и XIV—XV вѣковъ, —распространенія его на сѣверѣ, восхваляются и за миссіонерскую проповѣдь, просвѣщеніе язычниковъ. Наиболѣе древнія похвальныя слова отличаются простотою изложенія, сравнительно съ позднѣйшими. Слова XV—XVI вѣковъ отличаются напыщенностію и византійскимъ слогомъ, введеннымъ у насъ митр. Кипріаномъ, Фотіемъ и Цамблакомъ. И вообще, риторика преобладаетъ въ похвальныхъ словахъ, при чемъ особеннымъ употребленіемъ пользуются двѣ фигуры или общія мѣста. Фигура *обращенія* изобрѣтена Цицерономъ; она состоитъ въ призываніи людей отсутствующихъ и умершихъ и даже неодушевленныхъ предметовъ, для оживленія рѣчи. Фигура *раздѣленія* состоитъ въ перечисленіи частей цѣлаго, или видовъ какого либо рода; призываются напр. къ радости люди всѣхъ состояній, богатые и убогіе, воины и земледѣльцы, рабы и свободные, и. т. д. Эти фигуры, вмѣстѣ съ уподобленіемъ и аллегоріей, въ большомъ употребленіи и въ греческомъ проповѣдничествѣ. Въ похвальныхъ словахъ также встрѣчаются обороты рѣчи, обличающіе подражаніе церковнымъ пѣснямъ, въ видѣ акаѳиста, съ частымъ повтореніемъ: «радуйся!» Отсутствіе плана и логическаго порядка особенно замѣтно въ похвальныхъ словахъ, при наглядности мыслей и картинности изложенія. Похвальныя слова даже не всегда выдерживаютъ свою форму. Нерѣдко они содержатъ въ себѣ нравственно-аскетическія наставленія и обличенія пороковъ, или изображаютъ жизнь святыхъ и чудеса ихъ, или соединяются съ житіями.

Похвальныя слова русскимъ святымъ.

Первое похвальное слово написано св. Иларіономъ св. Владиміру, въ которомъ прославляетъ его за обращеніе Россіи въ христіанство. Слово написано по византійскимъ образцамъ, и потому отличается не столько внутреннимъ развитіемъ предмета, сколько внѣшнимъ блескомъ, фигурами. Въ концѣ слова фигура обращенія занимаетъ цѣлую страницу. «Встань отъ гроба, честная глава... Отряси сонъ, возведи очи!.. Встань, посмотри на сына своего!..» и т. д. [1]). Слово это имѣло вліяніе на

[1]) Акт. арх. эксп. 1, 258.

русскихъ писателей и служило образцомъ для подражанія. Другое похвальное слово св. Леонтію, епис. ростовскому, (сказано около 1164 г.); оно прославляетъ святого за его миссіонерскіе подвиги, но болѣе содержитъ въ себѣ наставленій и обличеній пороковъ, написано фигурами. «Поистинѣ это есть вода живая (проповѣдь), которую сей святый, преславный нашъ учитель источилъ, и напоилъ всю нашу страну, и всѣхъ содѣлалъ христіанами, малыхъ и великихъ, рабовъ и свободныхъ, юношей и старцевъ, богатыхъ и убогихъ» [1]). Въ самыхъ житіяхъ русскихъ святыхъ нерѣдко находимъ похвалы имъ за миссіонерскіе подвиги. Такъ, въ житіи св. Авраамія ростовскаго восхваляется его апостольская ревность къ просвѣщенію язычниковъ. «Радуйся отче, которымъ мы познали свѣтъ (вѣры) и избавились отъ тьмы (грѣховной). Ты взоралъ землю сердецъ невѣрныхъ людей св. крещеніемъ и насѣялъ (ихъ) св. книгами, поученіемъ божественныхъ словесъ», и т. д. [2]).

Похвальное слово инока Зиновія изображаетъ жизнь св. Зосимы соловецкаго, и его аскетическіе подвиги, во вкусѣ XV вѣка. Слово это служитъ образцомъ подобнаго рода сочиненій относительно искусственнаго одушевленія предметомъ и подробнаго, растянутаго изложенія его. Въ немъ картинно и напыщенно представлены, съ одной стороны, внутреннiе подвиги святого — постъ, молитва, бдѣніе, а съ другой стороны — борьба съ грозною природой и бѣсами въ видѣ звѣрей. Нравственное мужество подвижника, его полное самоотверженіе и стойкость въ опасностяхъ свидѣтельствуютъ о силѣ благодати, красотѣ добродѣтелей, и возбуждаютъ чувство покаянія [1]). Другое похвальное слово инока Зиновія — св. Савватію соловецкому [2]). Это слово служитъ образцомъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ вмѣстѣ съ житіемъ и чудесами святого соединена похвала его аскетическимъ подвигамъ. Оба слова написаны около 1566 г., въ византійскомъ вкусѣ. Рѣчь испещрена всевозможными фигурами, уподобленіями, аллегоріями, и крайне растянута. Похвальное слово на перенесеніе мощей Зосимы и Савватія [3]) написано въ видѣ акаѳиста, съ частымъ повтореніемъ: «радуйтеся отцы!» начинается словами: «благослови отче!» оканчивается славословіемъ Троицы. Подобною же витіеватостію отличаются слѣдующія похвальныя слова: «Плачъ пермской» инока Епифанія [4]), въ которомъ прославляются миссіонерскіе подвиги свят. Стефана. «Похвальное слово преп. Сергію» [5]) тогоже автора («что же много глаголю, и глаголя не престаю, умножаю рѣчь, распростирая глаголы, и продолжая слово, не могій — похвалити достойно»). «Похвала преп. Димитрію прилуцкому» вмѣстѣ съ житіемъ его и чудесами, — игумена Макарія, написана въ формѣ акаѳиста, съ частымъ повтореніемъ: «радуйся!»

Достойны упоминанія въ историческомъ отношеніи слѣдующія слова: слово въ день Бориса и Глѣба (похвальное) [6]). Похвальное слово о. Андрея

[1]) Чет.-минея соловец. 23 мая. Правос. собес. 1858 г. мар.
[2]) Сбор. солов. библ. № 826.

[1]) Правос. собес. 1859 г. авг.
[2]) Правос. собес. 1859 г. окт.
[3]) Правос. собес. 1859 г. ноябр.
[4]) Памят. стар. р. литер. IV, 119.
[5]) Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V, 237.
[6]) Изслѣд. Погод. VII, 406.

кн. Михаилу и боярину Ѳеодору; изображаетъ ихъ мученіе.. [1]). Похвальное слово митр. Кипріану, Цамблака... Похвальное слово Саввѣ вишерскому, Геласія... Похвальныя слова Пахомія Логофета (1471 г.): преп. Варлааму, въ которомъ обличаетъ іудеевъ, митр. Петру; на обрѣтеніе мощей митр. Петра и Іоны... Похвальное — Діонисію глушицкому, Архіепископу (1492 г.).

Похвальныя слова русскимъ святымъ значительно умножились съ XV вѣка, съ одной стороны вслѣдствіе особеннаго процвѣтанія монашества, а съ другой стороны вслѣдствіе начавшейся централизаціи русскаго государства. Съ сосредоточеніемъ государственной власти въ лицѣ московскаго князя стали объединяться не только политическіе, но и религіозные вопросы отдѣльныхъ областей. Поэтому святые новгородскіе, пермскіе, вологодскіе и т. д. стали прославляться во всей Россіи, особенно съ XVI вѣка (стоглавый соборъ, великія четьи-минеи). Житія святыхъ, съ похвальными словами, читались во дни памяти ихъ, и такимъ образомъ постепенно пріобрѣтали всеобщую извѣстность въ Россіи. И чѣмъ болѣе жизнь святого соприкасалась не только съ нуждами Церкви, но и съ интересами устроявшагося государства, тѣмъ болѣе она возбуждала сочувствія въ народѣ, вызывала большее число панегиристовъ, и расходилась во множествѣ экземпляровъ. Житія такихъ святыхъ, съ похвальными имъ словами, развивали не только господствовавшій въ Россіи аскетическій идеалъ, но и патріотизмъ, чувства удивленія, любви и благодарности. Поэтому напр. житіе св. Стефана, окрестившаго Пермь, имѣло нѣсколько списковъ, и похвала ему названа знаменательными словами: «плачъ пермскихъ людей». А житія Зосимы и Савватія соло-

[1]) Собр. лѣт. V, 182.

вецкихъ, съ похвальными словами имъ, имѣли наибольшее количество списковъ [1]). И неудивительно, ибо они окрестили сѣверъ Россіи и насадили тамъ монашество. «Многіе народы (ижора, чудь, лопари), говоритъ житіе, которые жили подобно звѣрямъ, въ пустыняхъ, трудами святыхъ обратились въ православную вѣру. И многіе изъ нихъ, приходя въ обитель преподобныхъ, «остризаху власы главы своея, бывающе мниси». Конечно, неумѣренная витіеватость, съ особенною силою сказавшаяся въ похвальныхъ словахъ, много вредитъ ихъ ясности и убѣдительности. Но это замѣчаніе вѣрно только по отношенію къ образованному взгляду; а на взглядъ простыхъ предковъ болѣе нравилось «плетеніе словесъ и удобреніе», и они нарочно удобряли простыя сочиненія. Такъ, житіе соловецкихъ святыхъ, написанное Досиѳеемъ «неухищренно, ниже добрословесіемъ», митр. Спиридонъ, по усиленной просьбѣ многихъ, «исправилъ, удобрилъ и добрословіемъ украсилъ» [2]). Похвальныя слова, вмѣстѣ съ надгробными, хотя вообще составляютъ скудную отрасль въ русскомъ проповѣдничествѣ, но все же они посвящены въ большемъ количествѣ русскимъ святымъ, нежели иноземнымъ. Причина тому понятна: жизнь послѣднихъ, представляя нравственно-аскетическое назиданіе, не имѣетъ національнаго интереса. Поэтому въ похвальныхъ словахъ послѣдняго рода еще болѣе замѣтны фигуры и риторическіе обороты, скры-

[1]) Правос. собес. 1859 г. іюнь, 211.

[2]) О похвальныхъ словахъ русскимъ святымъ, съ житіями ихъ, содержащихъ намеки на гражданскія неустройства, особенно въ малолѣтство Грознаго, сказано выше. Здѣсь достаточно повторить относящіеся къ этому предмету цитаты: Рукоп. новгор. соф. библ. № 1424, л. 114. № 1491, л. 165 л. 167.

вающіе недостатокъ мысли и одушевленія предметомъ. Вообще, слова эти отличаются безцвѣтностію содержанія и утомительнымъ многословіемъ. Самая обыкновенная мысль, проводимая въ нихъ,—призываніе къ радости праздника; и по этому поводу расточаются восклицанія и вопрошенія.

Похвальныя слова вообще святымъ, иноземнымъ.

Похвальное слово Клименту римскому [1]) содержитъ историческія свѣденія о немъ и безсвязныя восклицанія. Напр. «тобою русскіе князья хвалятся, святители ликовствуютъ, іереи веселятся, иноки радуются, люди добродушествуютъ... Да возвеселится нынѣ старѣйшій между князьями!.. Да возрадуется старѣйшинствующій между святителями!.. Да ликуютъ граждане!.. Да празднуетъ свѣтло клиръ!..» и проч. Слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ: похвальное слово свят. Николаю [2]), съ краткимъ житіемъ его.—«Вотъ, братіе, настало свѣтлое празднество! подвинемся на добрыя дѣла..» [3]). Похвала угодникамъ, исполнившимъ заповѣди... Похвальное слово ап. Петру и Павлу, митр. Ѳеодосія [4]). Похвальныя слова митр. Цамблака различнымъ святымъ не рѣдко проникнуты строгимъ аскетизмомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ написаны въ Сербіи. Относительно изложенія, всѣ вообще слова проповѣдника отличаются риторизмомъ и выражаютъ вполнѣ характеръ византійской словесности. Похвальное слово отцамъ, просіявшимъ въ постѣ, состоитъ изъ сравненій. Похвальныя слова

[1]) Кіевлян. III, 143.

[2]) Румянц. № 434, 435. XI в.

[3]) Подобное слово на перенесеніе мощей его,—разсказъ о перенесеніи, о чудесахъ и самомъ праздникѣ.

[4]) Собран. Лѣтоп. VI.

прор. Иліи, ап. Петру и Павлу, патр. Евѳимію, великомученику Димитрію и Георгію и 40 мученикамъ имѣютъ предметомъ своимъ жизнь и подвиги святыхъ. Послѣднее слово составляетъ подражаніе такому же слову Василія великаго; предпослѣднее проникнуто особенной энергіей. Вотъ нѣсколько строкъ заключенія: «будемъ подражать и мы страстотерпцу!.. Живописуемъ страданія мученика въ душѣ: то лежащаго на сковородахъ, то простертаго на углѣхъ, то біемаго палицами и жилами, то ввереннаго въ ровъ, то обувеннаго въ желѣзные сапоги, то привязаннаго къ дереву, и разнообразіемъ сей живописи поставимъ обиталище небесному царю...» [1]).

Надгробныя слова по характеру своему сходны съ похвальными, но обнимаютъ болѣе широкій кругъ предметовъ; они произносились вообще надъ людьми благочестивыми, невсегда святыми. Дошедшія до насъ надгробныя слова, въ маломъ количествѣ, свидѣтельствуютъ о древнемъ обыкновеніи чтить память умершихъ похвалами. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: слово о представленіи св. Игнатія ростовскаго; надгробное слово Іосифу волоколамскому — Досиѳея; слово объ усопшихъ, митр. Цамблака.

Слова на праздники церковные. Похвальныя и надгробныя слова придавали силу и убѣдительность отвлеченной нравственно-аскетической проповѣди, поясняя ее фактами, представляя ея правила осуществленными въ примѣрахъ христіанскаго самоотверженія и высокой подвижнической жизни. Туже цѣль оправдывали слова на праздники церковные, но несравненно въ выс-

[1]) Разборъ словъ: Ист. Рус. Цер. пр. Мак. V.

шей степени. Эти слова окончательно утверждали спасительность и непреложность нравственно-аскетическаго ученія, и побуждали къ исполненію его слѣдующими чертами или доводами.

а) Праздничныя слова, наравнѣ съ похвальными, нерѣдко изображаютъ подвиги святыхъ и мученія, понесенные ими за вѣру. И особенную важность придаетъ имъ то обстоятельство, что они изображаютъ подвиги верховныхъ апостоловъ и пророковъ, Матери Божіей и самаго основателя вѣры Іисуса Христа. За подвигами величайшихъ ходатаевъ человѣческаго спасенія обыкновенно слѣдуетъ прославленіе ихъ, награда на небесахъ. Всѣ слова на праздники, особенно господскіе, болѣе или менѣе выясняютъ этотъ предметъ, и указывая въ примѣрахъ высокую цѣль подвижничества и самоотверженія, окончательно убѣждаютъ въ непреложности нравственно-аскетическаго ученія и побуждаютъ къ исполненію его. Мы тогда только оцѣнимъ все нравственное значеніе праздничныхъ словъ, когда взвѣсимъ трудность подвиговъ вѣры, непрекращаемыхъ и невознаграждаемыхъ на землѣ, и немощь природы, нуждающейся въ поддержкѣ и строго опредѣленныхъ цѣляхъ, при нравственномъ направленіи. Устраненіе этихъ цѣлей произвело бы нравственную колеблемость въ самыхъ избранныхъ людяхъ. Безъ поощренія небесными наградами, какъ показываетъ исторія язычества, христіанская добродѣтель исчезла бы.

б) Искуственное изложеніе, которымъ проникнуты праздничныя слова, придавало имъ новую выразительность и убѣдительность. Праздничныя слова преимущественно написаны Кирилломъ туровскимъ, митр. Цамблакомъ и Фотіемъ; а эти проповѣдники усвоили себѣ

тонъ византійской словесности, и потому имѣли особенное вліяніе на слушателей. Фигуральность и символизмъ, подозрительные разсудку, какъ ничего недоказывающіе и нерѣдко запутывающіе предметъ натянутыми сближеніями, благотворно дѣйствуютъ на чувство простыхъ слушателей. Затрогивая область чудеснаго, фигуры и символы придаютъ простымъ мыслямъ поэтическій колоритъ, и тѣмъ обольщаютъ неразвитыхъ слушателей. Это доказывается древнею славою проповѣдниковъ риторовъ, которой они лишены по суду современной науки, требующей внутренняго развитія предмета и непринужденности мыслей. Кирилла туровскаго древность почтила именемъ «златословеснаго учителя, возсіявшаго въ Россіи паче всѣхъ проповѣдниковъ»; Цамблака—именемъ «Григорія архіепископа россійскаго». Кирилла, приверженнаго къ символизму, болѣе уважалъ образованный классъ (Андрей боголюбскій списалъ его поученія); Цамблака, незлоупотреблявшаго этимъ украшеніемъ рѣчи, любилъ весь народъ. И что особенно важно: Цамблакъ хвалилъ своихъ слушателей за то, что они съ радостію принимали его наставленія и исполняли ихъ на дѣлѣ; тогда какъ Кириллъ иногда жаловался на невнимательность своихъ слушателей. Что же касается анонимныхъ поученій на праздники, церковно-историческаго содержанія, то и они, при всей простотѣ изложенія, нечужды поэтической занимательности. Эта занимательность состоитъ въ обиліи апокрифическихъ преданій и вымысловъ, въ родѣ того, что солнце не заходило на пасхальную недѣлю, и т. д. Подобные поэтическіе вымыслы, оживлявшіе простой разсказъ евангелій, поражали предковъ своею чудесностію и возбуждали въ нихъ глубокія религіозныя чувства.

Слова церковно-историческаго содержанія.

Словъ на праздники, церковно-историческаго содержанія, немного; но и въ тѣхъ немногихъ характеръ историческій не выдержанъ вполнѣ. Почти во всѣхъ словахъ этого рода находятся въ смѣси различныя богословскія истины, — догматическія, обличительныя, истолковательныя и т. д. Нерѣдко цѣлая часть слова выражаетъ характеръ притчи, изъясненія, обличенія, похвалы и т. под. Но всѣ такія уклоненія отъ общаго историческаго характера словъ составляютъ не болѣе, какъ исключеніе. Что же касается нравственно-аскетическаго ученія, которымъ проникнуто все древнее проповѣдничество, то въ историческихъ словахъ оно встрѣчается всего менѣе; въ нихъ мало и обыкновенныхъ нравственныхъ приложеній. Слова митр. Фотія проникнуты духомъ покаянія и сокрушенія.

Слова изъ древнихъ сборниковъ.

Слово о воскресеніи Господа [1]) частію взято у Евсевія александрійскаго; «по воскресеніи—день продолжался цѣлую недѣлю»... Слово о погребеніи Іисуса Христа [2]) и плачѣ Богородицы, въ діалогической формѣ; рѣчи Богородицы сходны съ ея плачемъ въ канонѣ великаго пятка. Несомый Спаситель сказалъ Іосифу: «почему несешь меня молча?» велѣлъ пѣть «св. Боже». Съ этимъ словомъ сходно поученіе Кирилла туровскаго на мироносицъ. Слово св. Іакова о вѣрѣ и любви [3]) излагаетъ

[1]) Злат—ка 57-е.
[2]) — 55-е.
[3]) — 41-е.

исторію семи вселенскихъ соборовъ, утвердившихъ православіе. Слово о посѣщеніи Россіи ап. Андреемъ [1]). «Радуйся апостоле, благословивый нашу землю». Слово на покровъ Богородицы [2]),—разсказъ о чудѣ и просьба о помилованіи и спасеніи.

Слова Кирилла туровскаго: въ недѣлю ваій, на пасху, въ недѣлю Ѳомы, о мироносицахъ, о разслабленномъ, о слѣпомъ, на вознесеніе и на соборъ 318 св. отцовъ... «Въ каждомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда вѣрно, иногда произвольно. Краткія евангельскія сказанія большею частію распространяетъ; нѣкоторыя несложныя событія представляетъ въ драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи... Всѣ слова оканчиваются краткимъ назиданіемъ, или повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ».. [3]). Слово св. отца Кирилла [4]) о первозданномъ—краткій разсказъ о паденіи и искупленіи человѣка.

Слова митр. Цамблака: въ недѣлю ваій, въ великій четвертокъ, въ великій пятокъ, на вознесеніе, на рождество и на успеніе Богородицы. Въ нихъ раскрываются извѣстныя историческія событія, приличныя каждому

[1]) Прологъ 30 ноября.
[2]) Тамъ же.
[3]) Разборъ словъ: Ист. Русск. Цер. пр. Мак. III, 127. Слова изданы Сухомлиновымъ.
[4]) Правосл. собес. 1859 г., февр.

упомянутому празднику. Характеръ словъ запечатлѣнъ подражательностію св. отцамъ, особенно Златоусту; и потому слова сіи не имѣютъ близкаго отношенія къ жизни. Въ словѣ на великій четвертокъ, говоря о причащеніи, проповѣдникъ обличаетъ латинянъ за опрѣсноки. Изложеніе словъ чисто риторическое, и почти каждая мысль выражена фигурально. «Крститель нынѣ раждается, и кто не возрадуется? Предтеча является, и кто не возвеселится? Воинъ грядетъ, и кто не притечетъ? Гласъ слова вопіетъ, и кто не услышитъ? Всѣ встрѣчаемъ, всѣ радуемся, всѣ празднуемъ»... и т. д.

Слова митр. Фотія на благовѣщеніе, срѣтеніе и недѣлю православія. Въ первомъ словѣ изложенъ разсказъ о чудѣ, по случаю котораго составленъ акаѳистъ Богоматери, и явленіи креста Константину великому. Во второмъ—о событіи праздника и восхваляетъ св. Симеона. «Онъ какъбы выше ангеловъ, потому что удостоился видѣть невидимаго и принять на руки свои»... Въ третьемъ—краткая исторія иконоборства и торжества православія. Эти слова содержатъ въ себѣ и нравственно-аскетическія наставленія о постѣ, молитвѣ, хожденіи въ церковь, покаяніи, сокрушеніи сердца, исповѣди, и побужденіяхъ къ тому: кончинѣ вѣка, смерти, судѣ, вѣчныхъ мученіяхъ. Изложеніе предметовъ протяжное, риторическое [1]). Напр. «сіе отроча упразднило смерть, посрамило діавола, разрушило клятву, утолило скорбь, сокрушило змія, разрушило средостѣніе, раздрало рукописаніе», и т. д. Фотій часто проповѣдывалъ, какъ самъ говоритъ: «часто изношу слово любви вашей». Приведенныя слова уясняютъ намъ характеръ его проповѣдничества.

[1]) Ист. Русск. Цер. пр. Мак. V, 193.

Проповѣдничество истолкователь ное.

Отвлеченное нравственно-аскетическое ученіе, какъ видно изъ предыдущаго, было господствующимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ; оно поясняло ся фактами и примѣрами церковно-исторической проповѣди, тоже проникнутой аскетизмомъ. Но все это нравственное ученіе, удовлетворявшее духовнымъ нуждамъ простыхъ предковъ, излагалось просто, въ безпорядкѣ, нерѣдко съ примѣсью лжи и суевѣрія, безъ надлежащихъ основаній и богословской доказательности. Если бы предки наши и не требовали догматическихъ основаній своимъ вѣрованіямъ и нравственнымъ убѣжденіямъ: то сама жизнь историческая своимъ развитіемъ вызывала ихъ на подобные вопросы. Съ одной стор ны, вліяніе византійской литературы, съ преобладающимъ истолковательнымъ направленіемъ, неотразимо дѣйствовало на предковъ, выясняя имъ истины вѣроученія, хотя въ безпорядкѣ, отрывочно. Обыкновеннымъ проводникомъ такого знанія были русскіе проповѣдники, многое заимствовавшіе изъ бесѣдъ св. отцовъ, особенно Златоуста. Подъ руководствомъ ихъ въ Россіи умножались переводы не только аскетическаго, но и истолковательнаго проповѣдничества. Съ самой глубокой древности, особенно въ XIII—XV вѣкахъ, въ Россіи умножались переводы книгъ св. писанія, съ толкованіями св. отцовъ [1]); причомъ толковые апостолы, евангелія и пророки назначались для домашняго употребленія. Если бы предки и не были внимательны къ этой литературѣ изъяснительнаго ха-

[1]) Ист. Русск. Цер. пр. Мак. V, 244.

рактера: то религіозные споры, поднятые богомилами, русскими еретиками, католицизмомъ и лютеранствомъ, поневолѣ обращали ихъ мысль къ основѣ религіи, догматамъ вѣры. И такъ какъ всѣ ереси, появлявшіяся въ Россіи съ XI вѣка, главнымъ образомъ подрывали церковную обрядность, на которую опиралось благочестіе предковъ; то понятно, что проповѣдь должна была выяснять догматы, относящіеся къ этому предмету, напр. о монашествѣ, о почитаніи храма, иконъ, креста и т. под. Кромѣ того, нѣкоторые предметы обрядоваго богослуженія тѣсно связаны были съ гражданскою жизнію предковъ, пользовались особеннымъ благоговѣніемъ ихъ, и требовали основательнаго разъясненія. Такимъ благоговѣніемъ пользовались—храмъ, икона и крестъ. Всѣ эти предметы олицетворялись предками, въ видѣ живой благодѣтельной силы, охранявшей ихъ отъ бѣдъ. Храмъ былъ школою благочестія для предковъ, прибѣжищемъ въ напастяхъ, охраною имущества въ государственныхъ смутахъ, мѣстомъ общественныхъ сдѣлокъ при торжественномъ стеченіи народа, и покоищемъ предковъ, святителей и князей. Особенною знаменитостію въ этомъ отношеніи пользовались соборные храмы Новгорода, Кіева, Владиміра и Пскова. И потому предки жертвовали жизнію за храмъ, призывали его въ молитвахъ, во имя св. Софіи рѣшались на войну и всякіе подвиги. Лѣтописцы часто приписываютъ успѣхъ дѣла милости храма [1]). Икона, особенно Богоматери, заступницы христіанъ, пользовалась чрезвычайнымъ благоговѣніемъ предковъ. Богоматерь часто избавляла беззащитную Русь отъ сильныхъ враговъ и завоевателей, и множе-

[1]) Ипат. 110. IV новг. 56. I иск. 181.

ствомъ чудотворныхъ иконъ оказала свое всемогущее покровительство надъ Россіею. Поэтому предки усердно чтили и праздники чудотворныхъ иконъ Божіей Матери, носили иконы ея по домамъ и улицамъ, особенно въ общественныхъ бѣдствіяхъ, и брали ихъ съ собою на войну. Большимъ также уваженіемъ пользовалась икона свят. Николая, котораго чудотворныя иконы распространены по всей Россіи [1]). Кромѣ того, разныя области особенно почитали иконы мѣстныхъ святыхъ, Сергія, Варлаама, Стефана, Зосимы и другихъ, какъ это дѣлается и нынѣ. Но особеннымъ благоговѣніемъ предковъ пользовался св. крестъ. При неразвитости законовъ и гражданственности, при грубыхъ нравахъ и насиліи, религія была оградою общественной жизни, и крестъ, символъ самоотверженія и честности,—крѣпкою уздою, сдерживающею необузданный произволъ. Сила креста много значила въ нашей исторіи [2]). «Крестъ, по понятію предковъ, хранитъ того, кто вѣренъ крестному цѣлованію, прогоняетъ враговъ, караетъ нарушающихъ клятву». Присяга и цѣлованіе креста и иконы восполняли силу гражданскаго закона, утверждали общественныя дѣла и ручались за благонадежный исходъ ихъ. Хотя грубая сила нерѣдко разрывала и эту сдержку, но все же она покарялась ея авторитету. Враждующіе князья часто упрекали другъ друга цѣлованіемъ креста; проповѣдники тоже ставили на видъ нарушеніе клятвы. (Единственный примѣръ сознательнаго неуваженія креста оказалъ Владимірко галицкій. Нарушивъ клятву, данную Изяславу, онъ отвѣчалъ посламъ его: «что мнѣ сдѣлаетъ этотъ крестикъ»?).

[1]) Ипат. 47. I иск. 182. I новг. 46.

[2]) II иск. 55; ипат. 28, 63. I новг. 60. II новг. 227.

Понятно само собою, что предки особенно нуждались въ разъясненіи ученія и догматовъ, относящихся къ этимъ предметамъ. Проповѣдники съ своей стороны оказывали особенное сочувствіе, любовь, благоговѣніе и доказательность въ ученіи о крестѣ, иконѣ и т. под. Въ развитіи проповѣдничества истолковательнаго замѣчаемъ хотя нѣкоторый порядокъ, условленный духовными нуждами предковъ.

а) Наибольшую часть истолковательнаго проповѣдничества составляетъ объясненіе евангельскихъ чтеній и событій; причомъ нерѣдко излагаются похвалы праведникамъ, за ихъ подвиги. Есть и литургическія объясненія, касающіяся обрядовъ богослуженія. Хотя эти изъясненія отрывочны, но въ связи съ толковыми апостолами, евангеліями и пророками составляли достаточную систему изъясненія св. писанія. Поученія этого рода только по формѣ своей принадлежатъ къ истолковательному отдѣлу, а по содержанію они составляютъ, по большой части, продолженіе церковно-историческаго проповѣдничества. Въ приводимыхъ проповѣдниками примѣрахъ можно усматривать намеки на современные нравы. Изложеніе предметовъ часто картинно и усиливаетъ впечатлѣніе и назиданіе.

Златая цѣпь (серг. лавры). Въ недѣлю мытаря: притча изъяснена подобіями. «Мытарь и фарисей—два конника. Фарисей запрягъ два коня, да постигнетъ жизнь вѣчную; одинъ—молитвы, поста и милостыни, а другой—гордости, величія и осужденія. Гордость запнула добродѣтели, законная колесница разбилась, и погибъ самолюбивый всадникъ». Въ недѣлю блуднаго: притча объяснена просто: «два сына—праведники и грѣшники; отецъ ихъ—Богъ. Голодъ—удаленіе отъ причастія. Праведники дивятся благости божіей и не завидуютъ спасенію грѣшныхъ». Въ недѣлю мясопустную изъяснено чтеніе о страшномъ судѣ. Во вторую недѣлю великаго поста проповѣдникъ называетъ этотъ постъ десятиной года, посвященною Богу; перечисляетъ праведниковъ, пріобрѣтшихъ постомъ духовныя блага, и грѣшниковъ, погибшихъ отъ невоздержанія. Въ концѣ этого, равно какъ и перваго слова, кратко обличаетъ клеветы, ссоры и другія страсти. Въ пятую недѣлю поста разъяснено чтеніе объ Іаковѣ и Іоаннѣ, просившихъ первенства, и предложены нравственныя наставленія, понятно, но неискусно. Эти слова близки къ началу христіанства въ Россіи и ложно усвоены Златоусту [1]).

Златоустникъ. Въ недѣлю блуднаго, слово второе; притча объяснена по греческимъ схоліямъ. Подобное слово есть въ Златой цѣпи. Въ пятую недѣлю великаго поста—слово 43—разъяснено дневное евангеліе; непричащающіеся уподобляются невѣрнымъ и армянамъ. Подобное слово—въ Златой цѣпи. Въ недѣлю самарянынн—68 Златоуста (нѣкоторыя мысли какъ будто взяты у него). Слово 28 Григорія богослова о божественной службѣ; исполнено странныхъ мыслей. «Ангелы присутствуютъ на литургіи, осѣняютъ алтарь, участвуютъ въ совершеніи таинства» и т. под. Тоже слово и въ Златой цѣпи. Ангелова повѣсть св. Василія; отрывокъ изъ объясненія литургіи, съ нравственнымъ приложеніемъ [2]). 73 Златоуста, о сошествіи Св. Духа, составлено изъ разныхъ выписокъ. Слово истолковано:

---

[1]) Прибав. къ твор. св. отцовъ, 1858 г.

[2]) Изумрудъ, слово 95.

«Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ»; пространно изъяснено каждое слово молитвы [1]). Слово Ефрема о книжномъ ученіи [2]); объясняетъ, въ чемъ состоитъ правая вѣра, изъ какихъ писаній слѣдуетъ черпать истинныя знанія и перечисляетъ еретическія книги. «Господь училъ учениковъ своихъ, какъ молиться»; толкованіе молитвы господней... [3]).

Изъясненіе евангельскихъ чтеній, митр. Цамблака: на преображеніе, въ которомъ обличаетъ Акиндина; на рождество Іоанна Предтечи, въ которомъ и похвала ему; на усѣкновеніе обличаетъ пляску. Изъясненіе притчи о блудномъ сынѣ, митр. Фотія, въ которомъ говоритъ о кончинѣ міра, современныхъ бѣдствіяхъ, и призываетъ всѣхъ къ покаянію. «Вотъ, приближается конецъ живота человѣческаго и приспѣваетъ послѣдній день». «Что будемъ отвѣчать Судіи, проведши жизнь во злѣ и не внимая никакимъ наказаніямъ божіимъ?» Поученіе ко всей паствѣ митр. Алексія (окружное посланіе), въ которомъ, подобно Фотію, объясняя притчи, вводитъ нравственно-аскетическія наставленія и излагаетъ нѣкоторые догматы вѣры. Изъяснивъ притчу о сѣмени и о виноградѣ, проповѣдникъ учитъ о страхѣ божіемъ, покаяніи, любви, милостынѣ, уваженіи къ пастырямъ, хожденіи въ церковь и вообще добродѣтели. «Имѣйте въ умѣ своемъ смерть, воскресеніе, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ... Приходите къ іерею съ покаяніемъ и слезами. Отвергните всякія злыя дѣла. И сколько есть силъ, исполняйте законъ божій... Къ церковной службѣ будьте поспѣшны. Домашняя молитва не можетъ имѣть успѣха безъ церковной... Входя въ церковь, вострепещи душою и тѣломъ,.. не смѣйте прогнѣвлять Бога разговорами» [1]).

[1]) Сбор. № 330.
[2]) Сборн. Паисіевъ.
[3]) Кормч. XVI в., № 232.

Слово о слѣпцѣ и хромцѣ, или притча о тѣлѣ и душѣ, и воскресеніи мертвыхъ, Кирилла туровскаго. Нѣкоторый господинъ сдѣлалъ стражами виноградника слѣпого и хромого и казнилъ ихъ за кражу. «Вы крали вмѣстѣ; пусть сядетъ хромецъ на слѣпца». Хромой — тѣло человѣка, слѣпой — душа, садъ — міръ; оплотъ — законъ. Тѣло и душа осуждены на смерть за преступленіе закона и т. д. Въ словѣ между прочимъ показана польза чтенія св. книгъ. Замысловатыя объясненія нравственныхъ и догматическихъ истинъ, въ формѣ символовъ, проникнутыхъ сказочнымъ и анекдотическимъ характеромъ, особенно нравились предкамъ. Эта притча издавна была сокращаема для произнесенія въ церкви, и помѣщена въ прологѣ XIII—XIV в.

б) Слова догматическія, служившія нѣкоторою основою нравственно-аскетическаго ученія. Слово о законѣ и благодати митр. Иларіона, въ которомъ разкрыто превосходство евангелія предъ закономъ Моисея, подъ образами Сарры и Агари, и ученіе о Христѣ... Слово св. отца Кирилла о небесныхъ силахъ.—Ученіе о сотвореніи ангеловъ, паденіи бѣсовъ (яко песокъ просунушася съ небеси) и ихъ вліяніи на человѣка, о сотвореніи человѣка для восполненія отпадшаго десятаго чина ангеловъ. Послѣдняя мысль нерѣдко встрѣчается въ древнемъ проповѣдничествѣ [2]). Слово въ недѣлю мясо-

[1]) Прибл. къ твор. св. отцовъ V, 30.
[2]) Правос. собес. 1859 г. февраль.

пустную, о страшномъ судѣ, митр. Фотія. Въ словѣ проповѣдникъ изображаетъ различіе втораго пришествія отъ перваго, овецъ отъ козлищъ, и призываетъ всѣхъ къ покаянію... Слово на рождество Богородицы, митр. Ѳеодосія, состоитъ изъ славословій. Слово на рождество пресв. Богородицы, митр. Цамблака; въ словѣ проповѣдникъ излагаетъ прообразы и пророчества о Богоматери... Слово о почитаніи Божіей Матери, Максима грека. Слово о хулящихъ Божію Матерь, его же. Изображая величіе Божіей Матери, проповѣдникъ сводитъ пророчества, относящіяся къ ея славѣ, исчисляетъ ея добродѣтели и высокіе подвиги. Поученіе въ недѣлю всѣхъ святыхъ [1]) восхваляетъ начальныхъ русскихъ святыхъ. Слово о почитаніи святыхъ и иконъ, Максима грека. Слово о почитаніи иконъ противъ Лютера, его же... Слово предъ воздвиженіемъ и слово на воздвиженіе честнаго креста, о спасительныхъ дѣйствіяхъ его... [2]). Слово Златоуста на поклоненіе животворящему кресту (мысли не его) [3]). Тоже слово и въ Златой Цѣпи... Слово въ день Воздвиженія честнаго креста, митр. Цамблака, одно изъ самыхъ одушевленныхъ, въ смыслѣ риторическомъ; находится во многихъ древнихъ сборникахъ. Проповѣдникъ доказываетъ силу креста спасительными дѣйствіями его и прообразами во всей природѣ. «О чудо! тамъ дерево, и здѣсь. Одно посреди рая, другое посреди земли. Одно зелено, листьемъ украшено, плодомъ угобзено, привлекающимъ зрѣніе и разжигающимъ желаніе; но исходатайствовало смерть

[1]) Румянц. XV в. № 406.
[2]) Прологъ.
[3]) Злат-никъ, слово 32.

и принесло клятву. А это невлажное, сухое, сдѣланное, но принесло благословеніе, даровало безсмертіе, исправило преслушаніе.. [1]). Вселенная описуется четырьмя концами, человѣческое естество составляется четырьмя стихіями, кругъ лѣта вѣнчается четырьмя временами, вселенная прохлаждается четырьмя вѣтрами» и проч. Но лучшее слово о крестѣ, проникнутое сердечнымъ одушевленіемъ, принадлежитъ неизвѣстному проповѣднику. [2]). «Возлюбленные! не будемъ врагами креста Христова. Не станемъ попирать ногами крестнаго знаменія, ибо на пути часто лежитъ на крестъ деревцо или другая вещь. Правила отеческія строго запрещаютъ, чтобы не ходить по крестному знаменію, или не сидѣть на томъ, на чемъ нашиты кресты; не дѣлать въ видѣ креста никакихъ вещей, напр. на дверяхъ, или на чемъ бы то ни было; ничего не взять на крестъ и не бросать съ проста на землю. А если увидите, что на пути лежитъ на крестъ деревцо или иная вещь: то вы, православные христіане, постарайтесь исправить это. Если какая нибудь вещь оставила на землѣ слѣдъ креста: то это мѣсто загладить. Если что случайно лежитъ на крестъ: то эту вещь разрозни, и не смѣйте пройти мимо, не исправивъ вещи, лежащей на крестъ, чтобы крестное знаменіе не сдѣлалось въ попраніе неразумнымъ людямъ и въ поруганіе скоту [3]). Знаете ли, братіе, что бѣсы трепещутъ крестнаго знаменія и отбѣгаютъ такого мѣста опасно». Что же касается ученія о почитаніи храма и благоговѣнія къ церкви, то подобныя наставленія разбросаны во множествѣ поуче-

[1]) Чет.-минеи Макарія 14 сент.
[2]) Румянц. муз. № 437.
[3]) Лѣтоп. рус. литер. Тихонрав. V, отд. III, 91.

ній, и большею частію отрывочно, въ чемъ легко удостовѣриться изъ предыдущихъ примѣровъ, напр. поученія митр. Алексія. Оканчивая разборъ древнихъ поученій, мы должны упомянуть еще о двухъ источникахъ проповѣдничества, требующихъ изслѣдованія: о безъименномъ Сборникѣ Царскаго, въ которомъ заключается нѣсколько поученій, и малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ [1]).

Выводъ изъ предыдущаго.

Вникая въ частное направленіе мыслей изъяснительнаго проповѣдничества, повидимому неуправляемое никакимъ особеннымъ побужденіемъ, мы однакожъ находимъ это побужденіе, по крайней мѣрѣ въ немногихъ поученіяхъ. Такъ напр. при изъясненіи евангельскихъ чтеній, проповѣдники обращали особенное вниманіе на изъясненіе обрядовъ литургіи, и поученія подобнаго рода встрѣчаются чаще другихъ. А еще чаще встрѣчается объясненіе молитвы Господней и краткой Іисусовой молитвы, каждое слово которой названо догматомъ. Очевидно, что предки нуждались въ разъясненіи этихъ предметовъ, какъ наиболѣе приложимыхъ къ духовной жизни. И это тѣмъ болѣе справедливо, что простой народъ зналъ немного молитвъ, или почти не зналъ ихъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Геннадій, и требовалъ удовлетворенія своему религіозному чувству. «Прости людіе поселяне, на Господа Бога возлагающе надежду и на пресвятую Богородицу, тайно простирающе умъ горѣ, со воздыханіемъ сердца. Прости человѣцы, мужи и же-

[1]) Запис. акад. наукъ VII.

ны, и иніи людіе, всякъ возрастъ, послѣдующе сему тайно (въ себѣ), молящеся глаголютъ, елико кто что умѣюще» [1]). Въ догматическихъ словахъ всего чаще встрѣчается ученіе о благодати, о Св. Духѣ, о крестѣ и иконѣ, о страшномъ судѣ и вѣчной жизни; словомъ, почти всѣ тѣже предметы, которые проводятся и въ нравственно-аскетической проповѣди; но тамъ эти предметы излагаются отрывочно, въ видѣ наставленій, а здѣсь съ нѣкоторою послѣдовательностію. Что же касается основныхъ догматовъ богословія о Божествѣ и т. под., то они, какъ и во всемъ древнемъ проповѣдничествѣ, едва затрогиваются. А такіе догматы и истины, какъ напр. о молитвѣ и литургіи, о благодати, Св. Духѣ, крестѣ, страшномъ судѣ и вѣчной жизни, какъ нельзя болѣе согласовались съ аскетическимъ настроеніемъ древней Руси, и служили довольно прочною основою нравственно-аскетическаго проповѣдничества. Эта истина подтверждается еще и тѣмъ доказательствомъ, что въ сборникахъ, особенно «Златоустникѣ» и «Изумрудѣ», всего чаще встрѣчаются настоящія слова Златоуста, Ефрема и другихъ отцовъ о подобныхъ же предметахъ, о молитвѣ, богослуженіи, покаяніи, страшномъ судѣ, вѣчной жизни и т. под. Эти же предметы, какъ увидимъ, всего чаще повторяются и въ отдѣлѣ практическаго проповѣдничества. Такимъ образомъ истолковательное проповѣдничество, незначительное по объему и несвязанное опредѣленною идеею, строго говоря, составляетъ отрывочное явленіе въ древнемъ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ; и оно, если такъ выразиться, играло роль совершенно противоположную истол-

[1]) Рукоп. солов. библ. № 875, л. 151.

ковательному проповѣдничеству греческой Церкви. Но принимая во вниманіе связь этого проповѣдничества съ толковыми евангеліями, апостолами и пророками, бывшими въ употребленіи у предковъ, и содержавшими разъясненіе евангельскихъ событій, нравственныхъ и догматическихъ истинъ, находимъ, что оно служило достаточною основою нравственно-аскетическаго проповѣдничества. Но кромѣ общаго отношенія, истолковательное проповѣдничество имѣетъ и болѣе тѣсную связь съ нравственно-аскетическою проповѣдію. Оно, какъ мы видѣли, содержитъ въ себѣ по преимуществу разъясненіе тѣхъ догматовъ и нравственныхъ истинъ, которые имѣли наибольшее приложеніе къ религіозной жизни предковъ и служили прочною основою нравственно-аскетическаго проповѣдничества.

Отношеніе нравственно-аскетическаго проповѣдничества къ жизни.

Мы видѣли, что нравственно-аскетическое проповѣдничество, введенное аскетами, провозглашало строгія истины христіанской нравственности, и особенно въ началѣ періода,—въ чисто монашескомъ духѣ. Монашеское или подвижническое направленіе проповѣди, въ древней Руси было приспособлено къ ея нравственнымъ нуждамъ, какъ нельзя болѣе. И это приспособленіе проповѣди къ жизни было тѣмъ естественнѣе и благотворнѣе, что оно вытекало изъ историческихъ причинъ, какъ сказано выше, а не изъ разсчета и принудительныхъ мѣръ правительства. Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдничество доказывало необходимость поста, молитвы, хожденія въ церковь и въ монастырь, соблюденія праздниковъ, покаянія, исповѣди и причастія, страха божія, и побужденій къ нему: памяти смерти, суда, вѣчной муки и вѣчнаго блаженства; слѣдовательно—необходимость добродѣтелей монашескихъ. Это доказывается и цѣлію, къ которой направлены исчисленные подвиги: утружденіе тѣла и умерщвленіе страстей. «Утруждай тѣло, которымъ ты согрѣшилъ; ибо всякій грѣхъ входитъ сластію, а прогоняется горестію, и похотныя страсти умерщвляются алканіемъ. Если (же мы) не труждаемся тѣломъ, которымъ согрѣшили, то намъ не возможно спастись». Но всѣ эти добродѣтели были спасительнымъ врачествомъ коренныхъ недуговъ русскаго народа, его жизни и нравственности.

Проповѣдничество нравственно-аскетическое въ основаніе всѣхъ добродѣтелей поставляло постъ, и распространялось о немъ при всякомъ случаѣ, кстати и некстати. Почти въ каждомъ древнемъ поученіи есть наставленія о постѣ, его пользѣ и спасительныхъ плодахъ. «Постъ, говорятъ проповѣдники, есть основаніе всѣхъ добродѣтелей, того ради сіяетъ въ мірѣ яко солнце». «Постъ очищаетъ тѣло и душу, возводитъ на небо, и равнымъ ангеламъ сотворяетъ». «Рать въ насъ многа, плоть противится духови и духъ плоти. Поистинѣ потребно есть постное (травное) быліе, то бо кротитъ тѣлесныя страсти, удерживаетъ противныя стремленія, и духови даетъ тѣлесное покореніе». Притомъ, какъ мы видѣли, проповѣдники предписывали четыре поста въ году, и въ каждую недѣлю посты, что въ совокупности составитъ полгода постнаго. Правило это простиралось на всѣ годы жизни, безъ исключенія. Предлагая подобное ученіе, проповѣдники не углублялись въ причины народной безнравственности, а гово-

рили, что вынесли изъ практики монастырской и опытовъ духовной жизни. Но это строгое ученіе о постѣ, развитое монастырскою жизнію, оказалось благотворнымъ для русскаго народа, его нрава и поведенія. Народъ чувственный, управляемый животными побужденіями, всего болѣе нуждался въ укрощеніи страстей и возвышеніи духа. Онъ тѣмъ болѣе нуждался въ этомъ укрощеніи, чѣмъ крѣпче была его физическая природа, неослабленная недугами предковъ, и чѣмъ живѣе и неукротимѣе были его страсти. А чувственныя страсти народа, какъ показываетъ его характеристика, были вполнѣ богатырскія. Эти страсти особенно ярко выказывались въ богатыряхъ, представителяхъ народной силы и жизни. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: Микула, Алеша, Добрыня, Илья муромецъ и подобные. Эти богатыри полагали свое счастіе и славу въ пирахъ, пресыщеніи и удальствѣ. Даже при Владимірѣ великомъ они собирались въ Кіевъ состязаться въ силѣ, удальствѣ, и пресыщаться на пирахъ. Идеалъ богатырской силы и удальства выражается и въ древнихъ пѣсняхъ русскаго народа, въ похожденіяхъ Садко, Буслаева, Соловья будимировича и подобныхъ героевъ.

Послѣ подвиговъ поста, проповѣдничество внушало частую молитву, особенно ночную, съ поклонами, хожденіе въ церковь и въ монастырь, и соблюденіе праздниковъ. Частая молитва предписывалась для испрошенія помощи въ дѣлахъ и умилостивленія Бога. « Вставши отъ сна, говорятъ проповѣдники, помолись Богу. Прежде всего сотвори эти дѣла, чтобы Господь благословилъ тебя, даровалъ мирную жизнь и царство небесное». «Граматнымъ прилично на всякъ день пѣть у себя утреню, часы, вечерню, повечеріе и полунощницу, ничего не упуская и не оставляя неотправленнымъ. Неграматный долженъ пѣть псаломъ: «помилуй мя Боже»; если и того не знаетъ, пусть поклонится предъ Богомъ, по силѣ, и произнесетъ 300 разъ: «Господи помилуй». И это ему пѣть вмѣсто утрени, и часовъ, и вечерни, и повечерія. И такъ поступать во всѣ дни». «Ночными молитвами особенно умилостивляется Богъ, и скоро подаетъ милость свою». «Не пропусти ни одной ночи безъ поклоновъ, и сколько можешь, молись Богу, ибо этимъ поклоненіемъ человѣкъ побѣждаетъ діавола и избавляется отъ грѣховъ, содѣянныхъ днемъ» [1]). Кромѣ этихъ срочныхъ молитвъ, проповѣдники предписывали и постоянную молитву: «будемъ благодарить Бога на всякъ часъ, не только днемъ, но и ночью». «На всякое время произноси краткую молитву: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго». Столь усиленная молитва, вмѣстѣ съ строгимъ постомъ, ослабляла физическую силу народа. Физіологія доказываетъ, что аскетическіе подвиги, особенно постъ, истощаютъ жизненную силу и вырождаютъ сословія подвижниковъ. Но если постъ и молитва ослабляли физическую силу народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляли его духъ въ добродѣтели. Постъ, утончая тѣло, охлаждаетъ страсти и привязанности мірскія; молитва, открывая взору духовный міръ, пораждала высшія стремленія къ добродѣтели и вѣчной жизни. И главнымъ образомъ молитва одушевляла тѣмъ, что постоянно наполняла духъ высшими помыслами и отрывала его отъ земныхъ заботъ.

Храмъ былъ почти единственною школою для народа,

[1]) Злат-никъ, слово 23.

въ которой онъ пріобрѣталъ познанія о вѣрѣ и духовной жизни. Ученіе о небѣ, возвѣщаемое въ храмѣ, поясняло изображеніями святыхъ и торжественностію службы, особенно въ праздники. Конечно, эта школа дѣйствовала на народъ не столько отвлеченнымъ вѣроученіемъ, мало доступнымъ ему, сколько внѣшнею обстановкою, поражающею чувства. «Видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись, всякъ возрастъ дивился, воистину мнящеся, яко на небеси стояти» [1]). Поэтому предки любили строить и украшать храмы, и посѣщать ихъ, особенно въ праздники, а также посылать въ храмъ своихъ дѣтей. Торжество праздника, крестные ходы, особенно съ чудотворными иконами, привлекали народъ издалека, сближали его въ религіозномъ чувствѣ и житейскихъ дѣлахъ, смягчали злобу и страсти. При живомъ чувствѣ и дѣтской вѣрѣ въ святость храма и праздниковъ, предки считали ихъ живыми существами, исполненными благодатной силы. Храму приписывали побѣду надъ врагами, довѣряли выборъ епископовъ по жребію, охрану своего имущества и жизни въ несчастіяхъ. Благословеніемъ праздниковъ укрѣпляли свое слово и утверждали свои дѣйствія. «Кто преступитъ крестъ, говорили предки, тотъ проклятъ двѣнадцатью церковными праздниками». Поэтому частое посѣщеніе храма, особенно въ праздники, укрѣпляло молитвенное настроеніе предковъ, ихъ заботы о духовной жизни, и ослабляло земныя привязанности. Такимъ образомъ строгій и продолжительный постъ, денно-нощная молитва съ поклонами, хожденіе въ церковь и соблюденіе праздниковъ, ослабляя крѣпость тѣлесную,

[1]) Лавр. лѣт. 173.

живость страстей и привязанностей земныхъ, возвышало духъ народа, способность къ добру и нравственной усовершимости. «Аще кто прибѣгнетъ къ святымъ церквамъ, говоритъ лѣтописецъ, велику пользу приметъ души и тѣлу». И проповѣдники справедливо называли церковь «просвѣщеніемъ души».

Покаяніе, сопровождаемое говѣніемъ и сокрушеніемъ духа, казалось страшнымъ подвигомъ для грубой природы и необузданныхъ страстей; но оно облегчалось постомъ, молитвою и богослуженіемъ, возвышавшими духъ надъ плотію, и утверждалось вліяніемъ монастырей. Монастыри, которые, по внушенію проповѣди, посѣщались наравнѣ съ церковію, назидали предковъ примѣрами покаянія и самоотверженія. Здѣсь грубые предки видѣли строгую жизнь иноковъ, полную лишеній, борьбы со страстями, ради нравственной чистоты и спасенія души; здѣсь они видѣли благодать нетлѣнія, прославляющую праведныхъ, и невольно покорялись нравственному духу евангелія. Проникнутые сознаніемъ своего недостоинства и чувствомъ покаянія, предки стремились къ монашеству и устрояли жизнь свою по монастырскому уставу. Это святое чувство покаянія, покорявшее плоть духу, отлично выражено во многихъ народныхъ пѣсняхъ и въ похожденіяхъ богатырей, представителей физической силы и удальства. Многіе изъ этихъ богатырей, проведшіе жизнь въ разбояхъ и пресыщеніи, подъ конецъ жизни отправлялись на богомолье ко святымъ мѣстамъ. Такъ, богатырь Василій Буслаевъ отправляется ко святымъ мѣстамъ и говоритъ: «съ молоду — много бито и граблено, подъ конецъ надобно душу спасти». Чувствомъ покаянія и преклоненія физической силы предъ нравственнымъ ве-

личіемъ монашества проникались и позднѣйшіе русскіе богатыри. Разинъ ходилъ въ Соловки, на поклоненіе. Пугачевъ, предъ казнію, раскланиваясь на всѣ стороны, просилъ прощенія у всѣхъ православныхъ христіанъ. Частая исповѣдь, причастіе и епитиміи, введенныя по монастырскому образцу, окончательно утверждали въ народѣ сознаніе грѣховности и необходимость покаянія; и объ этихъ мѣрахъ нравственнаго воспитанія проповѣдники аскеты особенно много заботились. «Для очищенія грѣховъ, твердили проповѣдники, необходимо часто исповѣдываться и причащаться; необходимо понести епитимію, ибо кто не потрудится о своихъ грѣхахъ, тотъ не можетъ спастись». Такимъ образомъ, частое вниканіе въ дѣла совѣсти и наказаніе за грѣхи обуздывали чувственную природу и постепенно возводили ее къ нравственной зрѣлости. Усовершаясь, съ годами, въ чувствѣ покаянія, подъ конецъ жизни люди всѣхъ сословій стремились къ монашеству. «Увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, (предки) сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія. Противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство; подлѣ богатыря, представителя матеріальной силы, общество выставляло монаха, подвижника духовнаго, представителя нравственной силы. Богатырь и монахъ—два господствующіе образа среднихъ вѣковъ, и оба они часто соединяются въ одинъ; подъ мантіей инока подмѣчаемъ кольчугу богатыря. Неудивительно видѣть въ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ стремленіе къ монашеству, желаніе постригаться хоть передъ смертію» [1]).

[1]) Древ. Русь Солов. «Рус. Вѣст.». 1856 г. 1.

При нравственной чуткости, воспитанной постомъ, молитвою и покаяніемъ, ученіе о страхѣ божіемъ, смерти, судѣ и воздаяніи, было внушительнымъ средствомъ къ обузданію пороковъ. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что проповѣдники всего чаще говорили о страхѣ божіемъ и доказывали необходимость его общественными бѣдствіями, какъ слѣдствіемъ беззаконій. Поэтому они называли «страхъ божій огражденіемъ отъ всѣхъ бѣдъ». При необузданности матеріальной силы, слабо сдерживаемой закономъ, страхъ суда божія остепенялъ грубыхъ людей. Когда самоуправство, несмягченное наукою и боязнію суда человѣческаго, разстроивало общественныя связи, сѣяло повсюду раздоры, злобу, коварство и мщеніе, страхъ суда божія замѣнялъ несознанный законъ. Буйный произволъ народа, нагло попиравшій чужія права въ достиженіи корыстныхъ цѣлей, трепеталъ предъ высшимъ судомъ, видя слѣды его въ земныхъ наказаніяхъ. Поэтому древній писатель глубокомысленно замѣтилъ: «большая нужда и злая скорбь устрашаетъ и приводитъ человѣка къ вѣрѣ». Страхъ и трепетъ божественнаго суда выраженъ народной пословицей: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Этотъ страхъ небеснаго суда, часто гремѣвшаго надъ полуязыческою Русью, оправдывается убѣдительными фактами. Самыя естественныя явленія на небѣ, въ родѣ дуги, огородившей солнце, приводили въ трепетъ грубыхъ людей. Они припоминали себѣ потопъ, страшный судъ, и прощались другъ съ другомъ, въ ожиданіи конца свѣта. А когда наступали дѣйствительныя бѣдствія: война, раззореніе, голодъ, епидемія и смерть, тогда предки наши повергались въ прахъ предъ Богомъ. Въ чувствѣ сознанія своего недостоинства они

давали обѣты Богу, строили церкви, совершали посты, молебны, крестные ходы, и съ плачемъ взывали о помилованіи. При нашествіи Тамерлана на Россію, тысячи народа, сопровождая икону Богоматери, громко взывали: «пощади, Госпоже царице». И не было зрителя, который бы не тронулся общимъ сокрушеніемъ и плачемъ народа. Самые жестокосердые люди, владѣльцы, ростовщики, крамольники и грабители, видя въ общемъ покаяніи порицаніе своихъ дѣйствій, смягчались и умилялись духомъ. Предъ лицомъ смерти и суда божія они распускали рабовъ, раздавали награбленное, каялись въ грѣхахъ, исповѣдывались, и отходили въ жизнь вѣчную съ надеждою на помилованіе.

Такимъ образомъ нравственно-аскетическое проповѣдничество, внушая народу постъ, молитву, хожденіе въ церковь, соблюденіе праздниковъ, покаяніе и страхъ божій, обуздывало его чувственныя наклонности и возвышало нравъ. Исходя изъ убѣжденія, что должно удручать грѣшное тѣло, для умерщленія страстей, оно не дало народу закоснѣть во злѣ, пріучило его къ нравственной борьбѣ и преспѣянію въ благочестіи. Правда, проповѣдничество болѣе обращало вниманіе на внѣшніе подвиги, понятные грубому народу, нежели на внутренніе, для которыхъ онъ не созрѣлъ; и пріучило его болѣе къ механическому благочестію, нежели нравственному самообладанію. Да этому самообладанію и нельзя научиться скоро. Но и во внѣшнемъ благочестіи на народъ возложена трудная задача; отъ него требовались монашескіе подвиги, не совмѣстимые съ мірскою жизнію. Ни одна исторія въ мірѣ не представляетъ такого угнѣтенія народа аскетизмомъ, какъ исторія русская. Чувственная природа его совершенно

подавлялась нравственными требованіями, и силы духовныя необыкновенно напрягались; и только богатырскія силы древняго человѣка могли вынести такое бремя. Основою же нравственно-аскетическаго проповѣдничества и возбудителемъ благочестія было чисто аскетическое проповѣдничество. Оно-то своими словами, уставами, граматами и завѣщаніями, а также похвальными словами, воспитало строгихъ подвижниковъ, которые проводили аскетическія убѣжденія въ міръ, и подкрѣпляли свое слово дѣломъ. Слово суроваго аскета, закаленнаго въ монастырскихъ подвигахъ, не расходилось съ жизнію, какъ это случается съ образованными проповѣдниками; и потому, при всей своей простотѣ, оно возбуждало полное довѣріе и одушевляло простыя сердца къ самоотверженію.

Возвышая духовную жизнь народа, въ монашескомъ направленіи, нравственно-аскетическое проповѣдничество тѣмъ самымъ укрѣпляло его гражданскую жизнь. Чувство нравственнаго долга, подвижническаго настроенія и религіознаго одушевленія объединяло крѣпкій народъ въ одну православную семью, освящало религіей всѣ его установленія и дѣлалось основою русской народности. Это высокое чувство не допускало нравственнаго разложенія, отчаянія въ бѣдахъ и подчиненія русскаго народа чужой національности. Оно скрѣпляло слабыя гражданскія отношенія и именемъ религіи вызывало народъ на всякія пожертвованія для отечества. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ религіозная восторженность народа казалась скрытою силою и допускала обнаруживаться общественнымъ нестроеніямъ. Но въ крайней опасности, угрожавшей бытію народа, религіозное одушевленіе являлось спасительною силою, исцѣ-

лявшею общественные недуги и нестроенія. Народъ, безъ чувства совѣсти и нравственнаго одушевленія, не способенъ къ подвигамъ, героизму и великимъ дѣламъ, и недостоинъ національной самобытности. И мы увидимъ, что аскетическое настроеніе народа, его способность къ религіозному одушевленію и самоотверженію спасли Россію отъ разложенія, которому она подверглась, вслѣдствіе вѣковыхъ неустройствъ.

Таково общее отношеніе нравственно-аскетическаго проповѣдничества къ жизни народа, религіозной и гражданской. Нравственно-аскетическое проповѣдничество, обуздывая чувственную жизнь и силу народа, давало ей высшее направленіе, религіозно-аскетическое; а религіозное одушевленіе народа укрѣпляло его гражданскую жизнь и спасло его національность. Частное отношеніе проповѣдничества къ жизни, по которому оно должно быть зеркаломъ и отраженіемъ ея, односторонно и неудовлетворительно. И въ этомъ отношеніи русское проповѣдничество, нравственно-аскетическое, имѣетъ общую участь съ проповѣдничествомъ другихъ народовъ. Проповѣдничество всякаго народа, имѣя задачею своею утвержденіе вѣры въ народѣ, мало занимается жизнію, ея нуждами и явленіями. Кромѣ того, преслѣдуя главную свою задачу, проповѣдничество всегда относится къ жизни болѣе или менѣе односторонно, порицаетъ ея недостатки и умалчиваетъ о достоинствахъ. Притомъ оно изображаетъ грѣхи болѣе обыкновенные, выдающіеся, свойственные всему человѣчеству, нежели національные, домашніе, скрывающіеся отъ наблюденія. Если же по духу времени и вкусу народа проповѣдничество проникается напыщенностію и риторизмомъ, то оно вдается въ преувеличенія и фальшь.

Образцомъ риторическаго характера служитъ греческое проповѣдничество, особенно византійскаго періода, съ V вѣка. Оно, какъ мы видѣли, имѣло вліяніе и на русскую проповѣдь и литературу, особенно въ XV вѣкѣ. Риторическія преувеличенія казались тогда дѣломъ естественнымъ. «Таковъ убо бысть сей истовый велеумный правитель, вседоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистоты рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ и болярамъ и всѣмъ людемъ о благочестіи твердый поборникъ, архіереямъ и всему освященному собору благоразумный соглагольникъ» [1]). Подобнымъ образцомъ служитъ и латинское проповѣдничество, особенно схоластическаго періода, заимствовавшее фигуры и символизмъ отъ греческаго проповѣдничества. Даже въ лучшихъ произведеніяхъ современнаго французскаго проповѣдничества читатель поражается діалектикою, отступленіями, обиліемъ фигуръ и механическимъ дѣленіемъ темы на двѣ части.

Ссылаемся на лучшій сборникъ проповѣдей: Dictionnaire des predicateurs, ou choix de sermons entiers prononces par les auteurs les plus celebres, reunis et classes par ordre alphabetique de matieres par une societe d' ecclesiastiques dictingues sous la direction d' un ancien vicaire general de Besancon».

«Проповѣди церковныхъ учителей, говоритъ одинъ историкъ, по самой природѣ своей служатъ одностороннимъ источникомъ въ дѣлѣ изученія нравовъ даннаго времени; ибо онѣ имѣютъ задачею своею осуждать и карать беззаконіе, призывать грѣшниковъ къ покаянію; но не имѣютъ цѣлію хвалить благочестіе. Проповѣдники изображаютъ обыкновенные пороки, при чомъ

[1]) Степен. книга. Похвала в. кн. Василію.

вдаются въ риторику, и преувеличиваютъ ихъ [1])». Нравственно-аскетическое проповѣдничество, отвѣчавшее потребностямъ русской жизни, строгое по характеру и простое въ изложеніи, повидимому менѣе всего подвержено указаннымъ недостаткамъ. Оно болѣе греческаго проповѣдничества занималось современными нравами и менѣе латинскаго проповѣдничества подчинялось риторизму. Но самая строгость его направленія дѣлала его одностороннимъ. Осуждая нравственныя заблужденія, противныя аскетическому идеалу, оно не могло довольствоваться наличными достоинствами, всегда далекими отъ строгаго идеала. Только въ похвальныхъ словахъ святымъ проповѣдничество выставляло образцы для подражанія; но оно украшало ихъ «добрословесіемъ» и опускало изъ виду жизнь, борьбу нравственную и паденія. Эти замѣчанія о частномъ отношеніи къ жизни древняго проповѣдничества, или односторонности его приложенія, весьма важны. Они предохраняютъ насъ отъ излишняго довѣрія проповѣдямъ въ изображеніи нравовъ эпохи, и даютъ возможность съ большею точностію и обширностію взгляда опредѣлять вліяніе проповѣди на жизнь. Не стѣсняясь порицаній проповѣдниковъ, мы можемъ открывать достоинства среди недостатковъ, при помощи исторіи, и выносить отрадныя убѣжденія о природѣ человѣка и его стремленіяхъ къ добру.

[1]) Handbuch Kirchen gesch. Kurtz. 1, 408.

Проповѣдничество практическое.

Характеръ проповѣдничества практическаго.

Нравственно-аскетическое проповѣдничество, разсматриваемое само въ себѣ, независимо отъ практическаго элемента, которымъ оно проникнуто, весьма важно по своему духовному настроенію и вліянію на жизнь. Духовное значеніе его еще болѣе возвысится, когда будемъ разсматривать его въ связи съ чисто аскетическимъ проповѣдничествомъ, дающимъ ему опору. Нравственный идеалъ, начертанный этого рода проповѣдничествомъ, безграниченъ; онъ возбуждаетъ всѣ силы человѣка въ стремленіи его къ добру. При всемъ своемъ духовномъ значеніи, нравственно-аскетическое проповѣдничество не имѣетъ особеннаго вѣса въ историческомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи оно уступаетъ мѣсто практическому проповѣдничеству, даже самому несовершенному. И это потому, что нравственный идеалъ дѣйствуетъ возбудительно не столько на всѣхъ, сколько на лучшихъ людей съ крѣпкими силами; а слабыхъ людей онъ угнетаетъ и нерѣдко сокрушаетъ; а главнымъ образомъ—по причинѣ своей отрѣшенности отъ міра земного, его запросовъ, стремленій и недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, аскетическое проповѣдничество направлено къ цѣли небесной, устроенію жизни духовной; въ этомъ отношеніи русское аскетическое проповѣдничество имѣетъ много общаго съ аскетическимъ проповѣдничествомъ восточнаго и западнаго христіанства. Практическое проповѣдничество направлено къ устроенію и улучшенію жизни земной, по духу евангелія, и въ этомъ

отношеніи оно даетъ полезные уроки къ возвышенію русской жизни и гражданственности. Поэтому главный интересъ русскаго проповѣдничества перваго періода заключается въ практическомъ отдѣлѣ его и требуетъ отъ историка особенно тщательнаго изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отдѣлѣ мы не найдемъ проповѣдей практическихъ въ собственномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ количествѣ. Русское проповѣдничество, подражательное греческому отвлеченному, болѣе или менѣе выдерживаетъ его характеръ и въ практическомъ отношеніи. Русскіе проповѣдники, подобно греческимъ, проникнутые аскетизмомъ, какъ бы неохотно говорили о земныхъ дѣлахъ. Привыкнувъ къ созерцаніямъ міра духовнаго и нравственно-аскетическаго идеала, они настолько касались земныхъ нестроеній, насколько послѣднія мѣшали осуществленію этого идеала. Кромѣ того, въ древней Руси не существовало гомилетическихъ правилъ и научнаго распредѣленія проповѣдническихъ предметовъ; а потому естественно видѣть въ древнихъ поученіяхъ смѣсь разнаго рода истинъ. Обыкновенно въ нихъ смѣшиваются истины нравственныя и житейскія, и первыя преобладаютъ надъ послѣдними. Чисто практическихъ проповѣдей въ древнемъ проповѣдничествѣ, какъ уже сказано, весьма мало. Не находя въ древнемъ проповѣдничествѣ достаточнаго количества практическихъ поученій, мы имѣемъ основаніе довольствоваться полупрактическими, смѣшаннаго содержанія. Основаніе это заключается въ самомъ свойствѣ или характерѣ древняго проповѣдничества. Нравственно-аскетическое проповѣдничество, руководя жизнію народа, само по себѣ составляло намекъ на его недостатки, умственныя и нравственныя заблужденія; примѣсь къ такого рода поученіямъ житейскихъ истинъ, обличеній и наставленій, придавала имъ, въ значительной степени, практическій характеръ. Конечно, практическія истины содержатся въ нравственно-аскетическихъ поученіяхъ не въ одинаковой мѣрѣ. Въ большей мѣрѣ онѣ содержатся въ поученіяхъ наставительныхъ, направленныхъ противъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, и въ меньшей—въ поученіяхъ, сказанныхъ по случаю общественныхъ бѣдствій. Образцомъ практическаго слова въ древнемъ духѣ, относительно содержанія, слововыраженія и расположенія мыслей, служитъ «слово о мытарствахъ».

Но предварительно выяснимъ, съ надлежащею точностію, объемъ и значеніе практической проповѣди, о которой сообщено, во введеніи, краткое понятіе, такъ какъ относительно этого предмета въ нашей литературѣ существуютъ произвольныя мнѣнія. Точное опредѣленіе практической проповѣди весьма важно въ научномъ отношеніи. Оно установитъ правильный взглядъ на обширную область русскаго проповѣдничества, разграничитъ его виды или составныя части, устранитъ произвольныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, и поясниттъ характеръ древней проповѣди, своеобразной, неподходящей подъ наши опредѣленія и системы.

Мнѣнія писателей о практической проповѣди и проповѣдникахъ.

Рѣшенію вопроса о практической проповѣди предпошлемъ мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ, нечуждыя противорѣчій, такъ какъ они много способствуютъ къ уясненію даннаго вопроса. За неимѣніемъ исторіи про-

повѣдничества и строго-научныхъ опредѣленій практической проповѣди, открывается широкое поле недоразумѣніямъ и произвольнымъ мнѣніямъ объ этомъ предметѣ. Недоразумѣнія писателей достигаютъ высшей степени, когда къ нимъ примѣшиваются сторонніе побужденія, которымъ наука не даетъ особенной цѣны. Побужденія эти: личное расположеніе къ проповѣднику, уваженіе къ его сану, таланту и проч. Всѣ эти личныя побужденія настроиваютъ писателя къ панегиризму, преувеличенію достоинствъ сочиненія, пораждаютъ въ читателяхъ благоговѣніе къ проповѣднику, и производятъ въ литературѣ большую путаницу, особенно, когда сужденіе о проповѣдяхъ произносится докторально, тономъ самоувѣреннымъ. Такихъ произвольныхъ сужденій, разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, въ нашей проповѣднической литературѣ весьма много. Въ своемъ развитіи и разнообразіи они необходимо доходятъ до крайностей и впадаютъ въ противорѣчія, нерѣдко странныя и несообразныя съ существомъ разсматриваемаго дѣла. Приведемъ болѣе рѣзкія изъ этихъ мнѣній, способствующія уясненію нашей задачи.

Сколько намъ извѣстно изъ опыта, наибольшая часть проповѣдниковъ и мыслящихъ людей придаютъ самое обширное, и, можно сказать, преувеличенное значеніе практической проповѣди. По ихъ мнѣнію, всякая проповѣдь практична, потому что направлена къ нравственной цѣли—исправленію жизни, утвержденію вѣры и благочестія. Руководясь подобнымъ взглядомъ, мы не нашли бы въ области проповѣдничества и богословія ниодной истины непрактичной, такъ какъ всѣ онѣ направлены къ благимъ цѣлямъ. Поэтому и катихизическія поученія, раскрывающія символъ вѣры, да пожалуй и

самый катихизисъ пришлось бы назвать практическою проповѣдію. Съ этимъ конечно нельзя согласиться. Подобный взглядъ выразилъ печатно нѣкоторый сочинитель, по поводу разбора проповѣдей м. Филарета. «Раскрытіе въ проповѣди отвлеченныхъ темъ, говоритъ онъ, надобно полагать, еще не лишаетъ ее практическаго смысла, не отнимаетъ у нея современнаго жизненнаго значенія... Почитаемъ проповѣдниковъ золотого вѣка. Мы наталкиваемся здѣсь на темы самаго отвлеченнаго содержанія. Проповѣдники доказываютъ троичность Лицъ Божества, единосущіе Сына съ Отцомъ и под. Неужели поэтому ихъ проповѣди чужды жизненности, современнаго значенія? Эти вопросы были вопросами времени, жизни, вниманіе общества было поглощено ими.» [1]) Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы назвать практическими проповѣдями Огласительныя Поученія Кирилла іерусалим., Катихизисъ Григорія нисскаго, слова противъ аріанъ Аѳанасія александрійскаго и Григорія богослова о Троицѣ. Но гдѣ же мѣрило для разграниченія родовъ проповѣди? И что станется съ отвлеченною, абстрактною проповѣдію,—какъ отличить ее отъ конкретной, полной жизни, современныхъ интересовъ, дѣяній человѣческихъ?

Другой сочинитель высказываетъ подобную мысль, съ ограниченіемъ. Онъ не желаетъ отдѣлять проповѣдь нравственнаго содержанія, по его понятію—однозначущую съ практическою, отъ догматической. «Догматъ и нравственность въ христіанствѣ неразрывно связаны между собою. Христіанская нравственность основывается на догматѣ, изъ него вытекаетъ, какъ его жизнен-

[1]) Странникъ, 1875 г. ноябрь.

ный, практическій итогъ... Въ проповѣди истины догматическія и нравственныя большею частію являются въ своей отдѣльности, отъ чего происходитъ, что ни догматъ не имѣетъ вліянія на жизнь, ни нравственность не входитъ въ жизнь, не управляетъ ею». [1]) Мы увидимъ, что проповѣдь нравственную, а тѣмъ болѣе догматическую, ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ практическою.

Неудивительно, что при такихъ недоразумѣніяхъ и произвольныхъ взглядахъ на практическую проповѣдь, въ нашей литературѣ укореняется неосновательная оцѣнка проповѣдническихъ трудовъ; что самые утонченные схоластики и догматисты незаслуженно возводятся на степень практическихъ проповѣдниковъ. Неговоря о многомъ, укажемъ на болѣе разительные примѣры. М. Стефанъ Яворскій, первокласный схоластикъ въ исторіи русскаго проповѣдничества, признанъ практическимъ проповѣдникомъ. [2]) Извѣстно, что его догматическія проповѣди о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о церковномъ преданіи, о почитаніи святыхъ, воскресеніи мертвыхъ и проч. направлены были противъ заблужденій протестантовъ. Эта практическая цѣль ввела въ заблужденіе писателей, разсуждавшихъ о значеніи проповѣдей м. Яворскаго. М. Филаретъ, самый утонченный догматистъ и отвлеченный экзегетъ, котораго по таланту сравниваютъ съ Григоріемъ богословомъ, признанъ въ литературѣ глубоко-практичнымъ проповѣдникомъ. Сказавъ объ отвлеченныхъ темахъ проповѣдниковъ золотого вѣка, вышеприведенный нами сочинитель спрашиваетъ: «не таковы ли и темы проповѣдей м. Филарета?... И мы утверждаемъ, что проповѣди Филарета, при всей отвлеченности ихъ содержанія, являются проповѣдями въ высшей степени современными, жизненными... Онѣ глубоко практичны». [1]) Отвлеченныя темы проповѣдей м. Филарета и таковоеже содержаніе были направлены на нравственные недостатки и умственныя заблужденія москвичей. Но практическая цѣль проповѣдей еще не ручается за таковое же содержаніе ихъ. Цѣль практическая сама по себѣ, а догматизмъ проповѣди самъ по себѣ; одно другому не мѣшаетъ.

Каковы бы ни были мнѣнія нашихъ писателей о практической проповѣди, они важны для науки въ томъ смыслѣ, что пораждаютъ споръ и вызываютъ дѣятелей на поприще возникающей у насъ исторіи проповѣдничества. Къ заслугѣ нашихъ писателей надобно отнести и ихъ скромность, литераторскую сдержанность, по которой они выдаютъ свои убѣжденія за личныя мнѣнія, не болѣе. Высказывая эти мнѣнія, они вообще говорятъ проблемматически: «по нашему мнѣнію», «мы думаемъ», «намъ кажется», и рѣдко аподиктически: «мы утверждаемъ.» Независимо отъ мнѣній скромныхъ писателей, возводящихъ догматическую проповѣдь и отвлеченныхъ проповѣдниковъ въ практическіе, у насъ найдутся, для блага науки, и болѣе зрѣлые авторитеты, смотрящіе на дѣло безъ предубѣжденій. Мы разумѣемъ писателей, заявившихъ здравыя сужденія о практической проповѣди въ лучшихъ духовныхъ журналахъ. [2]) Мы укажемъ только на одинъ журналъ — Руководство для сельскихъ пастырей, постоянно проводящій вѣрные взгля-

[1]) Странникъ, 1871 г. окт. с. 80.
[2]) Воскр. чт. 1850 г. Твор. Св. Отц. 1863 г. II. 252.

[1]) Странникъ, 1875 г. ноябрь.
[2]) Подробоое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ изложено въ книгѣ «русское проповѣдничество» (400—408.)

ды и сужденія о практической проповѣди. Въ статьѣ: «учительное евангеліе Транквилліона» предстояло искушеніе возвеличить сего проповѣдника практическимъ. — Онъ написалъ поученія въ защиту таинствъ, противъ лютеранъ, и т. под. Между тѣмъ и въ этой статьѣ правильно разграничено содержаніе проповѣдей, и истины практическія строго отдѣлены отъ нравственныхъ и догматическихъ. [1])

Проповѣдь практическая въ тѣсномъ смыслѣ, и отличіе ея отъ догматической.

При существующемъ разногласіи относительно содержанія практической проповѣди, требуется особенная точность въ опредѣленіи ея. Вопросъ труденъ и новъ. Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, практическая проповѣдь, въ тѣсномъ смыслѣ, и въ чемъ состоитъ отличіе ея отъ догматической? Изложенное объ этомъ предметѣ ученіе во введеніи очерка не устраняетъ споровъ, потому что не разъясняетъ подробностей дѣла и частностей даннаго вопроса. Въ этомъ, такъ сказать, критическомъ положеніи мы ощущемъ твердой почвы, на которой незыблемо утвердятся наши опредѣленія. Такою почвою, по нашему мнѣнію, послужитъ филологія или филологическое доказательство. Πραξις значитъ: поступокъ, дѣло. Это слово противополагается слову: θεωρια, созерцаніе, теоретическое знаніе. Итакъ, по словопроизводству, практика обнимаетъ явленія жизни, поступки и дѣла людей, въ отличіе отъ теоріи, имѣющей предметомъ своимъ отвлеченныя представленія, идеи, предметы созерцаемые умомъ. Слово: θεωρια, въ смыслѣ

[1]) Рук. д. сел. паст. 1873 г. № 28.

отвлеченнаго знанія, сходно съ словомъ: δογμα. Δογμα въ обширномъ смыслѣ значитъ непреложное ученіе, богословское и философское, въ тѣсномъ — правило вѣры, собственно догматъ. Изъ этого намека, или филологическаго довода, естественно вытекаетъ различіе между проповѣдію практическою — жизненною, и отвлеченною — догматическою. Для окончательнаго уясненія нашего вопроса мы утвердимъ на данной основѣ, или филологическомъ доводѣ, доказательства опытныя и богословскія.

По принятому правилу, какъ отчасти видно изъ прежнихъ доводовъ, и въ жизни и въ наукѣ вообще практическою называютъ ту проповѣдь, которая раскрываетъ явленія дѣйствительной, современной жизни; а таковыми бываютъ нравственныя нестроенія даннаго времени. Конечно, и ереси, умственныя заблужденія въ вѣрѣ, тоже явленія жизни. Но ереси, какъ извращеніе догматовъ, суть продуктъ умственно-религіозной жизни, и потому онѣ составляютъ предметъ отвлеченной проповѣди. Ереси въ томъ только случаѣ даютъ практическое содержаніе церковной проповѣди, когда онѣ сопровождаются послѣдствіями для дѣйствительной жизни, прямыми, или косвенными. Прямое слѣдствіе ересей — извращеніе нравовъ. Такъ, искаженіе догмата о таинствѣ брака ведетъ къ нечистой жизни, многоженству, гражданскому браку и под. Не прямое слѣдствіе — волненіе общества, напр. раздѣленіе, произведенное аріанствомъ, гоненіе — иконоборствомъ и т. п. Эти слѣдствія случайны; онѣ могутъ быть и не быть, подобно диспуту, оконченному миромъ, или ссорою, раздраженіемъ; онѣ не вытекаютъ изъ ересей неизбѣжно.

Догматическая проповѣдь въ богословской наукѣ

опредѣляется точно, и строго отдѣляется отъ практической. Догматическимъ ученіемъ въ обширномъ смыслѣ, по мнѣнію отцовъ, называются всѣ истины вѣры, въ томъ числѣ и церковно-историческія. Въ тѣсномъ смыслѣ—правила вѣры (напр. Богъ троиченъ), отличныя отъ правилъ дѣятельности [1]). Итакъ, правила вѣры, истины экзегетическія, дѣятельныя, обрядовыя, каноническія и церковно-историческія составляютъ предметъ догматической, отвлеченной проповѣди, не сходной содержаніемъ съ практическою. Здѣсь само собою возникаетъ недоумѣніе относительно церковно-историческихъ истинъ, составляющихъ явленіе дѣйствительной жизни, а не теорію. Повидимому, библейскія и церковно-историческія истины относятся къ практической проповѣди. Но въ нихъ не достаетъ, для этого, существеннаго признака,—современности, или отношенія къ дѣйствительной жизни. Кромѣ того, сдѣлавшись въ богословіи общими доказательствами, поясняющими отвлеченные догматы, онѣ по справедливости относятся къ отвлеченному, догматическому ученію, а не практическому.

Коротко сказать: практическою въ тѣсномъ смыслѣ называется проповѣдь, раскрывающая явленія современной жизни, умственныя и нравственныя заблужденія, подъ руководствомъ вѣры. Догматическою—та проповѣдь, которая содержитъ отвлеченное богословское ученіе, или догматъ въ обширномъ смыслѣ. При этомъ умственныя заблужденія въ вѣрѣ или ереси подъ тѣмъ условіемъ даютъ практическое содержаніе, если онѣ раскрываются въ связи съ явленіями современной жизни, — прямыми и косвенными слѣдствіями ихъ; а доколѣ онѣ

[1]) Руковод. хр. богосл. Мак. 1869 г. 3—4. Догм. богос. Мак. I, 8—15. Догм. богосл. Антон. 34—35.

вращаются въ сферѣ отвлеченныхъ, догматическихъ споровъ,—составляютъ теоретическое ученіе, не имѣющее отношенія къ жизни дѣйствительной.

Теперь понятно, подъ какія формы и опредѣленія необходимо подвести разнохарактерныя проповѣди, вводящія въ заблужденіе писателей и критиковъ своимъ содержаніемъ. Проповѣди отвлеченныя, въ значительной степени проникнутыя практическимъ элементомъ, очевидно смѣшаны по содержанію своему. Проповѣди, скудныя практическимъ элементомъ, такими и должны быть названы. Проповѣди отвлеченныя, но направленныя на извѣстные недостатки времени, съ цѣлію обличенія ихъ догматическимъ путемъ или способомъ,—практичны по своей цѣли, не болѣе. Проповѣди догматическія, обличающія и оспаривающія ереси, безъ отношенія къ интересамъ дѣйствительной жизни, какъ продуктъ отвлеченныхъ умствованій, — полемико-догматическія; такими проповѣдями богатъ золотой вѣкъ византійской литературы. Переставлять эти опредѣленія безъ научныхъ основаній, значило бы впадать въ смѣшеніе понятій и подвергать себя нареканію.

Конечно, и скудная жизненнымъ содержаніемъ проповѣдь можетъ быть признана практичною, по недоумѣнію и разнымъ стороннимъ побужденіямъ, какъ это и дѣлается въ литературѣ. Но подобные отзывы, основанные на произволѣ, не имѣютъ научнаго значенія, а потому и не заслуживаютъ уваженія. И при нынѣшнихъ требованіяхъ науки и выясняемыхъ взглядахъ на проповѣдничество нѣтъ основанія и повода снисходить подобнымъ вольностямъ. Иное дѣло, древнее наше проповѣдничество, возраставшее на свободѣ, не связанное точными гомилетическими правилами; оно не подчиняется

нашимъ современнымъ требованіямъ и правиламъ. Впрочемъ, обстоятельное ученіе о практической проповѣди пояснитъ намъ и своеобразный характеръ древняго русскаго проповѣдничества, уклоняющагося отъ системы и научныхъ опредѣленій. Оно дастъ намъ возможность смотрѣть снисходительно на недостатки древней практической проповѣди, и признать ее таковою, если не по содержанію, не выдерживающему критики и не заслуживающему вполнѣ этого названія, то ради интересовъ науки,—болѣе удобнаго изученія и разграниченія проповѣдническихъ предметовъ.

Для большаго уясненія этого предмета отдѣлу практическаго проповѣдничества предпосылается слово о мытарствахъ, выражающее всю своеобразность древней практической проповѣди.

Слово о мытарствахъ, какъ образецъ древней практической проповѣди. [1])

Слово о мытарствахъ приписано Кириллу философу, неизвѣстно какому; но оно подвергалось на Руси разнымъ передѣлкамъ, записано въ многихъ сборникахъ, и съ самой глубокой древности доставляло предкамъ искренное назиданіе. Въ словѣ этомъ находятся почти всѣ главныя истины и догматы нравственно-аскетическаго проповѣдничества, которыя раскрыты и въ церковно-исторической литературѣ, особенно въ житіяхъ святыхъ. Такъ, въ немъ говорится о необходимости добродѣтелей для спасенія души, а именно: поста, молитвы, покаянія, исповѣди, епитиміи, и вообще нравственныхъ подвиговъ; ибо живущихъ безъ подвиговъ, въ покоѣ и довольствѣ, говоритъ слово, ждетъ гнѣвъ Божій. Излагаются догматы, служащіе основою и побужденіемъ къ симъ добродѣтелямъ и подвигамъ, а именно: ученіе о смерти, вліяніи на человѣка ангеловъ и бѣсовъ, о судѣ, воскресеніи, вѣчной мукѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Здѣсь же въ первый разъ высказывается ученіе о близкомъ разрушеніи міра (съ окончаніемъ семитысячелѣтія) и пришествіи антихриста. «И вотъ уже видимъ приближающійся конецъ міру и скончавшійся урокъ житію. Уже бо мало (остается) нашего живота и вѣка». Но главнымъ образомъ въ словѣ раскрыто ученіе о мытарствахъ. Это ученіе имѣетъ сходство съ хожденіемъ ап. Павла по мукамъ; оно же находится въ житіяхъ Василія новаго, Антонія римлянина и Авраамія смоленскаго. Въ этомъ же словѣ находятся почти всѣ истины практическія, входящія въ составъ древняго проповѣдничества. Такъ, въ немъ говорится объ умственныхъ заблужденіяхъ и недостаткахъ народа: суевѣріи, чародѣйствѣ, страсти къ ворожбѣ, гаданію по примѣтамъ, ношенію талисмановъ, и ересяхъ; о нравственныхъ недостаткахъ: пьянствѣ, объяденіи, блудѣ, страсти къ пиршествамъ, играмъ, музыкѣ, пляскѣ, корыстолюбію, отдачѣ денегъ на проценты, взяточничествѣ, воровствѣ, грабительствѣ, драчливости, сквернословіи, лжи, клеветѣ и подобныхъ страстяхъ. Особенно обличается немилосердіе къ нищимъ и рабамъ, обремененіе послѣднихъ работою и неудовлетвореніе ихъ пищею и одеждою. Всѣ сіи заблужденія и пороки обличаются бѣсами на 20-ти мытарствахъ и уготовляютъ душѣ вѣчную муку въ огненномъ озерѣ. «Если душа исполнила всѣ заповѣди Божіи, но была немилостива къ нищимъ и рабамъ, то все же бу-

[1]) Сборн. соф. библ. XIV—XV в. № 94; въ обширномъ видѣ изд. Розовымъ; въ краткомъ—Калайдов.

детъ истязана отъ воздушныхъ бѣсовъ». Изложеніе слова отличается недостатками, свойственными церковно-славянскому языку, простотою, тождесловіемъ, многословіемъ, темнотою и вообще неправильнымъ построеніемъ рѣчи. Напр. «да нельзѣ се ихъ запрети (оспорить грѣхи)»... «Языкъ молчаніемъ затворится»... «Да тѣмъ (грѣшнымъ) явится имъ ярость Божія, полна гнѣва и яру, бѣду отмщенія носящи»... Въ расположеніи мыслей, по обычаю древнихъ словъ, господствуетъ безпорядокъ, повтореніе и растянутость, отъ которыхъ зависитъ длиннота слова.

Виды практическаго проповѣдничества.

При всемъ смѣшеніи въ древнемъ проповѣдничествѣ разнородныхъ истинъ, въ немъ можно наблюдать нѣкоторое развѣтвленіе практическихъ вопросовъ, или виды практическихъ поученій. а) Въ основаніи практическаго проповѣдничества лежитъ обличеніе умственныхъ заблужденій и недостатковъ народа, отъ которыхъ зависятъ и нравственныя нестроенія его. А именно: въ началѣ періода преобладаетъ обличеніе идолопоклонства, въ концѣ—обличеніе ересей, и въ продолженіи всего періода—обличеніе суевѣрія, порожденнаго язычествомъ, астрологіей и неправильнымъ пониманіемъ христіанства. б) За умственными заблужденіями и недостатками выступаютъ нравственные, какъ слѣдствіе своихъ причинъ. И въ продолженіе всего періода—обличается чувственность народа, эгоизмъ, корыстолюбіе и буйство. в) За обличеніемъ нравственныхъ недостатковъ и заблужденій слѣдуетъ утѣшеніе и увѣщаніе въ бѣдствіяхъ, порожденныхъ грѣхами людей, нечестивою жизнію. Въ этомъ отношеніи проповѣдники дѣйствуютъ двояко: съ одной стороны, для отвращенія общественныхъ бѣдствій, призываютъ народъ къ исправленію и покаянію, а съ другой стороны, для облегченія ихъ, принимаютъ самыя дѣйствительныя практическія мѣры. г) Вообще же для исправленія народа и возвышенія его нравственности, пастыри проповѣдники постоянно заботились о дѣйствіи и распространеніи проповѣди. Для сей цѣли они часто внушали духовенству учить народъ христіанской вѣрѣ и добродѣтелямъ, при чемъ указывали на недостатки самого духовенства и народа; и кромѣ того содѣйствовали успѣху проповѣдничества административными распоряженіями, опредѣленіями соборовъ, пособіемъ гражданской власти и т. под.

Доселѣ мы вообще разсматривали отдѣльно жизнь и нравы предковъ, а также характеръ греческаго и русскаго проповѣдничества. При этомъ мы замѣтили, съ одной стороны, большія неустройства въ общественной и частной жизни народа и недостатки въ его характерѣ, а съ другой стороны, необыкновенную высоту и напряженность нравственнаго ученія греческаго и русскаго проповѣдничества. Разсматривая отдѣльно эти важные предметы, мы не видѣли между ними тѣснаго, взаимнаго отношенія. А судя по свойству этихъ предметовъ,—чувственной жизни предковъ и строгости нравственно-аскетической проповѣди, кажется въ правѣ отрицать между ними всякое отношеніе. Теперь, примѣняясь къ намѣченнымъ пунктамъ практическаго проповѣдничества, мы разсмотримъ эти разнохарактерные предметы въ связи и увидимъ, насколько они согласовались между собою, взаимодѣйствуя и ограничивая другъ друга. Увидимъ, насколько жизнь предковъ, при всѣхъ ея не-

достаткахъ, какъ бы нравственныхъ терніяхъ, оказалась удобною почвою къ принятію нравственно-аскетическаго ученія? Насколько и это ученіе оказалось плодотворнымъ сѣменемъ къ исправленію жизни предковъ и украшенію ея добродѣтелями? Тогда для насъ выяснится вполнѣ задача греко-русскаго проповѣдничества и вліяніе его на жизнь древней Руси, религіозную и гражданскую.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЛИЧЕНІЕ УМСТВЕННЫХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЙ ВЪ ВѢРѢ.

Характеристика русскаго народа ознакомила насъ между прочимъ, съ его умственными недостатками и заблужденіями. Недостатки эти состояли главнымъ образомъ, въ преобладаніи чувства надъ умомъ и вытекающей отсюда наклонности къ суевѣрію и предразсудкамъ. Суевѣріе русскаго народа весьма сложно въ своемъ существѣ, и до того укоренилось въ его нравахъ, что дало ему названіе двоевѣрнаго. При такомъ умственномъ складѣ русскій народъ всего менѣе способенъ былъ къ религіознымъ спорамъ, сознательнымъ, такъ сказать, заблужденіямъ и ересямъ. Дѣйствительно, ереси не находили себѣ столь удобной почвы въ Россіи, какую онѣ находили въ Греціи и Римѣ. Русскій народъ, вслѣдствіе умственной неразвитости, неподвижности и, можно сказать, безотчетной вѣры, мало увлекался религіозными спорами и не сочувствовалъ ересямъ. При всемъ томъ, онъ не избѣгъ нѣкоторыхъ заблужденій въ вѣрѣ, вслѣдствіе иноземнаго вліянія и ученія еретиковъ; таже умственная косность и неподвижность въ нѣкоторой степени подчиняла его авторитету иноземцевъ, еретиковъ и ихъ ученія. Всѣ эти умственныя заблужденія народа, противныя христіанству, заключавшіяся въ суевѣріи и ересяхъ, и связанныя съ жизнію, подвергались строгому обличенію проповѣдниковъ. Поэтому, для уразумѣнія тона и содержанія обличительныхъ проповѣдей, необходимо изложить, хотя въ общихъ чертахъ, исторію суевѣрія и ересей въ Россіи. Исторія умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ тѣмъ болѣе необходима, что эти заблужденія стоятъ въ связи съ нравственными недостатками народа, служили для нихъ опорою или основаніемъ, и имѣли огромное вліяніе на жизнь общественную и частную. Кромѣ того, знакомство съ исторіей умственныхъ заблужденій выяснитъ намъ вполнѣ характеръ обличительнаго проповѣдничества, его достоинства и недостатки, степень соотвѣтствія запросамъ времени и нуждамъ церкви, и благотворнаго вліянія на жизнь.

А) ИСТОРІЯ СУЕВѢРІЯ СЛАВЯНЪ.

Суевѣріе русскихъ славянъ самое закоренѣлое и, такъ сказать, самое жизненное. Оно доказало свою живучесть тысячелѣтнимъ существованіемъ. А потому, для полноты историческаго изслѣдованія, необходимо показать: а) основныя причины русскаго суевѣрія и способъ возникновенія его, б) источники, изъ коихъ оно развивалось въ особые виды, в) вліяніе суевѣрія на жизнь народа, и г) послѣднюю судьбу его.

а) Причины суевѣрія и происхожденіе его.

Суевѣріе славянъ, какъ и всѣхъ дикихъ народовъ, возникло изъ страха и благоговѣнія предъ могуще-

ствомъ природы, и состояло въ обожаніи ея силъ. Природа всегда поражала людей своимъ устройствомъ и разумностію своихъ цѣлей. Предусмотрительность и могущество, выражающіяся въ законахъ природы, всегда вели къ идолопоклонству, олицетворенію и обожанію ея силъ. По понятію русскихъ славянъ, вся природа, съ ея явленіями и стихіями, оживлена божескою силою и наполнена духами. Въ частности, они признавали божескою силою, живыми существами, надѣленными чувствомъ и волею, и просто богами, стихіи и вообще различныя части и явленія природы: небо съ его свѣтилами и метеорами, свѣтомъ и тепломъ; огонь, съ молніей и громомъ, какъ силу родственную съ свѣтомъ; воздухъ, съ его атмосферными явленіями, грозой и дождемъ; воду, въ ея вмѣстилищахъ: озерахъ, рѣкахъ и колодцахъ; землю съ ея произведеніями, каковы: камни, дерева, овинъ—хранилище растеній, «жита, пшеницы и всякой пашницы». Небо и земля представлялись въ брачномъ союзѣ: небо доселѣ народъ почитаетъ батюшкою, а землю матушкою, кормилицею. Души умершихъ, какъ высшее осуществленіе силъ природы; онѣ почитались покровителями дома и семьи. Каждая стихія, сообразно съ своими явленіями, имѣла многихъ частныхъ боговъ. Въ глубокой древности первоначально обожались самые предметы и явленія природы; но помѣрѣ развитія сознанія народнаго, создавались духи, представители силъ и явленій природы. Съ утвержденіемъ христіанства всѣ эти темные духи обращены въ нечистую силу—чертей. Всѣ эти боги, сообразно съ характеромъ явленій природы, полезныхъ и вредныхъ, раздѣлялись на два класса: добрыхъ и злыхъ. Даже и добрые боги (Перунъ, Сварогъ и проч.) нерѣдко дѣлали вредъ и зло,

для обнаруженія своей силы, каприза. Ко всѣмъ этимъ существамъ народъ обращался съ молитвою о помощи и заклятіями. Духи, по понятію славянъ, жили каждый въ своей стихіи и въ своемъ мѣстѣ. Такъ напр. въ водѣ живетъ водяной духъ, въ лѣсу—лѣшій, въ дому—домовой, и проч. Изъ предметовъ природы особенная таинственная сила приписывалась свѣтиламъ, поражавшимъ своими благодѣтельными свойствами. Вѣрованіе въ свѣтила и ихъ вліяніе на судьбу людей, особенно новорожденныхъ, произвело особую науку — астрологію. Со введеніемъ христіанства въ Россіи, боязливое чувство суевѣрнаго народа олицетворило многіе священные предметы, приписавъ имъ благодѣтельную таинственную силу. Таково напр. олицетвореніе праздниковъ, вѣра въ живую силу церковныхъ вещей: освященной воды, ладана, и т. под. Эти вѣрованія, составлявшія чисто христіанское суевѣріе, заключались въ апокрифической литературѣ. Сообразно съ вѣрою въ природу и духовныя существа, славяне ввели многіе праздники для умилостивленія этихъ существъ,—обряды и заклинанія для огражденія своей жизни и домашняго счастія. Изъ способа возникновенія русскаго суевѣрія и причинъ, произведшихъ его, сами собою открываются источники и виды его [1]).

---

[1]) Суевѣріе мы понимаемъ въ обширномъ смыслѣ, какъ совокупность ложныхъ вѣрованій, неоправдываемыхъ добрыми цѣлями. Такъ опредѣляется суевѣріе въ литературѣ и въ жизни. Въ сочиненіяхъ церковно-историческихъ суевѣріе принимается въ обширномъ смыслѣ, какъ совокупность религіозныхъ заблужденій. На языкѣ житейскомъ суевѣріе принимается въ тѣсномъ смыслѣ, какъ выраженіе умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, называемыхъ предразсудками. Сюда относятся предчувствія, примѣты, ложныя предсказанія, суевѣрные обряды, заговоры, чарованіе и проч. Вообще, слово «суевѣріе» всегда употребляется какъ общее родовое понятіе; поэтому язычество, астрологія и апокрифы, какъ

б) Источники суевѣрія и виды его.

Источниками русскаго суевѣрія, какъ видно изъ предыдущаго, служили: идолопоклонство или обожаніе природы; астрологія или ученіе о вліяніи свѣтилъ на судьбу человѣка; апокрифическая литература, заключавшая въ себѣ преимущественно суевѣріе христіанское. Сообразно съ источниками, изъ коихъ развивалось русское суевѣріе, оно раздѣляется на три главные вида: языческое, астрологическое и христіанское.

Суевѣріе языческое.

Язычество, выражавшееся въ обожаніи природы, было не только первымъ, но и главнымъ источникомъ суевѣрія на Руси; отъ него въ значительной степени заимствовали свою силу астрологія и апокрифическая литература. Язычество поддерживало вѣру въ многочисленныхъ боговъ, представителей силъ и явленій природы, и обрядность, состоящую въ жертвахъ и праздникахъ богамъ. Подробныхъ свѣденій о божествахъ славянъ мы не имѣемъ, такъ какъ миѳологія ихъ не была подробно записана, приведена въ систему, и, какъ думаютъ историки, самыя божества славянъ вырождались. «Съ теченіемъ времени, говоритъ г. Соловьевъ, начальныя черты вѣрованій могли искажаться. Одно и тоже божество у разныхъ племенъ носило разныя названія, могли явиться различными божествами». Лѣтописцы и проповѣдники сообщаютъ отрывочныя свѣдѣнія о язы-

источники ложныхъ вѣрованій, неоправдываемыхъ нравственными цѣлями, справедливо назвать общимъ именемъ «суевѣрія».

ческихъ богахъ и обрядахъ. «Наши древніе писатели, говоритъ нѣкто, отвращались съ омерзеніемъ отъ народнаго язычества, какъ отъ дьявольскаго обольщенія. Только немногіе обличители касались его въ своихъ поученіяхъ, и то отчасти. Даже у новѣйшихъ изслѣдователей все въ этомъ отношеніи ограничивается перечнемъ, съ большею или меньшею полнотою, языческихъ боговъ и обрядовъ, почти безъ всякаго научнаго объясненія и соотношенія ихъ съ христіанствомъ въ исторіи. Спеціальнаго изслѣдованія о русскомъ язычествѣ наша богословская литература доселѣ еще не представляетъ. Въ свѣтской литературѣ разработывается языческая старина, съ той или другой стороны. Особенно замѣчательны «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», Аѳанасьева. Само собою разумѣется, что свѣтскіе ученые разсматриваютъ наше язычество съ своей точки зрѣнія». Тѣмъ паче нельзя было ожидать обстоятельныхъ свѣденій о язычествѣ отъ древнихъ проповѣдниковъ самоучекъ. Они обращали вниманіе на важнѣйшія заблужденія язычества, вредно вліявшія на жизнь, или поражавшія своею обстановкою, торжественными обрядами.

Важнѣйшія божества славянъ, упоминаемыя въ лѣтописяхъ и проповѣдяхъ, были представителями свѣта, огня, воды и воздуха, оживляющихъ природу. Главный богъ—Перунъ, управлявшій молніей и грозой; его звали и Сварогомъ. Второстепенные боги: Сварожичи—представители солнца и огня; Дажбогъ, Хорсъ, Ладо, Туръ, Волосъ (покровитель скота), — представители солнца; Купало—богъ свѣта, Ярило—богъ весны. Купалу и Ярилу нѣкоторые смѣшиваютъ. Коляда, Таусень, Авсень (ясень, ясный)—вѣроятно богъ солнца; Симъ и Реглъ—

боги огня; Мокошь—Астарта; Стрибогъ — богъ вѣтровъ. Далѣе слѣдуютъ домашніе боги: домовые, лѣшіе, кикиморы; упырь, навье — мертвецы; Чуръ, Родъ — отецъ семейства, имѣющій многихъ женъ (покровитель дома); Рожаница — родильница; Берегиня — богиня судьбы; души умершихъ родителей—покровители семьи; Русалки — души умершихъ дѣтей, — онѣ жили въ рѣкахъ и озерахъ. [1]) Народъ доселѣ вѣритъ, что русалки—души дѣтей, умершихъ некрещенными. Нежить—нечистая вражеская сила, бѣсъ; Вилъ—вавилонскій богъ; Вилы—русалки. При обожаніи природы славяне олицетворяли и животныхъ, и въ своей миѳологіи дали имъ видное мѣсто. Конь, волъ, собака, воронъ и другія животныя одарены предчувствіемъ, и принимаютъ въ дѣлахъ людскихъ живое участіе. Съ принятіемъ христіанства народъ не забылъ прежнихъ вѣрованій, сближавшихъ его съ природою; онъ надѣлялъ животныхъ умомъ и волею и допустилъ ихъ въ свои легендарныя сказанія. Библія давала къ этому достаточно поводовъ (Медвѣдь доселѣ признается бывшимъ когда-то человѣкомъ).

Важнѣйшіе праздники и обряды въ честь боговъ.

При неразвитости языческой религіи, въ смыслѣ системы, и множествѣ домашнихъ боговъ, при отсутствіи храмовъ и жрецовъ, которыхъ замѣняли волхвы, религія славянъ не отличалась парадностію и внѣшнею обстановкою. Нехитрые обряды, жертвы и молитвы домашнимъ богамъ совершались отцами семействъ, около

[1]) Русское язычество: Странникъ 1875 г. іюнь, іюль, сентябрь. И. Р. Сол. 1,64—71. Примѣч. 74—90. Правос. собес. 1865 г. борьба христіанства съ язычествомъ.

очага, дома. И только немногіе праздники, въ честь главныхъ боговъ, отличались торжественными обрядами, выказностію и разгуломъ. Судя по характеру главныхъ боговъ, представителей солнца и свѣта, легко понять, въ какія времена и съ какими обрядами будутъ совершаться эти праздники. Они тѣсно связаны съ поворотами солнца и временами года. Усиленіе свѣта и тепла возбуждаетъ жизнь, желанія и страсти; слѣдовательно лѣтніе праздники должны совершаться открыто и сопровождаться играми, разгуломъ и всякими излишествами. Всѣ эти соображенія подтверждаются фактами. Самый шумный, продолжительный и безпутный праздникъ совершался въ честь Купалы и Ярилы, 23—24 іюня, когда солнце достигаетъ высшей точки, свѣтъ и теплота—высшаго напряженія, и возбуждаютъ жизнь природы. Обряды праздника состояли въ зажиганіи костровъ, прыганіи черезъ огонь, купаніи въ рѣкахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ до восхода солнца. Все это дѣлалось въ надеждѣ очищенія и укрѣпленія чудодѣйственною силою стихій; въ это время собирали травы, приписывая имъ чудесную силу (И нынѣ въ день 23 іюня—ищутъ цвѣтовъ папоротника) Думаютъ, что въ этуже ночь совершался обрядъ похищенія дѣвицъ, замѣнявшій бракъ. Второй праздникъ, въ честь Коляды, совершался въ концѣ декабря, когда свѣтъ солнца усиливается и дни увеличиваются. Обрядъ праздника состоялъ въ хожденіи славить божество и собираніи подаяній для жертвы. Третій праздникъ весны, совпадающій съ масляницей. Масляница—праздникъ весенняго свѣта и поминовенія умершихъ предковъ. Въ это время живые здоровались съ мертвыми на могилахъ, плакали и веселились. Четвертый праздникъ—Семикъ, проводы русалокъ въ моги-

лы, въ концѣ весны. Семикъ—пріятель масляницы; на лубочныхъ картинкахъ онъ принимаетъ и величаетъ ее. По вѣрѣ славянъ, въ началѣ весны мертвые оживали, въ концѣ весны уходили въ могилы.

Эта вѣра въ различныхъ боговъ, съ ея праздниками и обрядами, говоря вообще, дѣйствовала болѣе на умъ и убѣжденія славянъ, нежели на ихъ нравы и жизнь. Нѣкоторые же обряды, вытекавшіе изъ языческихъ вѣрованій, имѣли ближайшее отношеніе къ жизни и преимущественно вліяли на нравы славянъ. Обряды эти слѣдующіе: *похищеніе дѣвицъ*. На сходбищахъ, особенно въ масляницу, молодые люди похищали дѣвицъ, обводили ихъ трижды около озера, или дуба, и такимъ пустымъ обрядомъ утверждали важный договоръ супружеской жизни. Этотъ обычай въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовалъ до нашихъ временъ (въ витеб. губерніи). *Тризна по умершихъ*. Тризна, производимая отъ слова: трунить, сопровождалась веселіемъ въ честь умершихъ, пьянымъ пиромъ и борьбою [1]). *Сожиганіе волхвовъ и вѣдьмъ или знахарей*. Подозрѣвая въ волхвахъ чародѣйство и способность повелѣвать стихіями, славяне приписывали имъ общественныя бѣдствія, и потому сожигали ихъ. *Выкапываніе изъ земли насильственно умершихъ и погребеніе утопленниковъ*. Древняя Русь, вслѣдствіе невоздѣланности почвы и обилія лѣсовъ, подвергалась рѣзкимъ перемѣнамъ погоды, вредившимъ плодородію; а вслѣдствіе гражданскихъ неустройствъ теряла много людей отъ насильственной смерти. Славяне, вѣруя въ души умершихъ и ихъ вліяніе на жизнь, находили отношеніе между непогодою и погребеніемъ насильственно

[1]) И. Р. Солов. 1, 62—70. Примѣч. 83—103.

умершихъ. Для отвращенія непогоды, сырости и холода, вредившихъ плодамъ, они выкапывали изъ земли насильственно умершихъ и зарывали въ землю утопленниковъ. Но главною причиною этихъ обрядовъ была вѣра славянъ въ землю, какъ живое существо, въ ея божескую власть и карательную силу. Къ землѣ, какъ ближайшей своей стихіи и кормилицѣ, народъ особенно часто обращался съ молитвами и просьбами; даже въ христіанствѣ называлъ ее святою, какъ нынѣ называетъ матерью. Древній человѣкъ, поэтому, видѣлъ страшную бѣду въ томъ обстоятельствѣ, если по смерти «мать сыра земля» не принимала его тѣла. Недостойные погребенія мертвецы, насильственно умершіе, могли вызывать гнѣвъ земли; другіе, напротивъ, требовали скорѣйшаго погребенія, удаленія отъ свѣта, воздуха и воды. *Судебные поединки, называемые полемъ*. Поединки основывались на вѣрѣ въ божество, карающее преступленія. При неумѣньѣ вести процессы законнымъ порядкомъ, предки полагались на небесную помощь. Они думали, что на поединкѣ совѣсть обличитъ виновнаго, отыметъ у него смѣлость и духъ. Поэтому, пораженіе противника въ полѣ считалось знакомъ суда Божія и достаточнымъ оправданіемъ. Но обвиняемый, надѣясь на свою ловкость и помощь волхвовъ, тоже оправдывался поединкомъ. Онъ говорилъ въ свою защиту: «требую суда божія, поля и единоборства». Поединки, свидѣтельствуя о неразвитости закона, были тѣмъ болѣе вредны, что ограждались Уложеніемъ Іоанна III и Судебникомъ Іоанна IV. Наконецъ къ вреднымъ обрядамъ язычества надобно отнести праздничныя игры, скоморошество, борьбу, кулачные бои, битье бочекъ и т. под. Эти игры часто совпадали съ христіанскими праздниками, и тѣмъ болѣе оказывали вредное

вліяніе на нравы. Такъ напр. Радуница праздновалась въ Ѳомину недѣлю. Игры русальныя обыкновенно отправлялись въ церковные праздники, съ музыкой, пляской и глумленіемъ. «И мнози, оставивше церковь, на позоръ течаху» [1]). Русальною называлась недѣля отъ святыхъ отецъ до праздника Троицы. Въ 23 вопросѣ Стоглава сказано: «на русальной недѣлѣ, въ троицкую субботу, по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и съ великимъ крикомъ плакали на гробахъ; и егда начнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играти, они же, преставше отъ плача, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити». Въ 24 вопросѣ: «Русаліи о Іоанновѣ днѣ, въ навечеріи Рождества и Крещенія, сходятся мужи, жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, безчинный говоръ, плясаніе и скаканіе, богомерзскія дѣла, и бываетъ отрокомъ осквернѣніе, дѣвамъ растлѣніе. Егда нощь мимоходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ крикомъ, аки бѣсніи, умываются водою. И егда начнутъ звонити заутреню, тогда отходятъ въ домы своя, падаютъ аки мертвіи». «Въ праздники, говоритъ патр. Іоасафъ, вмѣсто духовнаго веселія, затѣваютъ бѣсовскія игры... Сходятся многіе люди, молодые и старые, стаютъ въ толпу, и начинаютъ великіе кулачные бои, до смерти; въ этихъ играхъ многіе пропадаютъ безъ покаянія» [2]). Не распространяемся объ обрядахъ второстепенныхъ, менѣе вредныхъ, напр. о молитвахъ и жертвахъ тварямъ, о ворожбѣ, заговорахъ и т. под.

[1]) Жит. св. Ниф. Рус. празд. и обряд. Снѣгир. 95 — 192. И. Карам. 1, прим. 205. Правос. собес. 1860 г. 341.

[2]) И. Р. Сол. 1, 49—72. И. Карам. 1, прим. 216, Рус. дост. 1, 94.

Закоренѣлость языческаго суевѣрія.

Изъ всѣхъ видовъ суевѣрія, омрачавшаго древнюю Русь, язычество, съ его богами, праздниками и обрядами, наиболѣе укоренилось въ народѣ. Не смотря на противодѣйствіе христіанства, законодательства, церковной проповѣди и просвѣщенія, оно, подъ разными видами и формами, просуществовало тысячу лѣтъ. Причины укорененности язычества на Руси, въ разныхъ его видахъ и формахъ, различны. Главная изъ нихъ—сложность языческой религіи. Какъ обоготвореніе силъ природы, языческая религія заключалась въ безчисленныхъ преданіяхъ, положеніяхъ, правилахъ, праздникахъ и обрядахъ, которыя требовали спеціальнаго изученія и опроверженія. А подобныя задачи рѣшаются не скоро, вѣками. Языческая религія, кромѣ того, видоизмѣнялась по народностямъ древней Руси. Язычество славянъ выражалось въ болѣе тонкихъ и такъ сказать приличныхъ формахъ идолослуженія или обожанія природы, и оно держалось въ центральной Россіи, съ замѣтнымъ упорствомъ до XIV вѣка. Съ ослабленіемъ язычества славянъ, появилось или открылось язычество болѣе грубое, на окраинахъ Россіи. Оно открыто миссіонерами, крестившими сѣверо-восточныхъ народовъ, въ XIV—XV вѣкѣ. Язычество сѣверо-восточныхъ народовъ выражалось въ самыхъ грубыхъ формахъ, унижающихъ человѣка до крайности, и тѣмъ болѣе усложнялось, что оно состояло въ частой перемѣнѣ боговъ. Народы пермской и вятской области, Карелiи и сѣвернаго Поморья, обожали ползающихъ животныхъ, гадовъ, и нетопырей, ѣли всякую скверну, и жили подобно дикимъ звѣрямъ» [1]). Въ похвальномъ словѣ соловец-

[1]) Правос. Собес. 1859 г. II, 98.

кимъ чудотворцамъ сказано: «обитатели лѣсовъ почитаютъ богомъ мясо; чѣмъ утоляютъ голодъ, то и считаютъ богомъ. Они боготворятъ стрѣлу, палку и камень, посредствомъ которыхъ достаютъ добычу; и такимъ образомъ всегда перемѣняютъ боговъ» [1]).

Укорененность языческой религіи объясняется и замкнутостію ея или домашнимъ характеромъ. Какъ поклоненіе силамъ природы, окружавшимъ домашній бытъ, религія эта мало нуждалась въ торжественности и парадной обстановкѣ. Жертвы и молитвы богамъ, окружавшимъ домашній очагъ, совершали отцы семействъ. Они обращались къ богамъ съ благодарностію, за ихъ благодѣянія, съ просьбою и заговорами, для отвращенія ожидаемаго вреда. Только въ важнѣйшихъ праздникахъ богамъ свѣта Купалѣ, Колядѣ и Ярилѣ религія языческая заявляла себя открыто, на площади, въ торжественныхъ играхъ. Но здѣсь она строго преслѣдовалась гражданскою и духовною властію, какъ оскорбленіе христіанства, освящавшаго нравы и проникавшаго народную жизнь. За то тѣмъ съ большею ревностію религія эта пряталась въ четырехъ стѣнахъ, около семейнаго очага, куда съ трудомъ проникала гражданская и духовная власть. Проходили вѣка, поученія пастырей и опредѣленія соборовъ громили язычество, его игрища и торжественные обряды; но мало задѣвали коренные предразсудки домашняго служенія. Лучшимъ доказательствомъ этой истины служитъ то обстоятельство, что въ проповѣдяхъ чаще обличаются открытые языческіе праздники, совершавшіеся преимущественно лѣтомъ.

Укорененности язычества способствовалъ духъ его

[1]) Правос. Собес. 1857 г. 236.

ученія, непротиворѣчившій грѣховной природѣ и поблажавшій ея страстямъ; а равно высокій духъ христіанства, съ которымъ не вдругъ освоились чувственные люди. Эта истина очевидна и не требуетъ доказательствъ. Кромѣ того, язычество упорно поддерживали волхвы и скоморохи, о которыхъ часто упоминаютъ лѣтописи и проповѣди. Волхвы были истолкователями воли боговъ, распорядителями празднествъ и совершителями религіозныхъ обрядовъ. Они находили несовмѣстными свою власть и вліяніе на народъ съ господствомъ христіанства и духовенства. Поддерживая въ народѣ суевѣріе, они нерѣдко вооружали его противъ христіанъ. Скоморохи были помощниками волхвовъ въ выполненіи языческой обрядности (гудцы и прегудницы). Они завѣдывали праздничными играми, хороводами, музыкой, пляской, и вообще гаерствомъ, для потѣхи толпы. Съ цѣлію потѣшать толпу разными играми и этимъ поддерживать свое существованіе, скоморохи странствовали по Россіи, на подобіе актеровъ. Для нихъ тоже невыгодно было господство христіанской вѣры, осуждавшей игры и народныя представленія. Враждебное отношеніе скомороховъ къ христіанству видно изъ того, что они поддерживали свое ремесло до XVIII вѣка, и занимались грабежемъ и разбоемъ. «По дальнимъ странамъ, говоритъ Стоглавъ, ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами, до 60—100 человѣкъ; по деревнямъ насильно ѣдятъ и пьютъ, изъ клѣтей грабятъ и по дорогамъ разбиваютъ людей». Противъ волхвовъ и скомороховъ вооружались Стоглавъ и указы Алексѣя Михаиловича.

Перерожденіе язычества,—сближеніе его съ христіанствомъ.

Вотъ, сколь сложными средствами поддерживалось язычество на Руси, въ разныхъ его формахъ, вопреки ученію христіанской вѣры. Понятно само собою, что столь сложная вѣра языческая, укорененная въ простыхъ умахъ вѣками, не могла вдругъ исчезнуть, уступить свое мѣсто христіанству. Медленно и постепенно одна вѣра вытѣсняетъ другую, но человѣкъ преимущественно консервативенъ въ вѣрѣ. Обыкновенно старая и новая вѣра вступаютъ въ сдѣлку, уживаются вмѣстѣ, взаимно проникаются, и послѣ долгихъ испытаній одна беретъ перевѣсъ надъ другою. Совершеннаго разрыва между ними не бываетъ. Обыкновенно измѣняются имена боговъ, дни праздниковъ и форма обрядовъ, а сущность ученія остается таже. Язычество сквозитъ повсюду въ дѣлахъ и жизни христіанъ. Какъ бы ни сильно разшатался религіозный обрядъ, онъ все же пользуется уваженіемъ въ народѣ. Какъ окаменѣлый остатокъ старыхъ вѣрованій, онъ невольно передается изъ рода въ родъ, и не исполнить его требованій почитается дѣломъ грѣховнымъ и вреднымъ. Дѣйствительно, языческое суевѣріе, со всѣми его развѣтвленіями, упорно противилось христіанству до позднѣйшаго времени. Слабѣя съ вѣками, подъ вліяніемъ проповѣди, оно доказало свою живучесть тѣмъ, что постепенно перерождалось и отчасти слилось съ праздниками и обрядами христіанскими, съ именами святыхъ и ангеловъ. Напр. важнѣйшіе языческіе праздники въ честь солнца соединились съ христіанскими, совпадающими съ ними по времени, а имена

важнѣйшихъ боговъ—съ болѣе извѣстными святыми. Такъ, праздникъ Купалы, когда свѣтъ достигаетъ высшаго напряженія и оживляетъ всю природу, совпалъ съ днемъ Іоанна Предтечи. Праздникъ Коляды, сопровождаемый пѣснями и собираніемъ подаяній для жертвы, совпалъ съ Рождествомъ, когда дни начинаютъ увеличиваться. Нѣкоторые праздники, льстящіе чувственности, съ необыкновеннымъ упорствомъ держались до конца XVII вѣка; таковъ напр. праздникъ весны, совпадающій съ масляницей. Одинъ иностранецъ сильными чертами изобразилъ языческій разгулъ масляницы на Руси, въ концѣ XVII вѣка. «Масляница, говоритъ онъ, начинается за восемь дней до великаго поста. Въ то время, когда всякій (христіанинъ) долженъ приготовляться, съ сердечнымъ раскаяніемъ, къ созерцанію страстей Христовыхъ, эти заблудшіе люди отдаютъ свою душу діяволу. День и ночь во всю масляницу продолжается обжорство, пьянство, игра, развратъ и убійство, такъ что страшно объ этомъ и слышать. Въ это время пекутъ на маслѣ и на яйцахъ калачи, пирожки и т. п.; зазываютъ къ себѣ гостей, упиваются до безчувственности водкой, медомъ и пивомъ. Во все это время только и слышно: того убили, а того бросили въ воду. Въ бытность мою у русскихъ на этой недѣлѣ насчитали убитыхъ болѣе ста человѣкъ. Нынѣшній патріархъ давно хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; по крайней мѣрѣ онъ сократилъ его на восемь дней; тогда какъ прежде (праздникъ масляницы) продолжался четырнадцать дней» [1]). Что же касается именъ боговъ, то, напр. Волосъ соединенъ съ Власіемъ, покрови-

[1]) Снѣгир. р. прост. праздн. 11, 118.

телемъ скота; Іоаннъ Предтеча—съ Сварожичемъ, богомъ солнца и огня; Перунъ съ прор. Иліею; Хорсъ передѣланъ въ Нахора; св. Георгій замѣнилъ богатыря Святогора и т. д. Святые и ангелы замѣнили въ народныхъ вѣрованіяхъ языческихъ боговъ и героевъ, и въ свою очередь стали покровителями стихій, произрастителями плодовъ, охранителями домашняго хозяйства, побѣдителями демоновъ, лѣшихъ, домовыхъ, кикиморъ, и всей вражьей силы. Совпаденіе праздничныхъ дней, сходство именъ и должностей, и особенно борьба съ христіанствомъ, давали поводъ къ такимъ сближеніямъ и взаимнымъ уступкамъ. Такимъ образомъ составились особенные народные святцы, опредѣлявшіе обязанности святыхъ, примѣнительно къ языческимъ взглядамъ. И христіанство, вытѣсняя языческое суевѣріе, потерпѣло въ свою очередь давленіе и окрасилось цвѣтомъ миѳологіи. Вообще же говоря, языческое суевѣріе замѣтно ослабѣваетъ съ XIV вѣка, и большая часть его обрядовъ и праздниковъ смѣшивается съ народными забавами, играми и переряживаніемъ. Религіозное значеніе язычества пропадало съ утвержденіемъ христіанства, и для позднѣйшихъ родовъ уцѣлѣла оболочка его, лишенная смысла обрядность. Но проповѣдники, какъ увидимъ, преслѣдовали языческое суевѣріе, нерѣдко въ мельчайшихъ проявленіяхъ его, до XVIII вѣка. По старой враждѣ къ язычеству они не спускали невиннымъ играмъ и забавамъ, видя во всемъ этомъ остатки идолослуженія и бѣсовскаго ухищренія. Они, напримѣръ, запрещали плесканіе рукъ, гудьбу, качели и вообще зрѣлища, можетъ быть нелишнія для предохраненія народа отъ болѣе грубыхъ развлеченій.

Суевѣріе астрологическое.

Вторымъ источникомъ суевѣрія, послѣ язычества, была астрологія. Славяне обожали свѣтила, и потому были внимательны къ явленіямъ небеснымъ и вліянію ихъ на природу. Развитію этого новаго суевѣрія способствовала притомъ астрологія, проникавшая въ Россію съ востока и запада. Астрологія излагала систематически ученіе о вліяніи свѣтилъ на судьбу міра и людей. И хотя христіанство противодѣйствовало астрологіи, какъ противодѣйствовало язычеству и апокрифической литературѣ; но оно же, невольнымъ образомъ, укрѣпляло вѣру въ знаменія небесныя. Въ самомъ дѣлѣ, въ библіи есть подтвержденія того мнѣнія, что знаменія небесныя служатъ выразителями воли Божіей, и особенно гнѣва Божія на грѣшниковъ. Особенно замѣчательное мѣсто въ этомъ отношеніи есть у пророка Іоиля. Пророкъ говоритъ, что въ послѣдніе дни, вмѣстѣ съ дарованіемъ Св. Духа, будутъ знаменія на небѣ, предвѣщающія кончину міра (Іоиль 2, 28—32. Мѳ. 24, 29. 30). Подобныя мѣста часто встрѣчаются и въ евангеліи (Лук. 21, 25. Мар. 13, 24 — 25). При сильномъ благоговѣніи предковъ къ словамъ библіи, и вѣра ихъ въ знаменія небесныя была непоколебимою. Это подтверждается, между прочимъ, свидѣтельствами лѣтописцевъ. Русскіе лѣтописцы были весьма наблюдательны къ знаменіямъ небеснымъ и давали имъ толкованіе библейское. Записывая подробно солнечныя и лунныя затмѣнія, явленіе кометъ и сѣверное сіяніе, они признавали эти знаменія вѣстниками гнѣва Божія и приводили тексты, особенно изъ евангелія, о кончинѣ міра. Народъ,

принимая это ученіе съ полною вѣрою, приходилъ въ ужасъ при появленіи на небѣ знаменій. При такой чуткости предковъ къ звѣздному міру и благоговѣніи къ небеснымъ знаменіямъ, астрологія легко и естественно привилась къ нимъ; предразсудки, внушаемые этою наукою, нашли самую удобную почву въ русской жизни. Астрологія въ глубокой древности возникла на востокѣ, въ Вавилоніи. Примѣръ вліянія ея на умы видимъ въ повѣствованіи о волхвахъ, пришедшихъ въ Виѳлеемъ. «Мы, говорили волхвы, видѣли звѣзду Его на востокѣ, и пришли поклониться Ему». Немощному человѣку, поставленному среди необъятныхъ силъ природы, естественно возблагоговѣть предъ отдаленными свѣтилами, все оживляющими, и приписать имъ таинственную силу, вліящую на судьбу людей. Это тѣмъ болѣе справедливо, что многія положенія астрологіи оправдываются современною наукою и опытными наблюденіями. Не пускаясь въ излишнія подробности астрономическихъ и физіологическихъ наблюденій, замѣтимъ только, что темпераменты людей, особенно выдающихся своею дѣятельностію и талантами, находятся въ связи съ днями рожденія ихъ, въ извѣстныя времена года (холерики вообще раждаются лѣтомъ, напр. въ іюлѣ, времени высшаго напряженія электричества и теплоты; флегматики зимою, напр. въ декабрѣ). Сочиненія по астрологіи стали проникать въ Россію съ начала христіанства, изъ Греціи и Болгаріи. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Астрологія, Астрологъ и Звѣздочетецъ; въ нихъ излагалось ученіе о вліяніи звѣздъ на судьбу людей. Въ нѣкоторой связи съ этимъ ученіемъ стояла пасхалія, перешедшая къ намъ отъ грековъ. Разчисленіе ея въ Греціи не простиралось далѣе седьмой тысячи лѣтъ; и къ намъ, вмѣстѣ съ пасхаліей, перешло изъ Греціи вѣрованіе въ кончину міра, съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ. Исаакъ Аргиросъ писалъ 1373 года: «по господствующему мнѣнію», кончина міра послѣдуетъ съ исходомъ седьмой тысячи лѣтъ, и по этой причинѣ нѣтъ нужды исправлять мѣсяцесловъ». Въ одной изъ греческихъ пасхалій, за роковымъ годомъ седмаго тысячелѣтія, кто—то написалъ: «горе тѣмъ, которые доживутъ до конца вѣковъ» [1])! Въ дополненіе къ астрологическимъ произведеніямъ восточной редакціи, съ XV вѣка въ Россію стали проникать подобныя сочиненія съ запада. Астрологія, съ хиромантіей, физіономикой и подобными науками, разработана средневѣковыми мистиками, и посредствомъ альманаховъ особенно распространилась въ Италіи и Франціи, въ XV вѣкѣ. Въ этихъ сочиненіяхъ, на подобіе нашихъ календарей, и особенно Брюса, излагалось ученіе о вліяніи свѣтилъ на судьбу людей и царствъ; въ нихъ, между прочимъ, съ росписаніемъ добрыхъ и злыхъ дней и часовъ, предлагались наставленія, когда и что дѣлать и предпринимать, для вящшаго успѣха. Въ народѣ особеннымъ вниманіемъ пользовалось «Колесо фортуны», съ изображеніемъ звѣздъ и планетъ, дающихъ людямъ различные жребіи. Въ связи съ астрологіей въ Россію проникали сочиненія по естественнымъ наукамъ, наполненныя суевѣріемъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, перешедшія къ намъ изъ Греціи и Болгаріи, слѣдующія: Чаровникъ, предлагавшій средства легко обращать людей въ животныхъ; Волховникъ, содержащій ученіе о разныхъ примѣтахъ; Путникъ—о встрѣчахъ; Сонникъ—о снахъ. Изъ сочиненій западныхъ въ этомъ

[1]) И. р. слов. Шевыр. IV, 79.

родѣ замѣчательны: Стрѣлки, Топорки, Рафли—гадательныя тетради, Аристотелевы врата—главы, и особенно Люцидарій. Люцидарій—энциклопедія средневѣковыхъ знаній, повѣрій и гаданій. «Въ сей книгѣ собрано все то, что въ другихъ писаніяхъ изложено пространно», говоритъ предисловіе.

Суевѣріе христіанское, порожденное апокрифами.

Третьимъ источникомъ суевѣрія, послѣ язычества и астрологіи, была апокрифическая литература, проникавшая въ Россію сперва изъ Греціи и Болгаріи, а потомъ съ запада. Она искажала библію вымыслами, легендами. Суевѣріе, насаждаемое апокрифическою литературою, было болѣе тонкое и духовное,—но за то болѣе глубокое и укорененное. Оно утверждалось въ понятіяхъ народа незыблемо, такъ сказать непреложнымъ авторитетомъ вѣры, откровеніемъ высшаго, небеснаго міра. Апокрифы или запрещенныя книги переходили въ Россію изъ Греціи и Болгаріи съ самого начала христіанства. Такъ, въ лѣтописи Нестора есть заимствованія изъ Палеи, заключающей въ себѣ вымышленныя сказанія и дополненія къ библейской исторіи. Болѣе замѣчательные апокрифы своимъ любопытнымъ содержаніемъ, составляющимъ поэтическую прикрасу библейскихъ сказаній, слѣдующіе: Завѣтъ адамовъ, Молитва симова, Энохъ, Лѣствица Іакова, Имена ангеламъ, Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ, Завѣтъ Моисея, Древо крестное, Посланіе и Евангеліе Варнавы, Евангеліе Ѳомы. Самыми распространенными апокрифами на Руси были тѣ, которые изображали загробный міръ, съ его блаженствомъ и муками, или предлагали полезныя средства для блага земной жизни. Таковы напр.: Хожденіе Богородицы по мукамъ, Хожденіе ап. Павла по мукамъ (и сферамъ небеснымъ), Заклинательныя Молитвы п. Іереміи противъ лихорадокъ, Сказанія о св. Пятницѣ, а также о двѣнадцати пятницахъ, и т. под. «Греки, говоритъ Крижаничъ, по своей врожденной болтливости, легкости и измѣнчивости, наполнили Россію многими баснословными вымыслами, разсѣянными въ печатныхъ книгахъ. Они этимъ внесли въ народъ нашъ больше вреда и соблазновъ, чѣмъ это сдѣлали самыя опустошенія скиѳовъ, во все прежнее и новое время».

Легендарныя житія.

Хорошимъ дополненіемъ исчисленныхъ апокрифовъ служили житія святыхъ, въ нѣкоторыхъ своихъ повѣствованіяхъ, отвергнутыхъ Церковію. О житіяхъ Метафраста, извѣстныхъ въ числѣ 661, изъ коихъ имъ самимъ написано 122, еще въ древности произнесенъ критикой справедливый судъ. Пселлъ, почти современникъ Метафраста (Хв.), сказалъ о составителяхъ житій святыхъ, что «они часто писали несправедливое, и потому повѣствованія ихъ нерѣдко подвергались насмѣшкамъ» [1]). Монфоконъ, отличный критикъ и знатокъ греческой литературы, свѣрявшій древніе списки житій, замѣтилъ, что «жизнеописанія святыхъ наполнены баснями (nugis, fabulis ac portentosis narrationibus)». Исторія или судьба житій святыхъ вполнѣ подтверждаютъ точный приговоръ основательнаго критика. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что житіе напр. св. Пара-

[1]) Palaeograph. graec. lib. IV, 269.

скевы, составленное слишкомъ неискусно, по опредѣленію п. Николая, было созжено. По этому общему характеру житій и Великія Чети-Минеи м. Макарія нечужды легендарныхъ сказаній. Въ этихъ сказаніяхъ историческая истина нерѣдко украшена вымыслами фантазіи. Самъ митрополитъ сознается въ этомъ: «буде гдѣ посредѣ св. книгъ написано ложное и отреченное слово, а мы не возмогохомъ исправити, о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія». Житія святыхъ, сокращенныя Димитріемъ ростовскимъ, даже въ настоящемъ своемъ видѣ не чужды народныхъ преданій и поэтическихъ прикрасъ. Указавъ на житія святыхъ, какъ на источники исторіи русской Церкви, пр. Макарій замѣчаетъ: «въ числѣ этихъ житій, нѣкоторыя, подобно позднѣйшимъ нашимъ лѣтописямъ, не мало искажены многословіемъ, преувеличеніями, даже историческими несообразностями и противорѣчіями» [1]). Житія святыхъ имѣли сильное вліяніе на убѣжденія и нравы предковъ, особенно изображеніемъ загробной жизни, съ ея блаженствомъ и муками. Доказательствомъ этого служитъ ученіе о мытарствахъ, заимствованное изъ жизни Василія новаго; оно повторяется въ житіи Антонія римлянина, Авраамія смоленскаго, и въ проповѣдническихъ сборникахъ. Но вмѣстѣ съ истинными сказаніями о духовныхъ предметахъ, замствованными изъ житій святыхъ, народъ усвоивалъ и суевѣрныя преданія. Это доказывается духовными стихами и церковною живописью. Большая часть духовныхъ стиховъ XIV—XVII вѣка имѣетъ своимъ содержаніемъ аскетическія чувства и предметы, взятые изъ житій святыхъ, о началѣ и концѣ міра, о

[1]) И. Р. Ц. пр. Мак. 1, XVI.

страшномъ судѣ и т. под. Въ этихъ же стихахъ изображается «плачъ Адамовъ», «плачъ земли», «прощаніе души съ тѣломъ» и т. под. Изъ церковной живописи достаточно указать на картины страшнаго суда, на которыхъ пламень, выходящій изъ устъ змія, составляетъ обыкновенное явленіе. Достойно замѣчанія также адское древо, на которомъ висятъ грѣшники, зацѣпленные крючьями, и т. под. [1]).

Происхожденіе національныхъ апокрифовъ.

Суевѣріе, возникшее изъ разныхъ источниковъ, развивавшееся сложными путями и утвержденное историческими условіями, имѣло сильное вліяніе на жизнь народа и судьбу Россіи. Для выясненія этого вліянія необходимо прослѣдить совмѣстное и постепенное развитіе всѣхъ родовъ суевѣрія и общее сліяніе ихъ въ національной апокрифической литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ роды суевѣрія, поддержанные преданіемъ, увѣковѣчены литературой. Измѣняясь въ своемъ характерѣ, примѣнительно къ условіямъ жизни, они окончательно сложи-

[1]) Хожденіе Богородицы по мукамъ (XII в.). «Восхотѣла Богородица (на горѣ елеонской) видѣть адскія муки. И отверзся адъ; и было тутъ множество мужей и женъ. И увидѣла Святая желѣзное дерево, съ вѣтвями и отраслями и съ желѣзными крючьями. И было тутъ множество мужей и женъ, повѣшенныхъ за языки. Прослезилась Святая и спросила арханг. Михаила о грѣшникахъ. Архистратигъ отвѣчалъ: «это клеветники и сводники, которые разлучали братьевъ, мужей и женъ». И увидѣла Святая женъ, повѣшенныхъ за ногти; пламень исходитъ изъ устъ ихъ, а изъ пламени—змѣи. И кричали: «помилуйте насъ! Мы мучимся больше всѣхъ! Прослезилась Святая и спросила о грѣшницахъ: Архистратигъ отвѣчалъ: «это—попадьи, которыя не почтили своихъ поповъ, а по смерти ихъ вышли за мужъ». (Изв. Акад. наукъ. X, 551—573. Хожденіе Богородицы по мукамъ доселѣ распространяется въ народѣ въ безчисленныхъ варіантахъ).

лись и опредѣлились въ національной апокрифической литературѣ. И національные апокрифы, приспособленные къ жизни народа, имѣли обширную практику и оказали самое могущественное вліяніе на нравы. Въ обширной національной апокрифической литературѣ, въ ея легендахъ, обрядовыхъ правилахъ, молитвахъ, заклинаніяхъ, причитаніяхъ, заговорахъ выразилось смѣшеніе христіанства съ язычествомъ и астрологіей, ихъ взаимодѣйствіе и перерожденіе,—тѣ правила воспитанія, которыя отмѣчены характернымъ словомъ: «двоевѣрія». Поэтому изслѣдованіе національныхъ апокрифовъ требуетъ особеннаго вниманія. Но подробное изслѣдованіе этого вопроса составляетъ задачу исторіи проповѣдничества. Въ «Очеркѣ» предложены общія свѣденія о видахъ древняго суевѣрія. Относительно развитія національной апокрифической литературы и сліянія въ ней всѣхъ родовъ древняго суевѣрія «Очеркъ» не можетъ дать и скудныхъ свѣденій, по недостатку источниковъ. Немного ихъ сообщитъ и прагматическая исторія русскаго проповѣдничества перваго періода, по той же причинѣ.

Составъ національныхъ апокрифовъ, и вліяніе ихъ на жизнь.

Подъ вліяніемъ апокрифовъ, восточной и западной редакціи, въ Россіи распространились сборники собственнаго издѣлія, національные апокрифы, «худые номоканунцы». Сборники эти совмѣщали въ себѣ суевѣріе всякаго рода: языческое, астрологическое, христіанское, и вообще натуральное. Въ нихъ заключались статьи «волшебныя, гадательныя, еретическія, насѣянныя отъ бѣса». Въ нихъ такъ соединились иноземныя повѣрья

съ національными, что трудно и даже не возможно различить ихъ. Памятникомъ смѣшаннаго языческаго и христіанскаго суевѣрія въ русской апокрифической литературѣ служитъ: «муромское сказаніе о Петрѣ и Февроніи»; въ этомъ сказаніи изображены битва князя Петра съ зміемъ оборотнемъ и вѣщій характеръ Февроніи. Памятникомъ чисто христіанскаго суевѣрія служитъ посланіе арх. Василія о раѣ, видѣнномъ новгородцами. Оно составлено подъ вліяніемъ «Плача адамова» и «Трехъ мниховъ, находившихъ Макарія у рая». Памятникомъ астрологическаго и натуральнаго суевѣрія, наиболѣе распространеннаго въ письменности древней Руси, служили Лечебники, Травники, Зелейники и т. под. Въ нихъ заключено богатое собраніе гаданій, примѣтъ, чарованій, заговоровъ, причитаній, молитвъ и предразсудковъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два синодальные лечебника, XVII вѣка, № 480 и 481. Вся эта масса національныхъ апокрифовъ распространяла въ народѣ суевѣріе посредствомъ устной передачи, выписокъ, заклинательныхъ листковъ, тетрадей, разносимыхъ странниками по землѣ, волшебныхъ молитвъ, и въ свою очередь пополнялась ими. Грамотный народъ постоянно передѣлывалъ апокрифы примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ: сокращалъ, пополнялъ и размножалъ ихъ списки. Этимъ «ложнымъ книгамъ, насѣяннымъ отъ бѣса, на пагубу душъ христіанскихъ», предстоялъ въ древней литературѣ огромный и неодолимый успѣхъ. Своимъ сказочнымъ направленіемъ и поэтическимъ содержаніемъ, на все отвѣчавшимъ, онѣ, какъ нельзя лучше, приходились къ понятіямъ необразованнаго и довѣрчиваго народа. Въ этихъ книгахъ старинные читатели находили любопытные отвѣты на

сокровенные вопросы о судьбѣ міра и человѣка, о будущей жизни, о силахъ природы, о вліяніи ея на вседневную жизнь. Здѣсь же они почерпали и практическіе совѣты противъ нуждъ жизни, злой судьбы, несчастій, болѣзней, разныхъ неудачъ, и т. под. Поэтому, не только грамотный человѣкъ, одержимый нуждами, при неустройствахъ общественной и частной жизни, обращался за помощію къ апокрифамъ, какъ надежному пристанищу, къ нимъ влекло его и простое любопытство. Кирикъ говоритъ, что онъ читалъ тетрадку, въ которой объяснялось рожденіе дитяти подъ пятницу. Это объясненіе взято изъ апокрифическаго сочиненія о двѣнадцати пятницахъ. Кирикъ читалъ еще книгу, содержащую любопытныя объясненія относительно литургіи [1]). Въ ней сказано, что десять литургій покрываютъ или заглаждаютъ грѣхи, совершенные въ четыре мѣсяца; двадцать литургій заглаждаютъ грѣхи восьми мѣсяцевъ; тридцать литургій—двѣнадцати мѣсяцевъ. Апокрифы, затрогивавшіе любопытство предковъ, не только поэтическими вымыслами, но и практическою пользою, размножались такимъ образомъ съ каждымъ вѣкомъ. Къ XIV вѣку они разрослись уже до такой степени, что обратили на себя строгое вниманіе духовной власти. М. Кипріанъ въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» упомянулъ о толстыхъ сборникахъ, бывшихъ въ употребленіи у духовенства, какъ источникахъ суевѣрія и баснословія. Дѣйствительно, апокрифы, національнаго издѣлія, были главнымъ источникомъ народнаго суевѣрія; они совмѣщали въ себѣ преданія язычества, астрологіи и заблужденія христіанскія. Вліяніе апокрифовъ

[1]) Памят. Отреч. литер. Тихонр. II, 338.

на жизнь было такъ глубоко, что сказывается и нынѣ въ преданіяхъ народа и раскольниковъ.

Размноженіе апокрифовъ къ концу разсматриваемаго періода было причиною возрожденія и усиленія суевѣрія въ XVI—XVII вѣкѣ. Къ XVII вѣку суевѣріе до того усилилось на Руси, что казалось вновь ожившимъ и обновившимся. Объ усиленіи суевѣрія въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуютъ сборники и лѣтописи того времени, наполненные невѣроятными сказаніями и приключеніями. Въ нихъ изображаются каменные дожди, гласы животныхъ и тому подобныя чудеса. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ Густынская лѣтопись 1670 г.; она наполнена разсказами о дивныхъ явленіяхъ, небывалыхъ приключеніяхъ, и болѣе другихъ лѣтописей нуждается въ строгой критикѣ [1]). Объ усиленіи суевѣрія въ ту эпоху свидѣтельствуютъ частые процессы о волшебникахъ, а также протесты и обличенія соборовъ московскихъ 1551 и 1667 года. Усиленію суевѣрія въ разсматриваемую эпоху содѣйствовали историческія обстоятельства: гражданскія сношенія съ татарами, особенно по завоеваніи Казани (татары, особенно плѣнные, разселились по городамъ, поступали въ услуженіе русскимъ, и даже служили въ войскѣ), закрытіе школъ элементарныхъ, особенно съ XV вѣка, водворившееся повсюду невѣжество, и наконецъ свободная продажа рукописей невѣжественными писцами, безъ предварительной цензуры. Люди, промышлявшіе списываніемъ рукописей, до того размножились и укоренились на Руси, что даже въ позднѣйшія времена воз-

[1]) П. Р. Сол. VII, 110. 436. VIII, 327. IX, 449. XIV, 55. И. р. ц. Знамен. 290.

буждали удивленіе иностранцевъ. Несмотря на введеніе книгопечатанія въ Москвѣ, въ половинѣ XVI вѣка, скорописцы, промышлявшіе продажею рукописей, держались у насъ почти до XIX вѣка. Академикъ Коль, въ 1725 году, удивлялся множеству людей въ Россіи, промышлявшихъ перепиской книгъ, нетолько рукописныхъ, но и печатныхъ. У раскольниковъ это ремесло процвѣтаетъ донынѣ. Для переписчиковъ невыгодно было книгопечатаніе, полагавшее предѣлъ, между прочимъ, искаженію истины и усиленію суевѣрія. За то и рукописи, которыя м. Макарій въ XVI вѣкѣ назвалъ «растлѣнными отъ невѣждъ переписчиковъ», оставались такими до XIX вѣка; онѣ много повредили и печатнымъ книгамъ. Что же касается книжной цензуры, то она не мыслима была на Руси до XVIII вѣка, по недостатку школьнаго и систематическаго образованія. Опыты доморощенной критики, начавшейся въ XVII вѣкѣ, при столкновеніи московскихъ начетчиковъ съ кіевскими учеными, до очевидности подтверждаютъ это. До нельзя узкіе взгляды и мелкія возраженія московскихъ критиковъ убивали всякую мысль и движеніе ума. Доказательствомъ этого служитъ сожженіе въ Москвѣ «учительнаго евангелія» Транквилліона; или хоть слѣдующее замѣчаніе п. Филарета. Книгу протоп. Зизанія «Оглашеніе» патріархъ озаглавилъ: «Бесѣдословіе», на томъ основаніи, что Оглашеніемъ названы бесѣды Кирилла іерусалимскаго; «а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо» [1]).

[1]) Рецензію книги «Оглашенія», написанной прот. Зизаніемъ, патр. Филаретъ поручилъ игумену Иліи и типографскому справщику Гришкѣ. Рецензенты: «у тебя написано о кругахъ небесныхъ, планетахъ, Зодіяхъ затмѣніи солнца, громѣ и молніи, тресновеніи, шибаніи, перунѣ, комѣтахъ и звѣздахъ; эти статьи взяты изъ астрологіи, а книга астрологіи отъ волхвовъ еллинскихъ, и православію несходна». Зизаній: «почему не сходна? Я не написалъ колеса счастія и рожденія человѣческаго; не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашею жизнію, писалъ для знанія, пусть человѣкъ знаетъ, что—это тварь Божія».—«За чѣмъ изъ астрологіи ложныя имена звѣздамъ выбиралъ»?—«Какія имена»?—«Говорилось: облака надувшись ударяются, и отъ того бываетъ громъ, огонь и звѣзды называешь звѣрями (т. е. именами животныхъ)».—«Какъ же писать о звѣздахъ?»—«Мы вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а звѣрями Моисей ихъ не называлъ».—«Какъ же эти свѣтила образуются?»—«По повелѣнію Божію, ангелы служатъ, тварь водя»...

Вліяніе суевѣрія на жизнь народа.

Исторія русскаго суевѣрія показала чрезвычайную сложность его и тѣсную связь съ жизнію народа, съ его убѣжденіями и дѣйствіями. При такихъ свойствахъ суевѣріе не могло быть благопріятнымъ для жизни народа; напротивъ, оно оказывало самое вредное и гнетущее вліяніе на его жизнь и нравы. Вредное вліяніе суевѣрія обнаруживалось въ томъ, что оно замедляло умственное и нравственное развитіе народа, и такимъ образомъ разстроивало его домашнюю и общественную жизнь.

а) Суевѣріе замедляло умственное развитіе народа. Русское суевѣріе, по своему характеру грозное и карательное, отлично отъ суевѣрія другихъ народовъ, и въ особенности—греческаго. Греческое суевѣріе, тоже состоявшее въ обожаніи природы, отличалось, такъ сказать, миролюбивымъ характеромъ. Оно, какъ самая природа страны, ласкало человѣка, и потому благопріятствовало развитію его мысли и поддерживало пытливость ума. Греческіе боги вообще были дружны съ людьми, принимали живое участіе въ ихъ дѣлахъ и помогали

имъ въ бѣдѣ. Русское суевѣріе, отражавшее въ себѣ грозный характеръ сѣверной природы, напротивъ, сковывало мысль и подавляло стремленія ума. Внушая страхъ къ безчисленнымъ божествамъ и умилостивительные обряды, суевѣріе изощряло чувство народа, и такимъ образомъ обрекало его на умственный застой и неподвижность. Чѣмъ болѣе суевѣріе создавало боговъ, вліявшихъ на судьбу народа, тѣмъ болѣе развивало въ немъ сознаніе своей слабости, зависимости и духовнаго рабства. И эта зависимость была тѣмъ тяжелѣе, что давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Боги или авторитеты, созданные суевѣріемъ, были представителями силъ грозной природы; и вліяніе ихъ, какъ самой природы, было неизбѣжно повсюду. Все въ жизни народа, начиная отъ мыслей и желаній, и оканчивая предпріятіями и дѣйствіями его, подавлялось и ограничивалось высшимъ авторитетомъ, вмѣшательствомъ невидимой силы. Древнему человѣку грозили бѣдой домовые и лѣшіе, небесныя свѣтила, злые мѣсяцы, дни и часы, двѣнадцать пятницъ, святая пятница, и безчисленныя примѣты по полету птицъ, слѣду животныхъ, и т. д. И чѣмъ мрачнѣе было воображеніе народа, наблюдавшее слѣды таинственной силы, тѣмъ тяжелѣе былъ деспотизмъ ея и печальнѣе обстановка жизни. Рай и адъ прежде всего въ умѣ и сердцѣ человѣка, или народа, въ его убѣжденіяхъ и ощущеніяхъ, а затѣмъ—въ дѣлахъ и стремленіяхъ.

Подъ давленіемъ и вліяніемъ безчисленныхъ боговъ, или силъ природы, никто не смѣлъ возвыситься надъ ними, вооружиться мыслію и знаніемъ противъ слѣпой судьбы. «Общій страхъ непостижимыхъ силъ природы, говоритъ одинъ писатель, которыя неотразимо дѣйствовали на чувство, жизнь, здоровье, хозяйство и благосостояніе народа, проникалъ всѣ ощущенія и представленія его, и составлялъ основную идею языческаго воззрѣнія на природу. Этотъ страхъ господствовалъ и въ христіанскія времена, когда, по свидѣтельству лѣтописей и актовъ, при всякомъ необычайномъ физическомъ явленіи, страхъ и ужасъ обнималъ всѣхъ, всѣ зѣло обстрашились, и сами лѣтописцы восклицали: о ужасъ! о страхъ! И этотъ суевѣрный страхъ природы, наслѣдованный отъ язычества, при неразвитости мысли, былъ новымъ препятствіемъ къ развитію смѣлаго пытливаго взгляда на природу, испытанія ея, размышленія о ея силахъ и явленіяхъ. Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія страха природы и чувства вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, въ народѣ укоренилось недовѣріе къ испытательному уму и вообще къ естествознанію» [1]). Безчисленные обряды и заговоры, повидимому, ограничивавшіе зло и бѣдствія жизни, еще болѣе усыпляли мысль народа и останавливали его развитіе. Въ непрерывныхъ бѣдствіяхъ неустроеннаго государства народъ охотно полагался на машинальныя средства, избавлявшія его отъ головоломнаго труда, изученія законовъ природы,—неизбѣжнаго отношенія между причинами и ихъ слѣдствіями. Обрядъ и заговоръ казались надежными средствами противъ всѣхъ бѣдъ.

Слѣдствіемъ преобладанія чувства надъ разумомъ было развитіе въ народѣ особенныхъ психическихъ свойствъ, окончательно вредившихъ его умственному развитію. Свойства эти: наклонность къ чудесному, духовная мечтательность, и подозрительность къ наукѣ,

---

[1]) Педаг. усл. умст. раз. р. нар. с. 124.

недовѣріе къ ея опытамъ, противленіе всякому прогрессу и знанію.

При неразвитости разума и вѣрѣ въ сверхестественныя силы природы, народъ принималъ за истину всякіе вымыслы, сказочныя повѣсти, извращавшія естественные законы. Подобными вымыслами и повѣстями наполнялись сборники, книги, лѣтописи и поученія, ко вреду народа. Напр. «въ лѣто 1269 являхуся великія дивы. Людіе видяху на небѣ войска въ сбруяхъ, раздѣлены на два полка, едны съ другими біяхуся»... [1]). «Въ лѣто 1277 уловиша въ озерѣ диво бѣсовское, страшное, иже имѣяше главу козію, съ рогами, а очи аки свѣщи свѣтяхуся. Сіе диво побѣже подъ ледъ рычащи»... «Того же лѣта 1406, бысть буря велика въ Нижнемъ Новѣгородѣ; и вихорь вземъ человѣка, съ колесницею, понесъ. На другій же день обрѣтоша колесницу его на древѣ высоцѣ, на другой сторонѣ Волги»... [2]). «1447 года 3 января, бысть облакъ тученосенъ, съ дождемъ, и паде пшеница и рожь, на полѣ и на лѣсѣ, до рѣки Мсты, на 15 верстъ. Граждане стекошася видѣти сіе преславное чудо, откуду и како бысть?» [3]). Особенно странными вымыслами наполнены описанія русскихъ путешественниковъ. Наши странники простосердечно записывали всѣ небылицы, сообщаемыя имъ проводниками. Напр. Стефанъ новгородецъ, описывая Царь-градъ, говоритъ о жабѣ, которая ходила по городу и глотала людей, о метлахъ, которыя сами собою мели улицы и пр. Эта чудесность, проникающая древнюю литературу, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о возбужденіи чувства, всюду подозрѣвающаго таинственныя силы, а съ другой стороны—о безсиліи разума, не свѣдущаго въ законахъ природы.

[1]) Лѣтоп. густын. 344—349.
[2]) П. с. лѣт. VI, 133.
[3]) Тамъ же, VI, 125.

При возбужденности чувства и настроенности къ чудесному, народъ естественно впадалъ въ мечтательность и визіонерство. Невѣжественному разуму, подавленному вѣрою въ таинственныя силы природы, казались естественными и неизбѣжными разныя озаренія и иллюзіи. Онъ принималъ собственныя мечты и желанія за внушеніе свыше. Непониманіе преемственности причинъ въ законахъ природы и преувеличенное понятіе о ея могуществѣ заставляли подчиняться и рабствовать ей. Притомъ же, говоритъ одинъ писатель, изучившій славянскую миѳологію, «для непросвѣщенной дѣтской фантазіи народа всегда понятнѣе и увлекательнѣе миѳическій міръ язычества. Безъ знанія законовъ природы и исторіи, совершенно безпомощный, неразвитый человѣкъ постоянно чувствуетъ себя подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и свою зависимость отъ нихъ, и во всемъ окружающемъ ищетъ силы, на которую хочетъ опереться въ своемъ безсиліи». За неимѣніемъ собственной силы въ знаніи и опытѣ, приходилось опираться на воображаемую силу, химерическія существа. Напр. «кто почитаетъ 5 и 6 пятницу, тотъ избавится отъ скудости и всякаго недостатка» [1]). Противъ 12-ти трясавицъ, дочерей Ирода, слѣдовало призвать на помощь Сихаила и Аноса [2]). И народъ слѣпо вѣровалъ въ подобныя химеры, обращаясь къ нимъ за помощію». Въ 1590 г. тавренскіе крестьяне положили заповѣдь на три года: «въ

[1]) Памят. отреч. литер. II, 338.
[2]) II, 352.

пятницу ни толочь, ни молоть, камня не жечь, проводить ее съ чистотою... Кто станетъ яйца бить, на томъ взыскать 8 алтынъ» [1]). При общей наклонности къ иллюзіямъ и мечтательности, являлись цѣлыя толпы обманщиковъ, которые злоупотребляли вѣрою народа и еще болѣе утверждали его въ суевѣріи. «По селамъ, говоритъ Стоглавъ, ходятъ ложные пророки, босые и нагіе, съ распущенными волосами. Они трясутся и убиваются, говорятъ, что имъ является св. пятница и Анастасія; что эти святыя воспрещаютъ христіанамъ заниматься работою въ среду и пятницу. Они внушаютъ дѣла богомерзскія, противныя закону [2]).» О тѣхъ же злоупотребленіяхъ свидѣтельствуетъ патр. Іоасафъ въ XVII вѣкѣ. «Во время пѣнія по церкви ходятъ шпыни, человѣкъ десять и больше, бранятся и дерутся; другіе съ блюдьями и свѣчами собираютъ на церковное строеніе. Иные юродствуютъ, иные ходятъ въ образѣ пустынниковъ, въ черныхъ одеждахъ, растрепавъ власы. А иные во время пѣнія ползаютъ по церкви, творятъ пискъ и проч.». Въ доказательство наклонности народа къ иллюзіямъ слѣдуетъ упомянуть о чудесныхъ снахъ и откровеніяхъ, которыми сопровождались въ древней Руси общественныя бѣдствія. И хотя нельзя отвергать чудесныхъ сновъ, но многіе изъ нихъ, какъ видно изъ дѣла, были плодомъ обольщенія, фанатизма, суевѣрія и злонамѣренности.

Наклонность къ озареніямъ и мечтательность, усиленная ложными пророками, достигли высшаго напряженія и развитія въ сектѣ людей божіихъ, или христовщинѣ. Мистическая секта людей божіихъ явилась въ

[1]) И. Р. Сол. VII, 432.
[2]) Вопр. 21.

началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. По ея ученію, люди божіи суть органы небесныхъ откровеній и носители божества. Разными способами богоугожденія они могутъ привлечь Св. Духа и сдѣлаться сынами божіими. Сыны божіи, по примѣру Христа, безгрѣшны, всевѣдущи, всемогущи, и могутъ творить чудеса. Воля ихъ есть вмѣстѣ и воля Божія. Не распространяемся о подобныхъ сектахъ и разныхъ мечтателяхъ XVII вѣка.

При наклонности къ чудесному и духовной мечтательности, русскій народъ былъ подозрителенъ къ наукѣ и относился враждебно ко всякому виду просвѣщенія. Привыкнувъ водиться чувствомъ и предразсудками, онъ подозрѣвалъ въ наукѣ чародѣйство и преслѣдовалъ ученіе и ученыхъ людей. «Всѣмъ страстямъ, говорили русскіе, мати мнѣніе». «Мнѣніе—второе паденіе». Курбскій говоритъ, «что самые учители народа предостерегали его противъ книгъ». «Не читайте многихъ книгъ. Онсица зашолся въ книгахъ, изступилъ ума; а Онсица впалъ въ ересь». Книги, поступавшія изъ Кіева въ Москву, подвергались запрещенію. Невѣжественный народъ особенно преслѣдовалъ естествоиспытателей, которые наглядными опытами доказывали власть ума надъ природою, и такимъ образомъ будили народъ отъ умственнаго усыпленія, ставили его на почву труда и изслѣдованія вещей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Олеарій. «Русскимъ, говоритъ онъ, чужды естественныя науки. И если что удастся имъ перенять у иностранцевъ, то особенно подпадаетъ ихъ грубому и неразумному сужденію. Такъ напр. камеру-обскуру русскіе признаютъ волшебствомъ, анатомію колдовствомъ; такъ, астрономію они считаютъ волшебною наукою. Предугадываніе движенія какой-нибудь планеты, предсказаніе солнечнаго и лун-

наго затмѣнія—считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому, когда стало извѣстнымъ въ Москвѣ, что великій князь опредѣлилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ пошла молва, что волшебникъ, состоящій при голштинскомъ посольствѣ, скоро прибудетъ въ Москву и будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали питать ко мнѣ отвращеніе. Это отвращеніе ко мнѣ, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности». Владѣтелей какихъ-либо медикаментовъ, травъ и книгъ народъ преслѣдовалъ за чернокнижіе; самые предметы естествознанія и орудія науки немилосердно истреблялъ. Въ этихъ предметахъ народъ видѣлъ еретическія изобрѣтенія, противныя вѣрѣ. Подобныя преслѣдованія науки начались главнымъ образомъ съ XV вѣка, времени сближенія Россіи съ Европою и ознакомленія съ ея идеями. Въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, народъ истребилъ типографію, заведенную въ Москвѣ, и разогналъ типографщиковъ, обвинивъ ихъ въ ереси. Съ усиленіемъ въ Россіи европейскихъ идей въ XVII вѣкѣ усилилось и гоненіе противъ образованія. Власти гражданскія и духовныя брали всевозможныя предосторожности противъ европейцевъ, виновниковъ просвѣщенія; ихъ называли «погаными, зловѣрными, безбожными». Правительство, по словамъ Котошихина, воспрещало русскимъ выѣздъ за границу, дабы они не заразились иностранными обычаями и не отмѣнили своей вѣры. Дѣлались распоряженія о невпущеніи въ Россію иностранныхъ купцовъ и ихъ товаровъ, напр. хмѣлю, табаку и проч. [1]). Особенно сильно ратовали духовныя власти противъ европейскихъ идей и нововведеній. Аѳа-

[1]) И. Р. Сол. IX, 445.

насій холмогорскій писалъ въ окружномъ посланіи. «Видимъ нѣкія, ходящія въ чужестранные обычаи, паче же прелести еретическія, и сообщающіеся имъ, кромѣ закона, и заповѣданія, и преданія. Въ нашу православную Церковь вкрадываются тайно нововводимые чужестранные обычаи, отъ еретическихъ латынъ, Лютеровъ и Кальвиновъ, и ихъ ученіе всякое». Духовенство воспротивилось желанію Годунова завести въ Россіи обученіе иностраннымъ языкамъ, дабы съ разноязычіемъ не вкралось въ Церковь разновѣріе. Патр. Никонъ отнималъ у бояръ и истреблялъ нѣмецкіе органы, картины, ливреи и проч. Онъ крайне остерегался благословлять нѣмцевъ, «дабы не поврещи святыни псамъ». Патр. Іоакимъ въ своемъ завѣщаніи умолялъ правительство «не допускать русскихъ сближаться съ еретиками, и не вводить иноземныхъ обычаевъ». Патр. Адріанъ еще далѣе простеръ свою ревность въ противленіи всему иноземному. Онъ требовалъ, чтобы всѣ, по старому обычаю, учились у духовныхъ отцовъ, и брадобритіе признавалъ великою ересію. Какъ послѣдній представитель старины, въ патріаршемъ санѣ, Адріанъ встрѣтился съ представителемъ реформъ и услышалъ отъ него небывалую новость. Петръ, нападая на косность ума и религіозную замкнутость русскихъ, писалъ патріарху о новыхъ началахъ образованія, о необходимости завести ученіе гражданское, военное, строительное и медицинское, кромѣ церковнаго. Раскольничья литература тоже вооружала народъ противъ нововведеній; она сѣтовала, «что Русь позавидовала иностраннымъ обычаямъ, стала перенимать у еретиковъ взоры, хожденія, одежды и всякую пеструю прелесть». Раздался голосъ и съ Аѳона. Инокъ Вишневскій писалъ ко всѣмъ православнымъ:

«языкъ славянскій плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богу. Ибо, безъ поганскихъ руководствъ и хитростей, каковы грамматика, риторика, діалектика и прочія тщеславныя діавольскія коварства, безъ всякаго ухищренія приводитъ къ Богу. Охраняйте дѣтей своихъ отъ этой отравы. Теперь вы явно пострадали, когда разлакомились на мірскую и латинскую мудрость. Развѣ не лучше изучить Часословъ, Псалтырь, Октоихъ, Апостолъ и Евангеліе, съ другими церковными книгами, быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, называться въ сей жизни мудрымъ философомъ и отойти въ геенну?»

Народъ, руководимый властями и писателями, съ удвоеннымъ вниманіемъ преслѣдовалъ новшества. Нѣкоторыя преслѣдованія его въ этомъ родѣ обнаруживаютъ чисто ребяческій страхъ и смыслъ. Напр.: одного дьячка подвергли ссылкѣ за найденныя у него гадательныя тетради. Нѣкотораго тобольскаго протоіерея судили за найденные у него три корня, бѣлый комокъ и багровую траву. Образованнаго боярина Матвѣева обвинили въ колдовствѣ и сослали въ Пустозерскъ за то, что онъ читалъ чорную книгу (лечебникъ) [1]). Иностранныхъ врачей народъ безпощадно гналъ и рѣзалъ; перваго изъ нихъ — венеціанскаго врача Леона Іоаннъ III казнилъ смертію. Во время одного московскаго пожара чуть не сожгли живописца, за то, что нашли у него черепъ. Не понимая назначенія черепа, видѣли въ употребленіи его, какъ и другихъ непонятныхъ вещей, умыслы чародѣйства. Поэтому знаменитый Олеарій, какъ мы видѣли, не вступилъ въ русскую службу, не смотря на

[1]) И. Р. Сол. IX, 449.

лестныя предложенія царя. Вообще, протестъ народа противъ всякаго рода новшествъ, къ концу XVII вѣка, достигъ послѣднихъ размѣровъ и принялъ опасные размѣры въ борьбѣ съ иноземнымъ просвѣщеніемъ. Особенно опасно было допускать малѣйшія измѣненія въ области вѣры, вводить напримѣръ поправки въ текстѣ, непривычное для слуха пѣніе, троеперстіе, и т. д. Все это дѣло, какъ небывалое въ Церкви и непривычное религіозному чувству, сильно смущало суевѣрный народъ и подвергалось неумолимому суду. Исправленіе ошибокъ въ текстѣ, безсмыслицъ и даже ересей казалось оскорбленіемъ древней святыни, разрушеніемъ вѣры и спасенія души. Продолжительный застой, говоритъ одинъ современный историкъ, не могъ дать русскому человѣку силы твердо, спокойно встрѣтиться съ цивилизаціей и овладѣть ею. Застой производилъ духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ. Или человѣкъ (народъ) съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ всего чужаго, новаго, потому что не имѣлъ силы и мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ. Онъ трепеталъ передъ нимъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставятъ подойти къ новой нянькѣ. Но если онъ побѣждалъ страхъ, то уже вполнѣ подчинялся всему новому, чужому». «Особенность Россіи, говоритъ другой писатель, заключалась въ полнотѣ выраженія христіанскаго ученія; но въ этомъ таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что легко было смѣшать ихъ значеніе,— наружную форму уважать наравнѣ съ ея содержаніемъ. Уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно перешло

въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ оживляющаго духа. Въ XVI вѣкѣ это уже становится видимымъ. Отсюда произошла та односторонность русской образованности, послѣдствіемъ которой былъ Грозный. Спустя вѣкъ, она была причиною раскола, и въ мыслящихъ людяхъ произвела другую односторонность—стремленіе къ чужимъ формамъ (жизни) и къ чужому духу». Дѣйствительно, люди передовые, отличавшіеся умомъ и образованіемъ, гнушались русскимъ невѣжествомъ и нравами. Не уживаясь на Руси, нѣкоторые изъ нихъ бѣжали за границу. Посланные за границу молодые люди, при Годуновѣ, тамъ и остались и приняли католическую вѣру. Образованный бояринъ Нащокинъ бѣжалъ во Францію. Князь Хворостининъ тоже собирался бѣжать изъ Россіи, гдѣ, по словамъ его, «жилъ народъ глупый».

Преобладаніе чувства надъ разумомъ, наклонность къ чудесному, мечтательность и подозрительность къ наукѣ съузили умъ народа до крайности, сдѣлали его непроизводительнымъ и неподвижнымъ. Привычка жить чувствомъ и полагаться во всемъ на воображаемую, химерическую силу, привела въ запущеніе разумъ и мыслительную способность. Ограниченность и скудость русскаго ума всего яснѣе сказывалась въ общественныхъ бѣдствіяхъ, противъ которыхъ онъ не находилъ средствъ и защиты. Привычка полагаться на химерическую помощь заставляла народъ прибѣгать къ нелѣпымъ обрядамъ и средствамъ, нерѣдко увеличивавшимъ зло. Таково напримѣръ выкапываніе изъ земли насильственно умершихъ, для исправленія погоды, сожженіе чародѣевъ для отвращенія епидемій и т. под. Отъ такого скуднаго ума, задавленнаго предразсудка-

ми и суевѣріемъ, конечно нельзя было ожидать особенной дѣятельности и творчества. Умъ русскаго народа не обнаружился ни въ чемъ, впродолженіе семисотлѣтняго періода. Онъ не былъ производительнымъ ни въ наукахъ, ни въ искусствахъ, ни въ ремеслахъ. «Русскіе, говоритъ Олеарій, не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ». Самое обыкновенное ремесло въ жизни — ариѳметическое счисленіе не было извѣстно русскимъ. Всѣ ариѳметическія выкладки въ конторахъ и присутственныхъ мѣстахъ дѣлались на счотахъ,— изобрѣтеніи чисто національномъ. По свидѣтельству Перри, даже «въ XVIII в. весьма немногіе русскіе знали ариѳметику». «Умы народа тупы и косны, говоритъ Крижаничъ. Нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; русскіе купцы не учатся даже ариѳметикѣ. Исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы презираютъ его». За что ни брался народъ, сколько нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ, онъ всегда и во всемъ оказывался неискуснымъ и нуждался въ посторонней помощи [1]). Въ XV вѣкѣ, напримѣръ, Москва не могла достроить Успенскаго собора, безъ помощи иностраннаго архитектора. Непроизводительность русскаго народа становится особенно замѣтною при сличеніи его съ другими народами, жившими разумомъ и знаніемъ. Какая разница въ гражданскомъ отношеніи между древнею Русью и Англіей, достигшей въ XVI вѣкѣ высокаго просвѣщенія и могущества! Русскіе послы, бояре и путешественники не находили словъ для описанія

[1]) И. Р. Сол. V, 251.

богатства и просвѣщенія средневѣковой Италіи и Германіи. «Городъ Деритъ, говоритъ спутникъ митр. Исидора, каменный, палаты въ немъ чудныя; мы такихъ не видали и дивились». Нюренбергъ показался хитрѣе всѣхъ городовъ; «сказать нельзя и недомысленно». «Во Флоренскѣ, говоритъ посолъ 1559 г., объявились палаты, а въ палатахъ море; а на облакахъ сидятъ люди. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ въ золотѣ изъ занавѣси» [1]).

Безсильный умомъ и знаніемъ, народъ заявлялъ въ умственной жизни почти одни заблужденія и нелѣпости, на подобіе вредныхъ, болотныхъ испареній, и находился въ опасности потерять свою національность. Всякое улучшеніе въ жизни и религіи онъ клеймилъ латинскою ересью, чародѣйствомъ и ученіемъ антихриста. Смѣшивая существенное съ несущественнымъ, не умѣя отличить содержанія отъ формы предмета, онъ крѣпко держался за свои обряды, боялся потерять національность и спасеніе души съ перемѣною буквы. «Аще кто, говорили предки, измѣнитъ се на оно, а оно на се, тотъ вноситъ ереси, хулы и развращеніе». «Заводите въ новую ересь, учите людей въ церкви, а мы прежде сего не учивали людей. Бѣса вы имѣете въ себѣ». «Не дай Богъ погрѣшить намъ не только въ вѣрѣ, но и въ малѣйшей частицѣ церковныхъ пѣсней и каноновъ». «До насъ положено такъ, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». «Православнымъ нужно умереть за одинъ азъ». Когда преп. Максимъ грекъ исправилъ ошибку въ отпустѣ троицкой вечерни: то писецъ его, инокъ Михаилъ пришолъ въ ужасъ; онъ думалъ, что Максимъ «загладилъ премудрый догматъ».

[1]) И. Р. Сол. XII, 254. IV, 357.

Умы волновались пустыми вопросами, какъ пѣть: «Осподи помилуй! или: о, Господи помилуй!». Такимъ образомъ ревниво оберегаясь отъ всякихъ новшествъ, отбиваясь отъ иностранцевъ и ихъ изобрѣтеній, народъ погибалъ для умственной жизни и гражданскаго развитія. Своею умственною робостію, неподвижностію и какъ бы окаменѣніемъ народъ обрекалъ себя на политическую смерть и нравственную погибель. Онъ сталъ въ опасное, критическое положеніе, изъ котораго могъ выйти съ тяжкими жертвами, посредствомъ крутой и насильственной реформы. А она въ это время стучалась, какъ говорится, во всѣ двери и окна русскаго государства. Несмотря на запрещенія и протесты противъ иностранцевъ, Русь сама призывала ихъ, со времени Іоанна Ш, для обученія военному и строительному дѣлу. Такимъ образомъ сама исторія давала чувствовать народу, что онъ не долженъ быть замкнутымъ, жить исключительно религіозною жизнію, если желаетъ избѣжать печальныхъ слѣдствій умственнаго застоя; ибо народъ, отстающій отъ своихъ сосѣдей въ гражданственности, выноситъ тяжкіе уроки преобразованія, или теряетъ свою національность, подчиняясь иноземной власти. Дѣйствительно, слѣдствія долгаго застоя въ умственной жизни русскаго народа, при столкновеніи его съ реформой, были весьма печальны. Въ гражданскомъ отношеніи это былъ протестъ нововведеніямъ Петра, какъ дѣлу антихриста; въ религіозномъ отношеніи это былъ расколъ, который процвѣтаетъ донынѣ. Тотъ и другой, какъ увидимъ, дорого обошелся русскому государству.

Само христіанство съ своимъ благодѣтельнымъ ученіемъ о промыслѣ и аскетическимъ взглядомъ на жизнь не могло разсѣять густой тьмы предразсудковъ и пред-

отвратить печальныхъ послѣдствій умственнаго застоя. Народъ въ продолженіе семисотъ лѣтъ жилъ чувствомъ, и потому неспособенъ былъ къ обсужденію своихъ вѣрованій, двоился въ убѣжденіяхъ языческихъ и христіанскихъ. Въ корыстныхъ побужденіяхъ и ожиданіи выгоды онъ нерѣдко отдавалъ преимущество суевѣрію и язычеству предъ христіанствомъ. Неоспоримое доказательство подобнаго двоевѣрія русскаго народа оставилъ намъ стоглавый соборъ. Перечисливъ суевѣрныя книги, бывшія въ употребленіи народномъ: Шестокрылъ, Вороногай, Остромей, Зодѣй, Альманахъ и иные составы еретической мудрости, онъ какъ бы съ сожалѣніемъ говоритъ о тѣхъ слѣдствіяхъ, къ которымъ приводятъ подобныя вѣрованія. «Въ нашемъ православномъ государствѣ нѣкоторые люди заводятъ тяжбу, бьются въ полѣ и проливаютъ кровь. Надѣясь на чарованія волхвовъ, тяжущіеся не хотятъ мириться, хотя и цѣлуютъ крестъ. А тѣ (волхвы) смотрятъ въ Аристотелевы врата и Рафли, гадаютъ по звѣздамъ, наблюдаютъ дни и часы (добрые и злые), и такими дьявольскими дѣйствіями прельщаютъ народъ». Спутанный въ мысляхъ, забитый предразсудками, народъ не могъ имѣть яснаго понятія о христіанствѣ и развиваться правильно, въ духѣ его предписаній и догматовъ. Онъ вращался въ противорѣчіяхъ, и почти до XVIII вѣка заслуживаетъ отъ проповѣдниковъ названіе двоевѣрнаго.

б). Замедляя умственное развитіе русскаго народа, *суевѣріе* этимъ самымъ *замедляло и нравственное развитіе его*. Внушая нелѣпыя понятія о богахъ, силахъ природы и служеніи имъ, суевѣріе извращало нравственность народа, давало ей неправильное и вредное настроеніе. Подъ вліяніемъ суевѣрія нравственность народа часто проявлялась въ химерической дѣятельности, пустой обрядности, неведущей ни къ чему доброму, кромѣ траты времени и увлеченія всякими безпорядками. Главными изъ этихъ безпорядковъ были пьянство, буйство и пресыщеніе, которыми обыкновенно сопровождались языческіе праздники. Подрывая довѣріе къ наукѣ и знанію, суевѣріе отнимало лучшую опору народной нравственности—просвѣщеніе. Просвѣщеніе, возвышая умъ, исправляетъ волю, облагороживаетъ стремленія и дѣйствія людей. Опытъ и знаніе опредѣляютъ высшія цѣли жизни и назначаютъ лучшія средства къ достиженію ихъ. Лишенный пособій науки, народъ коснѣлъ цѣлыя столѣтія въ темныхъ предразсудкахъ и погрязалъ въ чувственной жизни, грубыхъ стремленіяхъ и порокахъ. Подъ вліяніемъ суевѣрія, извращавшаго нравственную природу, народъ по необходимости жилъ низшею жизнію, развивалъ въ себѣ животные инстинкты на счетъ высшихъ цѣлей и стремленій. Но главнымъ образомъ суевѣріе вредило нравственности народа своимъ противодѣйствіемъ христіанству. При недостаткѣ научнаго образованія въ древней Руси, христіанство было единственною школою, облагороживавшею духъ народа. Проводя высокое ученіе о нравственности человѣка и вѣчномъ призваніи его, христіанство возвышало духъ надъ плотію, отрывало его отъ земли и устремляло къ небу. Суевѣріе, укореняя въ народѣ грубыя убѣжденія и чувственныя привычки, ослабляло благотворное вліяніе христіанства на душу. Оно возвышало плоть надъ духомъ, сводило духъ народа съ неба на землю. Спутанный противорѣчивыми требованіями вѣры христіанской и языческой, народъ двоился въ своихъ поступкахъ; онъ былъ двоевѣрнымъ не только въ мысляхъ и правилахъ, но и въ

дѣйствіяхъ, служилъ Богу и идоламъ, добродѣтели и пороку. Онъ удивлялъ наблюдателей противорѣчіемъ своихъ убѣжденій и поступковъ, и къ сожалѣнію разрушалъ одною рукою то, что созидалъ другою. Такъ напр. послѣ подвиговъ поста и молитвы, особенно въ праздники, народъ отправлялся на игрища, поблажавшія всѣмъ страстямъ чувственной природы. Противодѣйствіе суевѣрія христіанству и двоевѣрный характеръ народа всего яснѣе сказались въ праздникѣ Купалы, въ день Іоанна Предтечи. Праздникъ этотъ даже въ XVI вѣкѣ сопровождался языческими обрядами, дикимъ разгуломъ и сценами разврата. Самые представители народа—власти, осуждавшіе суевѣріе, платили дань ему. Іоаннъ Грозный, который разсуждалъ на соборѣ объ искорененіи язычества, проводилъ святки по древнему обычаю. Онъ съ опричниками переряживался и предавался разнымъ потѣхамъ. Такимъ образомъ, жизнь народа, исполненная крайностей и противорѣчій, была слѣдствіемъ его умственной и нравственной забитости, вѣковаго давленія суевѣрія. Этотъ фактъ оправдываетъ положеніе науки, что нравъ человѣка и народа опредѣляется его знаніемъ. Каковъ умъ, такова и воля.

в) Замедливъ умственное и нравственное развитіе народа, притупивъ его силы, *суевѣріе* этимъ самымъ *разстроило его частную и общественную жизнь*. Наполнивъ умъ химерическими богами и обрядами, суевѣріе стѣснило духъ народа въ его дѣйствіяхъ, мысляхъ и чувствахъ, и такимъ образомъ разстроило во-первыхъ его домашнюю жизнь. Связанный страхомъ темныхъ силъ, народъ не могъ быть спокойнымъ въ домашней жизни, не могъ дѣйствовать свободно, правильно относиться къ людямъ и вещамъ. Все въ его дѣйствіяхъ

отзывалось подчиненіемъ неразумной силѣ, угнетеніемъ духа и вытекающими отсюда неустройствами. Подчиняясь многочисленнымъ божествамъ, народъ спутывался въ мысляхъ и дѣлахъ, и отъ этого терпѣлъ въ домашней жизни разныя бѣдствія. Главнымъ изъ нихъ было смущеніе духа, потеря спокойствія и мира душевнаго.

Подъ вліяніемъ вѣры въ темныхъ боговъ, народъ приписывалъ всѣ домашнія несчастія ихъ дѣйствію; и потому соображалъ свои дѣйствія съ ихъ волею, разгадывалъ ихъ опредѣленія въ безчисленныхъ примѣтахъ, ограждался отъ бѣдъ разными заговорами и обрядами. Такимъ образомъ духъ его всегда смущался тревогами, волновался напрасными надеждами и опасеніями. Примѣры подобныхъ опасеній указаны въ характеристикѣ русскаго народа. Особенно русскій народъ боялся колдовства, наговора и порчи. Всѣ классы древней Руси были заражены этимъ страхомъ и принимали мѣры къ огражденію семействъ отъ порчи. Въ XVI—XVII вѣкѣ поднято по этому дѣлу множество процессовъ, самыхъ нелѣпыхъ. 1648 года, напримѣръ, судили придворную мастерицу за то, что она продѣвала царское полотенце сквозь кольцо. Или: князь Голицынъ подвергъ пыткѣ Бунакова, вынимавшаго его слѣдъ. Въ Астрахани пытали и сожгли знахарей, подозрѣваемыхъ въ порчѣ царевича Гирея. Между прочимъ ихъ повѣсили за руки, и, вложивъ въ ротъ конскія удила, били по стѣнѣ [1]). До какой степени страхъ волшебства былъ всеобщимъ и глубокимъ, видно, между прочимъ, изъ Уложенія. Уложеніе назначало жестокія казни за волшебство—кнутъ и созженіе на кострѣ. Не смотря на то, волхвы не

[1]) П. Р. Сол. VII, 436.

переводились въ древней Руси, и къ нимъ обращались всѣ сословія за помощію. Къ волхвамъ обращались мужья и жены для вывѣдыванія тайнъ, ремесленники и преступники для успѣха въ дѣлахъ. Къ нимъ обращались князь Василій и Соломонія за помощію противъ неплодства. Самъ Иванъ Грозный спрашивалъ волхвовъ о днѣ своей смерти.

Смущеніе и угнетеніе духа сопровождалось неустройствомъ въ дѣлахъ, влекло за собою ущербъ домашняго благоустройства и порядка въ хозяйствѣ. Забитый народъ, подчиняясь суевѣрнымъ обрядамъ, тратилъ свое имущество на прогулы, подарки волхвамъ, лечебныя средства, талисманы и проч. По свидѣтельству владимірскаго Собора народъ собирался въ субботніе вечера на безстыдныя игры и скверныя дѣянія, по примѣру Діонисова праздника. Особенный ущербъ его состоянію причиняла вѣра въ добрые и злые мѣсяцы, недѣли, дни и часы, въ св. пятницу, среду, двѣнадцать пятницъ и т. под. Всѣ эти химерическія существа, на подобіе шляхты, не разбирая ничего, заявляли непреклонное «veto» въ жизни убогаго народа, воспрещали ему занятія и раззоряли его. Мы видѣли, какъ древніе крестьяне зарекались хранить среды и пятницы и ничего не дѣлать. Эти зароки, при множествѣ языческихъ праздниковъ и неразлучныхъ съ ними прогуловъ, кромѣ ущерба имѣнія, пріучали народъ къ лѣни, тратѣ времени, и неразсчетливости. Склонность къ прогуламъ и неразсчетливость доселѣ составляютъ главную черту русскаго народа, отличающую его отъ иностранцевъ.

Смущеніе духа и разстройство состоянія нерѣдко вели къ нарушенію семейныхъ отношеній. Страшливость и подозрительность, внушаемая суевѣріемъ, праздничные прогулы и скудость состоянія, грубость привычекъ, выносимыхъ изъ языческихъ праздниковъ,—все это ослабляло семейныя узы, вносило въ домъ раздоры, недовольство и грубый деспотизмъ. Особенно вредны были въ этомъ отношеніи праздникъ Купалы, Русальи и праздникъ языческій на Крещеніе. Въ эти дни открыто нарушались семейныя связи и нравственныя чувства. Вмѣстѣ съ играми, пляской и безстыдными пѣснями народъ предавался разврату. Тутъ, по слову Памфила, «было отрокамъ и дѣвамъ растлѣніе». Привычный къ пьянству и разврату народъ обнаруживалъ животные инстинкты и въ домашней жизни. И надъ кѣмъ же онъ могъ выказать свою необузданную силу, какъ не надъ слабой женщиной? Въ наше время гласные суды выводятъ на свѣтъ чудовищные примѣры семейнаго деспотизма и насилія. Что же сказать о томъ темномъ времени, когда самые браки заключались не по любви и нерѣдко сопровождались обманомъ? Мы не имѣемъ статистическихъ свидѣтельствъ семейнаго неустройства и деспотизма въ древней Руси. Только изрѣдка попадаются въ исторіи такія указанія: «жалоба міра на посадскаго человѣка Короба, что онъ безобразно пьетъ и бражничаетъ, играетъ въ зернь и въ карты, бьетъ и мучитъ свою жену не по закону» [1]). Но для насъ сохраненъ исторіей суровый взглядъ старины на женщину, и этотъ взглядъ свидѣтельствуетъ о ея крайнемъ униженіи. Обличительная проповѣдническая литература наполнена бранію и оскорбленіемъ древней женщины. Это вообще слова о злыхъ женахъ, ложно приписанныя св. Златоусту; а также унизительныя пословицы, со-

[1]) И. Р. Сол. XIII, 112.

хранившіяся въ Пчелахъ. «Жена злая есть коза неистовая», «гостинница жидовская». «Лучше жить со звѣрями, нежели съ злою женою», и т. д. Подобный взглядъ всего яснѣе проводитъ Заточникъ въ своемъ «словѣ». «Что есть злая жена? Неусыпаемая гостинница, бѣсовская купница, начальница всякой злобѣ, ослѣпленіе уму, мірской мятежъ» и проч. Вообще, женщина трактовалась въ древней литературѣ, какъ существо нечистое и соблазнительное. Подобные взгляды и отзывы, свидѣтельствуя о раздражительности древней женщины, показываютъ ея невыгодное положеніе въ семьѣ. Этой невыгодѣ семейнаго положенія—наиболѣе помогало суевѣріе, съ его разгульными обрядами и праздниками.

Конечно, не всѣ одинаково страдали отъ вліянія суевѣрія на жизнь домашнюю. Степень страданія всегда условлена воспріимчивостію, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ человѣка. Кромѣ того, со времени возвышенія власти царей и ознакомленія съ европейскими идеями, въ Москвѣ завелись либералы, которые пренебрегали и самою христіанскою вѣрою. Но вообще говоря, всѣ, сословія Россіи платили дань суевѣрію, какъ показываютъ приведенные нами примѣры. Слѣдовательно, всѣ болѣе или менѣе, терпѣли невыгодныя слѣдствія его. А совершенныхъ жертвъ суевѣрія, погибшихъ отъ душевныхъ болѣзней, умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, семейнаго деспотизма и злобы фанатиковъ, было всегда много. Подобныхъ несчастливцевъ и нынѣ много; а въ темныя времена древности имъ не было числа. Общимъ послѣдствіемъ суевѣрія была замкнутость и безцвѣтность домашней жизни. Угнетенный предразсудками и суевѣріемъ рус-

скій человѣкъ неспособенъ былъ къ удовольствіямъ, какими цивилизація облагороживаетъ семейную жизнь. Всякая перемѣна домашнихъ обычаевъ его робкому уму казалась ересью, и тѣмъ болѣе страшною, что въ древней Руси все было освящено вѣрою, носило печать монастырскаго устава. Самозванца русскіе признали еретикомъ за то, что онъ измѣнилъ русскіе обычаи, окружилъ себя иновѣрцами и хвалилъ все чужое. Онъ явился на Руси ранѣе надлежащаго цѣлымъ столѣтіемъ. Люди не соблазнявшіеся его поведеніемъ составляли исключеніе, незначительное меньшинство.

Во-вторыхъ, суевѣріе разстроило общественную жизнь. Притупивъ умъ и исказивъ нравъ народа, суевѣріе показало недостатки его на дѣлѣ, въ приложеніи къ общественной жизни. Какъ въ частной жизни суевѣріе обнаруживало свои слѣды нарушеніемъ домашняго міра, семейнымъ деспотизмомъ и разстройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ, такъ и въ общественной жизни оно показало свое вліяніе несравненно въ большей степени. Причина тому понятна. Жизнь общественная сложнѣе жизни семейной въ своихъ отправленіяхъ, и недостатки всего народа въ общей сложности, въ приложеніи къ законамъ гражданственности, ведутъ къ болѣе опаснымъ слѣдствіямъ, нежели недостатки семьи. Изображеніе всѣхъ слѣдствій суевѣрія въ отношеніи къ жизни есть трудъ обширный и весьма поучительный, ибо суевѣріе русское отличалось необыкновенною живучестію, и глубоко проникло въ общественные нравы. Большею частію оно заимствовало свою силу и освященіе отъ вѣры, при помощи апокрифовъ и ложнаго толкованія библіи. Поэтому русское суевѣріе имѣло огромное вліяніе на общественную жизнь и далеко превосходитъ въ

этомъ отношеніи суевѣріе прочихъ европейскихъ народовъ, насколько это можно видѣть изъ сравнительнаго описанія народныхъ нравовъ. Оно уступаетъ въ силѣ только браминскому фанатизму и магометанскому фатализму, которые притупляютъ умъ, извращаютъ нравы, и нерѣдко дѣлаютъ изъ людей нравственныхъ чудовищь. Но всестороннее изображеніе слѣдствій суевѣрія для жизни общественной составляетъ задачу исторіи проповѣдничества. Въ историческомъ Очеркѣ достаточно показать главныя черты этого важнаго предмета, выяснить существенныя его стороны.

Суевѣріе не благопріятствовало гражданственности и общественной жизни, по причинѣ развитія въ народѣ мистицизма и излишняго уваженія къ старинѣ. Утвердивъ вѣру въ химерическія существа, чувство страха и зависимости отъ нихъ, суевѣріе поставило вѣковую преграду умственной жизни народа и его цивилизаціи. Оно направило его дѣятельность въ таинственную область чувства, въ идеальный міръ боговъ, и такимъ образомъ отвлекло отъ дѣйствительнаго міра и жизненныхъ интересовъ. Это идеальное, такъ сказать мистическое, направленіе тѣмъ болѣе оказалось неблагопріятнымъ для гражданственности, что оно нашло себѣ поддержку въ аскетизмѣ, господствовавшемъ въ древней Руси. Аскетизмъ тоже внушалъ—пренебреженіе къ землѣ, отрѣшеніе отъ всего чувственнаго, и, кромѣ того, смиреніе, неподвижность ума. «Учися держати умъ, говоритъ древняя проповѣдь. Высочайши себѣ не ищи, высочайши бо—небесное измѣреніе, высокопаривая мысль, ея же не возможно постигнути. Учися грамотѣ, учися и держати умъ; высочайшаго не ищи, глубочайшаго не испытуй, но елико ти

предано, си содержи» [1]). Кромѣ того, аскетическая проповѣдь, какъ мы видѣли, въ основу нравственности полагала страхъ Божій и безусловную вѣру. «Главизна доброты и зачало премудрости страхъ Господень; лѣпо бо Жиждителя, властвующа животомъ и смертію, имущаго силу миловати же и мучити,—боятися и трепетати и говѣти» [2]). Всякое свободомысліе воспрещалось. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ мистическаго настроенія, укорененнаго вѣками, при содѣйствіи аскетизма, народъ жилъ вѣрою, чувствомъ и страхомъ, угнѣтающими мысль и цивилизацію. «Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія страха природы, говоритъ одинъ писатель, страха Божія и чувства вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, въ народѣ укоренилось недовѣріе къ естествоиспытательному уму и вообще къ естествознанію. Начало вѣры, нравоученія и страха Божія воспреобладало надъ разумомъ и мыслію. Вслѣдствіе такого умонастроенія народъ хотя и наталкивался на познаніе природы физическими работами; но мыслію не углублялся въ сущность ея, причинную связь явленій и соотношеніе ихъ. Онъ даже боялся подобнаго изслѣдованія природы, и испытаніе таинъ и воли Божіей считалъ грѣхомъ, даже волшебствомъ [3]). «Противленіе природѣ и ея разрушительнымъ дѣйствіямъ народъ считалъ опаснымъ искушеніемъ, «продерзкимъ усиліемъ противиться гнѣву Божію». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается за грѣхъ гасить пожары, происшедшіе отъ грозы. Въ этомъ видятъ противленіе воли Божіей [4]). Утвердившись въ мистическомъ

[1]) Сбор. Сол. библ. № 925, л. 66—68.
[2]) Сбор. сол. библ. № 172.
[3]) Педаг. усл. умств. раз. рус. нар. 125.
[4]) Эти. сб. V, 85.

направленіи, въ жизни вѣрою, чувствомъ и страхомъ, народъ не признавалъ другихъ идеаловъ общественной жизни, къ которымъ онъ не привыкъ и не имѣлъ расположенія. Онъ даже упорно отвергалъ высшія формы гражданственности и европейской цивилизаціи, для которыхъ не былъ способенъ и не имѣлъ достаточной подготовки. Напротивъ, видя вторгающуюся съ запада цивилизацію, народъ пятился отъ нея, возвращался къ старинѣ, тосковалъ объ идеалѣ древней русской жизни, по причинѣ весьма естественной. Старина была представительницею идеальнаго, мистическаго направленія: и чѣмъ глубже древность, тѣмъ крѣпче вѣра, живѣе чувство, невозмутимѣе мысль. Цивилизація будила древнюю Русь отъ умственнаго покоя и огорчала новизною вопросовъ, критикой и кризисомъ, все разрушающими. Съ появленіемъ ересей, въ XIV вѣкѣ, начинается тряска общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ печаль по старинѣ. Стоглавый соборъ видитъ причину всѣхъ неустройствъ въ забвеніи древнихъ нравовъ и преданій, въ уклоненіи отъ благочестивой старины. Фанатики старовѣры героически лезли на костры изъ-за «древняго благочестія», о которомъ соборъ 1667 года отозвался, какъ «о простотѣ и невѣжествѣ». Патріархи увѣщевали посланіями «избѣгать всякой новизны и хранить старые обычаи». У русскихъ образовались наконецъ пословицы, выражавшія безусловное благоговѣніе ихъ къ старинѣ, какъ высшему идеалу общественной мудрости и благоустройства. «Что старина, то и дѣянье, добрымъ людямъ на послушанье, а молодымъ на перениманье». «Которая земля переставляетъ свои обычаи, и та не долго стоитъ». Вообще Русь тяготѣла къ старинѣ, къ древнимъ идеаламъ жизни, потому что новый идеалъ грозилъ бѣдою, требовалъ перемѣны вѣковыхъ обычаевъ. Кризисы государственные всегда сопровождаются жертвами и переживаются съ трудомъ. И нѣтъ ничего тяжелѣ, какъ перемѣнять свои привычки, становиться выше себя и своей природы, хотя бы на время, въ видахъ улучшенія собственнаго быта.

Идеальное, мистическое направленіе древней Руси, какъ мы это сейчасъ показали, было существеннымъ зломъ для ея гражданственности. Это общее зло, по связи историческихъ причинъ, въ свою очередь, породило *частныя неустройства въ государствѣ*. Главными изъ нихъ были: непроизводительность страны въ отношеніи матеріальныхъ благъ и въ отношеніи духовныхъ даровъ, вредная боязнь волшебства и знаменій небесныхъ, потрясеніе реформы гражданской и церковной.

Непроизводительность Россіи въ отношеніи матеріальныхъ благъ. Природа древней Руси отличалась необыкновенною производительностію, богатствомъ силъ и естественныхъ даровъ. Она поражала иностранцевъ своимъ величіемъ, могуществомъ и разнообразіемъ произведеній. Даже нынѣшняя природа страны, сильно истощенная промышленностію, удивляетъ, по мѣстамъ, плодородіемъ почвы, остатками прежнихъ лѣсовъ, водъ и минеральныхъ богатствъ. Русь особенно богата была сокровищами горной природы, и, по выраженію Генина, была какъ бы ограждена золотомъ, серебромъ, мѣдію и желѣзомъ. При всемъ томъ, народъ, вслѣдствіе духовнаго, мистическаго настроенія, оставался невнимательнымъ къ дарамъ природы, не могъ и подумать о какомъ нибудь улучшеніи своего быта. «Дѣтскій славянскій умъ не могъ возвыситься до научнаго обобщенія идей. Для него невозможны были никакія естественно-научныя те-

оріи. Предки наши не могли и помыслить ни о физіологіи хлѣбныхъ растеній, ни о земледѣльческой химіи, ни о теоріи агрономіи» [1]). Крижаничъ жаловался на непроизводительность русскаго народа. «У насъ нѣтъ никакихъ книгъ о земледѣліи и иныхъ промыслахъ. Книги подробно раскрываютъ всѣ произведенія природы, показываютъ всѣ части тѣхъ вещей, что полезно и выгодно изъ нихъ, какъ и въ какое время всего того смотрѣть, пріобрѣтать, сохранять и употреблять. Въ нашемъ народѣ несчетны домовые хозяева, которые состарѣваются и умираютъ въ хозяйствѣ, однакоже не знаютъ пріобрѣтенія и употребленія многихъ полезныхъ произведеній». Этого мало. Мы видѣли, что суевѣрный народъ, оберегаясь отъ всякихъ новшествъ, устранялъ готовыя средства къ обогащенію, предлагаемыя западною цивилизаціею. Онъ прогонялъ отъ себя иностранцевъ, воспрещалъ ввозъ заграничныхъ товаровъ, рѣзалъ носы за употребленіе «бѣсовской табаки». По свидѣтельству Коллинса «ни одинъ человѣкъ съ дарованіями не имѣлъ возможности быть въ Россіи, потому что русскій народъ очень недовѣрчивъ и подозрѣваетъ всѣхъ иностранцевъ. Онъ совершенно преданъ невѣжеству, и видя въ наукахъ чудовища, боится ихъ какъ огня.» Руководясь преданіемъ старины, народъ только и зналъ, какъ составлять «списки посѣвные, ужинные и умолотные». Такимъ образомъ древняя Русь, не смотря на богатство естественныхъ произведеній, оставалась убогою и непроизводительною, вслѣдствіе предразсудковъ и умственной забитости. Она была переполнена богатствами всѣхъ царствъ природы, но безъ иноземной помощи не могла достать ихъ и употребить въ свою

[1]) Педаг. усл. раз. р. нар. 122.

пользу. Русь была огорожена золотомъ и серебромъ, посредствомъ богатыхъ горъ, напримѣръ уральскихъ, а ходила въ лаптяхъ, употребляла скудную пищу и не знала каменныхъ построекъ. «Россію, говоритъ Соловьевъ, угнетала страшная бѣдность» [1]). Даже въ XVIII вѣкѣ, въ самой Москвѣ дома крыли соломою, что благопріятствовало пожарамъ и раззоренію. Матеріальная скудость имѣла въ свою очередь неблагопріятное вліяніе на духовную жизнь народа, его умственную непроизводительность; ибо довольство матеріальное и промышленность служатъ основою просвѣщенія, богатства и довольства умственнаго. Но о подобной матеріи у насъ не могло быть и рѣчи, до самой реформы. Просуществуй Россія еще столѣтія, безъ крутой реформы она не вышла бы изъ своего умственнаго оцѣпененія, нищеты физической и духовной. Подъ гнетомъ суевѣрія и предразсудковъ она на всегда осталась бы въ нищетѣ и невѣжествѣ. Началась реформа, и выборный человѣкъ Россіи Ломоносовъ заговорилъ о необходимости народнаго богатства и просвѣщенія. Онъ призывалъ народъ устремить «очи разсужденія» на физическую природу, требовалъ изученія явленій и неразлучнаго съ нимъ матеріальнаго обогащенія. «Блаженства человѣческія могутъ быть увеличены и приведены въ высшее достоинство только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, источникъ коего-натуральная философія, общеназываемая физика» [2]).

Непроизводительность Россіи въ отношеніи духовныхъ даровъ. Мистическое, или лучше сказать, мечтательное направленіе древней Руси не благопріятствовало

[1]) И. Р. Сол. XXIII, 207.

[2]) Соч. Ломон. 1803 г. III, 1—7.

развитію и духовныхъ даровъ ея. Древняя Русь, не смотря на огромное разстояніе вѣковъ, мало родила государственныхъ талантовъ, и то своеобразныхъ, односторонних. Что же касается великихъ людей, благодѣтелей человѣчества по разнымъ отраслямъ знанія, то такихъ почти не встрѣчаемъ въ древней исторіи. Вѣра въ судьбу, волшебство, вліяніе природы и химерическихъ силъ, подавляла духъ народа, стѣсняла его стремленіе и дѣятельность. Эта слѣпая вѣра находила себѣ поддержку въ господствовавшемъ аскетизмѣ, который также принижалъ духъ народа, въ смыслѣ житейскомъ. Аскетизмъ внушалъ строгое самоотверженіе, смиреніе ума, и вообще неуваженіе къ грѣшной природѣ. При такихъ убѣжденіяхъ и правилахъ воспитанія, народу не могла придти мысль—искать опоры благополучія въ самомъ себѣ, въ развитіи собственныхъ силъ и дарованій. Таланты, которые въ изобиліи возникаютъ въ образованныхъ націяхъ, руководствующихся наукою и знаніемъ, въ древней, вѣрующей Руси оставались неразвитыми и незамѣтными. Если и появлялись въ государствѣ необыкновенныя личности, то онѣ не находили въ окружающей средѣ достаточной опоры для своего развитія, той почвы и нравственныхъ соковъ, которые питаютъ и укрѣпляютъ геніевъ. Не было этой опоры и почвы въ народѣ, который подъ гнетомъ суевѣрія не задавался гражданскими идеями и не возбуждалъ соревнованія умовъ; не было и въ политической экономіи, богатствѣ страны, дающихъ средства къ воспитанію талантовъ; не было—и въ соревнованіи иноземному образованію, котораго чуждались, какъ заразы. Вообще, древняя жизнь своимъ однообразнымъ строемъ и направленіемъ уравнивала всѣхъ и неблагопріятство-

вала возникновенію разнообразныхъ государственныхъ дѣятелей. Для этого не доставало ей надлежащаго развитія государственныхъ учрежденій и сословій. Только всестороннее развитіе государственныхъ учрежденій и сословій вноситъ въ общественную жизнь разнообразіе взглядовъ, мнѣній, вкусовъ, способностей, характеровъ и талантовъ. Въ древней Руси преобладалъ надъ всѣми одинъ классъ, который давалъ направленіе общественной жизни, какъ мы это видѣли. Если же, при всемъ томъ, и выдвигались немногія личности, съ большими силами: то, подъ вліяніемъ суевѣрія и мистицизма, онѣ принимали своеобразное направленіе и одностороннее развитіе. Таланты древней Руси носили на себѣ отпечатокъ вѣка и односторонняго настроенія общества. Это были вообще люди характера, богатыри, одушевляемые вѣрою и суевѣріемъ. Въ этомъ одушевленіи заключалась ихъ сила и безсиліе, величіе и слабость. Въ минуты критическія эти богатыри исполняются одушевленіемъ, и рѣшаются на великія дѣла. Не имѣя опоры въ образованіи и саморазвитіи, они до тѣхъ поръ сильны, пока находятъ поддержку въ внѣшнихъ обстоятельствахъ, покровительствѣ властей, одушевленіи народа и т. под. Съ перемѣною счастливыхъ обстоятельствъ и они теряютъ успѣхъ. Таковы эти герои: Сильвестры, Аввакумы, Никоны, Минины, совершители государственныхъ переворотовъ силою вѣры и одушевленія, сочувствія народа и властей. Съ перемѣною счастія и потерею внѣшней поддержки всѣ они сошли съ исторической сцены и сдѣлались незамѣтными.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ герои князья и цари. Они до конца жизни выдерживали свою роль, потому что находили поддержку своимъ подви-

гамъ въ общественныхъ неурядицахъ и войнахъ. Таковы русскіе герои: Мономахъ, Боголюбскій, Александръ невскій, Димитрій донской, Иванъ грозный, Годуновъ и другіе. Это вообще люди характера, необыкновенной силы физической и силы воли. Своими аскетическими стремленіями они обнаружили ту силу, которая одушевляла ихъ на подвиги; это—сила вѣры. Но эта же вѣра въ неразвитыхъ людяхъ подъ часъ легко сливалась съ суевѣріемъ, особенно въ опасностяхъ, подавляющихъ душевныя силы. Грозный, наблюдавшій монастырскіе уставы, Годуновъ, ходившій по церквамъ на богомолье, въ трудныхъ обстоятельствахъ искали поддержки у волхвовъ. Истинно великихъ людей древней Россіи, вліявшихъ своими заслугами и на потомство, находимъ немногихъ. Исторія выставляетъ ихъ единицами на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Таковы на поприщѣ политики Іоаннъ III, собиратель русской земли, митрополиты Алексій и Іона, укрѣпившіе верховную власть за московскими князьями. На поприщѣ литературы, воспитатели народа въ нравственно-аскетическомъ духѣ: митр. Макарій, 20 лѣтъ безъ малаго трудившійся надъ составленіемъ великихъ четиминей, обнимавшихъ почти всю нашу древнюю письменность, и справедливо названный «дивнымъ во святыхъ». Хотя митрополитъ имѣлъ въ виду нравственную цѣль—дать православнымъ душеполезное чтеніе на каждый день года: но онъ создалъ церковно-историческое направленіе, оказалъ огромную заслугу наукѣ, сохранивъ памятники древней письменности и дорогія свѣдѣнія для отечественной исторіи. Для нашей спеціальной цѣли онъ важенъ тѣмъ, что собралъ изъ разныхъ сборниковъ и торжественниковъ учительныя и похвальныя слова на

праздники, посланія, граматы и монашескіе уставы. Собственно изъ русскихъ сочиненій въ Великихъ четиминеяхъ содержится до 25-ти похвальныхъ словъ святымъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ можно назвать житіями [1]). Митр. ростовскій Димитрій, посвятившій около 30 лѣтъ на изложеніе чети-миней, очищеніе ихъ отъ легендарнаго элемента. Но эти великіе государственные люди во многомъ обязаны своими успѣхами труду своихъ предшественниковъ. При такой скудости талантовъ появленіе самобытнаго дѣятеля Петра I, чуждаго предразсудковъ и обнявшаго всѣ нужды государства, составляетъ фактъ, близко граничащій съ чудомъ.

Кромѣ указанныхъ неустройствъ, составлявшихъ постоянное зло въ государствѣ, мистическое, идеальное направленіе Россіи порождало и временныя бѣдствія. Главнымъ изъ нихъ было *опасеніе волшебства*, смущавшее духъ народа, особенно при наступленіи бѣдствій. Не зная естественныхъ законовъ, подозрѣвая во всемъ сверхестественныя причины, народъ вѣчно тревожился, отовсюду ждалъ себѣ несчастій, и какъ въ домашней, такъ и въ общественной жизни всѣ бѣдствія объяснялъ чародѣйствомъ. «Супранатуральное ученіе, говоритъ одинъ писатель, замѣняло въ народномъ міросозерцаніи область высшихъ, раціональныхъ теорій. Народъ все объяснялъ готовыми, сверхчувственными идеями. Гдѣ разумъ познаетъ законъ, тамъ народный умъ представлялъ какого нибудь духа, ангела или демона. Гдѣ физикъ видитъ простое дѣйствіе природныхъ силъ, тамъ чувствамъ темнаго народа, при господствѣ галлюцинаціоннаго міросозерцанія, мерещатся неземные, сверх-

[1]) Изданіе Чети-миней митр. Макарія начато Археографическою Комиссіею 1868 года.

чувственные образы и силы» [1]). Когда, напримѣръ, поднялась буря, при вступленіи Лжедимитрія въ Москву, народъ смутился, началъ креститься и молиться: «помилуй насъ Богъ!» «При такихъ убѣжденіяхъ, говоритъ нашъ историкъ, народъ долженъ былъ походить на напуганнаго ребенка и лишиться нравственнаго мужества. Надобно представить себѣ жалкое положеніе русскаго человѣка въ это время, когда онъ на каждомъ шагу, съ испуганнымъ видомъ, долженъ былъ озираться на всѣ стороны. Вотъ злой человѣкъ выйметъ слѣдъ, или по вѣтру напуститъ болѣзнь. Гибельно должна дѣйствовать на нравы эта напуганность, это убѣжденіе, что противъ человѣка отовсюду направлены невещественныя враждебныя силы» [2])... Подъ вліяніемъ мистическаго настроенія и боязни волшебства народъ злополучно относился къ общественнымъ бѣдствіямъ, которыми переполнена древняя русская исторія.

Прежде всего народъ создавалъ себѣ мнимыя бѣдствія своимъ мрачнымъ и запуганнымъ воображеніемъ. Такъ, онъ объяснялъ многія естественныя явленія міра нравственнаго и физическаго дѣйствіемъ волшебства и и преслѣдовалъ невинныхъ людей, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ. Въ мірѣ нравственномъ онъ объяснялъ волшебствомъ необыкновенные успѣхи и дѣла умныхъ людей, въ мірѣ физическомъ—разныя болѣзни: пкоту, безуміе, кликушество и проч. Немногіе примѣры подобныхъ преслѣдованій, занесенные въ исторію, своимъ характеромъ ясно подтверждаютъ господство этого жестокаго обычая и погибель многихъ безвѣстныхъ жертвъ. Такъ прот. Сильвестръ и Адашевъ, за свое вліяніе на

[1]) Педаг. усл. умст. разв. р. народа 126—127.
[2]) И. Р. Сол. VIII, 327. 115.

царя и успѣхи въ дѣлахъ были признаны чародѣями и осуждены. «Это дурные люди, чародѣи, говорили приближенные Ивана грознаго. Они своимъ чародѣйствомъ закрывали тебѣ глаза. Только допусти ихъ (опять) къ себѣ, тотъ часъ тебя ослѣпятъ» [1]). Самая смерть Анастасіи Романовны была приписана ихъ чарамъ. «Суевѣріе ихъ свело съ царемъ, говоритъ Костомаровъ, суевѣріе и развело». Чародѣйствомъ были объясняемы и успѣхи самозванца. Царь Шуйскій въ своихъ граматахъ народу объявлялъ, что разстрига Лжедимитрій «всѣхъ прельстилъ чародѣйствомъ, вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, съ помощію адской силы». За напущеніе разныхъ болѣзней были наказаны слѣдующія лица. 1606 года пермскій крестьянинъ Талевъ былъ пытанъ, зжонъ огнемъ, и получилъ три встряски, за напущеніе на людей икоты. Въ Шуѣ казнили волхва, дѣлавшаго женщинъ кликушами. Въ Москву писали изъ разныхъ мѣстъ, «что вотъ-де явился знахарь, который испортилъ на пиру гостей и новобрачныхъ»; или что «лихой человѣкъ наводитъ на людей скорбь, и они безъ ума и безъ памяти кличутъ». 1227 года новгородцы сожгли четырехъ волхвовъ, по одному подозрѣнію въ чародѣйствѣ.

При наступленіи дѣйствительныхъ бѣдствій, часто происходившихъ отъ неустройствъ древней Руси, народъ являлся беззащитною жертвою ихъ. И это зависѣло не столько отъ невѣжества и неумѣнія справиться съ бѣдой, сколько отъ преувеличеннаго страха, слѣпой вѣры въ волшебную силу и сверхестественное значеніе бѣды. Признавая дѣломъ волшебства общественныя бѣдствія, народъ принималъ противъ нихъ особенныя мѣры, ча-

[1]) Истор. моногр. Костомар. XII, 124.

сто нелѣпыя, увеличивавшія общее зло. Такъ мы видѣли, что для отвращенія вредной погоды, наводненія и т. п., народъ выкапывалъ изъ земли удавленниковъ и утопленниковъ. Но особенно въ такихъ случаяхъ народъ преслѣдовалъ знахарей, приписывая ихъ ворожбѣ и наговорамъ всякое зло. Преслѣдуя невинныхъ людей, народъ бунтовался и совершалъ страшныя звѣрства. Такъ, во время сильнаго развитія чорной смерти во Псковѣ, 1411 года, жители сожгли двѣнадцать вѣдьмъ или волшебницъ. Во время самаго ужаснаго пожара, при Иванѣ грозномъ, истребившаго Москву, разнеслась молва о волшебствѣ Глинской, бабки государя. Говорили, что она вынимала сердца изъ труповъ, настаивала ихъ въ водѣ, и этою водою кропила улицы; а отъ этого произошелъ пожаръ. Народъ взволновался, убилъ дядю государева Глинскаго, и чуть не убилъ самаго государя.

Вообще, подъ вліяніемъ суевѣрія и страха волшебства, народъ смотрѣлъ на частныя и общественныя бѣдствія большими глазами, по пословицѣ: «у страха глаза велики». А отъ этого онъ терялъ лучшую опору противъ бѣдствій: присутствіе духа, разсудительность, власть надъ собою и надъ окружающей средой. Вмѣсто смѣлыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію и облегченію бѣдствій, онъ въ переполохѣ терялъ голову, дѣлалъ ошибки и напрасно погибалъ. Каждый пожаръ, наводненіе, голодовка, епидемія уносили сотни и тысячи жертвъ суевѣрія.

Впрочемъ, страхъ волшебства, придававшій силу общественнымъ бѣдствіямъ, былъ менѣе тяжекъ для народа, нежели *страхъ знаменій небесныхъ*. Страхъ волшебства умѣрялся проповѣдію и здравымъ смысломъ; страхъ знаменій небесныхъ какъ бы освящался авторитетомъ вѣры, ибо основанъ былъ на ложномъ толкованіи св. писанія и утверждался апокрифами. По руководству же писанія и апокрифовъ знаменія небесныя возвѣщаютъ гнѣвъ Божій, наказаніе и разрушеніе міра. Поэтому страхъ знаменій былъ особенно тяжкимъ, и невинныя звѣзды, услаждающія образованное человѣчество, были грознымъ бичемъ для суевѣрныхъ предковъ. Какая нибудь дуга, затмѣніе луны, сѣверное сіяніе, темная туча, напоминали предкамъ всемірный потопъ, участь Содома и Гоморры, кончину міра и страшный судъ. Видя страшную грозу и неотвратимый гнѣвъ небесный, вѣрующіе предки приходили въ отчаяніе. Тутъ-то они припоминали грѣхи свои и суету жизни, каялись отъ глубины сердца, молились со слезами о помилованіи, и, прощаясь другъ съ другомъ, готовились къ смерти. И если на какіе нибудь пожары и другія явленія земныя предки смотрѣли большими глазами: то тѣмъ болѣе — на явленія небесныя, относительно которыхъ для нихъ невозможны были сомнѣнія, разногласіе и перетолкованія. Въ мрачныхъ облакахъ напуганное воображеніе видѣло камни, стрѣлы, біющіяся войска, равно какъ въ ясномъ небѣ видѣло особенныя милости; для предковъ падающая пшеница съ неба, или рожь, хотя бы въ январѣ, казались дѣломъ естественнымъ, или возможнымъ.

Выраженіемъ общаго страха, наводимаго знаменіями неба, служатъ лѣтописи. Лѣтописи XI—XVII вѣка наполнены описаніями физическихъ явленій и особенно знаменій небесныхъ. Описывая знаменія неба, лѣтописцы объясняютъ значеніе ихъ по руководству св. Писанія. Расплываясь въ общихъ мысляхъ и выписывая

цѣлыя главы изъ писанія, они возвѣщаютъ гнѣвъ Божій, кончину міра, и призываютъ всѣхъ къ покаянію. «Знаменія бо въ небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или въ етеромъ (другомъ) чимъ не на добро бываютъ» [1]). Задавшись такою темою, выражавшею взглядъ современниковъ на дѣло, лѣтописцы изображаютъ переполохъ, причиненный кометами, сѣвернымъ сіяніемъ, затмѣніемъ солнца и луны, тучею и грозою, и прочими знаменіями. «Явися звѣзда хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучи велики. Отъ видѣнія сея звѣзды страхъ объя вся человѣки и ужасть. Хитрецы же смотрѣвше, тако рекоша, оже мятежъ великъ будетъ въ земли» [2]). «Явишася столпове червлени, зелени, синіи, и сниде огнь съ небеси. Людямъ всѣмъ отчаявшимся своего житія, мняще кончину, цѣлующе другъ друга, плачуще горько, возопиша къ Богови, со слезами» [3]). «Бысть знаменье въ солнци, огородилося въ три дуги. И сія видяще благовѣрніи человѣцы, со воздыханіемъ и слезами моляхуся Богу, дабы обратилъ знаменья си на добро» [4]). «Туча пришедше, надъ градомъ ста огненное видѣніе. Людіе же чающи пламени быти, ужасошася и начаша вопити: Господи помилуй! И обѣты приношаху, понеже бо каменіе изо облака являшеся» [5]). «Въ великое говѣнье 1402 года являшеся нѣкое знаменіе на небеси. Се же является грѣхъ ради нашихъ; прообразуетъ, претитъ и велитъ покаятися отъ грѣхъ нашихъ. Убо смѣю рещи, сбывается слово

[1]) П. с. л. I, 176.
[2]) Лѣт. инат. 202.
[3]) П. с. л. I, 193.
[4]) П. с. л. I, 117.
[5]) П. с. л. VI, 141.

евангельское, якоже Спасъ рече: въ послѣдняя дни будутъ знаменія велика на небеси, въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. (Слѣдуетъ выписка зачала). Да еже въ евангеліи Спасъ глагола, то нынѣ, въ послѣдняя времена сбывается» [1]). Знаменія небесныя, часто пугавшія суевѣрный народъ, не оказывали особенно вреднаго вліянія на общественную жизнь. По крайней мѣрѣ лѣтописи не представляютъ на это достаточныхъ свидѣтельствъ. Напримѣръ, 1618 года москвичи не успѣли разъединить гетмана Сагайдачнаго и королевича Владислава, подступавшихъ къ Москвѣ. Ужасъ москвичей увеличила комета, стоявшая надъ самою столицей. Царь и народъ, смотря на комету, увѣрились въ успѣхѣ Владислава, думали, что онъ овладѣетъ Москвою [2]). Впрочемъ, нельзя умолчать объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ въ этомъ отношеніи. При вѣрѣ въ знаменія неба предки увѣковѣчили память страшнаго нашествія Батыя особеннымъ знакомъ; думая, что это нашествіе отразилось на небѣ, они назвали млечный путь «батыевымъ путемъ». Память страшнаго бѣдствія, увѣковѣченная такимъ яркимъ знакомъ, подновлялась каждымъ большимъ нашествіемъ татаръ и увеличивала испугъ, если нашествіе совпадало съ явленіемъ кометы. «Въ лѣто 1382 бысть знаменіе на небеси: звѣзда нѣкая, хвостата, копѣйнымъ образомъ. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе тохтамышево на русскую землю и горькое татаръ нахожденіе на крестьяны». Эта слѣпая вѣра въ знаменія неба и запуганность служили предвѣстниками большой бѣды, въ недалекомъ будущемъ.

[1]) П. с. л. IV, 105.
[2]) И. Р. Сол. IX, 143.

Одно обстоятельство, стоящее въ связи къ астрологіей и пасхаліей, само по себѣ химерическое, особенно напугало суевѣрный народъ, смущало его нѣсколько вѣковъ, и наконецъ пріостановило общественную жизнь въ ея теченіи и многихъ погубило. Это—вѣрованіе въ кончину міра, выведенное изъ мистическаго сближенія дней творенія съ семью тысячелѣтіями. Возникшее изъ апокрифическаго посланія Варнавы и перешедшее къ намъ изъ Греціи, это вѣрованіе возвѣщалось какъ догматъ, съ XII вѣка. Оно упомянуто въ словѣ о мытарствахъ, затѣмъ повторено въ поученіяхъ м. Кирилла II, Алексія, Фотія, Цамблака, Іоны, Филиппа и другихъ. Смущеніе народа и разстройство общественныхъ отношеній, порожденное этимъ вѣрованіемъ, начало усиливаться къ XV вѣку. Въ 1397 году арх. Іоаннъ склонилъ новгородцевъ и псковитянъ къ миру словами: «дѣти! видите, уже послѣднее время». Современники Стефана пермскаго, по случаю изобрѣтенія зырянской грамоты, сдѣлали замѣчаніе, въ которомъ проглядываетъ упадокъ духа и равнодушіе къ дѣламъ. «Къ чему изобрѣтать ее, говорили они, при концѣ свѣта! Прежде не было грамоты въ Перми; зачѣмъ замышлять ее въ исходѣ седмой тысячи лѣтъ, за сто двадцать лѣтъ до кончины?» Наконецъ насталъ роковой 1492 годъ. Испугъ народа достигъ высшей степени, и дѣла общественныя остановились. Русскіе перестали платить подати, выполнять гражданскія обязанности и даже не считали нужнымъ вступать въ бракъ. Всѣ благочестивые и заботящіеся о своемъ спасеніи, шли въ монастыри толпами, постригались въ монахи и строгими подвигами готовились къ смерти. Люди распутные считали покаяніе позднимъ и исправленіе свое невозможнымъ, и потому съ отчаянія

предавались пьянству, грабежу, и даже лишали себя жизни. Большая часть приходовъ опустѣла, и духовенство осталось безъ пропитанія [1]). Нетолько безмѣстные священники, но и монахи стали искать мѣстъ; они направлялись къ Москвѣ и къ богатымъ городамъ, гдѣ находили средства къ жизни. Съ окончаніемъ 1492 года общее заблужденіе относительно кончины міра разсѣялось, но страхъ, наведенный имъ, не прошелъ. Онъ поддерживался астрологами и мечтателями, которые извлекали свою выгоду изъ суевѣрія народа. Астрологъ Нѣмчинъ писалъ, что «въ 1524 году будетъ несомнѣнное премѣненіе странамъ и царствамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ, морскимъ бѣлугамъ и всѣмъ земнороднымъ».

Наконецъ, суевѣріе имѣло вліяніе на *потрясеніе государства реформами*. Замедливъ развитіе народа и его гражданственности, оно вызвало напряженныя реформы въ жизни гражданской и церковной, стоившія государству тяжкихъ жертвъ. Реформа гражданская, произведенная Петромъ, восполнила государственныя опущенія за семь вѣковъ, но совершенно истощила народъ чрезмѣрными работами, повинностями и истязаніями. «На народъ возложено было такъ много работы, говоритъ одинъ иностранецъ, что онъ роптalъ на чрезмѣрную обременительность ея». Петру подбрасывали жалобы, въ такомъ родѣ: «государство свое все разорилъ (такъ), что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ людей напрасною смертію больше милліону. Работа великая, служба несносная» [2]). Изъ повинностей особенно тягостны были

[1]) Допол. акт. истор. I, № 41.

[2]) Чтен. общ. истор. 1860 г. III, 61. II, 27—30.

воинскія, такъ какъ Петръ всю жизнь воевалъ съ сосѣдями, для разширенія своего государства. Въ 1659—71 году было три рекрутскихъ набора; въ 1712 году взято рекрутъ до 110,000 человѣкъ; въ 1725 году до 200,000 [1])! Народъ сильно ропталъ на эти поборы и повинности. Изъ полковъ бѣжали сотни и тысячи людей, по причинѣ строгой воинской дисциплины. Истязанія вызваны были оппозиціей народа реформѣ, на которую онъ смотрѣлъ какъ на ересь, нарушеніе православія и дѣло антихриста. Независимо отъ суевѣрнаго страха, народъ и по естественнымъ причинамъ не могъ сочувствовать реформѣ. Привыкнувъ къ бѣдной жизни, ограниченной мелкими интересами, онъ не понималъ обширныхъ плановъ и намѣреній преобразователя. Поэтому Прокоповичу велѣно проповѣдывать съ церковной каѳедры о пользѣ европейскаго образованія, необходимости всякихъ жертвъ для отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ о невѣжествѣ и суевѣріи народа. «Государь, говорили русскіе, ѣздилъ за море и возлюбилъ вѣру нѣмецкую. Велитъ (бороды брить), платье носить нѣмецкое, знатно, что отъ нѣмки родился». Многіе изъ народа, особенно раскольники, смотрѣли на Петра, какъ на антихриста. «Онъ еретическій сынъ, сказалъ о Петрѣ Лопухинъ, и зачался отъ антихриста» [2]). Талицкій видѣлъ въ реформахъ Петра признаки пришествія антихриста. Начались бунты за старую вѣру, которую народъ смѣшивалъ съ обыденною жизнію. Стрѣлецкій бунтъ поднятъ приверженцами старины. Въ Астрахани вспыхнулъ бунтъ за старину, причемъ погибло много народа. Петръ, съ

[1]) Тамже; дополн. VIII, № 40.
[2]) И. Р. Сол. XV. 140.

свойственною ему энергіей, жестоко сокрушалъ народную оппозицію. Ослушникамъ своихъ указовъ онъ назначалъ батоги, кнутъ, пытку, денежный штрафъ, лишеніе имущества, каторжную работу и смерть. Для преслѣдованія виновныхъ учредилъ фискаловъ, застѣнки, преображенскій приказъ и тайную канцелярію. Много тамъ пролито крови и — невинной. Роковое: «слово и дѣло» неумолимо влекло въ застѣнокъ... «Почти каждый день при дворѣ Петра слышалось о смертныхъ казняхъ, изувѣченіяхъ, сѣченіи кнутомъ. Императоръ нетолько отпускалъ палочные удары собственными руками, но даже исправлялъ должность палача... Мятежниковъ стрѣльцовъ онъ повѣсилъ 2000, потомъ казнилъ еще 5000 [1]). Передъ казнію стрѣльцы выносили страшныя пытки. Трупы казненныхъ оставались неубранными въ теченіе пяти мѣсяцевъ, въ острастку народу. Главные противники реформы и поборники старины, сообщники царевича Алексѣя, истреблены, вмѣстѣ съ нимъ, жестокими казнями [2]).

Не смотря на эти тяжкія жертвы и конвульсивныя потрясенія государства гражданскою реформою, оно выдержало испытаніе, перенесло кризисъ, оказалось благонадежнымъ къ умственному развитію и просвѣщенію. Суевѣріе, мѣшавшее его росту, со времени реформы начало разсѣеваться. Не такъ вышло съ церковною реформою; потрясенія ея обошлись государству дороже, въ силу естественныхъ причинъ. Въ реформѣ гражданской рѣшался вопросъ о жизни временной и царствѣ земномъ, объ улучшеніи которыхъ народъ, проникнутый аскетизмомъ, не очень заботился; поэтому, въ борьбѣ его съ

[1]) В. И. Шлос. XVI, 86—87.
[2]) И. Р. Сол. XVII, 210—227.

преобразованіемъ гражданскимъ возможны были сдѣлки, уступки. И хотя суевѣріе не допускало строгаго различія между національностію и православіемъ, какъ не допускало его между буквою и догматомъ: но боязнь наказаній и пытокъ сломила упорство народа. Упорный и озлобленный, онъ пошелъ на сдѣлку, склонился предъ желѣзною волею преобразователя, страстно увлекшагося европейскими началами и горячо выполнявшаго свои великіе планы. Въ реформѣ церковной шелъ вопросъ поважнѣе: о спасеніи души и вѣчной жизни, и на этой почвѣ невозможны были никакія сдѣлки. Здѣсь народъ чувствовалъ себя непобѣдимымъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже многимъ поступился въ гражданской реформѣ. Любовь къ вѣрѣ одушевляла его героизмомъ, а суевѣріе дѣлало его фанатикомъ, неспособнымъ на уступки. Въ такомъ одушевленіи народъ презиралъ батоги и застѣнки, какъ легкую паутину, и съ радостію шелъ на костры, за полученіемъ вѣнца небеснаго.

Реформа гражданская, строго говоря, не была прямымъ слѣдствіемъ русской жизни. Она вытекала нестолько изъ нравственныхъ потребностей народа, сколько изъ умственнаго превосходства надъ нимъ сосѣдей европейцевъ. Русскій народъ свыкся съ христіанскою вѣрою, и въ своемъ аскетическомъ настроеніи, немного заботился о земномъ. Европейцы завладѣли нашею торговлею, побивали наши войска, и своимъ умственнымъ превосходствомъ угрожали нашей національности. Реформа церковная вытекала прямо изъ жизни и потребностей народа. Она была вызвана религіознымъ суевѣріемъ народа, обожаніемъ буквы религіи и формы ея, и противленіемъ всякой реформѣ, прогрессу. Благочестіе народа доселѣ ограничивается большею частію исполненіемъ

обрядовъ, такъ какъ онъ по большей части не понимаетъ смысла молитвъ и значенія богослужебныхъ дѣйствій. Служеніе духомъ и истиною ему не доступно. Сходивъ въ церковь, нанявъ молебенъ или акаѳистъ, да поставивъ передъ иконою свѣчку, народъ считаетъ Бога какъ бы обязаннымъ исполнить его просьбу, хотя бы несправедливую, и безбоязненно дозволяетъ себѣ противозаконныя дѣйствія. Какъ болѣе доступная простому смыслу, незнакомому съ высшими понятіями и стремленіями, церковная обрядность въ своемъ развитіи охватила и домашнюю жизнь народа. Все въ жизни русскаго человѣка считалось церковнымъ, освященнымъ православною вѣрою, и потому неприкосновеннымъ. «Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій. Эта неизмѣняемость явленій приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи. Они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность; измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ. Такъ жили дѣды и отцы; измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе памяти ихъ» [1]). Вся эта внѣшняя религіозность, придававшая особенную силу буквѣ закона и обрядамъ, какъ утвержденная обычаемъ предковъ, называлась старою вѣрою, и потому не допускала никакихъ перемѣнъ и нововведеній, непривычныхъ простому чувству. Какъ личина благочестія, прикрывавшая не христіанскіе обычаи народа, внѣшняя религіозность вызвала нападки просвѣщенныхъ людей, заботившихся о развитіи народа. Эти нападки, какъ реакція старой вѣрѣ, смутили простой

[1]) И. Р. Сол. XI, 277.

народъ, неприготовленный къ реформѣ, и породили расколъ старообрядчества, отпаденіе отъ православія милліоновъ людей. «Общество преслѣдовало всякое нарушеніе отцовскаго обычая, какъ измѣну, и такъ какъ формы имѣли религіозное значеніе, то всякое измѣненіе внѣшняго считалось ересію, грѣхомъ... Что въ самомъ дѣлѣ было ересію, нелѣпое толкованіе писанія, — не казалось ересію. Но страшною ересію являлось нарушеніе освященнаго древностію обычая; оно производило могущественное впечатлѣніе, нарушало весь строй жизни, порывало священную связь съ отцами» [1]). «Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество. Самая продолжительность застоя необходимо условливала силу упора противъ перемѣны» [2]). Нападки на религіозную замкнутость, обрядность и нравственную несостоятельность народа начались съ конца XIV вѣка, со времени постепеннаго сближенія Россіи съ Европою и просвѣщенными людьми. Букву закона, прикрывавшую многія ошибки и заблужденія невѣжественныхъ писцовъ, подвергли критикѣ исправители церковныхъ книгъ, съ самаго начала XVI вѣка. На обрядность и суевѣрную религіозность напали русскіе еретики, и Петръ I въ своей реформѣ. Они коснулись и самаго монашества, представителя русской религіозности, высшаго идеала нравственности, въ которомъ находили недостатки.

Первый исправлялъ церковныя книги, съ 1518 года, Максимъ грекъ, получившій заграничное образованіе, и яснѣе другихъ понимавшій неисправности текста. Неисправности эти, или погрѣшности, накопившіяся вѣ-

[1]) IX, 470—471.
[2]) XI, 278.

ками, были весьма значительны. Князь Вассіанъ такъ выразился о текстѣ церковныхъ книгъ: «здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила (кормчая)—кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ хулили Бога, а не славили». Самъ Максимъ въ «словѣ объ исправленіяхъ» заявилъ, что онъ имѣлъ дѣло съ самыми грубыми ошибками. Напр. въ Тріоди Христосъ назывался «созданнымъ», въ Часословѣ—«единымъ человѣкомъ»; въ канонѣ великаго четвертка—«несущимъ естествомъ созданнымъ»; въ толковыхъ евангеліяхъ—«безконечною смертію умершимъ». Не говоримъ уже о мелкихъ погрѣшностяхъ, каковы напр. въ символѣ вѣры: «рожденна», а «несотворенна», «изъ Маріи», «чаемъ жизни будущая вѣки» и т. под. Спустя сто лѣтъ, исправленіемъ церковныхъ книгъ занимался архимандритъ Діонисій; онъ тоже нашелъ важныя ошибки, въ родѣ слѣдующихъ: «освяти воду сію Духомъ—и огнемъ»; «Отецъ съ Сыномъ воплотился» и т. под. Въ третій и четвертый разъ книги исправлялись при п. Іосифѣ и Никонѣ. Тогда же подняты вопросы о церковномъ благочиніи, живописи, пѣніи и проповѣди. Простодушные ревнители старой вѣры назвали всѣ эти исправленія хулою на русскія книги, по коимъ спаслись чудотворцы, ересію, гоненіемъ антихриста, и отдѣлились отъ Церкви, 1667 года. «Намъ всѣмъ, говорили они, подобаетъ умирати за единъ азъ, его же окаянный врагъ выкинулъ изъ символа, идѣ же глаголется: «рожденна», а« несотворенна». Велика зѣло сила сокровенна въ семъ азъ» (діяконъ Ѳеодоръ) [1]). «Въ новыхъ книгахъ, писали соловецкіе монахи, написано Іисусъ, вмѣсто Іісуса, чего намъ грѣшнымъ страшно неточію приложити, но и помыслити».

[1]) Правос. Собес. 1859 г.

На обрядность церковную и недостойную нравственность, по крайней мѣрѣ священниковъ, первые напали стригольники, около 1376 года. Называя священство святокупствомъ, они отвергли его, и вмѣстѣ съ нимъ—таинства, церковныя преданія, молитвы за умершихъ и т. под. Стригольники допускали внутреннее покаяніе и свободное толкованіе писанія, по своему разуму. Поддерживая раздраженіе въ безпокойныхъ умахъ, ересь стригольниковъ какъ бы возродилась въ ереси жидовствующихъ, 1480 года. Жидовствующіе, нападая на существенные догматы христіанства, между прочимъ отвергали почитаніе иконъ, креста, мощей и всю обрядность; особенно—осуждали монашество, высшій идеалъ древней русской жизни. «Такой жизни, говорили они, не преподали Христосъ и апостолы». Ересь жидовствующихъ держалась въ Россіи тридцать лѣтъ и возродилась въ ереси Косого и Башкина. Косой прямо отвергалъ церковную обрядность, внѣшнее богослуженіе и добрыя дѣла, говоря, что они несогласны съ почитаніемъ Бога духомъ; для спасенія признавалъ достаточною одну вѣру и требовалъ религіозной терпимости. Всѣ эти ереси, вызванныя неустройствомъ государства, служили предвѣстіемъ раскола и церковной реформы, совершонной Петромъ. Петръ, для облегченія гражданской реформы и возвышенія нравственности народной, коснулся, въ своихъ преобразованіяхъ, самой религіи, руководившей воспитаніемъ народа. Онъ осудилъ религіозное воспитаніе народа, въ силу котораго обрядность и суевѣріе брали верхъ надъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе, что подобное направленіе вредило и государственной жизни. Подобный взглядъ на воспитаніе Петръ выразилъ въ указѣ Синоду [1]),

[1]) Пол. соб. закон. № 4493.

которымъ предписывалъ ограничить обрядность и разъяснить народу прямой путь спасенія; «понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны и тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладанъ». Сообразно съ такимъ взглядомъ изданъ Регламентъ, въ которомъ изложены правила относительно религіознаго воспитанія народа. Регламентъ есть колкая сатира на простодушную религіозность русскихъ и нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ протестантскія начала. Въ дополненіи къ Регламенту предписано проповѣдывать о главныхъ истинахъ вѣры, а также о суевѣріи, вымышленныхъ чудесахъ, видѣніяхъ, снахъ, устныхъ и письменныхъ заговорахъ, раздѣленіи дней на счастливые и несчастливые. Руководствуясь Регламентомъ, Синодъ издалъ постановленія противъ обрядности — крестныхъ ходовъ, хожденія съ образами, дорогихъ окладовъ на иконахъ, умноженія часовень, годичнаго храненія артоса, богоявленской воды и т. под. [1]). Особенно строго преслѣдовалось законами суевѣріе. Распространителямъ вредныхъ государству суевѣрій назначена смертная казнь; разглашающимъ чудеса и видѣнія—тѣлесное наказаніе и ссылка на галеры [2]). «Излишняя ревность, говоритъ

[1]) П. Р. Сол. XVIII, 217—220.

[2]) Относительно обрядоваго благочестія и религіознаго суевѣрія въ Регламентѣ сдѣланы слѣдующія, весьма важныя замѣчанія: 1) Розыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иныя службы и молебны, суть ли оныя писанію согласна? 2) Оныя многочисленныя моленія не суть всякому должныя, наединѣ, а не въ соборѣ церковномъ употреблять оныхъ, дабы не вошли въ законъ, и совѣсти не отягощати. 3) Смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли ложно вымышленныя? Напр. въ житіи Евфросина споръ о двойственномъ аллилуія ложный отъ нѣкоего бездѣльника вымышленный. Не подобаетъ, вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ разсуждать, но что видитъ написанное въ книгѣ, того крѣпко

Соловьевъ, возбуждала ропотъ въ людяхъ и несуевѣрныхъ, боявшихся переступленія должныхъ границъ въ стремленіи очищать общество отъ суевѣрій». Дѣйствительно, даже Сенатъ замѣтилъ, въ 1722 году, «что отъ разоренныхъ часовень разбросаны кресты, и главы валяются безъ призору, отъ чего происходитъ большой соблазнъ; также и крестныхъ ходовъ не слѣдуетъ отмѣнять» [1].

Осудивъ обрядовую религіозность народа, Петръ коснулся, въ своихъ реформахъ, и монашества, представителя русскаго благочестія. Мы видѣли, что жидовствующіе первые отвергали монашество — идеалъ русскаго благочестія. Вслѣдъ затѣмъ Максимъ грекъ и его почитатели, напримѣръ князь Вассіанъ, осуждали любостяжательность монаховъ, владѣвшихъ селами [2]. Послѣдователи Косого, осуждая любостяжательность монасты-

и упрямо держится. 4) Прилежно разъискивать вымыслы, которые образъ ко спасенію лестный предлагаютъ. Напр. не дѣлать въ пятокъ и празднованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гнѣвается на не празднующихъ и съ великимъ угроженіемъ наступаетъ. Такожъ поститися нѣкіихъ 12 пятницъ; такожъ аки важнѣйшія службы початати: обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресенскую и вечерню пятидесятницы. 5) Могутъ обрѣстися нѣкія церемоніи вредныя. Въ полку стародубскомъ, въ ходѣ церковномъ водятъ простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы. Такожъ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ раздаетъ на благословеніе. 6) Розыскивать о мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся сумнительныя, много бо и о семъ наплутано. 7) О иконахъ смотрѣть; понеже нѣцыи, для вспоможенія убогихъ церквей и построенія новыхъ повелѣвали проискивать явленія иконы, и оную свидѣтельствовали быть чудотворную. 8) Вельми срамное и сіе: молитвы людемъ далече отстоящимъ, давать чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку. 9) Словомъ рещи, что-либо именемъ суевѣрія можетъ нарещися, сіе лишнее, на интересъ отъ лицемѣровъ вымышленное, простой народъ прельщающее, и аки снѣжные заметы правымъ путемъ идти возбраняющее». (Дух. Реглам. стр. 16—20).

[1]) Ист. Рос. Сол. XVIII, 217—220.

[2]) И. Р. Сол. VII, 235.

рей, опирались въ своемъ мнѣніи на авторитетъ Максима грека и Вассіана. Преобразователь Россіи, преслѣдуя недостатки монашества, особенно праздношатаніе, поднялъ оба вопроса: о нравственности монаховъ и объ имуществахъ монастырскихъ. Онъ шелъ уже по проторенной дорогѣ, и могъ не стѣсняться опасеніями въ рѣшеніи столь важнаго вопроса, задѣвавшаго идеалъ русскаго благочестія. Онъ ограничилъ число монаховъ въ имперіи, обязавъ ихъ стѣснительными правилами; а самые монастыри обратилъ въ богадѣльни [1]). Наконецъ, чтобы не встрѣтить противодѣйствія своимъ планамъ въ церковной власти, по примѣру столкновеній Алексѣя Михайловича съ патр. Никономъ, преобразователь отмѣнилъ въ Россіи патріаршество. Этою мѣрою, завершавшею церковную реформу, онъ разомъ ограничилъ духовную власть и окончательно смирилъ монашество, которое въ XVII вѣкѣ достигло высшаго почета, въ санѣ патріарха. Въ этихъ смѣлыхъ реформахъ сказалась, съ одной стороны, забота преобразователя о доставленіи государству полезныхъ слугъ и матеріальныхъ пособій, а съ другой стороны о поворотѣ Россіи отъ аскетизма къ цивилизаціи, отъ жизни духовной къ жизни земной.

Потрясенія въ государствѣ, произведенныя церковною реформою, были самыя тяжкія, и слѣдствія ея самыя печальныя. И это тѣмъ болѣе справедливо, что преобразователь, круто повернувшій Россію къ европеизму, задѣлъ вмѣстѣ съ религіей и житейскіе обычаи, освященные вѣрою; предписалъ брадобритіе, нѣмецкій костюмъ, ввелъ куреніе табака, народную перепись, и т. под. Между тѣмъ какъ жизнь благочестиваго человѣка доселѣ устроялась по церковному и монастырскому уставу; распредѣ-

[1]) И. Р. Сол. XV, 121—122.

леніе времени, пища, одежда, этикетъ общежитія, отношенія членовъ семейства, все носило печать религіи, считалось православнымъ въ отличіе отъ басурманскаго, еретическаго. Не говоримъ уже о томъ, что по случаю разорительныхъ войнъ царь пользовался церковными доходами, переливалъ колокола въ пушки и т. под. Смущенный и запуганный суевѣрный народъ не могъ снести такой повальной ломки своей вѣры и обычаевъ; онъ не на шутку испугался пришествія и царства антихриста. Испугъ былъ тѣмъ сильнѣе, что съ XVII вѣка въ Россіи утвердилось мнѣніе, будто война есть изобрѣтеніе сатаны, напрасно губитъ христіанскую кровь, и противна духу евангельской любви. Испугъ этотъ въ значительной степени поддерживался примѣромъ и жизнію преобразователя царя, который велъ себя не по церковному, какъ древніе цари, а по европейски, или по басурмански. Какъ человѣкъ утилитарный, практическій, онъ вѣчно вращался въ житейскихъ суетахъ, любилъ пировать, курить и танцовать, брилъ бороду, одѣвался по-нѣмецки, дружилъ съ нѣмцами, не держалъ постовъ, и пародировалъ шутовскими играми обрядность, разныя процессіи, санъ патріарха и папы. Пользуясь либерализмомъ царя, враги раздували объ немъ дурную молву: «это не нашъ государь, а нѣмецъ. А нашъ царь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ» [1]). «Прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ»... Общимъ слѣдствіемъ церковной реформы, преслѣдовавшей внѣшнее благочестіе, было охлажденіе къ вѣрѣ, къ ея обрядамъ и внѣшней формѣ. Въ народѣ появились вольнодумцы, осуждавшіе обрядность, по на-

[1]) И. Р. Сол. XV, 132. 137.

чаламъ протестантскимъ [1]). Особенно образованное общество, проникшись европейскими взглядами, стыдилось своей прежней простодушной религіозности и старалось спрятать ее. Старое обрядовое направленіе религіозности подверглось обличеніямъ и порицаніямъ. Дѣло дошло до того, что понадобилось опровергать вольнодумство сочиненіями, въ родѣ «Камня вѣры», «Знаменія пришествія антихристова», и доказывать въ проповѣдяхъ необходимость вѣры, добрыхъ дѣлъ, почитанія святыхъ, мощей, иконъ, разъяснять догматы о воскресеніи мертвыхъ, будущей жизни, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчныхъ мученіяхъ. Всѣ эти темы раскрыты въ поученіяхъ Яворскаго и послѣдующихъ проповѣдниковъ. Даже со стороны дѣлались внушенія мѣстоблюстителю патріаршаго престола Яворскому объ обличеніи иностранныхъ ученій. Іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ ему въ гнѣвѣ: «зачѣмъ ты опасаешься обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ? Св. патр. Іоакимъ, видя смущенія въ Церкви, съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь!» Наконецъ, въ преслѣдованіи ересей, а вмѣстѣ съ ними и раскола, гражданская власть соединилась съ духовною. 1700 года вышелъ указъ, поручавшій дѣла о ересяхъ и расколѣ митр. Яворскому [2]). Начались гражданскія преслѣдованія и казни еретиковъ. Частнымъ слѣдствіемъ церковной реформы было не только зарожденіе, но и усиленіе раскола и размноженіе въ Россіи духовныхъ сектъ. Преслѣдуемый Алексѣемъ Михайловичемъ расколъ одушевлялся фанатизмомъ, но сохранялъ церковный характеръ. Вслѣдствіе реформъ и жестокихъ преслѣдованій Петра расколъ распространил-

[1]) И. Р. Сол. XII, 336—345.

[2]) Полн. собр. закон. № 1818. И. Р. Сол. XV, 119.

ся и принялъ политическій характеръ, враждебный государственнымъ законамъ. Озлобленные и смѣлые люди, соблазняясь дѣйствіями царя, цѣлыми тысячами уходили въ лѣса и заграницу и приставали къ расколу. Преслѣдуемые воинскими командами, особенно въ поморской и олонецкой области, поборники старины и бѣглые крестьяне нерѣдко сожигались въ скитахъ цѣлыми сотнями. Пріобрѣтеніе вольностей и гражданскихъ правъ не смягчило и не ослабило энергіи старовѣровъ. Миръ и удаленность отъ общества содѣйствовали развѣтвленію раскола на секты и толки. Невозможность добраться до истины посредствомъ людей и толкованія писанія внушили мысль о прямомъ общеніи съ Богомъ. Раскольники, посредствомъ тѣлодвиженій, приводящихъ въ восторженное состояніе, дѣлаются пророками, христами и т. под. Такимъ образомъ изъ раскола старообрядчества развелись въ Россіи духовныя секты, которымъ не предвидится конца. Какъ живучая секта, достигшая нынѣ 11,000,000 душъ, расколъ замѣтно ослабляетъ гражданское и церковное единство и могущество Россіи. Составляя закоренѣлую болѣзнь государства, расколъ при сцѣпленіи неблагопріятныхъ причинъ, можетъ повести къ важнымъ замѣшательствамъ и угрожать цѣлости Россіи. Изъ всѣхъ золъ Россіи, произведенныхъ реформами XVII вѣка, расколъ — самое опасное зло, ибо доселѣ угрожаетъ благосостоянію государства, на подобіе вредныхъ соковъ въ крѣпкомъ, могучемъ тѣлѣ. Дальнѣйшая судьба раскола, какъ секты вредной государству, неизвѣстна, равно какъ симпатіи и антипатіи къ его сектамъ и развѣтвленіямъ не приведены въ извѣстность. Но надобно заботиться, чтобы русскій расколъ постигла участь уніи, тѣмъ болѣе, что не всѣ считаютъ его

историческою окаменѣлостію; очень многіе считаютъ расколъ сектою прогрессивною, способною къ жизни и развитію. Какъ бы то ни было, доколѣ расколъ будетъ существовать: онъ навсегда останется памятникомъ крутой реформы XVII в. и религіознаго суевѣрія, приверженности къ незначительнымъ обрядамъ,—хожденію по солнцу, служенію литургіи на семи просфорахъ, поклоненію старымъ иконамъ, двуперстному знаменію, почитанію осьмиконечнаго креста, сугубому аллилуія, почитанію старыхъ книгъ и крюкового пѣнія.

Послѣдняя судьба суевѣрія.

Такимъ образомъ суевѣріе предковъ, сложное въ своемъ существѣ и укорененное вѣками, имѣло весьма вредное вліяніе на развитіе народа, на его жизнь частную и общественную. Оно сдѣлало милліоны людей несчастными, замедливъ развитіе, отравивъ ихъ домашній бытъ, изуродовавъ ихъ гражданскую и религіозную жизнь. Нашедъ прочную почву въ жизни и нравахъ русскаго народа, ослабленное къ XV вѣку и возрожденное въ XVII вѣкѣ, оно оказало вредное вліяніе и на потомство, на нашъ вѣкъ, ближайшій къ русской старинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, суевѣріе предковъ, со всѣми его развѣтвленіями, живетъ доселѣ на Руси, несмотря на вѣковыя гоненія противъ него. Оно напоминаетъ намъ языческіе обряды въ праздничныхъ играхъ и переряживаніи, въ подаркахъ родильницѣ, въ праздничномъ разгулѣ, особенно на новый годъ, въ видахъ пожеланія новаго счастія. Оно напоминаетъ намъ древнюю астрологію своими пословицами: «не родись уменъ, а родись счастливъ». «Такъ ему на роду написано». «Моя счастливая

звѣзда», и проч. Оно напоминаетъ намъ непомѣрную ревность о буквѣ закона и духовную мнительность расколомъ, съ его сектами и неисправимымъ упорствомъ во лжи. Все это безобразіе русской жизни—несчастное наслѣдство темной старины, богатая жатва грѣховъ и заблужденій давняго историческаго посѣва. И есть ли хоть одно сословіе на Руси, даже съ европейскимъ образованіемъ, хоть одинъ человѣкъ высокаго ума, которые не платили бы дани этому суевѣрію? И нынѣ, какъ и въ старину, многіе образованные люди не согласятся здороваться черезъ порогъ, ибо по древнему вѣрованію подъ порогомъ живетъ домовой; не согласятся видѣть тринадцатаго за столомъ, чтобы не испортить обѣда и т. д. Вѣра въ судьбу, предопредѣленіе, можно сказать, присуща всѣмъ безъ различія. Это подтверждаютъ наши поговорки, часто высказываемыя безсознательно: напр.: «такъ ему суждено». «Суженаго конемъ не объѣдешь». «Чему быть, того не миновать». «Счастливый скачетъ, несчастный плачетъ». Особенно сильна эта вѣра въ простомъ, неразвитомъ народѣ, и выражается въ безчисленныхъ примѣтахъ и поговоркахъ. Такъ, воронъ кричитъ и собака воетъ къ бѣдѣ; соль разсыпается къ ссорѣ; стѣна трещитъ къ покойнику; гусь летитъ къ холоду, а лебедь къ теплу. По разнымъ отступленіямъ природы отъ обычныхъ ея законовъ народъ заключаетъ о волѣ и опредѣленіяхъ божества. Почитаніе св. пятницы, а равно среды и пятницы, какъ бы особыхъ существъ, доселѣ сильно въ народѣ. А какъ много у насъ мечтателей, ясновидящихъ, претендующихъ на ложныя озаренія изъ міра духовнаго! И сколько отсюда вреда!.. Однимъ словомъ: предразсудки и суевѣріе густымъ слоемъ висятъ надъ

XIX вѣкомъ, омрачая его цивилизацію, просвѣщеніе, и отравляя общественную и частную жизнь неурядицами. Всего болѣе мы страдаемъ отъ тугости мысли, задавленной предразсудками, и нѣкоторой доли нетерпимости и жесткости, наслѣдованной отъ предковъ. И никто не въ состояніи перечислить заблужденія, омрачающія современную жизнь, по милости отдаленной старины. Безъ сомнѣнія, тьма предразсудковъ и заблужденій будетъ еще долго тяготѣть надъ нами, пока не исчезнетъ предъ усиленнымъ свѣтомъ религіи и науки, насколько это возможно въ человѣческой усовершимости. Совершенной свободы отъ предразсудковъ и суевѣрія человѣчество не достигнетъ, вслѣдствіе ограниченности своей природы. Ограниченность ума съ одной стороны, загадочность міра и таинственность вѣры съ другой, — всегда будутъ вводить человѣчество въ ошибки и заблужденія. Подчиняясь вѣрѣ вслѣдствіе ограниченности ума, человѣкъ будетъ опутываться предразсудками, неразлучными съ нею, по причинѣ разныхъ толкованій и воззрѣній на предметъ. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ безчисленныя секты не только христіанства, но и всѣхъ религій. Отрѣшась отъ вѣры, онъ впадаетъ въ отрицаніе и нигилизмъ, заблужденіе опаснѣйшее, какъ это подтверждаютъ секты раціоналистовъ. Уму свойственно переступать предѣлъ естественнаго разумѣнія; но выдвигаясь за естественную черту созерцанія, подобно зрительному стеклу, онъ неизбѣжно теряется во мракѣ сомнѣній и отрицанія. Неправильное отношеніе къ вѣрѣ и знанію обременяетъ человѣчество цѣпями предразсудковъ; и каждый вѣкъ налагаетъ на человѣчество новыя цѣпи, сообразно съ его разумѣніемъ и заблужденіями. Если же исторія обязана вразумлять человѣчество, то

уроки ея о реформахъ XVII вѣка для насъ поучительны. Реформа потрясла древніе предразсудки, внушила сознательное отношеніе къ вѣрѣ и жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабила вѣру и благочестіе. Для поясненія этого предмета она какъ бы умышленно противополагаетъ темный, тревожный и самый благочестивый XV вѣкъ образованному XIX-му, знакомому съ раціонализмомъ и невѣріемъ. Покоряясь законамъ исторической необходимости, окруженные всякими преградами и заблужденіями, мы все же должны ратовать противъ суевѣрія, завѣщаннаго предками. Обильная жатва предразсудковъ и суевѣрія, наслѣдованная отъ предковъ, ждетъ усердныхъ дѣлателей, ревнующихъ о благѣ человѣчества. И проповѣдникамъ нашего времени тѣмъ болѣе предстоитъ труда и искусства на этомъ поприщѣ, чѣмъ менѣе показали ихъ древніе пастыри.

Обличеніе умственныхъ заблужденій и нравственныхъ недостатковъ народа вообще.

Доселѣ мы разсматривали отвлеченное, нравственно-аскетическое проповѣдничество, имѣющее главнымъ своимъ предметомъ міръ духовный, царство небесное. Проповѣдничество это неизмѣнно въ своемъ содержаніи, какъ тотъ вѣчный міръ, къ которому направлены его стремленія. Удовлетворяя аскетическимъ потребностямъ народа, оно передавалось изъ вѣка въ вѣкъ и повторялось на одинъ ладъ. Но съ нимъ тѣсно связано другое проповѣдничество—практическое, отличающееся противоположнымъ характеромъ. Проповѣдничество практическое имѣетъ своимъ предметомъ міръ земной, царство временное; оно также измѣнчиво и разнообразно въ

своемъ содержаніи, какъ сама жизнь съ ея явленіями. И хотя практическія истины въ древнемъ проповѣдничествѣ перемѣшаны съ отвлеченными, не проникнуты единствомъ, логическою связію; но при всемъ этомъ онѣ могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, примѣнительно къ тѣмъ обстоятельствамъ жизни, которыми были вызваны. Поэтому, въ видахъ полноты историческаго изслѣдованія, послѣ отдѣла нравственно-аскетическаго проповѣдничества, необходимо изслѣдовать проповѣдничество практическое. Простота и безыскуственность практическаго проповѣдничества съ одной стороны, историческій интересъ съ другой, — даютъ намъ право на такое дѣленіе нашего предмета, какъ болѣе естественное. Практическія истины древняго проповѣдничества, разсматриваемыя въ приложеніи къ жизни, распадаются на два вида: истины излагающія умственныя заблужденія въ вѣрѣ и нравственные недостатки народа.

Задача древней практической проповѣди и малопроизводительность проповѣдниковъ.

Мы ограничиваемся, какъ покажетъ дѣло, общими чертами умственныхъ и нравственныхъ заблужденій предковъ въ дѣлѣ вѣры и вліянія этихъ заблужденій на жизнь народную. Подробное изслѣдованіе этихъ предметовъ принадлежитъ исторіи русскаго проповѣдничества. Но и общія изслѣдованія достаточно выясняютъ обширность задачи древней практичесрой проповѣди и несоотвѣтствіе ея силамъ проповѣдниковъ. Если гдѣ и когда проповѣдь должна быть свѣточемъ, живою силою, благотворно дѣйствующею на нравы, то именно въ древ-

ней Руси. Въ то время, самое неустроенное, скудное просвѣщеніемъ, проповѣдь оставалась почти единственнымъ врачевствомъ противъ умственныхъ и нравственныхъ недуговъ народа, заблужденій и всякаго рода безпорядковъ. Проповѣдь должна была обличить умственныя и нравственныя заблужденія, показать ихъ вредное вліяніе на жизнь и исправить нравы. Но эта задача не выполнена проповѣдію удовлетворительно. Древняя проповѣдь не обняла всѣхъ умственныхъ заблужденій и нравственныхъ недостатковъ народа, не выяснила ихъ развитія и отношенія къ вѣрѣ и жизни, не обнаружила всѣхъ вредныхъ слѣдствій для жизни. Скудная формою и выраженіемъ, она не менѣе скудна и содержаніемъ. Древняя проповѣдь относится къ нестроеніямъ жизни урывками, занимается болѣе крупными недостатками народа, объясняетъ ихъ общими причинами — бѣсовскимъ навожденіемъ, наказаніемъ за грѣхи и т. под. И въ этомъ отрывочномъ, безцвѣтномъ направленіи практическая проповѣдь не отличается плодовитостію. Практическихъ проповѣдей, какъ уже замѣчено, въ древности написано весьма мало. Скудость практической проповѣди, несоотвѣтствующей нуждамъ времени ни качествомъ, ни количествомъ произведеній, объясняется естественною причиною, малоразвитостію проповѣдниковъ самоучекъ.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда древніе проповѣдники могли заимствовать знанія и средства, необходимыя для практической проповѣди? Въ нравственно-аскетической проповѣди они руководствовались достаточными источниками, поученіями св. отцевъ; но и здѣсь ограничивались, по большей части, подражаніемъ св. отцамъ, передѣлкою готовыхъ поученій. Рукописные сборники, умножавшіеся съ каждымъ вѣкомъ, составляли тотъ проповѣдническій архивъ, изъ котораго всякій книжникъ могъ брать полезное слово для своихъ слушателей. Предусмотрительность составителей сборниковъ съ вѣками расширялась. Проповѣдническіе сборники XV вѣка предлагали и епископамъ готовыя поученія не только на весь годичный кругъ, но и на частные случаи, напримѣръ: «егда случится епископу пріити въ свою епархію» и т. под. Но жизнь—иное дѣло, она не укладывалась въ книгу, въ готовыя рамки и опредѣленія. Измѣняясь съ каждымъ вѣкомъ въ своихъ формахъ, она требовала отъ учителей вѣры новыхъ взглядовъ и живаго современнаго слова. А если учители были малопроизводительны въ нравственномъ и аскетическомъ ученіи: то тѣмъ болѣе не могли быть успѣшными въ практическомъ, для котораго не имѣли достаточныхъ пособій. Какъ самоучки и начетчики, въ аскетическомъ духѣ, они смотрѣли на жизнь односторонно, способны были поражаться крупными недостатками ея, порицать ихъ и опираться въ своемъ ученіи главнымъ образомъ на св. писаніи и св. отцахъ. Пускаться въ анализъ явленій, причинъ и слѣдствій зла, вести обличенія въ системѣ, настойчиво, было не ихъ дѣломъ; время и жизнь не дали для этого средствъ, не подготовили достаточныхъ пособій. Дѣйствительно, древніе проповѣдники преимущественно обличали грубые недостатки и заблужденія народа, сразу кидающіеся въ глаза, напр.: принесеніе жертвъ идоламъ, языческіе обряды, праздничный разгулъ и т. под. Въ изображеніи такого рода недостатковъ проповѣдники могли руководствоваться знаніемъ народныхъ обычаевъ и простымъ здравымъ смысломъ. Что же касается оцѣнки подобныхъ заблужденій съ богословской точки зрѣнія: то

въ этомъ отношеніи проповѣдники обнаруживали неопытность и неразборчивость, смѣшивали важное съ неважнымъ, обрядъ и букву съ догматомъ, и потому, какъ бы изъ опасенія, ограждались въ своемъ словѣ авторитетомъ отцевъ. Обличать русскіе нравы устами Златоуста, Григорія богослова и другихъ отцевъ проповѣдники не считали странностію и анахронизмомъ. Для ихъ простаго смысла и чувства въ области вѣры и невозможное казалось возможнымъ. Но и такого рода поученія, скудныя практическимъ элементомъ, составляли рѣдкость въ древней литературѣ. На составленіе подобныхъ поученій, требовавшихъ извѣстной доли оригинальности, рѣшались немногіе свѣтлые умы—Ѳеодосій печерскій, Серапіонъ владимірскій и другіе. Ихъ практическія поученія, какъ образцы для подражанія, вносились въ сборники, приписывались св. отцамъ, передѣлывались и повторялись на разные лады. Такимъ образомъ, малообразованность и малоразвитость русскихъ проповѣдниковъ была главною причиною скудости проповѣдничества, направленнаго противъ заблужденій языческихъ и другихъ. Что же касается второстепенныхъ причинъ этой скудости: то объ нихъ, какъ уже извѣстныхъ, достаточно упомянуть вкратцѣ. Причины эти слѣдующія: аскетическое призваніе проповѣдниковъ, по которому они чуждались мірской жизни, съ омерзеніемъ смотрѣли на язычество, и самую проповѣдь практическую считали недовольно убѣдительною и какъбы недостойною церковной каѳедры. Только крайняя необходимость и ревность по вѣрѣ заставляла ихъ говорить о мірскихъ дѣлахъ. Первосвятители, присылаемые изъ Греціи, не довольно были знакомы съ русскою жизнію и рѣчью; они поражались, какъ увидимъ, наиболѣе грубыми недостатками народа, сразу кидавшимися въ глаза иностранцу, и рѣдко касались въ своихъ поученіяхъ нестроеній русской жизни. Бѣлое духовенство, всего болѣе обязанное руководить народомъ, неспособно было къ проповѣди вообще, а тѣмъ болѣе практической, обличительной. Выходя изъ простонародья, оно само участвовало въ суевѣрныхъ обрядахъ и праздникахъ языческихъ, за что нерѣдко подвергалось осужденію. Образованіе духовенства, по свидѣтельству Флетчера, ограничивалось умѣньемъ читать и пѣть. Наконецъ, развитію практической проповѣди вообще и въ частности—направленной противъ язычества, вредило общее отвлеченное направленіе русскаго проповѣдничества, подражательное греческому. Важность практической проповѣди, невполнѣ сознанная и нынѣ, при всѣхъ пособіяхъ науки, тѣмъ болѣе не заслуживала должнаго вниманія въ аскетической древности.

Обличеніе умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ, и эпохи въ развитіи проповѣдничества, направленнаго противъ суевѣрія.

Умственными заблужденіями въ вѣрѣ должно признать суевѣріе и ереси. При всей скудости практическаго проповѣдничества, не удовлетворявшаго нуждамъ времени ни качествомъ, ни количествомъ своимъ, въ развитіи его замѣтны нѣкоторыя грани или эпохи, обозначенныя ходомъ событій, историческою жизнію. Въ развитіи проповѣдничества, обличающаго умственныя заблужденія, есть свои эпохи. Въ общихъ положеніяхъ эти эпохи можно обозначить слѣдующими чертами. Практическое проповѣдничество, имѣющее предметомъ своимъ суевѣріе рас-

падается на три главные вида, изъ коихъ каждый имѣетъ свои эпохи или грани. Во первыхъ: съ XI до XVIII вѣка проповѣдничество главнымъ образомъ обличаетъ язычество, перераждающееся въ своемъ существѣ, какъ наиболѣе выдающееся заблужденіе изъ среды прочихъ недостатковъ народа. А именно: съ XI до XV вѣка проповѣдничество преимущественно обличаетъ язычество, державшееся въ центрѣ Россіи и выражавшееся въ грубыхъ формахъ идолослуженія. Съ XV до XVIII вѣка проповѣдничество обличаетъ, съ одной стороны, идолопоклонство инородцевъ, населявшихъ окраины Россіи и обращавшихся въ православіе, а съ другой стороны—выраждавшееся язычество въ центрѣ Россіи. Въ обличеніи выраждавшагося язычества можно различать двѣ грани: съ XV до XVII вѣка обличаются остатки язычества въ празднествахъ, посвященныхъ богамъ, и соединенныхъ съ христіанскими праздниками; въ XVII вѣкѣ обличаются игры и переряживанье, утратившія языческій смыслъ и значеніе. Къ усиліямъ проповѣдниковъ XVI—XVII вѣка присоединяется содѣйствіе гражданской власти въ истребленіи язычества, или остатковъ его. Во вторыхъ, съ XV до XVIII вѣка проповѣдничество обличаетъ астрологію, проникавшую къ намъ съ востока и запада, и вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка, какъ бы замѣнявшее язычество и идолопоклонство. Въ третьихъ, въ продолженіе всего перваго періода проповѣдничество обличаетъ, весьма слабо, апокрифическую литературу, служившую главнымъ источникомъ заблужденій въ вѣрѣ, совмѣщавшую въ себѣ, кромѣ легендъ и заблужденій христіанства, преданія язычества и астрологіи. По этимъ пунктамъ мы и разсмотримъ проповѣдничество, направленное противъ суевѣрія.

Обличеніе язычества, съ XI до XVIII вѣка, и значеніе хронологіи въ исторіи проповѣдничества.

Въ изложеніи нравственно-аскетическаго проповѣдничества не предстояло крайней надобности въ хронологіи или указаніи порядка, въ какомъ появлялись на свѣтъ произведенія проповѣдниковъ. Нравственно-аскетическое проповѣдничество, какъ мы видѣли, отличалось однообразіемъ содержанія. Удовлетворяя аскетическимъ стремленіямъ древней Руси и ея духовной жизни, оно также было неизмѣнно въ своемъ направленіи, какъ неизмѣнна эта жизнь. Поученія нравственно-аскетическія передавались изъ вѣка въ вѣкъ, подъ именемъ св. отцевъ, и повторялись на одинъ ладъ. Нравственно-аскетическое ученіе утверждалось на вѣчныхъ догматахъ, непреложныхъ истинахъ, не допускающихъ перемѣнъ и разнообразія. Возвышаясь надъ временными и мѣстными интересами, проповѣдь обращала вниманіе на религіозную жизнь, одинаковую для всѣхъ странъ и вѣковъ. И потому, какъ справедливо замѣчаетъ критика, наши проповѣдники въ теченіе семи вѣковъ повторяли одно и тоже. Они и ихъ проповѣди такъ похожи другъ на друга, что нельзя составить понятія объ отдѣльной личности. Совсѣмъ иная задача въ этомъ отношеніи проповѣдничества практическаго и особенно обличающаго языческія заблужденія. Измѣнчивое въ своемъ содержаніи, какъ и самая жизнь, съ ея страстями и волненіями, оно нуждается въ указаніяхъ хронологіи и строго послѣдовательномъ изложеніи. Хронологія выясняетъ постепенное развитіе проповѣди, ея историческій смыслъ и тѣ запросы и явленія жизни, какимъ въ данное время

отвѣчала проповѣдь. Безъ хронологическихъ указаній практическая проповѣдь лишается историческаго освѣщенія и покрывается мракомъ невѣденія, толкованія, предположеній и заблужденій. Къ сожалѣнію, въ исторіи древняго практическаго проповѣдничества не возможно соблюсти строгую хронологическую послѣдовательность. Причиною тому служитъ недостатокъ точныхъ библіографическихъ указаній относительно проповѣдническихъ сборниковъ и самихъ практическихъ проповѣдей. Большая часть проповѣдническихъ сборниковъ, какъ мы видѣли, вообще приписывается XIV—XV вѣку, и появленіе самого богатаго практическими поученіями сборника—«Изумруда» съ точностію не опредѣлено. Поэтому въ изложеніи практическаго проповѣдничества необходимо довольствоваться общими хронологическими указаніями, заключающимися частію въ библіографіи сборниковъ, а частію въ содержаніи практическихъ проповѣдей. Къ томуже незначительное количество практическихъ поученій въ древнемъ проповѣдничествѣ облегчаетъ изслѣдованія хронологіи, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ приписаны извѣстнымъ проповѣдникамъ, особенно XVI вѣка.

а) *Обличеніе язычества, державшагося въ центрѣ Россіи, съ XI до XV вѣка.*

Въ поученіяхъ, направленныхъ противъ язычества первыхъ временъ, преимущественно обличаются языческія божества, а также посвященные имъ праздники, обряды, волхвованіе, скоморошество и разные предразсудки, причемъ важныя заблужденія осуждаются наравнѣ съ неважными и даже невинными играми, музыкой, пляской и рукоплесканіемъ. Все это вмѣстѣ названо кумирнымъ служеніемъ, идольскою и бѣсовскою жертвою. Обличеніе Рода и Рожаницы, имѣвшихъ большое приложеніе въ жизни, встрѣчается въ поученіяхъ весьма часто. Разбирать порознь древнія поученія не удобно, съ одной стороны по причинѣ сбивчиваго изложенія и повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей, а съ другой стороны по причинѣ ихъ выраженія, нерѣдко крайне запутаннаго и темнаго. Неправильное и часто непонятное изложеніе практическихъ поученій обличаетъ всю научную скудость проповѣдниковъ—самоучекъ, предоставленныхъ собственнымъ силамъ въ трудномъ для нихъ дѣлѣ. Въ изложеніи содержанія практическихъ поученій достаточно подмѣчать особенныя въ какомъ либо отношеніи характеристическія черты каждаго изъ нихъ.

Слова, въ которыхъ преимущественно обличаются языческія божества.

Самое древнее поученіе, обличающее божества славянъ, извѣстно подъ именемъ слова Григорія богослова (X—XI в.). Въ немъ изображается поклоненіе Дію и Діѣ (Зевсу и Діанѣ), рѣкамъ, колодцамъ, водяному божеству, рѣчному животному (которому во время голода бросали людей въ жертву); обличается гаданіе по полету птицъ, вѣра во встрѣчу, скандинавская присяга (во время клятвы возлагали дернъ на голову), клятва на мощахъ, на человѣческихъ костяхъ, и дѣланіе въ праздники [1]).

Поученіе, обличающее разомъ всѣхъ языческихъ боговъ, извѣстно также подъ именемъ слова Григорія богослова (XIV в.). Это поученіе излагаетъ краткую исторію славянскихъ идоловъ, или боговъ, производя ихъ

[1]) Изд. Акад. Н. II отд. 1855 г.

отъ вавилонянъ, грековъ и римлянъ; древнѣйшими изъ нихъ—признаетъ Родъ, Рожаницу и Перуна. Остальные боги, которымъ славяне приносятъ жертвы, суть: Вилы (русалки), Мокошь, Дива, Хорсъ, Сварожицъ, Упырь (вампиръ), Навье (мертвецы), Берегиня (русалка, водяное существо) и Переплутъ [1]).

Съ такою же подробностію перечисляетъ языческихъ боговъ слово христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ (XIV в.), присоединяя къ нимъ Волоса и Вилъ-тридевять сестеръ. Слово обличаетъ, наравнѣ «съ идолопоклонствомъ, принесеніемъ жертвъ (куръ и коровая), моленіемъ подъ овиномъ, обрядъ чеснока, игры на свадьбахъ и пирахъ, пляску, гудьбу, сопѣли, бубны, пѣсни бѣсовскія, и всю жертву идольскую»; обличаетъ священниковъ и книжниковъ, участвующихъ въ пирахъ и жертвахъ, и метко называетъ современныхъ христіанъ «двоевѣрными». Слово это было весьма распространено въ древности, и заключается во многихъ сборникахъ [2]).

Наконецъ, боговъ языческихъ подробно перечисляетъ слово, приписываемое Златоусту (XIV в.), и въ томъ числѣ Дажьбога, Стрибога, Переплута, Артемиду и Берегинь—тридевять сестрицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слово обличаетъ моленіе колодезямъ, источникамъ, огню, деревьямъ и камню, скаканіе черезъ огонь, оклики мертвыхъ; упоминаетъ о чарахъ и волхвованіи, переряживаніи и маскахъ [3]). Тоже слово, передѣланное, обличаетъ главнымъ образомъ волхвованіе, зрѣлища, игры, скоморошество, пѣсни, плесканіе рукъ и разныя страсти; въ

[1]) Лѣт. р. лит. Тихонр. IV, 97—101. Паис. сбор.

[2]) Лѣт. литер. Тихонр. IV, 93. Паис. сбор. Злат. цѣпь. Рукоп. соф. библ. № 1285. Златоустникъ 1523.

[3]) Лѣт. литер. Тихонр. IV, 105. Злат. цѣпь.

заключеніе—грозитъ вѣчною мукою и совѣтуетъ христіанамъ разсуждать о пророчествахъ и ученіи святыхъ [1])!

Слово прор. Исаіи, истолковано св. Златоустомъ, обличаетъ поставленіе трапезы Роду и Рожаницамъ. Это слово знакомитъ насъ съ толкованіями пророческихъ книгъ, которыя, какъ мы видѣли, были переведены на славянскій языкъ уже въ 1047 г. Напр.: «и будетъ на лугу ограда овцамъ. Лугъ—рай; овцы—работающіе Богу, а не Рожаницамъ. И дебрь охорьска въ покой воломъ. Дебрь—пажить Іерусалима; волы—епископы и священники. Забывающіе гору святую—ставящіе трапезу Роду и Рожаницамъ», и т. д. Слово это внесено во многіе сборники и особенно въ такъ называемые Златоустники. Въ Златоустникѣ трапеза Роду и Рожаницамъ называется второю, т. е. поставляемою послѣ трапезы главнымъ богамъ, и состоящею изъ плодовъ и вина [2]).

Къ поученіямъ этого рода надобно отнести и слово Кирилла о злыхъ дусѣхъ.

Изъ приведенныхъ доселѣ словъ можно усмотрѣть нѣкоторую послѣдовательность въ развитіи славянской миѳологіи. Такъ, изъ словъ Григорія богослова и Христолюбца узнаемъ, что въ глубокой древности славяне покланялись Упырямъ и Берегинямъ; послѣ этого стали кланяться Роду и Рожаницѣ. Перемѣнились имена,—значеніе осталось тоже. Поклоненіе Роду и Рожаницамъ смѣнило поклоненіе Перуну, и въ свою очередь вытѣснено христіанствомъ. Поклоненіе Хорсу (богу солнца) долго оставалось въ силѣ и по введеніи христіанства. На все это есть достаточныя осно-

[1]) Тихонр. IV, 110.

[2]) Архивъ истор. юрид. свѣд. 2, I отд. I, 100—101. VI, 66. Златоустникъ, слово 47.

ванія. Напр: Перунъ рѣдко блистаетъ молніей и напоминаетъ о себѣ, а солнце свѣтитъ постоянно; притомъ, главные праздники языческіе были посвящены солнцу и часто возобновлялись въ лѣтнее время, возбуждая веселіе и жизнь.

Слова, обличающія языческіе обряды и предразсудки.

За словами, обличающими языческія божества, слѣдуютъ обличенія обрядовъ и предразсудковъ, соединенныхъ съ поклоненіемъ божествамъ. Въ словахъ этого рода особенно часто обличаются игры, позорища, скоморошество, пляска, волхвованіе, примѣты, встрѣчи и леченіе болѣзней чарами. Такихъ словъ довольно много помѣщено въ Изумрудѣ, Златоустникѣ, Паисіевомъ сборникѣ и другихъ. Такъ въ Изумрудѣ: 12 *слово Златоуста о играхъ и плясаньи* сильно изобличаетъ пляски. «Проклятѣе всѣхъ игръ есть плясаніе, многовертѣмое, отлучаетъ людей отъ Бога». 33 *слово св. Нифонта* о русалкахъ, собственно распространяется о пляскѣ и мірскихъ пѣсняхъ (Въ Златоустникѣ тоже слово 87). 130 *слово Златоуста* главнымъ образомъ направлено противъ плясанія. *Поученіе къ духовному сыну* (XIII в.) Георгія зарубскаго черноризца, излагая разныя наставленія, сильно вооружается противъ «лихого скомороха, гудца и свирца (свирельника), которыхъ водятъ по домамъ ради глама». «Поганско то есть, а не крестьянско» [1]). Въ Паисіевомъ сборникѣ: *слово истолковано мудростію*—о позорищахъ, осуждаетъ слабую жизнь современниковъ, лѣнивое посѣщеніе храмовъ, неслушаніе божественнаго слова, охотное пребываніе на игрищахъ, гдѣ идольскія сборища, музыка, пляска и забавы. *Поученіе христіанамъ* обличаетъ скоморошество, увѣщеваетъ почитать праздники не яденьемъ, питіемъ и праздностію, а жизнію подобною святымъ, не присутствовать на русальихъ играхъ, или скоморошескихъ, на идольскихъ зрѣлищахъ, въ обществѣ пьяницъ. *Слово о клятвахъ и суевѣріяхъ* направлено противъ чародѣйства, исчисляетъ беззаконія, за которыя Богъ караетъ Русь бездождіемъ, пожарами, войною, и другими бѣдствіями. Беззаконія эти слѣдующія: жертвы бѣсамъ, леченіе болѣзней чарами и амулетами; въ числѣ чаръ указываетъ на леченіе лихорадки словами писанными на яблокахъ. Въ сборникѣ Изумрудѣ: 10 *слово о лечащихъ болѣзни волхвованіемъ и о грѣхахъ людскихъ* между прочимъ читаемъ: «а мы (лишь) мало заболимъ, приводимъ въ свои домы волховъ и зеленниковъ». (Въ Златоустникѣ тоже слово 17).—121 слово св. отецъ *какъ жить христіанамъ?* — обличаетъ разныя суевѣрія. «Болѣзнь лечатъ волшебствомъ, амулетами и чарами. Отъ бѣса еллинскаго, называемаго трясавицей, отгоняютъ, пиша на яблокѣ слова, и кладутъ (его) на престолѣ, во время службы... Господь велитъ лечить не чарами, ни амулетами, ни вѣрою во встрѣчу, полазъ (слѣдъ животнаго), чехъ (чиханіе»). (Тоже слово въ Правосл. Собесѣдникѣ 1859 г. апр. 473).—137 слово св. Ефрема *о второмъ пришествіи:* русскія дополненія о вѣрѣ во встрѣчу, въ чехъ, полазъ, птичій грай (пѣніе). (Въ Златоустникѣ тоже слово 44). Слово св. отца Моисея *о ротахъ и клятвахъ* (XIV в.) обличаетъ жертву бѣсамъ, леченіе болѣзней и особенно трясавицы чарами, письменами на яблокахъ, полагаемыхъ на престолѣ; обличаетъ вѣру во встрѣчу и заговоры, употребляемые охотниками, людьми,

[1]) О малоизв. и неизв. памят. Срезнев. I, 54—57.

идущими на торгъ, въ судъ, къ князю [1]). Въ *поученіи о казняхъ божіихъ* Ѳеодосія печерскаго обличаются остатки язычества и вѣра во встрѣчу. «Не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или свинью, или лысаго коня, то возвращается назадъ. Такого суевѣрія держатся по наущенію отъ діявола. Иные вѣрятъ чиханію, которое часто бываетъ на здравіе головѣ. Но этимъ обольщаетъ діяволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ,—скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и другими играми и непотребными дѣлами». Подобныя мысли заключаются въ *словѣ учительномъ о вѣрѣ во встрѣчу и чохъ*. «Многіе люди вѣруютъ во встрѣчи, и въ чохъ, и въ птичій грай, и во всякія бѣсовскія мечты, и послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ, не знающихъ Бога, отъ коихъ такая прелесть перешла въ православіе. Такіе (люди) прогоняютъ отъ себя Духа Божія, ибо Духъ Божій дѣйствуетъ въ священникахъ, діаконахъ, въ монашескомъ чинѣ, въ нищихъ—братіи Христовой. Такіе чины всѣ благословенны отъ Бога. Мы же, при встрѣчѣ, гнушаемся тѣхъ чиновъ, отвращаемся отъ нихъ, укоряемъ ихъ при встрѣчѣ, поносимъ на пути [2]). Замѣчательно, что нѣкоторые обряды языческіе, имѣвшіе большое приложеніе къ жизни, пастыри старались замѣнить христіанскими обрядами; особенное вниманіе они обращали на леченіе болѣзней чарами, и мулетами и зеліемъ. «Аще кто имать у себе мѵро св. Богородицы, говоритъ одинъ христолюбецъ, или св. мѵро Димитрія, и аще прилучится болѣзнь внутри, да повелитъ іерею пѣти литургію пресв. Богороди-

[1]) Изв. Акад. Н. X, 703.

[2]) Рукоп. новгор. соф. библ. № 1428, л. 520.

дицѣ, и мѵро да будетъ на св. трапезѣ. По скончаніи литургіи да вложитъ попъ мѵро во уста больного, и да поглотитъ; аще же болѣзнь очима, тако же, по скончаніи литургіи, помажетъ ерей малечко» [1]).

Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ извѣстныхъ проповѣдниковъ обличаются языческіе обряды: сожиганіе волхвовъ, выгребаніе утопленниковъ и удавленниковъ, судебные поединки и т. под. Въ *четвертомъ словѣ* Серапіона владимірскаго обличается сожиганіе волхвовъ. «Вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ. Кто и не совершилъ убійства, но будучи въ собраніи убійцъ, соглашался съ ними, и тотъ убійца. Или кто могъ помочь, а не помогъ, тотъ какъ бы самъ далъ повелѣніе убить. Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что голодъ на землѣ бываетъ отъ волхвованія? И опять, хлѣбъ умножается волхвованіемъ? Если сему вѣрите, то зачѣмъ сожигаете волхвовъ? Молитесь имъ и почитайте ихъ, приносите имъ дары, ежели они благоустрояютъ міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ по три года не родится хлѣбъ не только на Руси, но и въ землѣ латинской; волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли распоряжаетъ свою тварь, какъ хочетъ, наказывая насъ за грѣхи?» Въ пятомъ словѣ Серапіонъ обличаетъ обычай выгребать утопленниковъ и т. под. «Нынѣ, видя гнѣвъ божій, вы разузнаете, не погребъ ли кто удавленника или утопленника, и выгребаете ихъ, чтобы избавить людей отъ пагубы. О злое безуміе, о маловѣріе! Мы

[1]) Пам. стар. лит. 4,216.

исполнены зла, а не каемся. При Ноѣ былъ потопъ, но не изъ заудавленнаго или утопленника, а за людскія неправды. О люди, это ли ваше покаяніе? тѣмъ ли умолите Бога, что выгребаете утопленника или удавленника? Тѣмъ ли думаете утишить казнь божію? Лучше, братіе, отстанемъ отъ зла, удержимся отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, разбоя» и проч. [1]). Относительно умершихъ насильственною смертію, какъ мы видѣли, у язычниковъ существовало и другое вѣрованіе. Они думали, что непогребеніе ихъ вредитъ погодѣ. Обличеніе этого вѣрованія встрѣчаемъ даже въ XVI вѣкѣ. Максимъ Грекъ написалъ слово противъ мнѣнія, «что для непогребеннаго убитаго и утопленника бываетъ вредная погода» [2]).

Обличеній, направленныхъ противъ поединковъ, въ древнемъ проповѣдничествѣ находимъ весьма мало. Нѣсколько мыслей объ этомъ предметѣ и о волшебствѣ встрѣчаемъ въ поученіяхъ м. Петра и Фотія. Въ поученіи къ попамъ митр. Петръ говоритъ: «учите ихъ (дѣтей), чтобы не баяли басней, не принимали лихихъ бабъ, узовъ (амулетъ), наговора, зелья, ворожбы; ибо за это грядетъ гнѣвъ божій. А куда приходятъ лихія бабы, учите ихъ отставать отъ этого обычая и каяться; и если не послушаютъ васъ, не благословляйте ихъ. Заказывайте христіанамъ, чтобы бабъ не держали и бѣгали отъ нихъ... Если кто позовется въ поле (на поединокъ) и захочетъ причаститься, св. причастія ему не давайте; а кто дастъ причастіе, лишенъ будетъ сана. Убившій въ полѣ именуется душегубцемъ, не входитъ въ церковь 20 лѣтъ, не принимаетъ св. причастія, ни богородицына хлѣба (просфоры). Убитаго въ полѣ не

[1]) Ист. Рус. Церкви пр. Мак. V, 138. Прибав. къ твор. св. отц. I, 92.
[2]) Пам. стар. р. литер. в. 4. 186.

хоронить, а выбросить его собакамъ; а кто похоронитъ его, лишится сана». Въ посланіи къ новгородцамъ митр. Фотій внушалъ духовенству принимать мѣры противъ ворожей и судебнаго поединка. «Не слушать и не принимать ворожей... Идущему въ поле (на поединокъ) не давать св. таинъ. Убійцу отлучить отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитого не хоронить» [1]). Слѣдуетъ обратить вниманіе на сходство мыслей и выраженій въ изложенныхъ поученіяхъ; фактъ, съ которымъ мы часто встрѣчались въ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ, и еще чаще будемъ встрѣчаться въ практическомъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о скудости и малопроизводительности древняго проповѣдничества. Относительно похищенія дѣвицъ, хожденія съ невѣстою около озера и дуба и разныхъ мелкихъ обрядовъ язычества въ древнемъ проповѣдничествѣ мы не находимъ достаточныхъ указаній. Мелочи этого рода легко ускользали отъ вниманія проповѣдниковъ. Еще менѣе находимъ обличеній суевѣрныхъ сновъ. Мы видѣли, что языческія повѣрья о снахъ заключались въ такъ называемыхъ «Сонникахъ». Эти повѣрья нашли сближеніе съ христіанскимъ ученіемъ о силѣ чудесныхъ сновъ, и потому весьма укоренились въ древней Руси. Чудесные, въ томъ числѣ и суевѣрные сны, какъ видно изъ предыдущаго, особенно волновали народъ во времена общественныхъ бѣдствій, и нерѣдко сопровождались пагубными слѣдствіями. Обращая вниманіе на это суевѣріе и происходящее отъ него зло, одинъ проповѣдникъ говоритъ: «иже вѣруяй соніямъ и мечтаніямъ, осудится съ діяволомъ, безъ иного грѣха, яко его въ слуга; ничтоже бо

[1]) Акт. эксп. I, 369.

не мерзско предъ Богомъ, точію сія бѣды, еже вѣровати въ мечтанія» [1]). Во время моровой язвы въ народѣ толковали о разныхъ видѣніяхъ и откровеніяхъ. Патр. Никонъ разсылалъ увѣщанія, чтобы «подобнымъ вракамъ и небылицамъ не вѣрили».

б) Обличеніе идолопоклонства инородцевъ, населявшихъ окраины Россіи, съ XV до XVIII вѣка.

Въ поученіяхъ, обличающихъ язычество, не видно ни богатства содержанія, ни искусства изложенія. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ довольно краткій и безпорядочный перечень языческихъ боговъ, обрядовъ и предразсудковъ. Скудость и безпорядочность обличительныхъ поученій дала возможность язычеству держаться въ центрѣ Россіи до XV вѣка. Скудость поученій XV и XVI вѣковъ, самыхъ темныхъ въ нашей исторіи, еще значительнѣе. Въ это время ослабѣла связь Россіи съ Греціей, поддерживавшей у насъ слабое просвѣщеніе. Необразованные русскіе пастыри среднихъ вѣковъ не могли произвести и такихъ поученій, какими обладала древность, особенно въ обличеніи идолопоклонства. Вся совокупность этого рода проповѣдей, въ XV—XVI вѣкѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ посланій, чрезвычайно разнороднаго содержанія, весьма сходныхъ между собою, и даже списанныхъ одно съ другого. Въ посланіяхъ этихъ сказался практическій смыслъ русскихъ пастырей, чуждый образованія. Посланія обыкновенно адресуются на имя духовенства, руководившаго новообращенными христіанами. Въ посланіяхъ даются наставленія священникамъ, какъ учить вѣрѣ новообращаемыхъ; при этомъ

[1]) Пам. стар. лит. 4, 214.

особенно часто говорится о бракѣ, исповѣди и причащеніи, отъ которыхъ уклонялись новые христіане, не понимавшіе значенія таинствъ. Словомъ, проповѣдники излагали заразъ, безъ всякаго искусства, существенныя истины, необходимыя для спасенія. Эти посланія, проникнутыя практическимъ смысломъ, важны въ томъ отношеніи, что онѣ поясняютъ намъ характеръ устныхъ поученій, которыми пастыри руководили пасомыхъ. Исторія свидѣтельствуетъ, какъ видно изъ статьи о миссіонерскомъ проповѣдничествѣ, что многіе пастыри подвизались въ устной проповѣди и поучали инородцевъ истинамъ вѣры. Безъ сомнѣнія, и въ устной проповѣди они чаще проводили тѣ догматы, которые болѣе соотвѣтствовали нуждамъ времени, и программа которыхъ начертана была въ пастырскихъ посланіяхъ. Кстати замѣтить, что пастырскія посланія въ отдаленныя мѣстности были въ то время самою удобною формою проповѣди; они вынуждались необходимостію, трудностію пути и неудобствомъ сообщеній въ древней Россіи. Для нашей цѣли особенно важна обличительная сторона посланій, направленная противъ идолослуженія. Она сообщаетъ намъ любопытныя свѣденія о вѣрѣ инородцевъ и обрядахъ идолослуженія. Въ ряду посланій этого рода первое мѣсто по времени занимаютъ граматы русскихъ іерарховъ къ пермскому духовенству и народу.

Митрополитъ Симонъ 1501 г. написалъ грамату къ пермскому духовенству, въ которой обличалъ нерадѣніе его о новообращенныхъ, незаконные браки послѣднихъ и разныя богомерзскія дѣла, совершаемыя по древнему обычаю. Онъ же писалъ посланіе къ новообращеннымъ пермякамъ, въ которомъ, между прочими наставленіями, обличалъ ихъ богомерзскія дѣла: «служеніе кумирамъ,

совершеніе тризнъ идоламъ, моленіе болвану Воипелю». Въ нравственной части грамата и посланіе митр. Симона, наравнѣ съ прочими посланіями этого рода, проникнуты духомъ нравственно-аскетическаго проповѣдничества. Они внушаютъ жизнь по заповѣдямъ христіанскимъ, посѣщеніе храмовъ, соблюденіе постовъ, неяденіе въ праздники до обѣда и т. под. [1]). Въ граматѣ пермскому духовенству Симонъ упоминаетъ, что ему (духовенству) неоднократно объ этихъ предметахъ «посылалъ граматы свои пермской епископъ Филоѳей». Епископъ Филоѳей, проповѣдуя вѣру 30 лѣтъ (1471—1501), часто писалъ окружныя посланія къ духовенству и зырянамъ. О содержаніи ихъ можно судить по мыслямъ приведенныхъ нами посланій митр. Симона. Въ окружныхъ посланіяхъ и граматахъ древнихъ пастырей особенно замѣтны повторенія и заимствованія, нерѣдко буквальныя.

Грамата новгород. архіеп. Макарія въ пятину вотскую сообщаетъ намъ любопытныя свѣденія о вѣрѣ и нравственности племенъ, обитавшихъ между балтійскимъ моремъ и ладожскимъ озеромъ. Финскія племена: Карела, Чудь, Ижора, благодаря дѣятельности миссіонеровъ, уже въ XIII вѣкѣ были обращены въ христіанство; но отъ недостатка надзора и руководства въ вѣрѣ, придерживались языческихъ обычаевъ. Они покланялись камнямъ и священнымъ деревамъ, приносили жертвы богамъ своимъ, и обращались за наставленіями къ арбуямъ или жрецамъ. Между прочимъ, у нихъ въ обыкновеніи было многоженство, какъ и у прочихъ язычниковъ, странный способъ погребенія въ лѣсахъ и курганахъ. Въ окружной граматѣ къ духовенству пятины (1534 г.)

[1]) А. Истр. т. I. № 112. Епарх. волог. вѣд. 1865 г.

Макарій обличаетъ всѣ эти заблужденія и подкрѣпляетъ свое слово дѣломъ. Онъ внушаетъ духовенству, при содѣйствіи православныхъ, истреблять огнемъ всѣ языческія божества и молельни; арбуевъ и ихъ послѣдователей исправлять, или предавать суду [1]). Въ 1535 г., по распоряженію Макарія, снова были приняты мѣры къ истребленію въ этихъ мѣстахъ язычества. Но язычество снова утвердилось въ финскихъ племенахъ, и спустя 13 лѣтъ, архіеп. новгор. Ѳеодосій написалъ окружную грамату къ духовенству вотской пятины, сходную съ граматой Макарія, и подкрѣпилъ ее тѣми же полицейскими мѣрами. Послѣдствія дѣла не извѣстны [2]).

Значеніе обличительныхъ граматъ и посланій.

Приведенныя нами граматы и посланія, скудныя количествомъ и содержаніемъ, имѣютъ довольно важное историческое значеніе. Онѣ проливаютъ свѣтъ на цѣлый отдѣлъ проповѣдничества миссіонерскаго, мало-извѣстнаго намъ въ его содержаніи. Понятно, что миссіонеры, наставляемые граматами и посланіями архипастырей, руководились ихъ мыслями въ своей проповѣди. Они обличали заблужденія язычниковъ и иновѣрцевъ, и внушали имъ тѣ истины вѣроученія, которыя имѣли ближайшее приложеніе къ жизни, напримѣръ о бракѣ, исповѣди и проч. И если архипастыри списывали другъ у друга посланія, то тѣмъ болѣе простые монахи и священники держались въ словѣ данной имъ программы. И это тѣмъ болѣе справедливо, что проповѣдь требуетъ научнаго знанія и искусства, которыхъ не доставало въ

[1]) Допол. А. И. I, № 28.
[2]) Допол. А. И. I, № 43.

древней Руси; а простая бесѣда миссіонеровъ, внушенная программой и часто повторяемая, свободно лилась, какъ и нынѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, льется изъ устъ. Этимъ и подобными фактами объясняется указаніе на многочисленныхъ нашихъ «философовъ и книжниковъ», не оставившихъ поученій, къ которымъ приходили тысячи слушателей для назиданія. Этимъ объясняется и добровольное обращеніе въ христіанство цѣлыхъ тысячъ дикарей въ XV—XVI вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ, какъ мы видѣли, многіе дикари крестились въ соловецкомъ монастырѣ и постригались въ монашество. Въ 1526 г. лопари кандалажскіе просили себѣ крещенія и священниковъ; въ 1532 г. лопари мурманскіе просили священниковъ и антиминсовъ; около половины XVI вѣка лопари понойскіе просили крещенія и построенія для нихъ церкви; въ 1575 г. повторилась таже просьба. Упомянутыя посланія и граматы намекаютъ на подобные же опыты или памятники устнаго проповѣдничества, которыми руководились миссіонеры въ обращеніи татаръ и азіятцевъ. Такъ, первому казанскому святителю Гурію данъ былъ «Наказъ», какъ обращать невѣрныхъ. О святителѣ Варсонофіѣ прямо сказано, что онъ «искусно состязался съ татарами о вѣрѣ, обличалъ ихъ заблужденія и многихъ привлекъ ко Христу» [1]). Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ въ Сибири митр. Кипріанъ, руководимый посланіемъ патр. Филарета. По словамъ лѣтописи, митр. Кипріанъ «многихъ невѣрныхъ крестилъ и многую слабость въ беззаконныхъ женитьбахъ и—духовныхъ дѣлахъ исправилъ». Конечно, многія изъ обличительныхъ посланій, имѣвшихъ спасительное вліяніе на инородцевъ, какъ видно изъ предыдущаго, не дошли до насъ. Эти-то посланія, подкрѣпляемыя властію духовною и гражданскою, административными распоряженіями, одушевляли древнихъ миссіонеровъ въ подвигѣ проповѣди и значительно вліяли на искорененіе идолопоклонства, магометанства и разнообразныхъ суевѣрій въ древней Руси; и если, при тогдашнемъ просвѣщеніи, не успѣли истребить ихъ, то по крайней мѣрѣ облегчили потомкамъ совершеніе этого важнаго дѣла.

[1]) Прав. Собес. 1868 г. II, 23.

Обличеніе выраждавшагося язычества, съ XV до XVIII вѣка.

Съ конца XIV вѣка язычество въ центральной Россіи вырождается; вытѣсняемое христіанствомъ, оно держится въ XV—XVI в. не столько духомъ, сколько формою и обрядомъ. Имена языческихъ боговъ и служеніе имъ забываются; остаются въ памяти народа Купало, Ярила, Коляда и Рожаница, но не болѣе, какъ представители праздниковъ свѣта и рожденія, или плодотворной силы природы. Но и эти праздники видимо теряютъ самостоятельность. Уступая господствующей вѣрѣ, они прикрѣпляются къ христіанскимъ праздникамъ, совпадающимъ съ ними по времени, напр.: русальная троицкая недѣля, Коляда и проч. Въ XVII вѣкѣ самая обрядность языческая забывается. Полуязыческіе праздники перераждаются въ святочныя игры, съ переряживаньемъ, музыкой, пляской, и обычнымъ пьянствомъ, сквернословіемъ, развратомъ, дракой, убійствомъ. Отъ самыхъ именъ языческихъ остались исковерканныя названія, въ видѣ обломковъ старины, напримѣръ: «Овсень, Поревнь, Аполовинъ, Перегиня, Рожденица и т. под.». Хри-

стіанство, говоритъ одинъ историкъ, постепенно брало перевѣсъ надъ язычествомъ, и по мѣрѣ усиленія его языческіе обряды теряли свое значеніе. Въ XVII в. они уже обратились въ простую забаву и хранились народомъ по старой привычкѣ. Но эта забава была опредѣлена обычаемъ во всѣхъ мелочахъ, малѣйшихъ обрядахъ, нарушить которые никто не рѣшится. И эти обряды получили двойственный характеръ, являясь на ряду съ христіанскими торжествами». «Видимъ множество народа, говоритъ Ѳеодосій печерскій, на играхъ, такъ что давятъ другъ друга, желая видѣть дѣло, вымышленное діаволомъ; а церкви стоятъ пусты. И когда бываетъ время молитвы, немногіе бываютъ въ церкви». Было бы весьма поучительно прослѣдить историческимъ путемъ постепенное вымираніе язычества, вытѣсняемаго христіанствомъ. Къ сожалѣнію, главный источникъ этихъ свѣдѣній, — древнее проповѣдничество,—весьма скуденъ. Проповѣдничество не даетъ точныхъ указаній, когда и въ какомъ мѣстѣ пространной Россіи погибло язычество? Обличительныя поученія заносились въ сборники и передавались однообразно изъ вѣка въ вѣкъ; при безпорядочномъ смѣшеніи разныхъ эпохъ трудно уловить историческіе оттѣнки народныхъ нравовъ. Можно замѣтить нѣкоторую разность въ общемъ направленіи обличеній. Въ XV—XVI вѣкѣ обличенія направлены противъ языческихъ празднествъ, совпадавшихъ съ христіанскими, въ XVII — противъ праздничныхъ игръ и разныхъ безчинствъ. Вообще, древнія поученія проникнуты большимъ одушевленіемъ и живостію, нежели позднія, нечуждыя подражательности и заимствованій. Обличительная проповѣдь, ослабѣвшая съ XV вѣка, нашла поддержку въ государственной администраціи, и часто

выражалась въ формѣ соборныхъ опредѣленій, посланій, патріаршихъ и царскихъ граматъ. Это объясняется, съ одной стороны, возвышеніемъ царской власти, преслѣдовавшей вѣковыя нестроенія, а съ другой стороны сближеніемъ этой власти съ церковною. Сближеніе царской власти съ духовною достигло высшей степени въ XVII вѣкѣ, при патр. Филаретѣ и Никонѣ. Граматы, которыми особенно богатъ XVII вѣкъ, исправляли неустройства междуцарствія, и замѣняли устную проповѣдь, между прочимъ, и по неудобству путей сообщенія. Искусства и одушевленія въ изображеніи безчинныхъ праздниковъ мы не видимъ. Всѣ обличительныя проповѣди, посланія и граматы проникнуты здравымъ смысломъ, преслѣдуютъ существо дѣла и останавливаются на фактахъ видимыхъ. Онѣ осуждаютъ народные праздники и безчинства съ нравственной точки, какъ дьявольское навожденіе, безъ отношенія къ жизни. Анализъ праздничнаго разгула и его слѣдствій замѣняютъ нравственно-аскетическія сентенціи, не всегда ведущія къ дѣлу. Сообразно съ программой «Очерка» мы приведемъ болѣе замѣчательныя обличенія народныхъ празднествъ, игръ и безчинствъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ древнихъ поученіяхъ XI вѣка уже упоминаются языческія празднества и безчинства и осуждаются, какъ дьявольское служеніе. Въ поученіяхъ XII—XIII вѣка обличеніе принимаетъ болѣе практическій тонъ; оно сопоставляетъ безчинныя торжества съ святостію христіанскихъ праздниковъ, не намекая еще о сближеніи и какомъ-либо сходствѣ ихъ. Ясное дѣло, что сближеніе языческихъ торжествъ съ праздниками христіанскими только начиналось, и христіанство способствовало этому дѣлу. Внушая грубой

толпѣ духовное празднованіе, оно поневолѣ давало ей досугъ заняться играми и языческими воспоминаніями. «Многіе невѣжды, говоритъ древній проповѣдникъ, скорѣе спѣшатъ на игры, нежели въ церковь, и любятъ сквернословіе и кощунство болѣе книгъ... Многи козни лукаваго діявола,—иныхъ устремляетъ на позорища и игры, иного на пляску, пьянство и блудъ, иного на кощунство, рукоплесканіе, пѣсни и гусли, а иныхъ окрадываетъ лѣностію, чтобъ не приходили въ церковь». «Не слушаютъ божественныхъ словъ, говоритъ другой проповѣдникъ. Но если плясуны и гудцы, или игрецъ позовутъ на игрища, или какое-либо идольское сборище, то всѣ идутъ туда съ радостію, и весь тотъ день проводятъ на позорищахъ... На позорищахъ нѣтъ покрова, ни затишья, и вѣтеръ шумитъ, — но все переносимъ, радуясь; а въ церкви покровъ и затишье, но не хотятъ идти на поученіе» [1]). Подобныхъ поученій XII—XIII вѣка довольно много; къ этому разряду относится лучшее слово Кирилла туровскаго, въ которомъ онъ жалуется на лѣность своихъ слушателей къ церкви и къ поученіямъ. Въ поученіяхъ XIV вѣка уже замѣтно сближеніе языческихъ праздниковъ съ христіанскими; въ нихъ обличаются торжества купальскія, радуницы, семика, и проч., въ нихъ выражается господство христіанства надъ язычествомъ, и усилія язычества отстоять свою самобытность» [2]). «Многіе христіане, говоритъ одинъ проповѣдникъ, приносятъ жертвы идоламъ и бѣсамъ... Но всего важнѣе примѣшивать къ идольской жертвѣ (Рожаницѣ) тропарь Богородицы» [3]).

[1]) Изумр. сб. № 270. Очерк. Бусл. 11, 69. Пант. Сбор. Слово истолк. мудр. св. апостол.

[2]) Злат. цѣнь. Очерк. Бусл. 11, 125. Прав. собес. 1868 г. I.

[3]) Лѣтоп. литер. IV, слова противъ язычества.

Въ поученіяхъ XV вѣка замѣтно сліяніе языческихъ праздниковъ съ христіанскими. Поводомъ къ тому служили, съ одной стороны, строгость церковныхъ обличеній, а съ другой стороны—желаніе народа прикрыть свой разгулъ христіанскими праздниками. Обстоятельства благопріятствовали этому желанію народа. Главнымъ обстоятельствомъ въ этомъ отношеніи было сходство языческихъ боговъ, представителей добра и зла (бѣлбоговъ и чернобоговъ) съ ангелами и демонами. Ктому же, богомильскія понятія объ ангелахъ міроправителяхъ, занесенныя изъ Болгаріи, какъ разъ подошли подъ вѣру въ стихійныхъ боговъ. Дальнѣйшимъ обстоятельствомъ—было сходство именъ и свойствъ нѣкоторыхъ боговъ со святыми и совпаденіе посвященныхъ имъ праздниковъ. Мы видѣли, какъ въ XIV вѣкѣ почитаніе Богородицы вытѣсняло жертву Рожаницѣ. Въ XV вѣкѣ видимъ торжество этого почитанія надъ миѳомъ и осужденіе самого сопоставленія Богородицы съ Рожаницей, какъ дѣла преступнаго. «Еретикъ Несторій, говоритъ проповѣдникъ XV вѣка, признавая Богородицу человѣкородицей, научилъ приносить жертву Рожаницѣ. Святые же отцы лаодикійскаго собора, вразумленные ангеломъ, повелѣли не дѣлать этого, потому что неугодное Богу, неугодно и св. Богородицѣ. Кто послушаетъ заповѣди св. отцевъ, спасенъ будетъ; а кто не послушаетъ, да будетъ отлученъ» [1]). Въ XVI—XVII вѣкѣ Рожаницы потеряли свое значеніе и слились съ семью планетами, вліявшими на судьбу рожденныхъ.

Поученія XVI вѣка, обличая языческіе праздники, нападаютъ на ихъ совмѣстность съ христіанскими, и

[1]) Тамже.

показываютъ все неприличіе такого единенія. Особенному порицанію въ этомъ отношеніи подверглись праздники лѣтніе, въ которыхъ сосредоточена сущность языческой вѣры. 1505 г. игуменъ Памфилъ въ посланіи къ гражданской власти просилъ истребить обряды Купалы, совершаемые во Псковѣ. Онъ говоритъ, что въ ночь рождества Предтечи горожане и поселяне празднуютъ этому богу съ музыкой, пѣснями, пляской и развратомъ, а также ищутъ по лугамъ чародѣйныхъ травъ, на погибель людямъ и скотамъ. Онъ называетъ этотъ праздникъ «поруганіемъ и безчестіемъ рождества Предтечи, посмѣяніемъ и укоризною его дня». Недостатокъ церковныхъ обличеній въ этомъ родѣ восполняли соборныя опредѣленія и граматы.

Наказная грамата митр. Макарія, извлеченная изъ опредѣленій стоглаваго собора и разосланная по уѣздамъ, городамъ и селамъ, въ руководство священству, обличаетъ всѣ языческія празднества. «Многіе неразумные люди, говоритъ грамата, совершаютъ въ праздники, по городамъ и селамъ, еллинскія игры; а именно: въ рождество Предтечи, на канунѣ рождества Христова и Богоявленія, въ троицкую субботу, въ первый понедѣльникъ петрова поста. Въ эти дни ходятъ на игрища, къ рѣкамъ, творятъ неподобныя дѣла и бѣснованіе, и тѣмъ прогнѣвляютъ Бога. Священники должны поучать христіанъ, чтобы впредь этого не было, чтобы игрища благодатію божіею и поученіемъ попраны были въ конецъ» [1]). Конечно, подобныя граматы, подкрѣпленныя авторитетомъ гражданской власти, имѣли сильное вліяніе на истребленіе остатковъ язычества. Стоглавый соборъ опредѣлилъ разослать всюду царскіе указы и преслѣдовать непослушныхъ начальству гражданскимъ судомъ. Подобныя обличенія язычества встрѣчаемъ въ худыхъ номоканунцахъ XVI вѣка, имѣвшихъ обширное употребленіе. И что особенно важно, въ нихъ встрѣчается обличеніе праздника Коляды, совмѣщавшаго въ себѣ почти всю область языческихъ суевѣрій и гаданій. Напр. «недостойно держаться еллинскихъ преданій и нечестивыхъ праздниковъ»... «Нелѣпо праздновать русальи игры и колядовать». «Идущему 1 генваря на Коляду назначается трехъ-лѣтній постъ — хлѣбъ и вода; игра эта скотская» [1]).

[1]) Прав. собес. 1863 г. I, 210.

Въ поученіяхъ и граматахъ XVII вѣка встрѣчаемъ обличенія языческихъ игръ, утратившихъ религіозное значеніе. «Въ праздники, писалъ патр. Іоасафъ, вмѣсто духовнаго веселія затѣваютъ бѣсовскія игры; приказываютъ медвѣдчикамъ и скоморохамъ на торжищахъ, улицахъ и распутіяхъ творить сатанинскія игры, бить въ бубны, ревѣть въ сурны, плясать и бить въ ладоши. Въ праздники сходятся многіе люди, молодые и старые, ставятся въ толпы, и бываютъ великіе кулачные бои, до смертоубійства. Въ этихъ играхъ многіе пропадаютъ безъ покаянія. Умножились всякія беззаконныя дѣла, еллинскія блядословія, кощунства и бѣсовскія игры; бранятъ другъ друга позорною бранію и всякою безстудною нечистотою оскверняютъ свои языки и души» [2]). Достойно замѣчанія, что патріархъ обличаетъ русскихъ за продажу и употребленіе удавленины, поставляя этотъ грѣхъ наравнѣ съ кощунствомъ. Подобныя обличенія встрѣчаются и у другихъ проповѣдниковъ, въ граматѣ

[1]) Памят. отреч. литер. Тихонр. II.
[2]) А. эк. III, № 264. Прав. собес. 1865 г. II, 288.

митр. Макарія, въ опредѣленіяхъ стоглава и т. под. «Царь, говоритъ соборъ, можетъ разослать указъ, чтобы удавленныхъ животныхъ не покупали и крови не ѣли, да не отлучены будутъ отъ всякія святыни, и священный чинъ да не постраждетъ исверженіемъ» [1]). Подобныя замѣтки свидѣтельствуютъ, что проповѣдники рабски относились къ готовымъ матеріаламъ или поученіямъ, повторяли чужое, и потому смѣшивали важные проступки съ мелочами, не могли возвыситься надъ буквою письмени и оказать существенную помощь народу, въ нравственномъ отношеніи. Неизвѣстно, на сколько подобныя опредѣленія и граматы содѣйствовали исправленію нравовъ; во всякомъ случаѣ, какъ полумѣры, не касавшіяся самаго корня зла, онѣ не могли исторгнуть его. Дѣйствительно, спустя полвѣка, встрѣчаемъ новый указъ подобнаго содержанія. 1684 г. патр. Іоакимъ воспрещалъ святочныя игры, какъ остатки язычества. «Въ навечеріе рождества Христова, говоритъ проповѣдникъ, (бываютъ) бѣсовскія дѣла и игры. Старые и молодые обоего пола ходятъ по улицамъ съ пѣснями, пляшутъ и сквернословятъ на разженіе блудныхъ грѣховъ; преображаются въ неподобныя созданія, надѣваютъ бѣсовскія кумирныя личины, косматые образы, и такими ухищреніями прельщаютъ православныхъ. Подобныя игры совершаютъ въ продолженіе 12 дней, отъ рождества до крещенія» [2]). Въ памятникахъ литературы XVII вѣка можно еще найти нѣсколько обличеній подобнаго рода, далеко неудовлетворявшихъ потребностямъ времени; и потому мы не распространяемся о нихъ. Но здѣсь необходимо упомянуть

[1]) Стогл. Гл. 91.
[2]) Прав. собес. 1865 г. II, 286.

о поддержкѣ обличительнаго проповѣдничества гражданскою властію.

Какъ бы въ благодарность за поддержку власти московскихъ князей духовенствомъ, царская власть обратила все свое вниманіе на церковныя неустройства. На вопросы Іоанна IV о нравственныхъ нуждахъ народа стоглавый соборъ отвѣчалъ: «благочестивому царю необходимо издать указъ, а святителямъ обнародовать запрещеніе, чтобы уничтожить въ народѣ безчинія, позорные обычаи, нечестивыя суевѣрія и непозволительныя игры. Священники должны отвращать народъ поученіями отъ непристойныхъ дѣлъ и обычаевъ, а упорныхъ подвергать наказаніямъ» [1]). Дѣйствительно, опредѣленія стоглава, написанныя въ видѣ размышленій и поученій, при поддержкѣ царской власти, были разсылаемы по Россіи въ XVI—XVII вѣкѣ; между прочимъ эти опредѣленія преслѣдовали и остатки язычества. Особенно въ XVII вѣкѣ царская власть содѣйствовала церковной въ истребленіи язычества, при чемъ невинныя забавы осуждались наравнѣ съ преступленіями. 1628 г., по распоряженію патр. Филарета приказано «бирючу кликать по рядамъ, улицамъ, слободамъ и сотнямъ, чтобы люди не сходились на игрища, не дѣлали смуты православнымъ, не кликали Коляды, Овсеня и Плуги. А кто ослушается царя Михаила и великаго государя патр. Филарета, тому быть въ опалѣ, запрещеніи и духовномъ наказаніи» [2]). Не смотря на строгость подобныхъ запрещеній и обличеній, святочныя игры крѣпко держались до нынѣ. Народу, руководящемуся чувствомъ, трудно разстаться съ привычками укоренен-

[1]) Прав. Собес. 1860 г. III, 254. 264. 267, 269.
[2]) А. ист. III, № 92.

ными временемъ, тѣмъ болѣе, что духовнаго веселія онъ не понимаетъ. Спустя почти четверть вѣка, оказалось, что даже въ Москвѣ и въ Кремлѣ совершались святочныя игры, и въ нихъ принимали участіе духовныя лица. И вотъ 1649 г. издана царская грамата, воспрещавшая подобныя игры. «Вѣдомо учинилось государю (Алексѣю Михайловичу), что въ навечеріе рождества Христова кликали Коляду и Усень, а въ навечеріе богоявленія кликали Плугу, пѣли бѣсовскія пѣсни, собирались на игрища, ходили пьяніе по улицамъ, даже попы и иноки... Бирючу кликать во многіе дни, чтобы этого не дѣлали». Между прочимъ сказано, чтобы не качались на качеляхъ, чтобы не ходили игрецы бѣсовскіе и скоморохи съ домрами, дудами и медвѣдями. А кто ослушается, будетъ въ великой опалѣ и жестокомъ наказаніи» [1]).

Въ концѣ разсматриваемаго періода явился особенный обличитель народныхъ нравовъ, съ новымъ взглядомъ на вещи, Симеонъ Полоцкій. Онъ не возвышался умомъ надъ своимъ вѣкомъ. Смѣшивая важное съ неважнымъ, подобно суздальскому живописцу, онъ все захватывалъ одною чертою: и пьянство, и пѣсни, и качели, все это называлось «бѣсовскимъ навожденіемъ». Такъ проповѣдывали и предшественники его. Но какъ образованный человѣкъ и ходячая библіотека чужихъ мнѣній, Полоцкій коснулся въ своихъ обличеніяхъ самаго корня зла. Онъ указалъ на источникъ безчинства—невѣжество народа и требовалъ школъ, образованія; къ тому же указывалъ на нерадѣніе священниковъ о людяхъ, что дѣлали многіе проповѣдники и до

[1]) Москвит. 1843 г. № 1, 237.

него. Подобныя указанія будили вѣковую неподвижность умовъ, и могли современемъ принести существенную пользу. Въ «Обѣдѣ духовномъ» и въ «Вечери духовной» Полоцкій часто обличалъ недостатки народа: суевѣріе, ворожбу, гаданіе, нашептываніе, ношеніе костей, игры, прыганіе черезъ огонь, качели и пѣсни. Всѣ эти заблужденія и недостатки онъ приписывалъ невѣжеству и необразованности народа; всѣмъ внушалъ необходимость ученія, какъ причину и основаніе всякаго счастія; просилъ правительство заводить школы, какъ источникъ народнаго благополучія. Такъ въ проповѣди на рождество Христово онъ обращается къ царю и проситъ его завести училища, какъ источникъ народнаго счастія; особенно въ «Вечери духовной» часто распространяется о необходимости ученія. Обличая священство, Полоцкій говоритъ: «умножились злоба и лукавство, волхвованіе, чародѣяніе, разбой, убійство, воровство, пьянство и проч. Главная причина всего этого нерадѣніе и неискусство духовныхъ отцовъ» [1]). Мысли и замѣтки о зрѣлищахъ находимъ въ поученіяхъ Транквилліона и священника орловскаго. «Пастырь, говоритъ Транквилліонъ, спѣшитъ въ корчму, а овцы бѣгутъ на распутія и зрѣлища сатанинскія; такимъ образомъ онъ и онѣ погибаютъ» [2]). Обличая богатыхъ, священникъ орловскій говоритъ: «ты проводишь день и ночь, съ подобными тебѣ пьяницами и сластолюбцами, въ увеселеніяхъ, смотришь на зрѣлища сатанинскія скомороховъ, слушаешь гуденіе, шумъ трубъ, служеніе бѣсовское, всѣмъ этимъ наслаждаешься и упиваешься распутствомъ своимъ» [3]).

[1]) Вечер. душев. 163.
[2]) Поуч. въ нов. лѣто.
[3]) Поуч. въ нед. 26.

Обличенія праздника Ярилы, самаго буйнаго и безпутнаго изъ всѣхъ, не находимъ въ древнихъ поученіяхъ. Вѣроятно этотъ праздникъ, вслѣдствіе обличеній и усилій церковной и гражданской власти, слился съ подобнымъ ему праздникомъ Купалы и Ярилы, какъ тождественныя. Несомнѣнно одно, что этотъ праздникъ долго держался въ захолустьяхъ Россіи, куда не проникала церковная проповѣдь. Напр. въ Воронежѣ былъ давній обычай праздновать Ярилѣ (богу весны) предъ заговѣньемъ петрова поста. Празднество сопровождалось непристойными играми, кулачнымъ боемъ и вообще распущенностію. Конецъ этому празднику положилъ свят. Тихонъ. Въ первый день поста, 1765 г., онъ явился среди безчинствующей толпы, съ опасностію собственной жизни, и силою одушевленнаго слова прекратилъ навсегда безчинныя игры. «Изъ обстоятельствъ праздника, говоритъ Святитель, видно, что въ древности здѣсь былъ какой то идолъ, называемый Ярилой, котораго почитали за бога. А иные называютъ этотъ праздникъ игрищемъ, которое началось давно, и съ каждымъ годомъ усиливается. Люди ожидаютъ этого праздника, какъ годичнаго торжества». Не находимъ также въ древнихъ поученіяхъ достаточныхъ обличеній праздниковъ Коляды, масляницы и другихъ; и потому эти праздники держатся доселѣ,—масляница въ велико-россіи, Коляда въ мало-россіи. Если и нынѣ образованные пастыри смотрятъ на эти праздники и торжества какъ на забаву, оживляющую будничную жизнь народа; то тѣмъ болѣе древніе, непросвѣщенные пастыри не рѣшались разстроивать счастіе этихъ дней своими запретами и обличеніями; напротивъ, они и сами принимали участіе въ играхъ. Вообще, древнее проповѣдничество весьма скудно обличеніемъ язычества, проявлявшагося въ идолопоклонствѣ, праздничныхъ играхъ и суевѣрныхъ обрядахъ.

Обличеніе астрологіи съ XV до XVIII вѣка.

Изъ всѣхъ видовъ русскаго суевѣрія астрологія представляла проповѣдникамъ наиболѣе затрудненій. Она ставила въ тупикъ простыхъ начетчиковъ сложностію и запутанностію своихъ положеній. Въ составъ ея входили: астрономія, геологія, физика, физіологія, кабаллистика, мистицизмъ, смѣсь языческихъ преданій, по которымъ, напримѣръ, рожаницы обратились въ планеты и богинь судьбы. Проповѣдники—начетчики не имѣли достаточныхъ свѣденій для опроверженія астрологіи, и потому уклонялись отъ подобныхъ сужденій. Въ обличеніи идолопоклонства, игрищъ и суевѣрныхъ обрядовъ имъ помогала наглядность дѣла; въ обличеніи астрологіи требовалось отвлеченное знаніе и философское мышленіе. Поэтому проповѣдничество, направленное противъ астрологіи, весьма скудно содержаніемъ, несравненно скуднѣе проповѣдничества, обличающаго язычество. И на подобныя поученія отваживались самыя крѣпкія умственныя силы древности, разумные начотчики; таковъ напр: старецъ Филоѳей, мыслитель—самоучка (философъ на языкѣ лѣтописей), и Максимъ грекъ—европейски образованный. Обличенія астрологіи начинаются со введенія христіанства въ Россію и проникновенія астрологическихъ преданій и ученій изъ Греціи и Болгаріи. Но эти обличенія весьма поверхностны и кратки; большею частію они состоятъ изъ отрывочныхъ мыслей, какъ бы случайно вставленныхъ въ нравственно-аскети-

ческія поученія. Болѣе серіозныя обличенія — начинаются съ XV вѣка, со времени проникновенія въ Россію западной астрологіи, ставшей въ связь съ ересію жидовскою, и весьма укоренившейся въ Россіи. Въ обличеніяхъ астрологіи, какъ и во всей древней обличительной литературѣ, замѣчается крайняя односторонность взглядовъ, рѣшеніе научныхъ вопросовъ преимущественно съ богословской точки зрѣнія, съ примѣсью апокрифическихъ мнѣній и суевѣрія. Почерпая богословскія свѣдѣнія изъ толстыхъ сборниковъ, наполненныхъ легендами, проповѣдники и сами не могли отрѣшиться отъ суевѣрія и заблужденій. Обличая астрологическія мнѣнія, они высказывали ложныя мысли, неправильныя убѣжденія, почерпнутыя изъ тѣхъ же апокрифовъ.

Первое ученіе о звѣздахъ, кажется взятое изъ греческихъ проповѣдей, и вообще изъ апокрифовъ, находимъ въ 30 словѣ Златоустника. Въ этомъ словѣ объяснено твореніе первыхъ четырехъ дней по Шестодневу и прибавлено разсужденіе о звѣздахъ, которое само требуетъ обличенія. «Звѣзды, сказано въ словѣ, бываютъ обращаемы невидимыми служебными силами... Онѣ служатъ знаменіемъ всѣмъ человѣкамъ, и птицамъ, и звѣрямъ земнымъ». Это апокрифическое ученіе болѣе подробно раскрылъ старецъ Филоѳей (около 1628 г.), въ посланіи къ Мисюрю, впрочемъ съ опроверженіемъ нѣкоторыхъ астрологическихъ мнѣній. «Звѣзды, говоритъ Филоѳей, переносятся ангельскими силами. Самовидецъ сему ап. Павелъ. Иные (ангелы) носятъ солнце, другіе луну, звѣзды, иные управляютъ воздухомъ, вѣтрами, облаками, громами... Что же касается вліянія звѣздъ на судьбу человѣка, добрыхъ и злыхъ часовъ, то все это кощунство и басни. Если Богъ сотворилъ злые дни

и часы, то зачѣмъ Ему мучить грѣшныхъ? Онъ былъ бы виновникъ злобы человѣческой. Кромѣ того, отъ царя рождается царевичъ, отъ князя князь, и цари не отдаютъ дочерей своихъ за земледѣльцевъ. Равно перемѣны въ царствахъ и странахъ не зависятъ отъ звѣздъ, но отъ Бога». Взявшись за рѣшеніе непосильныхъ вопросовъ, Филоѳей сдѣлалъ оговорку, которая характеризуетъ своеобразный складъ мыслей начетчиковъ, не знакомыхъ съ наукою и правилами рѣчи. «Я человѣкъ сельскій, говоритъ Филоѳей, учился буквамъ; еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ; учуся буквамъ благодатнаго закона» [1]).

Съ особенною силою ратовалъ противъ астрологіи Максимъ грекъ. Онъ видѣлъ вредныя послѣдствія астрологіи въ Италіи, и потому хотѣлъ предохранить отъ нихъ православную Россію. Максимъ грекъ написалъ три слова, въ которыхъ опровергаетъ астрологическія заблужденія вообще; въ третьемъ изъ нихъ обличаетъ предсказаніе всемірнаго потопа. Кромѣ того, онъ написалъ обличительныя посланія противъ астрологіи: первое адресовано къ Николаю нѣмчину, распространявшему въ Россіи астрологическое ученіе, второе—къ боярину Карпову, третье къ нѣкоторому игумену, увлекшимся астрологіей; четвертое къ нѣкоему князю. Кромѣ того Максимъ обличалъ астрологію и въ другихъ сочиненіяхъ своихъ. Онъ преслѣдовалъ мнѣнія астрологовъ наравнѣ съ предразсудками и суевѣріемъ русскихъ: волшебствомъ, чарами, встрѣчами, окликами и т. под. [2]). Сущность доказательствъ, приводимыхъ Максимомъ, со-

[1]) Прав. собес. 1861 г. II, 84.
[2]) Сочин. Макс. II, 52, III, 505.

стоитъ въ слѣдующемъ: астрологія, наравнѣ съ прочими предразсудками и суевѣріемъ, ниспровергаетъ ученіе о божественномъ промыслѣ, ослабляетъ нравственность и свободу человѣка, дѣлаетъ Бога виновникомъ зла, и потому ведетъ къ безнравственности и ввергаетъ въ отчаяніе. Проповѣдникъ подкрѣпляетъ свои мысли нетолько словами св. писанія и св. отцовъ, но изреченіями свѣтскихъ писателей, философовъ и поэтовъ [1]).

Вѣра въ кончину міра, съ концомъ седмой тысячи лѣтъ, надѣлавшая такъ много тревогъ и стоявшая въ нѣкоторой связи съ астрологіей, почти не вызвала обличеній въ древнемъ проповѣдничествѣ. Впрочемъ, объ этомъ вѣрованіи болѣе умѣстно говорить въ исторіи русскихъ ересей, такъ какъ оно стояло въ нѣкоторой связи съ ересію жидовскою. Въ древнемъ проповѣдничествѣ изрѣдка встрѣчаемъ обличеніе астрологическихъ мнѣній въ связи съ языческими преданіями и ученіемъ апокрифовъ. Таково слово Аѳанасія великаго о паузѣхъ (амулетахъ, навязываемыхъ людямъ на шею, а скоту на рога). Слово перечисляетъ Стрѣлки, Топорки громные и подобныя сочиненія; оно называетъ ихъ «вещію нечестивою, мерзскою предъ Богомъ [2])». По причинѣ смѣшаннаго содержанія и безпорядочнаго изложенія древнихъ поученій намъ придется упоминать объ астрологическихъ сочиненіяхъ и въ отдѣлѣ, направленномъ противъ апокрифической литературы.

Заканчивая обзоръ проповѣдей, направленныхъ противъ астрологіи, мы поражаемся скудостію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, о такомъ важномъ суевѣріи, коренившемся на Руси вѣками, въ проповѣдяхъ почти ничего не сказано. Лучшія поученія и посланія объ этомъ предметѣ написаны Максимомъ, болѣе публицистомъ, нежели проповѣдникомъ; притомъ, посланія, адресованныя имъ къ частнымъ лицамъ, не имѣютъ строго проповѣдническаго характера. Что же касается русскихъ проповѣдей, то онѣ при крайней своей скудости почти ничего не выяснили, и только ввели въ литературу богомильскую ересь о ношеніи звѣздъ и управленіи стихій ангелами. Допустимъ, что со временемъ откроютъ еще нѣсколько поученій, обличающихъ астрологію; въ правѣ ли мы ожидать отъ нихъ особенной пользы, зная необразованность древнихъ проповѣдниковъ? Вѣдь не одинъ Филоѳей не читалъ «еллинскихъ борзостей и риторскихъ астрономій». Этому недостатку подвержены были всѣ древніе грамотѣи. По свидѣтельству исторіи, самые справщики книгъ XVI—XVII в. «философіи въ рукахъ не держали, а граматика имъ и на мысль не приходила». «Я, говоритъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ XVII в., сочинитель «Статира» (орлов. священникъ), ничему неучился, кромѣ букваря, часослова и псалтыри. О грамматикѣ я не слыхалъ, какъ ей учатся, а смотря на нее, считалъ ее иноязычною. Риторики я и не пробовалъ; философіи и въ глаза не видѣлъ; съ мудрыми мужами и по дорогѣ не встрѣчался» (а съ кѣмъ?)... Если такова умственная скудость проповѣдниковъ, воспитанныхъ на богословскихъ сборникахъ и легендахъ: то мы не вправѣ ожидать отъ нихъ особенной плодовитости и въ обличеніи апокрифовъ. Напротивъ, въ этой области предметовъ, требующей не только учености, но и критики, мы въ правѣ ожидать еще большихъ несооб-

[1]) Сочин. Макс. грека. Казань 1858—1862 г. Ист. пр. Мак. VI, 157—278. Христ. чтен. 1872 г. апр.

[2]) Сборн. XVI в., № 322. л. 102.

разностей, нежели какими ознаменованы обличенія астрологіи. И это подтверждаетъ самый опытъ.

Обличеніе апокрифической литературы, съ XI до XVIII вѣка.

Мы видѣли, что апокрифы, отреченныя книги, служили главнымъ и самымъ обширнымъ источникомъ народнаго суевѣрія. Въ нихъ совмѣщались всѣ роды русскаго суевѣрія. И во первыхъ, язычество, съ его преданіями о богахъ-представителяхъ стихій, съ различными заговорами, предразсудками и обрядами. Во вторыхъ, астрологія, слившаяся съ языческими преданіями, и своимъ ученіемъ о вліяніи звѣздъ на судьбу людей вытѣснявшая славянскихъ боговъ. Въ третьихъ, легендарныя сказанія христіанства, слившіяся съ языческими и астрологическими преданіями, заговорами, молитвами и обрядами. Сходство бѣлбоговъ и чернобоговъ съ ангелами и демонами и откровенное ученіе о знаменіяхъ небесныхъ служили основнымъ пунктомъ для сближенія всѣхъ этихъ видовъ суевѣрія. Мы видѣли также, что апокрифы имѣли огромный успѣхъ и обширное вліяніе на жизнь, убѣжденія и нравы народа, что они главнымъ образомъ поддерживали суевѣріе и безнравственность въ народѣ, особенно въ XVI—XVII вѣкѣ, и были причиною сильныхъ потрясеній и переворотовъ въ государствѣ. Понятно, что при такомъ жизненномъ значеніи апокрифовъ, проповѣдь долженствовала направить противъ нихъ всю силу обличеній. Къ сожалѣнію, въ огромный 700-лѣтній періодъ русская проповѣдь почти ничѣмъ не заявила себя въ отношеніи апокрифовъ, и въ этомъ разѣ скудость ея особенно поразительна. Даже въ немногихъ обличеніяхъ

апокрифовъ, какъ и въ обличеніи астрологіи, попадаются невѣрныя мысли. Смотря на дѣло съ исторической точки, мы и не должны удивляться этому факту. Въ литературѣ неразвитой, дѣтской, нѣтъ строгой черты между истиною и суевѣріемъ, исторіей и легендою. Палея — сборникъ легендъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ имѣетъ значеніе наряду съ библіей, и относится къ числу божественныхъ книгъ, каноническихъ. Такая скудость проповѣди ясно указываетъ на неспособность древняго необразованнаго духовенства стать выше предразсудковъ времени и быть руководителемъ темнаго народа. И это надобно сказать не только о бѣломъ духовенствѣ, расположившемъ суевѣрныя сказанія, но и—монашествѣ, и даже представителяхъ его — іерархахъ, освятившихъ многія легендарныя сказанія соборными опредѣленіями. Здѣсь оправдалась пословица: «если слѣпецъ водитъ слѣпца, то оба упадутъ въ яму». Крайняя скудость проповѣди, обличающей апокрифическую литературу, восполнялась въ нѣкоторой степени полемическими статьями и трактатами, и административными распоряженіями властей, относительно апокрифовъ.

Первое обличеніе апокрифовъ или отреченныхъ книгъ, проникнутое христіанскимъ или религіознымъ суевѣріемъ, находимъ въ словѣ о мытарствахъ. Сказавъ о дѣйствіяхъ сатаны на человѣка, что онъ научилъ вѣровать въ моря и рѣки, огонь, деревья и звѣрей, проповѣдникъ назначилъ 15-е мытарство для вѣрующихъ въ отреченныя вещи (книги), наравнѣ съ ворожбою и т. под. Подобную мысль выразилъ митр. Кириллъ II въ поученіи попамъ; чтеніе апокрифовъ онъ поставилъ наравнѣ съ ересію и чародѣйствомъ. «Лживыхъ книгъ не читайте, говоритъ митрополитъ, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣ-

евъ бѣгайте». [1]). Самое полное обличеніе и перечисленіе апокрифовъ находимъ въ словѣ св. Ефрема о книжномъ ученіи. Въ этомъ словѣ перечисляются отреченныя книги: «астрологія, звѣздочетье, громникъ, знаменіе тѣней,—солнечное и лунное, чаровѣрье, землемѣрье, зеленникъ, птичье чарованье, волховникъ, сонникъ, колядникъ и прочія бѣсовскія книги». Изъ многочисленныхъ апокрифовъ, обращавшихся въ народѣ, слово указываетъ на тѣ, которые пользовались, въ свое время, особеннымъ вниманіемъ и имѣли преимущественное вліяніе на воспитаніе народа. Въ словѣ Ефрема рѣшаются вопросы: въ чемъ состоитъ правая вѣра? и изъ какихъ писаній должно почерпать истинныя знанія? Вопросы эти имѣютъ тѣсную связь съ предыдущими обличеніями.

Скудость обличительныхъ проповѣдей, относительно апокрифовъ, значительно восполнилъ своими статьями и трактатами Максимъ грекъ. Онъ направлялъ свои статьи, въ видѣ словъ, и обличительные трактаты противъ тѣхъ апокрифовъ, которые въ XVI в. пользовались особеннымъ вниманіемъ и имѣли преимущественное вліяніе на воспитаніе народа. Такъ, онъ написалъ статьи противъ апокрифическихъ преданій: а) будто Адамъ далъ діаволу росписку на вѣчное рабство; б) будто не поспѣвшій на литургію къ чтенію евангелія не долженъ присутствовать на ней [2]), и критически разобралъ слѣдующіе апокрифы: а) Сказаніе Афродитіана о рожденіи Христа и поклоненіи волхвовъ [3]); б) сказаніе о томъ, будто по воскресеніи Христа солнце не заходило цѣлую недѣлю [1]); в) сказаніе объ Іудѣ, будто онъ не удавился [2]); г) Люцидарій, излагавшій суевѣрныя мысли о мірѣ, Богѣ, человѣкѣ и животныхъ [3]); д) толкованія Вивеса, излагавшія нелѣпое ученіе о воскресеніи мертвыхъ, раѣ, адѣ, а также—астрологическія мнѣнія [4]). Всѣ эти статьи Максима грека, неудовлетворяющія современной наукѣ о критикѣ, были необыкновеннымъ явленіемъ въ древней русской литературѣ. Въ этихъ ученыхъ критическихъ статьяхъ европейское образованіе въ первый разъ озарило Русь, покрытую густымъ мракомъ суевѣрія и невѣжества, особенно въ XVI вѣкѣ. Ученыя статьи Максима были предвѣстникомъ близкой реформы, зарею умственной жизни и западнаго образованія, разгоняющаго суевѣріе, враждебнаго деспотизму и насилію человѣческихъ правъ.

[1]) Паис. сборн.
[2]) Соч. Макс. I, 533, III, 98.
[3]) III, 125.

[1]) III, 164.
[2]) III, 150.
[3]) III, 226.
[4]) III, 205.

Запреты церковной власти относительно апокрифовъ.

Важною поддержкою скуднаго проповѣдничества, направленнаго противъ апокрифовъ, были административные запреты церковной власти, изданные въ разныя времена. Подобные запреты или обычаи въ первоначальномъ своемъ видѣ перешли къ намъ изъ Греціи. «Опредѣленіе о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» находится въ книгѣ Никона черногорца; оно помѣщено и въ Сборникѣ Святослава (XI вѣка). Въ этомъ Сборникѣ, напр., есть статья «о добрыхъ и злыхъ дняхъ». Палея была извѣстна Нестору; хожденіе Богородицы по мукамъ

извѣстно по списку XII вѣка [1]). И митр. Кириллъ имѣлъ основаніе сказать духовенству: «не читайте лживыхъ книгъ». Въ XIV вѣкѣ является въ молитвенникѣ митр. Кипріана списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, съ различными толкованіями, убѣжденіями и угрозами, и съ тѣхъ поръ расходится по рукамъ, копируется и разнообразится. Къ XV вѣку подобные списки (индексы) являются въ сборникахъ паисіевскомъ и Кирилла бѣлозерскаго. Въ этихъ индексахъ является не переводъ только византійскихъ и болгарскихъ подлинниковъ, не копировка книги Никона и сборника Святослава, а домашнее дѣло, принадлежащее русскимъ составителямъ, потому что въ нихъ есть русскія произведенія, предметы, взятые изъ національной жизни. Индексы разнятся между собою въ исчисленіи апокрифовъ, конечно, потому, что каждый составитель обращалъ вниманіе на болѣе извѣстныя ему статьи, бывшія въ употребленіи. Въ синодальныхъ сборникахъ XV—XVI вѣка часто встрѣчаются статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, неодинаковой редакціи. Въ XVII вѣкѣ индексъ отреченныхъ книгъ разросся до огромныхъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ до 100 названій, хотя обнималъ малую долю суевѣрій, легендъ, лживыхъ молитвъ и заклинаній. Къ апокрифамъ стали относить все подозрительное въ литературѣ, еретическое, неблагонравное, даже относящееся къ народнымъ играмъ. Таковы напримѣръ лечебники, зелейники, колядники, или: «благоуханная воня, имъже въ лѣсѣ или въ полѣ человѣцы вѣнчеваются и по удесомъ тычутся» (хороводы съ завиваніемъ вѣнковъ) [2]).

[1]) Паис. сборн. Истор. очер. Бусл. I, 15.

[2]) Подробный разборъ апокрифовъ, бывшихъ въ употребленіи на Руси, изложенъ въ исторіи рус. словесности Порфирьева. (Стр. 178—212).

Выводъ изъ предыдущаго: заслуга обличительнаго проповѣдничества.

Мы видѣли скудость проповѣдничества, направленнаго противъ умственныхъ заблужденій народа, противъ разныхъ видовъ суевѣрія. Это проповѣдничество скудно количествомъ своимъ и качествомъ; оно не обнимаетъ всей области вѣрованій язычества, исторіи славянской миѳологіи, обрядности и предразсудковъ; едва касается астрологіи и апокрифовъ; не анализируетъ этихъ родовъ суевѣрія, не показываетъ ихъ всесторонняго отношенія къ христіанству, не выясняетъ ихъ связи съ жизнію, ихъ вреднаго вліянія на семейное и общественное благо. Проповѣдничество большею частію ограничивается поверхностнымъ перечнемъ наиболѣе выдающихся заблужденій народныхъ и осуждаетъ ихъ безусловно, смѣшивая важное съ неважнымъ, существенное съ мелочнымъ. Древніе проповѣдники, подобно суздальскимъ акварелистамъ, нерѣдко захватывали всѣ предметы на картинѣ одною чертою и одинаковою краскою. «Идолы, жертвы, праздники, волшебство, чародѣйство, плясаніе, скаканіе на пирѣхъ, плесканіе руками, пѣсни, гудѣніе, домры, бубны, трубы, сопѣли, гусли, сурны, хари (маски), загадки, сказки, жмуры, качели, охота съ медвѣдями и птицами, и всякіе гудебные сосуды, все это—плевелы бѣсовскіе, кумирное служеніе, поганское дѣло, отлучаетъ людей отъ Бога; оно вызываетъ казни и неумолимый гнѣвъ Божій». Этого мало. Обличая суевѣріе, проповѣдники высказывали собственныя заблужденія и незрѣлыя мысли, почерпнутыя ими изъ апокрифическихъ писаній и преданій. Но и это поверхностное и сбивчивое

проповѣдничество, отзывающееся копировкою и повтореніями, иногда дословными, съ вѣками оскудѣваетъ и совсѣмъ прекращается. Съ XVI вѣка, когда сформировалась государственная власть, обличительныя проповѣди замѣняются административными распоряженіями, соборными опредѣленіями, граматами, полицейскими преслѣдованіями. Такъ поддерживалось это слабое проповѣдничество, неудовлетворявшее потребностямъ своего времени, почти семь вѣковъ; оно не осилило господствовавшаго на Руси суевѣрія и допустило его существованіе до позднѣйшихъ вѣковъ, обладающихъ болѣе надежными средствами для борьбы съ заблужденіями и недостатками народа.

Видя крайнюю скудость проповѣдничества, обличающаго суевѣріе русскихъ, признавать ли намъ заслугу древнихъ проповѣдниковъ обличителей? Жалѣть ли, что обличенія ихъ дошли до насъ въ ограниченномъ количествѣ, и можетъ быть не всѣ наслѣдованы отъ древности? Если смотрѣть на это дѣло съ нынѣшней точки зрѣнія, въ духѣ современной науки: то конечно оно представится намъ маловажнымъ. «Одни писатели, говоритъ современный нашъ историкъ, между прочимъ и о древнихъ проповѣдникахъ, были люди грамотные, съ самыми ограниченными свѣденіями, безъ всякаго навыка излагать свои мысли правильно и въ порядкѣ. Познанія другихъ большею частію поверхностныя и сбивчивыя, какія обыкновенно бываютъ у людей безъ научнаго образованія. Какъ мало отчотливы и безсвязны были познанія въ ихъ головѣ, также неясно и непослѣдовательно выражались на бумагѣ... И если извѣстно, что не всѣ писанія того времени сохранились до настоящаго: то имѣемъ ли мы право слишкомъ преувеличивать число не дошедшихъ?

Да и заслуживали ли они того, чтобы быть сохраненными для потомства»? Совсѣмъ иначе представляется намъ это дѣло, когда мы станемъ смотрѣть на него историческимъ взоромъ, съ современной ему точки зрѣнія. Безспорно, что изъ всѣхъ родовъ практическаго проповѣдничества древней Руси, отдѣлъ, направленный противъ суевѣрія, отличается особенною скудостію. Это— убогая лепта въ сокровищницѣ древней письменности. Но и эта лепта, по обстоятельствамъ и нуждамъ времени, была дорогимъ вкладомъ въ проповѣдническую литературу.

Мы видѣли, что обличеніемъ суевѣрія занимались преимущественно подвижники. Какъ ни кажется скуднымъ ихъ обличеніе, но оно есть плодъ большихъ усилій ума и нравственнаго пожертвованія. При всемъ отвращеніи къ подобнымъ предметамъ и обличеніямъ, вынужденные необходимостію и одушевляемые вѣрою, подвижники говорили, какъ могли, о предметахъ, часто превышающихъ ихъ силы. О языческихъ обрядахъ они всего чаще говорили въ праздники, поражаясь распущенностію народа. «Мнози невѣгласи паче на игры текутъ, неже къ церкви, любятъ кощуны и блядословія; поистинѣ, таковымъ недостойно именоватися крестьяны». «Господа ради, послушайте словесъ моея грубости, вамъ бо есть держава», писалъ игуменъ Памфилъ начальству объ истребленіи праздника Купалы. Разсуждать объ астрологіи и апокрифахъ они рѣшались въ крайности, вынужденные соблазнами и просьбами людей. «Прислалъ ты государь грамату (о звѣздочетьи), пишетъ Филоѳей Мисюрю, чтобы мнѣ внутренній списокъ истолковать. Я человѣкъ сельскій, еллинскихъ борзостей не текохъ»... И при всей трудности задачи простой начотчикъ рѣ-

шаетъ ее удовлетворительно. Относительно апокрифовъ проповѣдники довольствовались перечнемъ ихъ, запретами и угрозами, не умѣя исправить и остановить зло. Вообще, они хлопотали, какъ могли, объ истребленіи суевѣрія и народныхъ недостатковъ, внушали священникамъ исправлять народъ, просили въ этомъ дѣлѣ содѣйствія гражданской власти. «Благочестивому царю, говоритъ Стоглавъ, надобно издать указъ, а святителямъ обнародовать запрещеніе, чтобы не было мѣста чародѣямъ, скоморохамъ, лживымъ пророкамъ, и другимъ людямъ вреднымъ для общественныхъ нравовъ. Чтобы были уничтожены въ народѣ всѣ безчинія, позорные обычаи, непозволительныя игры и нечестивыя суевѣрія. Равнымъ образомъ, священники должны отвращать народъ поученіями отъ непристойныхъ дѣлъ и обычаевъ, упорныхъ подвергать наказаніямъ; тѣмъ менѣе самимъ священникамъ дозволяется участвовать въ дѣлахъ народнаго суевѣрія» [1]). Указы были разосланы. Такимъ образомъ, при всей скудости средствъ и пособій къ проповѣди, ревностные проповѣдники ограничивали, по возможности, всякаго рода суевѣріе и его вліяніе на жизнь.

Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ соблазняться суевѣрными представленіями проповѣдниковъ о мірѣ и пренебрегать изъ за этого ихъ сочиненіями, неискусно притомъ изложенными. Напротивъ, по этимъ чертамъ и надобно дорожить древними поученіями и желать открытія ихъ въ возможно большемъ количествѣ. Исключительное уваженіе къ краснорѣчію и поучительному элементу, заключающему въ себѣ обыкновенныя истины христіанства, есть предразсудокъ схоластики и отживающей школы.

[1]) Прав. собес. 1860 г. III, 254.

И въ свѣтской литературѣ когда-то существовало подобное предубѣжденіе. Писателю указывали на чистую мысль, служеніе идеямъ и удаленіе отъ предразсудковъ толпы. Нынѣ самые горячіе поклонники художественности и чистыхъ идей оставляютъ это сухое поле. Проповѣдничество должно выражать дѣйствительную религіозную жизнь и убѣжденія народа, а не идеальную сторону его; поэтому не слѣдуетъ пренебрегать предразсудками народа и писателей, младенческими и суевѣрными понятіями ихъ о мірѣ. Напротивъ, эти-то представленія и имѣютъ особенную цѣну въ литературѣ, ибо они выражаютъ понятія своего времени, служатъ ключомъ къ уразумѣнію эпохи, ея духа и стремленій. Для насъ не столько важны общія представленія грѣха, суеты мірской и похоти плоти, сколько указанія проповѣдниковъ на заблужденія своего времени. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ слѣдить волненіе умовъ подъ вліяніемъ господствующей идеи вѣка. Для митр. Кирилла II было ясно, что съ окончаніемъ седмой тысячи лѣтъ настанетъ конецъ міра. Для современниковъ митр. Фотія было несомнѣнно, что наступаетъ страшный судъ. Для современниковъ Аввакума и расколоучителей было очевидно, что въ лицѣ Никона и Петра I явился антихристъ, и т. д. Подобныя черты, выражающія дѣйствительную, а не идеальную жизнь народа, придаютъ особенную цѣнность практическимъ проповѣдямъ, и съ этой стороны заслуга ихъ велика. Здѣсь нечего бояться за догматъ и православіе проповѣдниковъ и народа. Догматъ, какъ непреложная истина, существуетъ всегда и независимо отъ того, какъ его понимаютъ въ извѣстное время. Притомъ же, какъ говоритъ одинъ писатель, «православіе всегда заключается больше въ идеалѣ и

нравственномъ стремленіи, нежели въ дѣйствительномъ выраженіи его. Кромѣ того, Церковь не признаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не должна признавать за ересь естественные недостатки народа и неразвитость пониманія его». «Смотря безпристрастно на прошедшее, скажемъ словами Буслаева, нельзя не отдать нѣкоторой справедливости обличителямъ; ибо народъ, какъ свидѣтельствуютъ древніе писатели, не умѣлъ, въ глазахъ ихъ, облагородить своего веселія и поэтическаго досуга идеями новой религіи, не могъ искупить своихъ языческихъ забавъ ревностію къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось избранными умами той эпохи» [1]).

Б) Исторія ересей въ Россіи, и обличеніе ихъ.

Насколько суевѣріе укоренилось въ древней Руси, вслѣдствіе историческихъ причинъ, настолько ереси не могли тѣсно привиться къ ней, или къ народу. Русскіе въ этомъ отношеніи не походили на образованныхъ грековъ и нынѣшнихъ европейцевъ. Глубокое невѣжество и суевѣріе русскихъ дѣлало ихъ способными къ младенческой вѣрѣ, но не къ мышленію и метафизическимъ спорамъ о наукѣ и догматахъ вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, ереси были рѣдкимъ явленіемъ въ древней Руси. Не вытекая, вообще, изъ жизни народа, и, большею частію, какъ слѣдствіе иноземныхъ ученій, онѣ появлялись на Руси быстро и довольно скоро исчезали. Впрочемъ, всѣ ереси, явившіяся въ 700-лѣтній періодъ, имѣли, какъ увидимъ, косвенное вліяніе на зарожденіе раскола, упорно отрицавшаго всякое движеніе и развитіе въ области вѣры. Какъ противодѣйствіе ересямъ древней Руси и развитію вѣры, расколъ есть коренное явленіе русской жизни. Зародившись на исторической почвѣ, онъ нашелъ въ ней жизненные соки, и потому растетъ и коренится донынѣ. При томъ же, не все то ересь, что признано ересію въ древней Руси; таковъ напримѣръ католицизмъ въ большей части его обрядовыхъ уклоненій, не имѣющихъ догматической важности. Всѣ ереси древней Руси, примѣнительно къ понятіямъ того времени, можно раздѣлить на восемь родовъ. а) Богомильство, проникавшее къ намъ изъ Болгаріи, и не имѣвшее особенно вредныхъ слѣдствій для народа. б) Ересь стригольниковъ, сходная съ ересію богомиловъ. в) Ересь жидовская, отвергавшая христіанство и проповѣдывавшая іудейство. г) Ересь Башкина, сродная іудейству, отвергавшая христіанство и проводившая религіозное вольнодумство. д) Ересь Косого, отвергавшая христіанство и развивавшая іудейство. е) Католицизмъ, съ порожденною имъ уніей. ж) Лютеранство, сродное съ сектами русскаго раскола: селезневщины, субботниковъ, молоканъ и другими. з) Русскій расколъ, какъ слѣдствіе предыдущихъ ересей, и особенно сродной съ нимъ ереси, или раскола стригольниковъ. Большинство этихъ ересей, какъ показываетъ самое названіе ихъ, были произведеніями чужой жизни, наносными сѣменами инородной цивилизаціи; и только ересь стригольниковъ и расколъ были произведеніями русской жизни, слѣдствіемъ неустройствъ религіозныхъ и гражданскихъ. Всѣ эти ереси преимущественно направлены были противъ господствовавшей въ древности обрядовой религіозности и церковной іерархіи, и въ этомъ отношеніи проникнуты общею идеею, взаимно подкрѣпляли и

[1]) Очерк. II, 69.

усиливали другъ друга. Вообще же, какъ плодъ иноземной цивилизаціи и вѣроученія, какъ наносныя сѣмена съ чужой почвы, ереси были временнымъ, почти мимолетнымъ явленіемъ въ русской жизни. Онѣ не оставили по себѣ глубокаго слѣда, не привились къ нравамъ и убѣжденіямъ русскаго народа, не измѣнили его народности, проникнутой православіемъ. Исключеніе составляетъ расколъ, явившійся въ концѣ періода. Русскій народъ, вообще, не былъ настолько развитъ, чтобы сочувствовать иноземнымъ ученіямъ и уклоняться отъ усвоеннаго имъ православія. Самый расколъ, вызванный движеніемъ мысли въ области вѣры, какъ противодѣйствіе ей и врагъ усовершимости, служитъ тому доказательствомъ.

Такое отношеніе древнихъ ересей въ русской жизни условливало собою объемъ и свойство полемическаго проповѣдничества. Въ самомъ дѣлѣ, русскимъ проповѣдникамъ не предстояло всеобщей и крайней необходимости заниматься полемикой, опровергать ереси, такъ какъ ереси не были общимъ зломъ въ Россіи и не поколебали, или не сокрушили русской народности. Да къ тому же русскіе проповѣдники, неподготовленные наукой, не были довольно способны къ догматическимъ спорамъ и обличеніямъ. При такой обстановкѣ дѣла въ отношеніи полемической проповѣди, мы въ правѣ ожидать непроизводительности и скудости ея. Дѣйствительно, полемическая проповѣдь, направленная противъ ересей древней Россіи, крайне скудна. Она ясно показываетъ несостоятельность проповѣдниковъ въ области богословской полемики. Небольшое количество обличеній, и то лишь нѣкоторыхъ заблужденій еретическихъ, отличается однообразіемъ содержанія, перечнемъ заблужденій, компиляціей и повтореніями. Недостатокъ этого рода поученій отчасти восполняли обличительныя посланія, окружныя и къ частнымъ лицамъ, а также полемическіе трактаты и книги, нерѣдко составленныя изъ помянутыхъ посланій и бесѣдъ.

Пріемъ и способъ опроверженія ересей въ помянутыхъ сочиненіяхъ—односторонній и даже мелочной; онъ заключается въ приведеніи текстовъ св. писанія, отеческихъ мнѣній, соборныхъ постановленій и т. под. Причемъ убѣжденія разума почти не имѣютъ мѣста, и вслѣдствіе неразвитости проповѣдниковъ важныя заблужденія обличаются наравнѣ съ неважными, искаженіе догмата наравнѣ съ нарушеніемъ формы его, обряда. Кромѣ того, для вящшаго пораженія еретиковъ, проповѣдники иногда возводятъ на нихъ клевету, преувеличиваютъ ихъ проступки, приписываютъ имъ небывалыя заблужденія. Тонъ обличенія, сообразно съ духомъ времени, грубый и даже бранчивый, отличается ригоризмомъ и крайнею нетерпимостію.

Скудость полемическаго проповѣдничества значительно восполнялась содѣйствіемъ гражданской власти въ преслѣдованіи ересей. Содѣйствіе это становится особенно замѣтнымъ съ XV вѣка, когда царская власть сосредоточилась въ рукахъ московскихъ князей. Какъ бы въ благодарность духовенству за содѣйствіе его въ возвышеніи великокняжеской власти, московскіе князья въ свою очередь сдѣлались внимательны къ нуждамъ Церкви и духовенства. Обозрѣвая разомъ нестроенія, скоплявшіяся вѣками въ областяхъ, князья съ особенною силою преслѣдовали еретиковъ, какъ враговъ Церкви и государства. Они подвергали ихъ уголовному суду, наказывали ссылкой, кнутомъ, членоотсѣченіемъ и соз-

женіемъ. Вслѣдствіе означенныхъ обстоятельствъ, при всей скудости полемическаго проповѣдничества, ереси не могли успѣшно распространяться въ Россіи и долго держаться въ ней.

а) Обличеніе богомиловъ и другихъ еретиковъ.

Русская Церковь съ самаго начала была въ общеніи съ Болгаріей. Изъ Болгаріи приходили къ намъ иноки для жительства, получались славянскія рукописи, книги и апокрифы. Вмѣстѣ съ тѣмъ проникла въ Россію ересь богомиловъ, связанная съ апокрифическими сказаніями, отвергавшая іерархію и церковные обряды. Творцомъ этой ереси былъ попъ Богомилъ, въ X вѣкѣ. Вооружаясь противъ уставовъ Церкви, Богомилъ въ тоже время проповѣдывалъ крайній аскетизмъ. Первымъ еретикомъ въ Россіи, проповѣдникомъ богомильства, былъ монахъ и скопецъ Адріанъ, въ 1004 году; онъ осуждалъ церковную іерархію, епископовъ, священниковъ и монаховъ, и церковный уставъ. Въ 1123 году явился второй и злой еретикъ Димитрій, вѣроятно принадлежавшій къ сектѣ богомиловъ, весьма распространенной въ то время въ Болгаріи; онъ осуждалъ всѣ церковные уставы. Ученіе этихъ еретиковъ было подавлено въ самомъ началѣ. Первый изъ нихъ былъ отлученъ отъ Церкви митр. Леонтіемъ и раскаялся, второй обличенъ и заточенъ митр. Никитою. Въ концѣ XIV вѣка явился въ Ростовѣ еретикъ Маркіанъ; онъ осуждалъ поклоненіе иконамъ, называлъ ихъ идолами, распространялъ и другія заблужденія. Будучи искуснымъ въ словѣ и свѣдущимъ, онъ увлекъ своимъ ученіемъ ростовскаго князя; но наконецъ былъ обличенъ ростовскимъ епископомъ, св. Іаковомъ, и вы-

гнанъ изъ города. Лѣтописи еще упоминаютъ о еретикѣ Сеитѣ. Основываясь на этихъ краткихъ показаніяхъ лѣтописей, можемъ заключать о существованіи и другихъ еретиковъ, нападавшихъ на іерархію и церковные уставы, такъ какъ поводовъ къ тому было много въ древней Руси. Такое предположеніе можетъ находить себѣ опору и въ ереси стригольниковъ, стоящей въ связи съ ересію богомиловъ. Но несомнѣнно и то, что краткія упоминанія лѣтописей о поименованныхъ еретикахъ, свидѣтельствуютъ о неуспѣхѣ ихъ ученія. О ересяхъ вредныхъ, надѣлавшихъ много шуму, лѣтописи говорятъ пространно.

б) Ересь стригольниковъ, и обличеніе ея.

Неизвѣстно, была ли внѣшняя, фактическая связь между ересію богомиловъ и стригольниковъ; но внутренняя связь между ними, состоящая въ сходствѣ ученія, несомнѣнна. Для насъ довольно и того факта, что въ Россіи возобновлялась ересь, враждебная церковной іерархіи и обрядности; слѣдовательно, она держалась на исторической почвѣ, на неустройствахъ русской жизни. При скупости русскихъ лѣтописей на подробности, мы не доберемся до послѣднихъ основаній и корней ереси стригольниковъ. Не получила ли эта ересь, зародившаяся въ Псковѣ и Новгородѣ, толчка изъ Литвы, проводившей въ Россію религіозное вольнодумство? А извѣстно, что въ то время на западѣ народъ весьма тяготился недостатками священства. Составилась пословица, что «духовенство католическое выбираетъ для себя однѣ пріятности жизни, и избѣгаетъ всего труднаго». «Все, что западъ перенесъ отъ гонителей и еретиковъ,

говоритъ Бароній, было игрушкою въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, какія онъ потерпѣлъ отъ недостойныхъ первосвященниковъ». Однородныя причины вездѣ сопровождаются свойственными имъ слѣдствіями. Доказанными причинами ереси стригольниковъ было корыстолюбіе духовенства, его нетрезвая жизнь, а также наклонность новгородцевъ и псковичей къ самоуправству, къ независимости отъ Москвы и отъ поборовъ владыкъ. Осуждая корыстолюбіе духовенства (русскаго и греческаго), пріобрѣтавшаго за деньги самое рукоположеніе, стригольники отвергали церковную іерархію. А такъ какъ безъ священства нельзя совершать богослуженія: то съ отверженіемъ іерархіи пришлось отвергнуть христіанскія таинства и церковную обрядность. Начальниками ереси явились два діякона въ Новгородѣ, Никита и Карпъ, около 1376 года. Можетъ быть, имъ не удалось достигнуть священства, или съ нихъ много требовали за посвященіе: какъ бы то ни было, ересь нашла сочувствіе въ народѣ, и несмотря на всѣ мѣры начальства, держалась въ Новгородѣ и Псковѣ болѣе 50 лѣтъ.

Высказавъ общія положенія о ереси стригольниковъ, мы не излагаемъ ни подробной исторіи ея, ни подробнаго ученія, предоставляя эту задачу церковной исторіи; но за то подробно изложимъ обличеніе ереси, выясняющее существо дѣла. Такого порядка, какъ болѣе удобнаго, будемъ держаться, по возможности, и въ изложеніи прочихъ русскихъ ересей. Главнымъ побужденіемъ къ тому служитъ многословіе и безпорядочность ученія еретиковъ, требующія много мѣста въ сочиненіи. Здѣсь кстати замѣтить, что русскіе еретики не писали сочиненій и не излагали въ системѣ своего ученія. Іосифъ

волоколамскій, Максимъ грекъ и Зиновій отенскій подробно разбирали ученіе русскихъ еретиковъ; но они не упоминаютъ о ихъ сочиненіяхъ. Правда, изъ граматы патр. Антонія узнаемъ, что бывшій діяконъ Карпъ имѣлъ еретическое писаніе, возмущавшее народъ противъ священства; но что это было за писаніе? Въ немъ, какъ и вообще въ ученіи еретиковъ, нельзя найти порядка и послѣдовательности мыслей. Довольно и того, что словами еретиковъ управляла общая идея: недовольство іерархическою и гражданскою властію.

Въ первое время, съ 1376 до 1416 года, ересь стригольниковъ, по извѣстнымъ причинамъ, скудости проповѣдниковъ, оставалась безъ обличенія. Недостатокъ русскихъ обличеній въ этомъ отношеніи отчасти восполненъ граматами цареградскихъ патріарховъ. И такъ какъ граматы патріарховъ о стригольникахъ написаны по свѣденіямъ, доставленнымъ изъ Россіи, и разъясненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ граматъ поручено суздальскому архіеп. Діонисію: то ихъ можно отнести къ русскому проповѣдничеству. Спустя шесть лѣтъ по смерти Никиты и Карпа, утопленныхъ новгородцами, патр. Нилъ прислалъ въ Новгородъ и Псковъ граматы, обличающія стригольниковъ, и поручилъ арх. Діонисію приводить ихъ къ покаянію. Въ граматѣ своей патріархъ доказываетъ, что не должно отдѣляться отъ Церкви изъ за недостоинства нѣкоторыхъ пастырей, и что надобно отличать отъ взяточничества законную плату за проторы, при поставленіи въ священство. Патріархъ присовокупляетъ, что онъ поручилъ арх. Діонисію подробно научить заблуждающихъ и обратить ихъ къ покаянію [1]).

[1]) А. И. I, № 4.

1394 г. другой патріархъ Антоній прислалъ въ Новгородъ грамату подобнаго содержанія, въ обличеніе стригольниковъ; эта грамата была препровождена и ко псковичамъ. Между прочимъ, опровергая стригольниковъ, которые учили, что должно каяться землѣ, патріархъ говоритъ: «земля—бездушная вещь, не умѣетъ запретить грѣшить, и потому нѣтъ прощенія кающемуся землѣ». Затѣмъ онъ внушаетъ православнымъ изгонять стригольниковъ [1]).

1416 г. митр. Фотій писалъ посланіе во Псковъ, въ которомъ обличалъ стригольниковъ, и между прочимъ ссылался на опредѣленія Исаакія Комнина, назначающія пошлины за поставленіе въ священство; убѣждалъ псковичей вразумлять стригольниковъ и изгонять неисправимыхъ. 1427 г. Фотій писалъ во Псковъ подобное посланіе, не велѣлъ сообщаться съ виновными стригольниками, и просилъ отлучать ихъ отъ Церкви. Вскорѣ митрополитъ писалъ и третье посланіе во Псковъ, подобнаго содержанія, и просилъ псковичей наказывать упорныхъ еретиковъ [2]). Жители Пскова засадили еретиковъ въ темницу, и ересь прекратилась. Впрочемъ, исторія упоминаетъ о нѣкоторомъ стригольникѣ даже въ концѣ XV вѣка [3]); это необходимо имѣть въ виду, для уразумѣнія послѣдовательности въ развитіи русскихъ ересей.

в) Ересь жидовская и іудейская.

Свидѣтельства исторіи о ереси жидовской болѣе ясны, нежели о ереси стригольниковъ, хотя не выясняютъ

[1]) А. И. I, № 6.
[2]) А. И. I, № 21. 33. 34.
[3]) А. Эксп. I, 482.

вполнѣ происхожденія ея. Ересь жидовская тоже появилась въ Новгородѣ, около 1470 г. Она насаждена выходцемъ изъ Литвы, жидомъ Схаріей, и состоитъ въ проповѣданіи іудейства и отверженіи христіанства. Отвергнувъ божество Іисуса Христа и догматы вѣры, ересь жидовская отвергла, вмѣстѣ съ тѣмъ, обрядовое богослуженіе и церковную іерархію. Въ послѣднемъ случаѣ она стала на одной почвѣ съ ересію стригольниковъ, и поддерживалась недостатками духовенства, на которые жаловались стригольники. Неудивительно, что по этой причинѣ ересь жидовскую или іудейство смѣшивали съ ересію стригольниковъ. Такъ арх. Геннадій въ 1490 г. упоминалъ о стригольникѣ (чернецѣ) Захарѣ. Это былъ дерзскій послѣдователь іудейства, и укорялъ духовенство за «поставленіе на мздѣ». Неудивительно также, что ересь стригольниковъ, поддерживая броженіе умовъ, подготовляла почву для іудейства. Остается непонятнымъ, какъ могло привиться іудейство къ православному народу въ главныхъ своихъ положеніяхъ, въ отрицаніи христіанства? Это объясняется, съ одной стороны, астрологіей, посредствомъ которой еретики дѣйствовали на суевѣрный народъ. Такъ, священники Діонисій и Алексѣй обольщали народъ чернокнижіемъ, которому научились отъ Схарія, искуснаго астролога. «Протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ, говоритъ Іосифъ волоколамскій, имѣли дерзновеніе къ государю, какъ никто другой; ибо они прилежали звѣздосказанію, астрологіи, чародѣйству и чернокнижію; поэтому многіе уклонились къ нимъ». Съ другой стороны, это объясняется вольномысліемъ и распущенностію нрава, которыми еретики обольщали невѣждъ. «Многіе, говоритъ преп. Іосифъ, погрязли въ глу-

бинѣ вѣроотступничества, научились укорять божественное писаніе, впали въ сомнѣнія», и проч.

Такъ какъ іудейство въ своихъ положеніяхъ частію опиралось на астрологію: то оно вооружилось противъ заблужденія христіанъ относительно семитысячелѣтняго существованія міра, стоявшаго въ нѣкоторой связи съ астрологіей. 1492 годомъ окончилось семитысячелѣтіе, а съ нимъ и пасхалія. Тогда послѣдователи іудейства начали издѣваться надъ суевѣріемъ христіанъ. «Семь тысячъ лѣтъ кончились, говорили еретики, и пасхалія ваша прошла; отъ чего же вопреки ожиданіямъ вашимъ не является Христосъ? Значитъ, писанія апостоловъ и отцовъ ложны, особенно Ефрема Сирина, (будто) возвѣщавшихъ пришествіе Христа, по окончаніи семи тысячъ лѣтъ» [1]).

Ересь жидовская, благодаря чернокнижію, сдѣлала болѣе сильное впечатлѣніе на народъ, нежели ересь стригольниковъ, и требовала болѣе рѣшительныхъ мѣръ для своего истребленія. Но и эта ересь не была всеобщею въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ наносное ученіе, она не нашла достаточной пріемлемости въ народѣ православномъ и неразвитомъ. Она коренилась лѣтъ 30 главнымъ образомъ въ Новгородѣ и Москвѣ, гдѣ было болѣе образованныхъ людей; и тамъ распространялась не съ одинаковымъ успѣхомъ. Какъ чистое іудейство, ересь принималась невѣждами; образованные люди усвоивали себѣ только враждебные взгляды іудейства на христіанство, заражались вольнодумствомъ. Въ этомъ видѣ ересь держалась долго, въ высшихъ классахъ, даже послѣ подавленія ея внѣшними мѣрами. Сочувствіе къ ереси

[1]) Просвѣт. 47.

жидовской долго держалось въ странахъ заволжскихъ, между иноками вологодскими и бѣлозерскими. Вообще преп. Іосифъ выражается о еретикахъ въ «Просвѣтителѣ», что они «прельстили и отвели въ жидовство многихъ православныхъ христіанъ»; что «многіе научились отъ еретиковъ укорять божественное писаніе, впали въ сомнѣнія, и производили пренія о вѣрѣ не только въ домахъ, но и на торжищахъ».

Ересь жидовская, находившая сочувствіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, поддерживала въ Россіи броженіе умовъ и недовольство общественными порядками. Она, какъ и ересь стригольниковъ, была особенно жизненною въ тѣхъ положеніяхъ, которыми утверждалась на исторической почвѣ, на недостаткахъ священства. Видя недостатки священства, люди свободомыслящіе невольно задавались вопросами о силѣ благодати, о значеніи и дѣйствіи христіанскихъ таинствъ, и рѣшали ихъ по своему. Поэтому неудивительно, что ересь жидовская, спустя 50 лѣтъ послѣ осужденія ея въ 1504 году, снова возродилась въ двухъ видахъ: въ ереси Башкина и ереси Косого. Этому отчасти содѣйствовало и броженіе умовъ въ XVI вѣкѣ, проникавшее къ намъ съ запада, черезъ Литву.

г) Ересь Башкина, проводившая религіозное вольнодумство.

Ересь Башкина въ главныхъ положеніяхъ сходна съ ересію жидовскою. Башкинъ (житель Москвы, довольно зажиточный) отвергалъ таинства и обрядовое богослуженіе; все божественное писаніе называлъ баснословіемъ; Іисуса Христа призналъ неравнымъ Богу Отцу. Ученіе его въ подробностяхъ не извѣстно. Это ученіе

было принято имъ отъ латинянъ, переселенцевъ изъ Литвы, и развивалось подъ вліяніемъ свободомыслія, порожденнаго прежними ересями, и подъ вліяніемъ общественныхъ недостатковъ, на которые жаловались и прежніе еретики. Башкинъ требовалъ отъ священниковъ ученія, и, какъ бы упрекая ихъ за общественные безпорядки, въ особенности осуждалъ рабство и притѣсненіе слугъ. «Вамъ—отцамъ—надобно посѣщать насъ чаще, говорилъ онъ, и наставлять, какъ намъ жить, и какъ держать у себя людей, и не томить ихъ... Христосъ всѣхъ называетъ братіями, а у насъ кабалы..., иные держатъ бѣглыхъ. Держу у себя людей добровольно; кому хорошо у меня, живетъ; кому не хорошо, идетъ, куда хочетъ». Жестокое гоненіе еретиковъ жидовствующихъ, какъ плодъ религіозной нетерпимости, тоже возбуждало негодованіе въ мыслящихъ людяхъ и усиливало другую крайность — либерализмъ. Единомысленникъ Башкина Артемій говорилъ: «не знаютъ, что такое ересь... Сожгли Курицына и Руховаго, и сами не знаютъ—за что!» Единомысленники Башкина подкрѣплялись въ своемъ ученіи также авторитетомъ Максима грека, порицавшаго обрядовое благочестіе русскихъ, недостатки духовенства и стяжаніе монастырей. Въ послѣднемъ пунктѣ это ученіе соприкасалось съ извѣстнымъ споромъ іосифлянъ и старцевъ бѣлозерскихъ о монастырскихъ имѣніяхъ. Послѣдователей, или лучше сказать, единомысленниковъ Башкина было весьма много, особенно между старцами заволжскими. Впрочемъ, ученіе Башкина, появившееся около 1554 года, вскорѣ было подавлено внѣшними мѣрами.

д) Ересь Косого, развивавшая іудейство.

Ересь Косого во многихъ положеніяхъ сходна съ ересію Башкина, а вообще съ ересію жидовскою, и составляетъ крайнее развитіе ея. Косой (монахъ, изъ рабовъ) признавалъ іудейство божественною вѣрою, и ветхозавѣтныя книги, раскрывающія эту вѣру, истинными; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергалъ христіанство. Отвергнувъ догматы христіанства, Косой отвергалъ обрядовое богослуженіе и церковную іерархію. Богъ одинъ, говорилъ онъ, и потому не должно допускать ученіе о Троицѣ; равно внѣшнее поклоненіе и богослуженіе противно ученію о поклоненіи Богу духомъ и истиною. Въ особенности онъ унижалъ церковныя преданія и писанія отцовъ, называя ихъ человѣческими, ложными; впрочемъ, иногда подкрѣплялъ свои мысли новымъ завѣтомъ, правилами соборовъ, словами Василія великаго (постническими), Златоуста и проч. Ересь Косого зародилась на Бѣлоозерѣ, между монахами — единомысленниками Башкина, каковъ напр. Артемій. Она тоже развивалась подъ вліяніемъ вольнодумства, порожденнаго прежними ересями, и подъ вліяніемъ общественныхъ неустройствъ и безпорядковъ. Косой въ особенности возставалъ противъ властей, такъ какъ усиленіе гражданской власти сопровождалось стѣсненіемъ общественной свободы и возвышеніемъ налоговъ. «Не должно, говорилъ онъ, повиноваться земнымъ властямъ и начальствамъ и платить имъ дань; въ христіанствѣ не слѣдуетъ быть властямъ». Онъ нападалъ на духовенство, за преслѣдованіе еретиковъ, по которому отъ нихъ не принимали даже покаянія, за недостатокъ любви и снисходительности; пастырей онъ вообще на-

зывалъ ложными учителями и идольскими жрецами. Отвергая монашество, по примѣру прежнихъ еретиковъ, какъ человѣческое установленіе, Косой осуждалъ и стяжаніе монастырей; въ послѣднемъ пунктѣ подкрѣплялся авторитетомъ князя Вассіана и Максима грека. Ученіе Косого, появившееся въ 1552 году, распространялось въ Россіи около трехъ лѣтъ, было подавлено внѣшними мѣрами, и, вѣроятно, вслѣдствіе крайности мнѣній, не нашло много послѣдователей. Кому могло нравиться хоть такое положеніе еретика: «не должно почитать родителей, ибо одинъ отецъ вашъ Богъ»? Бѣжавъ въ Литву, Косой и тамъ распространялъ свое ученіе нѣсколько лѣтъ. Въ Литвѣ онъ вѣроятно имѣлъ болѣе успѣха, нежели въ Россіи, какъ это можно видѣть изъ словъ Зиновія: «діяволъ развратилъ востокъ Магометомъ, западъ—Мартиномъ, а Литву—Косымъ» [1]).

Ересь Косого была послѣднимъ словомъ антирелигіознаго направленія, начатаго богомилами, раскрытаго стригольниками, поддержаннаго жидовствующими и Башкинымъ. Сходная въ существѣ дѣла съ предыдущими ересями, она была болѣе опасною по своему крайне-отрицательному направленію. При всемъ томъ, подавленная административными мѣрами, она могла имѣть дальнѣйшее вліяніе на умы, на недовольство гражданскими и церковными безпорядками, и зарожденіе раскола. Усилившаяся царская и церковная власть сильными мѣрами окончательно придавили религіозное вольнодумство немногихъ просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей. Въ XVI—XVII вѣкѣ особенно много было соборовъ въ Россіи и сдѣланы важныя распоряженія относительно церковнаго благоустройства. Къ несчастію, ко времени ослабленія русскихъ ересей, усиливается противодѣйствіе западнаго начала грековосточному. Съ XV вѣка католицизмъ и потомъ лютеранизмъ начинаютъ проникать въ убѣжденія и жизнь многихъ русскихъ. Католицизмъ и лютеранизмъ поддержали броженіе умовъ, возбужденное прежними ересями. Подрывая авторитетъ вѣры, развивая свободомысліе и недовольство общественными безпорядками, католицизмъ и особенно лютеранизмъ, вмѣстѣ съ прочими ересями, содѣйствовали зарожденію раскола, враждебнаго либерализму. Но прежде исторіи католицизма и лютеранизма изложимъ скудныя обличенія приведенныхъ нами ересей.

[1]) Ист. показ. 49.

Обличеніе ереси жидовской, Башкина и Косого.

Изложенныя нами ереси еще менѣе могли встрѣтить противодѣйствія и опроверженій, нежели народное суевѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, эти ереси касались существенныхъ истинъ вѣры, высокихъ догматовъ христіанства, и для опроверженія своего требовали обширныхъ знаній и богословскаго образованія. Нечего и говорить, что бѣлое духовенство не соотвѣтствовало этой высокой цѣли. Доказательствомъ тому служатъ извѣстные новгородскіе священники, которые по незнанію вѣры увлеклись ученіемъ Схаріи. Не соотвѣтствовало этой цѣли и монашество, по недостатку правильнаго образованія. Въ XV—XVI вѣкѣ явилось три проповѣдника, которые, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, пріобрѣли богословское образованіе, и могли спорить съ еретиками. Проповѣдники эти—Іосифъ волоколамскій, митр. Даніилъ и Максимъ грекъ. Проповѣдникомъ—обличителемъ былъ собственно Даніилъ, хотя неудовлетворительнымъ.

Митр. Даніилъ, величайшій начотчикъ, оставилъ намъ сборникъ словъ, для назидательнаго чтенія, изъ коихъ многія были произнесены въ храмѣ. Слова митрополита проникнуты нравственно-аскетическимъ тономъ и подкрѣплены свидѣтельствами св. отцовъ. Первыя восемь словъ сборника написаны въ обличеніе жидовской ереси, но по причинѣ общаго догматическаго содержанія одинаково могутъ быть направлены противъ ученія Башкина и Косого. Слова эти имѣютъ предметомъ своимъ разъясненіе существенныхъ догматовъ, оспариваемыхъ еретиками; написанныя отвлеченно, онѣ могутъ быть названы практическими по своей цѣли. Въ первомъ словѣ митрополитъ раскрываетъ ту мысль, что вѣровать должно по руководству писанія, а не человѣческимъ мудрованіямъ. Во второмъ—что за истину должно подвизаться до смерти. Въ третьемъ объясняетъ церковныя преданія, за которыя должно подвизаться. «А ты, говоритъ проповѣдникъ, слыша говорящихъ неподобное, презирающихъ церковные законы и уставы, не заграждаешь скверныя уста; и не только не воспрещаешь, а услаждаешься тѣмъ, и другихъ на то понуждаешь». Въ четвертомъ проповѣдникъ внушаетъ хранить преданія писанныя и неписанныя, и въ поясненіе этого приводитъ любимую мысль, которую часто повторяетъ и въ другихъ словахъ, чтобы всѣ возможно чаще читали божественныя книги. Въ пятомъ говоритъ о воплощеніи и указываетъ цѣль слова: «чтобы никто не принялъ злой ереси, но исповѣдалъ Христа совершеннымъ Богомъ и человѣкомъ». Въ шестомъ—объ искупленіи, въ которомъ выразилась неизреченная благость и любовь Божія. Въ седьмомъ—объ искупленіи, въ которомъ выразилась безконечная премудрость Божія. Проповѣдникъ убѣждаетъ православныхъ чаще читать божественное писаніе, чтобы не увлечься ересями. Послѣднія два слова направлены противъ мнѣнія еретиковъ, что недостойно Бога унижаться до смерти. Въ восьмомъ говоритъ о повиновеніи властямъ, которыя обязаны казнить еретиковъ. «Покажемъ праведную ярость, научимъ хулящихъ не хулить имени Господня... Будь ревнитель по Богѣ, вспомни человѣколюбіе владыки!... А ты не хочешь злодѣйственнымъ еретикамъ, хулящимъ Его и пречистую Матерь, запретить, пригрозить, съ ними ѣшь и пьешь, покрываешь ихъ и заступаешь! И какъ наречешься христіаниномъ? Не прельщайся... Будемъ опасно соблюдать православную вѣру отъ еретическихъ ученій, не дадимъ волкамъ и разбойникамъ входа въ стадо Христово, укрѣпимся быть доблестными и непоколебимыми въ православной вѣрѣ!» Изъ этого слова между прочимъ видно, что митрополитъ часто проповѣдывалъ въ храмѣ. «Мы говорили нынѣ и вчера о любви къ Богу и исполненіи заповѣдей, и опять бесѣдую, насколько возмогаю». Ревность митр. Даніила къ вѣрѣ и его знанія заставляютъ предполагать, что онъ всегда ограждалъ своихъ пасомыхъ отъ еретиковъ, и былъ достойнымъ орудіемъ Провидѣнія на каѳедрѣ, не смотря на порицанія современниковъ.

Въ обличеніе ереси жидовской написалъ три слова Максимъ грекъ. Слова его не имѣютъ строго церковнаго, проповѣдническаго характера, такъ какъ они написаны въ видѣ статей, для чтенія. По причинѣ общаго тона или догматическаго содержанія, слова эти одинаково могутъ быть направлены противъ ученія Башкина, Косого и даже—Лютера.

Въ словѣ на рождество и на іудея проповѣдникъ доказываетъ, что Христосъ есть Мессія; что въ воплоще-

ніи и страданіи Его нѣтъ ничего не сообразнаго; затѣмъ, въ общихъ чертахъ, говоритъ о распространеніи христіанства и разсѣяніи іудеевъ (I, 39). Въ словѣ о поклоненіи иконамъ проповѣдникъ объясняетъ иконопочитаніе и доказываетъ, что оно не противно второй заповѣди (I, 485). Въ словѣ на хулящихъ Божію Матерь проповѣдникъ изобразилъ величіе Божіей Матери, необходимость поклоненія ея иконѣ и иконамъ прочихъ святыхъ (I, 495). Послѣднія два слова одинаково могли быть направлены противъ жидовствующихъ и лютеранъ.

Въ обличительной проповѣднической литературѣ видное мѣсто занимаетъ споръ о монашествѣ, который слился съ жизненнымъ вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ интересами государства, началось съ глубокой древности. Такъ, въ сборникѣ паисіевомъ помѣщено слово: «угодное-ли Богу дѣло —дарить монастырямъ села? Кто отдаетъ имѣніе свое братіи, говоритъ проповѣдникъ, даетъ на спасеніе души; а кто отдаетъ монастырю, тотъ губитъ свою душу». Подобный взглядъ на монастырскія имущества былъ господствующимъ въ древней Руси, хотя пастыри отстаивали церковныя имущества. Защищая монашество, какъ церковное учрежденіе, проповѣдники разошлись во взглядахъ на стяжанія монастырей. Споръ этотъ выразился въ словахъ, написанныхъ Вассіаномъ противъ Іосифа и Іосифомъ противъ Вассіана. Тогда же явилась апокрифическая бесѣда Сергія и Германа валаамскихъ, въ которой порицается стяжаніе монастырей, роскошь и нетрезвость иноковъ и простота вельможъ, надѣляющихъ монастыри землями. Бесѣда написана кѣмъ либо изъ бѣлозерскихъ иноковъ, приверженныхъ къ жидовской ереси. Въ этой бесѣдѣ высказана здравая мысль, что монастыри должны быть обезпечены окладами [1]). Такой взглядъ, проведенный въ духовной литературѣ, служилъ опорою властямъ въ преобразованіи монастырей, захватившихъ почти треть государственныхъ имуществъ. Въ защиту самого монашества написано извѣстное слово «Просвѣтителя». Въ немъ доказано, что монашество согласно съ божественнымъ писаніемъ, и что порицаніе монашества есть древняя ересь манихеевъ и маркіонитовъ.

Относительно предразсудка о семитысячелѣтнемъ существованіи міра почти ничего не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ. Нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ помѣщено въ «Просвѣтителѣ» Іосифа волоколамскаго. «Просвѣтитель» есть собраніе посланій Іосифа къ разнымъ лицамъ. Такъ въ восьмомъ словѣ Іосифъ доказываетъ истинность отеческихъ писаній, отвергнутыхъ еретиками, ибо нѣкоторые изъ отцовъ писали о скорой кончинѣ міра. (Подобныя мысли находимъ въ сочиненіяхъ Ефрема сирина, Григорія нисскаго, въ синаксарѣ Никифора Каллиста и проч. Въ XIV вѣкѣ эти мысли перешли даже въ богослужебныя книги греческой Церкви). Онъ перебираетъ ложныя мнѣнія о концѣ міра и доказываетъ, что пасхалія, росписанная на семь тысячъ лѣтъ, не имѣетъ вліянія на кончину міра. Въ девятомъ и десятомъ словѣ Іосифъ доказываетъ истинность апостольскихъ писаній, отвергнутыхъ еретиками, ибо апостолы говорили о пришествіи антихриста и называли свое время послѣднимъ. Изъ этихъ трехъ словъ можно усмотрѣть и фальшивые источники, поступавшіе къ намъ изъ Греціи, по которымъ предки гадали о кончинѣ міра. Арх.

[1]) Чтен. истор. общ. 1859 г. 10.

Геннадій составилъ пасхалію на 70 лѣтъ (мистическое число) восьмой тысячи лѣтъ и приложилъ къ ней слово, опровергающее несправедливыя мнѣнія о скорой кончинѣ міра. Составивъ пасхалію на восьмую тысячу лѣтъ, (пасхалія на восемь тысячъ лѣтъ составлена въ Греціи), священникъ Агаѳонъ приложилъ къ ней слова «Просвѣтителя» восьмое, девятое и десятое. Онъ имѣлъ въ виду укоренившійся предразсудокъ, что пасхалія есть божественное произведеніе, означающее времена пасхи, и потому конецъ пасхаліи указываетъ на кончину міра.

Поученій, направленныхъ противъ ересей Башкина и Косого, въ древнемъ проповѣдничествѣ не находимъ, хотя ереси эти возбуждали сильное сочувствіе во многихъ сословіяхъ. Такъ напр. ученіе Косого, по словамъ Зиновія, «было многими пріемлемо, любимо, похваляемо и познаваемо яко истинное; и не бысть прежде таковаго ученія, якоже новое являшеся». Источникомъ обличенія изложенныхъ ересей служилъ «Просвѣтитель» Іосифа волоколамскаго. «Просвѣтитель» состоитъ изъ шестнадцати словъ, написанныхъ въ обличеніе жидовской ереси; но имъ обличали и другихъ еретиковъ. Такъ, на соборѣ 1554 г. «Просвѣтителемъ» обличали Башкина; царь весьма хвалилъ книгу, а соборъ назвалъ ее свѣтиломъ православія. Косой запрещалъ читать «Просвѣтителя», потому что видѣлъ въ ней обличеніе своей ереси. Въ обличеніе заблужденій еретиковъ въ первомъ словѣ «Просвѣтителя» изложено ученіе о Троицѣ, во второмъ о Мессіи, въ третьемъ о законѣ Моисея, въ четвертомъ о воплощеніи Сына Божія, въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ о почитаніи иконъ, въ восьмомъ и девятомъ о второмъ пришествіи и неизвѣстности его. Это, можно сказать, первый опытъ богословія на русскомъ языкѣ. Подобныя сочиненія написаны Зиновіемъ (отенскимъ) въ обличеніе ереси Косого: «Истины показаніе» въ 56-ти бесѣдахъ и «Многословное посланіе». При составленіи этихъ сочиненій Зиновій пользовался Просвѣтителемъ.

При всей скудости проповѣдничества, направленнаго противъ изложенныхъ ересей, онѣ не имѣли особеннаго успѣха и вскорѣ исчезли. Ереси подавлены были гражданскою властію, при содѣйствіи духовныхъ лицъ, особенно Іосифа волоколамскаго и арх. Геннадія. Ересь жидовская осуждена соборомъ 1503 г., еретики заточены, а главные сожжены. Ересь Башкина осуждена соборомъ 1554 г.; еретики разосланы по монастырямъ. Тѣмъ же соборомъ осуждена и ересь Косого. Изложенныя полемическія сочиненія разъясняли сущность догматовъ и заблужденій въ вѣрѣ; они служили источникомъ догматической проповѣди и вводили въ сознаніе народа вѣру, исповѣдуемую до селѣ слѣпо.

е) Развитіе и обличеніе католицизма въ Россіи.

Въ характерѣ католическаго ученія, распространяемаго въ древней Руси, и способѣ обличенія его проповѣдниками различаютъ два періода. Съ X до XV вѣка обличаются религіозныя заблужденія католиковъ пастырями, большею частію присылаемыми изъ Греціи. Обличенія эти обыкновенно излагаются въ формѣ посланій къ частнымъ лицамъ и отличаются подражательностію, компилятивнымъ характеромъ. Обличительныя посланія не имѣютъ прямого отношенія къ русской жизни и составляютъ плодъ ненависти грековъ къ латинамъ, порожденной раздѣленіемъ Церквей. По формѣ своей они не выдерживаютъ характера церковныхъ поученій. При

всемъ томъ необходимо изложить содержаніе обличительныхъ посланій, такъ какъ подъ вліяніемъ ихъ образовался взглядъ русскаго народа на латинянъ и иновѣрцевъ, имѣвшій вліяніе на его судьбу; къ тому же, содержаніе посланій послужило основою обличительнаго проповѣдничества на латинянъ. Съ XV до XVIII вѣка обличаются заблужденія католиковъ, проникавшія въ жизнь русскихъ.

Обличеніе католицизма съ X до XV вѣка.

Митрополиты, присылаемые къ намъ изъ Греціи, приносили, съ религіозными убѣжденіями, и религіозныя антипатіи. Вмѣсто того, чтобы исправлять недостатки русскаго народа, они занимались религіозными спорами, волновавшими востокъ и западъ въ IX—XI вѣкѣ. Митрополиты, присылаемые изъ Греціи, а за ними и русскіе пастыри, пользовались случаями нападать на латинянъ, вычисляли ихъ заблужденія, даже и небывалыя, и предостерегали народъ отъ католицизма, «вѣры проклятой и отреченной св. отцами». Религіозная нетерпимость и мелочность въ обличеніи католицизма почти невѣроятны и необъяснимы! Не имѣли-ль на нихъ вліянія войны съ поляками и безчеловѣчное поведеніе католиковъ? При этомъ допустимъ, что папы обнаруживали попытки подчинить своей власти Россію и наконецъ создали унію, какъ бы оправдавшую подозрительность и ригоризмъ русскихъ пастырей. Какъ бы то ни было, только подъ вліяніемъ обличеній католицизма образовалась непримиримая ненависть русскихъ къ западнымъ народамъ, произведшая застой государства и зарожденіе раскола. При изученіи полемической литературы, направленной противъ латинянъ, необходимо коснуться главнаго источника ея, для уразумѣнія подражательнаго характера ея.

Самобытнаго въ обличительныхъ посланіяхъ кіевскихъ митрополитовъ очень мало. Они были проводниками византійскихъ мнѣній о католицизмѣ, пользовались готовыми сочиненіями, переводили и передѣлывали ихъ. Главнымъ пособіемъ нашимъ полемистамъ въ обличеніи католиковъ служили труды патр. Фотія и Михаила Керулларія.

Съ IX до половины XI вѣка (окончательнаго раздѣленія Церквей) главнымъ обличеніемъ латинянъ въ византійской литературѣ служило окружное посланіе патр. Фотія, вмѣстѣ съ другими его полемическими сочиненіями. Патріархи константинопольскіе обыкновенно разсылали по церквамъ его окружное посланіе. Относительно полемическихъ сочиненій Фотія необходимо замѣтить, что въ нихъ отличается существенное отъ несущественнаго, догматъ отъ обряда. Такъ, въ посланіи къ папѣ Николаю Фотій писалъ: «есть постановленія общія, которыя всѣ обязаны хранить, и постановленія частныя... Такъ, однимъ позволено брить бороду, другимъ—запрещено». При такомъ взглядѣ на дѣло, онъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ даетъ значеніе вопросамъ догматическимъ, а нарушеніе обрядности не считаетъ дѣломъ слишкомъ важнымъ. Въ полемическихъ сочиненіяхъ византійской литературы XI вѣка видимъ иной характеръ. Въ различныхъ трактатахъ, посланіяхъ и сказаніяхъ замѣтно смѣшеніе существеннаго съ несущественнымъ, догматовъ съ обрядами. Таково посланіе патр. М. Керулларія къ антіохійскому патр. Петру, имѣвшее особенную извѣстность въ Греціи, въ XI вѣкѣ. Имъ то преимущественно пользовались русскіе полемисты въ борьбѣ съ латинянами. Митрополиты изъ грековъ руко-

водствовались подлинникомъ, а русскіе проповѣдники—славянскимъ переводомъ, съ дополненіями и измѣненіями. Они также пользовались сочиненіемъ Керулларія: «о фрязехъ и прочихъ латинахъ», дѣлая въ немъ опущенія и вставки.

Обличеніе латинянъ началось въ Россіи со временъ св. Владиміра. Греческій миссіонеръ указалъ Владиміру на одно заблужденіе ихъ,—употребленіе опрѣсноковъ въ причащеніи. Черезъ два года (въ 988 г.) св. Владиміру изложили нѣсколько подобныхъ обвиненій: попираніе креста, безбрачіе духовенства, индульгенціи, признаніе земли матерью, непочитаніе иконъ (вѣроятно нѣкоторыми) [1]). Первое обличительное посланіе латинамъ написано митр. Леонтіемъ, по гречески; формою и содержаніемъ своимъ оно сходно съ византійскими полемическими сочиненіями XI вѣка. Посланіе озаглавлено:

[1]) Нельзя думать, чтобы латиняне были иконоборцами; но нельзя сказать и того, чтобы полемисты дѣлали упрекъ въ непочитаніи иконъ безъ основанія. Извѣстно, что Карлъ великій не принялъ опредѣленій VII Вселенскаго Собора объ иконопочитаніи, и по своимъ цѣлямъ составилъ особый соборъ (794 г.) во Франкфуртѣ. По опредѣленію этого собора иконамъ не должно воздавать чести и поклоненія; иконы могутъ быть въ церкви для напоминанія разныхъ событій христіанскихъ и для украшенія храма. Для распространенія этого ученія составлены были Алкуиномъ libri Carolini, направленныя противъ иконопочитанія. Опредѣленіе франкфуртскаго собора подтверждено было потомъ соборомъ парижскимъ (825 г.), при Людовикѣ благочестивомъ. (Ларенца Ист. II, 362—365). Поэтому на западѣ стали смотрѣть на иконы, какъ на украшеніе или картины. Въ храмахъ становилось иконъ меньше, при чемъ главное вниманіе обращалось на художественность ихъ отдѣлки. Потомъ въ храмахъ появились и статуи, какихъ не знала древняя Церковь. Подобный взглядъ на иконы впослѣдствіи дошелъ до крайности, особенно—когда на западѣ пробудился вкусъ къ древнимъ искусствамъ. Памятники древняго христіанскаго искусства подверглись насмѣшкѣ и презрѣнію, церкви передѣланы въ настоящіе театры, стѣны ихъ украшались миоологическими картинами соблазнительнаго характера.

объ «опрѣснокахъ», между тѣмъ толкуетъ и о другихъ заблужденіяхъ: постѣ въ субботу, совершеніи литургіи во всѣ дни великого поста, безбрачіи священства, употребленіи удавленины, искаженіи догмата о Св. Духѣ [1]). Три главныя изъ указанныхъ обвиненій имѣютъ основаніемъ своимъ сочиненія Фотія. Впрочемъ, въ одномъ изъ посланій Фотія упоминается употребленіе удавленины, хотя и не ставится въ вину латинамъ (Введеніе опрѣсноковъ у латинянъ полагаютъ съ 860 года). Частный поводъ къ написанію этого посланія неизвѣстенъ.

Подобное обличеніе написалъ митр. Георгій, подъ заглавіемъ: «Стязаніе съ латиною». Въ немъ митрополитъ насчитываетъ уже 27 заблужденій, между прочимъ: изображеніе иконъ на помостахъ, хожденіе епископовъ на войну, ношеніе ими перстней, незаконное сожительство священства, разрѣшеніе инокамъ мяса, сала и под. Чтобы судить объ оригинальности этой полемики, разсмотримъ послѣдній обвинительный пунктъ. Устраняя нареканіе латинянъ на иноковъ, употребляющихъ яйца и молоко, проповѣдникъ укоряетъ ихъ за употребленіе сала. «Яйца раждаются отъ чистыхъ птицъ, и потому чисты, молоко—отъ чистыхъ четвероногихъ, и тоже чисто. А ваше тучное сало отъ мяса. Если этому не вѣришь, латинянинъ, то вложимъ яйца въ одинъ горшокъ, а сало въ другой, и станемъ варить ихъ. Вода отъ яицъ бываетъ чиста, какъ и невареная; посмотримъ же вашу уху: чья заправа толще (жирнѣе)»?... При такомъ характерѣ обвиненій число ихъ могло возрасти до болѣе почтенныхъ цифръ, а вмѣстѣ съ ними расло

[1]) Времен. м. ист. общ. V, 1—18.

раздраженіе. Поводомъ къ написанію «Стязанія» могла служить попытка Григорія VII обратить Изяслава въ католичество [1]).

Съ «Стязаніемъ» Георгія сходно посланіе къ Изяславу о вѣрѣ латинской Ѳеодосія печерскаго; оно имѣетъ и нѣкоторую долю самобытности. Въ посланіи исчисляются и новыя заблужденія; латиняне не помазываютъ крещаемыхъ, но кладутъ имъ въ уста соль; кладутъ мертвыхъ головою на востокъ; ѣдятъ конину, бобровину и медвѣжину. Нѣкоторыя изъ обвиненій несовсѣмъ вѣрны. Затѣмъ проповѣдникъ внушаетъ князю всѣми мѣрами остерегаться латинянъ, потому что въ ихъ вѣрѣ нѣтъ спасенія. Не велитъ вступать съ ними ни въ какія отношенія, даже не ѣсть вмѣстѣ. «Просящимъ Бога ради ясти и пити, дати имъ, въ ихъ сосудѣхъ; аще ли не будетъ судна, въ своемъ дати, потомъ измывше, дати молитву»; ибо они «всѣхъ языкъ поганѣйши и злѣйши» [2])! Подобную предосторожность внушаетъ митр. Никифоръ Ярославу. Это посланіе сохранилось въ многочисленныхъ спискахъ, и слѣдовательно имѣло большое вліяніе на умы, на развитіе нетерпимости къ латинству и вообще къ чужимъ вѣрамъ.

Митр. Никифоръ написалъ три посланія въ обличеніе латинянъ. Первое посланіе писалъ Владиміру Мономаху, въ которомъ исчислилъ 20 заблужденій, и подражалъ сочиненію митр. Георгія, заимствуя у него мысли и выраженія [3]). Второе посланіе писалъ вѣроятно князю волынскому, во владѣніяхъ котораго жили латиняне, съ цѣлію предохранить пасомыхъ отъ латинства. Въ этомъ по-

[1]) И. пр. Мак. II, Прилож. № 8.
[2]) И. пр. Мак. II, Прилож. № 5.
[3]) Пам. рос. слов. XII в. 153.

сланіи исчисляетъ новыя вины, напр. «латиняне говорятъ, что должно хвалить Бога на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ» [1]) Третье посланіе писалъ князю муромскому, въ томъ же духѣ, какъ и князю волынскому; въ посланіи между прочимъ замѣчено: «латиняне не поютъ аллилуія отъ среды первой недѣли до пасхи» [2]).

Адресъ поименованныхъ посланій къ князьямъ даетъ разумѣть, что были серіозныя побужденія къ обличенію латинянъ, независимо отъ страсти къ полемикѣ. Поводъ къ обличеніямъ давали папы, которые черезъ князей старались подчинить себѣ Россію. Такъ, папа убѣждалъ Владиміра принять католическую вѣру. Папы обращались съ вопросомъ о соединеніи церквей къ Изяславу, Мономаху и другимъ. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи посланіе Иннокентія III къ русскимъ пастырямъ, клиру и народу. По случаю взятія крестоносцами Константинополя онъ писалъ: «хотя вы доселѣ были удалены отъ сосцовъ вашей матери, какъ чуждыя дѣти, но мы не можемъ подавить въ себѣ отеческихъ чувствъ и не заботиться, чтобы сдѣлать васъ, какъ членовъ, сообразными вашей главѣ... О, если бы вы обратились на истинный путь и покорились учительству того, кого Спаситель поставилъ главою всей Церкви!.. Теперь греческая имперія и Церковь почти вся покорилась апостольскому сѣдалищу и униженно принимаетъ его повелѣнія; ужели не будетъ несообразнымъ, если часть (Россія) не станетъ сообразоваться съ своимъ цѣлымъ» [3])?

[1]) И. пр. Мак. II, Прилож. № 9.
[2]) И. пр. Мак. II, Прилож. № 10.
[3]) Hist. Russ. Monum. I, № 3.

Обличеніе католицизма съ XV до XVIII вѣка.

Въ XIII—XIV вѣкѣ папы съ особенной энергіей пытались подчинить себѣ русскую Церковь. Это отчасти можно усматривать и изъ приведеннаго нами посланія Иннокентія III, писаннаго въ 1207 году. Но попытки папъ, благодаря давнимъ предостереженіямъ русскихъ пастырей, остались безплодными. Католицизмъ сталъ проникать въ жизнь русскихъ уже въ XV вѣкѣ, вслѣдствіе политическихъ сношеній съ западомъ. Въ сѣверной Руси проводниками католицизма были литовцы и ливонцы, находившіеся въ торговыхъ связяхъ съ Новгородомъ и Псковомъ. Они научили псковитянъ крещать дѣтей чрезъ обливаніе, нарушать посты, признавать истинными католическіе догматы о Св. Духѣ, причащеніи и т. под. Заблужденія католическія обнаружились и въ Новгородѣ, въ неправильномъ крещеніи дѣтей и т. под. Въ Югозападной Руси, подчиненной Польшѣ, проводниками католицизма были іезуиты. 1595 года они ввели унію, какъ переходную ступень къ католицизму. Унія возвѣщала главенство папы и оставляла неприкосновенною церковную обрядность.

Несмотря на усиленіе папской пропаганды въ XIII—XIV вѣкѣ, мы почти не находимъ въ проповѣдничествѣ того времени обличеній католицизма. Только въ словѣ Цамблака на великій четвертокъ встрѣчаемъ обличеніе обычая—употреблять опрѣсноки [1]). Съ XV вѣка усиливаются обличенія католицизма, проникавшаго въ жизнь русскихъ. Источникомъ обличеній служили приведенныя нами посланія, а главною темою—исхожденіе Св. Духа

[1]) И. пр. Мак. V, 218.

и опрѣсноки. Ученіе о Св. Духѣ разбиралъ Іосифъ волоколамскій [1]); онъ привелъ пророчества о Св. Духѣ и Его свойствахъ и опровергъ мнѣнія католиковъ объ этомъ предметѣ. Митр. Фотій предостерегалъ псковитянъ посланіями отъ заблужденій католиковъ. Въ посланіи къ народу онъ внушаетъ остерегаться людей, пренебрегающихъ преданія и правила св. отцовъ, и покровительствовать гонимымъ за вѣру [2]). Въ посланіи къ духовенству и народу внушаетъ не крестить дѣтей чрезъ обливаніе, не употреблять латинскаго мура. Предписываетъ всѣмъ подвизаться въ добродѣтеляхъ, ходить въ церковь, проводить посты въ покаяніи, исповѣди и слезахъ [3]). Въ посланіи, вызванномъ недоумѣніемъ псковитянъ: можно ли употреблять заграничные припасы?—предписываетъ освятить ихъ молитвою, и даетъ наставленія о постѣ и причастіи [4]). Эту многовѣковую, отвлеченную полемику о нѣкоторыхъ догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ повторилъ и завершилъ Максимъ грекъ, обличая Нѣмчина, развивавшаго въ Россіи католицизмъ и астрологію. Онъ написалъ обличительное слово и три посланія къ Нѣмчину, два посланія къ боярину Карпову, и похвальное слово ап. Петру и Павлу.

Въ обличительномъ словѣ Максимъ доказываетъ невозможность единенія латинянъ съ православными, по причинѣ ученія ихъ о Св. Духѣ, опрѣснокахъ и чистилищѣ. Въ первомъ посланіи къ Нѣмчину опровергаетъ ученіе католиковъ объ исхожденіи Св. Духа. Во второмъ—обличаетъ четыре заблужденія католиковъ: о Св.

[1]) Просвѣт. 331.
[2]) И. А. I, № 20.
[3]) И. А. I, № 35.
[4]) И. А. I, № 82.

Духѣ, опрѣснокахъ, постѣ въ субботу и безбрачіи священства. Въ третьемъ—убѣждаетъ не перетолковывать текстовъ писанія о Св. Духѣ и не ссылаться въ этомъ на блаж. Августина. Въ одномъ посланіи къ Карпову опровергаетъ доказательства Нѣмчина объ исхожденіи Св. Духа; въ другомъ доказываетъ, что въ ученіи св. вѣры нельзя ничего измѣнять. Въ похвальномъ словѣ ап. Петру и Павлу обличаетъ три большія ереси: объ исхожденіи Св. Духа, объ опрѣснокахъ и о чистилищѣ [1]). Наконецъ, въ увѣщательномъ словѣ патр. Іоакима «о звону» осужденъ и хорошій обычай—поклоненіе св. тайнамъ. «Яко къ словесемъ Христовымъ и къ совершенію тайны св. звонятъ, тогда начаша людіе усерднѣйше покланятися, кто гдѣ либо былъ: въ церкви, въ дому, въ пути, на рукодѣліи, на торжищи, мняще покланятися тѣлу Христову» [2]).

Обличеніе уніи.

Полемика съ католицизмомъ въ Сѣверной Руси, какъ видимъ, шла очень медленно, однообразно и съ перерывами; явный знакъ, что она вызвана не столько жизнію и необходимостію, сколько теоріей и склонностію къ спорамъ. Самый адресъ обличительныхъ словъ и посланій къ князьямъ и боярамъ показываетъ, что ими занимались болѣе просвѣщенные люди, нежели простой народъ. Не то было въ Южной Россіи, гдѣ искусство іезуитовъ вводило унію, какъ переходную ступень къ католицизму, и гдѣ половина сорокамилліоннаго населенія, въ теченіе 40 лѣтъ, отпала отъ православія. Опасность,

[1]) Соч. Мак. I.
[2]) Остенъ.

грозившая православію, пробудила народныя силы, образовала общины и братства, которыя выставили проповѣдниковъ въ соборахъ и монастыряхъ, обличителей уніи и католицизма. Здѣсь образовались полемисты ex officio, которые дорожили своимъ званіемъ, подписывались на бумагахъ проповѣдниками, и наперерывъ были приглашаемы городами для обличенія уніи. Въ исторіи уніи упоминаются многіе проповѣдники, которыхъ произведенія до насъ не дошли; таковы напр. Карабникевичъ, Гавалевичъ, Земка, Монастырскій и другіе [1]), упоминаются и такіе проповѣдники, которыхъ самыя имена забыты. Замѣчательнѣйшимъ проповѣдникомъ, обличителемъ уніи признанъ Стефанъ Зизаній; онъ запечатлѣлъ свою проповѣдь исповѣдничествомъ. Самые враги дали объ немъ весьма лестный отзывъ: «доколѣ будутъ существовать такіе проповѣдники, каковъ Зизаній, унія не можетъ существовать». Здѣсь мы съ честію должны упомянуть о двухъ проповѣдникахъ, обличителяхъ раскола и протестантизма, Димитріѣ ростовскомъ и Стефанѣ Яворскомъ, образовавшихся въ школѣ южныхъ братствъ. Достаточное количество поученій, направленныхъ противъ уніи и католицизма, сохранилось въ проповѣдническихъ сборникахъ XVII вѣка: «Мечѣ духовномъ» и другихъ. Въ «учительномъ евангеліи» Транквилліона нерѣдко защищаются догматы, искажаемые еретиками, напр. догматъ объ исхожденіи Св. Духа, о причащеніи и т. под. Неза-

[1]) Особенною ревностію въ обличеніи уніи и католицизма прославился Леонтій Карповичъ. По словамъ Смотрицкаго онъ часто говорилъ проповѣди; сѣялъ въ народъ сѣмена добра и былъ славенъ, какъ церковный учитель. Намъ извѣстны два слова его: на Преображеніе и Успеніе, сказанныя въ 1615 году. Проповѣди написаны въ тогдашнемъ риторическомъ вкусѣ.

висимо отъ поученій, проповѣдники писали трактаты въ обличеніе уніи и католицизма, которые служили источникомъ полемическаго проповѣдничества, имѣли большое приложеніе къ церковной практикѣ. Обзоръ этихъ трактатовъ изложенъ въ «Русскомъ проповѣдничествѣ» [1]). Замѣчательный изъ нихъ «Отвѣтъ на фундаменты вѣры» католикамъ, Голятовскаго; къ этому же роду сочиненій надобно отнести «Остенъ» патр. Іоакима, состоящій изъ 25 обличеній католицизма.

ж) Распространеніе на Руси протестантизма, и обличеніе его.

Протестантизмъ распространяли въ Россіи нѣмцы, которые со времени Іоанна III поступали въ русскую службу и жили въ Москвѣ, въ особой слободѣ. По окончаніи ливонской войны многіе нѣмцы были поселены въ русскихъ городахъ. При Ѳеодорѣ нѣмецкая слобода увеличилась, а въ Нижнемъ явилось евангелическое общество. Наплывъ нѣмцевъ усилился при Годуновѣ. Споры, волновавшіе Европу въ XV—XVI вѣкѣ, неудержимо проникали въ Россію. Въ XV вѣкѣ не только міряне, но и монахи спорили о догматахъ и не хотѣли вѣрить въ благодать. Протестантизмъ особенно усилился съ преобразованіемъ Россіи. Нерѣдко занимая важныя мѣста на службѣ, протестанты держали себя высокомѣрно, съ презрѣніемъ и насмѣшкой относились къ старинѣ русской, предразсудкамъ и самой вѣрѣ. Правительство строго воспрещало иноземцамъ проводить свое ученіе въ Россіи, но не могло остановить его. Пасторъ Ѳома утопленъ 1563 года, за распространеніе въ Полоцкѣ протестантскихъ идей. Самъ Грозный увлекался религіозными спорами. Пастору Рокитѣ онъ сказалъ: «вашъ учитель Лютеръ былъ лютъ». Въ спорѣ съ лифляндскимъ пасторомъ царь ударилъ его по головѣ, сказавъ: «иди къ бѣсу съ своимъ Лютеромъ». По свидѣтельству Маржерета «во время между-царствія многіе русскіе усвоили себѣ лютеранскія убѣжденія, и явно смѣялись надъ православными обрядами и постами» [1]).

[1]) Стр. 182—185.

[1]) Либеральное поведеніе князя Хворостинина поясняетъ намъ духъ свободомыслія и религіозной независимости, впущенныя протестанствомъ во время междуцарствія. Около 1632 г. князь И. Хворостининъ получилъ внушительный указъ. «Князь! извѣстно всѣмъ людямъ московскаго государства: какъ ты при разстригѣ впалъ въ ересь, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіянскаго обычая не хранилъ, и былъ за то сосланъ подъ начало въ Іосифовъ монастырь. Послѣ того опять началъ приставать къ польскимъ и литовскимъ попамъ, и въ вѣрѣ съ ними соединился, книги и образа ихъ держалъ въ чести. Многія о правос лавной вѣрѣ и о лю дяхъ московскаго государства непригожія и хульныя слова въ письмахъ твоихъ объявились, въ жизни твоей многое къ христіянской вѣрѣ неисправленье. Ты не велѣлъ людямъ своимъ ходить въ церковь, а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ; говорилъ, что молиться не для чего и воскресеніе мертвыхъ не будетъ. Про христіянскую вѣру и святыхъ угодниковъ говорилъ хульныя слова. Жить началъ не христіянскимъ обычаемъ, безпрестанно пить; въ 1622 году всю страстную недѣлю пилъ безъ просыпу, наканунѣ свѣтлаго воскресенья былъ пьянъ, и до свѣта за два часа ѣлъ мясо и пилъ вино; къ государю на праздникъ воскресенья не поѣхалъ, къ заутрени и обѣдни не пошелъ. Говоришь, будто на Москвѣ людей нѣтъ, все глупый людъ, жить тебѣ не съ кѣмъ, чтобъ тебя государь отпустилъ въ Римъ или въ Литву. Да будто московскіе люди сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью, и иныя укоризненныя слова писаны (въ стихахъ).—Государево именованье написано не по достоинству; государь названъ деспотомъ русскимъ; но деспота слыветъ по гречески—владыка, а не царь. А ты не иноземецъ, московскій человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать непристойно». (Труды К. Д. А. 1862 г. 2, 446). Какъ ни поразительны были для москвичей эти отрицательные взгляды, особенно въ отношеніи будущей жизни, для которой подвизалась древняя Русь, но они не были новостію. Подобные взгляды проводили жидовствующіе. «А что такое царство небесное, говорилъ м. Зосима, и второе пришествіе, и воскресеніе мертвыхъ? Ничего этого нѣтъ. Умеръ кто, такъ умеръ; дотолѣ былъ». Просв. 58.

Развитіе протестантства вначалѣ, до преобразованія Россіи, было слабо. Оно выражалось въ общихъ чертахъ, какъ противодѣйствіе западнаго начала восточному и разума—вѣрѣ; равнымъ образомъ и обличеніе протестантства только что начиналось. Поэтому и обзоръ проповѣдничества, обличающаго протестантство, долженъ быть отнесенъ ко II періоду. Поученій, направленныхъ противъ возникшаго протестантизма, сохранилось немного. Первымъ обличеніемъ въ этомъ родѣ должно признать нѣкоторыя слова Максима грека. Такъ, слово его «о поклоненіи св. иконамъ» равно можетъ быть отнесено и къ іудеямъ и къ лютеранамъ. «Слово на хулящихъ Божію Матерь», въ которомъ доказана необходимость почитать и святыхъ, и церковные сосуды, составляетъ продолженіе предыдущаго слова, и тоже можетъ быть направлено противъ лютеранъ. Явное обличеніе лютеранства, въ общихъ чертахъ, какъ противодѣйствія православію и обрядности, встрѣчаемъ въ словѣ патр. Адріана; причемъ, наравнѣ съ ересію, обличается и употребленіе табака. «Многіе, говоритъ патріархъ, объюродѣли отъ табацкихъ пипокъ и злоглагольствъ лютерскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ. Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это такъ дѣлается въ Церкви? Человѣкъ это выдумалъ; нѣтъ въ этомъ пользы! Едва лишь узнаетъ имя, или словесный складъ, и уже учитъ архіереевъ, священниковъ, устрояетъ церковный чинъ, правитъ монастыри». Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ учились по старому, у духовныхъ отцовъ. Въ поученіи на день Алексія, написанномъ для патріарха, обличаются въ частности недостатки современниковъ, ихъ свободомысліе и распущенность нрава. «Многіе презираютъ не только узаконенные въ году посты, но и великую четыредесятницу. Мужи и жены, юные и отроки, и люди священнаго чина всегда упиваются безъ сытости виномъ, табакомъ и всякимъ питіемъ; снѣдаютъ не только заповѣданныя снѣди, но и другъ друга—завистію и рвеніемъ. Обидятъ, неправосудствуютъ, грабятъ, убиваютъ!.. Нынѣшнихъ временъ благородніи, простіи и юноши молодцы величаются пьянствомъ, безстыдно возвѣщая другъ другу: я тогда-то былъ пьянъ, и похвалился безъ ума, и въ праздники Господни проспалъ церковное торжество!» [1]). Въ томъ же вольномысліи и распущенности нравовъ обличаютъ своихъ современниковъ инокъ Евѳимій и другіе проповѣдники. Мы видѣли, какъ Аѳанасій холмогор. жаловался на вторженіе въ Россію протестантизма.

Обличая куреніе табака, какъ чужеземный обычай, проповѣдники преслѣдовали курителей наравнѣ съ еретиками. Въ «увѣщаніи къ разнымъ сословіямъ» патр. Адріанъ проситъ всѣхъ «вразумлять преданныхъ шкаредомерзскому и злосмрадному табакопійству, наказывать ихъ томленіями, ранами и узами» [2]). И правительство, по настоянію духовенства, сильно преслѣдовало невинные обычаи —куреніе табака и проч. Иностранцы съ ужасомъ разсказываютъ, какъ на площади били кнутомъ мужей и женъ, рѣзали имъ носы, за пристрастіе къ табаку. Жестокій вѣкъ! Безчеловѣчныя правила и обычаи! Жалкіе плоды суевѣрія и вѣковаго застоя мысли! Эти плоды достигли того крайняго развитія и нравственнаго безобразія, по которымъ становились не мыслимы въ человѣческомъ обществѣ, исключали сами себя. И насталъ конецъ этой нравственной тьмѣ, царству суевѣрія, не-

[1]) Собран. разн. поучен. XVII в. № 261.
[2]) № 295. л. 64.

вѣжества и страданій. Само общество, униженное вѣковымъ деспотизмомъ предразсудковъ и невѣжества, вступилось за свои права, волею и неволею отдалось реформѣ.

Отношеніе суевѣрія и ересей къ расколу, и обнаруженіе его.

Умственныя заблужденія въ вѣрѣ—суевѣріе и ереси предшествовали расколу и содѣйствовали зарожденію его. Суевѣріе и ереси, временные недостатки и недуги въ религіозной жизни народа, зародили постоянный недугъ, неисправимое зло—русскій расколъ. Они содѣйствовали зарожденію раскола развитіемъ въ религіи и жизни двухъ противоположныхъ началъ или стремленій—консервативнаго и либеральнаго. Суевѣріе развивало религіозный консерватизмъ, ереси—религіозный либерализмъ. Поэтому, какъ основныя и первоначальныя причины русскаго раскола, суевѣріе и ереси необходимо предшествовали его второстепеннымъ и ближайшимъ причинамъ, о которыхъ говоритъ исторія.

Развитіе религіознаго консерватизма.

Изъ исторіи русскаго суевѣрія, сложнаго въ существѣ своемъ, мы усмотрѣли его вредное вліяніе на жизнь народа, убѣжденія и нравы. Суевѣріе развивало въ народѣ мистицизмъ, преобладаніе чувства и вѣры надъ разумомъ, и такимъ образомъ поддерживало въ немъ невѣжество, застой мысли и дѣйствій. Подавленный темною вѣрою въ безчисленныхъ боговъ и химерическихъ существъ, народъ смѣшалъ религію съ жизнію, догматы съ обрядами, и руководился въ своемъ безсиліи

предразсудками и заговорами. Съ вѣками предразсудки укрѣплялись, мысль тупѣла, жизнь сковывалась обрядностію. Неподвижность мысли и старообрядческій складъ жизни предвѣщали впереди расколъ старообрядчества. Появленіе раскола ускоряли ереси и начавшееся броженіе умовъ, которыя возбуждали отпоръ новшествамъ и преобразованіямъ. Отпоръ былъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ обычаи неразвитого общества освящались вѣрою, и представителемъ старины было духовенство, руководящее сословіе. Расколъ старообрядчества, давно созрѣвшій въ обществѣ и подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, неразъ заявлявшій себя, открылся формально въ 1667 году. Въ практикѣ іосифовской, въ церковной и гражданской жизни того времени поборники старины видѣли золотой вѣкъ, наступленіе совершеннаго застоя и неподвижности. Они не допускали перемѣнъ въ установившейся жизни ни на одну іоту, начиная съ обрядовъ и оканчивая крюковымъ пѣніемъ, труднымъ и непріятнымъ. Воспоминаніе объ этомъ періодѣ доселѣ хранится у старообрядцевъ и единовѣрцевъ. Оно такъ сдавило ихъ мысль, что доселѣ не даетъ имъ уразумѣть превосходства современной проповѣди предъ отеческими поученіями. Закалъ старообрядчества, созданный вѣковымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ, смѣло столкнулся съ наступавшей реформой. Патр. Іоакимъ въ своемъ завѣщаніи умолялъ правительство «не сближаться съ иноземцами, раззорить ихъ кирки, не вводить новыхъ обычаевъ въ жизни и одеждѣ». Патр. Адріанъ жаловался, что «многіе совратились со стезей отцовъ своихъ», и требовалъ, чтобы «всѣ учились по старому у духовныхъ отцовъ», несостоятельность которыхъ была ясна. Какъ сильный представитель старины, онъ сталкивался по разнымъ вопро-

самъ съ преобразователемъ, и не видя ни въ чемъ успѣха, долженъ былъ убѣдиться въ непригодности отстаиваемыхъ имъ началъ. До какой степени поборники старины, закоснѣлые въ предразсудкахъ, боялись всего новаго, и чужого, видно изъ ихъ отзывовъ о другихъ вѣрахъ и ихъ обращенія съ иностранцами. Всѣ чужія вѣры—латинскую, армянскую, жидовскую и прочія—русскіе называли проклятыми; къ иностранцамъ они остерегались прикасаться. Даже русскіе цари, сравнительно развитые, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, вымывали свои руки послѣ прикосновенія къ иноземнымъ посламъ.

Развитіе религіознаго либерализма.

Въ противоположность консерватизму, порожденному суевѣріемъ и невѣжествомъ, ереси развили свободомысліе, неуваженіе къ авторитетамъ, либерализмъ въ области вѣры. И замѣчательный законъ: начало свободомыслія совпадаетъ съ высшею религіозностію Руси, съ полнымъ господствомъ вѣры надъ умами. XV вѣкъ, ознаменованный покаяніемъ, подвигами благочестія и обиліемъ святыхъ, знаменитъ и развитіемъ ересей. Это показываетъ, что къ религіи и ея вліянію присмотрѣлись, перестали относиться безсознательно. И умы смѣлые, критически относящіеся къ явленіямъ жизни, не могли мириться съ церковными безпорядками. Недостатки священства и разныя неустройства въ жизни дали имъ поводъ обвинять религію въ безсиліи. Разъ возникшее броженіе умовъ, подавляемое внѣшними мѣрами, неодолимо коренилось на подготовленной почвѣ, измѣняясь въ формѣ и названіи. Съ ересію стригольни-

ковъ многими пунктами сроднилась ересь жидовская, а съ нею—ересь Башкина и Косого; и кромѣ того, каждая ересь вносила новыя обличенія вѣрѣ и даже отрицаніе ея. Это своемысліе и критицизмъ, вносимые въ область вѣры либералами, возбуждали стойкость за вѣру въ людяхъ противнаго направленія, приверженность къ обрядамъ и буквамъ, и такимъ образомъ подготовляли расколъ старообрядчества. Къ несчастію, послѣ подавленія самой опасной ереси—жидовской, въ жизнь русскихъ стали вторгаться католицизмъ съ уніей и протестантизмъ. Католицизмъ и протестантизмъ еще болѣе усилили религіозную подозрительность русскихъ, приверженность къ азамъ, и заставили ихъ ревниво оберегаться отъ всякихъ новшествъ. До какой степени католицизмъ, вмѣстѣ съ уніей, развилъ религіозную подозрительность русскихъ, видно изъ того, что они клеймили всякую новость, отступленіе отъ обряда религіознаго и житейскаго латинскою ересію. Такъ, когда въ евфросиновомъ монастырѣ стали двоить аллилуіа: то псковитяне и новгородцы смутились, видя въ этомъ латинство. Споръ объ аллилуіи отразился въ житіи Евфросина; троеніе аллилуіи здѣсь названо латинствомъ. Всѣ обрядовыя исправленія патр. Никона признаны латинскою ересію и породили опасеніе, что православные, чрезъ кіевскихъ справщиковъ, породнились съ уніятами. Москвичи еще болѣе подозрительно смотрѣли на кіевскихъ ученыхъ и ихъ сочиненія, боясь латинства. Объ «Обѣдѣ душевномъ» патріархъ выразился: «этотъ обѣдъ исполненъ бѣдъ», а «Манну» называлъ «обманной». Ввозъ литовскихъ книгъ въ Россію былъ запрещенъ; «Евангеліе» Транквилліона, какъ сочиненіе латинянина, сожжено. Наконецъ брадобритіе, перенятое отъ латинянъ

(при Годуновѣ), названо латинскою ересію. Протестантизмъ повидимому менѣе католицизма возбуждалъ религіозную подозрительность русскихъ и вліялъ на появленіе раскола. Онъ не оскорблялъ русской націи насиліями и происками и, за исключеніемъ шведской войны, почти не оставилъ въ древней русской исторіи худыхъ воспоминаній. Но въ сущности протестантизмъ вліялъ вреднѣе католицизма характеромъ своего ученія. Католицизмъ проникнутъ враждою къ русскимъ и къ Византіи. Искажая догматы и обряды православія, онъ оскорблялъ русскую народность, выражающую православіе. Протестантизмъ увлекалъ независимостію и прогрессивностію своихъ началъ. Онъ давалъ перевѣсъ разуму и свободѣ надъ авторитетомъ вѣры и заслонялъ область богословія вопросами науки, промышленности и соціализма. Эти обольстительныя начала провозглашались высокомѣрно, съ тономъ пренебреженія къ русскому варварству. Трудно было устоять «московскому плюгавству», какъ выражались прогрессисты, противъ блеска вѣры, тождественной цивилизаціи, и гармонировавшей съ русскими ересями. Протестантизмъ нравился и тѣмъ, что онъ враждовалъ съ католицизмомъ. Правительство выражало терпимость протестантизму, дозволяя строить кирки, тогда какъ воспрещало постройку костеловъ. Есть свѣдѣнія, что русскіе, доселѣ преданные православію, толпами обращались въ протестанство. Князь Голицынъ въ переговорахъ съ поляками сказалъ: «русскимъ никакъ нельзя служить вмѣстѣ съ королевскими людьми, ради прелести; прослужатъ годъ, и половина изъ нихъ уйдетъ къ королю». И надо замѣтить, что съ легкой руки протестанства, со времени реформы, въ Россіи пошла мода на религіозныя направле-

нія. Подъ вліяніемъ цивилизаціи у насъ чередовались: матеріализмъ, волтеріанство, массонство, мартинизмъ, соціализмъ, нигилизмъ и т. д. Эта обольстительность протестанства и цивилизаціи внушала поборникамъ старины особенныя опасенія противъ новшествъ. На языкѣ ихъ люторская и кальвинская вѣра были знаменіемъ антихриста. Мы видѣли, какъ проповѣдники жаловались на либерализмъ и распущенность нравовъ, порожденныя протестанствомъ. «На что это въ церквѣ? Человѣкъ это выдумалъ, нѣтъ въ этомъ пользы!» говорилъ патріархъ въ проповѣди.

Подъ условіемъ основныхъ причинъ раскола имѣютъ значеніе и дальнѣйшія причины его—исправленіе церковныхъ обрядовъ и книгъ; но сами по себѣ эти причины не могутъ дать столь важныхъ слѣдствій. Въ обществѣ, чуждомъ предразсудковъ, невозбужденномъ религіозными антипатіями, настоятельныя реформы всегда вызовутъ сочувствіе. Такъ, изъ временныхъ заблужденій въ вѣрѣ — суевѣрія и ересей, какъ слѣдствіе изъ причинъ, явилось постоянное зло въ русской Церкви, неисправимый недугъ — расколъ старообрядчества. Важное зло, слѣдствіе важныхъ историческихъ причинъ и неустройствъ государства. Правительство и общество обвиняютъ духовенство въ религіозныхъ нестроеніяхъ народа, суевѣріи, ересяхъ и расколѣ. Такъ, стоглавый соборъ и комиссія о преобразованіи духовныхъ училищъ приписали распущенность народа и отпаденіе милліоновъ людей въ расколъ безпечности духовенства, его недѣятельности и неспособности къ живой проповѣди. Мы не рѣшаемъ здѣсь подобныхъ вопросовъ, равно не излагаемъ проповѣдей, направленныхъ противъ раскола, такъ какъ обличенія этого рода относятся ко II періоду рус-

ского проповѣдничества. Замѣтимъ только, что обличенія раскола, при появленіи его, были очень скудны, по причинамъ уже извѣстнымъ.

Заключеніе.

Мы видѣли господствующее направленіе греко-русскаго проповѣдничества—нравственно-аскетическое. Направленіе это имѣло своею цѣлію міръ духовный и подвижничество, какъ средство къ достиженію неба. По этому направленію уже легко заключать о слабомъ развитіи практицизма въ греко-русскомъ проповѣдничествѣ. Стремленія аскетическія подавляютъ суетность житейскую, и трудно согласуются съ заботами о преходящемъ благѣ. Практическій отдѣлъ древняго проповѣдничества вполнѣ подтверждаетъ это заключеніе. И всего болѣе это видно изъ разсмотрѣнной нами главы, въ которой изложены умственныя заблужденія народа относительно вѣры. Проповѣдей, обличающихъ умственныя заблужденія, написано весьма мало. Да и въ этихъ проповѣдяхъ господствуетъ нравственно-аскетическій элементъ; практическія мысли о суевѣріи и ересяхъ по большей части излагаются кратко, отрывочно, въ видѣ сторонних замѣчаній и вставокъ. Подобное изложеніе практическихъ мыслей мы встрѣтимъ и въ слѣдующей главѣ, имѣющей предметомъ своимъ нравственные недостатки народа. Этимъ аскетическимъ настроеніемъ древняго проповѣдничества и скудостію его практическаго элемента объясняется успѣхъ суевѣрія и ересей, въ 700 лѣтній періодъ. Нашедъ удобную почву въ невѣжествѣ народа, и мало преслѣдуемыя проповѣдію, заблужденія всякаго рода укоренились на Руси и породили неисправимое зло въ Церкви и государствѣ—расколъ. При другомъ, болѣе практичномъ направленіи проповѣди, эти заблужденія легко могли быть исправлены въ столь продолжительное время. Замѣчательная скудость проповѣдей, обличающихъ умственныя заблужденія въ вѣрѣ, предвѣщаетъ важные недостатки и въ нравственной жизни народа. Зрѣлость и правильность убѣжденій народа и человѣка всегда ручается за его нравственность, безупречность поведенія. Безъ христіанскаго просвѣщенія и должной оцѣнки суевѣрныхъ преданій, могъ ли народъ православный удержаться отъ языческихъ обычаевъ и пороковъ? Его православіе, основанное на безсознательной вѣрѣ и безотчетномъ чувствѣ, не спасало его отъ нравственныхъ противорѣчій. Аскетическое благочестіе, неосмысленное знаніемъ, легко подавлялось страстями, увлеченіемъ минуты, и уживалось съ безобразными пороками. Доказательства на лицо. Въ слѣдующей главѣ, изображающей нравственные недостатки народа, мы встрѣтимъ всевозможные пороки и преступленія, во всемъ ихъ развитіи. Увидимъ, что проповѣдники не щадили благочестиваго народа, и въ 700-лѣтній періодъ обличали его не только въ общечеловѣческихъ порокахъ, но и такихъ, о которыхъ, по замѣчанію апостола, неприлично упоминать, крайне непристойныхъ христіанамъ. Проповѣдники особенно часто обличаютъ народъ въ пьянствѣ, сдѣлавшемся національнымъ русскимъ порокомъ.

Нечего говорить о томъ, что при скудномъ обличеніи умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ, не выяснено вліяніе ихъ на жизнь. Проповѣдники-самоучки не имѣли средствъ подняться до той высоты взгляда, чтобы судить о вліяніи суевѣрія и ересей на жизнь обществен-

ную и частную, и предотвратить ихъ неисчислимыя слѣдствія. Подобная заслуга Церкви и государству не по ихъ силамъ. Поэтому, великія общественныя и частныя бѣдствія, порожденныя суевѣріемъ, приведшія государство къ застою и крутой реформѣ, оставлены проповѣдниками безъ вниманія. Малѣйшее предостереженіе относительно слѣдствій суевѣрія могло бы смягчить общественныя бѣдствія, сократить жертвы, умалить страданія. Равнымъ образомъ оставлены безъ вниманія въ проповѣдяхъ и слѣдствія ересей, ихъ вліяніе на жизнь общественную и частную. Ереси не имѣли столь продолжительнаго давленія на благо народное, какъ суевѣріе; но вредъ ихъ глубже и слѣдствія—отдаленнѣе. Ереси отстояли права человѣчества, заслоненныя правами божескими, во имя вѣчныхъ благъ, и разоблачили церковныя неустройства, прикрытыя авторитетомъ вѣры. Такимъ образомъ онѣ произвели большой соблазнъ въ религіозной жизни народа, охладили вѣру и благочестіе и отторгли многихъ отъ православія. Кромѣ нравственнаго вреда, ереси произвели и политическія замѣшательства, о которыхъ повѣствуетъ исторія. Множество людей, въ томъ числѣ государственныхъ дѣятелей, подверглось казнямъ за увлеченіе вольнодумствомъ. Особенно тяжкимъ наказаніямъ подверглись покровители жидовской ереси. Нѣкоторые изъ нихъ были созжены, другіе изувѣчены, заточены и т. д. Всѣ эти бѣдствія могли быть предотвращены и смягчены благодѣтельнымъ внушеніемъ и предостереженіемъ проповѣдниковъ. Признавая заслугу нравственно-аскетическаго проповѣдничества, допустимъ, что оно укоренило вѣру и сдѣлало много для цѣлей горнихъ, приготовленія народа къ небу, къ царству Христову. Это вліяніе проповѣди

и вѣры оказывалось благодѣтельнымъ и для царства земного, особенно въ критическія минуты, во времена общественныхъ бѣдъ. Въ это время одна вѣра одушевляла народъ къ подвигамъ самоотверженія и спасала его отъ погибели. Мы видѣли, какъ во время разложенія государства вѣра пробудила въ народѣ патріотизмъ и скрѣпила ослабѣвшія общественныя связи. Но пренебрегши земныя нужды и общественные вопросы, проповѣдь не дала благочестію народа твердой опоры, допустила въ немъ смѣшеніе разнохарактерныхъ стремленій, аскетическихъ подвиговъ и языческихъ пороковъ. Такимъ образомъ, она ослабила свое доброе вліяніе на жизнь и нравы народа. Знаменательный урокъ для нашихъ проповѣдниковъ, ревнителей богословскихъ отвлеченностей, «византійскаго догматизма, по выраженію прогрессистовъ, и латинской схоластики». Ревнуя о буквѣ догмата и формѣ логической, они не примѣчаютъ безчисленныхъ заблужденій жизни, и даютъ возможность разрастаться на русской почвѣ страннымъ, чтобы не сказать, безтолковымъ сектамъ и безобразнымъ порокамъ. Оцѣживаютъ комаровъ и глотаютъ верблюдовъ, благодаря руководству школы, преслѣдующей теоріи и не знающей жизни [1]).

---

[1]) Этотъ важный урокъ мы еще разъ напомнимъ, въ своемъ мѣстѣ, болѣе пространно...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обличеніе нравственныхъ недостатковъ народа.

Глава, содержащая обличеніе нравственныхъ недостатковъ народа, имѣетъ особенную важность. Въ ней сосредоточенъ весь интересъ древняго проповѣдничества вообще, и въ частности практическаго. Доселѣ шла рѣчь о суевѣріи и ересяхъ, явленіяхъ умственно-религіозной жизни, отвлеченныхъ по характеру и едва доступныхъ разумѣнію древнихъ проповѣдниковъ. Эти абстрактные предметы, какъ блѣдные образы, тогда только разцвѣтали жизнію, когда становились конкретными явленіями, выражались въ фактахъ, обрядахъ, жертвахъ и праздничномъ разгулѣ народа. Теперь предъ нами настоящая жизнь, со всѣми ея достоинствами и недостатками, страстями и пороками, облеченная въ плоть и кровь. Кромѣ жизненности и занимательности содержанія, эта глава даетъ существенные уроки историкамъ и проповѣдникамъ. Она выясняетъ гомилетическій законъ, по которому нравственность народа стоитъ въ тѣсной связи съ практическою проповѣдію, особенно—обличеніемъ пороковъ. Процвѣтаніе нравственно-обличительной проповѣди условливаетъ улучшеніе нравовъ, упадокъ ея—упадокъ нравственной жизни. Ни изъ какихъ теорій историки и проповѣдники не вынесутъ столь ясныхъ понятій о важности практической проповѣди, какъ изъ разсмотрѣнія нравственно-обличительныхъ поученій и ихъ вліянія на жизнь. Изслѣдователя древняго проповѣдничества эта глава одушевляетъ и вознаграждаетъ за пройденные труды, теоретическія изслѣдованія. Очутившись въ сферѣ жизненныхъ предметовъ, возбуждающихъ чувства, онъ теряетъ спокойный тонъ повѣствователя, проникается ораторскимъ паѳосомъ, вдается въ описаніе и объясненія, и наслаждается своимъ предметомъ. Сами проповѣдники—самоучки сознавали важность нравственныхъ обличеній и въ области этихъ истинъ показали значительную плодовитость мысли, и развязность слова. Нравственно-обличительное проповѣдничество преобладаетъ надъ прочими родами древней практической проповѣди. Въ этой области проповѣдничества самоучки—витіи чувствовали себя довольно сильными знатоками дѣла, проникались патетизмомъ и даже творчествомъ. Здѣсь они менѣе спутаны рабскою подражательностію греческой проповѣди, нежели въ другихъ родахъ проповѣдничества. Имъ помогала доступность нравственныхъ истинъ, пройденныхъ опытно, въ подвигахъ благочестія, и наглядность пороковъ, обыденныхъ явленій жизни. Они говорили съ сердцемъ о недостаткахъ народа, противорѣчившихъ аскетическому идеалу. Ихъ одушевленіе и своеобразность мысли достигаютъ высокой степени въ нѣкоторыхъ поученіяхъ, изображающихъ гибельные пороки: пьянство, лѣность, скупость и т. под. Въ этихъ поученіяхъ самобытность проповѣдниковъ сказывается мѣткимъ словомъ: сатирой, шуткой, поговорками, обрисовывающими печальныя слѣдствія порока. Нѣтъ въ нихъ принужденности, пестроты, текстовъ, прерывающихъ мысль и весьма часто приводимыхъ некстати. Нравственно-обличительное слово достигаетъ высшаго одушевленія въ устахъ прозорливцевъ, обличающихъ пороки мірянъ, семейный деспотизмъ, корыстолюбіе и скупость. Въ этихъ немногихъ поученіяхъ, проникну-

тыхъ русскою мыслію и словомъ, какъ въ зеркалѣ отражаются недостатки древней Руси [1]). Одинъ недостатокъ, свойственный всей древней литературѣ, мѣшаетъ полному одушевленію и убѣдительности нравственно-обличительныхъ поученій. Это—вообще нескладное изложеніе мыслей и запутанность выраженій. Нескладное изложеніе мыслей часто переходитъ въ неряшество и растрепанность, неприличныя каѳедрѣ. Мысли сталкиваются на бумагѣ какъ попало, безъ плана и единства; неправильная рѣчь и туманный слогъ еще болѣе затемняютъ дѣло. Обличенія пороковъ большею частію вставляются въ аскетическія наставленія и размышленія, отрывками, и весьма часто некстати. Языкъ церковно-славянскій, составляющій смѣсь разныхъ древнихъ нарѣчій, необработанный научно, часто поражаетъ своею грубостію и отбиваетъ охоту къ чтенію [2]). Сказанные недостатки нравственно-обличительной проповѣди всего болѣе замѣтны въ одушевленныхъ словахъ, потому что разрываютъ и разбрасываютъ впечатлѣніе предмета, затемняютъ его, и мѣшаютъ силѣ убѣжденія. Но особенно много вредитъ впечатлѣнію и убѣдительности предмета ригористическій тонъ нѣкоторыхъ проповѣдей. Проповѣдники-моралисты мрачно смотрятъ на жизнь, видятъ въ ней одно зло и растлѣніе, безпощадно порицаютъ радости жизни, какъ бѣсовское обольщеніе, и сурово казнятъ пороки. Они не видятъ въ людяхъ ничего добраго и благороднаго, не примѣчаютъ нравственной борьбы и усовершимости, не хвалятъ за подвиги, и едва допускаютъ возможность спа-

[1]) Мы представимъ эти самобытныя поученія сполна, въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Мы выставимъ на видъ, въ своемъ мѣстѣ, наиболѣе шероховатыя фразы, какъ это дѣлали доселѣ.

сенія въ мірѣ. Во всемъ древнемъ проповѣдничествѣ встрѣчаются два, или собственно одинъ случай одобренія слушателей. Серапіонъ однажды похвалилъ—было своихъ слушателей, за ихъ стараніе исправиться; но тотчасъ же сталъ обличать ихъ. Митр. Цамблакъ хвалилъ своихъ слушателей за вниманіе къ его наставленіямъ и охотное исполненіе ихъ. Этотъ суровый взглядъ моралистовъ на жизнь зависѣлъ отъ односторонности и неразвитости ихъ,—незнанія другаго идеала жизни, кромѣ монашескаго. Онъ-то, какъ увидимъ, вызвалъ другую крайность, отрицаніе аскетизма, какъ начала враждебнаго жизни. Этотъ недостатокъ мысли, обличающій раболѣпное подражаніе греческимъ проповѣдямъ, свидѣтельствуетъ объ односторонности нравственно-обличительныхъ поученій, по которой они не выражаютъ сполна нравовъ эпохи, и нерѣдко преувеличиваютъ пороки и недостатки людей.

Виды нравственно-обличительныхъ поученій, и эпохи въ развитіи нравственныхъ недостатковъ народа.

Нравственно-обличительныя поученія имѣютъ предметомъ своимъ страсти и пороки народа, какъ общіе всему человѣчеству, такъ и особенно національные, свойственные древней Руси. Въ характеристикѣ русскаго народа мы ознакомились съ нравственными недостатками его. Недостатки эти: чувственность, свойственная дикарямъ, эгоизмъ и своекорыстіе, проявлявшіяся въ частнѣйшихъ порокахъ, изложенныхъ нами выше. Сообразно съ такими недостатками и нравственно-обличительныя поученія распадаются на три главные вида: а) обличеніе чувственныхъ пороковъ: пьянства, развра-

та и вообще пресыщенія. б) Обличеніе эгоизма и своеволія, выражавшагося въ буйствѣ, забіячествѣ, сквернословіи, семейномъ деспотизмѣ. в) Обличеніе корыстолюбія, выражавшагося въ обманахъ, взяточничествѣ, насиліи, попрошайствѣ и скупости. г) Наконецъ, къ нравственно-обличительному проповѣдничеству должно отнести обличеніе частнѣйшихъ пороковъ и недостатковъ жизни: ропота на Промыслъ, увлеченія монашествомъ, лѣности, неблагодарности, клеветы, недостатка обходительности и т. под.

Эпохи или грани, обозначающія развитіе означенныхъ пороковъ, слабо намѣчены и опредѣлены историческими фактами. При замкнутости и однообразіи древней жизни, волнуемой гражданскими неустройствами и возбужденной аскетизмомъ, трудно подмѣчать нравственные кризисы, быстрые переходы къ добру и усовершимости, которыми знаменуется цивилизованная жизнь. Главные народные страсти и пороки, какъ слѣдствіе одинаковыхъ историческихъ причинъ, остаются господствующими во весь древній періодъ. Такъ, пьянство обличается во весь первый періодъ; и хотя, вслѣдствіе неустройствъ жизни, оно усилилось въ XV—XVI вѣкѣ, но обличенія того времени слабѣе, такъ какъ и самая проповѣдь тогда ослабѣла. Чувственность, особенно развратъ, замѣтно усилился въ XVI вѣкѣ (времени темнаго невѣжества), особенно общенія и сближенія русскихъ съ татарами. И, не смотря на ослабленіе устной проповѣди, обличенія разврата, какъ нетерпимаго беззаконія, усиливаются въ XVI вѣкѣ. Буйство, которое отчасти мы слѣдили въ разсказѣ о языческихъ обрядахъ, забіячество, сквернословіе, семейный деспотизмъ, обличаются во весь періодъ; эти грубые пороки преимущественно

поддерживались войнами и усобицами князей. Обличеніе корыстолюбія, взяточничества, злоупотребленія власти и насилія замѣтно усиливается къ XIV вѣку, въ періодъ высшаго ослабленія общественныхъ связей, подъ вліяніемъ дружиннаго права, междоусобицъ и монгольскаго деспотизма. Частнѣйшіе общественные и семейные пороки обличаются во время зарожденія и обнаруженія ихъ. Такъ напримѣръ, въ XIV вѣкѣ является обличеніе ропщущихъ на Промыслъ. Видно, многіе, не вынося безпорядковъ, разрушенія счастія и поруганія достоинства человѣческаго, роптали на законы и управленіе міра. Около того же времени часто обличаются стремящіеся въ монашество и связанные семействомъ. Время высшаго общественнаго неустройства почти ровно совпадало съ процвѣтаніемъ аскетизма—(XIV—XV вѣкъ). И если однихъ это время ожесточало, то другихъ приводило къ покаянію и пренебреженію міра. Вообще, примѣнительно къ обстоятельствамъ, въ разныя времена обличаются: лѣность, неблагодарность, клевета, недостатокъ обходительности и проч. Наконецъ, есть общія поученія, содержащія всевозможныя нравственныя обличенія и наставленія, даже касательно поведенія за обѣдомъ. Долгъ историка внимательно слѣдить эти характеристическія черты нравовъ, особенно въ богатѣйшей области практическаго проповѣдничества, и выставлять ихъ на видъ. Тщательно подобранныя черты нравовъ, въ нравственно-обличительномъ проповѣдничествѣ, подтвердятъ нашъ взглядъ на аскетическую жизнь древней Руси, опутанную страстями и преступленіями.

а) *Обличеніе чувственныхъ пороковъ: пьянства, пресыщенія и разврата.*

аа) Обличеніе пьянства.

Обличеніе пьянства большею частію излагается въ связи съ обличеніемъ другихъ пороковъ, не только чувственныхъ: пресыщенія, разврата, но и духовныхъ: лѣности, корыстолюбія, зависти, клеветы и проч. И въ словахъ отвлеченнаго содержанія нерѣдко встрѣчаются краткія замѣтки о пьянствѣ. Мы обращаемъ вниманіе на такія слова, въ которыхъ, съ одной стороны, содержатся довольно значительныя размышленія о пьянствѣ, а съ другой стороны—хронологическія указанія, проливающія свѣтъ на нравы эпохи. Вообще же изъ нравственно-обличительныхъ поученій большая часть направлена противъ пьянства, и лучшія изъ нихъ, написанныя въ чисто практическомъ тонѣ, дошли до насъ въ большомъ количествѣ списковъ. Это доказываетъ укорененность пьянства въ древней Руси и огромную пользу обличительныхъ поученій. Что касается характера обличеній, свойства и достоинства доводовъ, направленныхъ противъ пьянства: то они большею частію, отличаются односторонностію взгляда и однообразіемъ содержанія, какъ и всѣ почти обличенія древнихъ проповѣдниковъ. И хотя въ изображеніи пьянства, сдѣлавшагося національнымъ порокомъ, (по извѣстнымъ причинамъ) всего легче могъ сказаться талантъ обличителей, но подражательность грекамъ и незнаніе положительныхъ наукъ заставили ихъ держаться общихъ, рутинныхъ пріемовъ. Большею частію проповѣдники осуждаютъ пьянство съ богословской точки зрѣнія, порицаютъ его наравнѣ съ

прочими грѣхами, грозятъ гнѣвомъ божіимъ, временными и вѣчными казнями. Рѣдкіе изъ нихъ, болѣе смышленные, касаются безобразія порока и вредныхъ слѣдствій его, по крайней мѣрѣ очевидныхъ,—потери здоровья, состоянія и чести; иные даже дозволяютъ пить вино въ мѣру. Коротко сказать: хотя проповѣдники высказались довольно сильно въ обличеніи пьянства, но и въ этой богатой области проповѣди, они болѣе прибѣгали къ извѣстнымъ доводамъ богословскимъ, мало убѣждающимъ, нежели къ анализу порока и его слѣдствій, могущему пробудить совѣсть и сознаніе грѣшника. Оттого, при всемъ богатствѣ обличеній пьянства, оно не искоренилось въ теченіе 700 лѣтъ, а въ XIV—XV вѣкѣ, времени общественныхъ нестроеній, невѣжества и суевѣрія, еще болѣе усилилось. По причинѣ нѣкоторой близости древнихъ вѣковъ къ нашему вѣку сила укорененнаго пьянства сказывается въ народѣ доселѣ. Въ этомъ отдѣлѣ обличительной проповѣди встрѣчается характерная черта предковъ, вполнѣ выражающая ихъ противоположныя стремленія, аскетическія и чувственныя. Напримѣръ, начиная всякое дѣло молитвою, они освящали каждый стаканъ вина пѣніемъ тропаря, чтобы побольше выпить и не подвергнуться за это осужденію. Впрочемъ, этотъ обычай существовалъ въ глубокой древности, и кажется перешолъ къ намъ изъ Болгаріи. Здѣсь же встрѣчаемъ и другую черту, выражающую аскетическій нравъ предковъ. Вмѣстѣ съ питіемъ они освящали и пищу молитвою, богомысліемъ и молчаніемъ. По внушенію аскетовъ-проповѣдниковъ этотъ монастырскій обычай глубоко укоренился въ народѣ. Народъ доселѣ смотритъ на обѣдъ, какъ на священный обрядъ. Въ домахъ благочестивыхъ людей, какъ и въ монастыряхъ, считается неприличнымъ

и грѣховнымъ говорить за обѣдомъ, особенно громко и много. Вообще, на Руси принятіе пищи, въ началѣ и концѣ, сопровождается молитвою. Подобный взглядъ относительно пищи выраженъ и въ «Домостроѣ», инструкціи древней жизни русской. «Когда ѣдятъ съ благодареніемъ, молчаніемъ и духовною бесѣдою, тогда невидимо предстоятъ ангелы, записываютъ добрыя дѣла, пища и питіе бываютъ въ сладость». Кстати замѣтить, что гигіена предписываетъ обѣдающимъ иныя условія: говорливость, смѣхъ и веселіе, что и наблюдается въ цивилизованныхъ обществахъ; а въ домахъ царей и вельможъ для этой цѣли издавна употреблялись шуты, музыка и разныя забавы. Серіозность, сосредоточенность мысли и заботы мѣшаютъ питанію.

Въ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ есть много поученій съ общими заглавіями: «о христіанскомъ житіи», «какъ жить христіанамъ?» «о постахъ», и проч. Эти поученія или прямо обличаютъ пьянство, или косвенно трактуютъ о немъ. Кромѣ того, въ древнемъ проповѣдничествѣ находимъ много поученій, которыя свидѣтельствуютъ объ усердіи проповѣдниковъ, часто предлагавшихъ наставленія, между прочимъ, о пьянствѣ. Такъ, въ 42 словѣ Изумруда, приписанномъ св. Аѳанасію, а въ другихъ спискахъ Златоусту, сказано: «возлюбленные друзья и братія! Я всегда отдаю свой долгъ, часто учу, надѣюсь усѣкнуть пьянство (пьянственное устремленіе)». Въ 67 словѣ Изумруда, приписанномъ Златоусту, сказано: «любимые! я часто предлагаю (творю) ученіе, надѣясь возбранить пьянство». Въ 29 словѣ Златоустника, направленномъ противъ скупости и пьянства, сказано: «братіе мои! я часто говорилъ вамъ», и проч.

Изъ поученій, преимущественно обличающихъ пьянство, кромѣ исчисленныхъ нами, извѣстны слѣдующія: четыре слова, помѣщенныя въ Златой Цѣпи: слово о постахъ, великомъ, петровѣ и филипповѣ (объ успенскомъ еще не было слуху). Слово о постѣ, приписанное Василію вел., обличаетъ обычай пѣть тропари при употребленіи вина. Слово св. отецъ о пьянствѣ. Слово о подвигѣ душевномъ и о пьянствѣ. Въ Изумрудѣ: слово св. отецъ 13-е о пьянствѣ.—149, посланіе нѣкоего отца къ духовному сыну, убѣждаетъ оставить пьянство въ наступающій постъ. Слова изъ сборниковъ, разсмотрѣнныя въ Православномъ Собесѣдникѣ [1]). — О недѣли Іакова брата Господня (празднованіи воскресенія); въ Златоустникѣ тоже слово составляютъ 82 и 83 слова. Слово о славѣ міра и о пьянствѣ, Златоуста. Поученіе ко всѣмъ христіанамъ, еже не упиватися. Слово св. Антіоха о пьянствѣ, сходное съ предыдущимъ. Поученіе о пьянствѣ, изъ Маргарита. Поученіе св. отецъ о праздникахъ Господнихъ (празднованіи духовномъ). Слово І. Златоуста поучительно. Его же, подобное, о крѣпости и разумѣ. Слово І. Златоуста о невстающихъ на утреню. (1 часть о лѣности, 2—о пьянствѣ). Всѣ эти поученія принадлежатъ глубокой древности, и помѣщены въ сборникахъ XIV—XVI вѣка. Въ XVII вѣкѣ напечатаны: слово о многопотопномъ пьянствѣ (іеромон.) Антонія Подольскаго, и слово о пьяницахъ (архимандр.) Гавріила Домецкаго. Кромѣ поименованныхъ проповѣдниковъ, о пьянствѣ писали: Ѳеодосій печерскій, Сераіонъ, Павелъ высокій и другіе. Всѣ исчисленныя нами слова отличаются сходствомъ содержанія, общими мыслями, и съ разными дополненіями и измѣненіями повторяютъ другъ

[1]) Прав. собес. 1862 г. I, 263—398.

друга. Въ нихъ доказывается вредъ пьянства душевный и тѣлесный, необходимость воздержанія, поста, молитвы, покаянія, строгаго или «остраго» житія христіанскаго. Вообще, какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи, слова эти запечатлѣны подражательностію греческому проповѣдничеству; а слова позднѣйшія проникнуты византійскою напыщенностію и широковѣщательностью. Образцомъ византійской напыщенности служитъ приведенное нами слово «о многопотопномъ пьянствѣ», изложенное безпорядочно, на 22 страницахъ. Въ немъ пьянство опредѣляется 63-мя синонимами, въ такомъ родѣ: «оно есть безчинію стѣна, тщеславію крыло, гордости облакъ, дерзновенію огнь, напастямъ источникъ» и т. д. Новое направленіе мыслей видимъ въ приведенномъ словѣ «о пьяницахъ», Домецкаго. Въ немъ, кромѣ логическаго распредѣленія частей и яснаго изложенія, находимъ жизненныя черты и чисто практическіе доводы. «Размыслимъ еще, говоритъ проповѣдникъ, что вредитъ не только душѣ, но и тѣлу причиняетъ великія болѣзни, какъ то: подагры, и многія болѣзни ногъ, внутреннія—безчисленныя головныя, кашли, огневицы, падучія и сухотныя, поврежденіе ума и проч. Извѣстно, что отъ пьянства погибаетъ людей болѣе, нежели отъ меча!.. Кромѣ иныхъ бѣдъ, отъ пьянства множество (людей) тонетъ, ломаетъ (члены), и различными (родами) злой смерти исходитъ отъ сего вѣка».

Чисто практическимъ содержаніемъ отличается поученіе Ѳеодосія печерскаго объ умѣренности за столомъ; оно изображаетъ любопытныя черты древнихъ нравовъ. Это поученіе содержится въ разныхъ сборникахъ, и въ одномъ изъ нихъ приписано св. Панкратію. Въ поученіи, во первыхъ, предлагаются наставленія, какъ должно вести себя за обѣдомъ. «Обѣдать надобно скромно, не говорить лишняго и пустого, чтобы не отогнать присутствующихъ ангеловъ. Во вторыхъ, за обѣдомъ не пѣть тропарей болѣе трехъ, во славу Христа, Богородицы и государя». Затѣмъ, для вящшаго убѣжденія, проповѣдникъ выставляетъ на видъ безобразіе пьянства, взятое съ примѣровъ тогдашней жизни. «Кто много пьетъ, съ тропарями, не въ силахъ (будучи) идти, ползаетъ на колѣнахъ. Иные валяются въ калу, и блюя, чуть не издохнутъ. (Они) служатъ (для всѣхъ) посмѣшищемъ и поруганіемъ» [1]). Лучшія практическія слова о пьянствѣ относятся къ XIV вѣку. Таково «слово старца о пьянствѣ». «Какую муку примемъ, живя во льготѣ, лѣнясь къ церкви, и пропивая вечерню, заутреню и часъ молитвы! Что дѣлаешь, человѣче, скаредно живя, любя нравы язычниковъ! Забавляешься питьемъ, ничего не дѣлая, на пользу душѣ и тѣлу. Пьянство многіе хвалятъ: то не пьяница, коли ляжетъ спать; а то пьяница, когда толчется, бьетъ, ссорится. Я хочу указать, что и кроткій согрѣшаетъ, хотя бы и легъ спать, напившись. Къ чему его прировнять? Назову ли скотиной? но и того хуже! звѣремъ? но и того неразумнѣе. Осквернившись много разъ, смердитъ, валяется какъ болванъ и мертвецъ! Пусть же умолкнетъ говорящій: хоть упьюсь,— не сдѣлаю лиха. Видишь, сколько ты дѣлаешь лиха, пропивая праздники!» [2]).

Образцомъ практическаго слова, проникнутаго самобытностію мысли и изображеніемъ древнихъ нравовъ, служитъ слово Кирилла философа о высокоумномъ хмѣлѣ и худоумныхъ пьяницахъ. Въ словѣ Кирилла хмѣль

[1]) Прав. Собес. 1858 г. окт.
[2]) Рус. Вѣст. 1856 г. № 13.

олицетворенъ, на основаніи суевѣрнаго преданія, что онъ сотворенъ бѣсомъ. Это прекрасное слово было списано безчисленное множество разъ и имѣло въ древности огромный успѣхъ. Приводимъ его въ сокращеніи. «Благослови отче!.. Такъ говоритъ хмѣль ко всякому человѣку, священникамъ, монахамъ, діаконамъ, князьямъ, боярамъ, слугамъ боярскимъ, купцамъ, богатымъ, убогимъ, нищимъ, монахинямъ, женамъ большимъ и меньшимъ, и всякой женѣ.—Не дружитесь вы со мною, и добро вамъ будетъ! Я силенъ въ корнѣ, великъ и многоплоденъ въ племени; мать моя Богомъ сотворена. Ноги у меня тонкіе, утроба не объядливая; руки мои обдержатъ всю землю; голову имѣю высокомѣрную, умомъ неровенъ никому. А кто дружится со мною, держится меня, и напивается до пьяна, тому—бѣда! Я его доспѣю блуднымъ, Богу не молебнымъ, ночію безсоннымъ. Когда встанетъ отъ сна, я положу ему на сердце стенанье, печаль, великую кручину и истязанье. Съ похмѣлья голова его болитъ, глаза не видятъ свѣта, ничто доброе не йдетъ ему на умъ, не хочетъ ѣсть, хочетъ пить. Выпивъ одну чашу, хочетъ другую и третью, потомъ выпиваетъ много, и такъ напивается во всѣ дни. Я раздую въ немъ тѣлесныя страсти, ввергну его въ погибель. Сдружится со мною князь, я сдѣлаю его несмысленнымъ; будетъ онъ пить всю ночь, спать до полудня. Нѣтъ людямъ управы, бояре обираютъ, обижаютъ вдовицъ и сиротъ; а тѣ плачутъ, да вздыхаютъ на князя. Увидѣвъ такого князя, люди разбѣгутся и лишатъ—княженія. Сдружится со мною священникъ, я доспѣю его не молебнымъ, людямъ ненавистнымъ, и лишонъ будетъ своего сана. Начнетъ дружиться со мною жена, какова бы ни была, я доспѣю ее блудну, немолебну,

роду и племени ненавистну. Станетъ пить меня купецъ, — и начнетъ ходить въ рубищѣ. Станетъ пить меня слуга, доспѣю его князю нелюбезнымъ и двора княжескаго лишу [1])».

Неудовлетворительность изложеннаго проповѣдничества въ приложеніи къ жизни дѣйствительной.

Проповѣдничество, обличающее пьянство, при своей относительной плодовитости, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ жизни. Эта неудовлетворительность бросается въ глаза въ томъ отношеніи, что пьянство есть коренной порокъ народа, и подрывая его состояніе, наноситъ существенный вредъ государству. И если гдѣ, то преимущественно въ этомъ отдѣлѣ практическое проповѣдничество должно выдерживать свой характеръ, должно преимущественно изслѣдовать причины и слѣдствія порока, для ограниченія общаго зла. Между тѣмъ и проповѣдничество, обличающее пьянство, какъ мы видѣли, въ извѣстной степени страждетъ тѣмъ же недостаткомъ, какимъ—и прочіе отдѣлы практической проповѣди. Покрайней мѣрѣ, это должно сказать о большей части поученій, направленныхъ противъ пьянства. Недостатки эти: наслѣдованные отъ греческихъ проповѣдниковъ, отвлеченность содержанія, аскетизмъ, преобладаніе вѣроученія надъ жизнію, общихъ истинъ и извѣстныхъ положеній надъ частными вопросами времени и обсужденіемъ ихъ. Послѣднія истины, практическія, излагаемыя подъ руководствомъ вѣры, болѣе убѣдительны и надежны къ исправленію пороковъ вообще и въ частности пьянства; но за то онѣ требуютъ развито-

[1]) Злат. цѣпь. Пам. стар. лит. 1, 447.

сти ума, вникания въ предметъ, знания дѣла, господства самостоятельной мысли надъ заучонымъ нравоученіемъ. Въ поясненіе данныхъ положеній можно взять современный бытъ народа, немногимъ отличный отъ древняго, и извѣстную наклонность къ пьянству. Успѣшное назиданіе преданныхъ пьянству будетъ состоять не столько въ нравоученіи и обличеніи, сколько въ разумномъ взглядѣ на дѣло, въ выясненіи причинъ и слѣдствій порока, и указаніи средствъ къ исправленію его. Въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды воспрещать вино и веселіе, вознаграждающія за труды и лишенія; а тѣмъ болѣе — обременять трудовую жизнь аскетическими правилами. Полезнѣе будетъ выяснить вредный обычай, освященный суевѣріемъ, торжествовать всякое событіе, выходящее изъ ряду, виномъ. Праздники, крестины, именины, свадьба, похороны, сходки и совѣщанія, удачи и невзгоды жизни всегда сопровождаются пьянствомъ. При чемъ, неразвитость народа, недостатокъ знанія и самообладанія дѣлаютъ его жертвою увлеченій, расточительности, траты времени и силъ, несостоятельности, влекущихъ за собою разстройство государства. Надобно указать народу средства къ самовозвышенію, развитію не только физическихъ, но и духовныхъ силъ, къ заведенію обществъ грамотности и т. под. Надобно руководить самыя общества къ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ они увлекаются фантазіями и расточаютъ свои средства на отвлеченныя филантропическія цѣли. Дѣло всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника, не полагаться на одно правительство, и помочь народу выбиться изъ подъ гнета страстей, въ видахъ общаго блага. «Человѣкъ, говорятъ, крѣпокъ помощію». И если это не сдѣлали древніе проповѣдники, по недостатку

знанія: то опытъ ихъ да послужитъ урокомъ нынѣшнимъ пастырямъ, болѣе способнымъ къ облагороженію народныхъ нравовъ и ослабленію пьянства.

бб) Обличеніе пресыщенія (неумѣренности въ пищѣ).

Въ характеристикѣ народа мы читали строгій приговоръ исторіи о недостаткахъ его, изъ коихъ главнымъ признано пьянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскіе обвиняются и въ другомъ порокѣ, сродномъ пьянству,—невоздержаніи въ пищѣ. «Впали мы въ объяденіе, говоритъ Палицынъ, въ великое пьянство, блудъ, лихвы, неправды и всякія злыя дѣла». «Не стану говорить о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о развратѣ и плутовствѣ (русскихъ). Все это, подобно наводненію, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ». Это—слова Буссова. Можно бы и еще привести нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ. Не смотря на рѣзкія обвиненія русскихъ въ чувственности и пресыщеніи, мы почти не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ обличеній этого недостатка. Въ русскихъ проповѣдяхъ изрѣдка упоминается о неумѣренности въ пищѣ, и то по поводу разсужденій о пьянствѣ. Это объясняется, съ одной стороны, аскетическимъ направленіемъ проповѣди, развивающей подробно ученіе о постѣ; а съ другой стороны—подражаніемъ греческому проповѣдничеству, въ которомъ почти не находимъ изображеній пресыщенія и его слѣдствій. Въ греческомъ изъяснительномъ проповѣдничествѣ есть перифразы словъ писанія: «смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пьянствомъ» (Лк. 21, 34); или: «беззаконіе Содома, гордость въ объяденіи хлѣбомъ и въ изобиліи вина» (Іезек. 16, 47). Поэтому и въ русскомъ проповѣдничествѣ встрѣчаются краткія замѣтки о невоз-

держаніи, въ видѣ перифраза текстовъ, трактующихъ о пьянствѣ и пресыщеніи. Иногда же о пресыщеніи говорится въ связи съ другими пороками, напр. обманомъ и корыстолюбіемъ, къ которымъ оно располагаетъ. Образецъ такого обличенія находимъ въ «словѣ св. отецъ, какъ жить христіанамъ. Относительно питія и пищи апостолъ говоритъ: когда ѣдите и пьете, все дѣлайте въ славу божію. И св. отцы не запретили намъ пить и ѣсть въ законное время; они запретили объяденіе и пьянство. Да и то разсудите: когда человѣкъ что нибудь подымаетъ черезъ силу, больно вредитъ себѣ. Подобно тому лишнее яденіе и питіе—тѣлу немощь, а душѣ пагуба. Воздерживайтесь ранняго питія и яденія» [1]). Мысли этого слова встрѣчаются въ позднѣйшихъ словахъ, обличающихъ пьянство, напр. въ «поученіи ко всѣмъ христіанамъ, еже не упиватися» [2]), весьма распространенномъ въ древности; въ «поученіи св. отецъ о хмѣлѣ» и проч. Подобныя поученія, распространенныя въ сборникахъ XIV—XVII вѣка, до нѣкоторой степени удовлетворяли слушателямъ, въ періодъ ослабленія устной проповѣди и умноженія пороковъ, хотя не могли замѣнить живаго слова, по причинѣ своей малодоступности и дороговизны рукописей. Вліяніе сборниковъ XIV—XVII в. отразилось въ словахъ позднѣйшихъ проповѣдниковъ, увѣковѣчившихъ свои произведенія печатью. Въ словѣ о пьяницахъ Домецкаго обличается чревоугодіе и пьянство въ духѣ древнихъ проповѣдниковъ. «Нынѣ, говоритъ проповѣдникъ, безмѣрное число понуряется въ одеждахъ, снѣдяхъ и питіяхъ; на нихъ

[1]) Изумр. Солов. № 270.
[2]) Изумр. № 270, 271, 272.

вопіютъ всѣ законы... Богъ сотворилъ тебѣ чрево и горло малѣйшее, чтобы болѣе заботиться о душѣ, нежели о чревѣ. Стыдись же, ибо вдвое и втрое объѣдаешься и упиваешься болѣе скота... Моли Бога, чтобы даровалъ тебѣ мѣру въ яденіи и питіи, чтобы ты возлюбилъ постъ и остроту христіанскаго житія, распиная плоть съ ея желаніями». Подобныя мысли встрѣчаемъ и въ словѣ о многопотопномъ пьянствѣ. «Хочешь ли имѣть крѣпкій разумъ? воздержись хотя мало отъ брашенъ и питія. Возлюби руководителя въ горняя—постъ и воздержаніе... Если же безъ вина не сладка тебѣ пища, то постись до вечера, весь день. Всякая сладость временная отгоняется горестію, радость покрывается печалію, и только время напрасно тратится».

вв) **Обличеніе разврата.**

Пьянство и пресыщеніе возбуждаютъ страсти и ведутъ къ разврату. И мы видѣли въ характеристикѣ народа подтвержденіе этой истины. Упрекнувъ русскій народъ въ пьянствѣ и пресыщеніи, исторія съ большею строгостію обвиняетъ его въ развратѣ, хотя не считаетъ разврата господствующимъ и постояннымъ порокомъ его. Развратъ русскихъ обнаруживался въ многоженствѣ, нарушеніи брачной связи и противоестественныхъ порокахъ. «Русскіе, говоритъ исторія, удивляли иностранцевъ отсутствіемъ стыдливости и противоестественнымъ порокомъ, который у нихъ признается шуткою» [1]). Мно-

[1]) Олеарій: «nous avons vu a Moscou des hommes et des femmes sortir des etuoes publiques tout nuds, des 'approcher de notre jeunesse, et exciter leur passion par des mots sales et lascifs. Ils sont parresseux et abandonnes a la luxure». 214. Котошихинъ порицаетъ нравы женщинъ XVII вѣка.

гоженство и нарушеніе брачныхъ связей проистекали главнымъ образомъ изъ языческихъ обычаевъ. Что же касается противоестественнаго порока, то распространеніе его во всѣхъ сословіяхъ, преимущественно въ войскѣ, началось въ темномъ XVI вѣкѣ, особенно со времени сближенія съ татарами. Обличая пьянство и пресыщеніе, проповѣдники не опускали изъ виду и разврата, предмета щекотливаго, о которомъ говорили не обинуясь, называя порокъ его собственнымъ именемъ. И такъ какъ плотскіе пороки окончательно унижали нравственность и разрушали аскетическій идеалъ жизни: то и проповѣдники съ особенною ревностію возставали противъ этихъ пороковъ. При всей ревности своей къ исправленію народа, проповѣдники не могли стать на надлежащую точку зрѣнія или обличенія плотскихъ пороковъ, и потому не оказали замѣтнаго успѣха въ исправленіи нравовъ. Въ обличеніи плотскихъ пороковъ всего необходимѣе физіологическіе доводы, раскрывающіе опасныя слѣдствія ихъ; но такихъ доводовъ проповѣдники не могли заимствовать изъ греческаго отвлеченнаго проповѣдничества, ни изъ наукъ, недоступныхъ имъ. Поэтому, въ самой богатой области обличенія односторонность нравоучителей всего болѣе замѣтна. Проповѣдники обличаютъ развратъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, съ богословской точки зрѣнія, и преимущественно со стороны нарушенія таинства брака. Отвлеченность и малоприложимость доводовъ ихъ становится здѣсь осязательною, особенно по отношенію къ грубой толпѣ; оттого и плоды наставленій и обличеній проповѣдническихъ едва замѣтны. О вредѣ плотскихъ пороковъ, какъ увидимъ, часто проповѣдывалъ митр. Даніилъ, и то, впрочемъ, въ общихъ чертахъ; все же обличенія

его болѣе убѣдительны и назидательны, нежели обличенія прочихъ проповѣдниковъ. Примѣнительно къ развитію разврата и обнаруженію плотскихъ пороковъ въ древности, и въ обличительномъ проповѣдничествѣ можно различать особыя направленія, или періоды. Съ XI до XVI вѣка проповѣдничество главнымъ образомъ обличаетъ нарушеніе брака, несоблюденіе условій его, многоженство, похищеніе невѣстъ и чужихъ женъ, особенно сильными людьми. При семъ, въ видахъ исправленія нравовъ и утвержденія цѣломудрія, предлагаются наставленія и правила брачнымъ лицамъ, вдовцамъ и вдовицамъ. Обличительное проповѣдничество упоминаетъ и о противоестественномъ порокѣ, но рѣдко, и ставитъ его въ зависимость отъ пьянства. Видно, что гнусный порокъ, наслѣдованный отъ язычества, еще не былъ всеобщею заразою, не распространился во всѣхъ сословіяхъ. Съ XVI вѣка, и особенно со времени завоеванія Казани, проповѣдничество сильно обличаетъ противоестественный порокъ, уже распространенный во всѣхъ сословіяхъ, и особенно въ войскѣ. Не смотря на упадокъ проповѣди въ то время, великость зла и общаго растлѣнія нравовъ вызвала ревностныхъ обличителей порока. Какъ добрые врачи, они старались, какъ умѣли, помочь нравственному недугу: призывали народъ къ покаянію, грозили гнѣвомъ божіимъ, указывали на примѣръ Ниневіи и Содома, заклинали властителей пресѣчь великое зло, даже посылали въ войско святую воду, для очищенія грѣшниковъ. При обличеніи разврата проповѣдники касаются и другихъ пороковъ, сродныхъ съ нимъ, особенно щегольства, роскоши, расточительности, отчасти лихоимства и грабительства. Обличеніе разврата, въ связи съ исчисленными пороками, усиливает-

ся во второмъ періодѣ, когда съ возвышеніемъ царской власти умножились удобства жизни и поводы къ соблазнамъ. Подобныя обличенія особенно развились въ южной Россіи, гдѣ польское владычество оказало растлѣвающее вліяніе на нравы.

Обличеніе разврата, въ смыслѣ нарушенія условій брака, съ XI до XVI вѣка.

Поученій, направленныхъ противъ блуда, въ этомъ періодѣ написано очень мало, да и тѣ составляютъ смѣсь разнородныхъ истинъ. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ ничтожную долю наставленій, неудовлетворявшихъ нравственнымъ нуждамъ народа (на огромномъ пространствѣ Россіи), въ теченіе 500 лѣтъ. Болѣе замѣчательныя поученія, по силѣ мысли и назиданія, слѣдующія: 126 и 127 слово Изумруда, о супружествѣ, предлагаетъ правила жизни женатымъ людямъ. 57-е слово св. отецъ—о женитьбѣ и любодѣяніи. Слово вооружается противъ поведенія вельможъ, внушаетъ правила князьямъ и властителямъ, чтобы они не отымали женъ у мужей, и не прилѣплялись къ нимъ. 87-е Златоуста даетъ правила жизни и поведенія вдовицамъ и вдовцамъ. Мысли, относящіяся къ нашему предмету, можно найти и въ 89 словѣ св. Ефрема, о мятежѣ жизни, изображающемъ развращеніе нравовъ. Въ 61-мъ словѣ предлагается сказаніе о блудникѣ, который творилъ милостыню и не оставлялъ блуда [1]). Въ «словѣ Златоуста

[1]) Въ Москвѣ, въ домикѣ Романова хранятся принадлежности боярскаго дома, XVI вѣка, и между прочимъ рукопись или сборникъ назидательныхъ статей для дневнаго чтенія, съ раскрашенными рисунками. Въ этомъ сборникѣ мы читали подобную статью о милостынѣ, спасшей блудника. Сборникъ требуетъ описанія.

о славѣ міра сего и о пьянствѣ» упоминается и о противоестественномъ порокѣ, какъ слѣдствіи пьянства. «Бѣсы, говоритъ слово, понуждаютъ насъ на похоти блудныя, не токмо по естеству, но и чрезъ естество. Егда мы умъ погубляемъ, піюще безъ сытости, приходятъ (бѣсы) яко къ своимъ плѣнникамъ, ового поучаютъ на еваръ, ового разжизаютъ на похоть женскую, иного на бой, а иного на отрочата». Въ «словѣ о мятежи житія сего» [1]) сохранилась любопытная черта слабостей предковъ, свойственная впрочемъ всѣмъ людямъ. Во всѣ времена люди боялись старости, которая, по пословицѣ, «есть бѣда», и по другой—«есть болѣзнь, начало смерти;» и потому старались, какъ и нынѣ стараются, разными хитростями скрыть разрушеніе въ тѣлѣ и опустошеніе на лицѣ, причиняемое годами. Сказавъ, что «мужья блудятъ отъ своихъ женъ», неизвѣстный проповѣдникъ XIII вѣка прибавляетъ: «старые юнятся» [2])... Но особенно сильныя обличенія въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдуетъ ожидать, падаютъ на женскій полъ. Развѣнчиваніе въ цвѣтущемъ здоровьѣ и красотѣ для женщины бываетъ мучительнѣе, нежели для мужчины, и потому она болѣе заботится о прикрасахъ лица, нарядахъ и одеждахъ. Противъ кокетства и раскрашиванія лица направленъ 45 слово Изумруда, о разговаривающихъ въ церкви, приписанное Златоусту. Подражая Златоусту, проповѣдникъ говоритъ въ словѣ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о женахъ. «Жены, собираясь въ церковь, излишне расписываютъ свои лица и красятъ красками, да прельстятъ блудниковъ; вырываютъ брови... Если кто хочетъ совѣщаться о куплѣ,

[1]) Прав. собес. 1862 г. 1,270.
[2]) Прав. Соб. 1858 г. Іюль.

то сходятся въ церковь и ссорятся». За неимѣніемъ достаточнаго количества собственныхъ произведеній въ этомъ родѣ, наши проповѣдники пользовались обличительными словами св. отцовъ. Твореніе св. отца Иннокентія: «о приправахъ лица человѣческаго, иже бѣлыми квасы и червленицами украшающе лица своя» [1]). (Единственное слово приведено нами изъ римскаго проповѣдничества). Это слово занесено въ разные сборники. Какъ бы въ предостереженіе отъ сѣтей женскихъ въ сборники внесены слова: «слово Евагрія о цѣломудріи и воздержаніи отъ женскихъ бесѣдъ, и о зрѣніи на лица ихъ, чревообъяденіи и блудѣ» [2]). Поученіе св. Стефана: «не имѣй дружбы съ женою, да не сгоришь огнемъ ея» [3]). «О иже зрящихъ (паче) на ризы и добрая одѣянія, нежели на добродѣтели» [4]).

Многоженство было особенно въ обычаѣ у инородцевъ, населявшихъ окраины Россіи, и обращавшихся въ христіанство съ XV вѣка. Многоженство, наравнѣ съ прочими пороками инородцевъ, обличали русскіе пастыри граматами и посланіями къ духовенству и народу. Митр. Іона въ граматѣ вятскому духовенству обличалъ его за разрѣшеніе незаконныхъ браковъ—до пятаго, шестого и седмого и повелѣвалъ отлучать такихъ людей отъ Церкви. Въ посланіи къ вятичамъ обличалъ ихъ за незаконное вѣнчаніе четвертымъ и даже десятымъ бракомъ, по невѣжеству священниковъ [5]). Излагая проповѣдническую дѣятельность митр. Іоны, которымъ начинается рядъ рус-

[1]) Сбор. № 334, XVII в.
[2]) Тамъ же л. 582.
[3]) Л. 394.
[4]) Л. 570.
[5]) А. и. I, 408.

скихъ митрополитовъ съ половины XV в., мы должны короче ознакомиться съ характеромъ его поученій, такъ какъ съ сего времени приходитъ въ упадокъ живая проповѣдь. Митр. Іона не получилъ образованія въ школахъ, какимъ отличались митрополиты, присылаемые къ намъ изъ Греціи. Тѣ, хотя держались византійскаго риторства, прикрывавшаго недостатокъ мысли фразами, многорѣчіемъ, «добрословесіемъ», но все же были плодовиты и краснорѣчивы, по своему времени, поддерживали живую проповѣдь, до послѣдняго митрополита Фотія, предшественника Іоны. Получивъ образованіе въ элементарной школѣ, которое не простиралось далѣе «псалтырнаго и налойнаго чтенія, письма и пѣнія», Іона не могъ поддержать живую проповѣдь на той степени развитія, на какой она стояла при его предшественникахъ. Это доказывается самою формою его наставленій, изложенныхъ въ видѣ писемъ или посланій. Въ посланіяхъ митр. Іоны нѣтъ никакого искусства и научнаго пріема, это—простыя наставленія о разныхъ духовныхъ и житейскихъ предметахъ. Хотя по слову лѣтописи митр. Іона «пріялъ пространное слово паче естества, и многихъ спасъ»; но этотъ, какъ и подобные преувеличенные отзывы лѣтописей, надобно понимать въ самомъ общемъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ письменныхъ поученій или словъ митрополита, свидѣтельствующихъ о его проповѣдническомъ талантѣ, до насъ не дошло. Впрочемъ, послѣ митр. Даніила, митр. Іона самый плодовитый дѣятель проповѣдникъ, въ смыслѣ наставленій, изложенныхъ въ видѣ писемъ [1]). Онъ написалъ 35 посланій, въ огражденіе церковныхъ и гражданскихъ порядковъ. Прочіе русскіе митрополиты, за

[1]) А. эк., А. и.; Допол. а. и., перв. томы.

немногими исключеніями, о коихъ сказано прежде, были безгласны въ дѣлѣ проповѣди. Въ примѣръ безискусственности мыслей и простоты изложенія выпишемъ слова митр. Іоны изъ посланія его къ вятичамъ. «Слышу я, дѣти, что у васъ, въ Вяткѣ, творится весьма много дѣлъ, противныхъ и ненавистныхъ Богу, на погибель христіанъ. Многіе христіане живутъ беззаконно съ женами, безъ вѣнчанія, и проч... Молю васъ показать чистое раскаяніе. Молю васъ священники господни всячески осмотрѣться и содрогнуться». Далѣе наставленія о причастіи и проч. Подобнымъ образомъ обличалъ вятское духовенство митр. Геронтій, за допущеніе браковъ въ сватовствѣ, кумовствѣ, до пятаго и седмаго брака [1]). Митр. Симонъ обличалъ пермское духовенство за нерадѣніе о новообращенныхъ и разрѣшеніе браковъ въ родствѣ. Самихъ новообращенныхъ онъ обличалъ особымъ посланіемъ, за то, что у нихъ жена умершаго брата обыкновенно выходила за мужъ за второго и третьяго брата [2]). Подобныя обличенія разсылалъ по своей паствѣ новгород. арх. Макарій. Онъ писалъ въ вотскую пятину и сопредѣльныя области: «въ вашихъ мѣстахъ многіе люди живутъ преступно, съ жонками и дѣвками; а жоны ихъ живутъ съ другими людьми, безъ вѣнчанія и молитвы» [3]). Спустя 13 лѣтъ, арх. Ѳеодосій повторилъ тѣже обличенія. Между прочимъ онъ обвинялъ духовенство не только въ поблажкѣ мірянамъ, но и въ лукавствѣ. Вѣнчая мірянъ четвертымъ и пятымъ бракомъ, священники признавали ихъ второ-и третье брачными; кромѣ того, вѣнчали многихъ въ разводахъ, кумовствѣ и сватовствѣ [4]).

[1]) А. и. 1, 141.
[2]) А. и. 1, 168.
[3]) А. и. 1, № 267.
[4]) А. и. 1, 513.

Арх. ростов. Ѳеодосій тоже обличалъ подвѣдомое духовенство въ разрѣшеніи незаконныхъ браковъ, отъ четвертого до седмого, и далѣе [1]). Не забудемъ, что многіе пастыри исправляли новообращенныхъ устною проповѣдію и руководственными посланіями къ духовенству, каковъ напр. былъ Филоѳей, еписк. пермскій.

Нѣкоторые пастыри, знатоки церков. права, не ограничиваясь обличеніемъ и запрещеніемъ разврата, опредѣляли степени брака, на основаніи правилъ соборовъ, св. отцовъ, и особенно Василія великаго. Правило 80-е Василія говоритъ: «о многобрачіи, далѣе третьяго брака, отцы умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ, совершенно чуждомъ человѣческому роду; посему подвергать таковыхъ епитиміи» [2]). Такъ митр. Фотій въ своихъ посланіяхъ обличалъ двоеженство и троеженство; а въ граматѣ новгородцамъ изложилъ правила законнаго брака. «Третьяго брака да не будетъ. Если кто молодъ, не имѣетъ дѣтей отъ перваго и втораго брака, вступитъ въ третій бракъ, съ великою епитиміей. Да не пріемлетъ причащенія и не входитъ въ церковь пять лѣтъ. Епитимія можетъ быть смягчена при сокрушеніи кающагося, постѣ, молитвѣ, поклонахъ и милостынѣ. Вступающихъ въ четвертый бракъ божественныя правила отлучаютъ отъ Церкви, причастія и всякаго освященія, пока не расторгнутъ сожительства» [3]). Замѣчательны въ этомъ отношеніи три слова митр. Даніила, въ которыхъ онъ доказываетъ непозволительность развода и второго брака послѣ развода, и что уступка въ этомъ отношеніи государственной нуждѣ не можетъ служить примѣромъ и

[1]) А. и. 1, 115.
[2]) М. м. Макар. 31 іюня
[3]) А. арх. экс. I, 461,

поощреніемъ для частныхъ лицъ. Такъ, въ «словѣ о второмъ бракѣ», изображая скоротечность міра, уподобляя сладость его дыму, тѣни и сну, Даніилъ излагаетъ правила соборовъ и св. отцовъ относительно второго, третьяго и четвертаго брака [1]). Въ этихъ словахъ митрополитъ какъбы выразилъ извиненіе предъ своею паствою, по поводу дозволеннаго имъ развода (съ неплодною женою) и второго брака в. к. Василію. Возвышенный великимъ княземъ, онъ взялъ на свою душу его грѣхъ, въ видахъ услуги государству, и въ тоже время взялъ мѣры противъ соблазнительности своего поступка. Что же касается многоженства русскихъ славянъ, то объ немъ, какъ мы видѣли, проповѣдники едва упоминаютъ; равнымъ образомъ не говорятъ объ обычаѣ водить невѣсту и жениха вокругъ дерева, или озера, хотя въ правилахъ соборныхъ объ этомъ упоминается. Такъ, въ дѣяніи владимірскаго собора говорится: «въ предѣлахъ новгород. невѣстъ водятъ къ водѣ; не велимъ тому быть». Надобно думать, что духовенство, имѣвшее въ древности надзоръ за домашнимъ поведеніемъ мірянъ, истребляло подобныя заблужденія, не столько словомъ, сколько властію и полицейскими мѣрами.

Обличеніе разврата, противоестественнаго порока, щегольства и роскоши, съ XVI до XVIII вѣка.

Съ упадкомъ первоначальныхъ школъ и проповѣди устной въ XVI вѣкѣ усилился развратъ и особенно противоестественный порокъ. Грозный объ этомъ свидѣтельствовалъ на стоглавомъ соборѣ. «Въ народѣ особенно усилилось нецѣломудріе». И этотъ порокъ онъ поставилъ въ связи «съ гордостію, завистію и неправдою». Не смотря на прекращеніе живой проповѣди, въ то время нашлись ревностные обличители разврата, строгіе аскеты по жизни. Противъ гнуснаго грѣха первый возвысилъ свой голосъ старецъ Филоѳей, псковской книжникъ. Въ посланіи къ в. к. Василію онъ умоляетъ его искоренить въ православномъ царствѣ горькій плевелъ содомскаго грѣха, и между прочимъ указываетъ на всеобщее распространеніе его. «Богъ сотворилъ сѣмя на чадородіе, мы же даемъ свои сѣмена въ убійство. Сія мерзость умножися нетокмо въ мірскихъ, но и въ прочихъ, о нихъ же помолчу. Како долготерпитъ о насъ милостивый» [1])! Спустя много времени, противъ тяжкаго порока подалъ голосъ другой подвижникъ, Максимъ грекъ. Онъ написалъ «слово на предающихся содомскому грѣху» [2]). Въ словѣ проповѣдникъ показываетъ всю тяжесть гнуснаго грѣха, страшную за него отвѣтственность, и побуждаетъ виновныхъ къ покаянію и исправленію. Къ этому времени должно отнести посланіе къ царю, неизвѣстнаго проповѣдника, объ искорененіи нѣкоторыхъ плотскихъ пороковъ, усилившихся въ Россіи [3]). Наконецъ, противъ гнуснаго порока возсталъ митр. Макарій, который почти не оставилъ намъ поученій, хотя и названъ «велегласнымъ проповѣдникомъ добродѣтелей». Указаніе на господство противоестественнаго порока даже среди дѣтей, Макарій дѣлаетъ въ своей наказной граматѣ, или посланіи, какъ самъ называетъ ее. «Чтобы священники (учители и проч.) наипаче хра-

[1]) Сборн. м. Д. слова: 14, 15 и 16.

[1]) Прав. собес. 1863 г. I, 345.
[2]) Соч. Макс. II, 251.
[3]) Сбор. № 321, л. 308.

нили своихъ учениковъ во всякой чистотѣ, и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія, наипаче же отъ сквернаго грѣха содомскаго и рукоблудія, и отъ всякія нечистоты» [1]). Заповѣдуетъ также «учить и православныхъ христіанъ, чтобъ жили въ чистотѣ». Узнавъ, что въ свіяжскомъ войскѣ усилился развратъ, отъ увлеченія казанскими плѣнниками и плѣнницами, митрополитъ послалъ въ Свіяжскъ поученіе. Онъ внушалъ воеводамъ, войску и жителямъ благодарить Бога, за его милости русскому царству, не прогнѣвлять — развратомъ, за который поражены гнѣвомъ Содомъ и Ниневія. Запрещалъ брить бороды и подстригать усы, въ угоду плѣнникамъ; грозилъ виновнымъ гражданскою казнію и церковнымъ отлученіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ послалъ св. воду для окропленія Свіяжска и жителей его [2]).

Всѣхъ болѣе обличалъ противоестественный порокъ и развратъ вообще, митр. Даніилъ. Онъ распространялся объ этихъ предметахъ нетолько изъ ревности о благѣ паствы, но и потому, что многія лица открывали ему свои нравственные недуги и просили врачевства. Митрополитъ, свѣдущій въ богословіи, наблюдательный и словоохотливый, оставилъ намъ, въ своихъ поученіяхъ, любопытныя изображенія нравовъ и недуговъ своего времени. О противоестественномъ грѣхѣ и нечистыхъ помыслахъ онъ разсуждалъ въ пяти посланіяхъ къ частнымъ лицамъ, имѣющихъ характеръ поученій, и особенно ясно въ посланіи къ духовному брату. Оно озаглавлено такъ: «душевредно совокупляться и бесѣдовать съ женами и женовидными мужами». Въ посланіи проповѣдникъ изображаетъ гибельныя слѣдствія тяжкаго порока и даетъ совѣты, какъ избавиться отъ него. «Вспомни слезы твои, какъ ты плачя, говорилъ мнѣ: «ты долженъ поучать и укрѣплять меня», и открылъ моему недостоинству весь свой недугъ. Нынѣ же пишешь: «я въ скорби великой отъ обдержащей меня болѣзни и горечи сильныхъ страстей, немилосердо воюющихъ на меня». Я говорилъ тебѣ, не только не совокупляться и не бесѣдовать съ женами и юными отроками, но даже не смотрѣть на ихъ лица. А о томъ человѣкѣ я много разъ говорилъ тебѣ, чтобы не совокуплялся, даже не бесѣдовалъ съ нимъ, особенно наединѣ. Отсѣки же этого человѣка, къ которому имѣешь великую любовь. Если закоснишь, страсть возрастетъ. Уразумѣй, въ какомъ унынии и скорби бываетъ человѣкъ, впадающій въ эту напасть, въ какое нисходитъ безнадежіе и отчаяніе! Стыдъ, поношеніе и укоризны онъ долженъ терпѣть отъ людей. Не лучше ли захочетъ умереть, нежели находиться въ поношеніи отъ всѣхъ людей? [1])» Остальныя посланія сходны содержаніемъ съ предыдущимъ, и озаглавлены болѣе или менѣе однообразно: «о цѣломудріи и чистотѣ», «о цѣломудренномъ житіи» и проч. [2]).

Разсуждая о развратѣ вообще, митрополитъ разсматриваетъ его въ связи съ роскошію, щегольствомъ, корыстолюбіемъ и расточительностію; показываетъ слѣдствія разврата: заразительныя болѣзни, ослабленіе тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, раздражительность, уныніе, отчаяніе и позорную смерть; даетъ совѣты удаляться женщинъ и юношей, не говорить съ ними, не

[1]) Прав. собес. 1863 г. I, 203.
[2]) Ник. лѣт. VII, 66. А. И. I, № 159.

[1]) II сборн. 3 посланіе, или слово 10.
[2]) II сборн. слова 11, 12, 13; III сборн. 3 посланіе.

смотрѣть на нихъ; предлагаетъ средства противъ страстей: умѣренность въ пищѣ и питіи, трудъ, занятіе полезными искуствами и ремеслами, молитву, чтеніе псалмовъ и пѣніе. «Умъ твой, говоритъ проповѣдникъ, никогда не долженъ быть праздным». Въ словѣ, внушающемъ не дѣлать зла братіямъ, проповѣдникъ описываетъ роскошь пировъ, какъ бы разжигающихъ страсти. «Вчера и нынѣ стекаются повара, острятъ ножи, накладаютъ дрова, возжигаютъ огонь, наставляютъ котлы, сковороды и горнецы. Они готовятъ пищу къ насыщенію чрева. Сколько тщанія и подвиговъ требуетъ пища и питіе! сколько золота и серебра на это исчезаетъ! Если такое попеченіе имѣешь о брашнахъ и питіяхъ, тѣмъ болѣе должны имѣть великое попеченіе о духовномъ. Тлѣнныя питанія отходятъ въ землю, а брашна духовныя производятъ веселіе, исходатайствуютъ жизнь вѣчную» [1]). Затѣмъ проповѣдникъ внушаетъ каяться въ грѣхахъ, дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ, рыдать, пока имѣемъ время. Въ словѣ, внушающемъ исполнять заповѣди Христовы, проповѣдникъ живыми красками изобразилъ щегольство современниковъ и развратъ. «Великій подвигъ совершаешь, угождая блудницамъ. Перемѣняешь одежды, надѣваешь сапоги весьма червленые и крайне тѣсные, такъ что ногамъ твоимъ приходится терпѣть великую нужду. Волосы нетолько срѣзаешь съ плотію, но щипцами исторгаешь изъ корня. Позавидовавъ женамъ, мужеское лице претворяешь на женское. Или весь хочешь быть женою? Зачѣмъ волосы бороды и ланитъ щиплешь, не стыдишься исторгать ихъ изъ корня, лицо твое много умываешь, натираешь и дѣлаешь ланиты червленными, свѣтлыми? Желая насыщаться блудными сластями, весь умъ непрестанно о (въ) томъ имѣя, истощаешь слугамъ много серебра и золота на сіи блудныя дѣянія. Всегда стремясь къ блудницамъ, ты самъ себя для многихъ сдѣлалъ блудницею» [1]). Въ словѣ, опредѣляющемъ значеніе міра и возбуждающемъ къ нему ненависть (одномъ изъ лучшихъ), проповѣдникъ довершаетъ изображеніе щеголя удивительными чертами, даже для нашего времени. Затѣмъ рѣзко изображаетъ расточительность и корыстолюбіе, неразлучныя съ щегольствомъ. «О юноши! возлюбите чистоту, не уподобляйтесь блуднымъ, которые всегда мудрствуютъ о красотѣ тѣлесной, украшаются болѣе женъ умываніями, хитрыми натираніями, которыхъ умъ всегда плаваетъ въ мечтахъ объ одеждахъ, ожерельяхъ, пуговицахъ, препоясаніи подъ сорочкою, о сапогахъ, о стриженіи головы, повѣшеніи косм, намизаніи ока, киваніи головой, уставленіи перстовъ, выставленіи ногъ»... «Какая же нужда имѣть многое, выше мѣры? Не проторы ли и убытки это приноситъ многимъ? Какая нужда покупать многія вещи, давать имъ сгнивать, погибать отъ огня, быть похищенными отъ воровъ? Какая нужда украшаться во всѣ дни свѣтлыми одеждами, когда другіе въ господскіе дни не имѣютъ обычныхъ одѣяній? Какая нужда носить сапоги шитые шолкомъ? Какая нужда сверхъ мѣры умывать руки, налагать золотые и серебреные перстни? Какой прибытокъ изнурять дни надъ птицами, имѣть множество псовъ, ходить на позорища? Мы имѣемъ сапоги съ серебромъ, золотомъ, бисеромъ, и другія многоцѣнныя одѣянія; и подъ сорочкою нѣкоторые стараются имѣть дорогое препоясаніе,

[1]) 1 Сборн. слово 10.

[1]) 1 Сборн. слово 12.

отдѣланное золотомъ и серебромъ. Ради этого мы ищемъ многихъ доходовъ; если чего не достаетъ тебѣ, такъ какъ по безумію имѣешь многіе расходы: ты крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничаешь, занимаешь, и не имѣя чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, преступаешь клятву, совершаешь безчисленныя злодѣянія [1])». Въ связи съ обличеніемъ разврата проповѣдники не опускали изъ виду и брадобритія, которое признавали грѣхомъ, на основаніи религіозныхъ предубѣжденій. По преданію, наслѣдованному отъ грековъ, предки считали бороду лучшимъ украшеніемъ человѣка и образомъ божіимъ. «Мужу, яко начальнику, говоритъ патр. Адріанъ, Богъ израсти благолѣпіе—браду». Стоглавый соборъ возвелъ это преданіе въ догматъ, назвавъ брадобритіе латинскою ересію и пріобщивъ къ невѣрнымъ брѣющихся. «Аще кто брѣетъ браду и преставися, не достоитъ надъ нимъ служити, сорокоустія пѣти, просфоры и свѣчи въ церковь принести; съ невѣрнымъ да причтется» [2]). Патріархи, руководившіеся въ своихъ указахъ стоглавомъ, усилили этотъ предразсудокъ. Патр. Іовъ, видя начавшееся брадобритіе, при Годуновѣ, изъ

[1]) 1 Сборн. слово 13. Ом. Дан. изв. II отд. ак. н. V, 204. Христ. Чт. 1872 г. окт.

[2]) Въ запрещеніи брадобритія соборъ сослался на апостольскія правила; но въ этихъ правилахъ нѣтъ ничего подобнаго; еще сослался на книгу Левитъ (19, 27) и Числъ (6, 5). «Вы же се творяще (брадобритіе), ради человѣческаго угожденія, ненавидимы будете отъ Бога, создавшаго насъ по образу (своему)». Послѣднія слова находятся и въ книгахъ апостольскихъ постановленій. При всемъ томъ, повелѣніе не брить бороды, изложенное въ книгѣ Левитъ, не было религіознымъ закономъ. Оно направлено противъ языческаго обычая—брить бороду въ знакъ скорби по умершимъ. Въ книгѣ Числъ сказано только: «постризало да не взыдетъ на главу вашу»; притомъ, это правило относилось къ назореямъ, посвящавшимъ свои волосы Богу. Патр. Фотій справедливо замѣтилъ: не должно смѣшивать обрядовъ и мелочей, напр. брадобритія, съ догматами.

подражанія иностранцамъ, скорбѣлъ и «ту недобрую ниву орошалъ слезами». Патр. Іоакимъ признавалъ «брадобритіе великою ересію». «Взирайте, говорилъ одинъ обличитель брадобритія (патріархъ), на икону страшнаго пришествія, и видите праведныя въ десницѣй странѣ, имущія брады; на шуей же стоящіи бесермены и еретики, люторы и поляки, имущія едины усы, яко имутъ кошки и псы, иже творятъ грѣхъ смертный, образъ мужескій тляще» [1]). Независимо отъ религіознаго предубѣжденія, проповѣдники видѣли въ брадобритіи и дѣйствительный поводъ къ грѣху — угожденіе женамъ. «Накладающе бритву на брады свои, женамъ угодіе творяще». Поэтому, между прочимъ, и митр. Макарій, обличая свіяжское войско въ тяжкомъ грѣхѣ, воспрещалъ брадобритіе и подстриганіе усовъ, подъ страхомъ казни и отлученія. Основываясь на этомъ предубѣжденіи духовенства относительно брадобритія, можемъ съ достовѣрностію заключать, что оно подвергалось устнымъ обличеніямъ, по мѣрѣ распространенія въ народѣ. Въ подтвержденіе этого заключенія можно представить фактъ. Воевода Шереметевъ велѣлъ прот. Аввакуму благословить сына своего (бритого). Ревнитель старины, увидавъ «блудоносный образъ, началъ порицать его отъ писанія», и не смотря на многія томленія и побои, не исполнилъ грознаго приказа воеводы.

Въ XVII вѣкѣ, въ пермской области явился обличитель народныхъ нравовъ, священникъ города Орла. Съ смѣлостію, свойственною самоучкѣ, онъ осуждалъ роскошь, расточительность и развратъ высшаго сословія, безпечность и невѣжество священства, какъ причину

[1]) Сборн. граф. Строган.

развращенія нравовъ. Въ обличеніи богачей и священства проповѣдникъ самоучка, какъ увидимъ, подражалъ, нерѣдко дословно, Транквилліону; и потому въ его обличеніяхъ можно предполагать нѣкоторую долю преувеличеній. Обращаясь къ русскому барству, проповѣдникъ говоритъ: «ты день и ночь, съ подобными тебѣ пьяницами и сластолюбцами, проводишь въ увеселеніяхъ, смотришь на сатанинскія зрѣлища скомороховъ, слушаешь шумъ трубъ и гуденіе, бѣсовское служеніе, всѣмъ этимъ наслаждаешься и упиваешься распутствомъ своимъ... Ты сидишь въ высокихъ палатахъ, въ роскошныхъ одеждахъ, а нищіе повержены у воротъ твоихъ, и не даешь имъ разорваннаго рубища. Ты во всегдашнемъ веселіи и ѣшь роскошную пищу, а нищіе умираютъ отъ голода и жажды; даже стыдишься смотрѣть на нихъ. Собаки имѣютъ у тебя закрытыя помѣщенія, лошадей украшаешь золотомъ, а члены Христовы умираютъ съ голода. Безстыднымъ женщинамъ платишь тысячи, ласкателямъ даешь полъимѣнія, а убогому жалѣешь рубля. Какая тебѣ изъ всего этого польза? Ты собралъ много, обогатился всякою неправдою, заставилъ работать свободныхъ людей, проливалъ кровь невинныхъ; у тебя множество слугъ, ласкателей и тунеядцевъ безъ числа; твой домъ наполненъ драгоцѣнными камняли, золотыми вещами, роскошными одеждами, разными припасами и напитками» [1]). Относительно обличенія священства мы ограничимся цитатомъ, такъ какъ оно заимствовано изъ поученія Транквилліона, о которомъ будемъ говорить [2]).

[1]) Поуч. нед. 26 по пятд.
[2]) Поуч. нед. 16 по пятд.

Обличенія Транквилліона.

Чувственные пороки, неразлучные съ корыстолюбіемъ, и суевѣріе, господствовавшее въ сѣверной Руси, еще съ большею силою обнаружились въ южной Руси, подъ владычествомъ Польши. Но и тамъ нашелся обличитель современныхъ пороковъ, рѣзкій не менѣе митр. Даніила, Транквилліонъ. Въ разныхъ мѣстахъ «учительнаго евангелія» онъ часто нападаетъ на недостатки высшаго и низшаго сословій, и на священниковъ, отъ нерадѣнія которыхъ зависѣла распущенность нравовъ. Весьма рѣзкими чертами изображаетъ онъ безнравственность и распущенность высшаго сословія. «Сановитые люди всецѣло преданы стяжанію богатства. Они собираютъ его съ своихъ рабовъ и являются къ нимъ немилосердѣе, лютѣе варваровъ. Не смотрятъ на то, что эти несчастные гибнутъ голодомъ, скудны раздраннаго рубища, и всю жизнь трудятся для нихъ, день и ночь проливаютъ слезы, а за все это воздаютъ имъ злодѣянія, побои, раны, досады, узы и темницы; и что всего хуже, они торгуютъ ими, ихъ женами и дѣтьми, какъ безсловесными животными. Добытое кровавымъ потомъ имѣніе употребляютъ на себя, украшаютъ золотомъ и коврами безсловесныхъ шкапъ (клячь),ословъ и мосекъ; блудницамъ раздаютъ тысячи, ласкателямъ полъимѣнія, а убогому ни пенязя; служители христовы лишены у нихъ необходимаго» [1]). «Въ домахъ ихъ слышны безнравственныя бесѣды, срамныя слова блудныхъ жонъ. Всегда веселятся свѣтло, скачутъ (и) пляшутъ подъ звуки свирѣлей, утѣшаются, объѣдаются и пьянствуютъ. Множество (у нихъ)

[1]) 1, 142 и другія.

тунеядцевъ, готовыхъ на службу сатанинскую, проливаютъ невинную кровь, обижаютъ сироту. Трапеза ихъ пахнетъ лихвою, вино смѣшано съ слезами сиротъ и вдовицъ; подданнымъ воздыханіе и обида» [1]). Не менѣе мрачно проповѣдникъ изображаетъ нравственную забитость и развращенность простого народа. «Простые люди повидимому живутъ отъ праведныхъ трудовъ, но и у нихъ много нечестнаго. Прельстившись желаніемъ имѣть тлѣнное, они отовсюду собираютъ зло, отъ продажи и купли, присоединяютъ неправду къ своимъ неправеднымъ трудамъ» [2]). «Всѣ (они) предаются объяденію и пьянству, поучаются скокамъ и плясанію, пѣть блудныя пѣсни, хулить доброе и лгать. И когда ихъ проклятые отцы и матери видятъ такіе успѣхи своихъ дѣтей, утѣшаются ими и похваляютъ дѣло сатаны. Никогда ничего не дѣлаютъ; ихъ занятіе составляютъ корчемство, пьянство объяденіе, танцы, шумъ свирѣлей и временное веселіе. Такое зло находится нынѣ въ христіанскомъ родѣ, хуже нежели въ поганскомъ» [3]).

XVII вѣкъ въ исторіи сѣверной Россіи ознаменованъ усиленіемъ и возрожденіемъ суевѣрія. Но и въ южной Россіи въ это время усилилось суевѣріе. Къ древнимъ русскимъ повѣрьямъ и предразсудкамъ присоединились новые, заносимые съ запада. При общемъ невѣжествѣ въ народѣ особенно укоренилась вѣра въ знаменіе словъ, встрѣчи, полета птицъ и проч. Обличая нравственные недостатки народа, стоящіе въ связи съ умственными заблужденіями, Транквилліонъ обличалъ и суевѣріе, господствующіе предразсудки. Различіе сновъ онъ объясняетъ естественными причинами. «Кому часто снится вода, то это означаетъ флегму; а если огонь, то холеру, воспаленіе жилъ и желудка; если страхованіе, то упадокъ силъ; если деньги, то обличаетъ сребролюбивое сердце». Бываютъ сны по дѣйствію свыше, когда Богъ открываетъ будущее своимъ угодникамъ и другимъ людямъ. «Такъ, Богъ возвѣстилъ Іосифу, что онъ будетъ царемъ въ Египтѣ; потомъ (возвѣстилъ будущее) Фараону, Навуходоносору, Мардохею, Даніилу, Маккавею, Іосифу обручнику, Богородицѣ, волхвамъ, женѣ Пилата и Павлу». Сказавъ, что вѣра въ сны можетъ подвергнуть насъ обольщенію, проповѣдникъ предостерегаетъ и относительно другаго предразсудка — вѣры во встрѣчу. «Если кого встрѣтитъ слуга Божій, то тотъ ожидаетъ себѣ несчастія, и діяволъ вредитъ ему, возбуждая ненависть къ учителю и руководителю въ царство небесное. А если встрѣтитъ жида, или свирѣльника, то ожидаетъ себѣ счастія, и сатана помогаетъ ему, по вѣрѣ его. О безуміе! кто не посмѣется такому зловѣрію! Поэтому, слово Божіе подъ анаѳемой воспрещаетъ вѣру въ сны, встрѣчи, предсказанія, ворожбу и чары» [1]).

Затѣмъ Транквилліонъ обличаетъ дурное поведеніе священства, какъ причину развращенія нравовъ и заблужденій народа. «Пастыри похищаютъ священный санъ, чрезъ жонъ и сродниковъ, золото и серебро, не для того, чтобы пасти стадо Христово, но чтобы умножить свое золото и питать свое чрево. (Они) только спѣшатъ въ корчмы, а овцы ихъ бѣгутъ на торжища и въ блудилища. Въ корчмахъ они многорѣчивы, шумятъ языкомъ

[1]) I, 96 и другія.
[2]) 1, 260.
[3]) 11, 157.

[1]) 11, 78.

подобно преходящему вѣтрилу, связаны безсиліемъ и плѣнены неразуміемъ. А если кто спроситъ объ обязанностяхъ, то они отвѣчаютъ: для насъ довольно часто читать тропари и кондаки, пѣть ирмосы, восхваляя (Бога) въ простыхъ душахъ» [1]). Онъ грозитъ пастырямъ судомъ Божіимъ. «Пастыри, пребывающіе въ лѣности и пьянствѣ, нерадящіе объ овцахъ, услышите страшный голосъ судіи. Какой отвѣтъ дадите вы, когда Онъ спроситъ объ овцахъ? Скажете: другъ пришелъ ко мнѣ, и я веселился съ нимъ, а твои овцы разошлись по стремнинамъ, по доламъ беззаконія, и тамъ пожраны львами. Или: меня одолѣлъ сонъ, и я погубилъ твой талантъ. Вамъ отвѣтитъ Господь: рабъ лукавый! не слышалъ ли ты пророка: горе востающимъ заутра и гонящимъ пьянство; и другого: бодрствуйте, ибо діяволъ, какъ левъ рыкая, ищетъ кого поглотить. Ты же изгубившій моихъ овецъ почему не убоялся и не бодрствовалъ съ добрыми пастырями? Взыщу кровь моихъ овецъ отъ рукъ вашихъ. Вотъ какой отвѣтъ ожидаетъ тѣхъ, которые сидятъ въ корчмахъ и блудилищахъ, безъ страха Божія, не помышляя о пришествіи Господа» [2]).

б) Обличеніе эгоизма, высокомѣрія и сродныхъ съ нимъ пороковъ.

Характеристика русскаго народа показала связь его внѣшнихъ недостатковъ съ внутренними, чувственныхъ пороковъ съ эгоизмомъ и прочими страстями; такъ что внѣшніе недостатки были отраженіемъ и вывѣскою внутреннихъ. Въ подтвержденіе этой характеристики достаточно привести нѣсколько свидѣтельствъ иностранцевъ. Конрадъ Буссовъ въ своей хроникѣ выразился о русскихъ такъ: «не стану говорить о (ихъ) нестерпимо-глупомъ высокомѣріи и презрѣніи къ ближнимъ, о плутовствѣ и развратѣ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ». Подобное замѣчаніе о русскихъ сдѣлалъ Ульфельдъ: «какъ они горды, видно изъ того, что все, чтобы ни сказали, считаютъ непреложно-вѣрнымъ, не терпятъ противорѣчія, въ разсужденіяхъ безъ всякаго порядка бросаются туда и сюда, необдуманно выбрасываютъ все, что попадетъ (имъ) на мысль, перебиваютъ слова и не удостоиваютъ выслушать другихъ». Польскіе послы говорили: «московскій народъ очень гордъ и завистливъ». Густавъ-Адольфъ: «это гордый народъ». Типомъ эгоистическаго характера, возросшаго на почвѣ общественныхъбезпорядковъ и неустройствъ, былъ Грозный, съ презрѣніемъ попиравшій общественное благо, жизнь, права и честь ближнихъ. Въ обличеніе эгоизма русскихъ и сродныхъ съ нимъ пороковъ, Крижаничъ написалъ сочиненіе о Россіи. Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ неосновательность высокаго мнѣнія о себѣ русскихъ и презрѣнія къ другимъ народамъ, проясняетъ сознаніе народныхъ ихъ недостатковъ. «Главный вредъ для общаго блага зависитъ отъ незнанія самаго себя, отъ излишней любви къ себѣ, когда люди слишкомъ любятъ свои обычаи, считаютъ себя мудрыми, сильными, богатыми, не будучи такими на самомъ дѣлѣ». Затѣмъ Крижаничъ показываетъ пороки, проистекающіе отъ эгоизма: «расплодились въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что русскіе являются предъ другими народами невѣрными, обманчивыми, склонными къ воровству и убійству; неучтивы въ бесѣдѣ, нечистоплотны». Самоуничиженіе и

[1]) II, 130. II, 3. 132.
[2]) I, 890.

загнанность народа, выражаемыя уменьшительными словами въ рѣчи (людишки, сынишко, Васюкъ, Мишка), порождены послѣ, господствомъ бояръ при царяхъ, и крѣпостнымъ правомъ. Въ древности народъ не смѣлъ проходить мимо дома начальника въ шапкѣ, подъѣзжать къ его лѣстницѣ; при встрѣчѣ боярина кланялись до земли, нѣкоторые становились на колѣна; проѣзжающіе вылѣзали изъ экипажей и кланялись до земли. Этотъ унизительный обычай воспрещенъ указомъ Ѳеодора Алексѣевича.

Обличеніе гордости, эгоизма и сродныхъ съ нимъ пороковъ встрѣчаемъ въ поученіяхъ митр. Даніила. Онъ изображаетъ гордость и эгоизмъ русскихъ тѣми же чертами, что и иностранные писатели, только съ большею подробностію. Въ словѣ: «должно подвизаться за истину, стоять за правду», проповѣдникъ сперва жалуется на оскорбленія отъ пасомыхъ. «Пастыри вездѣ и всюду пріемлютъ отъ всѣхъ бѣды и скорби. Когда (пастырь) видитъ нѣкоторыхъ людей, говорящихъ неподобное, дѣлающихъ законопреступное, наставитъ ихъ и воспретитъ непослушнымъ: то многую ненависть воздвигнутъ на него, досаждаютъ, сшиваютъ ложные доносы, клеветы, укоризны, студъ, и еслибы возможно было, то умертвили бы его. Когда же начнетъ учить ихъ: о чада! творите, какъ повелѣваютъ заповѣди; они отвѣчаютъ: прежде себя научи. До чего ты доучишь насъ! Ты самъ по писанію ли хранишь житіе? А сей, а оный? Только на насъ вооружился, а тѣхъ не видишь? а себя забылъ? О, отче, какъ тебѣ не стыдно! Учитель нашъ тщеславится какъ фарисей. Видишь ли, какъ онъ о себѣ думаетъ, гордится! Когда же пастырь строго воспретитъ; они говорятъ: это не поотечески, не попастырски, не учительски; это обычай мучительскій. Если же кто, сѣдя на пастырскомъ сѣдалищѣ, будетъ простъ, тихъ, кротокъ (и) смиренъ, то скажутъ: этотъ человѣкъ простой, келейный, а не властительскій; не его дѣло учить и запрещать» [1]). Въ слѣдующемъ словѣ проповѣдникъ объясняетъ гордость слушателей частнѣйшими чертами. «Всѣхъ людей называешь безумными и грѣшными, только себя являешь всѣмъ разумнымъ и премудрымъ; зломыслишь, ненавидишь, завидуешь, лукавнуешь, осуждаешь, клевещешь, и многое злое совершаешь» [2]).

Обличеніе самоуправства, буйства, забіячества мы прослѣдили въ описаніи языческихъ празднествъ, игръ, обрядовъ, и видѣли крайнюю скудость этого рода поученій. Митр. Петръ и Фотій обличали обычай поля или судебнаго поединка; патр. Іоасафъ—кулачные бои; свят. Тихонъ—буйство и смертный бой, коими сопровождалось празднество Ярилы. Неизвѣстный проповѣдникъ XIII вѣка говоритъ: «иные предѣлъ ради земныхъ (т. е. границъ земли) тяжутся и біются». Скудость этого рода поученій восполнялась, съ глубокой древности, соборными опредѣленіями, которыя нерѣдко писались въ учительномъ духѣ, и въ видѣ граматъ разсылались по эпархіи, въ руководство священству. Такъ, на владимірскомъ соборѣ постановлено: «участвующаго въ богопротивныхъ безчинствахъ отлучать отъ Церкви. Убитые на этихъ празднествахъ (языческихъ) прокляты въ сей и въ будущей жизни. Отъ тѣхъ, кои не перестанутъ посѣщать такія языческія празднества и послѣ предписанія соборнаго, не принимать никакихъ приношеній

---

[1]) I Сбор. слово 2.
[2]) Слово 3.

(въ церковь), ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчей. Если бы кто изъ таковыхъ умеръ, священники не должны отправлять надъ нимъ погребенія и полагать тѣла ихъ около церкви, подъ опасеніемъ отлученія» [1]).

Остается теперь прослѣдить обличеніе сквернословія и ругани, неразлучныхъ съ буйствомъ и забіячествомъ,—качества, которыми всегда отличался русскій народъ. Этими качествами народа поражались не только иностранные писатели, посѣщавшіе Русь, но и пастыри, присылаемые намъ изъ Греціи. Объ нихъ засвидѣтельствовалъ на соборѣ царь Иванъ Грозный. «Христіане лаются всякими укоризненными и непристойными словами». Обличенія сквернословія и ругательства идутъ черезъ весь первый періодъ, хотя не въ значительномъ количествѣ. Поученій, исключительно направленныхъ противъ сквернословія, написано очень мало; большею частію обличенія ссоръ и сквернословія разбросаны въ поученіяхъ разнаго содержанія, и особенно направленныхъ противъ пьянства и игръ. Такъ, въ словѣ о празднованіи воскреснаго дня, обличающемъ пьянство, сказано: «кому ссоры и скаредность, кому судъ и преніе, не пьянымъ ли? Ибо, погубивъ умъ, не знаетъ что дѣлаетъ,—въ малоуміи простираетъ великій языкъ, не стыдится говорить студъ и срамъ; лобызаетъ съ похотію чужихъ жонъ, и чего не желаетъ, не сказалъ бы по (доброй) волѣ, то высказываетъ [2]). «Слово св. отецъ, о пользѣ душевной, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ», направлено противъ сквернословія. «Не подобаетъ братіе православнымъ христіанамъ лаяти матерны» [3]). Это слово

[1]) Опред. влад. Соб. 29 прав. св. апост.
[2]) Прав. Соб. 1862 г. 1,266.
[3]) Сборн. № 327, л. 333.

съ перемѣнами помѣщено въ разныхъ сборникахъ, вплоть до XVIII вѣка. Напр. «поученіе всѣмъ православнымъ христіанамъ. Не подобаетъ православнымъ христіаномъ, братіе, матерны бранитися»; —все направлено противъ ругательствъ [1]). Въ сборникахъ помѣщено сказаніе, въ видѣ слова, о троекратномъ явленіи Божіей Матери, повелѣвающей возвѣстить народу, чтобы не сквернословили [2]). Особенно замѣчателенъ взглядъ митр. Фотія, какъ иностранца, на постыдную склонность русскихъ къ ругательствамъ и сквернословію, взглядъ исполненный непритворнаго удивленія. Предписывая мірянамъ правила относительно брака, митрополитъ внушаетъ священникамъ учить своихъ прихожанъ, чтобы они удерживались отъ ругательствъ и сквернословія. При чемъ онъ замѣчаетъ, что этого зла, сквернословія, развитаго до такой высокой степени, онъ не встрѣчалъ ни въ одномъ христіанскомъ народѣ [3]). Патр. Іоасафъ, обличая недостойное провожденіе праздниковъ, скоморошество и игры, рѣзкими чертами изобразилъ склонность русскихъ къ ругательствамъ. «На праздники владычни, богородичны и святыхъ вся противно творимъ и ругательно, ходяще по улицамъ, безчинствующе, пьянствующе, воспріимше игры и бѣсовскія кощуны; и бываютъ бои кулачные великіе, до смертнаго убійства. И всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, еллинскихъ блядословій и кощунъ. Да еще другъ друга лаютъ позорною бранію, отца и матерь блуднымъ позоромъ, и всякою безстудною, самою позорною нечистотою оскверняютъ свои языки и души [4])».

[1]) Сборн. XVII в. № 334, л. 566.
[2]) № 334, л. 334.
[3]) Дополн. акт. ист. I, № 181. Ак. арх. Экс. I, № 369. 461.
[4]) Прав. Собес. 1865 г. II, 288.

в) *Обличеніе корыстолюбія и сродныхъ съ нимъ пороковъ: зависти, вражды, клеветы, неблагодарности.*

Корыстолюбіе, какъ замѣчено, стоитъ въ связи съ эгоизмомъ, и нерѣдко бываетъ слѣдствіемъ его. Эгоистъ, пренебрегающій ближними, считаетъ всѣ средства къ своему благополучію и обогащенію позволенными. Мы видѣли, какъ много поводовъ было, въ неустроенной Руси, къ развитію корыстолюбія, и какъ всѣ сословія, особенно правительственное, были заражены имъ; а равно, въ какихъ видахъ и преступленіяхъ обнаруживалась эта общая всѣмъ страсть. Даже сословіе монашествующее, представитель аскетизма, несвободно было отъ этой страсти. Въ толпѣ нищихъ и бродягъ встрѣчались не только священники, но и монахи, занимавшіеся попрошайствомъ. Они бродили и по причинѣ недостаточнаго пропитанія въ монастыряхъ, неравномѣрнаго распредѣленія доходовъ между братіей, и расхищенія имущества слугами [1]). Сообразно съ этимъ, и въ древнемъ проповѣдничествѣ находимъ много поученій, направленныхъ противъ корыстолюбія, проявлявшагося въ обманахъ, кражѣ, взяточничествѣ, насиліяхъ и попрошайствѣ. Особенно много поученій направлено противъ судей и властителей, злоупотреблявшихъ своею властію. Обличенія корыстолюбія весьма распространены въ сборникахъ и продолжались во весь первый періодъ. Изъ всего этого видно, что корыстолюбіе, какъ и пьянство, было существеннымъ зломъ древней Руси, и глубоко коренилось на исторической почвѣ государственныхъ неустройствъ. Мы представимъ болѣе замѣчательныя обличенія корыстолюбія, направленныя противъ народа и противъ властителей, отличающіяся нѣкоторою цѣлостностію, избѣгая по возможности отрывочныхъ поученій, смѣшаннаго содержанія. При этомъ должно помнить, что въ обличеніи народнаго корыстолюбія лучшую часть поученій составляютъ обличенія богатыхъ.

[1]) Сборн. № 260, лист. 20.

аа) Обличеніе народнаго корыстолюбія.

Мы видѣли, въ какой сильной степени сословія древней Руси были заражены корыстолюбіемъ, вслѣдствіе притѣсненій и общественныхъ безпорядковъ. Въ довершеніе характеристики среднихъ и особенно торговыхъ сословій должно припомнить свидѣтельство Буссова. «Никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неимовѣрно. Богачи брали проценты больше жидовскихъ и мусульманскихъ. Бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ друга ссужалъ не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и кромѣ того бралъ по четыре процента въ недѣлю; и если закладъ не былъ выкупленъ въ срокъ, то пропадалъ невозвратно». «Впали мы, говоритъ Палицынъ, въ лихвы, неправды и всякія злыя дѣла». Въ поученіяхъ, направленныхъ противъ народнаго корыстолюбія, проповѣдники примѣшиваютъ обличенія зависти, вражды, клеветы, грабежа, убійства, и другихъ страстей, сродныхъ съ нимъ; даютъ наставленія относительно займовъ, процентовъ, милостыни, пощады слугъ и домашнихъ. И всѣ эти жизненные вопросы рѣшаются односторонно, съ библейской, нравственной точки, безъ всякаго пониманія экономическихъ условій и гражданскаго права; все сводится къ аскетизму, самоотверженію и пожертвованію въ пользу ближнихъ. Замѣчательное въ

этомъ родѣ поученіе: «правило св. отецъ о покаяніи (XIV вѣка)». «Отрекись неправеднаго имѣнія; а праведнаго не храни, не щади раздавать убогимъ. Отрекись давать деньги въ лихву, а дай ради Бога. А что пріобрѣлъ лихвою, неправдою, клеветою, мздою, грабежемъ, клятвою, поклепомъ, присвоеніемъ чужого, воровствомъ, разбоемъ, или награбленнымъ въ пожарѣ, все это возврати по принадлежности. Если нѣтъ (владѣтелей), раздай убогимъ сторицею. Краденое отдай десятерицею, награбленное и взятое съ процентовъ—сторицею. Праведнымъ имѣніемъ обогащайся и отъ него давай милостыню убогимъ и обрѣтай милость божію; чти Бога отъ праведныхъ трудовъ твоихъ. А хуже всего прибыль, взятая съ искупающихся отъ рабства; таковые не узрятъ милости божіей. Не помиловавъ равнаго себѣ человѣка, созданнаго Богомъ, не насытившись уреченною цѣною, нетокмо губятъ свои души, но и прилагаютъ горе на горе: приводятъ лжесвидѣтелей, подкупаютъ злыхъ судей многими дарами. Если кто по невѣденію обогатился изгойствомъ (продажею рабовъ), вороти тѣмъ же, и не пойдешь въ муку. Равно, продающій слугу долженъ взять столько, сколько далъ за него; а если лишнее, то хуже того, который беретъ наклады, торгуетъ (прасолитъ) живыми душами, съ которыми станетъ предъ Богомъ на судѣ. Также берущіе изгойство на дѣтяхъ, выкупившихся на свободу (лишнія деньги за выкупъ отъ рабства), продаютъ кровь неповинную; лучше бы имъ не родиться, нежели полѣзти въ непроходимыя муки. И всѣ вѣрные и смысленные, пріобрѣтшіе неправедное имѣніе, если возвратятъ (его) назадъ, избавятся отъ грѣха и сподобятся жизни вѣчной. И ты, сынъ, если держишь неправедное имѣніе, отдай (тому), кого обидѣлъ, и приди

на покаяніе, и Богъ проститъ тебя и спасетъ [1])». Въ словѣ «о казняхъ божіихъ» подробно исчисляются пороки, неразлучные съ корыстолюбіемъ. «Неправда и зависть умножилась въ насъ, злоба превозмогла, величаніе надмило умъ. Звѣри насыщаются и скоты, а мы не можемъ насытиться. Одно доставши, другое собираютъ неправдами, процентами, грабежемъ, воровствомъ, разбоемъ, клеветою, неправеднымъ судомъ» [2]) и проч. Въ этомъ родѣ написаны и слѣдующія поученія въ Изумрудѣ соловецкомъ: слово Златоуста (о хищеніи) л. 56. Правило св. отецъ, направлено противъ пьянства и неправеднаго собиранія имѣній [3]). Поученіе о лихоимствѣ и пьянствѣ [4]). Наставленіе въ видѣ притчи, (направленное) противъ ненасытнаго желанія богатства [5]). «Нѣкоего христолюбца толкованія отъ премудрости»,—направлено противъ желающихъ богатиться и самонадѣянныхъ мудрецовъ [6]). Слово Златоуста о берущихъ много имѣнія, 35-е въ Изумрудѣ (проповѣдникъ сознается, что пользуется Златоустымъ).—66 слово Златоуста,—подобнаго содержанія.

Обличая корыстолюбіе вообще, въ связи съ разными страстями и пороками, проповѣдники направляли свое слово и противъ частныхъ проявленій корыстолюбія, или противъ людей, промышлявшихъ незаконными средствами къ жизни, питавшихся на чужой счетъ. Особенно сильно они обличали ростовщиковъ, лѣнтяевъ, странниковъ, стремившихся безъ призванія въ монастыри, и наконецъ богачей, притѣснявшихъ бѣдныхъ.

[1]) Изв. ак. н. X, 645. Москвит. 1851 г. VI.
[2]) Изумр. соловец. № 270 л. 202.
[3]) Извѣст. акад. VI, 237.
[4]) Рум. № 186.
[5]) Сборн. № 327.
[6]) Златоустн. сл. 19-е.

бб) Обличеніе ростовщиковъ.

Относительно ростовщиковъ находимъ множество наставленій; но эти наставленія разбросаны въ безчисленныхъ поученіяхъ, въ видѣ краткихъ замѣтокъ и совѣтовъ. Митр. Никифоръ въ поученіи о необходимости поста и покаянія говоритъ: «отпусти должникамъ долги; если это не возможно, то по крайней мѣрѣ отпусти большой ростъ, который подобно змѣѣ съѣдаетъ убогихъ. Если ты постишься и берешь съ брата ростъ (проценты), то нѣтъ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а ѣшь мясо,—не мясо овцы, или другихъ животныхъ, но брата твоего, закалая его злымъ ножомъ лихоимства, неправедной корысти, тяжкаго роста». Неизвѣстный проповѣдникъ св. Кириллъ, въ словѣ о постѣ говоритъ о прощеніи обидъ и долговъ. Это слово, современное введенію христіанства въ странѣ, указываетъ на обычай, упоминаемый и въ правилѣ митр. Іоанна. Барышники, купивъ рабовъ изъ язычниковъ и обративъ ихъ въ христіанство, снова продавали язычникамъ, съ выгодою. «Простимъ повинныхъ предъ нами, чтобы Отецъ небесный оставилъ и наши грѣхи; ибо если мы не пощадимъ единовѣрцевъ своихъ, то какую милость получимъ отъ Бога? Я вижу многихъ, бьющихъ дружину свою, изъ за беззаконныхъ накладовъ, пока біемые не продадутся поганымъ (язычникамъ). Окаянный, кого ты вогналъ въ поганство, ради малаго прибытка? Такого же человѣка, и особенно (и притомъ) христіанина. Сынъ Божій пришолъ съ небесъ и пролилъ свою божественную кровь, спасая человѣка; а ты, противясь Богу, убиваешь тѣло и душу человѣка, освященнаго крещеніемъ. Если не отстанете отъ своихъ сатанинскихъ дѣлъ, то

(вы) не достойны войти въ церковь, пока не очиститесь покаяніемъ» [1]). Въ Златоустникѣ 106 слово: «избранно отъ всѣхъ книгъ, еже имѣти всякому христіанину страхъ Божій»; дополненія: «денегъ отнюдь не давай въ ростъ, ибо апостолъ поставляетъ лихоимца (наравнѣ) съ блудниками». Въ Изумрудѣ 126 слово подобнаго содержанія.

вв) Обличеніе лѣнивыхъ.

Мы видѣли, какое множество нищихъ расплодилось въ древней, неустроенной Руси, и въ томъ числѣ обманщиковъ, попрошаекъ, дармоѣдовъ. «Они, подвязавъ руки и ноги, завѣся и зажмуря глаза, будто слѣпые и хромые, просили милостыни». Въ дополненіе къ этому изображенію представимъ частнѣйшія свѣденія о нищихъ и попрошайкахъ. Посошковъ въ свое время насчитывалъ въ Россіи нищихъ до 30,000 [2]). Въ концѣ XVII вѣка ихъ насчитывали въ Москвѣ до 1,000 человѣкъ [3]). Эти нищіе разгуливали по Россіи, грабили, поджигали, бунтовали, лежали въ тѣлежкахъ и на улицахъ, по указанію стоглава; пѣли глупыя и вредныя пѣсни, по регламенту [4]). А что всего хуже: ослѣпляли младенцевъ, ранили ихъ, скорчивали имъ руки и ноги, чтобы тронуть прохожихъ [5]). Этотъ ужасный промыселъ въ большихъ городахъ продолжается донынѣ. Общественная и частная благотворительность не удовлетворяла нуждамъ нищихъ; богадѣльни при церквахъ были бѣдныя и дурно управлялись [6]). Богадѣльни стали умно-

---

[1]) Слово въ I нед. поста.
[2]) Соч. Посош. 105.
[3]) Ист. цар. Ѳеодора, Берха. I, 86.
[4]) Регл. III, п. 12.
[5]) Ист. царст. Ѳеодора, Берха, I. 86.
[6]) Регл. III. п. 12.

жаться къ концу XVII вѣка. Это множество нищихъ, готовыхъ на всякое преступленіе, было настоящимъ зломъ древней Руси, особенно въ несчастные годы. Оно, какъ мы замѣтили, свидѣтельствовало о неустройствахъ государства, и, подобно паразитамъ въ больномъ тѣлѣ, предвѣщало его погибель. Не смотря на великость зла, поддерживаемаго въ государствѣ размноженіемъ нищихъ, проповѣдники не обращали на него должнаго вниманія. Напротивъ, какъ мы сказали и докажемъ, они всего чаще толковали о милостынѣ и вспоможеніи нищимъ. Независимо отъ евангельской заповѣди о благотворительности, проповѣдники видѣли общественныя неустройства, порождавшія нищету, и потому снисходительно смотрѣли на нищихъ и ихъ пороки. При всемъ томъ, умноженіе нищихъ въ государствѣ, дармоѣдство и безсовѣстность многихъ изъ нихъ, поражали мыслящихъ проповѣдниковъ и иногда вызывали ихъ негодованіе и обличеніе. Поэтому, въ древнемъ проповѣдничествѣ находимъ нѣсколько поученій, направленныхъ противъ лѣнивыхъ, «не хотящихъ дѣлать», «чужими трудами кормящихся, аки червей ядущихъ капусту». Лучшее изъ этихъ обличеній, проникнутое творчествомъ русскаго ума и глубокимъ негодованіемъ, есть: «поученіе св. отецъ къ лѣнивымъ и не хотящимъ дѣлать». Оно написано въ сатирическомъ тонѣ, въ видѣ мѣткихъ афоризмовъ и присловій, и потому помѣщено было въ «Пчелѣ».

«Любимые друзья и братіе! не уподобляйтесь лѣнивымъ рабамъ; недолго спите, лежите, рано вставайте, поздо ложитесь, Богу молитесь. Лежа, добра не видать, чести и славы не получить, цвѣтныхъ одеждъ не носить, медоваго питья не пить, сладкаго кушанья не ѣсть... Бѣда по голенямъ его (лѣниваго) бьетъ, долгъ въ ашею толкаетъ, недостатки въ дому сѣдятъ, раны по плечамъ лежатъ. Уныніе на головѣ, смѣхъ на бородѣ; помыслъ на устахъ, оскомина на зубахъ, горечь на языкѣ, печаль въ горлѣ; въ печеняхъ сухота, во чревѣ алкота. Лѣнивый въ дому не господинъ, женѣ не мужъ, дѣтямъ не отецъ, добрыми—не знаемъ; въ деревнѣ жить лѣнится, на посадѣ не годится. Ходя по улицѣ, какъ песъ голодный въ окна глядитъ, и какъ свинья объ углы чешется. Нищета въ пазухѣ у него гнѣздо свила, скорбь по бедрамъ виситъ, тоска и ноги связала. О горе! лѣность привязалась къ нему, какъ милая жена къ мужу своему; часто вздыхаетъ, разстаться не хочетъ. Ему воздаютъ укоры и поношенія и безчестіе, — (все это) какъ снѣгъ на голову летитъ. И начнетъ окаянный чужими трудами кормиться, какъ червь капусту ѣсть» [1]). Показавъ безобразіе лѣности, съ ея нуждами и лишеніями, проповѣдники побуждали лѣнивыхъ къ труду, обогащенію и спасенію. «Поученіе лѣнивымъ, иже не дѣлаютъ, и похвала дѣлателемъ». «Не хотѣлъ я объ этомъ говорить вамъ, но боюсь сказаннаго: возбуждайте спящихъ и побуждайте лѣнивыхъ къ дѣятельности. Дѣлатель подобенъ иноку, ибо отрясши сонъ, идетъ на дѣло, въ зной и зиму собираетъ плоды трудовъ, на спасеніе души; отъ нихъ подаетъ неимущимъ, кормитъ нищихъ. Руки прилежныхъ разбогатѣютъ, а дѣлатель пьяница не можетъ быть богатымъ; ибо лѣность есть мать злымъ. Господь обѣщалъ вѣчную жизнь не лѣнивымъ, спящимъ, лихоимцамъ, пьяницамъ и ворамъ, но тѣмъ, кои ради Бога труждаются своими руками [2])». «И что мо-

[1]) Прав. Собес. 1861 г. III.
[2]) Изумр. солов. л. 86.

жетъ быть полезнѣе, какъ не похищать чужого, безъ лѣности трудиться, и быть довольнымъ отъ своей силы» [1]).

гг) Обличеніе странниковъ и праздношатающихся.

Корыстолюбіе народа извлекало выгоду изъ самой религіи, искусно прикрывалось ея духомъ и предписаніями. Въ Россіи былъ цѣлый классъ людей праздношатающихся, подъ видомъ благочестія и богоугожденія. Это во-первыхъ были бродячіе священники, которые по бѣдности своихъ приходовъ стремились въ большіе города, особенно въ Москву, и нанимались служить въ домовыхъ церквахъ. Въ Москвѣ они особенно толпились у Спасскихъ воротъ (въ Кремлѣ), гдѣ много проходитъ богомольцевъ. Бродячіе попы занимались играми, ругались, дрались и торговались съ прихожанами за совершеніе службы. Напр. они держали калачи въ рукахъ и говорили: «не торгуйся, а то закушу» (рѣчь объ обѣднѣ). Многіе изъ нихъ были безмѣстные, запрещенные, готовые на всякое преступленіе за деньги, вѣнчаніе незаконныхъ браковъ и проч. Въ началѣ XVIII вѣка въ Москвѣ насчитывали бродячихъ поповъ до 150 человѣкъ. Во-вторыхъ, это были монашествующіе обоего пола, бродившіе по монастырямъ, городамъ и селамъ, заводившіе уединенные скиты, собиравшіе на построеніе церквей и проч. Между ними было много бродягъ, преступниковъ, бѣглыхъ, укрывавшихся отъ податей и кары закона. На стоглавомъ соборѣ царь жаловался на попрошайство нищихъ богомольцевъ и разныхъ пустынниковъ. Къ концу XVII вѣка возникло, въ 50 лѣтъ, до 120 скитовъ въ лѣсахъ, кои дѣлались пристанищемъ раскола, дезертирства, тунеядства, незаконнаго постриженія и проч. «Большая часть, говоритъ Прокоповичъ, бѣгутъ въ монастыри отъ податей и лѣности, чтобы даромъ ѣсть хлѣбъ». Въ-третьихъ, это были богомольцы, странствовавшіе по Россіи и на востокъ, не только по обѣтамъ, но и ради свободы, дароваго пропитанія. Живя на чужой счотъ, занимаясь сплетнями и сказками, бражничествомъ и воровствомъ, эти люди были въ тягость обществу и возбуждали негодованіе властей. Уже въ XII вѣкѣ столь многіе стремились въ Грецію, на Аѳонъ, особенно въ Іерусалимъ, что пастыри запрещали подобные обѣты и путешествія. Св. Іоаннъ и Нифонтъ налагали эпитимію на странниковъ, замѣчая, что ихъ обѣты опустошаютъ Русь. Игуменъ Варлаамъ, бывшій въ Іерусалимѣ 1062 года, видѣлъ тамъ русскихъ богомольцевъ [1]). Константинопольскій соборъ (1301 г.), одобривъ запрещенія еп. Ѳеогноста, изъяснился такъ: «многіе подъ предлогомъ путешествія ко св. мѣстамъ неправедно наживаютъ имѣніе, хотятъ жить на чужой счотъ, и нерѣдко распространяютъ о чужихъ земляхъ ложные слухи». Толпа русскихъ странниковъ увеличивалась странствующими греками, которые нерѣдко ходили съ подложными граматами, торговали ложными святынями, и, по свидѣтельству Крижанича, выдавали себя за епископовъ и митрополитовъ. Супругѣ Петра I они продали за 1000 р. кусокъ несгараемаго холста, вмѣсто ризы Богородицы. Всѣ эти странствованія вытекали изъ аскетическихъ стремленій древней Руси, изъ благоговѣнія къ монашеству и мѣстамъ, освященнымъ подвигами святыхъ. Но аскетическія стремленія многихъ странниковъ и пустынниковъ подавлялись

[1]) Изумр. сол. поуч. 66.

[1]) Памят. XII в. 176—203.

страстями, житейскими нуждами и лишеніями, и такимъ образомъ, изъ благихъ начинаній и цѣлей происходили дурныя слѣдствія. «Сіе мнози дѣлаютъ свободнаго ради житія, чтобъ отъ всякой власти удаленъ, возмоглъ жити по своей волѣ, на устрояемый скитъ собиралъ деньги, и тѣми корыстовался [1])». Изъ безчисленныхъ странниковъ и пустынолюбцевъ весьма немногіе могли перенести лишенія, труды и подвиги сверхчеловѣческіе, въ борьбѣ съ природою, страстями и людьми. Описаніе тягостной жизни пустынниковъ сѣверной Россіи, особенно Зосимы соловецкаго и подобныхъ, приводитъ читателя въ ужасъ и уныніе.

Въ древнемъ проповѣдничествѣ мы не находимъ поученій, обличающихъ праздношатаніе и неразлучные съ нимъ безпорядки. Вѣроятно, пастыри снисходительно смотрѣли на странниковъ, изъ уваженія къ ихъ обѣтамъ и сану. Мы видѣли, что древніе епископы ограничивали путешествія ко св. мѣстамъ епитиміями. Соборы 1667 и 1681 г. ограничили праздношатаніе безмѣстныхъ поповъ. Особенно важною мѣрою въ этомъ случаѣ оказалось разрѣшеніе службы вдовымъ священникамъ. Тѣже соборы и особенно регламентъ ограничили построеніе скитовъ, постриженіе и бродяжничество монаховъ. Бродящихъ монаховъ и монахинь велѣно ловить и исправлять въ заключеніи. «Многіе непостриженные ходятъ, облекшеся въ монашескій образъ; отъ нихъ всякое зло, на соблазнъ многимъ». «Ловить волочащихся монаховъ, безъ подорожной, и отсылать къ епископу [2])». Трудно впрочемъ допустить, чтобы въ теченіе 700 лѣтъ ни одинъ проповѣдникъ не возвысилъ голоса противъ праздношатанія и соединенныхъ съ нимъ общественныхъ безпорядковъ, если проповѣдники обличали менѣе важныя неустройства жизни. Надобно ожидать, что при дальнѣйшей разработкѣ проповѣдническаго матеріала, отъищутся въ этомъ родѣ какія либо поученія, къ чести проповѣдниковъ; равно отъищутся въ большемъ количествѣ обличенія другихъ безпорядковъ, напр. кулачныхъ боевъ и разныхъ суевѣрій. Впрочемъ, мы находимъ обличительную замѣтку, относительно странниковъ, въ книгѣ игумена Даніила (XII в.)— «Странникъ». Онъ вообще отзывается неодобрительно о путешествующихъ въ Іерусалимъ; говоритъ, что они ходятъ туда безъ всякой пользы, обольщаются своимъ подвигомъ, и за возношеніе ума губятъ свои труды. Затѣмъ даетъ совѣты странникамъ, чтобы они сидѣли дома и совершали добрыя дѣла [1]). Наконецъ, встрѣчаемъ одно обличительное поученіе, вѣроятно тогоже Даніила. «Слово св. Даніила о мірской суетѣ и чернецахъ». «Слышимъ о (нѣкоторыхъ) нашихъ соблазняющихся женитьбою. Думаютъ, что брачная жизнь незаконна и лишаетъ спасенія. Другіе оставляютъ своихъ женъ и незаконно постригаются. (Они) не хотятъ трудиться и отходятъ въ Іерусалимъ и въ прочіе города, ища льготы. Пошатавшись тамъ, возвращаются въ свои домы и каются въ безумномъ своемъ трудѣ... Св. апостолы и самъ Богъ, ходя въ мірѣ, учили уклоняться отъ неправды и всякой злой похоти, которыя губятъ человѣческую душу» [2]). Въ поученіи раскрывается мысль, которую находимъ и въ вопросахъ Кирика, что многіе, путешествуя въ Іерусалимъ, по склонности къ бродяжничеству, «не затво-

[1]) Реглам. 127.
[2]) Реглам. 123. 117. 124.

[1]) Л. 387.
[2]) Рукопис. кормчая XV в.

ряютъ устъ своихъ отъ велерѣчія, и съ прилыганіемъ повѣдаютъ, яже на онѣхъ земляхъ [1])».

дд) Обличеніе непризванныхъ искателей монашества.

Вслѣдствіе аскетическаго настроенія древней Руси, господства монашескаго идеала въ жизни, всѣ сословія стремились къ иночеству. Идеалъ монашескій, какъ выраженіе высшаго совершенства, не встрѣчая противодѣйствія въ другихъ идеалахъ и стремленіяхъ общественной жизни, развился до крайностей. Онъ породилъ во многихъ людяхъ превратныя убѣжденія о нравственности и обязанностяхъ христіанскихъ. Составилось убѣжденіе, что «живуще въ мірѣ, съ женою и чады, не можно спастися». Это убѣжденіе доселѣ держится въ раскольничихъ скитахъ, особенно въ сектѣ богомиловъ, порицающихъ брачную жизнь. Поэтому, въ старину многіе поступали въ монастырь и облачались въ монашескія одежды, не изъ одной корысти, но изъ убѣжденія въ спасительности самой формы монашества и внѣшней обстановки его; а тѣмъ болѣе при смерти старались облечься въ ангельскій образъ. Многіе мужья оставляли жонъ и дѣтей, а жоны—мужей, и поступали въ монастырь; даже постригались на дому и дома вели монашескую жизнь. Многіе родители обрекали своихъ дѣтей въ монашество и потомъ принуждали постригаться. Регламентъ воспретилъ этотъ обычай. «Обѣщанныхъ и принуждаемыхъ не постригать; наблюдати сего накрѣпко» [2]). Многія жоны выпрашивали себѣ имѣніе у умирающихъ мужей, обѣщая постричься въ монашество

[1]) Пам. XII в. 176.
[2]) Регл. 117.

и молиться о душѣ ихъ. Съ этою же цѣлію многіе надѣляли монастыри имѣніемъ и погребались въ церкви, или въ монастырской оградѣ, чтобы спастись молитвами подвижниковъ. Но замѣчательно проявленіе эгоизма и корыстолюбія въ самыхъ священныхъ стремленіяхъ древней Руси. Монастырямъ обыкновенно дарили пустопорожнія земли, ничего нестоившія, а при воздѣланіи монастырскомъ приносившія пользу государству. Несмотря на аскетическія стремленія самихъ проповѣдниковъ и ихъ любовь къ монашеству, они довольно строго обличали неправильные взгляды мірянъ на этотъ предметъ и проистекающіе отсюда безпорядки. И вопервыхъ, они строго обличали тѣхъ людей, которые, оставивъ семью, поступали въ монастырь, чтобы избавиться отъ заботъ и имѣть готовое пропитаніе. «Братіе, говоритъ неизвѣстный проповѣдникъ, послушайте (меня) любовно. Кто отходитъ въ монастырь ради нищеты, или не можетъ кормить дѣтей (своихъ) и убѣгаетъ отъ нихъ, таковой бѣгаетъ ради угодія чреву, а не изъ любви и угожденія Богу; таковой отрекся вѣры, хуже невѣрныхъ, и призываетъ многія проклятія. Ибо оставленные имъ дѣти помираютъ съ голоду, босые и нагіе изнемогаютъ зимою, горько плачутъ, говоря: зачѣмъ отецъ и мать породили насъ и оставили насъ въ великой нуждѣ! И если намъ повелѣно кормить чужихъ сиротъ, то тѣмъ паче не должно оставлять своихъ. Ибо Богъ вездѣ приметъ живущаго праведно, по закону. И не спасутъ насъ чорныя ризы, если начнемъ жить въ лѣности, и не погубятъ бѣлыя, если творимъ заповѣди божіи. Ибо не монахамъ сказано: Я нагъ былъ, и вы не одѣли меня, и прочее. Монахамъ не велѣно выходить изъ монастыря; а если ходятъ, то сами принимаютъ мило-

стыню. Не пустынникамъ сказано: въ темницѣ былъ, и вы не пришли ко Мнѣ; но все это сказано христіанамъ, живущимъ въ мірѣ, дѣлами (рукъ), да спасени будемъ [1])». Нѣсколько такихъ поученій, написанныхъ въ чисто практическомъ тонѣ, помѣщено въ Православномъ Собесѣдникѣ и въ древнихъ сборникахъ. Поученіе св. отецъ крестьяномъ; оно сходно съ предыдущимъ словомъ, почти буквально [2]). Слово къ хотящимъ безъ вины законныя оставляти женъ своихъ и идти въ монастырь [3]). Въ Златоустникѣ слово 81-е Златоуста, «отъ патерика душеполезно». Къ разсказу, взятому изъ патерика, прибавлена выписка изъ слова пресвитера Косьмы противъ богомиловъ, порицавшихъ бракъ; выписка направлена противъ увлекающихся монашествомъ и неразумно избирающихъ подвижническую жизнь. Въ Изумрудѣ: слово 21-е св. отецъ къ христіанамъ: взято изъ слова Косьмы на богомиловъ. Слово направлено противъ тѣхъ, кои оставляютъ жену и дѣтей и отходятъ въ монастырь. 152-е св. отца Василія великаго. Проповѣдникъ внушаетъ отцамъ семейства раздѣлять при смерти свое имѣніе и объявлять завѣщаніе предъ семью честными свидѣтелями; отнюдь не оставлять имѣніе женѣ, не вѣрить ея обѣщанію остаться вдовою и постричься въ монашество. «Видѣлъ я, говоритъ проповѣдникъ, многихъ жонъ и вдовъ, кои, не смотря на данные обѣты, вышли за мужъ, завѣщаніе взяли себѣ, а дѣтямъ своимъ ничего не дали». Подобное слово помѣщено въ Правосл. Собесѣдникѣ 1858 г. декабрь.

[1]) Изумр. солов. л. 33.
[2]) Прав. собесѣдникъ 1858 года, декабрь.
[3]) Сборн. № 191, л. 488.

ее) Обличеніе богатымъ.

Но всего болѣе проповѣдники обличали корыстолюбіе богачей, притѣснявшихъ бѣдный народъ, порицали ихъ милостыню и приношенія въ церковь, пріобрѣтенныя насиліемъ. «Слово о немилостивыхъ богатыхъ» (XII в.). «Богачъ! ты зажогъ въ церкви свои свѣчи; но вотъ сюда же пришли, съ воздыханіями къ Богу, обидимые тобой рабы, сироты и вдовы. Своими слезами они погасятъ твою свѣчу. Лучше тебѣ не обижать ихъ, нежели освѣщать храмъ неправедно собраннымъ воскомъ; помогай лучше тѣмъ, кого ты обидѣлъ. Это—лютость, а не милостыня, однихъ обидѣть, а другихъ миловать. Ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сироты, муками приневолены къ работѣ, босые, нагіе, голодные, избитые, истощенные безмѣрными накладами, лишенные селъ и ограбленные тобою, съ плачемъ вопіютъ къ Богу: что и милостыня твоя! Лучше оставь неправды свои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, нежели приносить Богу неправедно собранное имѣніе. Тотъ именно милостивъ, кто даетъ отъ своего труда и своей силы» [1]). Нѣкоторыя поученія изображаютъ домашній бытъ древнихъ богачей. Такъ, въ словѣ о богатомъ и убогомъ, изъясняющемъ притчу о Лазарѣ, картинно изображенъ внѣшній и внутренній бытъ русскаго богача. «Тотъ богато на землѣ жилъ, въ багряницѣ и шолкѣ (наволоцѣ) ходилъ. Кони его тучны, украшены золотою сбруей, сѣдла позолочены. Многіе рабы его, въ золотыхъ гривнахъ, въ монистахъ и обручахъ, въ великой славѣ, шли позади и впереди. На обѣдѣ сосуды

[1]) Изумр. солов. № 270, л. 187. Подоб. поученія л. 32, 35, 199 и 223.

золотые и серебреные, кушанья многія и различныя: тетерки, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, кабаны, дичина, пироги и проч. Многіе повара работаютъ до поту (съ потьмь); много (прислуги) на перстахъ (пьрстѣхъ) носятъ блюда; иные съ боязнію обмахиваютъ. Великія серебреныя чаши позолочены, кубки и котлы, въ нихъ разные напитки: вино, медъ чистый и квасъ. Питіе всенощное, съ гуслями и свирѣльми. Веселіе многое—ласкатели, наушники, шепотники (шьпилеве), празднословцы, смѣхотворцы, плясаніе, мерзости, вопли (и) пѣсни. Готовятъ ему одръ, настланный шолковыми пуховиками. Лежащу ему и немогущу заснуть, одни гладятъ ноги, другіе тѣшатъ по лядвеямъ, иные чешутъ по плечамъ, иные гудутъ, балагурятъ и кощунствуютъ. Такова была слава богатаго» [1]). Слово св. Исихія сходно съ предыдущимъ. Описавъ роскошъ богача, проповѣдникъ дѣлаетъ фигуру обращенія: «но и ты богатый умрешь и оставишь домъ твой, обличающій твои дѣла. Каждый проходящій скажетъ: а! это домъ того хищника, который облупилъ сиротъ; и вотъ дворъ его пустъ. Не говори мнѣ, что ты бояринъ, или посадникъ. Я не порицаю властей, но осуждаю дѣлающихъ зло». Оба эти слова взяты съ греческаго подлинника, но передѣланы примѣнительно къ нравамъ русскихъ богачей [2]).

жж) Обличеніе корыстолюбія и самоуправства судей и властителей.

Выдерживая задачу практическаго проповѣдничества, мы показываемъ развитіе идей въ каждомъ отдѣлѣ его

[1]) Изв. ак. X, 548.
[2]) Изв. ак. X, 550.

и самую хронологію, насколько это дозволяетъ содержаніе проповѣдей и провѣдническихъ сборниковъ. Такое развитіе идей, примѣнительное къ событіямъ историческимъ и явленіямъ жизни, мы показали въ обличеніи язычества, разврата и другихъ заблужденій и пороковъ. Въ страстяхъ, проявляющихся одинаково во всѣ времена и вызывающихъ однообразное поученіе, каковы напримѣръ: пьянство, пресыщеніе и т. под., нельзя подмѣтить развитія идей, новыхъ сторонъ въ предметѣ, прогресса въ мысляхъ и словѣ. Въ обличеніи корыстолюбія богачей, странничества и праздношатанія, противъ которыхъ написано по два, по одному слову, оставалось одно: выписать тѣ строки, замѣчанія и картины, которыя наиболѣе характеризуютъ духъ и нравы эпохи. Чувствуемъ несовершенство въ выполненіи этой важной задачи, зависящее главнымъ образомъ отъ неполноты и несовершенства проповѣдническаго матеріала. Но въ тоже время утѣшаемся мыслію, что прагматическая исторія проповѣдничества восполнитъ этотъ недостатокъ; а для «Очерка» историческаго достаточно намѣтить тѣ пункты и задачи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ пониманіе развитія проповѣдничества. При всемъ томъ, приступая къ обличенію судей и властителей, мы чувствуемъ необходимость раскрыть эту область обличеній въ исторической послѣдовательности, хоть въ общихъ чертахъ. Злоупотребленія властителей имѣютъ болѣе важное значеніе для уясненія исторической жизни, нежели страсти народа. Князья и судьи заправляли государствомъ. Притомъже, положеніе судей, ихъ дѣятельность и злоупотребленія измѣнялись въ своей формѣ, съ теченіемъ вѣковъ. Дружина удѣльныхъ князей, ея переходы съ мѣста на мѣсто, при передвиженіи кня-

жескихъ престоловъ, и безпощадные грабежи, смѣнены боярствомъ, при возвышеніи царской власти, осѣдлымъ правленіемъ бояръ и систематическимъ взяточничествомъ, «кормленіемъ». Исторія проповѣдничества должна выяснить эту постепенность въ развитіи правительственной власти и злоупотребленій ея, показать типическія черты насилій дружины, князей, поборовъ бояръ, царей, и вредныя слѣдствія злоупотребленій, гибельно отразившихся въ нравахъ народа, въ его лукавствѣ, лживости, лицемѣріи, плутовствѣ, хищности и корыстолюбіи, которымъ такъ удивлялись иностранцы. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, что эти вѣковыя насилія властей, особенно стоящихъ на верху, шпіонство и конфискаціи Годунова, разбои опричнины Грознаго, не отразились въ жизни народа, или благопріятствовали улучшенію нравовъ. И русскимъ проповѣдникамъ въ эти бѣдственныя времена предстояли трудныя задачи, а ихъ слову и обличенію—широкое поприще. Словомъ: мы сознаемъ всю важность предстоящей задачи въ этомъ отдѣлѣ проповѣдничества и желали бы разрѣшить ее съ возможною полнотою и обстоятельностію. Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ практической проповѣди, нельзя дать полнаго изображенія предмета, начертанія подробной картины самоуправства и корыстолюбія властей. Какихъ нибудь два сборника, завѣщанные древностію, и въ нихъ два–три десятка обличительныхъ поученій, безъ достаточныхъ хронологическихъ указаній, даютъ мало пособій къ уразумѣнію дѣла. Притомъ же, эти поученія отличаются общностію тона, преобладаніемъ нравственныхъ сентенцій, подражаніемъ греческимъ проповѣдямъ, компиляціей и повтореніями, зависѣвшими отъ робости проповѣдниковъ, неразвитости

и подчиненія чужимъ авторитетамъ. Въ рѣшеніи предстоящей задачи мы сдѣлаемъ возможное, насколько позволяютъ литературные источники и матеріалы.

Вслѣдствіе историческихъ причинъ, изъясненныхъ въ изображеніи быта и характера народа, всѣ сословія древней Руси проникнуты были эгоизмомъ и корыстолюбіемъ. Съ особенною силою эти страсти сказались въ властителяхъ, имѣвшихъ болѣе средствъ къ обнаруженію своихъ желаній и требованій. Въ обнаруженіи корыстолюбія и самоуправства властителей должно различать два періода: удѣльной системы и дружиннаго начала, правленія царей и бояръ. И въ этихъ періодахъ должно отличать предѣлы или точки высшаго напряженія страстей и безпорядковъ. Въ первомъ періодѣ такимъ предѣломъ или пунктомъ будетъ XIII вѣкъ, когда къ междоусобіямъ князей присоединилось нашествіе монголовъ, и частное право взяло верхъ надъ закономъ. Въ это время, по указанію лѣтописей, актовъ историческихъ и проповѣдей, настало полное самоуправство, полное попраніе законовъ, притѣсненіе бѣдныхъ, насиліе и грабежи. «Сокрушалъ и погублялъ всякій, а заступающаго не бѣ». Во второмъ періодѣ такимъ предѣломъ будетъ царствованіе Грознаго, и слѣдовавшее за нимъ царствованіе Годунова и междуцарствіе. Въ это время «царь нача не милостивно рабъ своихъ гонити, и кровь ихъ проліяти, грады красѣйшіе разрушати, христіанъ, даже до ссущихъ младенцевъ, убивати. И тако многа лѣта во дни живота своего провождая, наконецъ старости пришедъ, нрава своего никакоже перемѣни». «А бояре крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ; держа города и волости, отъ слезъ и крови богатѣютъ, лѣнивѣютъ. Въ московскомъ государствѣ нѣтъ правды; люди приближаются къ царю не по воинскимъ

заслугамъ и мудрости. Государь долженъ собирать доходы со всего царства въ одну свою казну» [1]). Особенно въ Сибири, вдали отъ закона и царя, самоуправство и насиліе властей достигло послѣднихъ предѣловъ. Оно выражалось въ такихъ безобразіяхъ и порокахъ, что съ трудомъ можетъ быть высказано и передано на бумагѣ.

Словъ, обличающихъ корыстолюбіе и самоуправство властей, написано довольно много, и почти всѣ они явились до XV—XVI вѣка, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указаній хронологіи, заключающихся въ сборникахъ, и содержанія поученій. Нѣкоторыя изъ этихъ поученій написаны въ XIII вѣкѣ, во время полнаго обнаруженія безпорядковъ и самоуправства властей. Поученія эти обыкновенно помѣщались въ юридическихъ сборникахъ, въ руководство князьямъ и судіямъ, и тѣмъ болѣе оказывали благотворное вліяніе на нравы, обуздывая корысть и своеволіе властителей. Такъ, въ «Мѣрилѣ праведномъ», сборникѣ XIV вѣка, въ которомъ есть указанія на монгольское иго, помѣщены слѣдующія слова, въ руководство князьямъ и судіямъ: а) пространное поученіе в. кн. Василію, объ обязанностяхъ его и всѣхъ русскихъ князей къ ихъ подданнымъ; б) слово на немилостивыхъ князей; в) слово о гордости властителей; г) слово о судіяхъ и властителяхъ берущихъ взятки (емлющихъ мзду); д) слово о судіяхъ и клеветахъ. «Если судія, говоритъ слово, кого либо неправедно осудитъ и продастъ, и на эти деньги купитъ пищу и одѣяніе, а вамъ (князьямъ)— обѣды и пиры; то вы отдали стадо Христово ворамъ и разбойникамъ». Въ Кормчей XV—XVI вѣка помѣщены слова подобнаго содержанія: а) слово Василія великаго

[1]) И. Р. Сол. VI. 226. Прим. 85.

о судіяхъ и властителяхъ; б) слово Сираха на немилостивыхъ царей и князей, которые судятъ неправедно; в) слово егоже царямъ, князьямъ и всѣмъ вельможамъ о гордости; г) слово о судіяхъ и властителяхъ, берущихъ взятки и неправедно судящихъ; д) слово пророка Аввакума на обидящихъ и насильствующихъ. Въ нѣкоторыхъ кормчихъ книгахъ эти слова помѣщались вмѣстѣ съ «Русской правдой» [1]) Чтобы составить понятіе о характерѣ и содержаніи этихъ словъ, достаточно прочитать первое слово Василія великаго о судіяхъ и властителяхъ, помѣщенное въ Правосл. Собесѣдникѣ [2]). Слово это пространно, наполнено нравственными наставленіями и текстами, не отличается богатствомъ красокъ и искусствомъ изложенія. Слова подобнаго содержанія встрѣчаются и въ другихъ сборникахъ; напримѣръ въ Изумрудѣ: слово Златоуста и св. отецъ, 28-е, чтобы не обижать вдовъ и сиротъ. Лучшее въ этомъ родѣ слово по содержанію и изображенію неустройствъ XIII вѣка, — св. Ефрема о мятежѣ житія сего. «Многіе изъ вельможъ, какъ псы, прежде времени сведены во адъ, а богатые впослѣдствіи обнищали. Судья радуется, осуждая подсудимыхъ; а восплакалъ, когда потерялъ власть. И ничто не твердо въ людяхъ, но все безпорядочно; одинъ у другаго захватилъ землю, а другой отнялъ имѣніе. Вотъ село было за тѣмъ, а нынѣ тамъ домъ другаго. Другіе, не насыщаясь имѣніемъ, порабощаютъ свободныхъ сиротъ и продаютъ. Иные крадутъ и грабятъ, стараясь больше собрать имѣнія. Нисколько нѣтъ правды въ мірѣ. Нельзя имѣть вѣры къ другому и надѣяться на брата, ибо обѣщаетъ миръ, а мыслитъ зло. Лесть и зависть господ-

[1]) Кормч. солов. библ. № 477.
[2]) Прав. собес. 1864 г. I, 368.

ствуетъ и ненасытимое корыстолюбіе. Силу намъ далъ, (Богъ), чтобы правду творить; а мы беззаконія совершаемъ. Богатство далъ, дабы подавать неимущимъ; а мы обидимъ сиротъ, причиняемъ насиліе вдовицамъ, отнимаемъ у бѣдныхъ. Власть вручилъ, дабы избавляли обидимыхъ, а мы изъ корысти обвиняемъ праваго. Нѣтъ праваго пути и суда, погибла любовь, умножилась ненависть, добродѣтель презрѣна, почтено высокомѣріе и гордость, погибла истина и ложь покрыла землю. О широта и глубина долготерпѣнія Божія!» [1]).

При господствѣ насилій, неправосудія и взяточничества, обличительная проповѣдь не ограничивалась церковною каѳедрою. Могли представляться случаи къ обличенію судей на всякомъ мѣстѣ. И исторія сохранила намъ одинъ изъ такихъ поучительныхъ случаевъ. Полоцкій князь Константинъ, желая обличить предъ всѣми своего судью взяточника, спросилъ епископа Симеона объ его участи за гробомъ. «Владыка! гдѣ быть судьѣ (тіуну) на томъ свѣтѣ?—Тамъ, гдѣ и князю. — Судья неправедно судитъ, беретъ взятки, мучитъ и продаетъ людей, совершаетъ всякое лихо, — а я что дѣлаю? — Если князь добръ и богобоязненъ, любитъ правду, жалуетъ людей: то онъ избираетъ судью, или волостеля добраго, богобоязненнаго, исполненнаго страха божія, разумнаго, праведнаго, знающаго дѣла (судъ) и все творящаго по закону божію; тогда и князь въ рай и судія въ рай. А если князь не имѣетъ страха божія, не жалуетъ христіанъ, не милуетъ сиротъ, не заботится о вдовицахъ, поставляетъ судью или волостеля человѣка злого, не боящагося Бога, не вѣдущаго закона божія,

[1]) Изумр. сол. № 270. Прав. Собес. 1858 г. іюль.

неразумѣющаго суда, и это ради прибыли князя, а людей не щадитъ: то онъ какъ бы бѣшенаго человѣка пустилъ на людей, давъ ему мечъ. Такой князь, давшій власть человѣку губить людей, и самъ пойдетъ во адъ и судія съ нимъ» [1]). (Но гдѣ взять, можно бы спросить, идеальнаго судью, а тѣмъ болѣе многихъ)?..

Въ періодъ царей и господства бояръ не видимъ умноженія обличительныхъ поученій, такъ какъ въ это время начался упадокъ проповѣди. Впрочемъ, въ сборникахъ XV — XVII вѣка встрѣчаемъ древнія обличительныя, уже извѣстныя намъ, нерѣдко передѣланныя. Эти слова, какъ мы видѣли, отличаются преимущественно общими наставленіями о судѣ и правдѣ, и потому легко удовлетворяли нуждамъ времени. Таковы напр. слѣдующія поученія: наказаніе властителямъ о суетѣ міра сего; слово судіямъ; слово о судіяхъ и властителяхъ неправедно судящихъ и берущихъ взятки; слово Сираха о немилостивыхъ князьяхъ, неправедно судящихъ; слово Златоуста о берущихъ проценты съ сиротъ; слово о томъ, чтобы сильные не обижали меньшихъ, цари и князи— вдовъ и сиротъ; слово о многоиманіи; поученіе—да никтоже уповаетъ на себя, ни на властителя, но на Бога [2]). Въ синодальн. сборникѣ XVI вѣка содержатся подобныя слова: слово, да не обидятъ сильніи меньшихъ; слово о вдовицахъ и сиротахъ, да не обидятъ ихъ цари и князи и властители; слово Сираха на немилостивыхъ царей и князей, которые судятъ неправедно; слово о судіяхъ и властителяхъ, берущихъ взятки и неправедно судящихъ; слово св. Василія о судіяхъ и властителяхъ [3]). Есть и въ

[1]) Прав. Собес. 1864 г. I, 366.
[2]) Сборн. новг. соф. библ. № 1317, 1319, 1321, 1468, 1471 и другіе.
[3]) № 322. Обозр. кормч. Розенк.

другихъ сборникахъ слова подобнаго содержанія, напр. слово пророка Захаріи къ немилостивымъ князьямъ,— «творите праведный судъ». Нѣкоторыя слова озаглавливаются просто: судіямъ; властителямъ; сильнымъ міра сего, и т. под. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ упомянутыхъ словъ написаны въ позднѣйшее время, по готовымъ образцамъ [1]). Вообще, исчисленныя нами слова проводили въ

[1]) Въ XVI вѣкѣ чувствовали особенную надобность въ словахъ подобнаго рода, и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ извѣстнымъ авторамъ. Какъ увидимъ, старецъ Филоѳей въ посланіи в. князю Василію жаловался на неслыханные грабежи и убійства княжескихъ намѣстниковъ во Псковѣ. Часто смѣняемые, для скорой наживы они прибѣгали къ возможнымъ уловкамъ: опутывали народъ клеветою, сѣкли, подбрасывали трупы и брали окупъ съ кварталовъ и всего города. Но особенно рѣзко обличалъ корыстолюбіе властей Максимъ грекъ. Въ своихъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ онъ часто осуждаетъ неправосудіе и корыстолюбіе судей и происходящіе отсюда разбои, грабежи и всякаго рода насилія. Въ одномъ и томъ же словѣ онъ нерѣдко обличаетъ корыстолюбіе и раздоры князей и бояръ (какъ увидимъ). Образцомъ подобныхъ обличеній служатъ два слова: «о неизглаголанномъ божіемъ промыслѣ и на лихоимцевъ», и «слово излагающее нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія». Въ первомъ словѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ: «страсть іудейскаго сребролюбія и лихоимства до того овладѣла правителями и судіями, посылаемыми въ города благовѣрнымъ царемъ, что они позволяютъ своимъ слугамъ выдумывать всякія неправедныя обвиненія противъ богатыхъ, дѣлать ночію подкидыванія въ дома ихъ, или подбрасываютъ трупъ среди улицы, чтобы явиться мстителями, наложить обвиненіе на цѣлую часть города, и собрать корысть отъ этихъ неправедныхъ и богомерзскихъ (продѣлокъ). Кто слышалъ о такомъ богомерзскомъ видѣ (корыстолюбія, лихоимства) между невѣрными народами, какой выдуманъ нашими правителями? Разжигаемые ненасытимымъ сребролюбіемъ, они лихоимствуютъ, обижаютъ, расхищаютъ имѣніе вдовъ и сиротъ, выдумываютъ обвиненія противъ невинныхъ, не боясь Бога, страшнаго мстителя за обидимыхъ. (Они) не стыдятся людей, вокругъ живущихъ, ляховъ и нѣмцевъ, которые хотя (еретики) латиняне по ереси, но управляютъ дѣлами подвластныхъ по установленнымъ законамъ, со всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ». (II, 199. 206). Во второмъ словѣ проповѣдникъ изображаетъ бѣдствія Россіи и самоуправство бояръ въ аллегорическомъ тонѣ. Мистическая жена Василія (царство, Россія) жалуется на свои неописанныя и неисцѣльныя бѣдствія. «Я одна изъ благородныхъ дочерей Владыки. Всѣ славолюбцы

дикомъ обществѣ благодѣтельныя убѣжденія, ограничивали жестокость и хищность судей, внушали имъ милость, снисходительность, чувство долга, правды, законности, честности, безкорыстія, вѣрности службы, и потому они списывались во множествѣ экземпляровъ. Въ XVI вѣкѣ митр. Даніилъ въ посланіяхъ къ боярамъ изображалъ ихъ происки и самоуправство, внушалъ имъ кротость и воздержаніе, предписывалъ осторожность и самообладаніе въ дѣлахъ, покорность своей участи, довольство службой и общественнымъ положеніемъ.

Своеволіе бояръ, особенно въ царствованіе Грознаго, невсегда проходило даромъ. Многіе изъ нихъ за свои преступленія подвергались казнямъ, лишенію чиновъ, имущества и ссылкѣ. Между виновными были и невинные страдальцы, оклеветанные врагами. Многіе изъ ссыльныхъ бояръ, особенно невинныхъ, обращались къ пастырямъ за утѣшеніемъ, просили ихъ ходатайства и заступленія предъ царемъ. Проповѣдники не могли оставить страдальцевъ безъ утѣшенія и совѣта. И вотъ, они написали довольно поученій, въ коихъ раскрыли скоротечность жизни, суетность земныхъ благъ, пользу скорбей, необходимость покаянія и исправленія. Подобное увѣщаніе писалъ прот. Сильвестръ одному опальному боярину. «Напоминаю тебѣ, что скорбное (въ жизни) бываетъ не безъ божія промысла. Ты не малодушествуй, не враждуй, не злословь причинившихъ тебѣ скорбь; не

стараются подчинить меня себѣ. Весьма мало у меня истинныхъ (слугъ) рачителей, которые заботились бы о дѣлахъ людей, живущихъ на землѣ, достойно моего имени. Большая часть (изъ нихъ), одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, морятъ подвластныхъ лютѣйшимъ образомъ, всякими истязаніями... Пренебрегая (угрозы божіи), властители царуютъ беззаконно, съ гуслями, смѣхотворствомъ, сквернословіемъ» (II, 319—337). (Моск. 1843 г. VI, 412).

осуждай царя, потому что онъ не безъ ума носитъ мечъ и есть отмститель творящему злое. Не завидуй богатымъ, ибо они подвержены многимъ грѣхамъ» и проч. [1]). Оканчивая обзоръ поученій, направленныхъ противъ судей и князей, обратимъ вниманіе на дидактическій тонъ и смѣлый духъ, коимъ проникнуты они, даже въ заглавіяхъ своихъ. «Слово Сираха на немилостивыхъ князей и царей, которые судятъ неправедно». Имя Сираха здѣсь нѣсколько смягчаетъ рѣзкій тонъ и докторальность поученія. Вспомнимъ бесѣду владыки Симеона съ княземъ Константиномъ, смѣло обличающую и грозящую адомъ. Насъ удивила бы эта докторальность и смѣлость неучоныхъ епископовъ, если бы мы не имѣли понятія о ихъ правахъ въ древности, гражданскомъ значеніи, которое дѣлало ихъ совѣтниками князей. Что же касается слова: «царь», часто упоминаемаго въ древнихъ поученіяхъ, то это свидѣтельствуетъ о подражаніи нашихъ книжниковъ греческимъ проповѣдямъ. Инымъ тономъ проповѣдывали пастыри при царяхъ; они сильно понизили свой голосъ, какъ это доказываютъ рѣчи митр. Макарія, обращенныя къ Грозному, и другія поученія.

Что касается обличенія царей, которые нуждались въ немъ не менѣе князей, то мы почти не находимъ ихъ въ древнемъ проповѣдничествѣ. Напротивъ, мы видимъ уступки и поблажки проповѣдниковъ державнымъ лицамъ, конечно вытекающія изъ немощи природы и страха предъ властію. Немного героевъ въ свѣтѣ, которые пожертвуютъ своимъ счастіемъ и жизнію за правду и законъ. Такъ напримѣръ митр. Даніилъ разрѣшаетъ второй бракъ кн. Василію при живой женѣ; и что еще удивительнѣе: соборъ пастырей разрѣшаетъ Грозному четвертый бракъ. Впрочемъ, нашолся въ то время пастырь великій духомъ, который осмѣлился обличить самоуправство и хищность Грознаго. Это былъ митр. Филиппъ [1]).

[1]) Рук. новг. соф. библ. № 1456, 857. Сбор. нр. Сильв. № 1281.

[1]) Къ сожалѣнію, какъ строгій аскетъ, Филиппъ, подобно Златоусту, каралъ преступленія духовенства, безъ лицепріятія, и этимъ повредилъ своему дѣлу. Онъ не побоялся подвергнуть запрещенію царскаго духовника, придворнаго протоіерея Евстафія, и нажилъ въ немъ неумолимаго врага. Видя неистовства опричниковъ, совершаемыя ими убійства на площадяхъ, по 10—20 человѣкъ въ день, и осаждаемый просьбами несчастныхъ о заступленіи предъ царемъ, Филиппъ рѣшился дѣйствовать смѣло, самоотверженно. Выставивъ строгаго обличителя противъ необузданнаго тирана, Провидѣніе хотѣло еще разъ обратить его къ покаянію, какъ обратило Давида черезъ Наѳана, или тогоже Іоанна черезъ Сильвестра. Отказавшись отъ мысли ходатайствовать объ уничтоженіи опричины, митрополитъ оставилъ за собою право увѣщанія и совѣта царю. Съ этою цѣлію онъ отправился къ царю просить о милости къ подданнымъ и обузданіи опричниковъ. Содержаніе тайной бесѣды съ царемъ неизвѣстно. Не видя плодовъ отъ своего ходатайства и тайнаго увѣщанія, Филиппъ рѣшился обличать царя публично. 1568 г. 22 марта царь пришелъ въ соборъ, и Филиппъ обратился къ нему съ грознымъ увѣщаніемъ.

«О державный царь! Ты облеченъ отъ Бога самымъ высокимъ саномъ, и болѣе всего долженъ чтить его. Тебѣ данъ скиптръ земной власти, чтобы ты соблюдалъ въ людяхъ правду и по закону царствовалъ надъ ними. Правда для того, кто ее стяжалъ, (есть) самое драгоцѣнное сокровище. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти—Богу. Какъ смертный, не превозносись; какъ образъ божій, не увлекайся гнѣвомъ. Властелиномъ по правдѣ можетъ назваться только тотъ, кто обладаетъ собою и (не подчиняется) не работаетъ постыднымъ страстямъ. Не слыхано отъ вѣка, чтобы цари благочестивые (смущали) волновали свою державу; и при твоихъ предкахъ не было того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого». (Ист. Кар. IX, 60. Прим. 180. Пол. Собр. рус. лѣт. III, 162). Было и еще нѣсколько подобныхъ обличеній царю. Въ воскресеніе царь снова пришелъ въ Успенскій соборъ, съ опричниками, въ черныхъ одеждахъ и штыкахъ, и просилъ благословенія. Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, сказалъ: «благой царь! Кому ты поревновалъ, принявъ на себя такой видъ, измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда божія. Ты полагаешь на другихъ законъ, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда; въ одной Россіи ея нѣтъ. Во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву, за спасеніе міра, а за алтаремъ проливается невинно

Впрочемъ, Филиппъ не исправилъ обличеніемъ царя и опричниковъ, не облегчилъ участи гонимыхъ, и за свою смѣлость поплатился заточеніемъ и жизнію. Среди общаго уничиженія предъ царемъ, онъ своимъ великодушіемъ оправдалъ на себѣ пословицу: «одинъ въ полѣ не воинъ». Слушая обличенія митрополита, царь сказалъ: «только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!—Наше молчаніе, отвѣчалъ Филиппъ, полагаетъ грѣхъ на твою душу и приноситъ смерть.—Мои ближніе возстали на меня, ищутъ мнѣ зла. Какое тебѣ дѣло чернецу до нашихъ царскихъ совѣтовъ?—Я пастырь стада Христова.—Не прекословь державѣ нашей, чтобъ тебя не постигъ гнѣвъ мой, или оставь митрополію.—Я не просилъ митрополіи, не искалъ чрезъ другихъ, не дѣйствовалъ подкупомъ для полученія сана. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни»?..

Максимъ грекъ написалъ два посланія къ царю Іоанну IV, въ которыхъ напоминаетъ о его обязанностяхъ и предостерегаетъ отъ пороковъ. «Истинный царь управляетъ подданными правосудно и старается господствовать надъ безсловесными страстями. Онъ долженъ избѣгать сребролюбія, славолюбія, сластолюбія, гнѣва, пьянства, украшаться чистотою, кротостію, милосердіемъ. Царь долженъ признавать лучшимъ совѣтникомъ того, кто внушаетъ миролюбіе съ сосѣдями, а не того, кто возбуждаетъ на войну. Онъ долженъ исправлять недостатки священниковъ и пастырей, которые употре-

христіанская кровь. Ты просишь прощенія предъ Богомъ въ своихъ грѣхахъ: прощай другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою... Суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди божіи о добродѣтеляхъ. Скорблю не о тѣхъ, кои невинно предаются смерти, какъ мученики; скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи... Я пришлецъ на земли, и за истину благочестія готовъ потерпѣть лишеніе сана и всякія муки».

бляютъ вклады, жертвуемые на нищихъ и сиротъ, на свои нужды, своихъ племянниковъ и сродниковъ» [1]). Въ другомъ посланіи учитъ царя правосудію, заботливости о подданныхъ; внушаетъ почитать епископовъ, беречь и награждать князей, бояръ, воеводъ и воиновъ, миловать убогихъ, вдовицъ и сиротъ. Подобное посланіе онъ писалъ и къ великому князю (вѣроятно Василію Іоанновичу). Въ посланіи проповѣдникъ между прочимъ упоминаетъ о необходимости достоинствъ совѣтниковъ великаго князя, князей и бояръ, правосудіи, прилежаніи, единомысліи и миролюбіи. [2])

Обличеніе семейнаго деспотизма.

Мы видѣли, что эгоизмъ и корыстолюбіе народа, развитые общественными неустройствами, выразились въ домашнемъ быту семейнымъ деспотизмомъ. Семейный деспотизмъ всею тяжестію своею палъ на беззащитныя существа: жену, дѣтей и слугъ.

аа) Въ отношеніи къ женѣ.

Деспотизмъ въ отношеніи жены выражался въ грубомъ обращеніи съ нею, въ притѣсненіяхъ и жестокости [3]).

[1]) Соч. Макс. II, 157.
[2]) II, 346.
[3]) Народныя пѣсни, изображающія семейный бытъ, проникнуты скорбію и жалобой на произволъ родныхъ.

Ступишь-ли ногой,
Поглядятъ всѣ за тобой.
Махнешь-ли рукой,
Засмѣются надъ тобой.
Молвишь-ли словечко,
Передразнивать начнутъ.
Сядешь-ли за столъ,

По домострою, отецъ—господинъ дома, въ которомъ все дѣлается съ его разрѣшенія. «Достоитъ мужу свою жену наказывать, и наказавъ пожаловати. И дѣти и слуги такожде наказывати и раны возлагати, да наказавъ пожаловати. Ино плетью постегать, на единѣ; никакоже не гнѣватися женѣ на мужа». Допустимъ, что грубые нравы вѣка и злоупотребленіе свободою вынуждали подобное обращеніе съ женою, дѣтьми и слугами. Но изъ житій святыхъ видно, что женщина въ старину часто страдала и невинно, вслѣдствіе предразсудковъ, и, между прочимъ, религіозныхъ. Такъ напр. мужъ билъ свою жену, когда она не раждала дѣтей, или раждала однѣхъ дѣвочекъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ житіе Александра свирскаго. Вообще, по домострою, жена—забитое существо, она «должна быть трудолюбивая, послушная и молчаливая». Въ древнихъ поученіяхъ мы не находимъ сочувствія къ женщинѣ. Немногіе проповѣдники высказались въ защиту ея правъ, и то слегка; напротивъ, многіе высказались враждебно, считая женщину какъбы опечаткой природы, орудіемъ грѣха, соблазна и діявола. Все это объясняется аскетическимъ строемъ древней проповѣди и жизни, наслѣдованнымъ отъ грековъ, и неустройствами общественной и семейной жизни, о коихъ сказано выше. Сочувственное наставленіе объ обращеніи съ женою встрѣчаемъ въ словахъ митр. Даніила. Такъ, въ словѣ 14-мъ, воспрещающемъ мужу разлучаться съ женою, митр. Даніилъ учитъ любить своихъ жонъ и не обижать ихъ. «А ты, говоритъ проповѣдникъ, непрестанно грызешь ее, до того, что она съ ума сходитъ отъ твоего свирѣпства. О, человѣкъ, перестань такъ поступать». Затѣмъ совѣтуетъ не позволять женамъ, во избѣжаніе соблазна и большихъ расходовъ, лишнихъ украшеній, наблюдать во всемъ мѣру, въ пищѣ, питіи, одеждахъ, сапогахъ, умовеніи. Патр. Адріанъ, какъ сказано, обратилъ вниманіе на самую причину семейныхъ раздоровъ,—насильственные браки, и именемъ религіи воспрещалъ ихъ. Къ удивленію, духовенство не обратило должнаго вниманія на этотъ предметъ, въ теченіе 700 лѣтъ. Патріархъ воспрещалъ «супружествовать нелюбящихся между собою». «Житіе тѣхъ мужа и жены, говоритъ проповѣдникъ, бываетъ бѣдно, и другъ друга навѣтно, и дѣтей безприжитно, и то творится вельми грѣшно и пребеззаконно». Скудость поученій, ограждающихъ достоинство женщины, восполнялась въ древности устными наставленіями подвижниковъ, къ которымъ обращались супруги съ своими недоумѣніями, тайными просьбами и жалобами. Примѣровъ тому—достаточное количество въ житіяхъ русскихъ святыхъ, и самые назидательные—въ житіи Александра свирскаго.

Однажды обратился къ преп. Александру бояринъ, съ

Всѣ куски во рту сочтутъ.
Станешь-ли молчать,
Станутъ дурой величать...
Соизволилъ такъ сударь-батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка;
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Сердце ретиво-покорное.
Ахъ, ввечоръ больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя, похваляется.
Гдѣ твое бѣлое дѣвалось тѣло?
Гдѣ твой алый румянецъ?
Бѣлое тѣло—на шелковой плеткѣ;
Алый румянецъ на правой рукѣ...
Плеткой ударитъ, тѣло убавитъ;
Въ щеку ударитъ, (краски) румянцу не станетъ.
(Сказ. Сахар. 1, III. 149. 212. Христ. Филон. II, 40).

жалобою, что у него раждались одне дочери, за что онъ билъ и оскорблялъ свою жену, и просилъ помолиться Богу о дарованіи ему сына. Преподобный отвѣчалъ: «и нынѣ жена твоя носитъ во утробѣ своей дитя, опять женскаго пола. А ты не скорби и не опечаливай жены твоей. Не во власти твоей родить мужескій или женскій полъ. Вспомни Авраама и Сарру, не первѣе ли они умилостивили Бога, и въ старости сподобились чадородія? Вспомни Іоакима и Анну и другихъ святыхъ: не постомъ ли, молитвою и милостынею они преклонили Бога? Разсуди и то, что если сѣятель сѣетъ рожь или ячмень, то не думаетъ жать пшеницу. Такъ и тебѣ о рожденіи дитяти должно просить Бога. Если хочешь умилостивить Бога, то тебѣ слѣдуетъ быть милостивымъ къ нищимъ, сиротамъ, вдовамъ, насыщать и одѣвать неоскудно домашнихъ своихъ. Они для васъ ходатаи царствія небеснаго; и такими дѣлами преклонишь Бога исполнить твое желаніе». Въ другой разъ къ преподобному обратился богатый новгородскій купецъ съ жалобою, что у него рождались слабыя дѣти и умирали. «О чадо! отвѣчалъ святой, не намъ давать, чего хочешь, и не все можешь получить, чего желаешь; это—божіе дѣло. Прежде ты имѣлъ дѣтей, и всѣ они въ юности отошли отъ жизни сей, и послѣдняго сына, котораго имѣешь, скоро погребешь. Все это за многіе грѣхи твои. Богъ вразумляетъ васъ лишеніемъ чадъ, а вы не перестаете дѣлать худое. Отнынѣ перестань налагать проценты на проценты, будь милостивъ къ нищимъ и убогимъ, сиротамъ и вдовицамъ, насыщай заключенныхъ въ темницахъ, и особенно не требуй отъ должниковъ лихвы. Такими дѣлами умилостивишь Бога; онъ подастъ тебѣ чадъ, которыя будутъ утѣшеніемъ и наслѣдниками твоими. И ты

хорошо поживешь на земли, а по исходѣ души твоей погребенъ будешь предъ чадами своими; и нетолько этого сподобишься, но и наслѣдуешь царство небесное». Даже въ болѣзняхъ рожденія подвижники давали скорбнымъ родителямъ утѣшеніе и совѣты. Къ одному святому, подвизавшемуся за рѣкой Москвой, князь Василій Даниловичъ обратился за помощію по случаю тяжкихъ родовъ кн. Софіи. Святой отвѣчалъ: «о княгинѣ не тужи—будетъ здрава, и въ сей вечеръ родитъ тебѣ наслѣдника». Эти и подобныя наставленія подвижниковъ, исполненныя мудрости житейской и прозорливости, оказывали спасительное вліяніе на нравы. Они разносились по окрестности въ разсказахъ, записаны современниками на память потомству, обуздывали страсти и, вѣроятно, принесли болѣе пользы человѣчеству, нежели собранія нашихъ словъ, поучительныхъ бесѣдъ и размышленій, большею частію холодныхъ произведеній школы и бездушной схоластики. Относительно раннихъ браковъ, служившихъ причиною домашнихъ неустройствъ, проповѣдники тоже умолчали и не оставили намъ поученій. Они довольствовались въ рѣшеніи этого вопроса соборными опредѣленіями, допускавшими ранній бракъ, по примѣру греческихъ узаконеній. Уже въ 1830 году государственнымъ закономъ опредѣлено: «для предотвращенія вредныхъ слѣдствій несовершеннолѣтія, дознанныхъ опытомъ, женихъ долженъ быть неменѣе 18 лѣтъ, а невѣста—16 лѣтъ».

Въ древнемъ проповѣдничествѣ, какъ сказано, мало поученій, ограждающихъ достоинство и счастіе женщины; за то довольно поученій, враждебныхъ ея счастію. Въ статьѣ о вліяніи суевѣрія на жизнь народа мы ознакомились съ мрачными взглядами книжниковъ на женщину. Въ дополненіе къ оскорбительнымъ изреченіямъ «Пчелъ»

и «Слова Даніила заточника», можно привести выдержки изъ другихъ сборниковъ, дававшія поводъ проповѣдникамъ нападать на женщину. «Что есть злѣе и сильнѣе сна? Лихая жена; понеже—закона не вѣдаетъ, Бога не боится, суда не страшится, срама не имать, хулима бѣсится, хвалима высится» [1]). «Жена есть сѣть, прельщающа человѣка въ сластѣхъ—свѣтлымъ лицемъ и высокими очима намизающе, ланитомъ склаблящимся, языкомъ поющимъ, словесы чарующи, ногами играющи, дѣлы убивающи. Жена—источникъ злобы, сокровище нечистоты, сердцу коніе, покоище зміино, хоругвь адова, діаволь цвѣтъ, домовая буря, неукротимый звѣрь, украшенная ехидна» [2]). Сообразуясь съ такими опредѣленіями, проводимыми въ литературѣ, и проповѣдники высказывали мрачные взгляды на женщину въ своихъ поученіяхъ. «Бѣжи, говоритъ митр. Даніилъ, женскаго упестренія и ломленія, червленыхъ ея ланитъ, бѣлости и мягкости тѣла, тонкаго гласа и мягкости словесъ, яко удицею уловляющія человѣка». И вотъ явился рядъ поученій, ложно приписанныхъ Златоусту, порицающихъ женщину, какъ неотвратимое зло и опечатку природы. И вмѣсто огражденія счастія женщины поученія еще болѣе разстроивали ея домашнее положеніе. Слово Златоуста о злыхъ женахъ. «Лучше жить въ пустынѣ со звѣрями, нежели со злою женою. Лучше болѣть лихорадкою, нежели быть обладаему злою женою; лихорадка потрясетъ и перестанетъ, а злая жена сушитъ до смерти» [3]). Въ словѣ предложенъ разсказъ о поступкѣ Евдоксіи съ Златоустымъ. Слово объ Иродіадѣ и злыхъ женахъ, и т. под. [4]).

[1]) Сборн. сол. библ. № 923.
[2]) Тамже, № 913.
[3]) Изумр. слово 52-е.
[4]) Сборн. панс.

бб) Въ отношеніи къ дѣтямъ.

Тѣлесное или такъ называемое «здоровое наказаніе» въ древности преимущественно назначалось для дѣтей. Домострой, какъ мы сказали, положительно предписываетъ сокрушить ребра юношѣ, въ видахъ нравственнаго преуспѣянія его. «Казни сына своего отъ юности, и не ослабляй бія младенца. Любя сына своего, учащай ему раны; не дай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра». Не должно удивляться педагогической методѣ предковъ XVI вѣка. Въ средніе вѣка, особенно въ XVI вѣкѣ, этотъ методъ воспитанія господствовалъ во всей Европѣ и преимущественно въ Германіи [1]). Въ Россіи, при аскетическомъ воззрѣніи на нравственность человѣка, по природѣ грѣшника, жестокій методъ воспитанія былъ дѣломъ умѣстнымъ и даже извинительнымъ, при грубости нравовъ. Этотъ методъ по своей неизысканности и простотѣ особенно укоренился въ крестьянскомъ быту. Въ актахъ встрѣчаемъ жалобы начальству крестьянина или посадскаго человѣка, «что ему не въ моготу стало бить своего сына, а онъ не слушаетъ отца». Впрочемъ, теоретическія воззрѣнія предковъ на воспитаніе дѣтей рѣдко оправдывались на опытѣ. Страхъ, угрозы и побои охлаждали сыновнюю любовь и нерѣдко ожесточали дѣтей противъ родителей. Порицаніе и оскорбленіе дѣтьми родителей въ старину было дѣломъ обыкновеннымъ.

[1]) Въ XVI вѣкѣ Германія волновалась богословскими спорами и разсужденіями о прирожденности грѣха; разъясненіе подобныхъ вопросовъ создало строгую методу воспитанія. Розга сдѣлалась принадлежностію школы и возбудителемъ дарованій. Кальвинъ былъ сильнымъ приверженцемъ этого метода ученія. Въ своей проповѣди о воспитаніи дѣтей онъ доказываетъ, что «дѣтей надобно сѣчь, сѣчь больно, сѣчь безпрестанно, сѣчь во вѣки вѣковъ».

Уже въ уставѣ Владиміра находимъ статью о побояхъ, нанесенныхъ дѣтьми родителямъ и родителями дѣтямъ. Стоглавъ, толкуя о воспитаніи дѣтей, подтвердилъ заповѣдь о почитаніи родителей и изрекъ угрозу на непокорныхъ дѣтей. «Иже біетъ отца или матерь, да отлучится отъ Церкви». Въ древнемъ проповѣдничествѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не находимъ свѣтлыхъ взглядовъ на воспитаніе дѣтей, не видимъ ограниченія побоевъ безполезныхъ, унизительныхъ и вредныхъ. Напротивъ, видимъ подтвержденіе взглядовъ домостроя; ибо самъ домострой есть нравственно-аскетическая программа, извлеченная изъ проповѣдническихъ сборниковъ, особенно Изумруда и Златоустника, о чемъ будетъ рѣчь. Таково напримѣръ «слово о наказаніи, къ родителямъ». «Человѣцы! внемлите о глаголемыхъ, наказывайте своихъ дѣтей измлада. Если твои дѣти не слушаютъ тебя, то не щади ихъ, какъ и премудрость Божія говоритъ. Сыну или дочери дай 7—12 ранъ, плетію; а если преступленіе велико, то 20 ранъ» [1]). Но за то находимъ и обличеніе дѣтей, непокорныхъ родителямъ, оскорбляющихъ и безчестящихъ ихъ. Обличенія эти большею частію разбросаны въ разныхъ поученіяхъ, въ видѣ совѣтовъ и замѣчаній. Такъ, въ поученіи Ефрема о мятежи житія сказано: «дѣти безчестятъ своихъ родителей, а отцы отрекаются отъ своихъ дѣтей». 55-е слово Изумруда о почитаніи родителей направлено противъ непокорныхъ дѣтей. Чаще встрѣчаются въ поученіяхъ общія наставленія о воспитаніи дѣтей. Такъ, въ 13-мъ словѣ митр. Даніилъ говоритъ: «о отцы! имѣйте попеченіе о вашихъ чадахъ, всегда воспитывайте ихъ въ наставленіи и ученіи Господнемъ, бояться Бога

[1]) Изумр. слово 53.

и поучаться въ законѣ Его день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословія и блуда, не красть, не лгать и бѣгать всякаго зла... О юноши! возлюбите Бога, да наслѣдуете животъ вѣчный, не уподобляйтесь блуднымъ, которые всегда велемудрствуютъ о красотѣ и проч... О отроки и дѣвицы! возлюбите смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ, трудясь въ хитростяхъ, сколько по силѣ», и т. д. Конечно, и эти общія наставленія могли имѣть благодѣтельное вліяніе на воспитаніе, на облегченіе участи дѣтей, на возвышеніе ихъ нравственности, еслибы чаще повторялись.

вв) Въ отношеніи слугъ.

Въ изображеніи домашняго быта древней Руси мы ознакомились съ бѣдственною участію рабовъ. Въ дополненіе того изображенія представимъ нѣкоторыя подробности, окончательно выясняющія участь древняго раба. По положенію «русской правды» и «уставной грамоты» рабъ или холопъ въ древней Руси былъ признанъ товаромъ, вещію, которую можно украсть, продать, заложить, уничтожить, убить. Такъ называемые ушкуйники (разбойники, плававшіе на лодкахъ) ловили крестьянъ и рабовъ по селамъ, по дорогамъ, и продавали ихъ въ чужія земли, на подобіе скота. Рабъ не смѣлъ жаловаться на господина, не имѣлъ права собственности и семейной жизни. Все, что онъ наживалъ тяжелымъ трудомъ, было собственностію его хозяина; а самъ онъ оставался оборванъ, босъ, голоденъ, готовъ на всякое преступленіе. Рабъ лишался правъ христіанина: быть благочестивымъ, ходить въ церковь, получать назиданіе, исповѣдываться, и часто умиралъ безъ крещенія [1]). Такъ было при князьяхъ. Съ возвыше-

[1]) Ак. арх. экс. I, № 13. Рус. Прав. ст. 58—108.

ніемъ внѣшняго благосостоянія Россіи при царяхъ, съ развитіемъ сословія бояръ, замѣнившихъ древніе княжескіе роды, рабство на Руси увеличилось. По свидѣтельству Котошихина, въ XVI—XVII вѣкѣ принадлежностію богатой жизни считалось множество рабовъ. Бояре и ближніе люди держали при себѣ отъ 100 до 1000 дворовыхъ людей обоего пола. По свидѣтельству Крижанича, и прочія сословія на Руси подражали знати въ расточительности и притѣсненіи слугъ. «Природный недостатокъ нашего народа—многое пированіе и тщеславіе въ угощеніяхъ, за которыми слѣдуетъ расточительство и убожество. А за тѣмъ неизбѣжна жестокость въ обращеніи съ подданными. У насъ нѣтъ счету людямъ, которые считаютъ за честь много пировать и безъ толку раскидывать свое имѣніе; а когда не станетъ средствъ на издержки, нещадно притѣсняютъ и прижимаютъ бѣдныхъ людей, своихъ подданныхъ». Рабство въ наше время составляетъ жизненный вопросъ, въ рѣшеніи котораго принимаютъ участіе европейскіе народы, подъ руководствомъ вѣры, права, законодательства, исторіи и политической экономіи. Невольно представляется уму, что этотъ жизненный вопросъ, столь близкій образованному человѣчеству, нечуждъ былъ и древнимъ людямъ, руководившимся вѣрою—что возвышенныя идеи о свободѣ и рабствѣ, созданныя новѣйшею литературою, зараждались, хотя смутно, въ лучшихъ умахъ древности,—что эгоизмъ и корысть, унижавшія рабовъ до скотскаго состоянія, возбуждали въ благонамѣренныхъ людяхъ отвращеніе и негодованіе. Дѣйствительно, лучшіе люди древности, проповѣдники-аскеты поражались униженіемъ рабовъ, столь несогласнымъ съ духомъ евангельской любви, и ратовали словомъ за ихъ права и свободу. Мы сказали, что въ древ-

ней практической проповѣди всего чаще проводилась мысль о милостынѣ, причемъ упоминалось о рабахъ и несчастныхъ. Рѣдкое древнее поученіе не содержитъ въ себѣ наставленій объ этихъ предметахъ. Но, независимо отъ этого, проповѣдники написали довольно много поученій въ защиту рабовъ, въ практическомъ тонѣ. Эти поученія, написанныя въ продолженіи почти 700 лѣтняго періода, не заключаютъ въ себѣ никакихъ научныхъ взглядовъ и развитія новыхъ идей; напротивъ, они отличаются однообразіемъ содержанія и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же нравственныхъ наставленій. Въ поученіяхъ, проникнутыхъ, по обычаю, аскетизмомъ, проводятся слѣдующія положенія: рабы—тѣже люди, искупленные Христомъ; ихъ надобно удовлетворять въ необходимыхъ потребностяхъ жизни; надобно учить благочестію и христіанской жизни. Затѣмъ изображаются слѣдствія дурнаго обращенія съ рабами; и въ этой статьѣ проповѣдники жизненны, говорятъ съ силою, заимствуютъ краски для своего слова изъ дѣйствительной жизни. «Если, говорятъ они, ты не удовлетворишь раба, особенно усерднаго, не научишь благочестію, станешь притѣснять его, то онъ воздохнетъ и восплачетъ на тебя, начнетъ воровать, разбойничать, развратничать, или убѣжитъ въ другую землю, продастся язычникамъ, или утопится, повѣсится. Грѣхъ и погибель его падетъ на твою отвѣтственность предъ Богомъ». Опуская изъ виду отрывочныя наставленія о рабахъ, разбросанныя во многихъ поученіяхъ, мы займемся словами, посланіями и устными бесѣдами, направленными въ защиту рабовъ. Наибольшая часть поученій, написанныхъ въ защиту рабовъ, падаетъ на XIII—XIV вѣкъ, время крайнихъ безпорядковъ и особеннаго притѣсненія рабовъ. О рабахъ

часто упоминается въ обличеніи судей и богачей и въ епитиміяхъ священниковъ. Съ XV вѣка, времени упадка живой проповѣди, въ сборники заносятся древнія поученія о свободѣ рабовъ. Живую проповѣдь относительно этого предмета замѣнили, отчасти, посланія подвижниковъ къ вельможамъ, и особенно устныя наставленія ихъ о милованіи рабовъ. Объ устныхъ наставленіяхъ подвижниковъ и вліяніи ихъ на нравы часто упоминается въ житіяхъ русскихъ святыхъ. Впрочемъ, устныя наставленія подвижниковъ о милованіи рабовъ и подобныхъ предметахъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; они содержатъ повтореніе извѣстныхъ нравственныхъ истинъ, проводимыхъ въ древнихъ поученіяхъ и посланіяхъ. Такъ, владыка Симеонъ высказалъ кн. Константину о судьѣ тѣ свѣденія и замѣчанія, которыя заключались въ «Мѣрилѣ праведномъ» и другихъ проповѣднических сборникахъ. Димитрій вологодскій высказалъ одному вельможѣ о рабахъ тѣ истины, которыя повторялись и до него многими проповѣдниками.

Самое древнее поученіе о рабахъ, полное практическихъ наставленій, относится къ XIII вѣку. Оно озаглавливается: «слово Церкви къ тѣмъ, кои имѣютъ челядь». «Кто изъ васъ имѣетъ рабовъ и рабынь, учите ихъ, побуждайте къ крещенію, покаянію, наставляйте въ законъ божій грозою и ласкою. Ты—игуменъ въ своемъ дому; если не учишь ихъ, то дашь отвѣтъ предъ Богомъ. Корми ихъ довольно, снабжай одеждою и пищею, и чего просятъ, давайте, чтобъ не скорбѣли. Не безчестите ихъ, ибо они такіе же люди, данные вамъ Богомъ въ услуженіе. Если же не дадите имъ одежды и пищи, а они начнутъ красть и разбойничать, не стерпя голода и наготы, вы отвѣтите предъ Богомъ. Позаботимся братіе

о спасеніи слугъ нашихъ, чтобы они были добры и богобоязненны. Если рабы будутъ наставлены въ страхѣ божіемъ, то они будутъ тебѣ помощниками въ добрѣ. Не оставляй ихъ праздными, ибо праздность ведетъ ко многому злу; равно и не отягчай раба и рабыню, чтобы они не воздохнули на тебя Богу. Богъ услышитъ ихъ вопль и прольетъ на тебя гнѣвъ. Господа! удовлетворяйте своихъ рабовъ, да не опечалятся и скорбятъ изъ за тѣлесной скудости; дѣлайте всѣхъ довольными. Учите ихъ закону; если не послушаетъ тебя, накажи его, не чрезъ силу, (и) такъ спасешь его душу и сохранишь отъ человѣческихъ пороковъ. Если имѣешь добраго раба, имѣй его какъ брата и сына; а если озлобишь его, (особенно) когда хорошо работаетъ на тебя, то онъ убѣжитъ въ другую землю» [1]). Слова подобнаго содержанія: въ Изумрудѣ: 54-е слово Златоуста объ обращеніи со слугами. «Если рабъ не послушаетъ тебя, то накажи его плетью, не чрезмѣрно, но какъ велитъ божія премудрость, до 6 ранъ или до 10; а если преступленіе весьма велико, то до 20 ранъ, а болѣе не велимъ».—127-е ап. Павла, о супружествѣ. «Дайте взаймы и не отягощайте лихвою, чтобы не подпасть осужденію. Насилованіе должника, наказаніе слугъ не по винѣ, чрезмѣрнымъ трудомъ, наготою и голодомъ, есть душегубство; а они удавятся, или утопятся, или убѣгутъ къ поганымъ (язычникамъ)».—109 и 110-е слова о немилостивыхъ богатыхъ, рѣзкаго содержанія, направлены противъ притѣсненій. «Ты зажегъ въ церкви свои свѣчи, говоритъ проповѣдникъ, (взятыя) отъ обиды бѣдныхъ, и твоя свѣча погасаетъ (отъ ихъ слезъ)». Въ Злато-

[1]) Изумр. солов. № 270. Прав. собес. 1859 г. генв. 54.

устникѣ: 16 и 98-е слова направлены противъ богачей, притѣсняющихъ бѣдныхъ.

Изъ наставленій о рабахъ, писанныхъ къ частнымъ лицамъ, замѣчательно посланіе Іосифа волоколамскаго къ одному вельможѣ. Оно рѣзко обличаетъ скупость вельможи и внушаетъ ему заботу о рабахъ, подъ опасеніемъ вѣчныхъ наказаній. «Слышалъ я, говоритъ проповѣдникъ, отъ божественныхъ писаній, какъ они повелѣваютъ (о слугахъ) не рабовъ имѣть въ нихъ, но миловать какъ братію, довольно питать и одѣвать, заботиться о спасеніи ихъ душъ, наставлять на всѣ благія дѣла, чтобы поставить души ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. А твои жалкія сироты (сиротанесчастный, послѣдній нищій) въ такой тѣснотѣ живутъ, что имъ не только нельзя совершать добрыя дѣла, а таютъ голодомъ и не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Великая бѣда и безконечное мученіе тѣмъ, кто не печется о домашнихъ сиротахъ» [1]). Изъ устныхъ наставленій о милованіи рабовъ наиболѣе важно по своему содержанію поученіе Димитрія вологодскаго нѣкоему вельможѣ. Съ одной стороны, оно знакомитъ насъ съ двоедушнымъ поведеніемъ вельможъ и богачей, угнѣтавшихъ рабовъ и заглаждавшихъ свои грѣхи приношеніями въ церковь, а съ другой стороны—съ благодѣтельнымъ вліяніемъ подвижниковъ на нравственность этихъ людей. Ибо, какъ замѣчаетъ біографъ Димитрія, «преподобный былъ смиреннымъ учителемъ не одному этому вельможѣ, но и всѣмъ; паки же и учитель на покаяніе, егоже ученіе многимъ на пользу велію и на память, донынѣ». Нѣкто вельможа, изъ окрестныхъ

[1]) Допол. ак. ист. I, № 213.

жителей Вологды, принесъ въ монастырь Димитрія, для братіи, много брашна. Святый не принялъ дара и кротко обличилъ принесшаго. «Чадо! что ты приготовилъ для насъ, то возьми и отнеси назадъ. Сперва напитай живущихъ въ твоемъ дому сиротъ и работниковъ, чтобы они не гибли отъ голода и жажды; а остатки принеси нашей нищетѣ. Да будетъ совершенъ вѣнецъ твоей милости и да вмѣнится тебѣ въ оправданіе». Вельможа съ радостію выслушалъ кроткое обличеніе преподобнаго и обѣщалъ поступать по его ученію. Зная грубые нравы рабовъ, мы вправѣ ожидать поученій и наставленій, обличающихъ ихъ дѣйствія; но такихъ поученій не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ, по крайней мѣрѣ въ достаточномъ количествѣ. Для примѣра можно указать на посланіе митр. Даніила къ в. кн. Ивану. Въ этомъ посланіи проповѣдникъ обличаетъ слугъ князя, за ихъ пороки и преступленія [1]).

Нравственные недостатки жителей Сибири, и обличеніе ихъ.

Всѣ нравственные недостатки, какіе мы видѣли въ жителяхъ древней Руси, были свойственны и жителямъ Сибири, какъ русскимъ поселенцамъ; но недостатки эти были развиты въ высшей степени, вслѣдствіе особаго положенія Сибири. Завоеванная въ 1582 году, населенная идолопоклонниками и магометанами, она сдѣлалась еще мѣстомъ ссылки русскихъ преступниковъ и раскольниковъ. Русское населеніе въ древней Сибири было незначительно; но съ нимъ трудно было управиться, такъ какъ оно было раскидано на 300,000 квадратныхъ миль. Осужденное закономъ, смѣшанное съ идолопоклонниками, магометанами и раскольничьими сектами, разбросанное

[1]) Румянц. № 89.

устникѣ: 16 и 98-е слова направлены противъ богачей, притѣсняющихъ бѣдныхъ.

Изъ наставленій о рабахъ, писанныхъ къ частнымъ лицамъ, замѣчательно посланіе Іосифа волоколамскаго къ одному вельможѣ. Оно рѣзко обличаетъ скупость вельможи и внушаетъ ему заботу о рабахъ, подъ опасеніемъ вѣчныхъ наказаній. «Слышалъ я, говоритъ проповѣдникъ, отъ божественныхъ писаній, какъ они повелѣваютъ (о слугахъ) не рабовъ имѣть въ нихъ, но миловать какъ братію, довольно питать и одѣвать, заботиться о спасеніи ихъ душъ, наставлять на всѣ благія дѣла, чтобы поставить души ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. А твои жалкія сироты (сирота-несчастный, послѣдній нищій) въ такой тѣснотѣ живутъ, что имъ не только нельзя совершать добрыя дѣла, а таютъ голодомъ и не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Великая бѣда и безконечное мученіе тѣмъ, кто не печется о домашнихъ сиротахъ» [1]). Изъ устныхъ наставленій о милованіи рабовъ наиболѣе важно по своему содержанію поученіе Димитрія вологодскаго нѣкоему вельможѣ. Съ одной стороны, оно знакомитъ насъ съ двоедушнымъ поведеніемъ вельможъ и богачей, угнѣтавшихъ рабовъ и заглаждавшихъ свои грѣхи приношеніями въ церковь, а съ другой стороны—съ благодѣтельнымъ вліяніемъ подвижниковъ на нравственность этихъ людей. Ибо, какъ замѣчаетъ біографъ Димитрія, «преподобный былъ смиреннымъ учителемъ не одному этому вельможѣ, но и всѣмъ; паки же и учитель на покаяніе, егоже ученіе многимъ на пользу велію и на память, донынѣ». Нѣкто вельможа, изъ окрестныхъ

[1]) Допол. ак. ист. I, № 213.

жителей Вологды, принесъ въ монастырь Димитрія, для братіи, много брашна. Святый не принялъ дара и кротко обличилъ принесшаго. «Чадо! что ты приготовилъ для насъ, то возьми и отнеси назадъ. Сперва напитай живущихъ въ твоемъ дому сиротъ и работниковъ, чтобы они не гибли отъ голода и жажды; а остатки принеси нашей нищетѣ. Да будетъ совершенъ вѣнецъ твоей милости и да вмѣнится тебѣ въ оправданіе». Вельможа съ радостію выслушалъ кроткое обличеніе преподобнаго и обѣщалъ поступать по его ученію. Зная грубые нравы рабовъ, мы вправѣ ожидать поученій и наставленій, обличающихъ ихъ дѣйствія; но такихъ поученій не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ, по крайней мѣрѣ въ достаточномъ количествѣ. Для примѣра можно указать на посланіе митр. Даніила къ в. кн. Ивану. Въ этомъ посланіи проповѣдникъ обличаетъ слугъ князя, за ихъ пороки и преступленія [1]).

Нравственные недостатки жителей Сибири, и обличеніе ихъ.

Всѣ нравственные недостатки, какіе мы видѣли въ жителяхъ древней Руси, были свойственны и жителямъ Сибири, какъ русскимъ поселенцамъ; но недостатки эти были развиты въ высшей степени, вслѣдствіе особаго положенія Сибири. Завоеванная въ 1582 году, населенная идолопоклонниками и магометанами, она сдѣлалась еще мѣстомъ ссылки русскихъ преступниковъ и раскольниковъ. Русское населеніе въ древней Сибири было незначительно; но съ нимъ трудно было управиться, такъ какъ оно было раскидано на 300,000 квадратныхъ миль. Осужденное закономъ, смѣшанное съ идолопоклонниками, магометанами и раскольничьими сектами, разбросанное

[1]) Румянц. № 89.

на громадномъ разстояніи, вдали отъ царя, закона и просвѣщенія, населеніе Сибири предалось всевозможной безнравственности и распущенности поведенія. Сибирь, получающая и нынѣ, ежегодно, до 10,000 поселенцевъ, искушенныхъ всякаго рода беззаконіями, въ старину была настоящимъ моральнымъ кладбищемъ. Государство стало высылать своихъ нравственныхъ мертвецовъ въ обширную Сибирь, и безъ того наполненную язычниками и преступниками. Чтобы не возмущать лишній разъ нравственнаго чувства изображеніемъ грязныхъ пороковъ древней Сибири, мы предоставимъ говорить о нихъ самимъ проповѣдникамъ, и то вкратцѣ, безъ разъясненій. Въ первомъ періодѣ, съ XVI до XVIII вѣка, немногіе проповѣдники занимались просвѣщеніемъ Сибири, обличеніемъ безнравственности христіанъ, заблужденій раскольниковъ и обращеніемъ въ христіанство идолопоклонниковъ и магометанъ; а при тогдашней скудости средствъ для умственнаго и нравственнаго образованія, и эти немногіе ревнители добра не могли сдѣлать многаго для обширной неустроенной страны. Первые пастыри—проповѣдники Сибири были вмѣстѣ и миссіонерами. Разъѣзжая по обширнымъ епархіямъ, они наставляли народъ въ добрѣ, строили церкви и монастыри, какъ школы христіанскаго образованія. Затѣмъ, примѣняясь къ условіямъ мѣстности, они разсылали окружныя граматы или поученія народу и предписывали священникамъ и инокамъ заниматься его нравственнымъ воспитаніемъ. Уже къ концу перваго періода явились въ Сибири образованные проповѣдники, которые занимались составленіемъ поученій, по правиламъ искусства, и оставили намъ свои произведенія. Говоря о миссіонерскомъ проповѣдничествѣ, мы упомянули о первыхъ миссіонерахъ,

проповѣдникахъ Сибири, и знаменитомъ арх. тобольскомъ Кипріанѣ. Исчисляя его подвиги, мы замѣтили, что онъ «исправилъ многую слабость въ беззаконныхъ и крестилъ многихъ невѣрныхъ». Онъ устроилъ также въ своей епархіи нѣсколько монастырей и церквей. Другимъ знаменитымъ миссіонеромъ-проповѣдникомъ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, былъ митр. тобольскій Филоѳей. Онъ часто путешествовалъ по Сибири, съ своими священниками, и обратилъ въ христіанство до 40,000 инородцевъ; построилъ до 37 церквей. 1703 г. во всей Сибири было 160 церквей [1]). Въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ сибирскихъ трудился инокъ Михаилъ, посланный патр. Іоакимомъ, и особенно митр. тобольскій Игнатій. Игнатій путешествовалъ по своей епархіи, для вразумленія и обращенія раскольниковъ. Онъ написалъ три обличительныя посланія противъ раскола; въ отношеніи содержанія особенно важно первое. Въ немъ митр. раскрылъ ту мысль, что надобно остерегаться руководителей, которые внушаютъ самосожженіе, какъ мученическій подвигъ, отвергаютъ таинства и обрядность церковную. Изъ многихъ граматъ пастырскихъ мы ознакомимся съ граматою или поученіемъ арх. тобольскаго Симеона, писанною въ 1653 г., къ міру (въ якутскій острогъ). Эта грамата, проникнутая нравственно-аске-

[1]) Татищевъ очень дурно отзывался о миссіонерахъ своего времени, за ихъ нерадѣніе о своей обязанности, незнаніе туземныхъ языковъ и притѣсненіе инородцевъ. Одного архимандрита, собиравшаго бѣлокъ и лисицъ, сибирскіе инородцы погрузили въ прорубь (трижды), говоря: купая насъ въ водѣ, сказывали, что будешь лучше. А ты дѣлаешь не хорошо; посему купаемъ тебя, чтобы ты жилъ лучше». О самомъ обращеніи остяковъ м. Филоѳеемъ онъ выражается такъ: «только ихъ купали, кресты надѣвали, лисицъ обирали, и по прежнему оставляли въ невѣжествѣ».

тическимъ ученіемъ, хорошо знакомитъ насъ съ пороками сибиряковъ. Она написана въ древнемъ тонѣ, безпорядочно, тяжолымъ языкомъ, и отъ того, при всей благонамѣренности своей, лишена силы и убѣдительности. Повторивъ нѣсколько разъ наставленія о постѣ, молитвѣ, хожденіи въ церковь, исповѣди, страхѣ божіемъ, сокрушеніи, умиленіи, слезахъ, милостынѣ и вообще покаяніи, проповѣдникъ изображаетъ беззаконія народа, навлекающія гнѣвъ божій. «Смиримся предъ Богомъ, отвратимся отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: блуда, прелюбодѣйства, содомства, пьянства, гнѣва, всякія нечистоты, осужденія, клеветы, грабежа, лихоимства, зависти, сквернымъ словъ и ругательствъ, губящихъ душу. Слышится въ васъ пагубное и скверное блуженіе. Нѣкоторые изъ васъ безчинники живутъ съ татарками (язычницами) и прижитыхъ дѣтей морятъ и бросаютъ. Кромѣ того берутъ въ плѣнъ (язычницъ) татарокъ, или покупаютъ, крестятъ ихъ, живутъ съ ними два-три года, и потомъ продаютъ ихъ ради корысти» [1]). Кстати замѣтить, что проповѣдникъ совѣтуетъ всѣмъ ежедневно ходить въ церковь и особенно соблюдать среды, пятки и великій постъ. Митр. Филоѳей свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ количествѣ дѣтоубійствъ, совершавшихся въ его время, въ Сибири. Кромѣ исчисленныхъ пороковъ, общихъ всѣмъ сословіямъ древней Сибири, каждое изъ нихъ отличалось частными недостатками. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ судьи и правители. Вдали отъ царя и закона они дозволяли себѣ самоуправство и насилія, превосходящія всякое вѣроятіе. Сибирскія лѣтописи наполнены жалобами на неправосудіе и жестокость судей; но проповѣдники боялись обличать ихъ [1]). Въ началѣ XVIII вѣка въ Сибири явился образованный проповѣдникъ, бывшій префектъ московской академіи, св. епископъ Иннокентій. Онъ оставилъ намъ собраніе своихъ словъ, неразъ списанное почитателями его памяти. Въ словахъ свят. Иннокентія обличаются всѣ пороки сибиряковъ: невниманіе къ христіанскимъ обязанностямъ, преимущественно пьянство, развратъ, сквернословіе и корыстолюбіе; обличаются пороки сословій и самыхъ судей; излагаются нравственно-аскетическія наставленія о добродѣтеляхъ, покаяніи, пренебреженіи земною и приготовленіи къ небесной жизни. Между прочимъ святитель внушаетъ всѣмъ ежедневно ходить къ утренѣ, обѣднѣ и вечернѣ, соблюдать домашнее правило, постъ, ѣсть и пить въ мѣру, въ опредѣленное время. Особенно сильно проповѣдникъ изображаетъ превратность славы и счастія судей и необходимость подвиговъ христіанскихъ. «Въ мірѣ все измѣнно. Нынѣ въ чести и славѣ, завтра въ темницѣ и заключеніи; нынѣ не можетъ счесть богатства, завтра алчетъ крупицы и не обрѣтаетъ; нынѣ на свободѣ, завтра въ неволѣ; нынѣ господствуетъ и повелѣваетъ, завтра издыхаетъ». «Мы грѣшные, нечистые, всегда грѣхи творимъ, а не раскаяваемся, въ церковь не ходимъ. Безлѣпостно приходите къ вечерни, утрени, обѣднѣ, къ началу: слушайте со вниманіемъ, въ молчаніи, и до отпуста не выходи. Если далеко отъ церкви, можешь дома исправить свое правило, пѣніе и поклоны по силѣ; и не лѣнись. Посты и праздники почитай честію. Нѣкоторому царю, имѣвшему семь дочерей, люди покло-

[1]) Археогр. ком., иркут. отдѣлъ.

[1]) Иркут. лѣт. 1695—1701 г; лѣтоп. Нежемск. 1717 г; истор. Сибири Словцова, I, 407.

нились и шесть дочерей почтили дарами, а седьмую презрѣли; и царь прогнѣвался на нихъ, зачѣмъ не почтили меньшую. Такъ почитайте небеснаго Царя дарами, овъ молитвою, овъ постомъ со слезами, и св. постъ, семь недѣль, почитайте, яко седмь дщерей царя небеснаго; седмую, яко послѣднюю, не презирайте» [1]). Мы высказали общій взглядъ на проповѣдь въ Сибири, ради полноты и всесторонности плана сочиненія; между тѣмъ эта проповѣдь, по важности и обширности своего содержанія заслуживаетъ особаго отдѣла въ исторіи русскаго проповѣдничества [2]) Проповѣдничество въ Сибири, изображающее разлитіе пороковъ, вдали отъ закона и руководства религіи, объяснитъ намъ благотворное вліяніе проповѣдниковъ на нравы и опасность удаленія отъ ихъ руководства. Какая противоположность въ нравахъ жителей европейской Россіи, руководимыхъ законодательствомъ и вѣрою, и поселенцевъ Сибири, предоставленныхъ самимъ себѣ и влеченіямъ грѣшной природы! Тамъ—сдержанность и постепенная усовершимость народа въ 700 лѣтъ, при всей недостаточности руководства законовъ и вѣры; здѣсь—растлѣніе нравовъ, достигшее послѣдней степени, въ какихъ нибудь 100—150 лѣтъ!

---

[1]) Поуч. нед. 6 по пасхѣ; поуч. на введеніе; поуч. въ нед. цвѣт.

[2]) Пособіями къ исторіи проповѣдничества въ Сибири могутъ служить сочиненія: Начало христіанства въ Иркутскѣ; О проповѣдничествѣ св. Иннокентія; Біографіи тобольскихъ святителей, прот. Сулоцкаго; Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири; Отеч. Зап. 1867 г. сент. окт.; Историко-статист. описаніе камчат. церквей; Извѣст. сибир. отдѣла геогр. общ. III, № 3, 1872 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Увѣщаніе и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, какъ слѣдствіи грѣха.

Въ изображеніи древняго быта русскаго народа мы показали его неустройства и бѣдствія. При чемъ мы обратили вниманіе на самыя причины этихъ неустройствъ и бѣдствій, общія и частныя. Предметъ—очень важный для уразумѣнія характера древняго проповѣдничества; ибо, какъ увидимъ, древніе проповѣдники объясняли всѣ бѣдствія и неустройства народа общею причиною: грѣхами и гнѣвомъ Божіимъ. Главныя изъ этихъ бѣдствій были: а) раздоры и войны князей и городовъ, дававшіе пищу всевозможнымъ страстямъ и преступленіямъ; б) нашествія варваровъ на Россію и особенно монголовъ; в) бѣдствія физическія, особенно отъ голода и мора, черной смерти въ XIV и чумы въ XVII в. На всѣ эти бѣдствія пастыри, какъ воспитатели народа, должны были отозваться словомъ увѣщанія и утѣшенія. И они отозвались на нихъ, вообще, не какъ отцы утѣшители, а какъ блюстители нравственности, признававшіе всѣ бѣдствія наказаніемъ за грѣхи. Такимъ тономъ увѣщанія пастыри, строго говоря, недостаточно утѣшали народъ въ бѣдахъ и, можетъ быть, въ тяжкихъ случаяхъ усиливали его смущеніе и страданіе, хотя дѣлали это невольно, по искренности убѣжденія и вслѣдствіе религіозныхъ предразсудковъ. Мы не причисляемъ къ бѣдствіямъ убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра, хотя проповѣдники и этотъ предразсудокъ считали карою Божіей, и своими мрачными предсказаніями смущали народъ въ продолженіе 300 лѣтъ. Въ проповѣди о бѣдствіяхъ, продолжав-

шейся чрезъ весь періодъ, пастыри не касались ближайшихъ причинъ бѣдствій, чѣмъ много облегчили бы страданія народа. Они всегда руководствовались библейскимъ взглядомъ на этотъ предметъ, общею причиною — грѣхомъ и гнѣвомъ Божіимъ. Такой взглядъ на бѣдствія народа наши проповѣдники заимствовали изъ греческаго проповѣдничества, въ которомъ, какъ мы видѣли, всѣ бѣдствія государства тоже объяснялись грѣхомъ и гнѣвомъ божіимъ. Особенно они считали несомнѣннымъ признакомъ гнѣва божія войну, голодъ и моръ. И ни въ одномъ отдѣлѣ проповѣдничества наши проповѣдники не отличаются такою подражательностію грекамъ, какъ въ ученіи о бѣдствіяхъ; въ этомъ отдѣлѣ они теряютъ всякую самобытность мысли, всѣ повторяютъ одно и тоже. Общая мысль и содержаніе всѣхъ поученій о бѣдствіяхъ—призываніе къ покаянію, посту, молитвѣ, слезамъ, исповѣди и вообще добродѣтелямъ, умилостивляющимъ Бога за грѣхи. И замѣчаніе критиковъ о безцвѣтности и безличности древнихъ проповѣдниковъ въ этомъ отдѣлѣ имѣетъ полное приложеніе. «Они такъ похожи другъ на друга, что нельзя составить понятія объ отдѣльной личности. Развитія въ ихъ идеяхъ никакого; чѣмъ началъ одинъ въ XI вѣкѣ, тѣмъ кончилъ двадцатый въ XVII вѣкѣ». Дѣйствительно, около половины XI в. св. Ѳеодосій въ поученіи о казняхъ божіихъ, написанномъ едвали не по случаю нашествія половцевъ, говорилъ, что причиною казней божіихъ: «нашествія иноплеменниковъ, голода и проч. наши грѣхи». Въ XV вѣкѣ, по случаю общественныхъ бѣдствій, эту мысль всего чаще повторялъ въ поученіяхъ митр. Фотій. Въ половинѣ XVII вѣка патр. Никонъ, какъ увидимъ, повторилъ тѣже мысли и доказатель-

ства, по случаю моровой язвы. Нельзя совершенно отрицать сказаннаго взгляда на бѣдствія; но справедливость его можетъ быть допущена только въ обширномъ и общемъ смыслѣ, при недостаткѣ частныхъ, неопровержимыхъ обстоятельствъ. Опредѣленіе божіе о грѣхѣ, какъ нарушеніи закона, таково, что грѣхъ всегда наказываетъ насъ дурными своими слѣдствіями. Но отъ естественныхъ слѣдствій грѣха, которыя можно предусмотрѣть и отвратить, должно отличать необыкновенныя наказанія, напр. всемірный потопъ, плѣнъ вавилонскій, которыя не могутъ быть предусмотрѣны и отвращены, при нераскаянности людей. Принимая во вниманіе отвлеченный, нравственно-аскетическій характеръ поученій, сказанныхъ по случаю бѣдствій, мы не можемъ назвать ихъ практическими въ строгомъ смыслѣ, а развѣ въ смыслѣ цѣли, къ которой они направлены; цѣль поученій состояла въ облегченіи бѣдствій, утѣшеніи и успокоеніи народа [1]).

---

[1]) Епидеміи подчинены физіологическимъ законамъ, на основаніи которыхъ могутъ быть предотвращены и ослаблены. Въ австро-прусскую и франко-прусскую войну падали десятки тысячъ людей и лошадей (при Гравелоттѣ до 60,000) и порождали тифъ, который губилъ сотни тысячъ людей. При искусномъ дѣйствіи медицины тифъ значительно ослабѣвалъ. Чума, губившая въ Африкѣ сотни тысячъ людей, прекратилась, вслѣдствіе мѣръ правительства относительно зарыванія труповъ и скопленія богомольцовъ въ Меккѣ, доходившаго до 500,000. Епидеміи условливаются міазмами, поражающими легкія, слизистыя оболочки, и инфузоріями, находящими въ крови почву для своего развитія. Восходя отъ частныхъ причинъ къ общимъ, мы и эти явленія можемъ признать наказаніемъ за грѣхи. И наука не противорѣчитъ тому. Она признаетъ законъ, по которому на землѣ лишній процентъ населенія подлежитъ исключенію. Опытъ и знаніе заграждаютъ пути смертности, но смерть пересиливаетъ наше искусство.

Обличеніе междоусобій и раздоровъ князей, боляръ и вольныхъ городовъ.

Междоусобіе удѣльныхъ князей было главнымъ бѣдствіемъ древней Руси. Оно грозило совершеннымъ разложеніемъ государства, подчинило его монголамъ и породило безчисленныя неустройства. Въ это неустроенное время, обнимающее XI — XIV вѣка, спасителемъ государства явилось духовенство. Съ одной стороны, оно ограничивало междоусобія обличеніемъ и назиданіемъ, съ другой стороны, подкрѣпило свое слово дѣломъ, возвысило царскую власть въ лицѣ московскихъ князей и содѣйствовало уничтоженію удѣловъ. Прямыхъ, оффиціальныхъ обличеній раздоровъ князей мы почти не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ. Это объясняется благоговѣніемъ пастырей къ властямъ, наслѣдованнымъ отъ грековъ, основаніе которому лежитъ въ писаніи, а равно политическою зависимостію ихъ отъ князей. Къ-тому-же, пастыри понимали, что раздоры князей за наслѣдство глубоко коренятся въ государственномъ строѣ и что ихъ обязанность по возможности ограничивать непобѣдимое зло. Пастыри обуздывали самоуправство князей большею частію домашнимъ увѣщаніемъ и посланіями. Къ такому увѣщанію ихъ обязывало гражданское право, по которому они были совѣтниками князей, и—духовное, какъ отцовъ духовниковъ, руководителей въ вѣрѣ. Извѣстно, что духовниками и руководителями древнихъ князей большею частію были игумены, славные по жизни и уму; они нерѣдко возвышались до сана епископа и митрополита. И рѣдко духовниками князей и царей были протоіереи,

тоже извѣстные по своимъ услугамъ. Только въ крайнихъ случаяхъ, когда того требовало общее благо, пастыри оставляли свойственный имъ спокойный тонъ, прибѣгали къ угрозамъ, обличеніямъ и запрещеніямъ. Въ такихъ случаяхъ они большею частію дѣйствовали по порученію высшей іерархической и гражданской власти.

аа) Увѣщаніе и обличеніе князей.

Пастыри Церкви, какъ учители вѣры и совѣтники князей, нерѣдко писали къ нимъ посланія, по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Въ этихъ посланіяхъ они обыкновенно побуждали князей къ благочестію, внушали имъ заботливость о подданныхъ, внимательность къ службѣ и правосудіе. Этими мѣрами пастыри достигали важныхъ цѣлей и приносили не малую пользу государству. Настраивая князей на добро, они обуздывали ихъ страсти, ограничивали вліяніе клеветы, вражды, раздѣленій и смутъ. Въ критическія минуты пастыри нерѣдко одушевляли князей на подвигъ самоотверженія для блага государства. Такъ, митр. Никифоръ въ посланіи къ Мономаху, писанномъ по случаю поста, даетъ наставленія князю объ обязанности его. Какъ грекъ и риторъ, усвоившій византійское образованіе, онъ осторожно идетъ къ цѣли, прикрываетъ свои наставленія разными умствованіями, фигурами и изворотами слова. Онъ учитъ князя вникать въ дѣла правленія, не довѣрять окружающимъ его людямъ, особенно клеветникамъ; ибо по ихъ проискамъ многіе подвергаются незаслуженнымъ наказаніямъ и изгнанію. Въ заключеніе, совѣтуетъ князю помнить и пѣть псаломъ: «милость и судъ воспою тебѣ»[1]).

[1]) Русск. дост. I, 71.

а) Обличеніе междоусобій и раздоровъ князей, бояръ и вольныхъ городовъ.

Междоусобіе удѣльныхъ князей было главнымъ бѣдствіемъ древней Руси. Оно грозило совершеннымъ разложеніемъ государства, подчинило его монголамъ и породило безчисленныя неустройства. Въ это неустроенное время, обнимающее XI — XIV вѣка, спасителемъ государства явилось духовенство. Съ одной стороны, оно ограничивало междоусобія обличеніемъ и назиданіемъ, съ другой стороны, подкрѣпило свое слово дѣломъ, возвысило царскую власть въ лицѣ московскихъ князей и содѣйствовало уничтоженію удѣловъ. Прямыхъ, оффиціальныхъ обличеній раздоровъ князей мы почти не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ. Это объясняется благоговѣніемъ пастырей къ властямъ, наслѣдованнымъ отъ грековъ, основаніе которому лежитъ въ писаніи, а равно политическою зависимостію ихъ отъ князей. Къ-тому-же, пастыри понимали, что раздоры князей за наслѣдство глубоко коренятся въ государственномъ строѣ и что ихъ обязанность по возможности ограничивать непобѣдимое зло. Пастыри обуздывали самоуправство князей большею частію домашнимъ увѣщаніемъ и посланіями. Къ такому увѣщанію ихъ обязывало гражданское право, по которому они были совѣтниками князей, и—духовное, какъ отцовъ духовниковъ, руководителей въ вѣрѣ. Извѣстно, что духовниками и руководителями древнихъ князей большею частію были игумены, славные по жизни и уму; они нерѣдко возвышались до сана епископа и митрополита. И рѣдко духовниками князей и царей были протоіереи, тоже извѣстные по своимъ услугамъ. Только въ крайнихъ случаяхъ, когда того требовало общее благо, пастыри оставляли свойственный имъ спокойный тонъ, прибѣгали къ угрозамъ, обличеніямъ и запрещеніямъ. Въ такихъ случаяхъ они большею частію дѣйствовали по порученію высшей іерархической и гражданской власти.

аа) Увѣщаніе и обличеніе князей.

Пастыри Церкви, какъ учители вѣры и совѣтники князей, нерѣдко писали къ нимъ посланія, по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Въ этихъ посланіяхъ они обыкновенно побуждали князей къ благочестію, внушали имъ заботливость о подданныхъ, внимательность къ службѣ и правосудіе. Этими мѣрами пастыри достигали важныхъ цѣлей и приносили не малую пользу государству. Настраивая князей на добро, они обуздывали ихъ страсти, ограничивали вліяніе клеветы, вражды, раздѣленій и смутъ. Въ критическія минуты пастыри нерѣдко одушевляли князей на подвигъ самоотверженія для блага государства. Такъ, митр. Никифоръ въ посланіи къ Мономаху, писанномъ по случаю поста, даетъ наставленія князю объ обязанности его. Какъ грекъ и риторъ, усвоившій византійское образованіе, онъ осторожно идетъ къ цѣли, прикрываетъ свои наставленія разными умствованіями, фигурами и изворотами слова. Онъ учитъ князя вникать въ дѣла правленія, не довѣрять окружающимъ его людямъ, особенно клеветникамъ; ибо по ихъ проискамъ многіе подвергаются незаслуженнымъ наказаніямъ и изгнанію. Въ заключеніе, совѣтуетъ князю помнить и пѣть псаломъ: «милость и судъ воспою тебѣ»[1]).

[1]) Русск. дост. I, 71.

Подобнымъ образомъ Кириллъ бѣлоозерскій въ посланіи къ в. князю Василію убѣждаетъ его быть внимательнымъ къ своимъ обязанностямъ, по той причинѣ, что «если онъ удостоился великой государственной власти, то долженъ болѣе всѣхъ трудиться». Такоеже наставленіе даетъ игуменъ Филоѳей московскому князю. «Царствующему надлежитъ держать свое царство съ великимъ опасеніемъ. Убойся Бога, давшаго тебѣ все это; не надѣйся на золото, богатство и славу, ибо все это здѣсь останется. Богатство заключается не въ сокровищахъ, но въ помощи нуждающимся» [1]). Въ этомъ же духѣ писалъ посланіе митр. Даніилъ къ в. князю. «Великому государю надлежитъ исполнить добродѣтель и правду, заботиться о томъ, чтобы привести находящихся въ твоей власти въ разумъ истины; ибо государь есть глава своимъ людямъ. Не хвались сильный своею силою, ни богатый богатствомъ, но о томъ хвались, чтобы разумѣть и творить судъ и правду» [2]). Изъ посланій, имѣвшихъ вліяніе на участь государства, заслуживаетъ вниманія посланіе преп. Сергія къ Димитрію Донскому, побудившее его переправиться за Донъ, передъ куликовской битвой. «Иди, господинъ, писалъ преп. Сергій; поможетъ тебѣ Богъ и св. Богородица». Подобнымъ образомъ митр. Геронтій побуждалъ Іоанна III сразиться съ Ахматомъ, для освобожденія отечества. «Богъ да сохранитъ твое царство и дастъ тебѣ побѣду. Мужайся и крѣпися, духовный сынъ, какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ свою душу за овцы. Избави врученное тебѣ стадо отъ грядущаго звѣря» [3]). Въ этомъ отношеніи замѣ-

[1]) А. и. I, № 12.
[2]) Прав. собес. 1863 г. март.
[3]) А. и. I.

чательна грамата къ Іоанну III духовника его Вассіана. По свидѣтельству однихъ, эта грамата ободрила Іоанна и его войско къ битвѣ съ Ахматомъ; по свидѣтельству другихъ, она не имѣла вліянія на ходъ дѣла (не во время прибыла). Но какъ памятникъ проповѣдничества, свидѣтельствующій о необыкновенномъ патріотизмѣ и ревности ко благу отечества, грамата заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ, эта грамата служитъ доказательствомъ того, что наши пастыри щедро расточали московскимъ князьямъ царскіе титулы, и чрезъ это содѣйствовали ихъ возвышенію. Въ граматѣ Вассіанъ изобличаетъ крайнюю осторожность Іоанна III, по которой онъ уклонялся отъ сраженія съ татарами, и трусливость бояръ, склонявшихъ Іоанна къ отступленію. «Что тебѣ совѣтуютъ? повергнуть щиты, предать христіанство и отечество сыроядцамъ, и послѣ скитаться по чужимъ странамъ! Государь, помысли, изъ какой славы до какого безчестія хотятъ они довести твое величество! Сколько чрезъ это погубишь народу, сколько церквей оставишь разоренными! Убойся, Богъ взыщетъ отъ тебя кровь русскихъ людей. И куда хочешь бѣжать, гдѣ воцариться, кому оставить царство свое? Оставь свое намѣреніе. Если скажешь: мы подъ клятвою прародителей не поднимать рукъ противъ царя... Боголюбивый царь! когда клятва дана по нуждѣ, намъ велѣно прощать и разрѣшать отъ нея. Святѣйшій митрополитъ, и мы, и весь соборъ, прощаемъ, разрѣшаемъ и благословляемъ тебя идти не на царя, но на разбойника и хищника. Лучше солгавши получить жизнь, нежели погибнуть, истинствуя» [1]).

[1]) Сбор. соф. библ. № 1454, л. 421.

Дѣйствуя на князей посланіями, наставляя ихъ въ добрѣ и благочестіи, пастыри тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ и вмѣстѣ съ осмотрительностію обличали ихъ въ преступленіяхъ и раздорахъ. Приписывая князьямъ царскіе титулы, пастыри не хотѣли обличать ихъ публично, чтобы не унизить Богомъ поставленной власти. Они только намекали въ церковныхъ поученіяхъ на раздоры и междоусобія князей, и потому поученій этого рода до насъ дошло мало [1]). Обыкновенно пастыри обличали князей въ домашней бесѣдѣ, наединѣ, рѣдко посланіями, и склоняли ихъ къ примиренію. Обличая раздоры князей, пастыри говорятъ о зависти, неблагодарности, нехраненіи тайны, нарушеніи клятвы, и другихъ низ-

[1]) До насъ дошло одно поученіе неизвѣстнаго проповѣдника XII вѣка, рѣзко обличающее раздоры князей. Рѣзкость обличенія должно объяснить крайнимъ развитіемъ междуусобій, съ 1125 года, когда, по смерти Мономаха, родственныя отношенія князей донельзя усложнились и запутались, и бѣдствія народа увеличились. «Слово на память св. Бориса и Глѣба. Послушайте князья, противящіеся старшимъ братьямъ, возбуждающіе брани, призывающіе невѣрныхъ на помощь противъ братьевъ! Ужели не знаете, какъ св. Борисъ и Глѣбъ стерпѣли отъ брата не только отнятіе власти, но и лишеніе жизни? А вы не можете стерпѣть отъ брата одного слова, и за малую обиду подымаете смертную вражду и призываете невѣрныхъ на помощь противъ братьевъ. Подумайте о своемъ величіи и чести. Вы имѣете дѣдомъ Владиміра, приведшаго къ Богу тысячи тысячъ праведныхъ. Братьевъ имѣете великихъ чудотворцевъ Бориса и Глѣба. Отъ нихъ научитесь, съ нихъ берите примѣръ. Если врагъ возбудитъ вражду, пусть помянутъ святыхъ, какъ они пожелали лучше умереть, нежели враждовать. Кто изъ васъ отклонитъ вражду и первый подастся на миръ, получитъ отъ Бога равную съ ними награду. Укажу еще примѣръ. Давидъ Святославичъ (умеръ 1123 г.) не враждовалъ ни съ кѣмъ. Если кто подымалъ войну, онъ прекращалъ ее своею покорностію. Если кто изъ братьевъ дѣлалъ ему несправедливость, онъ все переносилъ; крестъ ли кому цѣловалъ, никогда не преступалъ клятвы. Никого не обидѣлъ, никому не сдѣлалъ зла. А братья, видя его такимъ, всѣ слушали его какъ отца, и княженіе его было въ великой тишинѣ. Постыдитесь враждующіе на братьевъ! Вострепещите и восплачте предъ Богомъ, что злопамятствомъ лишаете себя славы».

кихъ страстяхъ, питаемыхъ междоусобіями. О подобныхъ страстяхъ и порокахъ они упоминали и въ обличеніи судей, богачей и властителей.

Такъ, въ Златоустникѣ 33-е слово св. отецъ о смиреніи направлено противъ вражды и раздоровъ. Другое слово, подъ тѣмъ же номеромъ, Златоуста, направлено противъ злобы (здѣсь между прочимъ сказано, что Самсонъ погибъ отъ пьянства). 110-е сходно содержаніемъ съ предыдущими словами и распространено дополненіями. Въ поученіи, произнесенномъ на владимір. соборѣ, сказано: «20-е мытарство назначено для тѣхъ, которые своею враждою погубили Россію». Въ Изумрудѣ 46-е слово Златоуста (историч. повѣсть) учитъ не вѣрить клеветникамъ. Мысли о нарушеніи клятвы, даннаго слова и вѣроломномъ цѣлованіи креста разбросаны во многихъ поученіяхъ. «Ничего нѣтъ хуже и грѣшнѣе, говорятъ проповѣдники, какъ цѣловать крестъ криво; за это Богъ насылаетъ разныя казни». Встрѣчаются также наставленія о храненіи тайны. «Дѣла божіи повѣдать, а тайну цареву хранить». «Кто хранитъ тайну, блюдетъ свою голову», и т. под. О благодарности написано поученіе Кирилломъ арх. ростовскимъ (XIII в.). «Имѣй всегда въ памяти своего благодѣтеля и молись за него. Не смѣй забывать того, кто помогъ тебѣ въ бѣдѣ, выкупилъ изъ плѣна, простилъ долгъ и проч. А кто не помнитъ своего благодѣтеля и злословитъ его, тотъ подобенъ голодному и замерзшему псу. Бывъ согрѣтъ и накормленъ, онъ лаетъ на своего благодѣтеля и хочетъ укусить его» [1]).

Изъ многочисленныхъ домашнихъ бесѣдъ и обли-

[1]) Прав. собес. 1859 г. февр.

ченій князей, отчасти и посланій, мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя сопровождались важными слѣдствіями, ограничивали кровопролитіе, возстановляли общественный и семейный миръ. Изъ житій печерскихъ подвижниковъ видно, что они благотворно дѣйствовали на князей кіевскихъ своими бесѣдами, располагали ихъ къ миру и взаимной уступчивости; особеннымъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ пользовался Ѳеодосій печерскій; онъ писалъ обличительныя посланія къ кн. Святославу. Но самую обширную дѣятельность въ примиреніи князей показалъ митр. Кириллъ I-й, часто посѣщавшій неустроенную Русь, при началѣ монгольскаго владычества. Онъ тѣмъ болѣе имѣлъ успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, въ бѣдственное время Россіи, что былъ «велій философъ», по выраженію лѣтописи, «смышленъ въ божественномъ писаніи, искусенъ въ ученіи и весьма учителенъ»; поученія его не дошли до насъ. Достойны упоминанія въ этомъ отношеніи и другіе пастыри. Митр. Петръ увѣщевалъ Святослава подѣлиться землею съ племянникомъ, или оставить ему все, выйти изъ города и не сражаться. Митр. Ѳеогностъ принудилъ князя Александра, принятаго псковитянами, удалиться изъ Пскова, и тѣмъ предотвратилъ войну съ Іоанномъ Калитой. Подобнымъ образомъ св. Сергій примирилъ князей Олега и Димитрія. «Сей чудный старецъ кроткими и тихими рѣчами бесѣдовалъ съ Олегомъ о мирѣ, любви и душевной пользѣ, и кн. Олегъ перемѣнилъ свирѣпость, утихъ, умилился душею, устыдясь такого св. мужа. Онъ заключилъ съ Димитріемъ вѣчный миръ, и скрѣпилъ его женитьбой своего сына на дочери Димитрія». Это одинъ изъ многихъ примѣровъ и доказательствъ столкновенія двухъ силъ,— моральной и матеріальной, и превосходства первой надъ

послѣднею. Митр. Фотій предостерегалъ князя Василія отъ замысловъ дяди его Юрія. Игуменъ вологодскій Григорій обличалъ князя Юрія и просилъ его уступить престолъ племяннику Василію; онъ также обличалъ Шемяку, грозя ему погибелью за обиды, причиненныя христіанамъ. Митр. Іона смѣло ходатайствовалъ за князя Василія передъ Шемякой. «Ты сдѣлалъ неправду, ввелъ меня въ грѣхъ и стыдъ, обѣщалъ выпустить великаго князя, а вмѣсто сего посадилъ и дѣтей съ нимъ. Ты далъ мнѣ честное слово, и они послушали меня, а теперь остаюсь предъ ними лжецомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей и моей души; что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой и малыя дѣти? Если боишься, укрѣпи его честнымъ крестомъ и нашею братіею—владыками». Это ходатайство имѣло вліяніе на освобожденіе Василія и на дѣло московскаго государства. Епископы, руководимые Іоною, поддерживали и защищали в. кн. Василія, убѣждали Шемяку примириться съ нимъ, грозили ему отлученіемъ отъ Церкви и проклятіемъ. Арх. Вассіанъ дѣйствовалъ успѣшно въ южныхъ областяхъ Россіи, по порученію митр. Іоны, утверждая князей, епископовъ и народъ въ вѣрѣ и добродѣтели. Митр. Іона устроялъ и домашній миръ князей. Строгимъ посланіемъ онъ обличалъ дѣтей кн. Юрія, не покарявшихся своей матери. «Прослави всѣмъ сердцемъ отца твоего и не забудь материяго рожденія. Вспомни, яко отъ того родился еси. Что воздашь имъ за даръ ихъ? можешь ли ихъ родить? Чтущій отца и матерь самъ возвеселится о чадѣхъ» [1]). Собственно посланіями часто примирялъ князей Кириллъ бѣлоезерскій; онъ увѣщевалъ и располагалъ къ миру братьевъ вели-

[1]) Дополн. а. и. I, № 11.

каго князя Андрея и Юрія. Къ князю Василію онъ писалъ: «мы слышали, что между тобою и сродниками—суздальскими князьями идетъ великое смущеніе, изъ за васъ христіанамъ кровопролитіе. Разсмотри, гдѣ правда? и если ты виноватъ, уступи. Слышно, что ты стѣсняешь ихъ; окажи имъ любовь и милость» [1]).

бб) Усмиреніе вражды князей и вольныхъ городовъ.

При раздробленности древней Россіи и медленномъ организованіи царской власти, поводы къ войнамъ и общественнымъ неустройствамъ подавали, кромѣ князей, вольные города. Города эти—Новгородъ, Псковъ, Вятка, Пермь и другіе. Вольные города, особенно Новгородъ и Псковъ, управляемые вѣчемъ, ограничивали власть своихъ князей, нерѣдко изгоняли ихъ, сносились съ иностранными государствами и своеволіемъ раздражали московскихъ князей. Все это пораждало столкновенія вольныхъ городовъ между собою и съ князьями, раздоры и войны. Кромѣ того, своеволіе городовъ часто пораждало внутреннія смятенія и кровопролитіе; въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ неурядицами и дурною славою вольный Новгородъ. Укрощая междоусобія князей, пастыри усмиряли вражду ихъ съ вольными городами и внутреннія волненія городовъ. Укажемъ на болѣе замѣчательные подвиги пастырей въ этомъ отношеніи. Арх. новгородскій Іоаннъ примирилъ князя Андрея съ Новгородцами. Митр. Кириллъ II руководилъ своими совѣтами Ярослава Ярославича и примирилъ его съ Новгородомъ. Войну Донского съ Новгородомъ предотвратилъ новгородскій владыка, обѣщавъ наказать новгородцевъ, виновныхъ въ разбояхъ. Новгородскій архіепископъ от-

[1]) Сбор. соф. биб. № 1281, л. 282.

клонилъ заговоръ новгородцевъ на жизнь Василія темнаго и его младшихъ сыновей; онъ доказалъ, что отъ этого не будетъ пользы Новгороду, такъ какъ въ Москвѣ остался мститель, старшій сынъ князя Іоаннъ. Епископы весьма часто укрощали раздоры и волненія городовъ; укажемъ важнѣйшія заслуги ихъ въ этомъ отношеніи. Новгородскій епископъ Нифонтъ въ 1156 году своимъ посредничествомъ прекратилъ войну, начавшуюся между кіевлянами, черниговцами и новгородцами, и нерѣдко усмирялъ волненія Новгорода. О частыхъ волненіяхъ Новгорода и усмиреніи ихъ владыками даетъ понятіе кровопролитная схватка, бывшая въ началѣ XV вѣка. Нѣкій Степанко, схвативъ боярина Божина, закричалъ: «помогите мнѣ на этого злодѣя»! Толпа, вѣроятно недовольная боярами, бросила Божина въ Волховъ и разграбила боярскіе домы. Вооруженные бояре бросились на мятежниковъ. Ударили набатъ; поднялся весь городъ; на мосту завязалась драка, отъ которой погибло много народу. Владыка новгородскій Симеонъ, окруженный духовенствомъ, съ крестами и иконами, сталъ на мосту, осѣнилъ народъ крестомъ и прекратилъ драку, сказавъ: «идите съ Богомъ и съ миромъ, въ домы свои»; Арх. новгородскій Ѳеодосій въ посланіи къ царю Іоанну доносилъ о грабежахъ и убійствахъ, совершавшихся въ Новгородѣ, просилъ у него помощи и защиты. Въ 1397 году арх. Іоаннъ склонилъ новгородцевъ и псковитянъ къ миру представленіемъ ожидаемой кончины міра. «Дѣти, говорилъ онъ, видите, уже послѣднее время».

вв) Укрощеніе боярскихъ смутъ

Медленное организованіе власти и закона, къ довершенію бѣдствій отечества, сопровождалось раздорами бо-

яръ; ибо всякая физическая и духовная сила, не сдерживаемая закономъ, распускается и бушуетъ. Русскіе бояре тоже были силою и притомъ дикою, оставившею разрушительные слѣды въ исторіи. Въ званіи дружинниковъ они занимались грабежемъ, наѣздами, поборами и притѣсненіемъ слабыхъ; за это они подвергались осужденію въ словахъ, направленныхъ противъ судей, богачей, притѣснителей народа, вдовъ и сиротъ. Съ возвышеніемъ московскихъ князей бояре утратили прежнюю свободу, стали считаться знатностію рода, породили нескончаемые раздоры и мѣстничество. Раздоры и самоуправство бояръ достигли высшей степени въ малолѣтство Іоанна IV и продолжались 10 лѣтъ. Преслѣдуя личные интересы, бояре губили другъ друга, грабили и притѣсняли народъ; во главѣ крамольниковъ стояли Шуйскіе, Бѣльскіе, Глинскіе, и низвергали другъ друга. Во время этихъ безпорядковъ нѣкоторые иностранцы, опасаясь за свою жизнь и имущество, выѣхали изъ Россіи. Мѣстничество бояръ, грубый политическій предразсудокъ старины, сопровождалось особенно вредными слѣдствіями для государства, до 1682 г. Соображаясь съ этимъ предразсудкомъ, правительство раздавало должности людямъ знатнаго происхожденія, большею частію безъ заслугъ и способностей. При отступленіи отъ принятаго обычая, бояре, оберегая родовую честь, нерѣдко дѣлались ослушниками царя; они не соглашались даже сѣсть за столомъ ниже своего соперника, и твердили одно: «готовъ ѣхать на казнь», или: «вели государь казнить, а мнѣ меньше такого-то не бывать». Въ самое тяжкое время боярскихъ смутъ и раздѣленій явился обличителемъ ихъ митр. Даніилъ; онъ и самъ пострадалъ отъ бояръ, лишился своей каѳедры. Въ словѣ 9, 10,

12, 13, 15 и 16 проповѣдникъ стороною касается самоуправства бояръ, предостерегаетъ ихъ отъ зависти, гордости, гнѣва, сребролюбія, клеветы, и наговоровъ, посѣвающихъ вражду, изображаетъ лукавство и непостоянство міра, учитъ любви, правосудію, милосердію и снисхожденію къ ближнимъ. Въ побужденіе къ исполненію этихъ добродѣтелей, украшающихъ общественную жизнь, напоминаетъ о страхѣ Божіемъ, о скоротечности жизни, о неизбѣжности смерти, о судѣ, вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ. «Всѣ изреченія Христовы наставляютъ насъ на благое, а мы, христіане, держимся обычаевъ язычниковъ, другъ друга укоряя и понося, другъ друга кусая и пожирая, какъ рыбы. Мстя за себя, ты ссоришься, творишь поединки, убиваешь. Что ты скрежещешь и свирѣпѣешь на меня, какъ бы хочешь убить?.. Возненавидимъ міръ, и князя его, и вещи его. Міръ, это—молва, лукавство, зависть, вражда, горесть сокрытая въ сладости, пристрастіе къ мимотекущему, лицемѣріе, неправда, грѣхъ, ненависть, желаніе славы, гордость, воровство, разбой, любодѣяніе, которыми діяволъ прельщаетъ и губитъ людей. Поэтому мы должны ненавидѣть міръ и суету его... Обуздаемъ возлюбленные языкъ нашъ, удержимъ несмысленныя вѣщанія, поживемъ кротостію, смиреніемъ и любовію, да сподобимся настоящаго житія во славу Божію и будущихъ благъ». Въ послѣднемъ словѣ, писанномъ за мѣсяцъ до отреченія митрополита отъ каѳедры, изложены наставленія относительно общественныхъ раздоровъ и неустройствъ. Обращаясь ко всѣмъ духовнымъ чадамъ, проповѣдникъ говоритъ: «примите слово о смиреніи, союзѣ, согласіи и любви». Затѣмъ внушаетъ слушателямъ жить смиренно, избѣгать недуга раздѣленій, излагаетъ ученіе о

любви и плодахъ ея; учитъ не лгать другъ на друга, прогонять клеветниковъ, посѣвающихъ раздоры, и молиться другъ за друга; наконецъ оговаривается въ рѣзкости слова. «Да не поропщетъ кто нибудь на насъ за такія слова; мы не имѣли въ виду никого и не назвали по имени, а только учили себя и слушателей» [1]).

Максимъ грекъ, съ живостію отзывавшійся на современные общественные вопросы, не оставилъ безъ вниманія и раздоровъ бояръ. Онъ написалъ въ обличеніе современныхъ неустройствъ два слова и одну аллегорическую статью въ обличеніе властей вообще. Въ словѣ о побѣдѣ надъ крымскимъ ханомъ внушаетъ сынамъ Россіи быть благодарными Богу, жить въ любви и согласіи, повиноваться князю и епископамъ, и прославлять Бога доброю жизнію [2]). Во второмъ словѣ обличаетъ людей въ нечестіи и неблагодарности Богу, судей и властителей въ неправосудіи и корыстолюбіи, пастырей въ любостяжаніи, убѣждаетъ всѣхъ жить праведно и благочестиво [3]). Въ аллегорической статьѣ, изображающей царство, Василію, окруженное звѣрями, проповѣдникъ съ приторнымъ чувствомъ оплакиваетъ неправды властителей. Здѣсь онъ вполнѣ обнаружилъ складъ греческаго ума, мечтательнаго, склоннаго къ мистицизму, риторству, фантастическимъ натяжкамъ и преувеличеніямъ, такъ непріятно поражающимъ здравый, практическій умъ. Василія, одѣтая въ трауръ и назвавшаяся дочерію царя небеснаго, плачетъ о томъ, что современные ей властители славолюбивы и корыстолюбивы, враждуютъ и терзаютъ другъ друга и своихъ поддан-

[1]) Пам. стар. литер. IV, 194.
[2]) 11,277.
[3]) 11,185.

ныхъ, какъ дикіе звѣри [1]). Обличая раздоры и смуты бояръ, проповѣдники умалчиваютъ о мѣстничествѣ, вѣроятно потому, что оно ограждено было государственнымъ закономъ. Мѣстничества коснулся въ одной изъ своихъ рѣчей митр. Макарій. Благословляя царя и войско въ походъ на Казань, проповѣдникъ сказалъ боярамъ: «царь идетъ на свое дѣло къ Казани. А вы бы господа послужили царю. Не гордитесь другъ предъ другомъ. А розни и мѣстъ между вами (чтобъ) не было. Если случится кому съ кѣмъ неприхоже, вы бы предали то забвенію, а дѣло государево дѣлали, и не яростно, но любовію взирали другъ на друга. Кто захочетъ съ кѣмъ посчитаться объ отчествѣ, какъ придете, государь дастъ счетъ». Но когда Ѳеодоръ Алексѣевичъ спросилъ на соборѣ: «уничтожить, или оставить мѣстничество, вредное особенно на войнѣ?»—патріархъ изобразилъ вредъ мѣстничества, назвалъ его источникомъ золъ и неудачъ въ государственныхъ дѣлахъ, и заключилъ, что «не можетъ достойно восхвалить царя за его мудрое намѣреніе». Разрядныя книги были тотчасъ сожжены, и члены собора воскликнули: «да погибнетъ братоненавистное мѣстничество и не помянется во вѣки!».

гг) Возвышеніе власти московскихъ князей.

Усмиреніе князей, вольныхъ городовъ и бояръ было временнымъ облегченіемъ зла, но не искореняло его совсѣмъ. И проповѣдники, не ограничиваясь увѣщаніемъ, подкрѣпили слово дѣломъ, приняли рѣшительную мѣру къ истребленію междоусобій, истощавшихъ государство. Мѣра эта состояла въ возвышеніи московскихъ князей

[1]) II, 319.

и сосредоточеніи царской власти въ ихъ рукахъ. Съ возвышеніемъ московскихъ князей произволъ партій, городовъ, князей и бояръ ослабѣлъ, страсти утихли и водворилось общественное спокойствіе. Въ этомъ важномъ дѣлѣ не слѣдуетъ преувеличивать заслугъ проповѣдниковъ, приписывать имъ политическую проницательность и дальновидность государственныхъ плановъ. Напротивъ, въ возвышеніи московскихъ князей, пастыри водились разсчотомъ, желаніемъ временныхъ выгодъ и указаніемъ текущихъ обстоятельствъ; они даже не предвидѣли того униженія, которое неизбѣжно вытекало для нихъ изъ неограниченной царской власти московскихъ князей. Только нѣкоторые пастыри высокой святости выказали при этомъ духовную прозорливость о величіи Москвы и политическомъ значеніи Россіи. Пастыри—проповѣдники разными способами содѣйствовали возвышенію московскихъ князей, и во первыхъ частымъ провозглашеніемъ царственныхъ титуловъ.

Расточая царственные титулы, пастыри сначала не имѣли въ виду собственно московскихъ князей. Руководясь греческимъ проповѣдничествомъ, въ которомъ до высшей степени развито ученіе о повиновеніи властямъ и божественномъ происхожденіи царской власти (помазаніи), проповѣдники иногда приписывали царскіе титулы и удѣльнымъ князьямъ. Такъ, въ поученіи Ѳеодосія объ умѣренномъ питіи сказано: «третье государю» (т. е. третью чашу—за здоровье князя). Въ поученіи Никифора Мономаху княжескій титулъ смѣшивается съ царскимъ: «и той есть царское и княжеское»... Пастыри въ своихъ посланіяхъ и проповѣдяхъ щедро расточали царскіе титулы московскимъ князьямъ, замѣтивъ ихъ политическій тактъ, вниманіе къ духовенству, и происходящія отсюда выгоды. Особенно неумѣренно и подобострастно расточались эти титулы со времени куликовской побѣды, когда власть московскихъ князей стала возвышаться. Такъ, напримѣръ, посланіе Стефана пермского къ побѣдителю Мамая озаглавлено: «посланіе учительно къ православному царю и великому князю Димитрію, всея Россіи самодержцу и побѣдоносцу». Мы видѣли, какъ громко величалъ Вассіанъ Іоанна III въ своей граматѣ; увидимъ, какъ проповѣдники величали Василія Іоанновича и другихъ князей. Вообще, у русскихъ проповѣдниковъ вошло въ правило величать московскаго князя «царемъ и государемъ всей Россіи, столбомъ Церкви, богоизбраннымъ, превысочайшимъ и вседержавнымъ». Такое благоговѣніе духовенства предъ московскими князьями возвышало ихъ въ глазахъ народа и собственномъ сознаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ принижало удѣльныхъ князей. Іоаннъ III принялъ гербъ византійскихъ императоровъ—двуглаваго орла; въ вольномъ Новгородѣ онъ громко произнесъ: «я вашъ государь! даю миръ, не бойтесь»... Василій Іоанновичъ, по свидѣтельству Герберштейна, «властію надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ». Со времени этихъ князей бояре стали подписываться уничижительными именами: «холопъ, Васюкъ», и тѣмъ съ большимъ напряженіемъ стали считаться родовою честію, спорить о мѣстахъ.

Возвышая московскихъ князей титулами, пастыри еще болѣе возвышали ихъ сосредоточеніемъ духовной власти на сѣверѣ Россіи, сначала во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ. Въ этомъ случаѣ они руководились чувствомъ личной безопасности отъ нашествія монголовъ и заботою о сохраненіи церковныхъ имуществъ.

Древнее духовенство, преимущественно монашествующее, владѣло богатымъ имуществомъ. Оно состояло большею частію изъ земель, жертвуемыхъ князьями и боярами, на поминъ души, постройку монастырей и церквей, содержаніе духовенства и вспоможеніе бѣднымъ [1]). При общественномъ гражданскомъ неустройствѣ духовенство брало на себя опеку государства въ тѣхъ статьяхъ, которыя и для современныхъ правительствъ служатъ бременемъ. Но эти имущества, при раздорахъ князей, терпѣли ущербъ и переходили изъ рукъ въ руки. Поэтому для духовенства было выгоднымъ сосредоточеніе государственной власти въ однѣхъ рукахъ. А такъ какъ московскіе князья отличались большимъ тактомъ въ управленіи: то кромѣ гражданъ, отовсюду стекавшихся подъ ихъ защиту, къ нимъ тяготѣло и духовенство. Кромѣ того, они понимали, что духовенство составляло на Руси единственную правильно организованную власть, придававшую значеніе и гражданской власти, и потому привлекали къ себѣ митрополитовъ, въ видахъ собственнаго блага. Да и вообще московскіе князья располагали къ себѣ духовенство благочестіемъ, милосердіемъ къ нищимъ, аскетическими стремленіями. При одномъ изъ князей, особенно отличавшемся такими свойствами, митр. Петръ поселился въ Москвѣ. «Начатъ пребывати въ Москвѣ больше иныхъ градовъ; видяше бо Ивана Даниловича богоугодно живуща и добрыми дѣлами украшена, милостива къ нищимъ, честь велію подающа служителемъ церквей и тѣхъ ученію внимающа: его же зѣло возлюби великій чудотворецъ Петръ». При такихъ взаимныхъ выгодахъ, расположеніяхъ и разсчетахъ русскіе митрополиты, съ XIV вѣка, поселились въ Москвѣ, и чрезъ это утвердили господство московскихъ князей надъ удѣльными. Съ сосредоточеніемъ церковнаго управленія въ Москвѣ, вниманіе всѣхъ останавливалось на московскомъ князѣ, съ которымъ митрополитъ согласовался въ дѣлахъ правленія. Утвердивъ такимъ образомъ господство московскихъ князей, митрополиты продолжали разширять ее зависящими отъ нихъ средствами. И во-первыхъ, они мужественно поддержали власть и господство московскихъ князей при слабыхъ наслѣдникахъ Калиты. Величайшія услуги въ этомъ отношеніи оказали два митрополита: св. Алексій и св. Іона. При слабомъ Іоаннѣ II, братѣ Симеона гордаго, и малолѣтнемъ Димитріѣ Іоанновичѣ (донскомъ), удѣльные князья, суздальскій и тверской, всѣми силами добивались старшинства. Въ случаѣ успѣха они погубили бы возникавшее самодержавіе и возродили бы междоусобія. Но кромѣ бояръ московскихъ, защищавшихъ Іоанна и Димитрія, непобѣдимымъ защитникомъ ихъ явился митр. Алексій. Алексій извѣстенъ былъ своими заслугами и пользовался большимъ уваженіемъ въ Ордѣ. Сознавая свое вліяніе, онъ смѣло дѣйствовалъ въ пользу Іоанна и Димитрія, и сдѣлалъ много для поддержанія ихъ власти и достоинства. Напр.: онъ отлучилъ смоленскаго князя отъ Церкви, за помощь, оказанную имъ Литвѣ противъ Москвы; проклялъ князей, которые обѣщали помощь Москвѣ противъ татаръ, и не исполнили своего

[1]) Источниками доходовъ бѣлаго духовенства, особенно соборнаго, были земли, лѣса, рыбныя ловли и хозяйственные промыслы. Этого рода доходы были жертвуемы бѣлому духовенству въ незначительной мѣрѣ, сравнительно съ монашествомъ, и приходскимъ церквамъ въ меньшей мѣрѣ, сравнительно съ соборными. Но богатые вкладчики, князья и частныя лица, почти одинаково жертвовали въ монастыри, соборныя и приходскія церкви. Они нерѣдко отказывали соборамъ цѣлыя деревни, съ землями и всѣми угодьями.

обѣщанія. Митр. Іона оказалъ важную услугу Василію темному, освободивъ его изъ заточенія успѣшнымъ ходатайствомъ за него передъ Шемякой. Слѣдствіемъ освобожденія Василія было пораженіе Шемяки и окончательное утвержденіе великокняжескаго достоинства въ родѣ московскихъ князей. И ненапрасно москвичи такъ геройски отстаивали господство своихъ князей и не любили чужихъ, удѣльныхъ князей. Этотъ фактъ поясниль лѣтописецъ отзывомъ о Калитѣ. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, по всей русской землѣ настала великая тишина и татары перестали воевать ее». При Іоаннѣ III настала совершенная тишина въ государствѣ, и народъ питалъ къ нему полное сочувствіе, такъ какъ свобода, имущество и жизнь каждаго человѣка были, по возможности, обезпечены. Когда же московскіе князья укрѣпились, стали круто поступать съ удѣлами и вооружили противъ себя вольные города, митрополиты и въ этихъ обстоятельствахъ явились опорою московскихъ князей, защитниками ихъ власти. Они разсылали посланія въ вольные города, внушали духовенству учить народъ покорности великимъ князьямъ, грозили отлученіемъ и проклятіемъ за неповиновеніе. Особенно важную услугу въ этомъ отношеніи оказалъ митр. Іона, великій патріотъ, горячо любившій свое отечество и понимавшій его нужды. Митр. Іона болѣе всѣхъ пастырей написалъ посланій, утвердившихъ господство московскихъ князей. Такъ, онъ написалъ посланіе къ русскому народу, въ которомъ увѣщевалъ всѣхъ покориться великому князю московскому и грозилъ запрещеніемъ непокорнымъ. «Если же не признаете власти великаго князя, то будете чужды Божіей милости, молитвы и благословенія нашего смиренія; не будетъ на васъ благословенія всего Божія священства. Если и кровь прольется, то не будете христіанами, священники не будутъ священствовать у васъ, и по указу нашего смиренія въ вашей землѣ затворятся всѣ Божіи церкви» [1]). Митр. Іона писалъ нѣсколько посланій, подобнаго содержанія, въ Новгородъ и Псковъ, убѣждая жителей покориться московскому князю. Епископамъ тѣхъ городовъ онъ пастырски внушалъ удерживать народъ отъ кровопролитія и раздоровъ и учить его покорности великому князю. При этомъ онъ далъ новгородцамъ особое наставленіе противъ вражды. «Какъ сладко покаяніе! оно—корень жизни. Богъ постоянно жаждетъ нашего покаянія, веселится о слезахъ кающагося, радуется о исповѣди нашей, съ великимъ терпѣніемъ ожидаетъ нашего обращенія, не оставляетъ послѣдняго, наблюдая, умоляя, призывая каждаго изъ насъ, чтобы обратились къ Нему отъ непріязненныхъ дѣлъ. Хорошо слушаться божественнаго писанія; послушаніе есть жизнь, преслушаніе—смерть» [2]). Подобныя посланія Іона писалъ въ Вятку, убѣждая народъ покориться великому князю. Какъ бы подражая св. Іонѣ, и прочіе митрополиты посылали въ вольные города посланія, уча народъ покорности великому князю [3]). Такъ, митр. Филиппъ писалъ нѣсколько посланій въ Новгородъ, въ коихъ убѣждалъ новгородцевъ покориться великому князю, и, между прочимъ, прекратить сношенія съ католиками [4]). Митр. Геронтій писалъ посланія въ Вятку, сходныя содержаніемъ

[1]) А. и. I, № 43.
[2]) А. и. I, № 45.
[3]) А. и. I, № 261.
[4]) А. и. № 280, 281.

съ посланіями вятичамъ митр. Іоны; между прочимъ, онъ внушалъ вятскому духовенству, чтобы оно склонило народъ къ покорности великому князю [1]). Митр. Симонъ писалъ посланія въ Пермь, убѣждая народъ быть преданнымъ великому князю [2]). Неизвѣстно, насколько всѣ эти посланія имѣли успѣха; частая разсылка ихъ показываетъ, что самоуправные города долго не подчинялись великимъ князьямъ; но все же, какъ внушеніе высшей церковной власти, предъ которою народъ всегда благоговѣлъ, они облегчили Москвѣ покореніе вольныхъ городовъ.

Наконецъ, пастыри-проповѣдники завершили свои услуги московскимъ князьямъ послѣднимъ благодѣяніемъ, предсказаніемъ будущаго величія ихъ и обѣщаніемъ имъ помощи Божіей и благословенія. Чрезъ это они придали своимъ услугамъ высшее значеніе, непреложный авторитетъ, на подобіе пророковъ, освящавшихъ еврейскихъ царей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они доказали, что успѣхи жизни гражданской условлены благословеніемъ Божіимъ и всегда достигаются благочестіемъ народа.

Пророчество о величіи Москвы и Россіи.

Первый изъ святителей пророчествовалъ о величіи Москвы и славѣ князей ея митр. Петръ Іоанну Калитѣ. «О боголюбезнѣйшій и великій княже! Аще совѣта моего послушаеши и поставиши каменную церковь во имя Богоматери, тебе самаго имать Богъ благословити и прославити паче инѣхъ князей; распространити градъ сей паче иныхъ градовъ; имя его сугубо прославится въ

[1]) А. и. I, № 97, 98.
[2]) А. и. I, № 112.

немъ; не оскудѣютъ державные отъ сѣмени твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ, въ роды и роды; руки ихъ взыдутъ на плеща враговъ ихъ; еще же и святители поживутъ въ немъ, и кости мои здѣ имутъ положены быти» [1]). «Къ симъ же, прибавляетъ лѣтописецъ, мнози въ повѣстѣхъ обносятъ чудно сказаніе (объясненіе святителемъ сна, видѣннаго Іоанномъ). «Разумно ти да будетъ, чадо, яко превеликая гора, юже видѣлъ еси, образуетъ подобіе твоего благородія, исправленіе высочайшихъ добродѣтелей, и державу русскаго царства, дарованную тебѣ Богомъ. Снѣжный верхъ горы являетъ кончину моего житія. Якоже снѣгъ на горѣ скоро скрыся отъ очію твоею, на долзѣ сихъ сматряющу ти, — и гора бысть невидима, тако мнѣ прежде тебя отъити житія сего; потомъ же и ты, яко гора превелика, довольно и богоугодно царствовавъ, благородная чада породивъ, въ добрѣ воспитавъ, егда услышишь пришедшаго къ тебѣ старца, уразумѣй совершеніе житія и къ Богу отшествіе» [2]). Мы увидимъ, что и другіе святители, притомъ соименники, пророчествовали о славѣ Москвы, величіи Россіи, и обѣщали ей избавленіе отъ власти монголовъ. Эти пророчества сильно дѣйствовали на народъ, склонный къ чудесному и таинственному, благоговѣвшій предъ словами святителей подвижниковъ, и возвышали въ его глазахъ значеніе московскихъ князей. «Мнози, говоритъ лѣтописецъ, обносятъ въ повѣстяхъ чудное сказаніе». Если даже признать легендой видѣніе горы, покрытой снѣгомъ, такъ какъ одни признаютъ его яснымъ видѣніемъ, а другіе сновидѣніемъ: то и тогда предсказаніе

[1]) Степ. кн. I, 404.
[2]) Тамже.

ничего не теряетъ; оно сдѣлало впечатлѣніе на умы современниковъ и потомства. И мало ли подобныхъ назидательныхъ сказаній въ древнихъ сборникахъ, чуждыхъ критики и цензуры!..

Видя быстрое возвышеніе московскихъ князей, совпадавшее съ міровыми переворотами (паденіе Константинополя, реформа Лютера, окончаніе седьмой тысячи лѣтъ), русскіе книжники вообразили ихъ вселенскими царями и не находили словъ для опредѣленія ихъ царственнаго величія. Въ этомъ заблужденіи поддерживали нашихъ книжниковъ ложныя толкованія апокалипсиса Ипполита, Андрея кесарійскаго и проч. При вѣрѣ предковъ и грамотѣевъ во всякую строку, носящую названіе божественнаго писанія, они часто впадали въ религіозное суевѣріе и проводили ложныя мнѣнія въ своихъ бесѣдахъ и поученіяхъ. Такой суевѣрный взглядъ на московскихъ князей ясно выразилъ псковской книжникъ Филоѳей въ своихъ посланіяхъ къ Мунехину и в. кн. Василію Іоанновичу. И кстати, чтобы пояснить свойства рѣчи нашихъ книжниковъ, пропишемъ слова его, по возможности, безъ сокращеній и перевода. «Изречемъ словеса, говоритъ авторъ въ посланіи къ Мунехину, о нынѣшнемъ православномъ царствіи пресвѣтлѣйшаго и великостолпнѣйшаго государя нашего, иже по всей поднебесной единаго христіаномъ царя и враздодержателя святыхъ Божіихъ престолъ, святыя вселенскія Церкви, иже вмѣсто римской и константинопольской, иже есть въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, святаго и славнаго Успенія пресвятыя Богородицы, иже едина во всей вселеннѣй паче солнца свѣтится! Яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя; по пророческимъ

книгамъ то есть россійское царство. Два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ; а четвертому не быти. Многажды апостолъ поминаетъ Рима въ посланіяхъ; въ толкованіи (на посланіе) глаголетъ Римъ весь міръ» (!), и такъ далѣе проводитъ странныя мысли о царѣ и паденіи Церквей, воспринятыя потомъ расколомъ [1]). Подъ пророческими книгами авторъ разумѣетъ во-первыхъ «толковый апокалипсисъ Андрея кесарійскаго», въ которомъ сказано: «шестой царь скиѳскаго острова на Руси, потомъ седмой, а осмой антихристъ»; во-вторыхъ: «толкованіе Ипполита», въ которомъ сказано: «когда увидимъ Римъ осаждаемый персами и скиѳами, тогда неблазненно познаемъ, яко той есть антихристъ». Въ посланіи къ великому князю Филоѳей расточаетъ тѣже царскіе титулы и суевѣрныя предсказанія, и излагаетъ жалобу на княжескихъ намѣстниковъ, которые грабили и убивали псковичей. «Сія писахъ ти, взывая и моля щедротами Божіими: да премѣниши скупость на щедроты и немилосердіе на милость. Утѣши плачущихъ и вопіющихъ день и ночь, избави обидимыхъ изъ руки обидящихъ. Аще добрѣ устроиши царство свое, будеши сынъ свѣта и граженинъ вышняго Іерусалима» [2]). Около того же времени кѣмъ нибудь изъ новгородскихъ книжниковъ доставлено подложное пророчество Исаіи о бѣдствіяхъ послѣднихъ временъ. Въ пророчествѣ предсказываются бѣдствія, взятыя съ печальной дѣйствительности. «Князья будутъ немилостивы, судіи неправедны. Восплачутся сироты и вдовицы, и не будетъ избавляющаго отъ руки сильнаго» [3]).

---

[1]) Прав. Собес. 1861 г. II, 95.

[2]) Прав. Собес. 1863 г. I, 311.

[3]) Сбор. солов. № 913 л. 49. 104. Изумр. слово 161-е, подложное про-

Собственно поученій и рѣчей, изображающихъ доблести и величіе князей и царей и обязанности къ нимъ подданныхъ, почти не находимъ въ древнемъ проповѣдничествѣ. Относительно удѣльныхъ князей это объясняется ихъ поведеніемъ, по коему они чаще заслуживали порицаніе и нуждались въ совѣтахъ и обличеніяхъ. Относительно московскихъ князей и царей это объясняется упадкомъ живой проповѣди съ XV вѣка. Впрочемъ, въ древнихъ поученіяхъ изрѣдка встрѣчаются краткія наставленія о повиновеніи князю, напр. «князя чтите; мы—рабы во-первыхъ Бога, а потомъ государя». «Князю земли своей покоряйтеся и не желайте ему зла. Служите ему головою, мечемъ и всею своею мыслію, и не возмогутъ противиться вашему князю, и ваша земля обогатѣетъ... Кто мыслитъ зло о князѣ и передается другому, тотъ подобенъ Іудѣ, который былъ любимъ Господомъ и замыслилъ продать Его князьямъ іудейскимъ». Митр. Петръ завѣщалъ священству ежедневно совершать молебны о благополучіи княжескаго дома. Какъбы въ восполненіе недостатка поученій этого рода, въ сборникахъ помѣщались переводныя слова и статьи о почитаніи властей. Напр.: «слово отъ пандекта, яко подобаетъ покорятися властителемъ и честь воздати имъ». Усиленіе царской власти, неразлучныя съ нею реформы, отмѣна старыхъ порядковъ, многимъ не нравились. Въ XVI вѣкѣ явилось ученіе о бѣгствѣ, въ видахъ освобожденія отъ рабства и податей. Послѣдователи Косого отвергали всякую власть, основываясь на изреченіи: «не нарицайтеся наставницы»...

рочество Исаіи о несчастіи послѣднихъ временъ. Златоустникъ: слово 97-е того же содержанія.

И вотъ, являются въ переводѣ статьи Анастасія Синаита, въ которыхъ изложено ученіе о почитаніи властей и отношеніи къ нимъ подчиненныхъ. Нѣкоторыя важныя событія царствованія Грознаго митр. Макарій почтилъ рѣчами. Одна рѣчь, которую по причинѣ обширности можно назвать словомъ, сказана по случаю брака царя. Въ ней изложены во-первыхъ нравственныя обязанности, какія обыкновенно излагались въ древнихъ проповѣдяхъ, о покаяніи, постѣ, молитвѣ, хожденіи въ церковь, соблюденіи праздниковъ, милостынѣ и проч. «Въ среду, пятокъ, великую четыредесятницу пребывайте въ постѣ, молитвѣ и чистотѣ тѣлесной; приходите къ отцамъ духовнымъ на покаяніе; отъ пречистыхъ таинъ не удаляйтесь; святую недѣлю и праздники проводите духовно, а не тѣлесно; церквамъ и убогимъ подавайте милостыню». Во-вторыхъ — обязанности царскія о правосудіи и милосердіи ко всѣмъ подданнымъ и обязанности супружескія. Другая рѣчь сказана по случаю взятія Казани, въ духѣ современныхъ торжественныхъ рѣчей. Въ ней проповѣдникъ хвалитъ добродѣтели и мужество Грознаго, сравниваетъ его съ св. героями, напр. Александромъ Невскимъ, и продолжаетъ: «на тебѣ, благочестивомъ царѣ еще болѣе явилась благодать Божія» [1]). Подобныя рѣчи иногда говорили патріархи, по случаю вѣнчанія царей, побѣдъ и другихъ торжествъ.

Самостоятельность московскихъ князей въ дѣлахъ правленія.

Упоенные побѣдами, вниманіемъ духовенства — представительнаго сословія, пророчествами, суевѣрны-

[1]) Разборъ соч. митр. Мак. Хр. Чт. 1873 г. апр.

ми предзнаменованіями и благоговѣніемъ народа, московскіе князья сдѣлались самоуправны и недоступны. Іоаннъ Калита за свою политику и самостоятельность въ дѣлахъ названъ собирателемъ русской земли; Симеонъ, за пренебреженіе къ удѣльнымъ князьямъ, названъ гордымъ; Донской поразилъ народъ самовластіемъ, казнивъ Вельяминова, сына перваго русскаго вельможи; Іоаннъ III назвалъ себя царемъ и ввелъ торжественное вѣнчаніе на царство; Василій Іоанновичъ рѣшалъ дѣла «самъ третей у постели», не терпѣлъ противорѣчій и устранилъ отъ себя бояръ. Что же выиграло духовенство, помогшее московскимъ князьямъ достигнуть царской власти? Оправдались ли его надежды на покровительство московскихъ князей? Упрочены ли его честь, имущество и спокойствіе?

Отношеніе духовенства къ царской власти, и протестъ относительно церковныхъ имуществъ и привилегій.

Сблизившись съ верховною гражданскою властію, духовенство повидимому выиграло много, возвысилось и утвердилось вмѣстѣ съ возвышеніемъ московскихъ князей. Дѣйствительно, оно много выиграло въ историческомъ дѣлѣ, въ государственныхъ заслугахъ, въ благодарности потомства; но въ собственныхъ интересахъ много проиграло. Правда, на короткое время оно возвысилось больше прежняго, въ лицѣ патріарховъ покрылось блескомъ царственнаго величія; но этотъ блескъ былъ вспышкой угасающаго огня или свѣтила. И это зависѣло, главнымъ образомъ, не отъ навѣтовъ враговъ и столкновеній съ властями, а отъ естественнаго раз-

витія общественной жизни, по которому все отжившее упраздняется, и устарѣлыя формы правленія замѣняются новыми, соотвѣтствующими духу времени.

Съ XV в. и до реформы Петра, духовенство, не смотря на разные запреты, постоянно увеличиваетъ свои помѣстья и доходы; монастыри и архіереи выпрашиваютъ разныя льготы, освобождающія ихъ отъ многихъ государственныхъ повинностей, торговыхъ пошлинъ и проч. Имѣнія митрополитовъ и патріарховъ становятся богатыми помѣстьями. Такъ, великій князь Василій Дмитріевичъ утвердилъ за русскимъ митрополитомъ деревни и монастыри, разбросанные въ кіевской, владимірской и московской области, освободилъ его отъ своего суда, податей, таможенныхъ сборовъ и проч. [1]). При Никонѣ патріаршій домъ обогатился новыми помѣстьями; вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000! [2]) По свидѣтельству Котошихина, во владѣніи духовенства находились 118,000 дворовъ крестьянскихъ; по свидѣтельству иностранцевъ—треть государственной земли! Кромѣ имуществъ, духовенство удержало за собою и другую важную привилегію, неподсудность церковнаго вѣдомства гражданской власти; архіереи и монастыри и въ этомъ отношеніи выгадывали себѣ разныя льготы. Патріаршая область при Никонѣ получила подтвержденіе прежнихъ привилегій и независимость отъ вновь учрежденнаго монастырскаго приказа. Вслѣдствіе этихъ привилегій, духовенство выдѣлялось изъ общаго строя государственной жизни, чрезвычайно усложняло дѣлопроизводство, и какъбы составляло особое государство въ государствѣ. Съ половины XV в. русская митрополія, при

[1]) А арх. Эк. I, № 9.
[2]) А. и I, № 215.

содѣйствіи князей, освобождается отъ иноземной патріаршей зависимости и дѣлается самостоятельною. Этого мало: за сто одиннадцать лѣтъ до реформы Петра, церковная власть достигаетъ степени патріаршей, съ правомъ втораго мѣста послѣ іерусалимской патріархіи. Власть патріаршая на Руси приравнивалась къ царской власти. Патр. Филаретъ и Никонъ имѣли титулъ великаго государя, такъ что въ Россіи, въ это время, было заразъ по два великихъ государя! Никонъ, впрочемъ, не хотѣлъ быть номинальнымъ государемъ; онъ окружилъ себя царской пышностію (около митры, или въ формѣ митры его была корона), и, по выраженію современниковъ, «стоялъ высоко, ѣздилъ широко». Наконецъ, цари, въ благодарность духовенству, за его гражданскія услуги, оказали ему взаимныя услуги по устройству Церкви и улучшенію нравственности народа. Никогда въ Россіи не было столько соборовъ, какъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Постановленія соборовъ и распоряженія церковной власти подкрѣплялись гражданскою, и нерѣдко разсылались въ граматахъ, утвержденныхъ соборомъ, или патріархомъ и царемъ. Справедливость требуетъ сказать, что русское духовенство, достигшее при царяхъ апогеи величія, не поддалось тщеславію и соблазнамъ мірского величія. Проникнутое аскетизмомъ, духомъ смиренія и отрѣшенія отъ міра, оно держало себя въ должныхъ границахъ къ той власти, которую само взлелѣяло. Этимъ достоинствомъ русское духовенство рѣзко отличается отъ католическаго. Правда, оно хлопотало объ имуществахъ и привилегіяхъ суда, но имѣло на это основаніе и право. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ видимъ небывалое въ мірѣ согласіе церковной и гражданской власти. Патр. Никонъ, вышедшій изъ

простонародья, на высотѣ церковнаго и гражданскаго величія, палъ за свои увлеченія, впрочемъ извинительныя въ его обстоятельствахъ.

Однимъ словомъ: древнее духовенство вышло съ честію изъ своего искусительнаго положенія и не запятнало двоедушіемъ и коварствомъ важныхъ услугъ отечеству. Самъ Никонъ сдѣлалъ болѣе другихъ іерарховъ на пользу Церкви и отечества. Но въ самый періодъ возвышенія церковной власти началось ослабленіе ея, предвѣщавшее близкій упадокъ. Ослабленіе началось съ ограниченія церковныхъ имуществъ и церковнаго суда гражданскою властію, противъ чего духовенство не замедлило протестовать, опираясь на свои церковные законы. Столкновеніе новыхъ началъ правленія съ старыми формами жизни безъ борьбы нигдѣ не проходитъ, и кризисы обыкновенно переживаются съ трудомъ, оплачиваются тяжкими жертвами; исключенія въ этомъ отношеніи весьма рѣдки. Дѣло ограниченія церковной власти возникло и раскрылось своимъ чередомъ, исторически, послѣдовательно и неуклонно.

Съ возвышеніемъ царской власти государство окрѣпло, сдѣлалось сосредоточеннымъ, способнымъ управиться съ своими нуждами и запросами жизни. Оно подвело итогъ вѣковымъ нестроеніямъ русскихъ областей, взяло въ свои руки почти всѣ государственные доходы, и заботилось о равномѣрномъ распредѣленіи выгодъ и преимуществъ между сословіями, по мѣрѣ ихъ значенія и настоящихъ услугъ государству. Вслѣдствіе этого, духовенство теряло свою опеку надъ государствомъ, уступало ему свои имущества и юридическія права. Необходимость такихъ уступокъ вынуждалась и частными соображеніями. Деревенское государство, бѣд-

ное финансами, не иначе могло обезпечить служивыя сословія, какъ надѣломъ земли, захваченной духовенствомъ; притомъ же, имущества монастырскія и архіерейскія издавна распредѣлялись неравномѣрно. Обители и каѳедры, пользовавшіяся вниманіемъ властей, постоянно обогащались; незаслужившія ихъ вниманія— терпѣли нужду во всемъ. Съ наращеніемъ богатства монашество опуталось суетою и житейскимъ попеченіемъ, возбуждало зависть и ропотъ гражданскихъ сословій. Наконецъ, неподсудность духовенства гражданскому суду тормозило государственное законодательство, раздражало правительственный совѣтъ и бояръ, уже тронутыхъ европейскимъ духомъ. Вслѣдствіе этого, съ XV вѣка, времени сосредоточенія гражданской власти въ рукахъ Іоанна III, подняты государствомъ вопросы о имуществахъ и правахъ духовенства. Вопросы эти, по самой важности и новости своей, при осторожности Іоанна и уступчивости нѣкоторыхъ преемниковъ его, не могли пройти безъ колебаній и поворотовъ назадъ; но важно то, что они были поставлены на очередь. Іоанна смутилъ рѣзкій отвѣтъ митр. Симона по вопросу о церковныхъ имуществахъ. «Отецъ твой, Симонъ, митр. всей Россіи, епископы и соборъ говорятъ, что святители вездѣ держали монастыри, города и села. При самыхъ предкахъ твоихъ святители имѣли монастыри, города, власти, слободы, села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковныя. Не Владиміръ ли и Ярославъ сказали въ Уставѣ: «кто преступитъ его изъ дѣтей или потомковъ моихъ, захватитъ церковное достояніе и святительскія десятины, да будетъ проклятъ въ сей и будущій вѣкъ». Самые ордынскіе цари боялись Господа, щадили собственность святительскую и монастырей. Не дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковное стяжаніе, ибо оно есть божіе и неприкосновенное» [1]). Мысль Іоанна III, которая казалась смѣлою, спустя 265 лѣтъ, вполнѣ осуществила Екатерина II. Возвративъ въ казну церковныя имущества, она назначила духовенству жалованье. Что же касается вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова, то они ограничивали власть мѣстнаго духовенства, усчитывали и присвоивали себѣ церковныя имущества. Духовенство, какъ и слѣдуетъ ожидать, подняло протестъ противъ притязаній свѣтской власти на церковныя права, и имѣло на это свои основанія.

Духовенство разработало дарственныя земли и пустоши собственнымъ трудомъ и само содержало себя, поддерживая въ народѣ распространеніе вѣры и не требуя жалованья у царя. Оно платило, наравнѣ съ прочими сословіями, государственныя подати, а въ военное время дѣлало добровольныя и принужденныя пожертвованія, весьма значительныя. Не вдаваясь въ высшія государственныя соображенія, которыми руководила теперь верховная власть, духовенство опиралось въ своихъ правахъ на давность обычая, на номоканонъ и кормчую, освященныя, такъ сказать, божественнымъ авторитетомъ. На этихъ основаніяхъ поднятъ протестъ духовенства, словомъ и дѣломъ, противъ разныхъ притязаній свѣтской власти. Впрочемъ, духовенство въ своихъ протестахъ главнымъ образомъ опиралось на церковность или божественность и неприкосновенность своихъ правъ.

Сильный протестъ противъ захвата собственно митрополичьихъ имѣній боярами, епископами и даже великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, началъ митр.

---

[1]) И. Карам. VI, прим. 662...

Фотій. Нашедъ, по смерти Кипріана, имѣніе и казну митрополичьи расхищенными, Фотій издалъ увѣщаніе къ похитителямъ. Въ увѣщаніи онъ умолялъ виновныхъ возвратить принадлежащее Церкви и грозилъ отлученіемъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ два поученія или посланія къ великому князю о возвратѣ церковнаго имущества. Въ первомъ поученіи, сославшись на постановленія Константина великаго и русскихъ князей, проповѣдникъ говоритъ: «родитель твой зналъ, что царь не спасется многою силою, прибѣгалъ къ руководству святителя и являлся побѣдоносцемъ. Пребывая всегда въ правилахъ св. отцовъ, онъ охранялъ права Церкви. Послѣ него Богъ поставилъ тебя, чтобы ты прогналъ всякую неправду, хищеніе, лукавство и лихоимство». Не получивъ отвѣта, онъ написалъ другое, рѣзкое поученіе, и вооружилъ противъ себя почти всѣхъ сильныхъ людей. Сославшись на постановленія Константина, Ѳеодосія в. и Мануила Комнина объ имуществахъ церковныхъ, проповѣдникъ продолжаетъ: «но нынѣ все древнее молчитъ и велеречитъ новое! Меня порицаютъ... Человѣку, предающемуся во всемъ волѣ Божіей, не на что болѣе смотрѣть. Тебѣ же да будетъ вѣдомо, что ты уничижаешь Церковь Божію, захватывая насильно непринадлежащее тебѣ» [2]). Имущества были возвращены. Около тогоже времени начались протесты духовенства и въ вольныхъ городахъ. Арх. новгородскій Симеонъ сказалъ подобное въ этомъ родѣ поученіе псковитянамъ. Сдѣлавъ наставленіе о повиновеніи священству, самоосужденіи и покаяніи, проповѣдникъ подъ страхомъ гнѣва Божія воспрещаетъ захваты церковнаго имущества и вмѣшательство въ духовныя

[1]) И. а. 1, № 258.
[2]) Сборн. волоколам. № 414.

дѣла. «Не похищайте чужого. Не обижайте Церкви; не вступайтесь ни во что церковное, ни въ земли, ни въ воды, ни въ суды, ни въ печать, ни во всѣ церковныя пошлины. А кто вступится, вы устранитесь отъ того, чтобы не подвергнуться отвѣтственности, по правиламъ св. апостолъ и отецъ» [1]). Подобное посланіе писалъ къ новгородцамъ митр. Филиппъ I. Онъ убѣждалъ новгородцевъ покориться велик. князю, а князя—простить мятежныхъ новгородцевъ, и между прочимъ увѣщевалъ ихъ не вмѣшиваться въ церковныя дѣла, не отымать имѣній, не обижать церквей и монастырей. Таковы протесты относительно захвата церковныхъ имуществъ. Протесты относительно контроля и отнятія имуществъ и привилегій духовенства начались съ Іоанна III.

Мы видѣли, что вопросъ о церковныхъ имуществахъ при Іоаннѣ III рѣшенъ былъ въ пользу духовенства. Такое рѣшеніе экономическаго вопроса, во вредъ государству, при возрастающихъ нуждахъ его, и мнѣнія, высказанныя въ возникшемъ спорѣ, что напр. монастыри должны быть на окладахъ, давало поводъ къ возобновленію жизненнаго вопроса и дальнѣйшему развитію его. Дѣйствительно, Іоаннъ IV, превосходившій энергіей Іоанна III, воспретилъ увеличеніе и прикупъ церковныхъ имуществъ. Уложеніе Алексѣя Михайловича рѣшительно воспретило увеличеніе церковныхъ имуществъ, подчинило духовенство гражданскому суду, создало монастырскій приказъ, завѣдывавшій сборами съ церковныхъ имѣній, составленіемъ описей и распоряженій по церковному вѣдомству. Это дѣло велось Одоевскимъ и другими боярами, представителями духа новаго времени.

[1]) П. с. л. IV, 118.
[2]) А. и. 1.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сдѣлана подробная и тщательная опись церковныхъ имѣній, на основаніи которой требовались отъ архіереевъ и монастырей отчоты и подати. Но прежде реформы Петра, усилившей распоряженія Ѳеодора Алексѣевича относительно церковныхъ имуществъ, духовной власти еще разъ удалось затормозить государственное право и контроль. Еще въ санѣ архимандрита Никонъ часто внушалъ царю, что учрежденіе монастырскаго приказа противно канонамъ; въ санѣ митрополита онъ настаивалъ на уничтоженіе приказа и выпросилъ грамату, по которой духовенство новгородской епархіи въ дѣлахъ духовныхъ и гражданскихъ подчинялось суду своего митрополита. Въ санѣ патріарха Никонъ убѣждалъ царя вовсе оставить Уложеніе и замѣнить его кормчей. Не успѣвъ въ этомъ, такъ какъ Уложеніе было крѣпко духомъ времени, онъ издалъ дополненную кормчую и подложную грамату Константина в. Сильвестру, въ защиту церковныхъ правъ и имуществъ. Въ угоду Никону были разосланы судьямъ выписки изъ номоканона, ограничивавшія новые законы, въ пользу духовенства. Послѣдній голосъ въ защиту церковныхъ правъ подалъ патр. Адріанъ, въ 1700 году. Онъ издалъ статьи о святительскихъ судахъ, содержавшія выписки изъ номоканона, устава Владиміра и Ярослава, ханскихъ граматъ, и умолялъ правительство охранить эти постановленія. Но въ это время уже составлялось новое Уложеніе, разграничившее церковное и гражданское право; оно безусловно подчинило духовенство гражданскому суду по мірскимъ дѣламъ.

У духовенства оставалось еще право печалованія за опальныхъ. Мы видѣли, какъ это право дорого обошлось митр. Филиппу, столкнувшемуся съ новою царскою властію. Духовенство помнило этотъ урокъ и не спѣшило защищать опальныхъ; однакожъ обстоятельства подчасъ вызывали его на этотъ подвигъ. Народъ сильно ропталъ на митрополитовъ безгласныхъ, особенно во времена великихъ князей. Такъ, нѣкоторые роптали на митр. Даніила, что онъ не печалится объ опальныхъ и бережетъ себя. Столкновенія между высшею духовною и гражданскою властію становились неизбѣжны, особенно во время государственной реформы. Настали казни стрѣльцовъ; народъ громко ропталъ на бездѣйствіе патріарха. «Какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска (хлѣба), бережетъ мантію и бѣлый клобукъ, затѣмъ не облачаетъ». Адріанъ вспомнилъ обычай печалованія и явился съ иконой Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ, старовѣровъ, неукротимыхъ бунтовщиковъ. Можно представить чувства двухъ человѣкъ, противныхъ убѣжденій, столкнувшихся на такомъ опасномъ вопросѣ! «Зачѣмъ эта икона, вскричалъ гнѣвный царь? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто! Быть можетъ, я больше тебя почитаю Бога и его пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышлявшихъ». Непригодность патріаршей власти при такихъ новыхъ порядкахъ и гражданская незначительность ея для всѣхъ были явны, даже прежде закрытія патріаршества. Это сознавалъ Адріанъ, всегда защищавшій старые порядки противъ европейскихъ нововведеній: онъ замолчалъ съ этихъ поръ, и жилъ послѣднее время за городомъ, не принимая участія въ новыхъ дѣлахъ. Такъ кончилось высокое политическое значеніе древняго духовенства. Въ преобразованной Россіи оно низошло въ рядъ прочихъ подданныхъ сословій, съ скромнымъ именемъ

воспитателя вѣры, теряя прежнія, очень значительныя, гражданскія преимущества.

б) Увѣщанія по случаю нашествія враговъ.

Междоусобіе князей было постояннымъ внутреннимъ зломъ древней Руси. Мы видѣли, съ какою ревностію проповѣдники ограничивали это зло и какою мѣрою подавили его, жертвуя отечеству собственными выгодами, хотя не по своей волѣ. Но кромѣ междоусобій, какъ сказано въ изображеніи быта народа, древнюю Русь отягощали и временныя бѣдствія, часто смѣнявшія одно другое. Бѣдствія эти: нашествіе враговъ, разрушительныя дѣйствія стихій и смуты междуцарствія. На всѣ эти народныя бѣдствія проповѣдники отзывались словомъ участія и принимали мѣры къ облегченію ихъ. Мѣры эти, при всей ихъ чистотѣ и благонамѣренности, невполнѣ практичны. Объясняя всѣ бѣдствія наказаніемъ за грѣхи, проповѣдники призывали слушателей къ покаянію, къ умилостивленію гнѣва Божія подвигами добродѣтели, и на этихъ условіяхъ предсказывали милость Божію, возвращеніе счастія и спокойствія. Въ увлеченіи аскетическою ревностію они нерѣдко приписывали гнѣву Божію самыя обыкновенныя и невинныя явленія природы, чѣмъ, конечно, напрасно смущали народъ. И во-первыхъ, пастыри отозвались словомъ увѣщанія и посильнаго утѣшенія на всѣ бѣдствія, причиненныя нашествіемъ враговъ.

Первое поученіе, въ этомъ родѣ написанное Ѳеодосіемъ, вѣроятно по случаю нашествія половцевъ, «о казняхъ Божіихъ». Оно сходно съ словомъ о ведрѣ, помѣщенномъ въ Златоструѣ царя Симеона. Въ словѣ проповѣдникъ доказываетъ, по руководству Златоструя, что

всѣ бѣдствія посылаются въ наказаніе за грѣхи, призываетъ всѣхъ къ покаянію и обѣщаетъ миръ. «Если какая страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, голодомъ, нашествіемъ иноплеменниковъ, бездождіемъ и другими казнями. Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить земныя блага, и по отшествіи—жизнь вѣчную. Посему Богъ затворяетъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, губитъ плоды морозомъ, томитъ землю зноемъ, за наши беззаконія. А если покаемся, то Богъ подастъ намъ всѣ блага. Пріидите на покаяніе, обратимся любовію къ Господу, постомъ, рыданіемъ и слезами омывая грѣхи» [1]).

Изъ бѣдствій, причиненныхъ Россіи врагами, самымъ тяжкимъ и продолжительнымъ было нашествіе монголовъ. Разрушеніе и кровопролитіе, обозначавшія дикую власть, невольно вызывали на размышленіе о непостоянствѣ сего міра, и, какъ говорятъ, строгости и жестокости его законовъ. Во всѣ времена люди впечатлительные относились критически къ бѣдствіямъ міра, разрушающимъ иногда всѣ наши планы и заботы о счастіи. Во времена общественныхъ безпорядковъ самые благородные люди нерѣдко теряютъ мужество и ожесточаются; они не могутъ спокойно выносить сцены разрушенія и попранія человѣческихъ достоинствъ. Статистика несомнѣнно убѣждаетъ, что во времена государственныхъ замѣшательствъ нравственность народная понижается, число преступленій увеличивается, болѣзни нервныя и умственныя, ожесточеніе и убійства становятся явленіемъ обыкновеннымъ. Каковы бы ни были причины политическихъ бурь, выворачивающихъ съ корнемъ общественные порядки,

[1]) Уч. зап. ак. н. 2 отд. II.

человѣколюбіе требуетъ утѣшить пораженныхъ бѣдствіемъ, поднять ихъ силы для борьбы съ несчастіемъ. Обличеніе грѣховъ, особенно неправильно понятое, и наложеніе очистительныхъ подвиговъ еще болѣе растравляетъ общественныя раны. Обличеніе и епитимія по крайней мѣрѣ не должны быть главнымъ средствомъ противъ всѣхъ бѣдъ въ мірѣ и господствующимъ пріемомъ въ проповѣди. Достаточнымъ обличеніемъ и епитиміей для страдальцевъ служатъ постигшія ихъ бѣдствія. Но если обличеніе и епитимія служатъ исключительнымъ врачествомъ противъ всѣхъ несчастій, то они теряютъ свою убѣдительность и могутъ возмутить слушателей. По крайней мѣрѣ развитое общество смотритъ такъ на дѣло; неразвитое можетъ не уважать гуманныхъ правилъ, или лучше—не понимать ихъ. Это самое мы и видимъ въ проповѣдяхъ, сказанныхъ по случаю нашествія монголовъ. Въ этихъ проповѣдяхъ трактуется не только о монголахъ, но и вообще о современныхъ бѣдствіяхъ—землетрясеніи, затмѣніи солнца, голодѣ, морѣ и даже кончинѣ міра; затѣмъ обличаются современные грѣхи и предлагаются средства къ умилостивленію Бога: покаяніе, страхъ Божій и вообще подвиги добродѣтели. Въ нихъ нѣтъ практическихъ совѣтовъ къ облегченію бѣдствій и весьма мало утѣшеній, притомъ большею частію ненадежныхъ, съ трудомъ достижимыхъ. Иногда же проповѣдники самыя бѣдствія народа и кровопролитіе называютъ выраженіемъ любви Божіей. Въ отдѣлѣ нравственно-аскетическаго проповѣдничества, о сокрушеніи сердца и покаяніи, мы достаточно ознакомились съ характеромъ этихъ поученій, однообразіемъ мыслей и подражательностію греческимъ источникамъ.

Послѣ слова Кирилла II, упоминающаго о монго-

лахъ, вниманіе обращаютъ на себя пять словъ Серапіона владимірскаго, сходныя съ поученіемъ Ѳеодосія о казняхъ. Въ этихъ словахъ, скудныхъ содержаніемъ, изложено ученіе о грѣхахъ и покаяніи, по поводу современныхъ бѣдствій и особенно нашествія монголовъ. Въ третьемъ словѣ живо начертано разрушеніе государства, причиненное монголами. Чтобы судить о неумѣренности древнихъ обличеній и напрасномъ смущеніи народа ложнымъ изъясненіемъ физическихъ законовъ, достаточно сослаться на Серапіона, пространно высказавшаго свои убѣжденія и давшаго поводъ другимъ проповѣдникамъ смущать народъ. Такъ напр. естественныя явленія: затмѣніе солнца, луны и звѣздъ, и землетрясеніе проповѣдникъ объясняетъ гнѣвомъ Божіимъ; этого мало: на основаніи данныхъ признаковъ онъ предвѣщаетъ кончину міра. «Сказанное Господомъ сбылось нынѣ, при послѣднихъ людяхъ. Сколько разъ мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, перемѣны въ звѣздахъ, землетрясеніе. Земля колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить беззаконій» [1]). По примѣру другихъ проповѣдниковъ, Серапіонъ обѣщаетъ слушателямъ милость Божію, подъ условіемъ покаянія. «Прибѣгните къ покаянію, гнѣвъ Божій прекратится и милость изліется на насъ. Мы будемъ жить на землѣ въ радости и наслѣдуемъ царство небесное» [2]). Въ древнихъ сборникахъ есть слова, сходныя содержаніемъ съ поученіями Серапіона и какбы составляющія подражаніе ему. Въ Златоустникѣ: слово Златоуста 85-е въ видѣ посланія или рѣчи епископа, обличительнаго характера, съ примѣсью суевѣрія. «Я послалъ на землю

[1]) 1-е слово.
[2]) 2-е слово.

письмо, и вы не повѣрили. Я потрясъ землю, и не повѣрили; пустилъ на васъ измаильтянъ, и сколько они пролили вашей крови! Я это сдѣлалъ, любя васъ. Ибо пришли послѣдніе годы. Вы не забывайтесь. Будете добры, прибавлю вамъ (благъ); будете злы,—отыму» (намекаетъ на монголовъ и кончину міра). 109-е Златоуста, о казняхъ Божіихъ и страстяхъ. Въ Изумрудѣ: слово Златоуста 91-е, о казняхъ Божіихъ. «Ради вашихъ злобъ Я послалъ морозы, холодъ, язвы на вашихъ дѣтей и рабовъ, явилъ казнь на скотахъ. Поганый языкъ пустилъ на васъ; дѣти ваши въ расхищеніи и плѣну, иныя побиты немилостиво».—142-е, св. Ефрема, о кончинѣ міра. Изобразивъ нестроенія земли, проповѣдникъ говоритъ: «убоимся, ибо предсказанныя знаменія сбываются, и уже мало остается нашей жизни и вѣка. Кто хочетъ спастись, подвизайся въ смиреніи, воздержаніи и милостынѣ. Доколѣ есть время покаянію, потщимся жить въ добродѣтели. Если же казнимые не каются, то еще большія томленія и вѣчныя муки ожидаютъ ихъ» [1]). Ученіе о войнѣ, какъ наказаніи за грѣхи, пріобрѣтаетъ убѣдительность тогда, когда подтверждается несомнѣнными доказательствами. Такъ напр. Іосифъ волоколамскій въ день пораженія турокъ подъ Оршею, 1514 г. 8 сент., сказалъ: «нынѣ, за грѣхи наши, подъ Оршею побито много православныхъ». Война, какъ и ссора, можетъ быть слѣдствіемъ неразумныхъ поступковъ, ошибокъ. Единственное и вполнѣ практичное утѣшеніе относительно монгольскаго владычества подали два святителя—соименники. По случаю двукратныхъ нашествій на Россію хана Мазовши и произведенныхъ имъ опустошеній, Іона митрополитъ московскій и Іона архіепископъ новгородскій,

[1]) Прав. Соб. 1858. іюль.

святые, обѣщали испросить у Бога освобожденіе Россіи отъ татарской власти, предсказали раззореніе Орды, распространеніе русскаго царства и самодержавіе великихъ князей. Они высказали эти утѣшительныя истины, оправданныя опытомъ, великому князю Василію. Какое побужденіе хранить въ чистотѣ вѣру, какъ оплотъ государственнаго величія, особенно когда иноземные нравы и ученія колеблютъ ее! Въ этихъ утѣшеніяхъ открывается перстъ Провидѣнія, направлявшій бѣдствія Россіи ко благу ея, и величайшее изъ нихъ, владычество монголовъ, къ самодержавію Россіи. Это владычество, причинившее много бѣдъ, было врачевствомъ, живою обличительною проповѣдію раздѣленій Россіи; оно же и исцѣлило ее отъ этого недуга. Покровительствуя духовенству, стоявшему за московскихъ князей, и обольщаясь ихъ богатствомъ, ханы содѣйствовали уничтоженію удѣловъ и развитію царской власти. Когда Орда выполнила свое назначеніе, исцѣлила Русь отъ междоусобій, утвердила самодержавіе, она тотчасъ распалась, по предсказанію соименныхъ святителей. Дѣйствительно, со времени Іоанна III, пріобрѣвшаго всѣ права на званіе русскаго государя, Орда слабѣетъ и Русь возвышается. Судя по намѣреніямъ Провидѣнія, бѣдствія Россіи были живою обличительною проповѣдію, восполнявшею недостатокъ и несовершенство церковной проповѣди.

в) Бѣдствія физическія.

Послѣ междоусобій князей и нашествія враговъ, изъ внутреннихъ бѣдствій древней Руси обыкновенными были: голодъ, съ засухою и бездождіемъ, или проливными дождями, холодъ, моръ и пожаръ. Голодъ и пожаръ, какъ сказано, чередовались въ древней Руси съ нѣкоторою

правильностію. Поученій, имѣющихъ предметомъ своимъ эти бѣдствія, написано немного, гораздо менѣе, нежели сколько ихъ сказано по поводу нашествія монголовъ. Видно, что скоропреходящія бѣдствія не оставили по себѣ глубокаго слѣда и скоро изглаживались въ народной памяти. Что-же касается опустошеній, причиненныхъ язвою, то на этотъ предметъ отозвались два проповѣдника: митр. Фотій и патр. Никонъ.

аа) Чорная смерть.

Послѣ владычества монголовъ самымъ тяжкимъ бѣдствіемъ для Россіи были епидеміи, и особенно чорная смерть. Чорная смерть возобновлялась въ Россіи съ половины XIV до половины XV вѣка, и была тѣмъ ужаснѣе, что совпадала съ другими бѣдствіями: засухою, голодомъ, холодомъ и ожиданіемъ конца міра. Въ княженіе Димитрія засухи, великіе пожары и небесныя знаменія были весьма обыкновенными. Долговременная засуха произвела туманы и тьму, продолжавшіеся два мѣсяца. Люди и скотъ умирали отъ голода. Воды испарились, лѣса и земля горѣли. Густой дымъ стѣснялъ дыханіе. Звѣри, птицы и рыбы издыхали [1]). Совмѣстность этихъ бѣдствій усилила общую вѣру въ свѣтопреставленіе. Вообще, время чорной смерти — самое печальное въ нашей исторіи. Епидемія, голодъ и холодъ губили людей тысячами; трупы валялись вездѣ и пожирались птицами. Ожиданіе конца свѣта отравляло жизнь, наводило тоску и могильныя думы. Потребность назиданія и утѣшенія вызвала проповѣдника, отразившаго въ себѣ скорбный духъ времени. Это былъ Фотій, превзошедшій самыхъ ревностныхъ

[1]) И. Карам. V, гл. II—III.

проповѣдниковъ покаянія: Ѳеодосія, Сераѳіона, Даніила. Указывая на современныя бѣдствія и мнимую кончину міра, онъ постоянно твердилъ о покаяніи и подвигахъ, умилостивляющихъ Бога. Однообразный, вялый и часто непонятный въ изложеніи, онъ становится живописцемъ въ изображеніи бѣдствій, одушевляется предметомъ, беретъ краски изъ жизни. Пораженный сценами разрушенія и смерти, онъ изливается въ скорби, плачетъ подобно Ефрему и наводитъ на слушателей уныніе. Словомъ: Фотій—самый печальный проповѣдникъ древности, и все, что твердили общимъ хоромъ другіе проповѣдники о покаяніи и подвигахъ, онъ повторялъ чаще всѣхъ. Безъ сомнѣнія, этимъ тономъ проповѣди и излишними устрашеніями онъ еще болѣе усилилъ общую скорбь; а утѣшенія не преподалъ почти никакого. Но и ему нелегко переживались общественныя бѣдствія Россіи, какъ это видно изъ его духовнаго завѣщанія. Фотій написалъ три слова по случаю чорной смерти и упоминалъ объ ней въ своихъ посланіяхъ къ разнымъ лицамъ. Въ «словѣ о находящихъ на ны гнѣва и ярости ради» проповѣдникъ выразилъ вполнѣ свой скорбный взглядъ на современныя бѣдствія и язву. Пояснивъ, въ нравственно-аскетическомъ тонѣ, намѣренія Божіи о человѣкѣ и дѣйствія бѣсовъ, онъ указываетъ на современныя бѣдствія и побуждаетъ всѣхъ къ умилостивленію Бога подвигами добродѣтели.

«Самъ (Богъ) знаетъ, что если устрашитъ грѣшника, приведетъ его въ отчаяніе, и если ублажитъ праведнаго, сдѣлаетъ его слабымъ въ добродѣтели; посему одного милуетъ, а другаго устрашаетъ. Человѣкъ-же, погружающійся въ сладости житейскія, прилѣпляется бѣсамъ; ибо всѣ страсти, по дѣйствію лукавыхъ духовъ, сово-

купляются на погибель душъ. Посему воспрянемъ отъ неправды, ибо видите, какъ Богъ въ гнѣвѣ и ярости нещадно пустилъ на насъ безчисленную смертность. И вотъ приближается конецъ лѣтамъ и послѣдній день! И если теперь не обратимся въ покаяніи, что отвѣтимъ страшному Судіи, проводя жизнь въ небреженіи, не внимая казнямъ Божіимъ? И въ этомъ глубина суда Божія, что Онъ взимаетъ свое созданіе въ покаяніи и христіанской кончинѣ, даже въ подобіи ангельскаго образа. Хотя я сокрушаюсь о разлученіи ихъ, исчезли очи мои отъ слезъ, но радуюсь духомъ, что они отошли къ вѣчной жизни, и надѣюсь на человѣколюбіе Божіе. Посему молю васъ, очистите свои души, омывая грѣхи слезами, покаяніемъ, исповѣдію, ибо нерадивые будутъ мучимы безотрадно и безконечно. По долгу настоятельства я часто говорю объ этомъ и внушаю отрѣшиться отъ маловременнаго и дѣлать дѣла вѣчной жизни» [1]). Въ другомъ словѣ проповѣдникъ тоже распространяется о чорной смерти; говоритъ, что такой бѣдственной казни еще не было, и прежде объ ней никогда не слыхали. Чувствительному пастырю особенно прискорбно то обстоятельство, что мертвые братья валяются повсюду, съѣдаемые звѣрями и птицами. Подобныя наставленія проповѣдникъ изложилъ въ посланіи во Псковъ и въ Литву, по поводу чорной смерти. Въ этихъ посланіяхъ онъ убѣждаетъ всѣхъ покаяться, угрожая гнѣвомъ Божіимъ за нераскаянность. Въ посланіяхъ митрополитъ даетъ наставленія разнымъ сословіямъ, приличныя ихъ званію, особенно судіямъ и богатымъ [2]). Въ одномъ изъ посланій въ кіевопечерскій монастырь, о коихъ сказано прежде,

[1]) «Прав. Собес.» 1860 г. III.

[2]) А. и. 1, № 30. Доп. а. и. 1, № 183.

Фотій тоже упоминаетъ о казняхъ божіихъ, поражавшихъ Россію, призываетъ всѣхъ къ покаянію и исправленію. Извѣстный старецъ Филоѳей въ одномъ изъ своихъ посланій обличаетъ правителей Пскова за то, что они не дозволяли священникамъ напутствовать умиравшихъ отъ язвы. Подобно Фотію, патр. Никонъ обличалъ народъ въ беззаконіяхъ и призывалъ къ покаянію, по поводу чумы, опустошавшей Россію 1656 года. Въ своей окружной граматѣ онъ писалъ: „священники и люди! Всѣ мы отступили, уклонились и стали непотребны; нѣтъ творящаго судъ и правду. Вотъ о чемъ мое слово и страхъ! Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ» [1]). Затѣмъ слѣдуетъ молитва къ Богу и призываніе чадъ русской Церкви къ нравственному очищенію. Мы видимъ, что патріархъ не прибавилъ ни одной мысли, не сказалъ ничего новаго о язвѣ, чего бы не повторяли до него въ теченіе многихъ столѣтій. А между тѣмъ губительная язва—самый жизненный предметъ, вызывающій оригинальное слово. Какъ много пользы можетъ принести слово, проникнутое не однѣми общими истинами о грѣхѣ, но и естествознаніемъ, гигіеническими совѣтами! Но Русь древняя была скудна мыслію и знаніемъ, не доросла до этой широты взгляда. И ни одинъ отдѣлъ проповѣдничества не убѣждаетъ насъ такъ осязательно въ неподвижности русской мысли и проповѣди, какъ обличеніе грѣховъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ и по случаю епидемій. Разширила-ли взглядъ свой на этотъ предметъ современная проповѣдь? Напротивъ, она идетъ по старой, торной дорогѣ, узкой колеѣ.

[1]) Начертаніе жит. Никона, Аполлоса, 136.

бб) Голодъ, бездождіе, засуха.

Голодъ въ древней Руси условливался атмосферическимъ вліяніемъ суровой природы и невѣжествомъ народа, отсутствіемъ науки, искусствъ, землевѣдѣнія. Мы указали на страшный голодъ 1601 года, произведенный проливными дождями и жестокимъ морозомъ. Въ дополненіе ко всему этому можно упомянуть и о другихъ подобныхъ бѣдствіяхъ, напр. о голодѣ, произведенномъ раннею зимою, 1419 года. Въ этомъ году, въ половинѣ сентября, когда хлѣбъ не былъ убранъ съ полей, выпалъ глубокій снѣгъ. Вслѣдствіе этого насталъ голодъ во всей Россіи и продолжался до трехъ лѣтъ. Къ всеобщему голоду присоединилась жестокая зима 1422 года. Люди умирали тысячами отъ голода и холода. Голодъ, сопровождавшій чорную смерть, произошелъ отъ засухи и бездождія. Къ разрушительнымъ явленіямъ природы лѣтописцы относятъ страшныя бури, зимы безъ снѣга и каменные дожди (!). На эти новыя бѣдствія отозвался сердобольный Фотій, искренно полюбившій новое отечество, за его благочестіе. Онъ написалъ два слова на бездождіе и голодъ, въ которыхъ изобразилъ видѣнныя имъ бѣдствія. «Засохшая земля измѣнилась, разсѣдается, и въ глубину ея входитъ солнечное сіяніе. Видѣлъ я бразды неплодныя и прослезился. Одни сѣмена засохли въ землѣ, другія увяли и сгорѣли отъ зноя. Земледѣльцы плачутъ, смотря на дѣтей своихъ и жонъ, осязая изсохшую траву.... Наши мѣста не одождены; перемѣшались времена года, зной и холодъ. Нѣтъ-ли тому причины въ насъ самихъ? Неужели у Бога отнялось что? Мы оставили братолюбіе, любовь изсохла, голосъ молящихся расходится въ воздухѣ....

Голодъ есть болѣзнь, изсушаетъ мокроту, охлаждаетъ теплоту, утончаетъ толстоту, изсушаетъ тѣлесную силу, какъ паутина облежитъ кости. Румянецъ пропадаетъ, кровь оскудѣваетъ, тѣло чернѣетъ, колѣна влекутся. Голосъ немощной и тонкій, глаза отъ изнеможенія углубились, животъ тощій и упадшій». Еще извѣстно поученіе о бездождіи Пафнутія боровскаго, проникнутое чувствомъ, богатое картинами. О голодѣ, засухѣ, бездождіи упоминали и другіе проповѣдники, начиная съ Ѳеодосія, разсуждавшіе о казняхъ Божіихъ.

вв) Холодъ, и вообще разрушительныя дѣйствія стихій.

Въ древней Россіи, покрытой болотами и лѣсами, невоздѣланной и малонаселенной, стихіи проявляли свою силу въ разрушительныхъ явленіяхъ. Лѣтописи XIV и XV вѣка особенно часто упоминаютъ объ нихъ. Въ суровомъ климатѣ такія явленія—не рѣдкость; но въ XV вѣкѣ люди наиболѣе внимательно присматривались къ нимъ. Ожидая кончины вѣка, суевѣрные предки примѣняли необыкновенныя явленія природы къ пророчеству о послѣднихъ дняхъ міра. «Христосъ сказалъ, что въ послѣдніе дни будутъ знаменія на небѣ, голодъ, язвы, войны и неустройства. Все (это) видимъ нынѣ»[1]). Говоря о голодѣ, мы упомянули, какъ съ XIII вѣка лѣтописи наполнялись сказаніями о неслыханныхъ буряхъ, снѣгахъ, морозахъ, дождяхъ, зимѣ безъ снѣга, засухѣ и проч. Остается упомянуть о зимѣ среди лѣта и другихъ бѣдствіяхъ, записанныхъ лѣтописцами XIII — XV вѣка. Такъ, они говорятъ о большомъ снѣгѣ и сильномъ морозѣ, поразившихъ новгородскую область въ іюнѣ; о наводненіи,

[1]) И. Карам. V, 244—248.

затопившемъ Новгородъ 1421 года; о горѣніи лѣсовъ и болотъ, густомъ дымѣ, убивавшемъ птицъ и рыбъ. На величайшее бѣдствіе—безвременную зиму, угрожавшую голодомъ, отозвался словомъ утѣшенія Варлаамъ хутынскій. Слово или утѣшеніе Варлаама, подобно слову Александра свирскаго о чадахъ боярина, имѣетъ особенную доказательность и значеніе въ исторіи проповѣдничества. Оно убѣждаетъ пророчески въ наказаніи за грѣхи, и этимъ признакомъ отличается отъ словъ общихъ, грозящихъ гнѣвомъ Божіимъ по поводу затмѣній и другихъ естественныхъ причинъ. Такими словами, лишенными силы и убѣжденія, духовная литература обогащается донынѣ. Преподобный Варлаамъ утѣшилъ смущенныхъ новгородцевъ и архіепископа слѣдующимъ наставленіемъ. «Если бы Богъ не далъ снѣга, то поистинѣ всѣ люди погибли бы съ голоду. Корни сѣмянъ и плодовыхъ деревьевъ были наполнены червями. По молитвѣ Божіей Матери Богъ умилосердился надъ своимъ созданіемъ, произвелъ сверхестественный снѣгъ и морозъ, чтобы черви вымерли. Завтра рано, по дѣйствію солнца, будетъ зной; морозъ прекратится, снѣгъ растаетъ и напоитъ землю, вмѣсто дождя». Предсказаніе святаго исполнилось въ точности; урожай вышелъ хорошій. (Архіепископъ приказалъ нарвать растеній, и въ корняхъ ихъ увидѣлъ множество червей замерзшихъ).

Въ XV вѣкѣ, когда народъ особенно смущался необыкновенными явленіями природы, Кириллъ бѣлозерскій оказалъ ему услугу рѣдкимъ въ то время естествознаніемъ. Онъ разсѣевалъ общественные предразсудки и успокоивалъ народъ точнымъ объясненіемъ физическихъ явленій и законовъ природы. Кириллъ написалъ «книгу правилъ противъ суевѣрныхъ примѣтъ», помѣстивъ въ

ней выписки изъ Галена о стихіяхъ [1]). Вотъ, напримѣръ, какъ онъ объясняетъ падающія звѣзды. «Люди говорятъ, что звѣзды падаютъ; а иные думаютъ, что (падающія звѣзды суть) лукавыя мытарства! Но это не

---

[1]) *Иностранные писатели, изобразившіе въ своихъ запискахъ допетровскую Русь, нравы народа, характеръ проповѣдничества, и упоминаемые въ „Очеркѣ“.* Квинтиліанъ родился въ Испаніи, умеръ около 118 г.; былъ учителемъ краснорѣчія въ Римѣ и написалъ по этому предмету руководство; оно послужило основаніемъ риторики, преподаваемой въ Европѣ, особенно во Франціи и Италіи. Галенъ римскій врачъ, родился въ Пергамѣ, въ 131 году; соединилъ медицину съ философіей, естествознаніемъ и краснорѣчіемъ. Лучшее сочиненіе его «о побужденіи къ умственнымъ занятіямъ». Ливаній родился въ Антіохіи, около 314 года, былъ учителемъ въ Константинополѣ, Никомедіи и на родинѣ. Онъ написалъ риторическія упражненія для своихъ учениковъ и софистическія—въ формѣ рѣчей; пользовался огромною извѣстностію въ древнемъ мірѣ. Прокопій, византійскій историкъ VI вѣка, писалъ о нравахъ славянъ. Маврикій, греческій императоръ VI вѣка, знаменитый полководецъ, написалъ стратегику, въ коей говоритъ о славянахъ и ихъ обычаяхъ. Козьма Индикоплов, греческій писатель VI вѣка, написалъ книгу о мірѣ, въ коей доказываетъ четыреугольную форму земли, окруженную океаномъ, а на оконечностяхъ—небомъ. Ибнъ-Фадланъ, мусульманинъ, посланникъ въ Болгарію 921 года, оставилъ свѣденія о руссахъ, пользующееся славою. Аль-Масуди, мусульманскій путешественникъ, посѣтившій славянскія земли въ 957 году. Плано-Карпини, миноритъ, посланникъ Иннокентія IV въ Монголію, посѣтилъ Россію 1245 г. Контарини путешественникъ, и венеціанскій посолъ при Іоаннѣ III. Баронъ Герберштейнъ, германскій посолъ при в. к. Василіѣ; его записки о Московіи «Commentarii» капитальное сочиненіе, въ которыхъ нерѣдко изображаетъ Русь черными красками. Алекс. Гванини, италіанецъ, былъ на службѣ у Баторія, оставилъ свѣденія о Москвѣ, проникнутыя пасквилемъ въ отношеніи Ив. Грознаго «Moscoviæ descriptio». Павелъ Іовій, епископъ ноцерскій, историкъ (первой половины XVI вѣка), оставилъ сочиненія о Москвѣ. Іоганъ Кобенцель, посланникъ императора Максимиліана, при Грозномъ. Ульфельдъ, датскій посолъ, при Грозномъ, написалъ «Странствованія». Горсей англійскій посолъ при Грозномъ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, написалъ «Сказанія»: (Отеч. Запис. 1859 г. № 9). Флетчеръ, англійскій посолъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; его записки о Россіи проникнуты чорными красками, особенно порицаются монастыри. Петрей, шведъ, современникъ Годунова, написалъ «Chronic moscovit». Конрадъ Буссовъ, современникъ Годунова, тоже написалъ «Хронику» (по нѣмецки). Маржеретъ, французскій офицеръ,

звѣзды и не мытарства, а отложеніе небеснаго огня; по мѣрѣ паденія онъ разливается въ воздухѣ. Поэтому никто не видѣлъ на земли падшаго огня. Что же касается звѣздъ, то онѣ никогда не падаютъ, и только (падутъ) во второе пришествіе» [1]). Потребность знанія природы, въ XV вѣкѣ, сказалась въ переводахъ космологическихъ сочиненій, которыя замѣняли, въ извѣстной степени, практическую проповѣдь. Такъ, въ это время, переведены на русскій языкъ: «книга о мірѣ Косьмы Индикоплова», «златая матица» и «безъименный сборникъ, содержащій объясненія физическихъ явленій [2]).

гг) Пожаръ.

Пожары составляли обыкновенное явленіе въ древней Руси; они—не рѣдкость и въ новой. Мы указали на губительный пожаръ, причиненный Девлетъ-Гиреемъ; но могли бы указать и еще нѣсколько подобныхъ. Таковъ пожаръ 1547 года, истребившій большую часть Москвы, множество народа (1700 человѣкъ), и произведшій бунтъ; или пожаръ 1637 года, истребившій большую часть Твери, множество церквей и каѳедральный соборъ, богато украшенный епископомъ Акакіемъ. О пожарѣ,

---

служилъ въ войскѣ Годунова; при самозванцѣ дѣлалъ зло русскимъ. Коллинсъ, англійскій врачъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Самуилъ Пуффендорфъ род. 1632 г., написалъ «Введеніе въ исторію европейскую». Онъ сдѣлалъ естественное и международное право предметомъ академическаго изученія. Всѣхъ иностранцевъ, посѣтившихъ древнюю Русь, насчитываютъ до 270. Русскіе, въ свою очередь, чуждались латинскаго, еретическаго запада, и путешествовали на востокъ, изъ любопытства и для науки. Записками иностранцевъ о Россіи надобно пользоваться съ осторожностію, такъ какъ онѣ не чужды преувеличеній, незнанія дѣла, ошибокъ и лжи. См. «Библіотеку иностран. писателей о Россіи».

[1]) Поѣзд. Шевыр. въ кирил. монастырь 24.

[2]) Рум. муз. MCCCLVIII.

обыкновенномъ бѣдствіи, не болѣе двухъ поученій осталось отъ древности, и одно изъ нихъ экспромптъ; но поученія эти имѣютъ особенную историческую важность. Первое изъ этихъ поученій сказано свящ. Сильвестромъ Іоанну грозному, по случаю бѣдствій, причиненныхъ пожаромъ Москвы въ 1547 г., и сказано кстати, такъ какъ пожаръ этотъ устрашилъ царя и расположилъ его къ покаянію. Сказавъ обычную мысль о гнѣвѣ Божіемъ и наказаніи за грѣхи, проповѣдникъ заклиналъ царя Богомъ оставить праздность и защитить народъ, бѣдствующій подъ гнетомъ бояръ. Онъ подкрѣплялъ свои мысли писаніемъ, причемъ разсказалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ и явленіяхъ съ неба. Мы видѣли, что общественныя бѣдствія на Руси почти всегда сопровождались видѣніями и откровеніями, и большею частію ложными. Курбскій по этому поводу замѣтилъ: «не знаю, правду ли говоритъ Сильвестръ о чудесахъ, или выдумалъ ихъ, чтобы напугать Іоанна, ради его неистовыхъ нравовъ». Самъ Іоаннъ, впослѣдствіи, отзывался объ этомъ предметѣ съ пренебреженіемъ: хотятъ напугать меня «дѣтскими страшилы»... Какъбы то ни было, но ни одна проповѣдь въ мірѣ не имѣла такихъ послѣдствій государственныхъ, какъ упомянутый экспромптъ Сильвестра. Въ этомъ случаѣ оправдалась пословица: «слово сказанное кстати сильнѣе письма и печати». Устрашонный пожаромъ, народнымъ возмущеніемъ и какъбы пророческимъ обличеніемъ Сильвестра, Іоаннъ измѣнилъ дикій нравъ свой, обнаружилъ большую дѣятельность, проницательность, справедливость, и въ продолженіе 13 лѣтъ благоразумнаго царствованія возвысилъ Россію славными подвигами. Другое поученіе, вполнѣ образцовое, написано Максимомъ грекомъ, по случаю пожара, истребившаго

Тверь и богато украшенный соборъ, подъ заглавіемъ: «словеса Божіи къ тверскому епископу Акакію», и подобное: «словеса отъ лица Богоматери къ лихоимцамъ». Чтобы оцѣнить важность этихъ словъ, необходимо коснуться свойствъ народнаго благочестія и религіознаго движенія мысли въ XVI вѣкѣ. О свойствахъ благочестія предковъ замѣчено выше, что оно отличалось формализмомъ, преобладаніемъ обряда и внѣшнихъ подвиговъ надъ духомъ и развитіемъ нравственности. Младенчествующая мысль и чувство предковъ обращались не къ сущности вѣры, а къ внѣшней формѣ ея, болѣе доступной простому смыслу. Лѣтописцы и путешественники русскіе, начиная съ пословъ Владиміра, всего болѣе интересовались внѣшнимъ богослуженіемъ и описаніемъ церковныхъ обрядовъ и принадлежностей. Русскіе соборы въ своихъ постановленіяхъ главнымъ образомъ опредѣляли внѣшнюю форму богослуженія, обрядность, и мало касались догматовъ вѣры. Этотъ формализмъ условливался и аскетическимъ настроеніемъ древней Руси, усвоеннымъ отъ монаховъ. Извѣстно, что аскетизмъ, раскрытый въ монастырскихъ уставахъ, всегда опирается на обряды и строгое соблюденіе малѣйшихъ формъ, правилъ и постановленій церковныхъ. Съ XV вѣка лучшіе люди стали сознавать неудовлетворительность внѣшняго благочестія, прикрывавшаго тяжкіе нравственные недуги. Мысли объ этомъ изложены въ одномъ сборникѣ XV вѣка. «Какая польза въ богатствѣ церкви, погибающемъ отъ огня, воровъ и ратниковъ? Украшать церковь не запрещено, а не миловать убогихъ (грѣшно); за это обѣщана огненная мука» [1]). Нападки на обрядность и религіозный формализмъ усиливаются съ XVI вѣка,

[1]) Руск. сѣвер. народопр. III, 430.

подъ вліяніемъ протестантской философіи, опрокидывающей, вмѣстѣ съ формою, обрядомъ, и духъ христіанства, особенно аскетизмъ. Въ поименованныхъ словахъ Максимъ грекъ обличаетъ внѣшнее благочестіе русскихъ, прикрывающее всякіе безпорядки и преступленія. Какъ иностранецъ, озлобленный врагами, которыхъ самъ накликалъ неумѣренностію обличеній, Максимъ судитъ о русскихъ неспокойно, съ раздраженіемъ; и потому слова его надобно принимать съ осторожностію.

Въ первомъ словѣ проповѣдникъ представляетъ Акакія жалующимся на пожаръ, истребившій плоды его усердія къ богослуженію; и отвѣчаетъ устами Бога о неудовлетворительности внѣшняго служенія. «Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многоцѣннаго мура сошелъ Я на землю; но ради вашего спасенія. Для того Я велѣлъ написать мои заповѣди, чтобы вы знали, какъ угождать Мнѣ. Вы же книгу мою украшаете серебромъ и золотомъ, а заповѣдей моихъ не исполняете. Установленные праздники, для исправленія жизни, вы дѣлаете поводомъ къ пьянству и безчинію» [1]). Во второмъ словѣ проповѣдникъ устами Богоматери осуждаетъ любостяжателей, искупающихъ свои грѣхи канонами. «Часто воспѣваемое радуйся, тогда будетъ мнѣ пріятно, когда увижу, что ты исполняешь заповѣди, удаляешься гордости, злобы, лжи, лести, блуда, неправеднаго хищенія. Ужели думаешь угодить множествомъ каноновъ и стихиръ, громко воспѣваемыхъ, когда пребываешь въ беззаконіи, какъ волкъ расхищаешь имѣнія, обижаешь бѣдныхъ и вдовицъ, играешь въ зернь, упиваешься, веселишься гуслями и скверными пѣснями? [2])» Подобныя мысли о недостаточно-

[1]) II, 260, Прав. Собес. 1863 г. II.
[2]) II, 241.

сти внѣшняго благочестія изложены проповѣдникомъ въ двухъ статьяхъ—о разрѣшеніи постнаго обѣта и о необходимости исполнять обѣты на дѣлѣ. Здѣсь есть преувеличенія въ мысляхъ, такъ часто встрѣчающіяся въ греческомъ проповѣдничествѣ, украшенномъ фигурами и риторическимъ лакомъ. Они могутъ смутить мыслящаго человѣка и охладить усердіе къ посту. «Воздержаніе отъ брашенъ не приноситъ пользы, но болѣе осуждаетъ и уподобляетъ бѣсамъ, какъ сказано: воздерживаясь отъ брашенъ, ты, душе, оскверняешься страстями. Напрасно радуешься о неяденіи и уподобляешься злѣйшимъ бѣсамъ, никогда неядущимъ» [1]).

г) *Укрощеніе раздоровъ и смутъ междуцарствія.*

Послѣднимъ внутреннимъ бѣдствіемъ Россіи было междуцарствіе, продолжавшееся 10 лѣтъ. Это время, такъ сказать, подвело итоги неустройствамъ Россіи, успѣвшей выработать, въ продолженіе вѣковъ, только внѣшнюю власть, царскую; когда же эта власть пресѣклась, сословія, не связанныя внутреннею силою закона, разошлись въ своихъ интересахъ, и государство, ослабленное враждою партій, начало разлагаться. «И прозвали это время лихолѣтьемъ. То было такое лютое время гнѣва Божія, что люди не чаяли впредь спасенія; чуть не вся земля опустѣла». Но въ это опасное время обнаружилась внутренняя сила, служившая основою русской народности, скрѣпившая слабыя гражданскія отношенія; это—вѣра, поддерживаемая духовенствомъ, въ ея высокомъ, аскетическомъ направленіи. Эта сила, какъ сказано, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ оставалась незамѣтною, допускала обнаруженіе общественныхъ безпорядковъ; въ минуты опасности она объединяла народъ въ одну православную семью, вызывала его на пожертвованія, спасала отъ гибели и подчиненія чужой національности. Во время смутъ и раздѣленій, духовенство, представлявшее стройную іерархическую власть, служило центромъ объединенія враждовавшихъ партій. Возвысившаяся въ то время патріаршая власть какъ бы замѣняла собою царское достоинство и придавала особенный вѣсъ дѣламъ духовнымъ. Силою проповѣди духовенство возбуждало въ народѣ нравственное чувство и вызвало неимовѣрное напряженіе его силъ для спасенія государства. Вѣра и духовенство еще разъ сослужили отечеству добрую услугу, собрали распадавшееся царство, помогли возставить царскую власть, отъ древняго корня, и тѣмъ оградили самобытность и величіе Россіи.

Патр. Гермогенъ первый оказалъ Россіи важныя услуги, за которыя и пострадалъ. Онъ своими граматами поднялъ народъ на защиту государства, разрѣшилъ его отъ присяги Владиславу, благословилъ ополченіе Пожарскаго и проклялъ поляковъ, замучившихъ его. «Да будутъ блаословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе московскаго государства, а вы измѣнники будьте прокляты». Но особенную услугу Россіи оказалъ архимандритъ Діонисій и келарь Палицынъ. Въ 1611 году Діонисій своими граматами поднялъ народъ и ополченіе Пожарскаго на защиту государства. Онъ дѣйствовалъ именемъ вѣры, и народъ, одушевленный вѣрою, спасъ отечество. Граматы, которыми города пересылались между собою, указываютъ на общее религіозное одушевленіе. «Идемъ всѣ головами на помощь государству, прося милости у

[1]) II, 246.

Бога;» или: «за православную вѣру хотимъ помереть», и проч. По всѣмъ городамъ опредѣлили поститься три дня и въ два дня сухояденіе; молились со слезами, дали обѣтъ построить три храма. Религіозное одушевленіе народа поддерживалось видѣніями. Самъ Мининъ объявилъ, что ему «явился св. Сергій и приказалъ будить уснувшихъ» [1]). «Православные христіане, писалъ Діонисій, вспомните христіанскую вѣру, возложите упованіе на силу креста, молите служивыхъ, чтобъ быть всѣмъ христіанамъ въ союзѣ и стать сообща противъ предателей... Пусть служивые спѣшатъ къ Москвѣ. Всякому дѣлу одно время, безвременное же начинаніе суетно. Хотя бы и были какія неудовольствія, отложите все это, чтобы сообща потрудиться для избавленія вѣры, пока врагамъ не пришла помощь. Сдѣлайте это поскорѣе, помогите казною и ратными людьми, чтобы собранное подъ Москвою войско не разошлось отъ скудости» [2]). Палицынъ служилъ въ полкахъ молебны, примирялъ войска, направлялъ ихъ къ общей цѣли и, чтобы удержать подъ Москвой, предложилъ имъ церковную ризницу, за недостаткомъ денегъ. «Отъ васъ, говорилъ онъ буйнымъ казакамъ, началось доброе дѣло, вы крѣпко стали за православную вѣру и во многихъ государствахъ прославились своею храбростію; а теперь, братья, хотите погубить заразъ такое доброе дѣло». Общему дѣлу помогъ митр. ростовскій Кириллъ; онъ разбиралъ ссоры въ войскахъ, примирялъ воеводъ и укрѣплялъ ратниковъ. Неимовѣрными усиліями духовенства и народа спасена Москва и Россія. Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ кончилось великое торжество народа, подобное которому ви-

[1]) И. Р. Сол. VIII, 442.
[2]) VIII, 440.

дѣли наши отцы черезъ два вѣка. «Это были, говоритъ Соловьевъ, послѣдніе люди московскаго государства, коренные, основные (религіозные). Когда ударили бури смутнаго времени, то (онѣ) потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись общественныхъ основаній, то встрѣтили основныхъ людей, о силу которыхъ напоръ ихъ сокрушился».

Увѣщаніе о любви къ ближнимъ, милостынѣ и состраданіи.

Утѣшая народъ въ бѣдствіяхъ, по мѣрѣ силъ своихъ, проповѣдники изыскивали средства къ облегченію его страданій. Общею мѣрою въ этомъ отношеніи, какъ сказано, они признавали покаяніе, умилостивленіе Бога за грѣхи; частною — любовь и состраданіе къ ближнимъ. Внушая любовь и состраданіе къ ближнимъ, проповѣдники укрощали вражду, сдерживали страсти и ограничивали общественныя бѣдствія. Впрочемъ, поученій о любви, снисхожденіи и состраданіи къ ближнимъ написано немного, и мысли объ этомъ предметѣ излагаются отрывочно. Такъ, въ словѣ «о уставѣ человѣческаго житія» между прочими правилами предложенъ совѣтъ никого не презирать. «Видѣли вы, сколь малъ паукъ? Растягивая паутину, онъ ловитъ мухъ, и часто воробей и иныя птицы получаютъ кормъ отъ этой худой ловитвы. Подобно и мы пріемлемъ обиліе Божіе отъ немощныхъ, безродныхъ, худыхъ и убогихъ (людей). Богу необходимъ всякій человѣкъ: богатый и убогій; поэтому не презирайте никого» [1]). Въ вѣкъ особеннаго или крайняго угнетенія народа своеволіемъ бояръ, митр. Даніилъ часто обличалъ нелюбовь къ ближнимъ, зависть, клевету и другія

[1]) Злат. слово 23.

страсти, нарушавшія общее спокойствіе; особенно подробно онъ говоритъ о любви къ ближнимъ въ 9 и 10 словѣ. Онъ показываетъ превосходство этой добродѣтели, недозволяющей гнѣва, ярости, тщеславія, гордости, клеветы, осужденія ближнихъ, и вообще неправды и всякаго зла; внушаетъ водиться страхомъ Божіимъ, быть кроткими, незлобивыми, милостивыми, чтобы получить милость Божію. За то, въ древности много написано поученій о милостынѣ и состраданіи къ бѣднымъ. Поражаясь существенными недостатками жизни общественной и семейной, множествомъ бѣдныхъ и страждущихъ людей, проповѣдники постоянно говорили о милосердіи и сострадательности къ ближнимъ. Они распространялись объ этомъ предметѣ кстати и некстати, такъ что въ большей части древнихъ словъ можно найти хоть краткое упоминаніе о милостынѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ученіе о милостынѣ чаще предлагается въ самыхъ древнихъ поученіяхъ, вслѣдствіе особенной неустроенности общественной жизни. Такъ, въ 12-ти краткихъ поученіяхъ, помѣщенныхъ въ Прологѣ, въ которыхъ рекомендуется день и ночь ходить въ церковь, постоянно упоминается о милостынѣ. Напр.: «братіе, когда видимъ нищаго, или страннаго, или алчнаго, или нагаго, не отойдемъ, не сдѣлавши (ему) добра, чтобы не лишиться вѣчныхъ благъ, зная, что милуемъ самого Христа. Ибо не свое имѣемъ что нибудь, но Божіе. Дадимъ отъ своего довольно, ибо не проситъ у насъ имѣнія, или чего нибудь тяжкаго, но пищи и простой одежды» [1]). О милостынѣ упоминается и въ словахъ славянскаго проповѣдника X—XI вѣка, [2]) пользовавшагося

[1]) Слово на рожд. Богород.

[2]) Приб. твор. св. отц. 1858 г. 35.

твореніями св. отцовъ. Напр.: «отвергнемъ отъ себя житейскія заботы, зависть, клевету, памятозлобіе и проч. Богатые преимущественно предъ прочими днями (теперь) творите милостыню, чтобы, причастившись тѣла (Христова), получить вѣчную жизнь. Воздайте благодареніе убогимъ, которые непрестанно молятся Богу за всѣхъ. Сіи требованія не тяжки, если захотимъ исполнить ихъ» [1]). Замѣчательная тирада о милостынѣ есть въ одномъ словѣ Златоуста: «Зачѣмъ вы затворяете свои двери предъ нищими? Такъ говоритъ Господь чрезъ пр. Исаію: колесамъ и телегамъ и санямъ есть мѣсто въ вашихъ дворахъ, а Мнѣ, скитающемуся по улицамъ, негдѣ и голову приклонить» [2]). Слова, главнымъ образомъ трактующія о милостынѣ, находятся въ извѣстныхъ намъ сборникахъ. Въ Изумрудѣ: слово 20-е, Златоуста; въ немъ приведены свидѣтельства о пользѣ милостыни изъ сочиненій Василія вел. и житія Филарета милостиваго. 44-е, Аѳанасія, о милостынѣ. «Богъ далъ намъ богатство для искупленія (грѣховъ)»; приведенъ разсказъ о мірянинѣ, угодившемъ Богу,—наравнѣ съ монахами. 23 и 108-е, св. Нифонта. Приведены отрывки изъ житій св. Нифонта и Іоанна милостиваго о богатомъ и скупомъ. Въ Златоустникѣ: 96-е о милостынѣ. Милостыня названа голубицею, возносящею къ Богу щедраго подаятеля. Недостатокъ поученій о милостынѣ въ позднѣйшіе вѣка могъ въ нѣкоторой степени восполняться словами св. отцовъ, помѣщенными въ разныхъ сборникахъ. Такъ, въ сборникѣ XVII вѣка, № 334, помѣщено много словъ отеческихъ о милостынѣ; въ томъ числѣ Златоуста 4 слова. Въ сборникѣ № 321, слово

[1]) Слово 1 нед. в. поста.

[2]) Злат. слово 85.

Златоуста учитъ разборчивой милостынѣ: «яко подобаетъ творити милостыню прежде своимъ домашнимъ» [1]). Въ пандектахъ Никона черногорца помѣщено болѣе пяти словъ о милостынѣ. Эта проповѣдь о милостынѣ, ублажающая Христа въ лицѣ нищихъ, повторяемая изъ вѣка въ вѣкъ, кстати и некстати, имѣла самое благотворное вліяніе на нравы предковъ. Она обуздывала эгоистическія и корыстолюбивыя стремленія богачей, украсила многихъ іерарховъ и вельможъ добродѣтелями страннопріимства, облегчила участь безчисленныхъ бѣдняковъ; вліяніе ея замѣтно донынѣ въ народѣ. Даже иностранцы, нерѣдко удивлявшіеся набожности русскихъ, хвалили ихъ особенно за сострадание къ бѣднымъ. Но объ этомъ скажемъ подробно въ статьѣ о вліяніи практическаго проповѣдничества на жизнь народа, или объ отношеніи его къ жизни.

Увѣщаніе ропщущихъ на промыслъ и бѣдствія жизни.

Не всѣ страдальцы древней Руси безропотно переносили свою горькую участь; не всѣ, поучаемые терпѣнію, возлагали надежду свою на Промыслъ. Тогда, какъ и нынѣ, люди разнились въ своихъ привычкахъ и убѣжденіяхъ; и несчастія всегда вполнѣ открывали свойства людей, степень ихъ вѣры и мужества, невѣрія и малодушія. Люди кроткіе и благочестивые въ бѣдахъ обыкновенно предаются волѣ Провидѣнія; люди пылкіе, гордые, мыслящіе и безнравственные нерѣдко ожесточаются. Несчастія XV вѣка и ожиданіе кончины міра обнаружили удивительное различіе нравственныхъ характеровъ. Тогда какъ благочестивые люди стремились въ монастыри, для очищенія и успокоенія совѣсти, безчинные предавались пьянству и грабежу, и съ отчаянія налагали на себя руки [1]). Неудивительно, что при такомъ различіи людей всегда были недовольные жизнію и ея кажущимися безпорядками, несовершенствами. Это недовольство становится особенно замѣтнымъ къ XVI вѣку, когда подъ вліяніемъ ересей началось движеніе мысли, критическое отношеніе къ вѣрѣ. Облегчая бѣдствія словомъ утѣшенія, внушая любовь и сострадание къ ближнимъ, проповѣдники обличали вольнодумцевъ, ропщущихъ на Промыслъ. Такъ, въ одномъ сборникѣ находимъ «поученіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ», въ которомъ осуждаются недовольные міромъ и возвѣщается горе тому человѣку, который все злое относитъ къ Богу [2]). Митр. Даніилъ въ своихъ поученіяхъ нерѣдко касается этого опаснаго вопроса. Такъ, въ 14 словѣ, сказавъ о необходимости приготовленія къ будущей жизни, проповѣдникъ учитъ «быть смиренными, не испытывать судебъ Божіихъ, не роптать на Промыслъ, когда видимъ, что одни возвышаются, другіе падаютъ, грѣшники благоденствуютъ, праведники страждутъ, одни умираютъ рано, другіе живутъ долго». Подобныя мысли онъ проводитъ и въ 11 словѣ. «Не должно испытывать непостижимое существо Божіе и судьбы его. Если видимъ что для насъ недомыслимое, должны славить и благодарить Бога, не укорять и не безчестить благодати Божіей. Неразумны тѣ, которые любятъ прения о судьбахъ Божіихъ: почему такой-то получилъ по-

[1]) Л. 282.

[1]) Доп. а. и. I, № 41.

[2]) Царс. № 179.

мощь, освободился отъ бѣдъ, а такой-то не получилъ избавленія?» и проч.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общія мѣры противъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденій и бѣдствій народа.

При всемъ усердіи къ исправленію пасомыхъ и смягченію общественныхъ бѣдствій, пастыри чувствовали недостаточность своего слова и для подкрѣпленія его употребляли вспомогательныя общія мѣры. Впервыхъ, они разсылали окружныя посланія и граматы, въ коихъ предлагали нравственныя и практическія наставленія, сообразныя съ нуждами пасомыхъ, пастырей и народа. Эти посланія, по причинѣ разнообразія содержанія ихъ, нельзя причислить ни къ одному изъ разсмотрѣнныхъ отдѣловъ проповѣдничества, а должно назвать общими. Разсылая такія посланія, пастыри подкрѣпляли ихъ дѣйствіе собственнымъ надзоромъ и распоряженіемъ. При посѣщеніи епархій они предлагали народу необходимыя наставленія и дѣлали распоряженія по устройству Церкви. Во-вторыхъ, признавая священство учительнымъ сословіемъ, они постоянно внушали священникамъ руководить народъ въ вѣрѣ, указывали на недостатки ихъ самихъ и народа. Нѣкоторые же пастыри усердно заботились о возвышеніи и исправленіи духовенства и за свою ревность подвергались большимъ непріятностямъ. При этомъ, считая наказаніе дѣйствительнымъ средствомъ для обузданія грѣха и смягченія гнѣва Божія, пастыри требовали налагать епитиміи на грѣшниковъ, особенно богачей, притѣснителей бѣдныхъ. Въ тоже время, желая оградить и возвысить учительное сословіе, далеко неудовлетворявшее своему духовному званію, пастыри внушали народу воздавать всякое почтеніе священству и монашеству. Въ третьихъ, при содѣйствіи гражданской власти, пастыри дѣлали административныя распоряженія о поддержаніи церковнаго благочинія и благочестія въ народѣ.

1) Разсылка окружныхъ посланій и граматъ общаго содержанія.

Мы обратимъ вниманіе преимущественно на главныя посланія извѣстныхъ пастырей, обходя, по возможности, мало извѣстныя, такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе сходны содержаніемъ. Главное вниманіе обращаетъ на себя «поученіе дѣтямъ», Матѳея, епископа сарайскаго, которое, какъ думаютъ, было разослано имъ по своей епархіи. Поученіе Матѳея извѣстно въ двухъ редакціяхъ, краткой и пространной. Въ обширномъ видѣ оно раздѣлено на 18 главъ, изъ коихъ въ послѣднихъ 8 главахъ кѣмъ-то прибавлены новыя статьи. Это поученіе служитъ совершеннымъ типомъ произведеній греко-русскаго проповѣдничества: оно въ краткомъ видѣ содержитъ въ себѣ почти всѣ главныя истины разсмотрѣннаго нами проповѣдничества, нравственно-аскетическаго и практическаго; отличается безпорядочностію изложенія и простотою выраженія.

«Имѣйте вѣру въ Бога, любовь ко всѣмъ, къ богатому и убогому. Постъ имѣйте чистый, когда слѣдуетъ поститься, да просвѣтлѣете подобно Моисею. Милуйте убогихъ и немощныхъ, лежащихъ и сѣдящихъ на улицахъ; посѣщайте находящихся въ темницахъ,

нагихъ одѣвайте. Домочадцевъ не бейте, не морите голодомъ и наготою, но больше милуйте. Убогій выпроситъ себѣ въ другомъ мѣстѣ, а они смотрятъ въ твои руки. Правымъ помогайте, грѣшныхъ милуйте. Странныхъ вводите въ домъ и напитайте. Вдовицъ призирайте, сущихъ въ бѣдахъ избавляйте, старцевъ, поповъ и діаконовъ чтите. Челядь милуйте, наставляйте на путь покаянія; старыхъ отпущайте на свободу, юныхъ учите добру. Сосѣда не обижайте, не отымайте у него земли. Монастыри любите, то суть домы святыхъ (описываетъ подвиги монастырскіе). Къ св. мѣстамъ приходите, просите благословенія у подвижниковъ, приводите къ нимъ своихъ дѣтей; вводите ихъ въ домы свои для благословенія и поученія. Епископа чтите, онъ есть молитвенникъ всего міра; не вступайтесь въ церковные домы, въ суды и земли. Если пригласите чернеца или причетника, то болѣе трехъ чашъ не принуждайте пить (далѣе слѣдуетъ извѣстное ученіе о повиновеніи князю). Покаряйтесь друзьямъ малымъ и великимъ. Позовутъ васъ на пиръ, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ. Тогда позвавшій тебя скажетъ: друже, сядь выше, и будетъ тебѣ предъ всѣми честь и слава. Имѣйте въ сердцахъ страхъ Божій; ибо начало премудрости страхъ Господень. Вѣра и страхъ Господень повелѣваетъ на всякій часъ помнить смерть и страшный день суда. Если кто сотворитъ грѣхъ, по внушенію діавола, въ тотъ же день да покается, опасаясь внезапной смерти (повтореніе о почитаніи духовенства и милованіи рабовъ опускаемъ. Проповѣдникъ называетъ хозяина апостоломъ дома и велитъ учить домашнихъ ласкою и грозою, подъ опасеніемъ отвѣтственности. За ослушаніе велитъ наказывать рабовъ

4—30-ю ударами). Милость Божія, св. Богородицы и мое благословеніе да будетъ съ вами» [1]).

Поученія митр. Алексія. а) *Поученіе или посланіе ко всей пастви.* Въ немъ, кромѣ объясненія притчи о сѣмени и виноградѣ, изложены наставленія о любви, страхѣ Божіемъ, покаяніи, милостынѣ, хожденіи въ церковь, праведномъ судѣ, почитаніи пастырей, и вообще о добрыхъ дѣлахъ. Между прочимъ, проповѣдникъ говоритъ, что «домашняя молитва безъ церковной не можетъ имѣть никакого успѣха» [2]). б) *Поученіе христіанамъ нижегородской области, сходное съ предъидущимъ.* Проповѣдникъ внушаетъ духовенству учить народъ страху Божію, любви, исповѣди, милостынѣ, правдѣ. Указывая на нестроенія области, говоритъ: «отъ чего бываютъ удары на города, нашествія, голодъ, моръ, пожары? Все это за грѣхи предъ Богомъ». Наконецъ обличаетъ пьянство и внушаетъ всѣмъ сословіямъ повиновеніе священству [3]). в) *Посланіе или грамата въ червленый яръ.* Внушая духовенству и мірянамъ подсудность рязанскому епископу, проповѣдникъ учитъ ихъ тѣмъ же нравственнымъ истинамъ, какія изложены въ предъидущихъ посланіяхъ, между прочимъ — странноприимству. «Покайтесь, научитесь творить благое, поминайте смерть, воскресеніе, страшный судъ, вѣчный покой, вѣчную муку, и не согрѣшите» [4]).

Слово 84 Златоустника, древнее, содержитъ различныя правила и наставленія. Напр.: «отцы установили приходить на молитву со свѣчею и поститься; горящая

[1]) И. Рус. Цер. пр. Мак. V, 161.
[2]) Приб. къ твор. св. отц. V, 30.
[3]) Душен. Чт. 1861 г. 1, 449.
[4]) А. и. I, № 3.

свѣча прообразуетъ Троицу. Не носящихъ на шеѣ креста (мы) проклинаемъ въ церкви. Заупокойную литургію должно служить на 4 просфорахъ; принесшій долженъ положить ихъ на кутьѣ и поставить 4 свѣчи».

Слово ко всему міру (XIII—XIV в.) обращено къ духовенству и мірянамъ, отъ лица Бога, и содержитъ въ себѣ разныя наставленія и обличенія. Между прочимъ, проповѣдникъ говоритъ: «безъ любви непріятны мнѣ ваши молитвы и службы. Напрасно трудитесь, совершая службу въ гнѣвѣ; зачѣмъ (въ такомъ расположеніи) идете въ церковь, оскверняете ее и св. ангеловъ? Возглашаете: станемъ добрѣ, со страхомъ, а сердца ваши удалились, содержа гнѣвъ и злобу». Далѣе воспрещаетъ принимать просфоры отъ злыхъ людей. Этоже слово, въ видѣ посланія или рѣчи епископа, приписано Златоусту и извѣстно намъ по нѣкоторымъ отрывкамъ, приведеннымъ выше [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что оно отличается требовательностію, граничащею съ ригоризмомъ, и крайнею оригинальностію мыслей. Напр.: «вы должны оставить имѣніе и идти въ церковь; колесамъ есть мѣсто въ вашихъ дворахъ; я послалъ вамъ письмо» и проч [2]).

Наказная грамата митр. Макарія содержитъ разныя наставленія, преимущественно о христіанской нравственности и обрядности, между прочимъ обличаетъ религіозное суевѣріе.—Священники держатъ на престолѣ, до 6 недѣль, мыло и дѣтскій послѣдъ (сорочки). «Чтобъ впредь таковыя мерзости на престолѣ не клали. Чтобъ просвирни не наговаривали ничего надъ свѣчами, кутьей и просфирами, кромѣ молитвы Іисусовой» [3]). Патріархъ

[1]) Рум. муз. 1419 г. № 451.
[2]) Златоустникъ, слово 85.
[3]) Прав. собес. 1863 г. 1, 202.

Іосифъ въ окружномъ наказѣ христіанамъ повелѣвалъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни ничего не дѣлали, упражнялись въ дѣлахъ благочестія, ходили въ церковь на молитву. Въ субботу, съ благовѣстомъ вечернимъ (за три часа до ночи) лавки запирать, ничемъ не торговать, въ бани не ходить. Утромъ до пятаго часа дня лавки не отворять. Во время крестныхъ ходовъ лавки запирать, пока кресты не принесутъ въ соборъ [1]). Къ этому же отдѣлу надобно отнести граматы патріарховъ общаго содержанія, отрывки изъ которыхъ приведены выше, и особенно увѣщаніе патр. Адріана къ разнымъ сословіямъ, въ 24 пунктахъ.

Ревизія епархій. Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣденій о дѣятельности пастырей относительно ревизіи епархій. Замѣтимъ только, что эта ревизія, при неустройствѣ государства, была сопряжена съ большими затрудненіями, и тѣмъ болѣе оказывалась благотворною, при усердіи дѣятельныхъ и неутомимыхъ пастырей. До какой степени оказывалась благотворною ревизія епархій въ древности, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Съ перенесеніемъ русской митрополіи на сѣверъ, митрополитамъ неудобно было посѣщать южныя области Россіи, присоединенныя къ Польшѣ. Пастыри дѣйствовали на народъ одними посланіями, которыя, безъ личнаго надзора ихъ, не оказывали вліянія на нравственность. Отъ этого духовенство южной Россіи нравственно опустилось, не радѣло о своихъ обязанностяхъ и просвѣщеніи народа. Объ немъ всѣ отзывались съ презрѣніемъ. «Недостоинство возсѣдало на митрополичьихъ и епископскихъ престолахъ. Пресвитерство дошло до такого безчестія, что доброму человѣку стыдно принять священ-

[1]) Ак. Экс. IV, № 324. л. 19.

мости типографіи, которая могла облегчить заботы о просвѣщеніи духовенства и народа и положить предѣлъ порчѣ книгъ, распространенію суевѣрія и заблужденій. Но невѣжественный народъ, считавшій всякую новость ересію, сожегъ типографскій домъ. Во всякомъ случаѣ, напоминая священникамъ объ обязанности учительства, пастыри успокоивали свою совѣсть исполненіемъ законнаго долга. Дѣйствительно, рѣдкій изъ митрополитовъ не писалъ посланія духовенству о долгѣ учительства, или не упоминалъ объ этомъ въ своихъ поученіяхъ. Особенно часто объ этомъ говорилъ и писалъ митр. Фотій. Какъ митр. Даніилъ всего болѣе распространялся о пользѣ чтенія книгъ, такъ Фотій — о важности и страшной отвѣтственности священ. сана. Всѣ этого рода посланія, идущія почти черезъ весь первый періодъ, отличаются однообразіемъ и подражательностію; развитія въ нихъ, равно какъ и въ поученіяхъ о наказаніи за грѣхи, — никакого.

Древнѣйшее *поученіе* священникамъ, или *правило*, принадлежитъ митр. Кириллу II; оно разослано было по всѣмъ епархіямъ. Въ правилѣ Кирилла различаютъ три части. Въ 1-й части онъ говоритъ объ обязанностяхъ святителей, неустройствахъ Церкви и Божіихъ казняхъ; во 2-й излагаетъ правила владимірскаго собора; 3-я часть озаглавлена: «поученіе къ попомъ», и съ вѣроятностію приписана Кириллу [1]). Въ немъ изложено ученіе о важности и страшной отвѣтственности священ. сана, объ обязанности священниковъ къ паствѣ и къ самимъ себѣ въ ученіи, служеніи и управленіи [2]). Со времени Кирилла, сколько извѣстно по дошедшимъ до насъ памятникамъ, вошло въ обыкновеніе разсылать духовенству это поученіе. Самое поученіе къ попомъ, состоящее изъ обыкновеннѣйшихъ мыслей, епископы начали разсылать по своимъ епархіямъ.

Съ поученіемъ къ попомъ сходно *посланіе къ духовенству* митр. Петра. Между прочимъ проповѣдникъ внушаетъ духовенству заниматься чтеніемъ день и ночь, учить народъ страху Божію, покаянію, смиренію, любви, милостынѣ, подъ опасеніемъ вѣчной муки [1]).

Митр. Кипріанъ, по примѣру предшественниковъ своихъ, написалъ посланіе къ духовенству и христіанамъ [2]).

Подобное *посланіе къ духовенству* писалъ митр. Фотій; кромѣ извѣстнаго ученія объ обязанностяхъ священства, онъ излагаетъ правила о постахъ, исповѣди, крещеніи и елеосвященіи [3]). Это же ученіе Фотій повторилъ въ словѣ на недѣлю православія, богатомъ нравственно-аскетическими наставленіями [4]).

Есть еще *посланіе къ духовенству*, сходное съ посланіемъ Фотія къ новгородцамъ; въ немъ изложено ученіе о строгомъ соблюденіи поста, хожденіи въ церковь, таинствахъ, и обличеніе священства, преданнаго торговлѣ [5]).

Митр. Симонъ (XVI в.) писалъ посланія: пермскому духовенству о его обязанностяхъ; [6]) во Псковъ о вдовыхъ священникахъ, и еще: назидательное поученіе священнослужителямъ [7]).

---

[1]) Рус. Достопам. 1, 106.
[2]) Приб. къ твор. св. отц. I, 428.

[1]) Приб. къ твор. св. отц. II, 85.
[2]) П. собр. лѣт. IV, 99.
[3]) Допол. а. и. I, № 181.
[4]) И. пр. Мак. V, 200.
[5]) Пам. стар. лит. IV, 186. А. экс. 1, 369.
[6]) А. экс. I.
[7]) А. и. I.

По примѣру митрополитовъ и епископы иногда писали подобныя поученія. Напр. арх. новгородскій Евѳимій (XV в) въ *посланіи псковскому духовенству* убѣждалъ его воспитывать народъ въ страхѣ Божіемъ и, между прочимъ, не дозволять службы священникамъ изъ другихъ епархій [1]).

Есть поученія священству и неизвѣстныхъ проповѣдниковъ. Напр. а) *наставленіе духовнымъ учителямъ*, какъ слѣдуетъ учить (народъ) заповѣдямъ Божіимъ (вѣроятно русское) [2]). б) *Слово* о томъ, какая бѣда предстоитъ іерею, неучащему и ненаказывающему людей [3]). в) *Поученіе отъ іерея* духовнымъ дѣтямъ, послѣ исповѣди [4]).

Наконецъ, *слово Златоуста:* какъ священникамъ учить людей, рекомендуетъ настойчивую проповѣдь. «Хотя бы поучаемые не слушали (насъ), но мы не перестанемъ учить» [5]).

Обличеніе недостатковъ духовенства.

Въ видахъ успѣха проповѣди, пастыри нерѣдко указывали на недостатки самого духовенства и заботились объ исправленіи его. «Слово Златоуста» обличаетъ священниковъ въ недѣятельности. «Надлежитъ учить (народъ) непрестанно; а мы, священники, всегда пребываемъ дома; отъ священства имѣемъ одежду и пищу, (но) по небреженію не имѣемъ книгъ, готовыхъ не читаемъ, а только пріобрѣтаемъ различныя одежды. Какъ

[1]) А. и. I, № 31.
[2]) Сбор. XVI в. № 321. л. 163.
[3]) Сборн. № 339. л. 259.
[4]) Сборн. № 338. л. 38.
[5]) Изумр. слово 92.

не признать это зломъ? И учащихъ насъ ненавидимъ, а пропитаніе и честь получаемъ отъ священства» [1]). Митр. Фотій въ словѣ на Срѣтеніе, изложивъ любимое имъ ученіе о важности священства, рекомендуетъ ему трезвость и предостерегаетъ отъ пьянства [2]). Митр. Ѳеодосій написалъ прекрасное посланіе о нерадѣніи бѣлозерскаго духовенства [3]). Митр. Даніилъ, съ свойственною ему наблюдательностію, изобразилъ частные недостатки духовенства Успенскаго собора, въ Москвѣ. Изложивъ нравственно-аскетическія наставленія о приготовленіи къ будущей жизни, проповѣдникъ учитъ всѣхъ, особенно духовенство, заботиться о внутреннемъ благочестіи и внѣшнемъ благочиніи, чтобы никого не соблазнять. «Есть нѣкоторые изъ священныхъ лицъ, пресвитеры, діаконы, иподіаконы, чтецы и пѣвцы, которые играютъ въ гусли, домры, смыки, зерны, шахматы, тавлеи, и проводятъ время въ бѣсовскихъ пѣсняхъ, премногомъ пьянствѣ, любятъ плотское наслажденіе болѣе духовнаго, и такимъ образомъ служатъ себѣ, и другимъ въ великій вредъ» [4]). Но всего болѣе поученій объ обязанностяхъ и недостаткахъ священства находится въ Кормчей XV вѣка. Это большею частію поученія Златоуста, Григорія богослова, Василія великаго, Ефрема и Аѳанасія, съ варіантами, а нѣкоторыя—русскія. Напр. поученіе св. Григорія богослова. «Слышите, священники, что говоритъ Господь! Жатва многа, а дѣлателей мало. Некому проповѣдывать истину; сами не исполняете истины, а потому и не возвѣщаете ее. Священниковъ уже полонъ

[1]) Изумр. слово 41.
[2]) Прав. собес. 1860 г. II, 457.
[3]) А. и. I.
[4]) III сбор. слово 2-е.

міръ, а на дѣло Божіе рѣдкій обрѣтается. Многіе и грамоты не знаютъ, а вошли въ священный чинъ ради льготы и чести». За дурное поведеніе и соблазны ученіе грозитъ вѣчною мукой. Слово Златоуста о покаяніи содержитъ наставленія о томъ, съ какимъ опасеніемъ надобно совершать исповѣдь, наставлять людей и учить ихъ страху Божію. Поученіе попомъ и всѣмъ людемъ излагаетъ нравственныя обязанности тѣхъ и другихъ, и за неисполненіе ихъ грозитъ вѣчною мукой [1]). Подобное поученіе: *наказаніе и заповѣдь св. отецъ о покаяніи*. Обличенія и наставленія духовенству, изложенныя въ предыдущихъ поученіяхъ, въ краткомъ видѣ содержатся въ слѣдующихъ словахъ: «слово Златоуста попомъ и простымъ людемъ»; «слово божественно о покаяніи и исповѣди грѣховъ». Мы обратимъ вниманіе на одно любопытное правило, содержащееся въ послѣднемъ словѣ и свидѣтельствующее, между прочимъ, о благочестіи предковъ. «Въ великій постъ не велите непраздным женамъ кланяться до земли; пусть кланяются въ поясъ, или вмѣсто поклоновъ даютъ милостыню; а если убогія, да хвалятъ Бога; а то онѣ извергаютъ младенцовъ, и если мы не воспретимъ, то въ этомъ наша вина» [2]).

Дѣятельныя мѣры къ исправленію священства.

Ревностные пастыри не ограничивались ученіемъ и обличеніемъ священства; иногда они принимали дѣятельныя мѣры къ исправленію его, и за это подвергались большимъ нареканіямъ. Ѳеодосій, арх. ростовскій, XV в., жаловался на нерадѣніе духовенства къ своимъ обязанностямъ, созывалъ его на соборъ, побуждалъ къ исправленію жизни и пастырской дѣятельности. На митрополіи московской онъ обнаружилъ такую же ревность къ исправленію духовенства, и возбудилъ противъ себя общее недовольство. Геннадій, арх. новгородскій (XVI в.), обнаружилъ большую ревность къ исправленію духовенства и нажилъ себѣ многихъ враговъ. Какъ-бы въ оправданіе своей пастырской ревности, онъ изобразилъ грубость и невѣжество ставленниковъ,— которыя указываютъ на жалкое состояніе народа; ибо грубые ставленники и попы едва въ состояніи были исполнять церковныя требы. «Приводятъ мужика, говоритъ Геннадій, ему приказываю читать апостолъ, а онъ ступить не умѣетъ; приказываю дать псалтырь,—и по той едва бредетъ». Ставленники отвѣчали: «мы учились у своихъ отцовъ и мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ! Земля господине такова, не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ» [1])... Необходимость заставляла посвящать и сельскихъ невѣждъ, чтобы «церкви не остались безъ пѣнія, а христіане не умирали безъ покаянія», какъ замѣтилъ стоглавъ.

Наставленія мірянамъ о почитаніи духовенства.

Дѣйствуя на духовенство ученіемъ, обличеніемъ и личнымъ руководствомъ, пастыри желали возвысить его въ глазахъ народа. Хотя духовенство не поддавалось пастырскимъ мѣрамъ, оказывалось несостоятельнымъ въ словѣ и дѣлѣ, ненадежнымъ въ своемъ званіи и унижало его пороками: все-же пастыри продолжали, по

[1]) Прав. Собес. 1860 г, II, 203. 306.
[2]) Прав. собес. 1861 г. I, 444.

[1]) А. и. № 105.

голодомъ, наготою, (пока) не покается. Прочихъ духовныхъ дѣтей исправляй, и по мѣрѣ грѣховъ наказаніе возлагай, — истязуй, запрещай, непокорнаго отлучай, отъ себя отжени. Если другой приметъ таковаго, безъ твоего благословенія, скажи епископу, да повелитъ соборно проклинать непокаряющагося, а принявшій (его) лишенъ будетъ священства» [1]). Поученій подобнаго содержанія въ древнихъ сборникахъ довольно, напр. въ Изумрудѣ соловецкомъ, л. 296, въ рукописи академич. библіотеки, № 858, л. 20. Слово св. апостолъ и отецъ о церковномъ приношеніи». Кормч. XV в.

Нѣкоторыя поученія пастырей излагаютъ подробныя правила о исповѣди и епитиміяхъ. Митр. Кипріанъ въ посланіи къ Аѳанасію предписалъ изслѣдывать на исповѣди всякое дѣло, и сообразно съ этимъ налагать епитиміи, примѣняясь къ состоянію грѣшника. «Иначе должно разсуждать о молодомъ, иначе о возрастномъ, иначе о согрѣшившемъ въ старости, иначе о смышленномъ и несмысленномъ, иначе о согрѣшившемъ волею и неволею, иначе о свободномъ и рабѣ. Духовному отцу все надлежитъ испытывать и обо всемъ разсуждать». Сказавъ о священникахъ, что они «смотрятъ ко взятію,» Кипріанъ взыскивалъ съ нихъ за послабленіе и отпущеніе епитиміи. «Поученіе и наказаніе попомъ, какъ слѣдуетъ учить духовныхъ дѣтей и давать имъ епитиміи, по заповѣдямъ и правиламъ св. отецъ». Кормч. XV в. «Слово о епитиміяхъ и отлученіи, даваемыхъ іереями»; Сборн. № 339, л. 266. Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ доказывается польза и спасительность епитиміи,—епитимія уподобляется лекарству, а духовникъ—лекарю, врачующему раны души.

[1]) Рукоп. акад. библ. № 826. л. 320. А. и 1, № 109.

Поэтому рекомендуется всѣмъ не таить грѣха, чтобы не погибнуть, подобно птицѣ, пойманной въ силокъ, за ногу, или одинъ ноготь [1]). Въ «словѣ Златоуста попомъ и простымъ людямъ» и въ «словѣ о покаяніи и исповѣданіи грѣховъ» изложены, въ смѣси, разнообразныя наставленія, священникамъ и мірянамъ, относительно исповѣди и епитиміи. Здѣсь, между прочимъ, обличаются духовники, нерадящіе о епитиміи и наказаніи грѣшниковъ. «Если отецъ духовный не положитъ (кающемуся) епитиміи, противу согрѣшенія, то предастъ душу его злой мукѣ, и ждутъ ихъ неразрѣшимыя узы, въ день страшнаго суда. Многіе пастухи просмрадили виноградъ мой и осквернили часть мою, поэтому примутъ большее осужденіе. Подобаетъ намъ отцы и братія блюсти себя со всякимъ опасеніемъ, испытывать согрѣшенія со всякимъ прилежаніемъ. Попъ, недающій епитиміи исповѣдующимъ грѣхи свои и прощающій грѣшника самоволіемъ, есть противникъ Божій, попиратель закона, и проклятъ св. отцами. Ибо писаніе говоритъ: если слѣпецъ водитъ слѣпца, то оба впадутъ въ яму» [2]).

Въ пособіе къ поученіямъ этого рода мысли о исповѣди и епитиміяхъ подробно изъяснены въ церковныхъ правилахъ; нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, современныя началу христіанства въ Россіи, сообщаютъ любопытныя свѣденія о нравахъ предковъ. «Приказываемъ іереямъ и всѣмъ грамотнымъ, чтобы они предъ исповѣдію записывали свои грѣхи на хартіи и подавали ее духовнику. А простые люди говорятъ на исповѣди по одному слову». «Женамъ повелѣваемъ исповѣдываться

[1]) Рукоп. акад. библ. № 858, л. 26.
[2]) Прав. собес. 1861 г. I, 444.

въ притворѣ церковномъ, и внѣшнія двери имѣть отверстыми, ради соблазна». «Жена на исповѣди не должна открывать головы своей». [1])

Изъ иноковъ особенно благотворно дѣйствовалъ на народъ епитиміями и нравственными наставленіями Іосифъ волоколамскій. Онъ говорилъ о себѣ: «есмь духовный отецъ многимъ князьямъ, боярамъ и простымъ людямъ». Сохранились 4 посланія его «о епитиміяхъ къ дѣтямъ духовнымъ» [2]). Къ Іосифу часто обращались за наставленіями многіе люди и князья, особенно волоколамскіе, и открывали ему свою совѣсть. Князь Борисъ часто посѣщалъ преподобнаго и руководствовался его совѣтами. Князь Андрей Голенинъ, руководясь правилами Іосифа, постригся въ монахи. Вельможи и сановники почитали за счастіе удостоиться его бесѣды, и избирали его своимъ духовникомъ. Женщины, не имѣя возможности получить лично наставленія Іосифа, спрашивали его совѣтовъ чрезъ своихъ духовниковъ, или письменно. Пользуясь своимъ вліяніемъ на народъ, преп. Іосифъ благодѣтельствовалъ окрестной странѣ не только словомъ, но и дѣломъ. Онъ примирялъ князей, училъ ихъ миловать рабовъ, кормить несчастныхъ, и самъ питалъ до 700 человѣкъ во время голода, надѣясь на помощь Божію и князей. «И имя Іосифово, говоритъ жизнеописатель его, яко нѣкое священіе, обносилось во всѣхъ устахъ. Вся страна волоколамская прилагалась къ доброй жизни, наслаждалась тишиною и покоемъ» [3]). Не менѣе благотворное вліяніе на народъ имѣли и другіе подвижники,

[1]) Собор. правила св. апостолъ, гл. 4.
[2]) Толст. отд. 11, № 68.
[3]) Приб. къ твор. св. отц. 1847 г. 225.

подобно Іосифу привлекавшіе къ себѣ всѣхъ святостію жизни и разными благодѣяніями.

3) Административныя распоряженія о благочиніи церковномъ и благочестіи народа.

Проповѣдь, неудовлетворявшую всѣмъ нуждамъ Церкви и потребностямъ народа, пастыри восполняли правительственными мѣрами относительно церковнаго благочинія и благочестія народа. Мѣры эти были двояки. Вопервыхъ, это были граматы, правила или постановленія митрополитовъ, относящіяся къ церковному благоустройству; во вторыхъ, соборныя опредѣленія пастырей. Тѣ и другія часто излагались въ формѣ поученій и разсылались по церквамъ, или вручались принимающимъ священство, для руководства въ жизни. Учительныя граматы преимущественно употреблялись до XV вѣка, такъ какъ при неустройствѣ русской земли трудно было созывать соборы. Владимірскій соборъ 1274 года вызванъ былъ крайними неустройствами въ Церкви, причиненными нашествіемъ монголовъ. Соборныя опредѣленія относительно церковнаго благочинія собственно начинаются съ XV вѣка, со времени объединенія Россіи и развитія русскаго законодательства. Правила и постановленія митрополитовъ, при благоговѣніи предковъ къ ихъ сану, принимались наравнѣ съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ и заносились въ кормчую книгу, тѣмъ болѣе, что они часто заимствовались изъ писаній св. отцевъ. Опредѣленія русскихъ соборовъ служили источникомъ церковнаго ученія и управленія, хотя нерѣдко были отмѣняемы, по указанію опыта и церковной практики. Такъ, московскій соборъ

1667 г. сдѣлалъ отзывъ о стоглавѣ, что онъ многое рѣшалъ простотою и невѣжествомъ, и вмѣнилъ его въ ничто: «яко не бысть». Между тѣмъ, патріархи Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, Адріанъ, въ своихъ указахъ часто дѣлали извлеченія изъ стоглава, вносили опредѣленія его въ богослужебныя книги. Извлеченія изъ стоглава находятся и въ царскихъ граматахъ XVII вѣка. Любопытно слѣдить, на какіе вопросы больше обращаютъ вниманіе граматы митрополитовъ и опредѣленія соборовъ, какіе недостатки чаще обличаютъ, и какими слѣдствіями сопровождалось все это для жизни общественной. И такъ какъ эти граматы и опредѣленія вызывались нуждами Церкви и потребностями вѣка: то для ясности дѣла необходимо слѣдить развитіе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Нечего и говорить, что, при обширности даннаго вопроса, для насъ достаточно коснуться существенныхъ сторонъ его, выяснить отношеніе граматъ и соборныхъ опредѣленій къ церковному благочинію и благочестію народа, обходя, по возможности, каноническое содержаніе ихъ.

При скудномъ проповѣдничествѣ въ древности, богослуженіе и обрядность, можно сказать, были главною школою христіанскаго воспитанія. Въ чтеніи, молитвахъ и пѣсняхъ Церкви народъ почерпалъ знаніе вѣры, въ обрядахъ богослуженія видѣлъ, по возможности, осуществленіе догматовъ и правилъ христіанской дѣятельности. Поэтому, богослуженіе не менѣе, если не болѣе, проповѣди и всей древней письменности вліяло на общественные нравы; и пастыри, заботясь о благочестіи народа, по необходимости заботились о церковномъ благочиніи. Устрояя благочиніе Церкви, пастыри обратили особенное вниманіе на положеніе и недостатки учительнаго сословія,—духовенства. Ихъ граматы и опредѣленія въ этомъ отношеніи служатъ продолженіемъ церковной проповѣди и обличеній духовенства. Но какъ вообще распоряженія пастырей относительно благочинія, такъ и, въ частности, относительно духовенства не были достаточны, ибо неустройства Церкви, невѣжество и пороки духовенства, а съ нимъ и народа, въ XVI—XVII вѣкѣ достигли крайней степени. Что могли значить нѣсколько десятковъ граматъ нѣсколькихъ митрополитовъ, епархіальныхъ архіереевъ, и опредѣленія 5—6 соборовъ, на протяженіи громаднаго государства, при 10 — 12,000 церквей, въ 700 лѣтъ! Они далеко не обнимали всѣхъ нуждъ Церкви въ неустроенномъ государствѣ, не удовлетворяли нравственнымъ недугамъ грубаго духовенства и народа. Всѣ эти мѣры могли имѣть замѣтное значеніе въ связи съ скуднымъ проповѣдничествомъ, какъ дополненіе къ нему. Но и самое древнее проповѣдничество тоже далеко не удовлетворяло нравственнымъ нуждамъ народа и духовенства.

Граматы митрополитовъ относительно церковнаго благоустройства.

Опредѣленія владимірскаго собора (1274 г.) и цареградскаго (1301 г.) почти всѣ относятся къ богослуженію и совершенію таинствъ. Правило или слово, въ которомъ Кириллъ II изложилъ постановленія владимірскаго собора, и дополнительное поученіе къ попамъ намъ извѣстны. Въ нихъ изложено ученіе о важности свящ. сана, епитиміяхъ, и между прочимъ обличаются недостатки духовенства, неисполненіе имъ святыхъ обязанностей въ отношеніи къ паствѣ. «И безгрѣшный свя-

щенникъ пойдетъ въ муку, за грѣхи пасомыхъ, если не училъ и не наказывалъ ихъ». Говоря о епитиміяхъ, митрополитъ не дозволяетъ отпускать грѣхи за деньги и дары. Зная, что невѣжественнымъ священникамъ трудно выполнять всѣ предписанія, онъ повелѣваетъ имъ обращаться къ себѣ, въ случаѣ какихъ либо недоумѣній. «Я самъ обличу и отлучу». Слово это было разослано по епархіямъ, для руководства духовенству. Митр. Максимъ, заботясь о благоустройствѣ Церкви, созывалъ въ Кіевѣ соборъ 1284 г.; послѣдствія его неизвѣстны. Онъ издалъ правило, въ которомъ обличалъ уклоненія народа отъ церковныхъ постановленій относительно поста и брака. Въ правилѣ означены времена постовъ успенскаго, петрова и филиппова, а также—въ среды и пятки, совпадавшія съ праздниками. Въ обличеніе языческаго обычая похищать жонъ правило внушаетъ совершать бракъ по уставу Церкви. Противъ этого обычая еще прежде возставалъ митр. Іоаннъ, и также сдѣлано постановленіе на владимірскомъ соборѣ. Митр. Петръ написалъ постановленіе, въ которомъ обличаетъ недостатки священства: лихоимство, занятіе торговлею, нетрезвость и незаконное сожительство. Преданнаго пьянству митрополитъ не признаетъ священникомъ. Митр. Фотій штрафовалъ пьяныхъ лишеніемъ церковнаго облаченія. Вдовымъ священникамъ дозволяетъ служеніе, подъ условіемъ вступленія въ монастырь. Строгость этихъ постановленій свидѣтельствуетъ о распущенности невѣжественнаго духовенства, соблазнявшаго народъ своею недостойною жизнію. Митр. Кипріанъ, какъ отличный канонистъ и ревнитель благочестія, съ охотою отзывался на всѣ вопросы и нужды Церкви, и оставилъ много каноническихъ правилъ относительно благоустройства Церкви.

Самое замѣчательное сочиненіе его въ этомъ отношеніи, по множеству каноническихъ опредѣленій,—посланіе къ игумену Аѳанасію. Относительно богослуженія, Кипріанъ объясняетъ обрядовыя дѣйствія, предписываетъ читать толковое евангеліе, а на трапезѣ—Ефрема, Дороѳея, Василія, Златоуста, и недочитанныя на утренѣ праздничныя чтенія; чтобы каждый священнослужитель исполнялъ свое дѣло, священникъ не служилъ вмѣсто діакона; разъясняетъ таинства крещенія, брака, покаянія, причащенія, въ совершеніи которыхъ допускались неисправности. Относительно богослуженія и обращенія съ священнослужителями Кипріанъ далъ каноническія опредѣленія въ граматѣ псковитянамъ, въ отвѣтахъ псковскому духовенству, и другихъ (между прочимъ замѣчено: послѣ воды, освященной крестомъ, мірянину разрѣшается мясо, иноку—молоко) [1]. Относительно поведенія духовенства указываетъ качества церковнослужителей и обличаетъ нѣкоторыя злоупотребленія. Избираемые въ клиръ должны быть непорочны, подобно новорожденнымъ. Даже пономарь и просвирня должны быть дѣвственники, или однобрачные. Если же клирикъ замѣченъ будетъ въ какомъ либо порокѣ, то ему до смерти воспрещается служить. Подобная строгость объясняется соблазнительнымъ поведеніемъ вдоваго духовенства, на что жаловались митрополиту псковитяне. Относительно неустройствъ иноческой жизни Кипріанъ обратилъ вниманіе на праздношатательство монаховъ [2]. Онъ опредѣлилъ пребывать инокамъ въ томъ монастырѣ, гдѣ пострижены, въ повиновеніи начальству, и въ храненіи своего чина; переходить въ другой монастырь съ увольнительной грамотой; оставившій монашество, если

[1]) А. и. № 7. 8. 9. 11.
[2]) Поуч. духовен.

вѣрѣ укоризна и поношеніе» [1]). Причиною неблагоговѣнія народа къ церкви соборъ поставляетъ безчиніе духовенства. «Попы и причетники въ церкви всегда пьяны, на божественномъ пѣніи безчинно стояли, лаялись, сквернословили и бились до кровопролитія». «Попы по церквамъ пѣли безчинно, вдвое и втрое, міряне въ то время говорили праздныя рѣчи, глумленіе; зря на ихъ безчиніе, также творили». «Пастыри и овцы вкупѣ заблудиша и погибоша». «Безстрашіе вошло въ люди. Въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ стоятъ въ шапкахъ и тафьяхъ, съ посохами, какъ на торжищѣ, на позорищѣ, на пиру, въ корчмѣ. Въ глумленіи не слышатъ божественнаго пѣнія; бесѣды, смрадныя слова, говоръ, ропотъ и всякое прекословіе» [2])! Соборъ распространился о важности священства, отвѣтственности его предъ Богомъ и людьми, отрѣшеніи отъ всего земнаго и благоговѣйномъ житіи. Онъ подкрѣпилъ свои рѣзкія обличенія и наставленія правительственными мѣрами, которыя освящались авторитетомъ высшей власти. Для исправленія нравственныхъ недостатковъ и суевѣрныхъ обычаевъ народа соборъ разослалъ повсюду запретительные царскіе указы, подвергавшіе преступниковъ гражданскому суду. Важныя мѣры приняты и для исправленія духовенства. Протоіереямъ внушено избирать честныхъ священниковъ, для надзора за поведеніемъ духовенства; по городамъ и селамъ съ тою же цѣлію учреждены старосты и десятскіе священники. Архіереямъ вмѣнено въ обязанность, вопервыхъ: разсылать граматы къ протоіереямъ и игуменамъ, которыя давали имъ право надзора за старостами и десятскими священниками; вовторыхъ, посылать соборныхъ священниковъ на ревизію церквей. «Сіи священники дозираютъ, чтобы церковный чинъ и божественное пѣніе были по уставу, да и весь народъ должны пользовать духовно» [1]). Учрежденіе поповскихъ старостъ, «исполненныхъ разума и украшенныхъ добродѣтельми», было извѣстно и раньше. Вообще, стоглавъ есть сильный протестъ на тяжкіе грѣхи народа. Этотъ протестъ высказалъ въ своей рѣчи, на соборѣ, Иванъ грозный. «Какіе грѣхи не сбылись въ насъ? и чѣмъ Господь не наказалъ насъ? Все злое мы пострадали отъ великаго Божія наказанія». И самъ ораторъ былъ типомъ своего вѣка, совмѣщалъ въ себѣ его достоинства и недостатки, внѣшнюю набожность и величайшій эгоизмъ, неуваженіе чужихъ правъ. Въ отношеніи ученія вѣры соборъ оказался несовсѣмъ правымъ, даже покровителемъ раскола и суевѣрія, и потому «яко не бысть»!..

[1]) Гл. 33.
[2]) Гл. 5.

Со времени стоглава прошло болѣе 100 лѣтъ, и казалось бы заботы пастырей о благѣ народа должны увѣнчаться успѣхомъ. Между тѣмъ, къ концу XVII вѣка, церковная и гражданская власть заявила объ упадкѣ народной нравственности, и причиною этого признала недостойную жизнь духовенства. Безнравственность народа явно сказывалась въ крайнемъ неблаговѣніи къ церкви. Русскія церкви въ XVII вѣкѣ представляли плачевное зрѣлище. Въ алтарѣ и на клиросѣ, въ перемежку съ перебранками, шла непостижимая суматоха въ чтеніи и пѣніи. Богослуженіе совершалось заразъ нѣсколькими голосами. Одинъ говорилъ эктенію, другой пѣлъ, третій читалъ, четвертый произносилъ

[1]) А. арх. экс. 1, 81. 176.

возгласы. Священники, нерѣдко, вычитавъ молитвы дома, въ церкви стояли спокойно и произносили одни возгласы. «Народъ со всякимъ безстрашіемъ и небреженіемъ творилъ бесѣды неподобныя, съ смѣхотвореніемъ» [1]). По церкви бродили иноки съ образами и блюдьями, нищіе, попрошайки, пустосвяты и юродивые, бранились между собою и дрались. «Отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, смрадная лая и драка до крови» [2]). Усердные богомольцы, смотря въ разныя стороны, молились каждый своей иконѣ; дѣти бѣгали и шалили. Среди общаго шума, крика и писка, не было слышно чтенія и пѣнія. Соборы, патріархи и лучшіе люди постоянно жаловались на безпорядокъ богослуженія и безчинство народа въ церкви [3]). Особенно сильно жаловался на это патр. Гермогенъ (1610 г.): «христолюбивые люди повѣдаютъ намъ со слезами, а иные приносятъ и писаніе, что въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе, великая слабость и нерадѣніе въ священническомъ и иноческомъ чинѣ. Говорятъ голоса въ два, три, четыре, индѣ въ пять и шесть! Вѣмъ многихъ собирающихся въ храмъ не Бога ради; овѣхъ зрю дремлющихъ, овѣхъ озирающихся сюду и сюду, иныхъ глаголющихъ» [4]). Соборъ 1666—67 года замѣчаетъ, что духовенство служило проводникомъ суевѣрія, предразсудковъ и пороковъ, и общество, признавая его наемникомъ, охладѣло къ церкви [5]). Признавъ общій упадокъ нравственной жизни, особенно въ высшихъ классахъ, зараженныхъ лютеранствомъ, что и служило причиною

[1]) Виліоф. XVII, 101.
[2]) Доп. а. и. V, № 102. А. экс. III, № 264. IV, № 321.
[3]) А. экс. III, № 264. А. и. IV, № 151. Соборы 1667 г. и 1681 г.
[4]) Прав. собес. 1866 г. III, 245.
[5]) Доп. а. и. V, № 102, 459.

волненій въ обществѣ, соборъ обратилъ главное вниманіе на недостатки духовенства и устройство богослуженія. Онъ преслѣдовалъ въ духовенствѣ корыстолюбіе, неприличные промыслы, праздношатаніе и оставленіе приходовъ, нетрезвость, срамословіе, кощунство и нерадѣніе о своихъ обязанностяхъ. Корыстолюбіе простиралось до того, что за самое причащеніе взималась плата. Относительно вдовыхъ священниковъ соборъ ограничилъ прежнія опредѣленія, подвергнувъ запрещенію только нецѣломудренныхъ. Въ неприличныхъ промыслахъ, нетрезвости и въ праздношатаніи соборъ обвинялъ и монашество. Иноки держали лавки, отдавали въ наемъ постоялые дворы. Нетрезвость, общая всѣмъ сословіямъ, проникла тогда въ самые знаменитые монастыри. Многіе бродили по монастырямъ, ночевали внѣ обители, или въ женскомъ монастырѣ, а инокини въ мужскомъ. Преслѣдуя своими опредѣленіями означенные безпорядки, соборъ предписалъ предавать скитающихся иноковъ гражданскому суду. Общею мѣрою для возстановленія вѣры и исправленія нравовъ соборъ призналъ поученіе или церковную проповѣдь. Патр. Никонъ исправлялъ духовенство казнями (плетьми и цѣпями). Къ мѣрамъ церковной власти объ улучшеніи нравовъ присоединились заботы и гражданской власти. Алексѣй Михайловичъ издалъ грамату 1660 года, въ которой обличалъ нерадѣніе христіанъ о своемъ спасеніи. «Есть православные, которые нисколько не имѣютъ попеченія о своихъ душахъ, не имѣютъ духовныхъ отцовъ, и всегда пребываютъ безъ покаянія. Многіе въ совершенныхъ лѣтахъ, въ 30—50, а иные до старости дошли, а къ покаянію не пришли и отцовъ духовныхъ никогда не имѣютъ» [1]).

[1]) А. экс. IV, № 115. 188. 321. 327. Доп. а. и. V, 471.

Историческое значеніе граматъ митрополитовъ и опредѣленій соборовъ.

Всѣ означенныя мѣры къ исправленію нравовъ были полумѣрами, и потому не достигали своей высокой цѣли. Далеко ли простиралось просвѣтительное дѣйствіе граматъ и опредѣленій митрополитовъ? Ихъ опредѣленія и правила вносились въ кормчую книгу, служили основою церковнаго суда и распоряженій соборовъ относительно благочестія и благочинія. Съ XV вѣка соборы часто ссылаются на граматы митр. Петра, Кипріана, Фотія, особенно въ вопросахъ о поведеніи духовенства. И при всемъ томъ нѣкоторыя изъ этихъ граматъ впослѣдствіи были измѣнены и совсѣмъ отмѣнены, примѣнительно къ нуждамъ времени и Церкви. Предполагать же всеобщее вліяніе ихъ на духовенство трудно. Одинаковой участи съ граматами митрополитовъ подвергались опредѣленія и граматы соборовъ, вслѣдствіе той-же причины, невѣжества и грубости духовенства. Самыя энергическія распоряженія стоглава о назначеніи поповскихъ старостъ и ревизіи церквей не приносили всей ожидаемой пользы. Легко сказать: «избрать священниковъ искусныхъ, исполненныхъ разума, украшенныхъ добродѣтелями, могущихъ пользовать духовно и народъ». Много ли такихъ обрѣталось въ невѣжественной странѣ? И какими пособіями располагали они къ возвышенію нравственности русскаго духовенства и народа? Не говоря уже о моральныхъ средствахъ, были ли они обезпечены матеріально для частыхъ разъѣздовъ и распоряженій по приходамъ? Поэтому и не видимъ особенныхъ плодовъ отъ всѣхъ регламентацій властей объ устроеніи благочинія и возвышеніи народной нравственности. Словомъ: аскетическое воспитаніе, располагавшее назиданіемъ, обличеніями и предписаніями, оказалось безсильнымъ къ исправленію народа и возвышенію государства. Требовалась крутая реформа для исправленія вѣковыхъ недостатковъ государства и обновленія русской жизни новыми законами, обнимавшими не однѣ духовныя, но и матеріальныя нужды народа. Опредѣленіе отношенія практической проповѣди къ жизни народа и вообще вліянія греко-русскаго проповѣдничества на жизнь вполнѣ выяснитъ намъ этотъ предметъ. Граматы и опредѣленія церковной власти, по большей части утратившія каноническое значеніе, служатъ историческимъ памятникомъ нуждъ Церкви и пастырской заботливости о благѣ общемъ.

Отношеніе практическаго проповѣдничества къ жизни.

Мы видѣли одностороннее отношеніе нравственно—аскетическаго проповѣдничества къ жизни. Оно развило въ народѣ благочестіе и религіозныя качества, которыя не имѣли прямого приложенія къ земнымъ цѣлямъ, успѣхамъ гражданственности и образованія. Религіозное чувство оказывалось благотворнымъ въ критическія минуты, когда ослабѣвали связи государства. Оно пробуждало въ народѣ сознаніе долга, нравственнаго закона, и самопожертвованія для блага отечества. Религіозное чувство оказалось благотворнымъ и въ смыслѣ колонизаціи бѣднаго государства. Возбуждая тысячи иноковъ на подвигъ уединенія и миссіонерства, оно освѣтило дикія племена божественною вѣрою, насадило монастыри и церкви, — школы христіанскаго просвѣщенія. Озаряя вѣрою концы Россіи, благочестіе возвысило и полити-

ческое значеніе ея. Оно привлекло къ монастырямъ населеніе, помогло воздѣлать необитаемыя земли, и скрѣпило разнородныя племена въ одну православную Русь. Особенно важную услугу въ этомъ отношеніи оказали знаменитые монастыри, лавры. Лавра кіевская, Сергіева и мѣстныя обители ежегодно привлекали тысячи богомольцевъ, служили центрами религіознаго и политическаго сближенія народа. Здѣсь встрѣчались люди всѣхъ званій, изъ отдаленныхъ концевъ Россіи, совершали общественныя сдѣлки, сроднялись мыслями и вѣрою, празднуя память святыхъ. Въ прочихъ отношеніяхъ заслуги нравственно—аскетическаго проповѣдничества не полны и даже нечужды порицанія. Направивъ мысль и дѣятельность народа почти исключительно къ цѣлямъ духовнымъ, оно неблагопріятствовало наукѣ, держало народъ въ бѣдности и невѣжествѣ, создало предразсудки, вредные государству, искупленные тяжкими жертвами. Особенно вреднымъ въ этомъ отношеніи оказалось аскетическое убѣжденіе въ неприкосновенности обрядовъ, освященныхъ стариною, самыхъ азовъ, буквы закона и описокъ. Нельзя одобрить излишнюю ревность аскетовъ въ обличеніи грѣха, запугиваніе слушателей знаменіями и несчастіями, какъ выраженіемъ гнѣва Божія. Подобныя угрозы и пророчества, особенно о разрушеніи міра, оказывались ложными и производили соблазнъ, напрасно смущали угнетенный народъ, въ продолженіе столѣтій. Конечно, эти предсказанія вытекали изъ религіозныхъ предразсудковъ и сопровождались благомъ—умноженіемъ монастырей и подвижниковъ, особенно въ XV вѣкѣ: но все-же цѣль не оправдываетъ средства. Аскетическій ригоризмъ останется навсегда памятникомъ заблужденій и урокомъ ви-

тіямъ—не пускаться въ разглагольствія и объясненія непонятныхъ явленій общими мыслями. Особенно въ наше испытующее время необходима твердость мысли и убѣдительность слова. И въ своемъ отвлеченномъ направленіи нравственно-аскетическое проповѣдничество оказалось невполнѣ приложимымъ къ жизни. Развивая въ грубомъ обществѣ идеальную нравственность и опираясь на монастырскіе уставы, выдерживающіе формализмъ, оно создало внѣшнее благочестіе, мало знакомое съ духомъ христіанскимъ. Подъ внѣшними подвигами благочестія и монастырской дисциплины въ обществѣ скрывались всевозможныя страсти и пороки. Эгоизмъ и аскетизмъ жили на Руси подъ одной кровлей. На это внѣшнее благочестіе, чуждое христіанства, жаловались всѣ просвѣщенные умы. Само собою понятно, что въ требованіяхъ идеальнаго совершенства проповѣдничество не удовлетворялось наличными добродѣтелями вѣка и не замѣчало ихъ. Оно исключительно карало грѣхъ, возвѣщало гнѣвъ Божій, покаяніе, умилостивленіе правосудія постомъ, молитвою, слезами и прочими подвигами. Такимъ одностороннимъ отношеніемъ къ жизни проповѣдничество съузило свой объемъ или программу, сдѣлалось малопроизводительнымъ въ важнѣйшемъ отдѣлѣ—практическомъ. Оно не можетъ быть точнымъ зеркаломъ современной жизни, ея общественныхъ и семейныхъ явленій. Этого мало. Мы увидимъ, что самое аскетическое воспитаніе народа создано не однимъ проповѣдничествомъ. Оно совершалось подъ вліяніемъ разныхъ источниковъ богословской литературы, въ которыхъ сама проповѣдь находила поддержку. Такимъ образомъ, даже съ точки отвлеченнаго направленія, вліяніе проповѣди на народъ оказывается ограниченнымъ.

Практическое проповѣдничество, подавленное аскетическимъ содержаніемъ, оказалось скудною прибавкою къ отвлеченной проповѣди. Оно рѣдко выражалось въ самостоятельныхъ поученіяхъ, полныхъ житейскаго смысла и назиданія. Большею частію оно разбрасывалось отдѣльными мыслями въ нравственно-аскетическихъ поученіяхъ, вторгалось въ нихъ неожиданно, безъ отношенія къ предмету, послѣдовательности и доказательности. Поэтому практическое проповѣдничество оказалось еще болѣе скуднымъ въ своемъ развитіи и приложеніи къ жизни, нежели проповѣдничество нравственно-аскетическое. При всей поддержкѣ администраціи, содѣйствіи церковныхъ и гражданскихъ властей, оно не истребило, въ 700-лѣтній періодъ, всѣхъ заблужденій и недостатковъ народа, и отчасти содѣйствовало укорененію предразсудковъ, нетерпимости и раскола. Въ отдѣлѣ практическаго проповѣдничества мы показали, по частямъ, степень соотвѣтствія его нуждамъ времени. Необходимо собрать сдѣланныя указанія въ одну статью, чтобы видѣть общее отношеніе и приложеніе къ жизни практической проповѣди.

Практическое проповѣдничество, вслѣдствіе малообразованности и аскетизма проповѣдниковъ, оказалось малопроизводительнымъ въ обличеніи умственныхъ заблужденій относительно вѣры. Въ обличеніи язычества, важнѣйшаго источника заблужденій, проповѣдники довольствовались перечнемъ боговъ и обрядовъ, безъ достаточнаго разъясненія этихъ предметовъ, ихъ отношенія къ вѣрѣ и жизни. Они обращали особенное вниманіе на главныя языческія торжества, сопряженныя съ буйствомъ народа, развратомъ и соблазнами. Въ этомъ дѣлѣ проповѣдникамъ помогала наглядность предметовъ, близость

ихъ къ жизни и столкновеніе съ христіанскими обрядами. Дѣльныхъ обличеній въ этомъ родѣ написано мало, такъ какъ шумныя торжества языческія рѣдко показывались на улицѣ. Если проповѣдничество оказалось успѣшнымъ въ истребленіи язычества въ центрѣ Россіи и идолопоклонства на окраинахъ ея: то въ этомъ отношеніи ему помогло время, изгладившее языческія воспоминанія,—религія, съ ея богослуженіемъ, законодательство, объединившее племена Россіи въ одинъ народъ. Еще большая скудость произведеній замѣтна въ обличеніи астрологіи, требующей научнаго знанія. Связанная съ астрономіей и физіологіей, астрологія ставила въ тупикъ неучей моралистовъ. Незнакомые съ естествознаніемъ, они не могли опровергнуть науку, обольщавшую всѣхъ химерами, основанными на физическихъ законахъ. Высказанныя моралистами обличенія отзываются односторонностію, общими богословскими мыслями, съ примѣсью заблужденій. Особенная скудость произведеній замѣтна въ обличеніи ересей и апокрифовъ. Въ обличеніи ересей и апокрифовъ требовалось критическое изслѣдованіе, которое дается наукою, всестороннимъ образованіемъ; а такого образованія недоставало начотчикамъ, особенно въ XV — XVI вѣкѣ. Самый сильный врагъ еретиковъ жидовствующихъ Іосифъ волоколамскій поражалъ ихъ сводомъ текстовъ и выписками изъ св. отцовъ, тогда какъ еретики не обращали особеннаго вниманія на эти авторитеты. За то въ обличеніи католиковъ можно было ограничиться богословской полемикой, созданною греками. Эта ожесточенная полемика, вызванная преданіемъ, принесла болѣе вреда, нежели пользы. Она оградила православіе отъ происковъ папъ, кои могли не удасться, и задержала просвѣщеніе. Все латин-

ское, западное, сдѣлалось для народа богоненавистнымъ, еретическимъ. Слѣдствія этой нетерпимости были самыя печальныя. Особенно важная задача предстояла проповѣдничеству въ обличеніи религіознаго суевѣрія, вытекавшаго изъ крайностей аскетизма. Слѣдовало ограничить обожаніе обряда и внѣшней формы монашества, излишнее построеніе церквей, въ возмездіе неправдъ, скитовъ-пристанищъ раскола, безсознательное постриженіе и проч. Эти вопросы едва были затронуты проповѣдію. Наши проповѣдники не были настолько развиты, чтобы успѣшно бороться, такъ сказать, съ благочестивыми предразсудками. Да это было и небезопасно по тому времени. За то реформа окупила тяжкими жертвами невольныя опущенія проповѣдниковъ. Она отнеслась крайне строго къ обрядности, аскетизму, избытку часовень, скитовъ, иноковъ. Въ обличеніи апокрифовъ проповѣдникамъ была доступна простѣйшая сторона дѣла: обузданіе сельскаго духовенства, съ выгодою промышлявшаго фабрикаціей легендъ. Но проповѣдники не обратили вниманія и на это дѣло, по непривычкѣ ли къ подобнымъ занятіямъ, или по неумѣнію отличить вымыселъ отъ истины. По этимъ причинамъ ереси больше преслѣдовались полиціей, а апокрифы—индексами и запретами, мало приносившими пользы. Невозможно истребить апокрифы, удовлетворявшіе религіозной любознательности, прозаическими индексами и запретами: «не читайте лживыхъ книгъ, насѣянныхъ на пагубу душъ!» Отъ того, не смотря на индексы и запреты, апокрифы необыкновенно разрослись къ концу періода. Не понимая обширнаго значенія ересей и апокрифовъ, проповѣдники тѣмъ болѣе не понимали воспитательнаго вліянія ихъ на жизнь общественную и семейную, не пускались въ раз-

смотрѣніе слѣдствій зла, и не спасли государство отъ потрясеній, созданныхъ ересями и суевѣріемъ.

Въ исправленіи нравственныхъ недостатковъ проповѣдничество оказалось болѣе производительнымъ, такъ какъ нравственныя правила и уклоненія отъ нихъ доступнѣе уму, нежели догматы и отвлеченныя созерцанія. Особенно важную услугу въ этомъ отношеніи проповѣдь оказала возвышеніемъ царской власти, подавившей междоусобія, спасеніемъ государства въ смутное время, и внушеніемъ милости къ бѣднымъ, которыхъ было великое множество. Противъ главныхъ пороковъ народа,—эгоизма и корыстолюбія, особенно властителей и судей, написано довольно поученій, хотя нельзя доказать, что всѣ они принадлежатъ русскимъ писателямъ, и что вліяніе ихъ на нравы было очень замѣтно. Противъ пьянства написано довольно много поученій, лучшихъ въ своемъ родѣ, хотя дѣйствіе ихъ на нравы тоже не было слишкомъ ощутительно. Корыстолюбіе и пьянство во весь періодъ остались господствующими пороками въ народѣ. Противъ чувственности вообще, пресыщенія, разврата и буйства написано поученій очень мало, недостаточно для исправленія столь укорененныхъ пороковъ. Равнымъ образомъ слишкомъ мало написано поученій противъ тонкихъ, второстепенныхъ страстей, вытекавшихъ изъ главныхъ недостатковъ народа и отравлявшихъ общественную жизнь. Страсти эти: гордость, зависть, клевета, неблагодарность, коварство, расточительность, праздношатаніе, ханжество, бранчивость, сквернословіе, ропотъ въ несчастіяхъ и проч. Всѣ эти страсти проявлялись въ безчисленныхъ видахъ и преступленіяхъ, которыми на-

полнена древняя исторія. По всему видно, что ихъ слабо сдерживали законъ, религія и проповѣдь.

На неустройства семейныя проповѣдники еще менѣе обращали вниманія, нежели на недостатки общественной жизни. Безмолвныя скорби домашней жизни ускользали отъ ихъ аскетическаго созерцанія. Правда, въ облегченіе участи рабовъ написано довольно поученій о милости и состраданіи къ бѣднымъ; ибо несчастія рабовъ, какъ и вообще нищихъ, сиротъ, изгоевъ, поражали всѣхъ. Но зато проповѣдники ничего не сдѣлали въ облегченіе участи жонъ и дѣтей, не смягчали суроваго произвола домовладыки. Слѣдуя греческимъ убѣжденіямъ, они нападали на жонъ, виновницъ грѣха, и на дѣтей, испорченныхъ въ своей природѣ. Между тѣмъ главную причину зла,—насильственные браки, опустили изъ виду; въ теченіе 700 лѣтъ они не обратили вниманія на этотъ жизненный вопросъ, конечно, потому, что между аскетизмомъ и бракомъ ничего нѣтъ общаго. Замѣчательно также упорное предубѣжденіе въ пользу сѣченія дѣтей. Самые просвѣщенные люди XVII вѣка держались этого убѣжденія. Полоцкій, ходячая библіотека чужихъ мнѣній, наравнѣ съ суровыми аскетами древности, проповѣдывалъ сѣченіе дѣтей. Подобно Домострою Сильвестра, онъ съ охотою распространяется объ этомъ предметѣ въ своихъ поученіяхъ. Полоцкій начертываетъ недосягаемый идеалъ нравственнаго воспитанія, въ силу котораго отецъ долженъ быть чистъ какъ солнце, мать какъ луна, дѣти какъ звѣзды. Они должны молиться утромъ и вечеромъ, ходить ко всѣмъ службамъ, исповѣдываться и пріобщаться. Для этого нужны побужденія. Воспитаніе надобно начинать жезломъ, съ малыхъ лѣтъ. Юноши подобны деревьямъ: что

примутъ въ началѣ,—покажутъ въ старости; что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, то сильнѣе обозначится въ старыхъ. «Аще чадъ не біеши, не сподобишься радости, не пріимешь сытости и сладости. Снопа аще не млатиши, не возьмеши хлѣба; орѣха аще не разбіеши, (не возьмеши) ядра». [1]) Строгими поученіями, нечуждыми предразсудковъ, проповѣдники внесли въ домашній бытъ лишнее горе и слезы. Всѣ эти сужденія о женской злобѣ, о пользѣ плетей для юношества, о грозѣ домовладыки и аскетизмѣ домашняго быта не обѣщали отрады угнетеннымъ; они утверждали предразсудки темнаго времени и произволъ деспотовъ. Скудость практическаго проповѣдничества становится особенно замѣтною съ половины XV вѣка, со времени упадка живой проповѣди. И хотя съ этого времени стали умножаться сборники проповѣдей, но они не могли замѣнить живаго слова, какъ по своей малодоступности, такъ и по отвлеченности содержанія, общности мыслей, теряющихъ силу отъ частаго повторенія. Скудость практическаго и отвлеченнаго проповѣдничества становится особенно замѣтною въ южной Россіи, гдѣ, по свидѣтельству Транквилліона, подъ владычествомъ Польши, развращеніе нравовъ достигло крайнихъ предѣловъ. Недостатокъ проповѣдничества замѣтенъ на восточныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ, по свидѣтельству священника орловскаго, царствовали невѣжество и грубость, а проповѣдь сочтена ересію. Недостатокъ проповѣдничества особенно чувствителенъ былъ въ Сибири, гдѣ, по свидѣтельству арх. Симеона, митр. Филоѳея и свят. Иннокентія, царствовали произволъ и развратъ.

---

[1]) Слова: въ нед. блуд., въ день св. Никол., въ день св. Маріи.

Крижаничъ, относительно недостатка проповѣди въ Россіи, въ XVII вѣкѣ, сдѣлалъ нѣкоторое исключеніе; а въ Сибири вовсе не нашелъ проповѣдниковъ. «Въ великомъ русскомъ государствѣ много пастырей, мужей книжныхъ и учительныхъ (незамѣченныхъ исторіей); а въ Сибири (нѣтъ) ни одного такого». Въ это-то время крайняго оскудѣнія проповѣди усилились заблужденія и предразсудки, страсти и пороки, особенно на окраинахъ и отдаленныхъ концахъ Россіи. Заблужденія и пороки до того укоренились на Руси, что ихъ не могли истребить законы, усилія церковной и гражданской власти. Умственные и нравственные недостатки предковъ перешли въ потомство несчастнымъ наслѣдствомъ, и нашъ просвѣщенный вѣкъ считается съ ними.

Коротко сказать: проповѣдничество нравственно—аскетическое и практическое не обнимало всѣхъ сторонъ жизни общественной и семейной, не отвѣчало всѣмъ нуждамъ и требованіямъ даннаго времени. И если оно оказало доброе вліяніе на церковную и гражданскую жизнь народа: то не само собою, а въ связи съ другими источниками, изъ коихъ заимствовало свое содержаніе. Эти источники — произведенія греко-русской литературы вообще, и въ частности греческое проповѣдничество. Поэтому русское проповѣдничество не можетъ служить единственнымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ народной жизни, и должно быть разсматриваемо въ связи съ прочими источниками, вліявшими на аскетическое воспитаніе народа.

Общее вліяніе греко-русскаго проповѣдничества и литературы на жизнь народа.

а) *Произведенія греко-русской литературы, вліявшія на проповѣдь и аскетическое воспитаніе народа.*

Вліяніе греко-русской литературы на проповѣдь и жизнь условлено не только богословскимъ и нравоучительнымъ содержаніемъ, но и самою формою, тономъ изложенія. При недостаткѣ системы въ древней литературѣ, стройнаго изложенія наукъ, нравственное ученіе и назиданіе вторгалось во всѣ отрасли ея, и проповѣдническая форма считалась лучшимъ проводникомъ богословскихъ знаній въ жизнь. «Подъ руководствомъ ея (греко-русской литературы), говоритъ нѣкто, происходило все образованіе древняго человѣка. Подъ ея вліяніемъ воспитались русскіе писатели и по ея образцамъ составляли собственныя сочиненія. Особенно нѣкоторыя произведенія переводной словесности были настольными книгами, своего рода учебниками, воспитавшими складъ понятій и стремленій, который выразился въ древне-русской жизни и словесности» [1]).

Библія и богослужебныя книги.

Основаніемъ греко-русской литературы и проповѣдничества служила библія. Библія приведена въ полный составъ въ XV вѣкѣ, по поводу обличенія жидовской ереси; до того времени она обращалась въ народѣ отдѣльными книгами. Книги св. Писанія употреблялись въ двоякомъ видѣ: однѣ безъ толкованій, и назначались для церковнаго чтенія, другія съ толкованіями св. отцовъ, и назначались для домашняго чтенія. Въ особенномъ употребленіи были: евангеліе, апостолъ (посланія и дѣянія), отчасти апокалипсисъ, съ толкованіемъ Андрея кесарійскаго; изъ ветхаго завѣта—псалтырь. Всѣ эти св. книги, за исключеніемъ апокалипсиса, были вмѣстѣ и

[1]) И. рус. словес. Порфир. 155.

богослужебными книгами. Онѣ переписывались тщательно, во множествѣ экземпляровъ, въ заголовкахъ расписывались золотомъ; въ знатныхъ домахъ нерѣдко оправлялись въ золото и жемчугъ, и даже приковывались къ стѣнѣ цѣпію. Наибольшимъ уваженіемъ предковъ пользовалась псалтырь, выражающая покаянныя чувства. Она была богослужебною книгою, молитвенною и учебникомъ. Многіе благочестивые люди вычитывали ее ежедневно, утѣшались ею въ скорбяхъ, дѣлали ее предметомъ ворожбы и богословскихъ диспутовъ [1]). Псалтырь чаще употреблялась толковая, съ объясненіемъ Аѳанасія великаго, Ѳеодорита, Брунона, и слѣдованная. Въ одной слѣдованной псалтыри писецъ воспѣлъ благотворность ея. «Подобно свѣтильнику, озаряющему пещеру, молитва псалтыря разгоняетъ мракъ грѣховный. Какъ желѣзо разжигаемое преобразуется въ огненный блескъ, такъ просвѣщается умъ зарею благодатнаго огня» [2]) и проч. Большимъ уваженіемъ предковъ пользовались притчи, премудрость Соломона и Сираха, какъ по назидательности содержанія,

[1]) Уваженіе предковъ къ псалтыри, какъ источнику богословія, выражено въ книгѣ голубиной: «книга псалтырь всѣмъ книгамъ мати.» Въ средѣ грамотѣевъ господствовало и нынѣ господствуетъ убѣжденіе, что въ псалтыри заключена вся человѣческая мудрость. Не удивительно, что разумные люди въ важныхъ случаяхъ обращались къ псалтыри за утѣшеніемъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ, что однажды «въ печали разгнулъ псалтырь, и открылось слѣдующее: вскую печалуеши душе и вскую смущаеши мя!» Князь Михаилъ тверской, послѣ долгаго томленія въ ордѣ, сказалъ: «дадите ми псалтырь, вельми бо прискорбна душа моя. И разгнувъ псалтырь, обрѣте псаломъ: внуши Боже молитву мою! Сердце мое смутися и страхъ смертный прiйде на мя. И рече попомъ: что молвитъ псаломъ сей?...» Не отвергая возможности благодатнаго утѣшенія, замѣтимъ, что трудно не найти покаянныхъ стиховъ, коими наполнена псалтырь. Съ XVII вѣка псалтырь переlагается въ стихи. Стихотворная псалтырь Полоцкаго пользовалась извѣстностію и пробудила талантъ Ломоносова.

[2]) Употреб. псалт. въ древности: Прав. собес. 1857 г. IV.

такъ и по простотѣ формы. Многія изреченія этихъ книгъ вошли въ народныя поговорки и пословицы. Были еще въ употребленіи паремейники, избранныя мѣста св. Писанія, читаемыя въ праздники; благочестивые люди читали ихъ и дома. Въ книгахъ св. Писанія положено основаніе аскетическому направленію греко-русской литературы и проповѣди. Въ нихъ вообще осуждается чувственный міръ и любовь къ нему, какъ помѣха къ нравственному совершенству, предписывается самоотверженіе, несеніе креста: подвиговъ, лишеній, скорбей. И вообще пояснено, что путь въ царство небесное труденъ, и только усиленные искатели достигаютъ его. Причемъ, въ книгахъ ветхаго завѣта (особенно пророческихъ) изъяснено растлѣніе человѣка, осужденнаго Богомъ; въ книгахъ новаго завѣта (особенно въ евангеліи) указаны средства къ нравственному обновленію. Что же касается земнаго счастія, удобствъ жизни, о которыхъ хлопочетъ человѣческая мудрость: то св. Писаніе почти не занимается ими, какъ несовмѣстными съ самоотверженіемъ. Блага земныя обѣщаны подвижникамъ. «Ищите прежде царства Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ». Кромѣ нравственнаго содержанія, св. Писаніе оказало важное вліяніе на литературу фигуральною рѣчью, символизмомъ пророческихъ книгъ и евангелія. Фигуральная и символическая рѣчь сдѣлалась принадлежностію и украшеніемъ богословской литературы.

Богослужебныя книги, наравнѣ съ св. Писаніемъ, были въ употребленіи съ X вѣка; онѣ поступали въ Россію въ болгарскомъ и сербскомъ переводахъ. Существенно необходимыя книги, между прочимъ служебникъ и октоихъ, были переведены на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Надъ переводомъ и исправле-

ніемъ книгъ трудились также митр. Алексій, Кипріанъ и другіе. Рукописныя богослужебныя книги, въ полномъ составѣ, были достояніемъ соборныхъ церквей; въ сельскихъ церквахъ, бѣдныхъ, служба ограничивалась небольшими книгами: евангеліемъ, апостоломъ, часословомъ, служебникомъ; о мѣсячныхъ минеяхъ, при дороговизнѣ письма, не могло быть и рѣчи. Истребленію книгъ и церквей содѣйствовали войны и набѣги враговъ. Проповѣдники жалуются на истребленіе св. книгъ, «которыхъ Богъ не щадитъ въ гнѣвѣ своемъ». Богослужебныя книги, изъясняющія духъ св. Писанія, проникнуты строгимъ аскетизмомъ. Церковныя пѣсни, молитвы и каноны, писанные аскетами, усвоившими духъ евангелія въ теоріи и практикѣ, проникнуты чувствомъ покаянія и страхомъ суда Божія. Эти чувства сильно выражены въ канонахъ великаго поста, съ частымъ восклицаніемъ: «помилуй мя, Боже!» Въ канонѣ Іисусу на 25 страницахъ выражается страхъ неумытнаго суда, по видѣнію прор. Даніила. «Рѣка огненная предъ судищемъ влечетъ, книги разгибаются, тайная являются... Господь грядетъ судити — кто стерпитъ видѣніе Его? Вострепещи, душе окаянная и уготови дѣла твоя!».. [1]) Утреннія и вечернія молитвы, писанныя аскетами, особенно Макаріемъ и Златоустымъ, тоже проникнуты страхомъ суда Божія и вѣчной муки. Съ особенною опредѣленностію въ богослужебныхъ книгахъ изложены правила аскетической жизни, взятыя изъ монастырскихъ уставовъ и вошедшія въ древніе сборники. Правила предписываютъ всѣмъ христіанамъ ежедневно, во всю жизнь, совершать подвиги, изъ любви къ Богу и въ ожиданіи небесныхъ наградъ. Приводятся

[1]) Служба по вся дни, канонникъ, л. 177.

и частныя побужденія или доказательства изъ св. писанія: «молитеся непрестанно»; и еще: «да не явишися предо мною тощь». Всякому христіанину предписывается совершать церковныя службы, съ молитвами и поклонами, и еженедѣльно вычитывать псалтырь. Немогущимъ посѣщать церковь и неграмотнымъ полагаются сотни поклоновъ за каждую службу, канонъ, каѳизму, съ краткою молитвою Іисусовой; всѣхъ поклоновъ на день приходится, по меньшей мѣрѣ, 1200. Молитву Господню, Богородицы и символъ вѣры надобно читать по нѣскольку разъ въ день. Кромѣ того, читать молитвы во всякое время, за дѣломъ, и не развлекаться суетными дѣлами и помыслами. Желающему не возбраняется усиливать свои подвиги и научать другихъ тому же. Правила эти изложены въ концѣ слѣдованной псалтыри и служебника. Нигдѣ въ древней литературѣ аскетизмъ не заявилъ своихъ правъ на жизнь общественную и семейную съ такою силою, какъ въ приведенныхъ правилахъ. Не смотря на кажущуюся неприложимость данныхъ правилъ къ жизни, мы увидимъ, что они исполнялись въ древности усердно; и что многіе люди, даже высшаго общества, пренебрегая общественными и семейными обязанностями, налагали на себя чрезвычайные, удивительные подвиги. Остатки или слѣды аскетическаго направленія древней Руси примѣтны доселѣ въ простомъ народѣ. Мѣщане и купцы въ городахъ ежедневно ходятъ къ ранней обѣднѣ, иногда и къ поздней; и вообще народъ соблюдаетъ денно-нощную молитву съ поклонами, держитъ постъ и въ понедѣльники, и совершаетъ другіе подвиги, часто добровольные. Образованное общество пошло другимъ путемъ, подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи. Богослужебныя книги, бывшія

въ постоянномъ употребленіи, оказали огромное вліяніе на духъ церковной проповѣди и жизнь народа какъ содержаніемъ, такъ и выраженіемъ своимъ. Скорбныя чувства покаянія, грѣховности, умилостивленія Судіи постомъ, молитвою и слезами, пріобрѣтали особенную выразительность въ цвѣтистомъ слогѣ. Въ богослужебныхъ книгахъ расточено богатство фигуръ, примѣровъ, сравненій, аллегорій и діалоговъ. Фигуральною рѣчью и діалогами наиболѣе проникнуты акаѳисты, службы святымъ и каноны. Каноны Дамаскина, изучившаго діалектику Аристотеля, равно и проповѣди его, отличаются особенно цвѣтистымъ слогомъ. Скорбныя чувства покаянія, изображенныя въ богослужебныхъ книгахъ, выраженныя, по вкусу времени, цвѣтисто и освященныя практикой Церкви, сдѣлались источникомъ мысли и слова для проповѣдниковъ[1]). Мы знаемъ, что похвальныя слова святымъ писались въ формѣ акаѳиста, оканчивались молитвою къ нимъ и къ Богу. Изъ русскихъ проповѣдниковъ особенною подражательностію церковнымъ пѣснямъ отличались: митр. Иларіонъ, Кириллъ туровскій и Цамблакъ; эти проповѣдники даже содержаніе для своихъ поученій брали изъ библіи. Свидѣтельства изъ богослужебныхъ книгъ особенно часто приводилъ въ своихъ поученіяхъ митр. Данiилъ.

Такъ, Иларіонъ слово свое о законѣ и благодати,

[1]) Митр. Иларіонъ, Кириллъ туровскій и Цамблакъ, отличавшіеся риторическимъ слогомъ и заимствовавшіе фигуры изъ церковныхъ пѣсней, обязаны своимъ направленіемъ византійскому богословію. Какъ полемическія сочиненія противъ католиковъ были подражаніемъ греческихъ преданій, такъ и напыщенныя сочиненія сказанныхъ проповѣдниковъ были подражаніемъ современному византійскому богословію. Сравненіе проповѣдей Кирилла туровскаго съ символическими представленіями византійскихъ богослововъ сдѣлано въ слѣдующихъ книгахъ: Mifologie und Simbolik der Christlich. Kunst-Paper. Christliche Simbolic, Menzel.

проникнутое символизмомъ, оканчиваетъ обширною молитвою къ Богу, отъ русской земли. Кириллъ туровскій, подражая церковнымъ пѣснямъ и канонамъ, влагаетъ въ уста библейскихъ лицъ длинныя и довольно скучныя рѣчи. Слово по пасхѣ, въ 3-ю недѣлю, представляетъ въ этомъ отношеніи какбы нѣкоторую драму. Богоматерь произноситъ плачевную рѣчь у креста: «увы мнѣ, чадо мое! свѣте!» и проч. Затѣмъ говоритъ Іосифу аримаѳейскому рѣчь: «потрудись, благообразне, сходить къ беззаконному судіи Пилату, и испроси позволеніе снять тѣло со креста» и проч. Іосифъ произноситъ предъ Пилатомъ весьма длинную рѣчь и получаетъ просимое. Снимая тѣло со креста, опять говоритъ рѣчь, и больше словами пѣсней: «солнце незаходимое! какими плащаницами обвію Тебя, покрывающаго землю мглою и небо облаками? Или какое благовоніе возлію на твое тѣло?» и проч. Ангелъ произноситъ мvроносицамъ весьма длинную рѣчь. Слово оканчивается обширною похвалою Іосифу и молитвою ему. Слово Цамблака на Преображеніе есть подражаніе церковной пѣсни и подобному слову Дамаскина,—заканчивается похвалою Ѳавору. Въ словѣ на усѣкновеніе проповѣдникъ обличаетъ Ирода и Иродіаду словами церковныхъ пѣсней. Въ похвальномъ словѣ Петру и Павлу тоже заимствуетъ мысли и выраженія изъ пѣсней. «Петръ, камень вѣры, троекратнымъ изъявленіемъ любви искупилъ троекратное отреченіе» и проч. Нравственно-аскетическая проповѣдь, освященная духомъ богослужебныхъ книгъ, настроила предковъ къ благочестію и аскетизму. Слова Кирилла туровскаго заносились въ прологи и сборники XIII—XV вѣка, наравнѣ съ отеческими, и составляли назидательное чтеніе.

Слова Иларіона тоже заносились въ проповѣдническіе сборники; а похвала его Владиміру служила образцомъ для составителей похвалъ князьямъ, въ назидательномъ тонѣ. За церковное назиданіе, выраженное, по духу времени, цвѣтисто, предки почтили Иларіона, Кирилла и Цамблака высокими титулами.

Сборники нравоученій и сентенцій.

Послѣ книгъ св. писанія и богослужебныхъ, давшихъ аскетическое направленіе литературѣ и жизни, большое вліяніе на проповѣдь и жизнь имѣли нравоучительные сборники, называемые «Пчелами». «Пчелы» заключали въ себѣ нравственныя изреченія и практическія истины изъ св. Писанія, особенно притчей Соломона и Сираха, изъ св. отцовъ и свѣтскихъ писателей. Сентенціи «Пчелъ» были сокращеніемъ истинъ, изложенныхъ въ нравственно-аскетическомъ и практическомъ проповѣдничествѣ. Своимъ разнообразнымъ содержаніемъ, приложимымъ къ жизни, и простою формою «Пчелы» напоминали предкамъ о ихъ христіанскихъ общественныхъ и семейныхъ обязанностяхъ и знакомили ихъ съ свѣтскою литературою. Если предки, при своемъ аскетизмѣ, допускали въ сборникахъ изреченія философовъ и поэтовъ: то только потому, что эти изреченія повѣрялись и освящались церковнымъ авторитетомъ. Между тѣмъ, сужденія свѣтскихъ писателей о жизни и природѣ разширяли взглядъ предковъ на міръ, часто односторонній, воспитанный исключительно вѣрою и затемненный предразсудками и суевѣріемъ. Въ этомъ отношеніи «Пчелы» послужили зерномъ свѣтской литературы, подавленной въ древности богословіемъ и самостоятельной со времени

реформы. Нравоучительныя изреченія и сентенціи, любимыя предками, указывали на младенческое образованіе ихъ, какъ указывали на подобное состояніе древнихъ народовъ. Сентенціи и афоризмы, не удовлетворяющіе европейцевъ, удовлетворяли древнихъ людей, не владѣвшихъ систематическимъ образованіемъ и богатствомъ знаній, собранныхъ въ нашихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ. При скудости наукъ въ древнемъ мірѣ, удобопонятности и анекдотическомъ характерѣ сентенцій, онѣ по необходимости были любимымъ чтеніемъ и заправляли воспитаніемъ народа. Поэтому евреи высоко цѣнили изреченія Соломона и Сираха, греки—семи мудрецовъ, китайцы — Конфуція, и т. д. Изреченія Солона о преходимости счастія памятны доселѣ. Съ цѣлію назиданія древніе народы любили писать нравоученія на памятникахъ (египтяне), на зданіяхъ (римляне), на мебели (персы), на сосудахъ (индійцы).

Основою русскихъ сборниковъ, называемыхъ «Пчелами», были подобные греческіе, называемые антологіями. Антологія или сборникъ Максима исповѣдника, (VII в.) заключаетъ въ себѣ 71 главу. Два сборника Антонія (монаха),—первый сборникъ содержитъ 76 главъ, второй 100 главъ. Списки «Пчелъ», съ русскими дополненіями, становятся извѣстны съ XIII вѣка, умножаются въ XV вѣкѣ и значительно восполняются русскими статьями и пословицами въ XVII вѣкѣ. Краткія статьи «Пчелы» по списку XIII вѣка и проч., въ нравоучительномъ и практическомъ тонѣ, слѣдующія: о благодати; о житейской добродѣтели и о злобѣ, или дерзости,—злоба неисправима; о правдѣ; о мужествѣ и крѣпости; о дружбѣ и братолюбіи; о милостынѣ; о

цѣломудріи и чистотѣ; о клеветѣ и лжи; о печали, — сушитъ сердце; о ласкательствѣ,—ласкатели обираютъ; о мудрости, разумѣ, или самопознаніи; объ ученіи, — порицаетъ невѣжество; о безуміи, — глупому неприличны украшенія; о женахъ — свойства злой жены; о власти и княженіи и проч. Въ статьѣ о дружбѣ приведены слова Сократа: «сколько кто имѣетъ друзей, столько очей и ушей, столькими владѣетъ мыслями, на пользу». Въ статьѣ о мудрости приведены слова Діодора: «мудрый лучше крѣпкаго, и умная дума сильнѣе многихъ рукъ»; и Пиѳагора: «коня безъ узды не удержать и богатства—безъ ума». Нѣкоторыя изреченія весьма остроумны. Въ «Пчелѣ» XV вѣка изреченіе Плутарха: «отцы болѣе любятъ дочерей, ибо онѣ требуютъ ихъ помощи; а матери—сыновей, ибо они могутъ помогать имъ» [1]).

«Пчелы», пользовавшіяся уваженіемъ предковъ, имѣли вліяніе на составленіе другихъ нравоучительныхъ сборниковъ. «Златая цѣпь» (XIV вѣка) составлена подъ вліяніемъ «Пчелы» и содержитъ въ себѣ краткія поученія о добродѣтеляхъ. Добродѣтели эти: постъ, молитва, страхъ господень, нестяжательность, милостыня, и особенно смиреніе. Слово отца къ сыну о смиреніи, сокрушеніи сердца, суетѣ жизни внушаетъ уничижаться предъ всѣми. Поученіе о правой вѣрѣ, или добродѣтеляхъ, въ коемъ сказано: «не отлагаетъ свѣтъ заутрени, ни тьма—вечерни. Все должно исполнять въ уставленное время. Только ангелы непрестанно служатъ Богу». Статья о правой вѣрѣ, или 100 назидательныхъ изреченій о добродѣтеляхъ; подобныя находимъ въ стоглавникѣ патр.

[1]) О Пчелахъ, Сухомлин. Изв. ак. н. 1853 г. II.

Геннадія. Нѣкоторыя изъ этихъ изреченій вошли въ слово Даніила заточника, впослѣдствіи передѣланное [1]). Практическія наставленія. Слово о повиновеніи князьямъ, а также о храбрости, о челяди, о тайнѣ (кто хранитъ тайну, блюдетъ свою голову); о снахъ (не должно вѣрить имъ), и проч. Списки «Златой Цѣпи», какъ сказано, различны по составу своему. Слово Даніила заточника составляетъ рядъ размышленій, наставленій, пословицъ, взятыхъ изъ разныхъ книгъ, между прочимъ изъ премудрости Соломона и Сираха, и особенно изъ «Пчелы». Размышленія заточника безсвязны; онѣ касаются нравственныхъ и житейскихъ предметовъ: мудрости и глупости, богатства и бѣдности, щедрости и скупости, свойствъ злой жены, междоусобій князей, злоупотребленій бояръ, судей, иноковъ. «Станешь посылать умнаго, не много говори; пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись идти... Съ добрымъ совѣтникомъ князь высокаго стола додумается, съ дурнымъ и малаго лишится». «Богатый вездѣ извѣстенъ и имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими незамѣтенъ. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и превознесутъ его до облакъ; заговоритъ бѣдный, всѣ закричатъ на него». Князь щедрый—рѣка безъ береговъ; князь скупой—рѣка съ высокимъ берегомъ,—ни напиться, ни коня напоить. Не имѣй двора и села близъ князя. Его судья—огонь, а чиновники—искры... Кто служитъ доброму господину, дослужится свободы, кто — злому, дослужится большей работы». Далѣе слѣдуетъ описаніе злой жены, частію извѣстное намъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. «Что есть злая жена? Ослѣпленіе ума, поборница грѣха, печаль

[1]) Отрывки изъ злат. цѣпи: Христом. Буслаева, 478—504.

лютая и погибель дому. Лучше варить желѣзо и долотить камень, нежели учить злую жену. Она ученія не слушаетъ, Бога не боится, людей не стыдится, все осуждаетъ и укоряетъ». Всѣ эти нареканія взяты изъ греческихъ сочиненій, изображающихъ византійскую, порочную женщину. Подобныя нареканія находимъ въ греческихъ поученіяхъ, въ «Златоструѣ» и сборникѣ Святослава, въ повѣсти о Соломонѣ и проч. Всѣ эти сочиненія воспитали въ грубомъ обществѣ предубѣжденіе къ женщинѣ, какъ виновницѣ соблазна, унизили ея достоинство и отравили семейное счастіе. «Слово» заточника, отразившее недостатки древней Руси, въ простой, анекдотической формѣ, пользовалось большою извѣстностію, и дошло до насъ во множествѣ списковъ. Извѣстны два списка слова XII—XIII вѣка; въ XIII вѣкѣ оно было передѣлано. Составитель слова, подобно Даніилу, жалуется на свою бѣдность. «Былъ я въ великой нуждѣ, испыталъ все зло. Заработный хлѣбъ часто у меня какъ полынь во рту, и питіе свое плачемъ растворяю». Историки относятъ «слово» Даніила къ домостроямъ или домашнимъ поученіямъ. Но, примѣняясь къ изложенію «слова», мы признаемъ его переходнымъ звѣномъ къ домашнимъ поученіямъ. [1]) Безсвязное изложеніе сентенцій «слова» заточника напоминаетъ своею формою «Пчелу», а нравственно-практическое содержаніе — домостроі, нечуждые послѣдовательности въ мысляхъ.

[1]) О компиляціяхъ «слова» заточника Христ. Бусл. с. 631—642.

Домашнія поученія или домостроі.

Сентенціи разсмотрѣнныхъ нами сборниковъ имѣли вліяніе на умноженіе домостроевъ или домашнихъ поученій. Въ домостроіхъ, кромѣ нравственныхъ наставленій, изложены правила относительно хозяйства, домашней экономіи, обращенія съ людьми, и вообще житейской мудрости. Сказка объ Акирѣ, или поученіе отца сыну, взятое изъ греческаго или болгарскаго языка, хорошо выражаетъ духъ домостроевъ. Отецъ въ особенности рекомендуетъ сыну смиреніе. «Имѣй умъ высокій, а голову пониженную; мысли устремляй на небо, а взоръ на землю; сердцемъ вопій къ Богу, а уста смыкай». «Въ печали и напасти не укоряй Бога». «Не будь безъ мѣры сладокъ и горекъ, чтобы не отвернулись отъ тебя». Въ другихъ сборникахъ этотъ афоризмъ читается иначе: «не будь безъ мѣры сладокъ, чтобы не проглотили тебя, и—горекъ, чтобы не выплюнули». «Дары ослѣпляютъ судей». «Легче поднять камень и желѣзо, нежели тягаться съ законникомъ», и т. д. [1]) Сказка объ Акирѣ невольно напоминаетъ различныя наставленія дѣтямъ, помѣщенныя въ сборникѣ Святослава и «Златой Цѣпи». Таковы поученія: св. Василія юношеству, св. Ѳеодоры своему сыну, поученіе Ксенофонта своимъ дѣтямъ (нравственныя наставленія о любви къ ближнимъ и указаніе на собственную жизнь, какъ образецъ для подражанія). Лучшимъ выраженіемъ нравственно аскетическаго духа домостроевъ служитъ «поученіе о правой вѣрѣ». Въ немъ исчисляются добродѣтельные подвиги: смиреніе, кротость, послушаніе, покаяніе, постъ, мо-

[1]) Отеч. Зап. 1855 г. № 2.

литва, любовь къ ближнимъ, милостыня и бодрость. Въ сборникѣ XVI вѣка это поученіе составлено не только изъ назидательныхъ изреченій, сходныхъ съ «словомъ» заточника, но и изъ притчей Соломона. Поученіе о правой вѣрѣ сходно съ поученіемъ дѣтямъ Владиміра Мономаха. Поученіе Мономаха есть подражаніе поученію св. Василія юношеству. Оно не только выражаетъ аскетическій духъ домостроевъ, но и примиряетъ обязанности подвижника съ долгомъ мірянина, какъ общественнаго и семейнаго дѣятеля. Мы увидимъ, съ какимъ сочувствіемъ взглянули на это поученіе либералы, преслѣдующіе аскетизмъ, какъ начало, враждебное жизни.

Въ поученіи своемъ Мономахъ предписываетъ покаяніе, слезы, постоянную молитву, даже на пути («зовите безпрестанно въ тайнѣ: Господи помилуй»); нощные поклоны и пѣніе, которыми побѣждается діяволъ; хожденіе въ церковь до восхода солнца («такъ дѣлали всѣ добрые люди»); укрощеніе страстей, особенно гордости, помысловъ, внѣшнихъ чувствъ и языка, порабощеніе тѣла; терпѣніе напастей и перенесеніе обидъ («лишаемъ не мсти, ненавидимъ и гонимъ терпи, хулимъ молись»). Въ основу и довершеніе подвиговъ авторъ полагаетъ страхъ Божій, причину всего добраго, и вообще совѣтуетъ избѣгать лѣности и понуждать себя на подвиги, ради Господа. «О, Владычице! отыми гордость и буесть отъ убогаго сердца моего, да не возношуся суетою міра сего, въ пустошнемъ житіи». Не ограничиваясь аскетизмомъ, котораго требовала древняя литература, проповѣдь и жизнь, авторъ признаетъ важность мірскихъ обязанностей, общественныхъ и семейныхъ. Онъ внушаетъ дѣтямъ правосудіе, соблюденіе даннаго слова и крестнаго цѣлованія, внимательность къ домашнимъ и общественнымъ дѣламъ, особенно на войнѣ, милосердіе къ бѣднымъ и обходительность со всѣми; совѣтуетъ угощать пословъ и гостей, такъ какъ они разносятъ добрую и худую славу. Милостыню авторъ предпочитаетъ посту, признаетъ ее достаточною для спасенія. «Малымъ дѣломъ можете заслужить милость Божію. Это не то, что чернечество, или голодъ, которые терпятъ добрые люди». Въ примѣръ добродѣтелей вѣка Мономахъ изображаетъ свою жизнь, дневныя занятія, военные подвиги и приключенія на охотѣ; говоритъ, что противъ однихъ половцевъ совершилъ 83 большихъ похода, а малыхъ не помнитъ, взялъ въ плѣнъ до 300 князей, заключилъ 19 договоровъ [1]). Между дѣльными наставленіями нельзя не замѣтить увлеченія общими мѣстами, которыя всегда расточаютъ моралисты. Такъ, въ подражаніе слову Василія: «старѣйшимъ покарятися, съ меньшими любовь имѣти», авторъ говоритъ: «старыя чти, яко отца, молодыя яко братію»; или совѣтуетъ дѣтямъ жить въ мирѣ и согласіи, любить своихъ жонъ, не давать имъ власти и проч. Это увлеченіе общими мѣстами тѣмъ болѣе кажется безплоднымъ, что одинаково повторяется всѣми, безъ видимыхъ хорошихъ послѣдствій. Почти всѣ русскіе князья и цари, начиная съ Ярослава, завѣщали своимъ дѣтямъ миръ, а слѣдовала война. Особенно ясно подтверждаетъ эту мысль завѣщаніе Грознаго, обильное сентенціями, несогласными съ его жизнію [2]). Не распространяемся о такъ называемыхъ «вождяхъ по жизни», въ которыхъ нравственныя сентенціи и правила хозяйства излагались пространно. «Вожди» составляютъ достояніе житейской мудрости прежъ-

[1]) П. с. л. I, 100.

[2]) И. Карам. IX, прим. 741.

нихъ вѣковъ, слагались постепенно, и переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію. Это подтверждаютъ слова одного «обрядника» или «вождя по жизни». «Всему тому (правиламъ жизни) есть обычай изъ поконъ вѣка, да и дѣло то неписанное, а уложено не даромъ старыми людьми» [1]). Всѣ эти сочиненія, вмѣстѣ съ проповѣдническими сборниками, создали замѣчательный домострой Сильвестра. Въ этомъ сборникѣ, какъ увидимъ, отразилась аскетическая жизнь предковъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Патерики, прологи и четиминеи.

Житія святыхъ составляли любимое чтеніе предковъ. Изображая христіанскія правила въ живыхъ примѣрахъ, житія дѣйствовали вдвойнѣ на умы читателей, теоріей и практикой. Убѣжденіе въ необходимости подвиговъ казалось тѣмъ сильнѣе, что житія написаны цвѣтисто, въ панегирическомъ тонѣ, съ идеализаціей пустынничества. Идеализація пустынничества художественно выражена въ житіи Варлаама и Іосифа. Это житіе, признанное наукою поэтическимъ произведеніемъ, пользовалось такою популярностію, что отразилось въ народной поэзіи [2]).

[1]) Сказан. рус. нар. Сахар. 11.

[2]) Аскетическій идеалъ, развитый проповѣдничествомъ, литературой, и особенно житіями святыхъ, отразился въ словесныхъ произведеніяхъ и стихахъ. Таковы религіозныя повѣсти, легенды, духовныя комедіи или драмы, поучительные стихи. Въ этихъ сочиненіяхъ, изображающихъ дѣйствительную жизнь, преобладаетъ нравоучительный элементъ. Въ нихъ излагается ученіе о добродѣтеляхъ и порокахъ, искушеніяхъ, паденіяхъ, чудесахъ и торжествѣ вѣры. Такова повѣсть о горѣ злосчастіи, легенда (повѣсть) о Грудцынѣ, давшемъ діяволу росписку, комедія о блудномъ сынѣ, драма—кающійся грѣшникъ, стихи о страшномъ судѣ и проч. Въ повѣсти о горѣ злосчастіи представлена судьба юноши, доведеннаго несчастіемъ до иночества. «Спамятуетъ молодецъ спасенный путь, и оттолѣ

Житія святыхъ наиболѣе поражали предковъ описаніемъ загробнаго міра, съ его мытарствами, раемъ и адомъ, картинами вѣчнаго блаженства и мученія. Этими изображеніями житія св. оказали большое вліяніе на литературу и аскетическое настроеніе предковъ. Они тѣмъ болѣе вліяли на жизнь, что перемежались аскетическими наставленіями, поученіями и похвальными словами святымъ. И кто изъ насъ не испыталъ чарующаго вліянія

сошелъ въ монастырь постригатися; а горе у св. воротъ оставается». Сентенція комедіи блудный сынъ таже, что и въ повѣсти о горѣ злосчастіи. «Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти глубже писаннымъ, чтобы не забыти, ее образъ юнымъ старѣйшихъ слушати, на младый разумъ не уповати». Въ поучительныхъ стихахъ изображаются: страшный судъ, антихристъ, конецъ міра, блаженство праведныхъ, и особенно мученія грѣшныхъ. Грѣшнымъ назначаются: внѣшняя тьма, глубокіе погреба, лютые морозы, мѣдные котлы, неусыпающій червь, разные огни, сосущія змѣи, кипучая смола, вытягиваніе языковъ, повѣшеніе на крючьяхъ надъ каленными плитами, гвоздіе, смрады великіе, плачъ и скрежетъ зубовъ. (Ист. рус. слов. Порф. стр. 215. 532). Аскетическій идеалъ особенно выраженъ въ стихахъ объ «Осафіѣ», составленныхъ подъ вліяніемъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Повѣсть эта, обильная притчами, восточнаго происхожденія, распространена въ сборникахъ XIV—XV вѣка; въ XVII вѣкѣ дважды напечатана.

Во дальней долинѣ
Стояла мать прекрасная пустыня.
Приходитъ ли во пустыню
Младый царевичъ Іосафій.
Отъ юности прелестныя
Научи меня мать пустыня,
Какъ Божію волю творити.
Достави меня пустыня
Ко небесному царствію.
Не хочу я зрѣть на вольный свѣтъ,
На свои каменны палаты,
На свою казну золотую.
Я радъ на тебя работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего смертнаго часу.

(Чтен. Общ. 1848 г. IX, 181. Пып. с. 124. Безсон. Калек. I, 206).

житій, особенно въ молодости, подъ вліяніемъ чувства! Какъ любимое чтеніе предковъ, житія святыхъ появились на Руси въ началѣ христіанства, весьма размножились къ XVI вѣку и дошли до насъ въ большомъ количествѣ списковъ. Замѣчательные памятники въ этомъ отношеніи слѣдующіе. Житія святыхъ, съ похвальными словами нѣкоторымъ изъ нихъ (съ греческаго языка). Житія святыхъ, за мартъ, и слова св. отецъ, помѣщенныя въ супрасльской рукописи XI вѣка (съ болгарскаго). Сборникъ житій—рукопись Успенскаго собора, XII вѣка. Патерики синайскіе, XII и XIII вѣка, содержатъ дѣянія и поученія синайскихъ подвижниковъ (переведены съ греческаго на болгарскій). Были у насъ патерики скитскіе, содержащіе жизнь египетскихъ подвижниковъ; іерусалимскіе, излагающіе жизнь палестинскихъ подвижниковъ, азбучные и другіе. Прологъ XII—XIII вѣка содержитъ отрывки и сказанія изъ житій святыхъ, исторіи библейской и церковной, по порядку дней каждаго мѣсяца; назначался для ежедневнаго чтенія подвижникамъ. Въ русскихъ прологахъ помѣщались и поученія на дни святыхъ (Славянскій прологъ, синодальный, заключается въ 2-хъ частяхъ). Сборникъ XV вѣка содержитъ египетскій патерикъ, отрывки изъ скитскаго и другихъ патериковъ, житія святыхъ и поученія. По образцу указанныхъ сборниковъ на Руси составлялись житія святыхъ отечественныхъ.

Патерикъ печерскій, составленный по образцу греческихъ патериковъ, состоитъ не только изъ житій, но и изъ посланій. Основаніе патерику положено перепиской епис. владимірскаго Симона съ инокомъ Поликарпомъ. Въ посланіяхъ ихъ, проникнутыхъ аскетизмомъ, изображены подвиги и чудеса печерскихъ иноковъ. «Они, говоритъ

Поликарпъ о составителяхъ житій, видѣли сами преподмужей, слышали о ихъ жизни, чудесахъ, и составили патерикъ, который читая, наслаждаемся духовными словами. Я ничего такого не видѣлъ, не обходилъ св. мѣстъ, ни Іерусалима, ни синайской горы, а слѣдуя слышанному отъ епис. Симона, написалъ это. Не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только монастыремъ печерскимъ и бывшими въ немъ черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами» [1]). Замѣчательный сборникъ житій, составленный митр. Макаріемъ, Великія Четиминеи. Въ чети-минеяхъ собрана почти вся древняя литература, какъ видно изъ словъ Макарія: «я далъ 12 великихъ миней, и въ нихъ евангеліе, апостолъ, посланія и дѣянія, съ толкованіемъ; три псалтыри разныхъ толковниковъ; Златоструй и Маргаритъ; Златоустъ, Василій и Григорій богословъ, съ толкованіемъ; великая книга никоновская, съ прочими посланіями; и прочія св. книги, въ нихъ—праздничныя и похвальныя слова; всѣхъ св. отецъ житія; всѣ патерики: азбучные, іерусалимскіе, египетскіе, синайскіе, скитскіе, печерскіе; и всѣ св. книги, которыя обрѣтаются въ русской землѣ» [2]). Чети-минеи заключаютъ въ себѣ много поэтическихъ сказаній, такъ какъ составитель ихъ не отличался даромъ критики, смѣшивалъ истинныя сочиненія съ подложными. Впрочемъ, и ложныя сказанія, въ родѣ легенды о Меркуріи смоленскомъ, о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, необходимы для характеристики нравовъ. И потому Четиминеи служатъ однимъ изъ главныхъ пособій для исторіи проповѣдничества. Вообще въ житіяхъ святыхъ, особенно русскихъ, заключаются свѣдѣнія о жизни предковъ, ихъ благочестіи и порокахъ,

[1]) Жит. пр. Марк.
[2]) Предисловіе къ Четиминеямъ.

суевѣріи и заблужденіяхъ. Въ поученіяхъ и похвальныхъ словахъ находимъ доказательства проповѣднической дѣятельности пастырей, перемѣнъ въ судьбѣ проповѣди, ея процвѣтанія и упадка. Изучая этотъ сборникъ хронологически, мы можемъ слѣдить развитіе древней жизни и проповѣди, въ занимательныхъ чертахъ, малодоступныхъ современной наукѣ.

Лѣтописи, странники и сборники легендарнаго содержанія.

Послѣ житій святыхъ лѣтописи, странники и сборники легендарные пользовались особеннымъ вниманіемъ предковъ и развивали въ нихъ аскетическія стремленія и предразсудки. Лѣтописи русскія составлены подъ вліяніемъ греческихъ хронографовъ, палеи и разсказовъ богомольцевъ или странниковъ. Въ древности появлялись мѣстныя лѣтописи, обнимающія жизнь отдѣльныхъ княжествъ. Такова лѣтопись пр. Нестора, имѣющая предметомъ своимъ насажденіе въ Россіи христіанства и доведенная до 1110 года. Ипатьевская лѣтопись изображаетъ событія южной Россіи и главнымъ образомъ раздоры князей, до XIII вѣка; событій сѣверной Россіи она касается со времени Боголюбскаго. Лаврентьевская или суздальская лѣтопись изображаетъ событія южной и сѣверной Россіи (суздальскія и новгородскія дѣла), до исхода XII вѣка. Не упоминаемъ о лѣтописи новгородской, псковской и другихъ. Съ XV вѣка, времени сосредоточенія московскаго государства, появляются лѣтописные сборники, обнимающіе событія государства, разныхъ областей его. Къ концу перваго періода, съ упадкомъ слабаго просвѣщенія, въ лѣтописяхъ умножились

суевѣрныя преданія, повѣсти о волшебствѣ, каменныхъ дождяхъ, гласахъ животныхъ и проч. Въ никоновской лѣтописи много невѣроятныхъ сказаній. Густынская лѣтопись преимущественно отличается суевѣрнымъ характеромъ. Поводомъ къ составленію лѣтописей было веденіе пасхальныхъ таблицъ и дневниковъ, и особенно поучительный тонъ греческой литературы, желаніе грамотныхъ иноковъ подѣлиться своими знаніями, поучить людей добродѣтели.

Лѣтописи, составляя любимое чтеніе предковъ, подобно Чети-минеямъ, развивали въ нихъ аскетическія стремленія. Въ изображеніи жизни лѣтописцы обращали особенное вниманіе на церковныя событія: построеніе монастырей и церквей, прославленіе угодниковъ, различныя откровенія. Самыя житейскія событія они освѣщали библейскимъ взглядомъ. Изображая подвиги князей, они хвалили ихъ за благочестіе, покровительство иноковъ, милосердіе къ нищимъ, построеніе церквей, и вообще утвержденіе вѣры. Осуждая пороки современниковъ, лѣтописцы показывали всю несообразность ихъ съ званіемъ христіанина. Сказанія свои лѣтописцы оживляли текстами, библейскими примѣрами и сравненіями, часто некстати, размышленіями въ проповѣдническомъ тонѣ, особенно при описаніи бѣдствій. Такъ, суздальскій лѣтописецъ, излагая неважныя обстоятельства изъ жизни князей, ставитъ ряды нравоученій, текстовъ, библейскихъ сравненій. «Константинъ освятилъ церковь, которую украсилъ иконами, какъ говоритъ пророкъ: желанье сердца моего далъ еси ему, и хотѣнья устъ его нѣси лишилъ его... Какъ Соломонъ на освященіе церкви сотворилъ пиръ, и люди благословили царя, такъ и блаженный Константинъ угостилъ людей, и люди благо-

словили (его), говоря: дастъ Господь премудрость Соломону и Константину многу зѣло, и разлитіе сердца, яко песокъ при мори... Константинъ встрѣтился съ отцомъ и поцѣловался, какъ сказалъ приточникъ: сынъ разумный, чтяй отца, возвеселитъ душу свою». (Этотъ лѣтописецъ любилъ книги и въ храмѣ записывалъ поученія пастырей) [1]). Несторъ объясняетъ народныя бѣдствія: войну, засуху, голодъ, моръ, наказаніемъ за грѣхи [2]). Изображая нашествіе татаръ, новгородскій лѣтописецъ дѣлаетъ обращеніе къ читателямъ. «Видя Божіе попущеніе на всю русскую землю, отцы, братія и дѣти, кто изъ насъ не плачетъ? Кто остался въ живыхъ? Видя это, о если бы мы устрашились и восплакали о своихъ грѣхахъ день и ночь, забывъ про имѣніе и братскую ненависть»! Софійскій временникъ, 1240 г., описывая нашествіе Батыя, изображаетъ плачъ земли русской, въ поучительномъ тонѣ. «Русскіе сыны! зачѣмъ вы ходили предъ Богомъ въ похотяхъ сердецъ? Или не слыхали пророка говорящаго: если хотите и послушаете Меня, снѣсте благая земли, а если не хотите и не послушаете, оружіе поястъ васъ. Вижу, какъ праведнымъ судомъ впадаете въ немилостивыя руки. Мое вдовство—опустѣніе городовъ, монастырей, церквей, потеря дѣтей, учителей, священниковъ, властителей и народа». Вообще, всѣ бѣдствія въ мірѣ и необыкновенныя явленія лѣтописцы приписывали гнѣву Божію и наказанію за грѣхи, вражду и злодѣянія—искушенію отъ діавола, успѣхи и счастіе—благословенію Божію, за добро. Въ произшествіяхъ міра вездѣ у нихъ очевидные слѣды Промысла и непосредственное участіе высшихъ силъ. При такомъ взглядѣ на міръ,

[1]) Суздл. лѣт. с. 183. 181. 195.
[2]) Л. I, 122. 64.

историческія задачи рѣшаются легко, сомнѣнія разсѣиваются, тайны исчезаютъ. Не находя ничего труднаго въ разрѣшеніи задачъ общественной жизни, лѣтописцы думаютъ устроить земное счастіе нравственнымъ исправленіемъ. Поэтому они, въ духѣ проповѣдниковъ, преподаютъ всѣмъ нравственные уроки, дѣлая обширныя выписки изъ св. Писанія. Они внушаютъ людямъ покаяніе, братолюбіе, повиновеніе старшимъ и родителямъ, вѣрность присягѣ и крестному цѣлованію, вѣру въ Промыслъ, и благочестивыя чувства. Они предлагаютъ, наиболѣе, духовныя средства къ земному счастію, недостаточность которыхъ пояснилъ вѣковой опытъ и особенно крутая реформа. Вообще, въ убѣжденіяхъ лѣтописцевъ, какъ и проповѣдниковъ, царствуетъ невозмутимый покой, свойственный младенческой мысли, не развитой наукою. По этой причинѣ въ лѣтописяхъ уживаются съ историческою истиною невѣроятныя сказанія, ложные взгляды и грубые предразсудки. Такъ, ипатьевская лѣтопись причислила убитыхъ крестоносцевъ къ лику мучениковъ. «О сихъ (нѣмцахъ) Господь знаменія прояви; по трехъ дняхъ тѣлеса ихъ ангеломъ взяты изъ гробовъ; и прочіе, видя это, тѣснились пострадать за Христа» [1]). Лѣтописи дошли до насъ во множествѣ списковъ, особенно лѣтопись Нестора (временникъ), служившая образцомъ для позднѣйшихъ лѣтописцевъ.

Паломники.

«Паломники» наравнѣ съ лѣтописями составляли любимое чтеніе предковъ. Насколько лѣтописи знакомили народъ съ жизнію и святынями отечества, настолько «паломники» знакомили его съ жизнію и святынями востока.

[1]) Ипат. с. 139.

Знакомство съ святынями востока окончательно утверждало народъ въ православіи и аскетизмѣ. Тамъ всѣ мѣста освящены жизнію Основателя христіанской вѣры и подвигами Его учениковъ и апостоловъ. Въ Іерусалимѣ гробы пророковъ, Голгоѳа и святой крестъ; въ Египтѣ, Палестинѣ и на Аѳонѣ древніе монастыри, образецъ подвижничества, и мощи великихъ угодниковъ. Въ Цареградѣ школа православія, сокровища литературы, источникъ богословскаго образованія. Вотъ та духовная сила, которая притягивала къ себѣ русскій народъ, съ самаго начала христіанства, и проповѣдникомъ которой служили странники или паломники. Замѣчательнѣйшій «паломникъ», служившій образцомъ для позднѣйшихъ сочиненій этого рода, игумена Даніила. Какъ любимѣйшее чтеніе предковъ, «паломникъ» Даніила дошелъ до насъ во множествѣ списковъ. Даніилъ описалъ свое путешествіе въ Іерусалимъ (около 1115 г.) въ назидательномъ тонѣ. «Изъ любви къ св. мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ, для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ мыслію и удостоился получить награду, равную съ ходившими (туда)». Въ своемъ путешествіи авторъ сообщаетъ любопытныя свѣденія о нѣкоторыхъ чудесныхъ явленіяхъ: о схожденіи небеснаго свѣта (огня) на гробъ Господень, въ великую субботу, о самовозженіи лампъ надъ гробомъ Господнимъ, о видимомъ схожденіи Св. Духа на Іорданѣ [1]). Путешествіе арх. Досиѳея (въ началѣ XIII в.) назидательно свѣдѣніями объ Аѳонѣ и жизни иноковъ. «Братія, живущіе (на Аѳонѣ) въ келліяхъ, держатъ правильно (во всю жизнь): каждый день прочитываютъ половину псалтири и

[1]) Путеш. русс. людей по св. землѣ, Сахар. 1839 г.

600 молитвъ (молитвы Іисусовой); полагаютъ отъ 300 до 500 поклоновъ; и всякій часъ, дѣлая рукодѣліе, безпрестанно, съ воздыханіемъ говорятъ: Господи Іисусе Христе!.. Неграмотные, кромѣ церковнаго правила и поклоновъ, совершаютъ молитвъ Іисусовыхъ 7000. Старымъ внушается умное вниманіе, совершеніе молитвы Іисусовой,—поклоновъ по силѣ. Святогорцы весьма любятъ молчаніе, удаляются бесѣдъ мірскихъ, молвы и мятежа. Въ келліи надобно имѣть иконостасъ, или крестъ, и предъ нимъ совершать правило. Неграмотный долженъ служить рукодѣліемъ, повиновеніемъ, отсѣченіемъ своей воли» [1]). Достоинъ вниманія паломникъ арх. Антонія (сказаніе о св. мѣстахъ Цареграда, въ началѣ XIII вѣка). Авторъ упоминаетъ о блюдѣ княгини Ольги, съ изображеніемъ Спасителя на драгоцѣнномъ камнѣ, и проч. [2]). Путешествіе инока Стефана въ Царьградъ, 1350 г., любопытно не только изображеніемъ святынь, но и памятниковъ искусства, каменныхъ соборовъ, колоннъ и статуй. «О святой Софіи умъ человѣческій не можетъ сказать. Софія имѣетъ 365 дверей и столько же престоловъ; окованы весьма хитро». Подобно Даніилу, авторъ сообщаетъ разныя преданія о святыняхъ и оказываетъ полную вѣру своимъ проводникамъ. Такъ, въ одной церкви онъ видѣлъ каменную чашу, въ которой, на бракѣ въ Канѣ, вода превратилась въ вино; на столпѣ Константина видѣлъ Ноевъ топоръ и проч. «Много и иныхъ столповъ по граду, отъ мрамора, (и) на нихъ писаніе отъ верху до низу». Въ концѣ XIV вѣка описали свое путешествіе въ Царьградъ и видѣнныя святыни діаконъ

[1]) Приб. твор. св. отц. VI, 134.
[2]) Древ. пам. русс. письма, с. 171.

Игнатій и дьякъ Александръ. Въ XV вѣкѣ іеродіаконъ Зосима описалъ святыни Аѳона, Царьграда и Іерусалима. Въ XVI вѣкѣ Коробейниковъ и Грековъ (купцы) описали свое путешествіе въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синай: наполненное удивительными разсказами, оно часто переписывалось, печаталось и имѣло многихъ читателей [1]).

Не распространяемся о сборникахъ легендарнаго содержанія: «палеяхъ», «хронографахъ», «жемчугахъ» и проч., о коихъ упомянуто выше. Служа источникомъ естествознанія и прикрасой библейскихъ сказаній, эти сборники, наравнѣ съ апокрифами, имѣли важное вліяніе на образованіе предковъ. Они распространяли въ народѣ нелѣпые предразсудки и особенно религіозное суевѣріе, весьма упорное и опасное. Оно тѣмъ болѣе опасно, что прикрыто личиною благочестія, перемѣшано съ статьями назидательными и враждебно всякому просвѣщенію, движенію мысли. Таковъ напримѣръ Странникъ XVI вѣка, въ коемъ изложены нѣкоторыя суевѣрныя понятія о народѣ, Георгія Писида. Подобныя свѣденія содержитъ Маритица Златая, въ коей помѣщены: слово св. Ѳеодосія о тропаряхъ и поученіе человѣка вѣрна къ духовному брату о злобѣ мачихи. Въ трактатѣ о птицахъ здѣсь сообщено оригинальное свѣденіе о фюниксѣ, о ней же Давидъ рече: праведникъ яко фюниксъ процвѣте»... Въ Жемчугѣ, сборникѣ XV вѣка, энциклопедіи естествознанія, сказано: «вѣруемъ въ птицъ; коли гдѣ хощемъ поити, то станемъ послушающе: которая (птица) играетъ впереди, — правая или лѣвая». Предоставляя подробное изслѣдованіе о легендарныхъ сборникахъ исторіи проповѣдничества, мы ограничимся относительно этого вопроса общимъ замѣчаніемъ современнаго намъ историка. «Не подлежитъ сомнѣнію, что умственное и нравственное воспитаніе предковъ совершалось подъ двумя вліяніями, совершенно противоположными: подъ вліяніемъ отеческихъ и вообще православныхъ писаній, доставлявшихъ здоровую пищу, и подъ вліяніемъ писаній еретическихъ и вообще ложныхъ. Оба эти вліянія неизбѣжно должны были отразиться и отразились въ произведеніяхъ нашей духовной литературы» [1]).

б) Вліяніе греческаго проповѣдничества на русскую проповѣдь и жизнь.

Самое обширное вліяніе на русскую проповѣдь и жизнь имѣли проповѣдническіе сборники, переведенные съ греческаго языка, и отчасти пополненные, въ позднѣйшее время, русскими статьями. Они служили настоящимъ складомъ слова и мысли для русскихъ проповѣдниковъ-самоучекъ. Строго говоря, русскіе проповѣдники почти не сказали ничего самостоятельнаго, въ 700 лѣтній періодъ. Въ нравственно-аскетическомъ проповѣдничествѣ они ограничились повтореніемъ и передѣлкою отеческихъ поученій. Въ чисто аскетической проповѣди, требующей глубокаго отвлеченія и анализа, почти буквально повторяли ученіе греческихъ аскетовъ. Достойное благоговѣнія ученіе о помыслахъ, Нила сорскаго, заимствовано изъ сочиненій Нила синайскаго и другихъ аскетовъ, на которыхъ ссылается авторъ. Правда, наши проповѣдники оживляли греческую проповѣдь замѣтками о русской жизни; но и въ этомъ отношеніи они

) Послѣд. 4 путеш. Сказ. Сахар. 11.

[1]) Ист. Мак. V, 254.

подражали грекамъ. Въ поученіяхъ Златоуста, Василія вел. и другихъ отцовъ, есть краткія указанія на недостатки ихъ современниковъ. Многія слова о пьянствѣ и корыстолюбіи судей передѣланы съ греческаго языка. Вліяніе греческаго проповѣдничества на русскую проповѣдь и жизнь опредѣляется сборниками, о коихъ упомянуто выше. Мы исчислили проповѣднические сборники, взятые съ греческаго языка, или составленные на Руси, и ограничились общимъ замѣчаніемъ относительно содержанія ихъ. Мы сказали, что всѣ сборники греческаго проповѣдничества своимъ духомъ предвѣщаютъ нравственно-аскетическое направленіе русской проповѣди. Вникая въ связь этихъ сборниковъ съ изслѣдованною нами проповѣдію и богословскою литературой, мы можемъ показать частнѣйшее отношеніе ихъ къ проповѣди и жизни.

Относительно сборниковъ, взятыхъ съ греческаго языка, предлагаемъ болѣе важныя замѣчанія. Составъ ихъ пополняется и количество умножается съ XIII по XVI вѣкъ. Этому содѣйствовало сравнительное спокойствіе государства, начавшееся съ половины XIII вѣка, и умноженіе монастырей. Медленность рукописнаго дѣла, отличавшагося тщательною отдѣлкою, до XVII вѣка, и дороговизна книжнаго матеріала требовали нѣсколькихъ столѣтій для приведенія этихъ сборниковъ въ надлежащій видъ. Преобладаніе аскетическихъ статей въ сборникахъ, и особенно Лѣствицы, переводимой въ каждое столѣтіе, согласовалось съ покаяннымъ духомъ народа и ожиданіемъ конца міру. Особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ сборникъ Никона черногорца (пандекты и тактиконъ), заключавшій въ себѣ 103 слова. Этотъ сборникъ, трактующій о добродѣтеляхъ и порокахъ, особенно монашескихъ, предлагалъ статьи догматическія, каноническія и обрядовыя, уяснявшія нравственность въ теоріи и практикѣ. Множество отрывковъ, изложенныхъ въ сборникѣ, разширяло взглядъ предковъ на всю область богословія и знакомило ихъ съ такими сочиненіями, которыя не были переведены на славянскій языкъ. Этимъ объясняется значительное количество списковъ обширнаго сборника, дошедшихъ отъ XIII—XV вѣка. Бесѣды св. отцовъ, особенно Златоуста, и толкованія св. Писанія, вмѣстѣ съ житіями, тоже содѣйствовали уясненію догматовъ и нравственности христіанской. Вообще, въ сборникахъ, взятыхъ съ греческаго языка, замѣтны тревога, сосредоточенность духа, отрѣшенность отъ міра, ожиданіе суда, приближеніе кончины вѣка, — мрачныя предсказанія и приготовленіе къ вѣчности.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются сборники, составленные въ Россіи. Преобладающее содержаніе ихъ тоже нравственно-аскетическое. Въ словахъ св. подвижниковъ выдающаяся тема — покаяніе, спасеніе души и подвиги. Нѣкоторыя слова аскетовъ высоко подымаютъ эту тему. Напр. слово св. Ефрема: «блаженны возлюбившіе Бога, и ради Его любви вознерадившіе о всякихъ вещахъ»; или Василія великаго: «о суетномъ житіи (семъ)», и проч. [1]). Но этотъ тонъ начинаетъ ослабѣвать. Вмѣстѣ съ словами отцовъ появляются русскія статьи смѣшаннаго содержанія, разширяющія область богословія; пытливость и ученость значительно усиливаются къ концу періода. Вообще, въ этихъ сборникахъ болѣе широты взгляда, изслѣдованій, разсужденій и спокойствія мысли. По всему видно, что напряженное ожиданіе конца свѣта

---

[1]) Сбор. № 319. л. 245. 38.

прошло и жизнь понемногу начала вступать въ свои права; вниманіе богослововъ обращено на житейскіе предметы, близкіе къ вѣрѣ.

Мы познакомились съ двумя главными сборниками, въ коихъ преимущественно выразился духъ русскаго проповѣдничества, Златоустникомъ и Изумрудомъ; займемся—второстепенными. Второстепенныхъ сборниковъ можно насчитать до 20-ти. 11 изъ нихъ XVI вѣка (№ 316, 318, и остальные по 325 включительно, а также 330 и 331); 8—XVII вѣка (№ 327, 333, и остальные по 339-й включительно). Нѣкоторые сборники, не важные содержаніемъ, опущены. Дать точное и раздѣльное понятіе о перечисленныхъ сборникахъ весьма трудно, и главнымъ образомъ потому, что въ нихъ нѣтъ системы. Недостатокъ логики и послѣдовательности мыслей, который мы видѣли въ проповѣдяхъ, съ большею ясностію обнаружился въ сборникахъ, какъ дѣлѣ болѣе сложномъ. Статьи разнаго содержанія свалены въ кучи и сплочены посредствомъ наслоенія. Вообще же въ сборникахъ можно различать нѣкоторую общность идей, повторяемыхъ на разные лады, въ разныхъ формахъ. Эта общность идей выражается не только въ словахъ подвижниковъ, извѣстнаго направленія, но и въ житіяхъ святыхъ, въ разсказахъ о чудесахъ, въ правилахъ монашескихъ, въ назидательныхъ сентенціяхъ, коими пополнены всѣ сборники. Въ сборникахъ часто приводятся изреченія «пчелъ» и цѣликомъ списываются «пчелы». Нѣкоторые сборники, напр. «Цвѣтникъ», XVI вѣка, № 326, раздѣленный на 190 главъ, краткостію статей, особенно о нравственныхъ предметахъ, напоминаетъ содержаніе «пчелъ». Во множествѣ поученій, не надписанныхъ именами св. отцовъ, можно подозрѣвать русскихъ авторовъ; но до-

казать это трудно. Такого рода поученій особенно много въ сборникахъ XVII вѣка. Поученій чисто русскихъ авторовъ, или съ вѣроятностію приписываемыхъ имъ, весьма не много, и почти всѣ они приведены нами въ своемъ мѣстѣ. Къ этому общему содержанію сборниковъ надобно присоединить изъясненіе книгъ св. Писанія и отдѣльныхъ мѣстъ его, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ; перечисленіе апокрифовъ, изложеніе обрядовъ, церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ, и полемическихъ статей. Полемическія статьи направлены противъ еретиковъ греческихъ и русскихъ, и особенно противъ католиковъ. Полемика противъ католиковъ, отчасти—уніатовъ и лютеранъ, усилена въ сборникахъ XVII вѣка, и здѣсь она облеклась въ артикулы, логическіе пріемы. Не упоминаемъ подробно о канонахъ, службахъ святымъ, посланіяхъ, легендарныхъ повѣстяхъ, многочисленныхъ ошибкахъ, ересяхъ и противорѣчіяхъ, коими наполнены безсвязные сборники. О правописаніи, слогѣ, коверканіи именъ, нескладицѣ предложеній непріятно говорить. Выдающіяся ошибки ставимъ на видъ. Въ числѣ аскетическихъ правилъ есть указъ о епитиміяхъ, проникнутый суевѣріемъ. Опредѣливъ количество литургій, заглаждающихъ грѣхи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, указъ говоритъ: «то ти годъ до года; а самому (кающемуся) постъ на 6 недѣль. Сей подвигъ назначенъ князю и боярину; священникъ и простолюдинъ да постится трегубо» [1]). Нерѣдко встрѣчается проклятіе на тѣхъ, кои не слѣдуютъ двуперстному крещенію. Особенно поражаютъ несогласіемъ аскетическія правила разныхъ сборниковъ. Такъ, въ одномъ сборникѣ правило грамотнымъ и не-

[1]) Сборн. № 321, л. 266. № 323, л. 74

грамотнымъ внушаетъ слѣдующій подвигъ. «Подобаетъ умѣющимъ грамотѣ пѣти на всякъ день утреню и часы, вечерню, повечеріе и полунощницу, и ничего не оставлять, не отправивъ. Аще кто не умѣетъ грамотѣ, пѣти ему 50-й псаломъ; аще и того не умѣетъ, да поклонится предъ Богомъ, по силѣ, и речетъ: Господи помилуй, 300 (разъ) [1]). И тоему пѣти за утреню, и за часы, и за вечерню, и за повечеріе; и тако творите по вся дни». Въ другомъ сборникѣ правило неграмотнымъ внушаетъ: «за каѳизму полагать 300 поклоновъ, за полунощницу 600, за утреню 1500, за часы 1500, за вечерню 600» [2]).

Исчисленные проповѣдническіе сборники имѣли образовательное вліяніе на нашихъ проповѣдниковъ. Они давали направленіе ихъ мыслямъ, содержаніе для слова и самое выраженіе. Пользуясь готовымъ матеріаломъ, неопытные проповѣдники ограничились компиляціей и передѣлкою отеческихъ поученій. Подражательность и компилятивность русскихъ поученій доказана разборомъ Изумруда и Златоустника. Вліяніе проповѣдническихъ сборниковъ, даже со стороны ихъ формы, отразилось вполнѣ въ словахъ митр. Даніила, доктора закона божія, воспитаннаго на безсвязныхъ сборникахъ. Отъ него самого осталось до трехъ сборниковъ поученій, «собранныхъ отъ божественныхъ писаній», проникнутыхъ аскетизмомъ. Въ расположеніи словъ нѣтъ связи. И каждое слово, очень обширное, дѣлится механически на три части. Въ 1-й части, какъ мы видѣли, излагается предметъ слова; во 2-й—доказательства изъ св. Писанія, богослужебныхъ книгъ, св. отцовъ, учителей, аскетовъ, церковныхъ правилъ, житій святыхъ, патериковъ, разныхъ сборниковъ, безъ всякой внутренней связи; въ 3-й—нравственныя наставленія. И этотъ планъ не соблюдается точно. Въ 1-й и 3-й части авторъ предлагаетъ обличенія и наставленія, перебѣгаетъ отъ предмета къ предмету, пускается въ общія соображенія, нравственныя увѣщанія, коими всегда одушевленъ. Нерѣдко въ одномъ поученіи, даже въ одной части его, онъ повторяетъ сущность нравственно-аскетическаго ученія. Такъ, въ 3-й части 11-го слова (о судьбахъ Божіихъ и умирающихъ младенцахъ) учитъ хранить вѣру, исполнять обѣты крещенія, всѣ преданія, заповѣди, каяться въ грѣхахъ, ходить въ церковь, помнить краткость жизни, суетность благъ, близость смерти, судъ и воздаяніе [1]). Въ одномъ сборникѣ можно насчитать до 50 писателей, особенно аскетовъ. Сборники Даніила, лучшаго витіи, сжато отразившіе свойства древняго проповѣдничества, со стороны его содержанія и формы, пояснили законченность его. Они свидѣтельствовали о неподвижности религіозной мысли и жизни народа, необходимости просвѣщенія и реформы для дальнѣйшаго развитія народа. Со времени Даніила наши проповѣдники, подобно греческимъ компиляторамъ среднихъ вѣковъ, повторяютъ одно и тоже. Притомъ эти давнія повторенія, принявшія оффиціальный видъ, облеклись въ форму указовъ, предписаній. А извѣстно, какое впечатлѣніе производятъ указы; въ нихъ казенная форма вытѣсняетъ чувство и одушевленіе, необходимыя оратору. Таковы граматы патріарховъ и царей, излагавшія нравственныя обязанности. Послѣднимъ словомъ въ этомъ родѣ можно назвать увѣщаніе патр. Адріана ко всѣмъ

[1]) № 231, Златоустникъ, поуч. рус. л. 80.
[2]) Сбор. № 322, л. 290.

[1]) 1 сбори.

сословіямъ, въ 24 пунктахъ, о храненіи заповѣдей и таинствъ, удаленіи отъ грѣховъ и иностранныхъ обычаевъ, четырекратномъ говѣніи и проч. [1]) «Сія увѣщанія, говоритъ патріархъ, отъ св. отецъ собранная и ко спасенію наставляющая, повелѣхъ напечатать». Неудивительно, что такія граматы и увѣщанія, взятыя изъ сборниковъ, сдѣлались программой для проповѣдниковъ XVII вѣка. О постахъ, особенно великомъ, четырекратномъ говѣніи, ежедневномъ хожденіи въ церковь, храненіи заповѣдей и таинствъ, говорили вездѣ. Подобныя наставленія мы находили въ граматахъ миссіонерамъ, въ поученіяхъ Домецкаго, Подольскаго, Полоцкаго, Транквилліона, священника орловскаго и проповѣдниковъ Сибири. Словомъ: въ XVI вѣкѣ, предъ концомъ періода, сборниками митр. Даніила подведенъ итогъ древней проповѣди, какъ подведенъ итогъ древней жизни стоглавомъ, церковно-повѣствовательной литературѣ— Великими четиминеями. Новаго отъ нихъ ждать было нечего—законъ, вѣчно повторяющійся въ отживающихъ литературахъ. Подобный итогъ началъ блаж. Іеронимъ своимъ каталогомъ церковныхъ писателей, кончилъ патр. Фотій своею библіотекой.

Окончательный итогъ проповѣдническимъ и вообще письменнымъ сборникамъ, проникнутымъ аскетизмомъ, вліявшимъ на проповѣдь и жизнь, подведенъ Домостроемъ Сильвестра. Всѣ нравственно-аскетическія наставленія, по коимъ сложилась древняя жизнь, взяты Домостроемъ изъ св. Писанія, богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ, проповѣдническихъ сборниковъ, особенно Златоустника и Изумруда (первыя 25 главъ).

[1]) Сборн. № 338, л. 64.

Всѣ практическія наставленія о домохозяйствѣ и обращеніи съ людьми взяты изъ пчелъ, премудрости Соломона и Сираха, вождей по жизни, домостроевъ, разсмотрѣнныхъ нами, особенно — поученія Владиміра Мономаха (послѣднія 38 главъ). Послѣдняя глава—письмо къ сыну тоже состоитъ изъ нравственныхъ наставленій. Не только мысли, но и самыя выраженія этого Домостроя заимствованы изъ указанныхъ нами сборниковъ. Домострой Сильвестра, какъ выраженіе благочестивой жизни предковъ, подвергался многимъ передѣлкамъ и дошелъ до насъ во многихъ спискахъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ онъ принялъ характеръ общаго руководства и озаглавливался различно. Даже первая глава Домостроя озаглавливалась различно, напр.: «поученіе и наказаніе отъ отцовъ духовныхъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ» [1]).

Оканчивая обзоръ древней письменности Домостроемъ [2]), мы сознаемся, что не видимъ другихъ источни-

[1]) Изслѣд. о Домостроѣ Сильвестра, Прав. собес. 1860 г. III, 279.

[2]) *Ученіе Домостроя, нравственно-аскетическое и практическое.*

Каждый христіанинъ долженъ исполнять свои обязанности. Домъ его на подобіе иконостаса украшается иконами. Здѣсь онъ долженъ зажигать свѣчи, курить ладонъ, и со всею семьей совершать молитвы и церковныя службы. «По вся дни въ вечерѣ, мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцы, отпѣти вечерню, повечеріе, полунощницу, съ молитвою и поклоны. А въ полунощи, всегда, вставъ тайно, молитися Богу со слезами». Предъ отходомъ къ сну полагать три поклона. «Утрѣ молитися, отпѣти заутреню и часы, въ недѣлю и праздникъ — молебенъ». Какъ можно чаще ходить въ церковь. «А въ церкви стояти со страхомъ, не озираяся, не приклонятися на стѣну и къ столпу, не стояти съ посохомъ, не переступати съ ноги на ногу; руцѣ согбенни, крестообразно; пріити къ началу, до отпѣтія не исходи». Постоянно читать молитву Іисусову и всѣмъ носить чотки. «Аще кто глаголетъ молитву сію, аки изъ ноздри дыханіе, по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ, по второмъ—Св. Духъ, по третьемъ—Отецъ». Слугъ заставлять молиться дома, ходить въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться, хранить цѣломудріе. При входѣ въ чужой

ковъ, болѣе вліявшихъ на аскетическую проповѣдь и жизнь, какъ тѣ, кои разсмотрѣны нами. Поэтому, всѣ добродѣтели предковъ, напоминающія ученія сборниковъ и богословской литературы, можемъ приписать вліянію этихъ источниковъ, хотя бы безъ прямыхъ и очевид-

---

домъ они творятъ молитву и ждутъ аминя. Въ трудныхъ обстоятельствахъ обращаться за совѣтомъ къ духовенству. Въ болѣзняхъ святить воду съ иконъ и крестовъ, пѣть молебны, совершать обѣты, путешествія ко св. мѣстамъ. Соблюдать посты и милостыню. Кушанья распредѣлять примѣнительно къ праздникамъ и постнымъ днямъ. Носить подаяніе въ церковь, монастырь, лазаретъ, темницу, особенно въ праздники.

«Странніи и пришельцы всегда бы въ дому твоемъ питалися». Надѣлять деньгами и слугъ, чтобы они давали милостыню. Основаніе воспитанія—страхъ Божій и знаніе писаній. Сильвестръ училъ сына своего «страху Божію, божественному писанію и всякому христіанскому закону».

Въ отношеніи къ обществу необходима осмотрительность и угодливость, хотя бы соединенная съ неправдой. «Аще случится съ кѣмъ брань, и ты своихъ брани; а кручиновато дѣло, то ударь, хотя твой и правъ. Тѣмъ брань утолишь, не будетъ вражды и убытка. Разсудительный слуга, слышавъ брань, скажетъ миръ; гдѣ клянутъ, онъ похвалу и благодареніе повѣдаетъ. Отъ таковыхъ слугъ сводится любовь и вѣчный миръ». Примѣняясь къ людямъ, прощать обиды, сносить несправедливости, никого не осуждать, даже въ совѣсти, ни о комъ не говорить дурно. Лучшее средство къ доброму обхожденію гостепріимство; угощать надобно такъ, чтобъ всѣ были довольны; пьянаго гостя беречь, чтобы не избился. «Аще сія твориши, вездѣ тебя встрѣчаютъ, отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не продадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Отъ гостей похвала во всѣхъ земляхъ». Въ обществѣ необходимо оказывать уваженіе старшимъ, духовенству, родителямъ, воздерживаться отъ неправеднаго стяжанія, лихоимства, неумѣренности. (Трапеза съ благоговѣніемъ). Кушанья надобно хвалить. Не подобаетъ глаголати: «гнило, кисло, солоно, горько, или какую нибудь хулу; но подобаетъ всякое брашно похваляти, какъ даръ Божій, и съ благодареніемъ вкушати». Особенно необходимо воздерживаться отъ пьянства. «Не мози упиватися до пьянства и долго сидѣти; зане во мнозѣ пьянствѣ бываетъ брань, свары, бой и кровопролитіе. И ты, бывъ тутo, аще не бранишися, не дерешися, будеши не послѣдній, зане долго сѣдиши. И въ томъ пьянствѣ платье изгрязнишь, шапку истеряешь; аще ли будетъ въ мошнѣ денегъ, то выймутъ».

Въ отношеніи семейства необходимъ страхъ, который поддерживается властію домохозяина и наказаніемъ. «И увидитъ мужъ, что непорядливо у жены, умѣлъ бы жену наказывати; такожде, смотря по винѣ, дѣти и

ныхъ доказательствъ. А для возможнаго уясненія даннаго предмета необходимо коснуться вопросовъ: а) о центрахъ богословскаго образованія на Руси и б) о сравнительномъ вліяніи на жизнь литературы вообще и проповѣдническихъ сборниковъ въ частности. Оба вопроса разсмотримъ въ совокупности.

Центры просвѣщенія на Руси.

Центрами просвѣщенія были главные города Россіи: Кіевъ до XIII вѣка и съ XIV вѣка до конца періода; Владиміръ съ XIII вѣка; Москва съ XV вѣка; Новгородъ, Псковъ, Вильно. Въ этихъ городахъ, центрахъ духовнаго и гражданскаго направленія, сосредоточивались лучшіе умы древности, книжные таланты и письменная

слуги наказывати и раны возлагати. А про всяку вину не бити по уху, ни по видѣнію, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть, ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить. Кто съ сердца бьетъ, многи притчи отъ того бываютъ. А плетью бережно бити,—разумно; и больно, и страшно, и здорово». Жена должна быть послушная, трудолюбивая, молчаливая, все дѣлать съ дозволенія мужа. «Сама бы государыня, опричь немощи, безъ дѣла не была; сама бы слугъ будила. А не слушаетъ, ино плетью постегать. А велика вина, ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа... Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ; воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя; вмалѣ бо ослабиши, ввелицѣ поболиши. Дщерь ли имаши, положи на ню грозу свою, да въ послушаніи ходитъ». Слѣдуютъ подробныя и мелочныя наставленія о хозяйствѣ. Въ Домостроѣ есть наставленія относительно чародѣйства и проч. Представляя себя въ образецъ своему сыну, Сильвестръ говоритъ: «видѣлъ еси, чадо, како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страсѣ Божіи, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, со страхомъ и божественнымъ писаніемъ пользуючися всегда». Извращеніе житейскихъ правилъ, замѣтное въ Домостроѣ, порождено вѣкомъ Грознаго, когда необузданный произволъ подавлялъ законы. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ Домостроя окончилъ жизнь въ иночествѣ съ именемъ Спиридона. (Археолог. значеніе Домостроя, Аоанасьева. Отеч. Зап. Т. LXXI).

дѣятельность. Здѣсь, въ соборныхъ церквахъ, по праздникамъ, во время постовъ и бѣдствій, каждый день, читались поученія народу. Здѣсь списывались литературные и особенно проповѣдническіе сборники, въ пособіе архіереямъ и духовенству. Смѣшанные литературные сборники замѣняли наши руководства по богословію и обращались преимущественно въ духовенствѣ; проповѣдническіе сборники главнымъ образомъ оказывали просвѣтительное вліяніе на народъ. Центрами образованія отчасти служили и епархіальные города. Возвышеніе и упадокъ образованія въ епархіальныхъ городахъ условливался степенью просвѣщенія и дѣятельности епископовъ. Просвѣтительное вліяніе этихъ городовъ было незначительно, какъ по малочисленности епархій въ древней Руси, такъ и по малообразованности епископовъ. Епархіи открыты въ 992 году, между прочимъ, въ Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владимірѣ волынскомъ; число ихъ возрастало постепенно [1]). Въ началѣ XIII вѣка русскихъ епархій было 16; въ началѣ XV вѣка 19 (между прочимъ сарская и пермская), въ томъ числѣ 9 юго-западной Россіи. Въ дѣлѣ просвѣтительнаго вліянія на народъ заслуживаютъ вниманіе: Ростовъ, Черниговъ, Нижній, Острогъ. Въ епархіяхъ, особенно управляемыхъ просвѣщенными епископами, какихъ мы встрѣчали не мало, могли имѣть вліяніе на народъ и священники, болѣе разумные и усердные, особенно при совершеніи таинствъ, назначеніи прихожанамъ епитиміи, крещеніи иновѣрцевъ и т. под. Само собою разумѣется, что соборныя, приходскія и монастырскія церкви, съ частымъ богослуженіемъ, были первою школою христіанскаго про-

[1]) Свѣдѣнія: Ист. рус. ц. Добронр., прим. 31; Ист. пр. Мак. IV, Прилож. № XVI.

свѣщенія. Это просвѣтительное значеніе церкви хорошо понято древними проповѣдниками. «По вся дни, говоритъ проповѣдникъ XIII вѣка, ходите къ церкви». «Въ церковь вѣрніи приходятъ слышати божественная ученія, отеческая сказанія, житія святыхъ и мученія. Та вся слышавше просвѣщаютъ души своя». «Вонми въ церкви божественная ученія, и еже слышасте, внесете въ домъ свой, да домъ вашъ церковь творится» [1]). Впрочемъ народъ могъ усвоить изъ богослуженія простѣйшія чтенія евангельскія, житія, молитвы эктеній, каноновъ и проч. Церковнославянскій языкъ богослужебныхъ книгъ, составленный изъ разныхъ нарѣчій, темный переводъ книгъ (особенно псалтыри) и отдѣленіе разговорнаго языка отъ книжнаго дѣлали богослуженіе маловразумительнымъ. Настоящимъ ученіемъ въ церкви были уставныя чтенія и особенно живая проповѣдь. Въ этихъ соображеніяхъ необходимо представить общія свѣдѣнія о количествѣ церквей въ древнихъ епархіяхъ. Въ XVII—XVIII вѣкѣ въ европейской Россіи было свыше 12,000 церквей; въ Сибири, какъ сказано,—160 церквей [2]). Въ большихъ городахъ—Кіевѣ, Москвѣ и Новгородѣ церквей (въ томъ числѣ домовыхъ) были сотни; не смотря на опустошительное дѣйствіе пожаровъ въ древней Руси, церкви возобновлялись скоро, даже въ большемъ количествѣ. Въ Новгородѣ, съ 1054 по 1229 годъ, построено 69 церквей (деревянныхъ не болѣе 15); въ 1417 году въ немъ было семь соборовъ. Въ 1124 году въ Кіевѣ сгорѣло 600 церквей (вѣроятно 60) [3]). Количество церквей Москвы издавна выражено пословицей: «сорокъ

[1]) Изумр. сол. № 270, поуч. 127, 139, 138.
[2]) Раскол. Щапова, с. 433.
[3]) И. Р. Сол. III, 37.

сороковъ» [1]). Къ приходскимъ и городскимъ церквамъ надобно присоединить тысячи монастырскихъ церквей, которыя всегда посѣщались народомъ. Впрочемъ не всѣ исчисленныя церкви приносили пользу. Предки наши строили много церквей по частнымъ побужденіямъ и причинамъ, по обѣтамъ, въ избавленіе отъ бѣдъ, и въ возмездіе неправдъ и грабежей. «Мы всякій день видимъ, говоритъ Крижаничъ, утиски, выдоры и грабежи. На прилику, кто тысячу рублевъ выдерлъ, мнитъ свои расчеты добро быть справлены, аще дастъ 10 рублевъ въ милостыню». Эти церкви, не обезпеченныя вкладами, оставались праздными. Многія церкви мало посѣщались, вслѣдствіе неточнаго распредѣленія приходовъ. Приходы были часто небольшіе, дворовъ въ 15, и разбросаны на разстояніи 50—100 верстъ; вслѣдствіе этого прихожане не бывали въ церкви по цѣлымъ годамъ. По причинѣ свободнаго перехода крестьянъ, до XVII вѣка, и богатыя церкви пустѣли. Стоглавъ воспретилъ строеніе лишнихъ церквей, которыя не были обезпечены матеріальными средствами и вкладами строителей.

Общія свѣдѣнія о количествѣ монастырей въ Россіи и ихъ просвѣтительномъ значеніи изложены выше. Здѣсь сообщаются частныя свѣдѣнія, выясняющія этотъ предметъ съ большею опредѣленностію. Важное просвѣтительное вліяніе на народъ имѣли первоклассные монастыри: кіево-печерскій, сергіевъ, волоколамскій, кирилловскій, чудовъ, соловецкій и другіе. Нѣкоторые новгородскіе монастыри тоже заслуживаютъ вниманія. Здѣсь списывались, въ большомъ количествѣ, проповѣдническіе сборники и составились богатыя библіотеки. Здѣсь, по руко-

[1]) И. пр. Мак. IV, 228—236.

водству настоятелей: Ѳеодосія, Сергія, Кирилла, Іосифа, читались поученія братіи и народу, иноки обязывались учить другъ друга св. Писанію. Отсюда разсылались учительныя посланія въ города, къ вельможамъ, народу и вообще духовнымъ дѣтямъ. Здѣсь скоплялись богатства и вклады жертвователей, а также многочисленные иноки, вслѣдствіе чего многіе монастыри назывались лаврами. О количествѣ иноковъ находимъ общія свѣдѣнія, напр.: «въ монастыряхъ было множество братства». Впрочемъ извѣстно, что въ суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ находилось 300 иноковъ. Здѣсь собирались лучшіе люди всѣхъ сословій и духовныя дарованія. Отсюда выходили аскеты, пастыри и миссіонеры, просвѣтители народа. Слѣдуетъ замѣтить, что эти вліятельные монастыри счастливо расположились въ пустынной Россіи. Наибольшая часть ихъ основана въ сѣверной Россіи, гдѣ господствовало невѣжество, суевѣріе и идолопоклонство. Важнѣйшая по своимъ заслугамъ кіево-печерская лавра, оплотъ православія, процвѣтала на югѣ. Въ этомъ дѣлѣ видѣнъ Божественный Промыслъ, спасительный всѣмъ человѣкамъ. И не напрасно о кіевскихъ горахъ возвѣщены утѣшительныя обѣщанія. Оттуда возсіяла великая благодать для Россіи: огражденіе православія и народности нашей отъ католицизма и іезуитовъ. Что касается просвѣтительныхъ пособій, коими владѣли монастыри, то они отличались религіознымъ характеромъ. Монастырскія библіотеки были наполнены книгами библейскими, богослужебными и отеческими. Такъ, въ библіотекѣ кирилловскаго монастыря, изъ 1938 книгъ рукописей, по св. Писанію было свыше 250, богослужебныхъ книгъ до 560, отеческихъ твореній почти столько же. Нѣкоторыя творенія были во множествѣ эк-

земпляровъ, напр. Лѣствица въ 26 экземплярахъ, Шестодневъ въ 13 и проч. Въ библіотекѣ соловецкаго монастыря, изъ 1378 книгъ, по св. Писанію—197, богослужебныхъ—489, отеческихъ 425. Въ сергіевомъ монастырѣ—800 рукописей церковныхъ и 3000 старопечатныхъ книгъ [1]). Большая часть русскихъ монастырей не имѣ-

[1]) Прав. Собес. 1858 г. апр. 503. Мы не перечислили всѣхъ проповѣдническихъ сборниковъ, даже главныхъ. Напр. кромѣ поименованнаго нами Златоустника, два списка подобнаго сборника принадлежатъ г. Григоровичу, изъ коихъ одинъ XV, а другой XVII вѣка. Равно и въ синодальныхъ сборникахъ мы не перечислили всѣхъ словъ. Такъ въ Изумрудѣ опустили до 70 словъ, въ Златоустникѣ до 40, по большей части усвоенныхъ св. отцамъ. Многія изъ этихъ словъ написаны въ формѣ аскетическихъ разсказовъ, или статей разнаго содержанія, или изъяснительныхъ бесѣдъ, и никому не усвоены. О русскомъ происхожденіи ихъ можно догадываться по скудости мыслей и безсвязному изложенію. Такъ нѣкоторыя бесѣды состоятъ въ перифразѣ евангельскихъ сказаній, а слова сшиты изъ разныхъ выписокъ, соединены и раздѣлены произвольно. Напр. въ Златоустникѣ 107 слово, о премудромъ устроеніи твари, приписано Златоусту; а въ Изумрудѣ это самое слово составляютъ два слова: 68-е о твари Божіей, покаянія и смертной кончинѣ, и 70-е о томъ, чтобы не плакать много о умершихъ младенцахъ. Оба слова приписаны Златоусту; въ мысляхъ—мало связи. Въ Златоустникѣ слово 75, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, приписано Златоусту; между тѣмъ проповѣдникъ пользовался мыслями Златоуста: въ 68 словѣ, въ 5 недѣлю по Пасхѣ, кажется заимствованы нѣкоторыя мысли изъ бесѣдъ Златоуста. Въ Златоустникѣ слова: 66 о разслабленномъ, 67 въ 4 недѣлю по пасхѣ (важность преполовенія), 69 въ 6 недѣлю по Пасхѣ (о слѣпомъ), тоже приписаны Златоусту; но они содержатъ въ себѣ краткое объясненіе евангелій, или простой пересказъ ихъ. Впрочемъ опущенныя слова не заключаютъ въ себѣ важныхъ признаковъ для уясненія нашего предмета. Относительно словъ Изумруда и Златоустника, разсмотрѣнныхъ нами, тоже необходимо сдѣлать оговорку. Немногія изъ этихъ словъ, приписанныхъ св. отцамъ, особенно Златоусту, потребуютъ сравненія съ подобными словами другихъ сборниковъ; при незначительныхъ вставкахъ, или сокращеніяхъ, сдѣланныхъ неискусною рукою, они могутъ быть приписаны Златоусту. Ибо извѣстенъ пріемъ составителей сборниковъ. Если въ началѣ слова попадалось имя напр. архіеп. Кирилла и подобное, то они озаглавливали: «слово святаго Кирилла философа, и проч. Иногда самородное слово озаглавливали именемъ св. Василія, и такъ далѣе, на томъ основаніи, что оно начиналось фразой: «Василій рече».

ла сильно значительнаго вліянія на народъ. Это были монастыри малые, состоявшіе изъ 2 — 7 иноковъ. Не отличенные собственными заслугами и жизнію своихъ настоятелей, они мало имѣли доходовъ и напрягали силы свои для поддержанія существованія. Такъ было до преобразованія монастырей въ XVI вѣкѣ митр. Макаріемъ, и особенно въ XVII вѣкѣ, когда въ первыя 50 лѣтъ число обителей возросло до 100! Ихъ цѣлыми десятками приписывали къ большимъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ. По поводу споровъ о церковныхъ имуществахъ Зиновій отенскій описалъ труды и лишенія бѣдныхъ монаховъ. «Видѣлъ я нѣкоторыхъ иноковъ изъ тѣхъ монастырей, которыхъ осуждаютъ за деревни. Руки у нихъ скорчены отъ тяжкихъ страданій, кожа какъ воловья истрескалась; лица осунувшіяся, волосы растрепаны. Истязатели (сборщики) бьютъ и волочатъ ихъ безъ милости. Ноги и руки посинѣли и опухли. Иные хромаютъ, другіе валяются. Имѣнія у нихъ такъ много, что и нищіе болѣе ихъ имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ — овсяный не вѣяный хлѣбъ, ржаные толчоные колосья, и такой хлѣбъ безъ соли. Вода—ихъ питье, овощи—рябина и калина. Объ одеждѣ что и говорить!» Кромѣ бѣдности и незначительности своей, многіе монастыри были пристанищемъ соблазна и пороковъ. Съ XI вѣка встрѣчаемъ частыя жалобы на неустройства монастырей, особенно устроенныхъ князьями и боярами близь городовъ. Обогащенные вкладами, не связанные уставомъ общежитія, они, по свидѣтельству лѣтописей, не знали подвижничества. И пастырямъ нашимъ, особенно св. Сергію и митр. Макарію, стоило многихъ трудовъ ввести общежитіе и ограничить безпорядки иночества. Жалобы на эти безпорядки шли издалека,

даже въ періодъ высшаго развитія монашества. Константинопольскій патріархъ въ посланіи къ преп. Сергію называетъ Русь «дикою и невѣжественною землею, гдѣ иноческій образъ равенъ мірскимъ людямъ,» и учитъ иноковъ послушанію и единомыслію [1]). Со времени Грознаго монастыри пришли въ большее разстройство, ибо они наполнялись опальными боярами, привыкшими къ разгулу. А по замѣчанію Стоглава многіе постригались «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать» [2]), занимались «праздношатаніемъ, строеніемъ пустынь, съ 2—3 чернцами, въ соблазнъ православнымъ» [3]). Въ посланіи въ кирилловъ монастырь Грозный обличаетъ нестроенія знаменитыхъ монастырей, Симонова и другихъ, въ коихъ многое дѣлалось по мірскому. Регламентъ обличаетъ размноженіе скитовъ, бродяжничество и другіе недостатки иноковъ [4]).

На основаніи данныхъ свѣдѣній и соображеній о пространствѣ и населеніи Россіи, можемъ составить приблизительное понятіе о вліяніи на жизнь просвѣтительныхъ центровъ. Много ли значили, въ дѣлѣ образованія, 6—7 центральныхъ городовъ, до 20 епархій, почти столько же вліятельныхъ монастырей и 12,000 съ лишнимъ церквей, въ 700 лѣтній періодъ? И эти центры просвѣщенія были раскиданы на 40—50,000 квадратныхъ миль европейской Россіи, 300,000 квадратныхъ миль Сибири, съ 10—12.000,000 населеніемъ. А главное, что эти центры не опирались на школы и общее

[1]) Прав. собес. 1860 г. 1,459.
[2]) Гл. 5, вопр. 8. 37.
[3]) Гл. 85.
[4]) О монашествѣ: Ист. пр. Мак. V, прил. № 22; Ист. р. ц. Добронр. прим. 331—335.

образованіе, а потому зависѣли въ дѣйствіяхъ своихъ отъ многихъ случайностей. Объ элементарныхъ школахъ древней Руси, поддержанныхъ частными лицами, не распространяемся. Въ XV вѣкѣ обученіе грамотѣ перешло въ руки мастеровъ, коихъ лекціи оплачивались кашей и другими припасами. Естественное дѣло, что десятки и сотни тысячъ людей, на окраинахъ Россіи, въ цѣлыя столѣтія не знали таинствъ, не бывали въ церкви, не видѣли монастыря, не слыхали божественнаго ученія. О невѣжествѣ и безнравственности ихъ нечего толковать. Все это бѣдное человѣчество, опутанное грѣхами, не освященное таинствами, такъ и ушло въ могилу! Но и въ центрѣ Россіи для большинства людей христіанское просвѣщеніе было не многимъ доступнѣе. Въ актахъ часто встрѣчаемъ жалобы на холодность людей къ церкви, на уклоненіе ихъ отъ таинствъ и другихъ обязанностей, которыхъ они не понимали. Съ XVIII вѣка назначаются штрафы и принудительныя мѣры, обязывающіе всѣхъ ходить въ церковь, говѣть и проч. [1]) Ясное дѣло, что религіозное просвѣщеніе вообще было доступно жителямъ центральныхъ и областныхъ городовъ, сосѣднихъ съ лаврами, соборнымъ прихожанамъ, особенно духовенству и знати. Причемъ, сборники смѣшаннаго содержанія служили пособіемъ къ проповѣди и удовлетворяли любознательности грамотныхъ горожанъ. Проповѣдническіе сборники вообще дѣйствовали на неграмотныхъ людей, часто приходившихъ издалека въ соборъ, для слушанія проповѣди (Кирилла ростов., Серапіона, Никона и другихъ). И просвѣтительное дѣйствіе сборниковъ не могло быть обширнымъ, особенно до XV вѣка, по

[1]) П. с. законовъ, V, № 3169. VI, № 4052, VII, № 4140. VI, № 4047. № 3963.

причинѣ ихъ дороговизны и рѣдкости. Древніе сборники, заключавшіе въ себѣ сотни листовъ, писались на пергаментѣ, крупнымъ полууставомъ, и доступны были состоятельнымъ лицамъ. Владиміръ галицкій заплатилъ 11 рублей (8 гривенъ кунъ) за молитвословъ. Вліяніе сборниковъ расширяется съ XV—XVI вѣка, времени изобрѣтенія бумаги (получалась изъ заграницы) и введенія книгопечатанія. Вслѣдствіе этого полууставный почеркъ уступилъ мѣсто скорописи, и сборники въ XVII вѣкѣ размножились. По надписямъ сборниковъ видно, что они не рѣдко принадлежали и людямъ средняго сословія. Встрѣчаются свѣдѣнія и догадки, что священники и иноки иногда проповѣдывали въ церквахъ по книгамъ [1]). Въ XVI и даже XVII вѣкѣ главными покупщиками книгъ были священники и иноки. Но эти отрадныя явленія не составляли общаго правила. Итакъ, при скудныхъ способахъ просвѣщенія, церкви съ ихъ богослуженіемъ и сборники богословскіе были главными просвѣтительными орудіями. Причемъ сборники смѣшаннаго содержанія служили руководствомъ богословія и основою проповѣдничества; сборники проповѣдническіе оказывали самое обширное и благодѣтельное вліяніе на народъ. Проповѣдническіе сборники, подъ вліяніемъ богослуженія, воспитали аскетическіе нравы и убѣжденія предковъ, которые удивляютъ насъ строгостію, при всѣхъ своихъ недостаткахъ. Эти нравы и убѣжденія послужатъ урокомъ и просвѣщенному потомству, не столько страстному, какъ грубые предки, но за то, слабому тѣломъ и духомъ, неспособному къ аскетизму.

[1]) Татищ. 1, 38. 11, 75. Волын. лѣт. П. с. р. л. 11, 222. 1, 66.

Аскетическіе нравы предковъ, воспитанные грекорусскимъ проповѣдничествомъ и литературой.

Мы ознакомились съ характеромъ и недостатками русскаго народа изъ свѣтскихъ сочиненій и обличеній проповѣдниковъ. Недостатки эти важны и неоспоримы. Отрицать ихъ, или затѣнять панегирическими возгласами старинѣ, значило бы искажать историческую правду, обмывать, какъ говорится, не замачивая. Но и преувеличивать недостатки народа, не видѣть, изъ-за нихъ, добродѣтелей и достоинствъ—другая крайность. Недостатки эти не столько черны, чтобы имъ не ужиться съ добродѣтелію, и не столько отвѣтственны, чтобы не заслужить пощады предъ судомъ исторіи, особенно, если они искупаются аскетическими подвигами. Въ вопросѣ объ отношеніи проповѣдничества къ жизни сказано, какія чувства и стремленія насадила проповѣдь въ народѣ. Посмотримъ плоды этихъ чувствъ, подвиги и добродѣтели, въ какихъ выразились благочестивыя стремленія предковъ. При этомъ не забудемъ ограниченности человѣческаго ума и слабости воли, вслѣдствіе которыхъ добро и зло перепутывается въ насъ неразрывно, и наше совершенство состоитъ болѣе въ стремленіи къ святости, нежели осуществленіи ея. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ взвѣшивать дѣла людей и производимое на нихъ впечатлѣніе словомъ. Слово, и особенно проповѣдь, не подчиняется выкладкамъ статистики. Дѣло это неуловимо въ своихъ подробностяхъ и отдаленныхъ слѣдствіяхъ. Сами слушатели не дадутъ отчета въ принятомъ впечатлѣніи и не знаютъ, какими слѣдствіями оно обозначится въ жизни. Можно только вообще сказать, что благодѣтельность слова, какъ принятой пищи, не под-

лежитъ сомнѣнію. Всѣ эти замѣчанія вполнѣ приложимы къ нравственно-аскетической проповѣди. Трудно взвѣсить вліяніе ея на жизнь, потому что жизнь эта духовна и скрытна. Кромѣ того, аскетическая проповѣдь, односторонняя въ своихъ требованіяхъ, не замѣчаетъ наличныхъ достоинствъ и добродѣтелей вѣка, не довольствуется ими, а только казнитъ грѣхи, возвѣщаетъ гнѣвъ Божій и требуетъ исправленія. Если ограничиться свидѣтельствами проповѣдниковъ, видѣвшихъ всюду зло и беззаконіе, преувеличивавшихъ грѣхи и мѣру наказанія, то слѣдовало бы осудить нашихъ предковъ на вѣчный позоръ. Между тѣмъ таже строгая проповѣдь, видѣвшая въ людяхъ одни недостатки, незамѣтно для нея самой воспитала въ нихъ многія добродѣтели, достойныя похвалы. Словомъ: русское проповѣдничество, какъ и всякое другое, не можетъ служить надежнымъ пособіемъ для изученія добрыхъ свойствъ народа. Оно даетъ намъ относительно этого вопроса самыя скудныя свѣдѣнія. Добродѣтели предковъ могутъ быть усмотрѣны изъ свидѣтельствъ исторіи; и если онѣ своимъ характеромъ напомнятъ аскетическую проповѣдь, то дадутъ право заключать о вліяніи ея на жизнь.

Нравы предковъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, были монашескіе. Они утверждались болѣе на обрядности, доступной чувству, нежели на духѣ религіи. Принявъ вѣру въ смыслѣ нравственныхъ предписаній и усвоивъ ее чувствомъ, предки не вдавались въ религіозные споры, подобно грекамъ, въ раціонализмъ, и—матеріализмъ, подобно римлянамъ. Они держали вѣру свято, всецѣло, не отдѣляя буквы отъ догмата. До какой степени они держали вѣру непоколебимо, свидѣтельствуютъ польскіе и вообще иностранные писатели. Кромеръ: «Русь упорно держится греческихъ обрядовъ». Стрыйковскій: «всѣ русскіе народы пребываютъ твердо и непоколебимо въ вѣрѣ, по обрядамъ греческимъ». Сарницкій: «русскій народъ стоитъ твердо въ исповѣданіи (христіанскомъ)». Герберштейнъ: «Русь какъ начала, такъ до сего дня пребываетъ въ вѣрѣ по обряду греческому». Іовій: «русскіе съ непоколебимою твердостію сохраняютъ ученіе и обряды, принятые отъ греческихъ наставниковъ». Гваниньи: «русскіе, какъ приняли вѣру христіанскую, до сего дня крѣпко и единодушно держатся ея. Хотя нѣкоторые бояре, подвластные польскому королю, слѣдуютъ лютеранскому и Цвингліеву ученію, но весь народъ, большая часть вельможъ и дворянъ твердо содержатъ вѣру по закону греческому. И всѣ области Россіи, подвластной князю московскому, крѣпко и единодушно стоятъ въ вѣрѣ, принятой отъ грековъ» [1]). Для насъ особенно дорого свидѣтельство митр. Фотія, строгаго проповѣдника покаянія. Онъ полюбилъ Русь, новое отечество, за ея вѣру и благочестіе, восхищался успѣхами миссіонеровъ и говорилъ, что Богъ совершаетъ «чудныя дѣла въ этомъ народѣ».

До какой степени эта вѣра, усвоенная чувствомъ, была малосознательна, привязана къ буквѣ и формѣ, видно изъ наивныхъ вопросовъ и недоумѣній предковъ относительно вѣры. Вопросы эти становились иногда опасными въ примѣненіи къ практикѣ. «Можно ли колоть (животныхъ) въ недѣлю, которая назначена для молитвы»? «Цѣловавъ крестъ, можно ли ѣсть мясо и сыръ»? «Можно ли постучать яйцемъ въ зубы до обѣдни?— разъ можно, а многажды нельзя» [2]). У Іоанна III прои-

[1]) И. пр. Мак. 1,250—252.
[2]) Пам. XII в. 173—200.

зошла размолвка съ митр. Геронтіемъ за то, что митрополитъ, при освященіи успенскаго собора, ходилъ не по солнцу: «за такія дѣла, говорилъ в. князь, приходитъ гнѣвъ Божій». Много объ этомъ спорили, и ничего не рѣшили. Митр. Геронтій посадилъ архим. Геннадія въ ледникъ, въ оковахъ, за то, что онъ «обезчестилъ богоявленскую воду», дозволивъ пить ее послѣ обѣда. При такой внѣшней, младенческой вѣрѣ, предки не могли углубляться въ догматы ея и скоро освоиться съ духомъ христіанскимъ. Ихъ не поражали ошибки, преувеличенія и противорѣчія въ словахъ проповѣдниковъ. Одинъ говорилъ: «будь ты постникъ, всегда трезвъ и нищъ, проводи ночи безъ сна, но если не переносишь оскорбленій, не спасешься». Другой: «нашествіе враговъ — гнѣвъ Божій». Третій: «любя васъ, я пролилъ вашу кровь» и т. д. Мыслящій человѣкъ соблазнился бы этимъ разногласіемъ. Предки спокойно уживались съ нравственными противорѣчіями и даже хитрили предъ вѣчною правдою. Проповѣдь учила: «награбленное отдай съ лихвою, иначе не спасешься». Они раздавали ничтожную долю нищимъ изъ всего награбленнаго и закрывались мантіей отъ вѣчнаго суда, жертвою въ монастырь на поминъ души. Конечно, эти противорѣчія вынуждались условіями жизни. Отзываясь единодушно о крѣпкой вѣрѣ русскихъ, явно младенческой, иностранные писатели не объясняютъ частныхъ свойствъ ея. Русскіе писатели достаточно объясняютъ аскетическій характеръ и частныя свойства ея.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами проповѣдей, особенно митр. Даніила, посланій и похвальныхъ словъ святымъ, отзывовъ лѣтописи о малоизвѣстныхъ проповѣдникахъ, писемъ патр. Никона и другихъ святителей, видно, что

всѣ сословія на Руси руководились въ жизни наставленіями иноковъ. Но кромѣ частныхъ свидѣтельствъ есть общія указанія и доводы относительно руководства народа иноческимъ уставомъ и тѣми правилами, кои проводились въ древнихъ проповѣдяхъ. Нѣкто (инокъ) составилъ иноческій уставъ въ руководство мірянамъ; этотъ уставъ напечатанъ въ слѣдованной псалтыри (острожской, 1596 г.). Составитель устава объяснилъ побужденія къ написанію его. «Я сдѣлалъ это не по собственному желанію и не по какому либо человѣческому помыслу (тщеславію), но былъ принужденъ къ тому. Многіе христолюбивые, желающіе спасенія, иноки и мірскіе, и особенно благовѣрныя жены, боящіяся Бога, требовали и просили насъ (объ этомъ), и наскучили намъ. И мы написали отъ божественныхъ правилъ, желающимъ, только не монастырскимъ, а внѣшнимъ (мірянамъ); ибо мы знаемъ, что монастыри имѣютъ свои божественные уставы, повелѣнія и правила, въ типикахъ. И не наше дѣло писать типики» [1]). Судя по этому руководству, можемъ предусматривать жизнь предковъ, проявленіе вѣры ихъ въ чисто монашескихъ подвигахъ. Дѣйствительно, предки усвоили себѣ всю монастырскую обрядность и по ней устрояли свои дѣйствія. Сильная природа ихъ и могучій характеръ выносили монашескіе подвиги твердо, до послѣдняго часа жизни. Не обо всѣхъ подвижникахъ благочестія свидѣтельствуетъ древняя исторія. Она обращаетъ особенное вниманіе на князей и бояръ, стоявшихъ на виду у всѣхъ. Но общая среда, выдвигавшая подвижниковъ въ палатахъ и дворцахъ, убѣждаетъ въ томъ, что ихъ было неисчетное множество во всѣхъ сословіяхъ и въ про-

[1]) Сбор. № 330, гл. 5.

стомъ народѣ. Для краткости слова мы будемъ указывать на болѣе замѣчательные подвиги и примѣры благочестія.

Слѣдуя монастырскому уставу, предки всего болѣе любили молитву, очищающую душу и возносящую ее къ небу. Если въ мірѣ, по дѣйствію соблазновъ, они увлекались страстями, пересудами, бранію и сквернословіемъ: то дома и въ церкви каялись въ своихъ согрѣшеніяхъ, молились Богу долго и усердно, съ поклонами и часто со слезами. «Въ комнатѣ, гдѣ стояло наибольше образовъ, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампады и свѣчи, курили ладаномъ. Хозяинъ читалъ вслухъ утреннія молитвы, иногда заутреню и часы, смотря по досугу, умѣнью и степени благочестія; умѣвшіе пѣть пѣли. У знатныхъ людей и у князей были домовыя церкви, и всѣ домашніе сходились въ церковь, гдѣ молитвы, утреню и часы служилъ священникъ, а послѣ богослуженія кропилъ предстоящихъ св. водою. Затѣмъ всѣ расходились для своихъ занятій. Приступая къ занятію, считали необходимымъ сдѣлать предъ образомъ крестное знаменіе, съ земнымъ поклономъ, а если можно, то и принять благословеніе священника» [1]). «Вставали и ночію на поклоны, особенно въ посты» (напр. Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій). «Михайло (кн. тверской) измлада имяше и никако измѣняше правила своего: въ нощи пояше псалмы. А како пойде изъ Володимера, отъ недѣли до недѣли пощашеся, причащашеся тѣла и крови господни. Отнелѣ же ятъ бысть, вся ночи не даде сна очима, да не вздремлетъ, но паки славяше Бога, съ многими слезами, и глубокимъ воздыханіемъ исповѣдаяся ему: Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ. И егда стражи забиваху въ колодѣ руцѣ его, ни тако озлобляемъ, пояше непрестанно псалтырь, а единъ отъ отрокъ сѣдяше, прекладывая листы. Онъ же прилежно глаголаше: Господи, не отврати лица твоего, яко скорблю! И тако на всякъ часъ моляся Богови» [1]). Съ домашнею молитвою предки соединяли церковную. Максимъ грекъ съ упрекомъ замѣтилъ, что «русскіе каждый день поютъ каноны и пѣсни святымъ, и считаютъ довольство земное наградою за свое благочестіе». Молитвы церковныя были продолжительны въ посты, при исповѣди, особенно въ великій постъ. Алексѣй Михайловичъ въ великій постъ выстаивалъ службу церковную по четыре часа, полагалъ по 1500 поклоновъ, и этимъ удивлялъ иностранцевъ. Флетчеръ, осуждая многое въ русской церкви, черня русскіе и особенно монастырскіе нравы, сознается, что «набожность господствовала въ Россіи» [2]).

Съ усердіемъ къ молитвѣ и богослуженію предки соединяли любовь къ построенію храмовъ, сооруженію монастырей, скитовъ, часовень, иконъ въ дорогихъ окладахъ, доброшумныхъ колоколовъ. Иконы часто подымали, носили ихъ для освященія полей и домовъ, и предъ началомъ пиршества служили предъ ними акаѳисты и молебны, съ водоосвященіемъ. Во время войнъ, которыя были часты, иконы и кресты носили среди полковъ, а по окончаніи войны прославляли Бога. Въ началѣ христіанства въ Россіи храмовъ и монастырей было уже много. Въ Кіевѣ построено до 600 церквей

[1]) Грам. Перевлѣс. II, 184. III, 151.

[1]) П. с. р. лѣт. VII, 188.
[2]) П. Карам. X, 161.

и 13 монастырей; никоновская лѣтопись возводитъ число церквей до 700! Церкви, какъ домъ божій, строили безъ печей, чтобы не равнять ихъ съ домомъ обыкновеннымъ, хотя при зимнихъ холодахъ нерѣдко замерзали св. дары. Такъ было до XV в. Мы видѣли, что церкви строились иногда по корыстнымъ побужденіямъ; а бояре нерѣдко заводили домовыя церкви изъ тщеславія, чтобы на молитвѣ не смѣшаться съ толпою. Были случаи, что большій бояринъ въ церкви сводилъ съ перваго мѣста жену меньшаго боярина, и ставилъ на это мѣсто свою жену. Какъ бы то ни было, но предки, особенно богатые люди, не щадили денегъ для построенія и украшенія церквей. Это благочестивое усердіе можно объяснить малообразованностію предковъ. Они сознавали, что церкви и монастыри служили для нихъ единственными школами вѣроученія. Самые домы свои они украшали иконами, въ видѣ иконостаса, на подобіе церкви. Къ иконамъ дѣлали привѣски изъ золота, серебра, дорогихъ камней и жемчуга. Въ богатыхъ домахъ иконостасъ закрывали завѣсою, сметали съ него пыль крыломъ и вытирали губкой. Съ особеннымъ великолѣпіемъ украшались священ. изображеніями хоромы боярскіе и царскія палаты. Вошедшій въ домъ дѣлалъ поклоны передъ иконами, кланялся и домашнимъ [1]). Максимъ грекъ замѣтилъ, что «русскіе строятъ великолѣпные храмы». Курбскій подтверждаетъ подобныя свидѣтельства. «Вся земля русская отъ края до края, подобно чистой пшеницѣ, держится вѣрою въ Бога. Въ ней божіи храмы числомъ подобны звѣздамъ небеснымъ; въ ней множество монастырей, которыхъ никто не въ силахъ перечислить, и безчисленное множество преподобныхъ монаховъ».

[1]) Отеч. зап. 1851 г. № 2 и 3.

Объ украшеніи домовъ иконами свидѣтельствуетъ Маржеретъ: «иконы весьма въ большомъ количествѣ украшаютъ жилище каждаго русскаго» [1]). Иконы и священ. изображенія нерѣдко украшали наружность храма, сѣни архіерейскихъ покоевъ, выставлялись на домахъ и на воротахъ, особенно въ обителяхъ. Съ особенною роскошію и великолѣпіемъ украшалась икона Божіей Матери. На ней изображали вѣнецъ съ короною, металлическій, съ сіяніемъ и лучами. Къ вѣнцу привѣшивались жемчужныя ожерелья и цаты. Къ иконѣ прилагался убрусъ и лентій, низанный жемчугомъ; концы его и рясны опускались по сторонамъ; еще привѣшивались зарукавье и ожерелье, жемчужныя. Кресты напрестольные украшались серебромъ и золотомъ. Напрестольныя евангелія и апостолы тоже украшались богато; доски оклеивались шолкомъ и бархатомъ, металлическою каймой и цатами по угламъ [2]). Въ богатыхъ приходахъ евангеліе оковывали чеканнымъ серебромъ и золотомъ и осыпали камнями. Благоговѣніе предковъ къ иконамъ, кресту и домашнему иконостасу было такъ велико, что они не допускали здѣсь присутствія женщины. Проникшись убѣжденіями византійцевъ о женщинѣ, какъ виновницѣ грѣха и соблазна, они считали прикосновеніе ея къ святынѣ предосудительнымъ. «Достойно ли быть съ женою своею въ клѣти, спрашивалъ книжникъ, идѣже иконы и честный крестъ? Своя жена, отвѣчалъ другой, не въ грѣхъ». «Можно ли служить въ платьѣ, къ которому пришитъ женскій лоскутъ?—Развѣ жена погана?» [3]) Такъ было на Руси до XVII и даже XVIII вѣка. Съ XVII вѣка бояре

[1]) Сказ. о самозв. III, 36.
[2]) Зап. арх. общ. V, 48.
[3]) Пам. XII в. 195.

стали расписывать свои палаты на европейскій ладъ. Бояринъ Матвѣевъ украсилъ свои комнаты картинами, зеркалами и часами; иконостасъ домовой церкви написалъ италіянскою живописью. Петръ I дозволилъ изобразить въ своихъ покояхъ миѳологическія сцены, а на домѣ выставилъ статуи боговъ. Указомъ 1722 г. запрещено украшать иконы привѣсками монетъ и серегъ, ходить съ иконами изъ церквей и монастырей [1]). Вообще, Русь поражала иностранцевъ своею церковностію и особенно наружнымъ благочестіемъ. «Внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія — господствующая сила въ странѣ. Иностранцы видѣли въ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей. Палаты князей и богатыхъ людей украшались внутри и снаружи на церковный ладъ. По городу постоянно слышался звонъ доброшумныхъ колоколовъ; на всѣхъ улицахъ стояли часовни, иконы въ окладахъ, съ зажженными свѣчами. Прохожіе крестились предъ каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. Здѣсь можно было встрѣтить духовенство съ иконами, крестами, пѣніемъ и св. водой. Торжественные крестные ходы совершались весьма часто» [2]). Самая одежда русскихъ своимъ покроемъ напоминала вліяніе Византіи и носила отпечатокъ церковный. Многіе міряне носили монашескія одежды и принимали на себя видъ пустынниковъ. Облаченіе бояръ, кафтаны (ферязи), съ широкими поясами, напоминало одежды духовенства. Праздничное платье бояръ и царей походило на церковныя ризы; оно дѣлалось изъ дорогихъ матерій, яркаго цвѣта, украшалось золотомъ, серебромъ и многимъ пуговицъ. Бояре надѣвали на шею тяжелыя золотыя цѣпи съ крестами. Кафтанъ царскій, въ видѣ саккоса, и шапка, въ видѣ митры, украшались жемчугомъ, образками и крестами, на подобіе одежды греческихъ царей.

[1]) П. с. зак. VI, № 8913.
[2]) И. р. ц. Знамен. 163.

При несложности древней жизни многіе ходили въ церковь ежедневно. «Первое къ церкви, да не застанетъ солнце на постели; тако бо дѣяше отецъ мой и вси добріи мужи» [1]). Въ праздники, которыхъ въ году набиралось до 100, предки особенно усердно ходили въ церковь и посѣщали монастыри. «Просвѣщени людіе свѣтло праздноваху воскресеніе, праздники и посты» [2]). Смотря на праздники, какъ на живыя существа, полныя благодати, предки проводили ихъ благоговѣйно. Они украшали домъ (въ богатыхъ домахъ полы устилались коврами), приготовляли лучшія блюда, наряжались, и въ полночь отправлялись въ церковь; остальное время дня проводили въ посѣщеніяхъ и благотвореніяхъ. Ежедневное посѣщеніе церкви, особенно въ праздники, входило и въ придворный этикетъ. Поздоровавшись съ боярами, царь вмѣстѣ съ ними отправлялся къ обѣднѣ, въ домовую церковь; въ большой праздникъ—въ соборъ, или въ монастырь. Послѣ полудня снова отправлялся къ вечернѣ, съ синклитомъ. Въ эти дни праздничные, всѣ, не исключая рабовъ, освобождались отъ работы. Передъ большими праздниками цари и знатные люди посѣщали тюрьмы, богадѣльни, и раздавали милостыню. Соборы опредѣлили порядокъ празднованія. Владимірскій соборъ постановилъ: «христіанскіе праздники почитать благоговѣйно; не совершать безчинныхъ игръ и поединковъ;

[1]) Поуч. Моном.
[2]) П. с. лѣт. I, 65.

убитыхъ на нихъ не отпѣвать». Стоглавъ, перечисливъ св. дни, повелѣлъ праздновать воскресеніе и субботу, проводить ихъ въ молитвѣ и богослуженіи, пѣніи псалмовъ, поученіи и благоговѣйномъ размышленіи [1]). Многіе сторожилы, особенно въ Москвѣ, доселѣ вспоминаютъ эти древніе обычаи и сознаются, что они чувствовали праздникъ на душѣ, котораго не могутъ дать модныя увеселенія. Духовная награда дается за подвигъ [2]). Мы впрочемъ видѣли, что праздники очень часто не обходились безъ соблазновъ; особенно масляница, столь привлекательная для крѣпкихъ силъ, разнуздывала всѣ страсти народа.

Вмѣстѣ съ праздниками предки соблюдали посты, которые въ совокупности составятъ полгода. Съ особеннымъ усердіемъ они проводили великій постъ и посты, назначаемые по случаю общественныхъ бѣдствій. Многіе налагали на себя произвольные посты въ понедѣльникъ, обѣтныя пятницы и проч. Если предки любили пьянство и пресыщеніе, коими безчестили праздники: то умѣли и обуздывать свою природу подвигами поста. До какой степени постъ въ древности былъ повсемѣстенъ и строгъ, видно изъ словъ лѣтописца. «Россіяне міряне въ великій постъ питаются рѣдькою, капустою и хрѣномъ, вареное ѣдятъ въ субботы и недѣли; отъ рыбы воздерживаются всячески, кромѣ благовѣщенія и недѣли ваій. Благоговѣйнѣйшіе постятся, за грѣхи свои, (строже); только хлѣба кусокъ съѣдаютъ по полудни, обмакнувъ его въ пепелъ. А монахи, неравно міръскимъ, держатъ жестокое житіе; всегда, когда постятся, съѣдаютъ только кусокъ хлѣба съ водою въ сутки» [1]). Многіе принимали пищу въ два и три дня разъ, въ первую и послѣднюю недѣлю поста по разу. Многіе, издѣтства, чувствуя призваніе къ аскетизму, изнуряли себя постомъ. Іоаннъ юродивый до того чувствителенъ былъ въ грѣховности своей природы и изможда лъ себя постомъ, что заставлялъ родителей опасаться за его здоровье. «Какіе у тебя, чадо, грѣхи? Ты еще не виненъ», говорили родители его [2]). Многіе отъ излишняго поста заболѣвали и дѣлались неспособными къ занятіямъ. Митр. Даніилъ обличалъ непомѣрно ревностныхъ постниковъ, объяснялъ имъ значеніе поста, нравственную цѣль его, опредѣлялъ разумныя границы подвига, съ нарушеніемъ которыхъ постъ терялъ свою силу. О томъ, что многіе отказывались отъ мяса и рыбы на всю жизнь, воздерживались отъ нихъ въ извѣстные дни, нечего и говорить. Особенно строгому посту предавались въ монастыряхъ. Въ житіяхъ святыхъ говорится, что многіе настоятели обуздывали стремительныхъ постниковъ, боясь за ихъ жизнь и нравственное состояніе. Дѣйствительно, многіе подвижники рѣшались на неслыханные подвиги воздержанія, особенно въ великій постъ. Нѣкоторые впадали въ изступленіе ума, и даже умирали въ болѣзняхъ. Но подвижники, богатые силами, выдерживали во всю жизнь необыкновенные подвиги. Нѣкоторые изъ нихъ, по примѣру Богочеловѣка, рѣшались на 40-ка дневный постъ. Ѳеодосій печерскій въ великій постъ обыкновенно уходилъ въ пещеру, выдерживалъ 40-ка дневный постъ, доказывая опытомъ, что человѣкъ можетъ жить «не однимъ хлѣбомъ». Послабленія въ старину не допуска-

[1]) Гл. 95.
[2]) Воспомин. въ Моск. вѣдомостяхъ.

[1]) Катих. Булгара, № 266, л. 143.
[2]) Прологъ.

лись, и высшія лица подавали примѣръ въ подвигахъ воздержанія. Алексѣй Михайловичъ въ недѣли великаго поста по три дня не ѣлъ ничего (понед., среда, пят.), въ остальные дни обѣдалъ. Во времена общественныхъ бѣдствій пастыри налагали на всѣхъ трехдневный постъ, въ коемъ участвовали и дѣти. Дѣтямъ до обѣдни не давали ѣсть; на кормилицъ, приносившихъ дѣтей къ причастію, тоже налагали постъ до обѣда [1]).

Въ посту, наиболѣе по субботамъ, предки молились за умершихъ. «Жены, говоритъ Кирикъ, наиболѣе кланяются до земли въ субботу, говоря: кланяемся за упокой» [2]). Въ завѣщаніяхъ пастырей и князей и въ домострояхъ находимъ увѣщанія о поминовеніи родителей. Грозный въ завѣщаніи къ дѣтямъ пишетъ: «не забывайте насъ родителей своихъ въ литургіяхъ, панихидахъ и милостыняхъ, понеже намъ и себѣ велику пользу пріобрящете, здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ» [3]). И памятникомъ этой заботливости объ умершихъ онъ оставилъ синодикъ въ 2-хъ томахъ. Синодикъ посланъ въ кирилловъ монастырь, съ приложеніемъ 2200 рублей, на вѣчное поминовеніе 3470 человѣкъ, убитыхъ царемъ. Царь записывалъ ихъ итогами: «помяни Господи 1505 убіенныхъ новгородцевъ, ихъже имена самъ вѣси», и проч. На поминъ души предки дѣлали вклады въ монастыри, строили и обогащали церкви. Вклады увеличивались во времена епидемій, чорной смерти, и въ концѣ XV вѣка, когда десятки тысячъ людей обращались къ Богу съ покаяніемъ. Опускаемъ изъ виду второстепенныя качества народа, насажденныя нравственно-аскетическою пропо-

[1]) Пам. XII в. 173.
[2]) Тамже.
[3]) И. Карам. IX, прим. 741.

вѣдію. Главное вниманіе слѣдуетъ теперь обратить на двѣ добродѣтели, слабо внушенныя древнею проповѣдію, цѣломудріе и честность, или правдивость въ дѣлахъ.

Сознаемся, что разсмотрѣнныя нами добродѣтели выражаютъ болѣе внѣшность христіанства, нежели духъ его, а послѣднія двѣ—могли бы придать внѣшнимъ подвигамъ внутреннюю силу. Къ сожалѣнію, мы не находимъ достаточно фактовъ для оправданія нашихъ предковъ съ этой стороны, или въ этомъ отношеніи. Весьма немногое можно сказать въ похвалу ихъ цѣломудрію и честности, хотя нѣкоторые предполагаютъ, что аскетизмъ внушалъ имъ эти свойства и обуздывалъ ихъ страсти. Относительно цѣломудрія предкамъ вмѣняютъ въ заслугу то обстоятельство, что они привыкали къ святости брака, вслѣдствіе чего, съ каждымъ вѣкомъ, выводилось многоженство, и нарушеніе брака становилось рѣже. Въ исторіи XII вѣка находимъ доказательство ревности народа къ святости брака и цѣломудрія. Жители Галича 1174 года сожгли Анастасію (попадью), за предосудительное сожительство ея съ княземъ Ярославомъ, а князя обязали присягою къ законной брачной жизни. Подобный примѣръ встрѣчаемъ въ XVII вѣкѣ. Князь Шаховской проситъ разрѣшенія у патр. Филарета въ незаконномъ сожительствѣ съ женою, и указываетъ на многихъ подобныхъ ему людей, постригающихъ своихъ жонъ и вступающихъ во второй бракъ. «Но ты прехитрый врачу исцѣли мя, да не впасти мнѣ, отъ уныніе, въ руцѣ діяволи, понеже юнъ есьмы и не могу одолѣти плотского сладострастія» [1]). Относительно честности предковъ можно сказать, что она не имѣла прочнаго основанія въ самой обстановкѣ жизни, и развитіе этого начала предостав-

[1]) Соч. Шахов. № 327. л. 96.

лено позднему, лучшему времени. За то предки имѣли нѣкоторыя доблести, отчасти восполнявшія недостатокъ совѣсти, правды и честности въ дѣлахъ.

Предки наши особенно отличались милосердіемъ къ бѣднымъ и гостепріимствомъ, за что хвалили ихъ иностранцы. Относя милостыню къ лицу Спасителя, предки благотворили нищимъ, особенно въ пасху, рождество и на поминкахъ. Князья и пастыри часто служили примѣромъ милосердія. О многихъ изъ нихъ лѣтописи выражаются такъ: «бяше милостивъ паче мѣры, нищія милуя, сироты и вдовицы заступая, обидимыя изимая». Князь Іоаннъ получилъ названіе Калиты за то, что носилъ мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ. Патр. Филаретъ содержалъ въ Москвѣ, на свой счетъ, богадѣльни, больницы и сиротскіе дома. Патр. Никонъ устроилъ въ Новгородѣ четыре и въ Москвѣ двѣ богадѣльни. Митр. Іовъ выстроилъ въ Новгородѣ домъ для странниковъ, другой для подкидышей, и три больницы. Митр. Ѳеодосій взялъ въ свою келлію разслабленнаго, служилъ ему и омывалъ струпы [1]). Вообще, въ домахъ царскихъ, бояръ и купцовъ, содержалось множество нищихъ и странниковъ, для коихъ были особыя помѣщенія. Святители и проповѣдники милосердія служили для всѣхъ примѣромъ этой добродѣтели, столь необходимой въ древности. Милосердіемъ къ бѣднымъ предки отчасти заглаждали свои неправды, такъ какъ «милостыня очищаетъ многіе грѣхи».

Предки совмѣщали и другія добродѣтели, сродныя милосердію, вытекавшія изъ одного и того же источника— любви къ ближнему. Добродѣтели эти: самопожертвованіе для блага общаго и покорность царю, устроителю общества. Если въ обыкновенное время предки дозволяли

[1]) Ист. р. ц. Добронр. 186.

себѣ неправду и насиліе, условленныя духомъ времени; то въ критическихъ обстоятельствахъ они вознаграждали эти недостатки самопожертвованіемъ для блага общаго, по одному слову царя. Этими высокими свойствами, вытекающими изъ религіозныхъ убѣжденій, предки не разъ спасали Церковь и отечество. Гражданскія свойства народа, выражающія его покорность высшей волѣ, и способность къ пожертвованіямъ, издавна опредѣлены пословицами: «про то вѣдаетъ Богъ и государь», «на то воля Божія и государева». Въ этихъ пословицахъ сказался общій смыслъ русскаго народа, возвышающій его надъ всѣми славянскими племенами и восполняющій его частные недостатки.

Представителями и образцами аскетизма были монастыри, давшіе направленіе общественной и семейной жизни народа. Руководимые строго аскетическою проповѣдію, они въ высшей степени развили тѣ добродѣтели, кои внушали народу. Высшаго аскетизма монастыри достигли въ XV вѣкѣ, времени общественныхъ бѣдствій и ожиданія конца міру. Ревностные настоятели того времени, не довольствуясь обычнымъ уставомъ, обходили разные монастыри, заимствовали ихъ преданія и заводили строгія общежитія. Замѣчательные монастыри того времени: волоколамскій, основатель котораго Іосифъ руководился уставомъ кирилловой обители, и сорскій, основатель котораго Нилъ руководился уставомъ аѳонской горы. Оба настоятеля, строгіе аскеты, разошлись во взглядахъ на устройство обителей и духъ монашества. Іосифъ придавалъ большое значеніе дисциплинѣ, формальностямъ устава, и смотрѣлъ на монастыри съ государственной точки зрѣнія. Нилъ обращалъ вниманіе на внутреннее развитіе духа и совершенно отдѣлялъ мона-

стырь отъ міра. По нѣкоторымъ обычаямъ иноковъ Іосифова монастыря можно судить объ обиходѣ прочихъ монастырей. Братія проводила большую часть времени въ молитвахъ. Кромѣ богослуженія, въ будни и праздники требовавшаго 6—10 часовъ, и келейнаго правила, каждый монахъ полагалъ въ день отъ одной до трехъ тысячъ поклоновъ; нѣкоторые прочитывали по 77 псалмовъ въ день, и проч. Посты соблюдались по уставу; нѣкоторые вкушали хлѣбъ съ водою, иные принимали пищу черезъ день и проч. Для изможденія плоти сокращали сонъ, исполняли чорныя работы, носили вериги и власяницы. По окончаніи дня исповѣдывались духовнику въ грѣхахъ и помыслахъ [1]). Многіе, не вынося этихъ строгихъ правилъ, оставляли монастырь. Иныя обители строгостію устава и продолжительностію молитвъ превосходили уставъ Іосифа. Объ игуменѣ и братіи ефросинова монастыря замѣтилъ очевидецъ: «это желѣзный съ желѣзными!»

Проникнутые евангельскимъ духомъ милосердія и самоотверженія, монастыри выполняли и общественныя добродѣтели, которыя имѣли особенное значеніе въ неустроенной Руси. Кромѣ заслугъ миссіонерства и колонизаціи страны, монастыри служили олицетвореніемъ заповѣди о милости и состраданіи къ бѣднымъ [2]). При монастыряхъ устроялись богадѣльни, больницы, сиротскіе дома и школы. Въ голодные годы монастыри служили житницами для народа. Въ продолженіе голоднаго года Іосифъ волоколамскій кормилъ болѣе 700 человѣкъ, а для бѣдныхъ дѣтей построилъ гостинницу. Въ праздники, особенно храмовые, въ монастыряхъ угощали нищихъ. Въ храмовой праздникъ Успенскаго собора кормили до 2500 нищихъ. Подражая обителямъ, и міряне, въ праздники, угощали нищихъ, при чемъ нерѣдко дьячки пѣли духовные канты. Нищихъ разсаживали на дворѣ, въ сѣняхъ, иногда за столомъ съ гостями, а послѣ обѣда одѣляли милостыней; имъ прислуживали бояре и святители (Димитрій рост.). Нищихъ нерѣдко питали во дворцѣ, и государи давали имъ милостыню изъ собственныхъ рукъ. Монастыри своею проповѣдію подымали духъ народа для спасенія государства, возстановленія царской власти, утвержденія общественнаго порядка, и частыми вспоможеніями поддержали успѣхъ народныхъ предпріятій. Въ этомъ отношеніи неоцѣненную заслугу государству оказала сергіева лавра. По выраженію патр. Іоакима, она «утвердила общій разумъ въ вѣрѣ и государствѣ». Въ столь высокихъ практическихъ добродѣтеляхъ сказался не только обрядовый смыслъ подвижничества, но и духъ христіанства.

[1]) Приб. къ твор. св. отц. 1847 г. 225.
[2]) Ж. М. Нар. Пр. 1849 г. LXI.

Завершеніемъ аскетическихъ нравовъ и добродѣтелей вѣка было странствованіе предковъ по свят. мѣстамъ. Люди всѣхъ званій отправлялись на востокъ, особенно въ Іерусалимъ, поклониться мѣстамъ, освященнымъ Богочеловѣкомъ; нѣкоторые проводили остатокъ дней своихъ на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ (Евфросинія полоцкая). Путешествія въ Палестину до того усилились, что еп. Нифонтъ запрещалъ ихъ, а арх. Іоаннъ назначалъ епитиміи давшимъ обѣтъ идти въ Іерусалимъ [1]). Многіе благочестивые люди принимали на себя необыкновенные подвиги: ношеніе веригъ, пребываніе въ затворѣ и на столбѣ, юродство. Доселѣ сохранились вериги Кирилла бѣлозер., Димитрія прилуцкаго, Евѳимія суздальскаго, Саввватія тверскаго, Моисея и Евѳимія новгородскихъ. Еврфоси-

[1]) Степ. кн. 1,279. Пам. р. слов. XII в. 176.

нія (бывшая супруга Донскаго) изнуряла себя постомъ и тяжолыми веригами, а въ обществѣ являлась богато одѣтою. Въ затворѣ спасались многіе печерскіе подвижники: Антоній, Исаакій, Агапитъ, Аѳанасій и проч. [1]) Столпническую жизнь проводили Кириллъ (еписк. туров.) и Никита, бывшій полицейскій чиновникъ. Замѣчательнѣйшіе юродивые: Михаилъ, изъ рода московскихъ князей; онъ принималъ пищу разъ въ недѣлю и спалъ на землѣ; Іоаннъ вологодскій носилъ вериги съ крестами, ходилъ полунагой; Никола Салосъ псковской ѣздилъ на палочкѣ. Въ юродствѣ сокрыта глубокая тайна христіанства, намекающая на первобытную гордость человѣка; въ немъ, по волѣ Провидѣнія, заключается укоризна надменному уму. Отказываясь отъ ума естественнаго, лучшаго украшенія человѣка, эти подвижники прикрываютъ своимъ уничиженіемъ высшую, божественную мудрость, и даютъ уроки гордымъ, заносчивымъ людямъ. Іоаннъ вологодскій въ слухъ обличалъ Годунова. Салосъ, подъѣхавъ на палочкѣ къ Грозному, нѣсколько разъ сказалъ: «Иванушко! покушай хлѣба, а не крови», и предложилъ ему въ великій постъ сырое мясо. На отвѣтъ Грознаго: «я христіанинъ, и въ постъ не ѣмъ мяса», Салосъ возразилъ: «ты дѣлаешь хуже! питаешься кровію, забывъ Бога». Михаилъ предсказалъ рожденіе Іоанна III и паденіе Новгорода.

Аскетическіе характеры въ жизни монашеской, семейной и общественной.

Среди общества, проникнутаго аскетизмомъ, являлись необыкновенные характеры, вполнѣ усвоившіе духъ самоотверженія и попранія міра. Эти характеры являлись во всѣхъ сословіяхъ, и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—передъ концомъ перваго періода, когда Русь покрыта была густымъ мракомъ невѣжества и суевѣрія. Само собою разумѣется, что наибольшее количество аскетовъ являлось въ строгихъ монастыряхъ. Объ нихъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ общіе одобрительные отзывы. Напр.: «иноки имѣли одно попеченіе: превосходить другъ друга смиреніемъ, любовію, усердіемъ къ церкви, исполненіемъ работъ со страхомъ Божіимъ. Не было между ними мірскихъ бесѣдъ, празднословія; говорили только отъ писанія, на пользу братіи». «Иноки кирилловой обители сіяли великими добродѣтелями; они имѣли такое попеченіе о постѣ и до того преуспѣли въ любви Божіей, что никогда не занимались земнымъ, всегда возносились умомъ къ божественному свѣту» [1]). «Иноки чудова монастыря такъ жили духовно, такъ были честны и боголѣпны, что всѣ приходили къ нимъ за назиданіемъ» [2]). Встрѣчаются общіе отзывы и объ отдѣльныхъ инокахъ. « Варсонофій, послѣ 5-ти лѣтъ игуменства, провелъ въ пустынѣ 40 лѣтъ, въ молитвѣ и богомысліи. Многіе иноки и міряне приходили къ нему отовсюда, для назиданія, объясненія писанія и разрѣшенія недоумѣній. Самъ митр. Фотій отправлялъ къ нему пословъ съ этою цѣлію» [3]). «Григорій Полонинскій (въ Галиціи) былъ такой святой, какого не было прежде, и послѣ не будетъ» [4]). Но для исторіи важнѣе и поучительнѣе характеръ Діонисія, настоятеля сергіевой лавры. Діонисій обна-

[1]) Кіев. патерик.

[1]) А. и. 1, № 5. 26.
[2]) Сказ. о св. отц. Іосиф. волок.
[3]) Тамже.
[4]) П. с. лѣт. 11, 201.

ружилъ свой аскетическій нравъ въ водоворотѣ житейскихъ отношеній, въ самое бурное время. Онъ показалъ высшую степень безстрастія, подчиненія разума и свободы заповѣди о самоотверженіи, и, что особенно важно, страдалъ невинно за правду.

Въ первый разъ Діонисій показалъ свой мягкій характеръ на московскомъ базарѣ, при покупкѣ книгъ. Оскорбленный буяномъ, онъ отвѣчалъ: «еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по рынку. Прости меня грѣшнаго! (Ты) посланъ отъ Бога на мое утвержденіе». Такую же мягкость онъ обнаружилъ въ обращеніи съ подчиненными. Онъ отдавалъ приказы въ такомъ тонѣ: «если хочешь, братъ, то сдѣлай то-то». Монахъ обыкновенно не обращалъ вниманія на подобные приказы, облеченные въ гуманную, непривычную для него форму. Когда другіе спрашивали: «отъ чего не исполняешь воли настоятеля?» тотъ отвѣчалъ: «архимандритъ далъ мнѣ на волю: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ». Этого святаго и умнаго человѣка невѣжды предали суду, за исправленіе книгъ, за то, что «имя Св. Троицы велѣлъ въ книгахъ марать, и Св. Духа не исповѣдуетъ, яко огонь есть». Грубая толпа бросала въ него грязью, съ крикомъ: «вотъ еретикъ! хочетъ вывести изъ міра огонь». Діонисію присудили наказаніе: бить по 1000 поклоновъ въ день. Митр. Іона велѣлъ приводить Діонисія, въ праздники, на патріаршій дворъ, и тамъ заставлялъ его бить поклоны. «Онъ же, принимая все это съ благодареніемъ, глагола сице: то правило ему не свое, но повелѣніемъ (дано). Должно убо мнѣ имѣти свое (правило) и за себя приносити молитву Богу. И приложи отъ своего усердія, сверхъ повелѣннаго, по другой тысящѣ» [1]). Но этотъ мягкій человѣкъ, уступчивый въ дѣлахъ личнаго интереса, являлся необыкновенно твердымъ въ дѣлахъ общественной пользы. Онъ всегда находился подлѣ патр. Гермогена, на сходкахъ; увѣщавалъ толпу къ повиновенію, и былъ виновникомъ спасенія отечества. Усвоенный имъ духъ подвижничества дѣлалъ его неодолимымъ въ подвигахъ.

Подчиненіе одной личности правиламъ самоотверженія и аскетизма въ жизни гражданской не имѣетъ особеннаго значенія. Болѣе важнымъ представляется этотъ вопросъ въ приложеніи къ жизни семейной и общественной. Представителемъ аскетизма въ жизни семейной является слабая женщина, боярыня XVI вѣка, Іуліанія Лазаревская. Она своимъ примѣромъ доказала, что можно и въ мірѣ спастись и угодить Богу въ семейной жизни, хотя бы съ этимъ угожденіемъ неразлучны были опущенія по дому. Издѣтства Іуліанія предалась строгому посту; 15-ти лѣтъ вышла замужъ и прижила десятерыхъ сыновей и три дочери. Всю жизнь она потомъ скорбѣла, что не могла остаться дѣвою, и находила отраду въ иноческихъ подвигахъ. «Она молила своего мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь. Но тотъ не соглашался, читалъ ей книги блаж. Косьмы и прочихъ отцовъ. Не спасутъ насъ чорныя ризы, и не погубятъ бѣлыя, если творимъ богоугодное. Кто отходитъ въ монастырь, не заботясь о дѣтяхъ, тотъ ищетъ отдыха, а не любви Божіей. Она оставила свое намѣреніе, но умолила мужа не имѣть съ нею общенія, и сдѣлала отдѣльныя постели. Отвергшись отъ всего мірскаго, всею душею обратилась къ Богу. Постъ и воздержаніе воспріяла паче мѣры. По пятницамъ вовсе не вкушала, затворялась въ клѣти и упражнялась въ молитвахъ. Въ субботы и воскресенья ставила трапезу попамъ, вдовамъ, сиротамъ

[1]) И. Р. Сол. IX, 435—439. Осада серг. мон. Жит. Діон. рук. № 608.

и слугамъ. Блаженная всего болѣе пеклась о нищихъ, по слову Спасителя: когда творите пиръ, не зови родню, ни сосѣдей богатыхъ, чтобъ они тебя не позвали. Но зови нищихъ, и воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ. Сна употребляла 1—2 часа, ложилась безъ постели, и тѣло свое удручала, подъ головы и къ тѣлу подстилала дрова остріемъ, подъ ребра клала ключи. Не желала покоя, но ложилась, пока не засыпали рабы; потомъ вставала и всю ночь, до заутрени, молилась Богу со слезами; шла къ заутрени и литургіи. Не любила гордости и величанія. Хотя не умѣла грамотѣ, но любила слушать божественное чтеніе, и всегда со слезами говорила: какъ подражать житію прежнихъ святыхъ, и какими дѣлами можно умолить Бога? Съ тѣхъ поръ какъ разлучилась съ мужемъ, не мылась въ банѣ. Иныхъ добрыхъ дѣлъ ея не возможно пересказать» [1]). «Каждый вечеръ полагала по 100 поклоновъ, а въ обувь клала орѣховую скорлупу. Заработанное раздавала нищимъ, и даже отдавала свою долю хлѣба; ходила за больными и лечила заразительныя язвы. По смерти мужа постриглась въ монашество, 1604 года» [2]). Въ жизни Іуліяніи находимъ свидѣтельство о проповѣди сельскаго священника Потапія. «Этотъ священникъ научилъ ее, вмѣстѣ съ мужемъ, страху божію, по правиламъ св. отцовъ, и прочимъ добродѣтелямъ: молитвѣ, посту, милостынѣ. Потапій въ инокахъ названъ Пименомъ» [3]).

Особенно важно, въ историческомъ смыслѣ, аскетическое поведеніе на престолѣ Ѳеодора Іоанновича, котораго отецъ призналъ неспособнымъ къ управленію государствомъ. Для разъясненія этого вопроса довольно начертать дневной обиходъ царя. «Онъ былъ тихъ, милостивъ и чрезвычайно набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святаго, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала? и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ къ обѣдни, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни; это самая любимая его забава; другая забава—бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову» [1]).

[1]) И. очер. р. слов. Бусл. II, 257.
[2]) И. р. ц. Знамен. 166.
[3]) Бусл. 253.

[1]) И. Р. Сол. VII, 273.

Общее заключеніе и приложеніе сказаннаго къ современной жизни и наукѣ.

Оконченныя изслѣдованія, подъ именемъ «Очерка», необходимо выразить въ общихъ положеніяхъ, какъ для ясности и опредѣленности настоящаго труда, такъ и для уразумѣнія цѣли его. Исторія выясняетъ теорію минувшей жизни для уразумѣнія настоящихъ явленій, такъ какъ прошедшее живетъ въ настоящемъ, хотя и не можетъ защищать себя. Это приложеніе историческихъ изслѣдованій къ современнымъ вопросамъ, явленіямъ жизни и науки, придаетъ особенную занимательность первымъ и несомнѣнную важность послѣднимъ. Безъ отношенія къ жизни ученыя изслѣдованія дѣлаются мертвымъ, непроизводительнымъ капиталомъ. Сущность ученія о характерѣ древней проповѣди и ея вліяніи на жизнь сводится къ немногимъ точнымъ положеніямъ.

Древнее проповѣдничество не имѣетъ самостоятельнаго характера. Оно отличается рабскою подражательностію, какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ изложеніи, проповѣдничеству греческому. Изъ отвлеченной греческой проповѣди истолковательнаго направленія русская проповѣдь усвоила одну отрасль ея—нравственно-аскетическую, какъ болѣе подходящую къ условіямъ русской жизни. Эта проповѣдь имѣетъ своимъ предметомъ истины нравственныя, въ высшемъ развитіи ихъ называемыя аскетизмомъ, труженичествомъ, подвижничествомъ. Нравственно аскетическая проповѣдь, опиравшаяся на чистый аскетизмъ, развитый уставами монастырей, находила поддержку въ изъяснительныхъ бесѣдахъ и церковно-историческихъ, особенно похвальныхъ, словахъ. Изъяснительныя бесѣды или слова побуждали къ аскетизму развитіемъ ученія о смерти, судѣ, вѣчной мукѣ и вѣчномъ блаженствѣ; церковно-историческія—описаніемъ подвиговъ святыхъ, ихъ самоотверженія и небеснаго воздаянія. Подъ вліяніемъ отвлеченнаго проповѣдничества, аскетическаго, практическая проповѣдь не достигла полнаго развитія; и въ этомъ отношеніи сказалась подражательность нашихъ проповѣдниковъ св. отцамъ. Практическая проповѣдь, изложенная въ видѣ сентенцій, отрывочныхъ наставленій, не обняла всѣхъ явленій жизни, подлежащихъ руководству вѣры, всѣхъ умственныхъ заблужденій и нравственныхъ недостатковъ народа; и потому мало содѣйствовала устроенію жизни, общественнаго и семейнаго блага. Общею основою проповѣдничества была греко-русская литература, проникнутая аскетизмомъ, съ примѣсью апокрифическихъ вымысловъ, заблужденій и суевѣрія. Скудное содержаніемъ нравственно-аскетическое проповѣдничество ослаблялось еще неудачнымъ, безпорядочнымъ изложеніемъ. Церковная рѣчь, слитая изъ разныхъ нарѣчій и идіотизмовъ, чуждая литературной отдѣлки, разъединенная съ живымъ словомъ, не могла оказать большой услуги русской проповѣди, возвысить ея предметы, усилить и облагородить мысли. Напротивъ, церковно-славянская рѣчь, отстаиваемая книжниками какъ священная принадлежность слова, вредила успѣху проповѣди; нескладными выраженіями и запутанными періодами она затемняла смыслъ рѣчи и охлаждала впечатлѣніе предмета. Неряшливое изложеніе мыслей, чуждое логическихъ пріемовъ,—анализа, синтеза, послѣдовательности и доказательности, окончательно ро-

няло проповѣдь. Разсѣевая умъ по многимъ предметамъ, набросаннымъ въ кучу, безъ всякаго плана, оно лишало проповѣдь цѣлости, опредѣленности, оригинальности, и утомляло безполезными повтореніями, обширнымъ разглагольствіемъ. О декламаціи, искусномъ произношеніи, скрывающемъ недостатки содержанія и изложенія, въ древности не могло быть и рѣчи. Аскетизмъ проповѣдниковъ, преслѣдовавшій выказность и «упестреніе истины», не допустилъ бы такой роскоши на каѳедрѣ. Внѣшняя обстановка или почва историческая не благопріятствовала успѣху и развитію проповѣди. Недостатокъ школъ, необразованность духовенства, скудость просвѣтительныхъ пособій, при обширности земли и цѣнности письменныхъ произведеній, дѣлали назиданіе недоступнымъ для большей части населенія Россіи. И только свидѣтельство лѣтописей о проповѣдничествѣ многихъ аскетовъ и миссіонеровъ даетъ право заключать о большей распространенности проповѣди и вліяніи ея на жизнь, нежели какъ это поясняютъ литературные памятники. Впрочемъ, скудость и малодоступность проповѣдничества значительно восполнялась жизнію аскетовъ, пояснявшихъ свое слово добрыми дѣлами, подвигами добродѣтели. При такомъ направленіи и обстановкѣ проповѣди ея высокое ученіе не могло вполнѣ привиться къ грубому чувственному народу. Оно привилось къ нему внѣшнею, обрядовою стороною, понятною чувствамъ, а не духомъ христіанскимъ, едва постижимымъ и трудно уловимымъ, особенно безъ помощи науки. Поэтому въ народѣ уживались всевозможныя противорѣчія,—съ подвигами благочестія соединялись предосудительные пороки, недостатокъ честности и самообладанія. Предразсудки и суевѣріе, освященные преданіемъ и духовными книгами, окончательно сбивали съ толку и извращали нравственность.

При всѣхъ заблужденіяхъ и недостаткахъ, православная Русь, подъ вліяніемъ аскетизма, взлелѣяннаго проповѣдничествомъ, выполнила свои задачи, которыя имѣютъ отношеніе къ современности и служатъ указателемъ дальнѣйшаго развитія русской жизни и науки. Указанія исторіи, какъ завѣщаніе старины, обязательны для новой Россіи, поворотившей, съ XVIII вѣка, на путь европейской цивилизаціи, сглаживающей нашу народность и православіе. А этотъ вопросъ заслуживаетъ полное вниманіе, если мы не желаемъ безгранично увлекаться новизною ученій, отречься отъ своей народности и быть «недостойнымъ орудіемъ Провидѣнія» въ назначенной намъ цѣли. Тяжело гадать: не сдѣлается ли Русь когда нибудь изъ православной либеральною? По крайней мѣрѣ древняя Русь не была такою.

Древняя Русь, подъ вліяніемъ аскетизма, была хранилищемъ православія и намъ передала его въ цѣлости,—въ этомъ отношеніи заслуга ея неоспорима. Русь держала вѣру, какъ залогъ спасенія, лучшій даръ Божій. За эту вѣру она пролила много поту и крови. Всѣ претензіи чужихъ національностей на Россію мужественно отражались во имя вѣры, освящавшей общественную и семейную жизнь народа. Всѣ войны съ сосѣдями начинались во имя разширенія и защиты православной земли. Держась за вѣру со всею крѣпостью здоровой, хотя и грубой силы, предки естественно увлеклись ригоризмомъ, нетерпимостію, привязанностію къ азамъ, буквѣ закона. Мудрено было бы поступить иначе, при ихъ невѣжествѣ и ревности къ благочестію. Этою ревностію къ закону Русь оправдала свое призваніе, объявила себя до-

стойнымъ орудіемъ Провидѣнія, въ простотѣ ея смысла и сердца. Не даромъ же она удивляла иностранцевъ своею твердостію въ вѣрѣ, и заслужила названіе «святой, православной». Самые аскетическіе характеры, выступавшіе на всѣхъ поприщахъ жизни и удивлявшіе крайностію своего направленія, были слѣдствіемъ аскетическаго строя жизни общественной и семейной, плодомъ общаго одушевленія божественною вѣрою. И эти аскеты, стоявшіе на всѣхъ ступеняхъ жизни и на верху общественной лѣстницы, подавали всѣмъ примѣръ благочестія. Въ этомъ случаѣ религіозное общество на наличный нравственный капиталъ получило законные и богатые проценты. Эту вѣру, дорого стоившую предкамъ, соблюденную невредимо въ теченіе 700 лѣтъ, мы должны хранить свято и передать потомству. Мы должны дѣлать это, пока въ силахъ, или вѣрнѣе: пока Богъ несдвинулъ свѣтильника вѣры съ мѣста своего. Притомъ же, подъ словомъ: «мы», въ особенности разумѣемъ цивилизованное общество, отшатнувшееся отъ церковныхъ уставовъ. Простой народъ доселѣ держится древняго благочестія. Печать аскетизма не сглаживается въ немъ никакими реформами. Люди средняго и низшаго сословія доселѣ живутъ по указанію Домостроя. Древняя набожность у нихъ проявляется на каждомъ шагу. Тѣже молитвы и посты, иконы въ переднемъ углу, леченіе болѣзней водою съ иконъ и проч. А въ средѣ раскольниковъ мы находимъ самую букву Домостроя; здѣсь даже говорятъ языкомъ Домостроя. Отступленіе отъ его нравилъ, освященныхъ древностію, почитается своеволіемъ и беззаконіемъ. Реформы и гоненія только усиливаютъ обязательность Домостроя. Остается воспользоваться этимъ обрядовымъ благочестіемъ народа, дать ему болѣе разумное направленіе.

Древняя Русь, подъ вліяніемъ аскетизма, сдѣлалась провозвѣстникомъ христіанства и цивилизаторомъ дикихъ племенъ. Въ этомъ отношеніи заслуга ея еще выше; обязательность продолженія начатаго ею дѣла не подлежитъ никакому сомнѣнію. Выполнивъ съ успѣхомъ задачу миссіонерства, Русь довершила свое благочестіе, показала отличную ревность къ вѣрѣ. Она принесла безчисленныя жертвы въ пользу христіанства и православія. Безъ средствъ, безъ поддержки обществъ и правительства, она провозгласила евангеліе до предѣловъ восточнаго океана, освятила тысячи народностей, улучшила ихъ бытъ и состояніе. Не возможно исчислить всѣхъ жертвъ, принесенныхъ нашими аскетами, въ пользу христіанства. Примѣръ главныхъ миссіонеровъ—Стефана, епископа пермскаго, и Филоѳея митр. тобольскаго, жертвовавшихъ собою для спасенія ближнихъ, убѣждаетъ въ трудности этого служенія. Приблизительный итогъ душъ, обращенныхъ въ древности въ христіанство, свидѣтельствуетъ объ энергіи и заслугахъ древнихъ миссіонеровъ. Изъ смѣшаннаго населенія Россіи, показаннаго въ началѣ XVIII вѣка въ 12,000,000 душъ, къ концу вѣка числилось 4,000,000 инородцевъ,—почти треть населенія. Только аскетизмъ, одушевлявшій проповѣдниковъ на подвиги самоотверженія, могъ одолѣть преграды, поставленныя судьбою, къ объединенію и освященію народностей Россіи. Съ XVIII вѣка правительство и общество взяли на себя миссіонерское дѣло, и оно ведется съ большимъ успѣхомъ.

Выполнивъ съ успѣхомъ свои задачи, подъ вліяніемъ аскетизма, древняя Русь завѣщала и намъ продолженіе

ихъ, какъ дѣло неконченное, намъ, водящимся европейскими началами объ улучшеніи жизни, предпочитающимъ практическія цѣли внушеніямъ аскетизма. И мы должны выполнить завѣщанія старины, не смотря на иныя руководственныя начала, чтобы не отказаться отъ своего призванія. Мы должны соблюсти православіе, поелику западные народы считаютъ насъ хранителями чистой вѣры, и передать его потомству. Мы должны облагодѣтельствовать вѣрою и цивилизаціей восточные народы, угнетенные суевѣріемъ и нищетою. И дома, внутри Россіи, предстоитъ много заботъ въ этомъ отношеніи. Надобно поднять нравственность народа и на готовомъ основаніи, религіозности внѣшней, воздвигнуть духъ христіанства. Только нынѣ, при успѣхахъ просвѣщенія и перемѣнѣ всего строя общественной жизни, можно внушить народу, что внѣшняя религіозность, безъ самообладанія, честности, исполнительности христіанскаго долга, не приноситъ большой пользы, и подвергается осужденію. Нынѣ время искоренить заблужденія и предразсудки, угнетающіе духъ народа и вредящіе его нравственности. Науки естественныя и приложеніе ихъ къ жизни не напугаютъ никого и окажутъ содѣйствіе религіи [1]).

При этомъ дѣлѣ возьмемъ въ руководство приговоры литературы относительно недостатковъ древняго благочестія и суевѣрія народа. «Вѣковое развитіе религіозно-нравственнаго чувства, укорененіе одной вѣры, сверхъестественнаго ученія, были причиною того, что народъ погрузился въ вредные предразсудки и суевѣрія. Безъ умственнаго развитія и самая нравственность, воспитанная византійской иконой, являлась большею частію без-

[1]) Въ захолустьяхъ доселѣ крестьяне выходятъ на желѣзную дорогу съ иконами, противъ нечистой силы.

смысленной (?!) формальностію. Издавна русскіе люди, вслѣдствіе неразвитости ума, позволяли себѣ всякіе пороки: воровали, грабили, дѣлали насилія слабымъ, нагло обманывали въ торговлѣ и контрактахъ, плутовали, постоянно стремились нажиться неправдами на счетъ чужаго труда,—и все это прикрывали формальной наружностію византійской нравственности, успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что усердно ходили въ церковь, въ праздники гуляли и пьянствовали, въ церкви и дома усердно клали земные поклоны, ставили свѣчи передъ образами, дѣлали щедрые вклады въ церкви и монастыри. Вообще, при неразвитости ума, въ одеждѣ византійской нравственности, сплошь и рядомъ открыто, азіатски-чванно господствовало наружное благочестіе, извращенное всякими пороками» [1]). «Постомъ и милостынею многіе ограничивали свою праведность, и оставляли безъ вниманія правду, цѣломудріе, воздержаніе, терпѣніе и кротость. Соблюдая постъ, не думали воздерживаться отъ грубыхъ страстей. Принимая въ домъ странниковъ, больныхъ, нищихъ, дѣлая пожертвованія въ церкви и монастыри, многіе позволяли не малыя обиды и несправедливости» [2]). Самыя церкви многіе созидали по тщеславію, обольщаемые откровеніями [3]). «Привязанность къ формѣ, обряду, отразилась въ жизни общества. Добродѣтелями времени были: частое присутствіе при богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, почитаніе иконъ, мощей, вклады въ монастыри, построеніе церквей, раздача бѣднымъ пищи и денегъ, путешествіе къ св. мѣстамъ. Но истин-

[1]) Педаг. услов. умств. разв. народа, 30.
[2]) Прав. Собес. 1860 г. III, 310.
[3]) Стогл. гл. 84.

ное религіозное чувство, которое оживляетъ обрядъ, преобразуетъ нравственную жизнь, было мало развито» [1]).

Такъ сложно и обширно приложеніе нашего изслѣдованія къ современной жизни. Оно не менѣе сложно и въ приложеніи къ наукѣ о проповѣдничествѣ, какъ въ его содержаніи, такъ и изложеніи. Древнее проповѣдничество даетъ намъ поучительный урокъ относительно направленія проповѣди въ ея содержаніи. Содержаніе проповѣди было нравственно-аскетическое, какъ болѣе подходившее къ нуждамъ времени. Этотъ опытъ служитъ указателемъ направленія и духа современной проповѣди. Такъ какъ народъ недалеко ушелъ отъ древнихъ обычаевъ, то и нынѣ чувствуется потребность въ нравственномъ ученіи; только это ученіе необходимо поставить въ условныя границы, примѣнимыя къ жизни, чуждыя ригоризма и аскетизма. При возникающемъ сознаніи общества дисциплинарность, опутывающая каждый шагъ человѣка, можетъ убить религіозное чувство, изсушить сердце. Нѣтъ нужды изъ любви къ Богу проводить мрачный взглядъ на жизнь. Съ этою любовію совмѣстны добрыя отношенія къ міру и людямъ, къ благамъ земнымъ и къ самому себѣ. Съ смиреніемъ и самоотверженіемъ можно согласить уваженіе къ себѣ и своимъ достоинствамъ, заботу о чести, мнѣніи людей, общественныхъ преимуществахъ и счастіи. Догматическая проповѣдь, ознакомляющая съ курсомъ богословія и поощряемая нынѣ конкурсами, оказалась непригодною. Народъ, не привыкшій къ богословскимъ отвлеченностямъ, тяготится ими, и кромѣ того не посѣщаетъ церкви методически. Это сознано духовенствомъ и заявлено въ печати.

[1]) И. р. ц. Знам. 163.

Древняя проповѣдь съ нравственнымъ ученіемъ соединяла практическія истины; и въ этомъ отношеніи она служитъ для насъ примѣромъ, хотя несовершеннымъ. Практическая проповѣдь требуетъ нынѣ полнаго развитія. Полагая въ основаніе проповѣди нравственныя истины, ученіе объ обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и порокахъ, надобно исправлять недостатки нашего времени и общества. Недостатки эти состоятъ въ умственныхъ заблужденіяхъ относительно вѣры, охлажденіи къ церкви и добродѣтелямъ христіанскимъ, и особенно замѣчаются въ цивилизованномъ обществѣ. Эти недостатки безконечно разнообразятся по областямъ, приходамъ, и особенно по сословіямъ, какъ это замѣчено въ «Очеркѣ». Въ простомъ народѣ преобладаетъ чувственность, грѣховность плоти, упрямство, буйство, суевѣріе; въ чиновничествѣ—преступленія по службѣ — кляузы, взяточничество, подѣлка документовъ, растрата имущества; у купечества—фальшивые обороты въ торговлѣ, поддѣлки, утайки, контрабанда, плутовство; у дворянъ и военныхъ—препирательства о чести и правахъ, ссоры, наѣзды, обиды, грабежи и насилія; у духовенства—корысть и святотатство. Въ нынѣшнее время въ дворянствѣ, подъ вліяніемъ европеизма, развиваются вольнодумные взгляды на религію, добродѣтель и порокъ, неуваженіе къ обрядамъ и постановленіямъ Церкви, кощунство, страсть къ наслажденіямъ, игрѣ и расточительности. Вслѣдствіе чувственнаго направленія общества, подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, и какъ симптомъ начинающагося матеріализма, нынѣ проявляется ненависть къ аскетизму и сословію монашества. «Мы видимъ, говоритъ нѣкто, столкновеніе идеаловъ монашескихъ съ идеалами свѣтскихъ людей, которые силятся отстоять за собой права на жизнь

въ вольномъ свѣтѣ, а не въ монашеской кельѣ. Совѣты духовныхъ лицъ были полезны князьямъ, но нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ были въ высшей степени непрактичны. Князья не могли исполнить ихъ, не сдѣлавшись монахами. Положеніе князя дѣлало для него неудобною созерцательную жизнь въ слезахъ и постѣ. Онъ (Владиміръ Мономахъ) примиряетъ обязанности княжеской жизни съ требованіями христіанскими. Указывая на ночь, какъ на удобное время для земныхъ поклоновъ, князь оставляетъ за днемъ добрыя дѣла, поставляя ихъ на первый планъ» [1]). Уступая времени въ его разумныхъ требованіяхъ, въ должномъ примѣненіи христіанскаго закона къ условіямъ жизни, мы должны быть строги въ обличеніи крайнихъ взглядовъ. По примѣру старины мы должны отстаивать аскетизмъ и представителя его—монашество, какъ противоядіе матеріализму, противовѣсъ философскимъ увлеченіямъ. Хотя монастыри изолированы съ обществомъ, но они нужны, какъ школы благочестія, завѣщанныя древностію. Поддержанный ими аскетизмъ пригодится противъ модныхъ обычаевъ, разложенія нравовъ, и особенно въ критическія минуты, для подъема народнаго духа, по старой доброй памяти. Кромѣ того, монастыри имѣютъ общественныхъ представителей и полезныхъ дѣятелей въ лицѣ ученыхъ монаховъ. Монашествомъ въ особенности поддерживается типъ святой, православной Руси. Съ уничтоженіемъ монашества на Руси, по образцу европейскихъ державъ, она утратитъ свой типъ и сдѣлается земнымъ обществомъ, лишеннымъ благодати.

Въ отношеніи внѣшней логической формы древняя проповѣдь не можетъ служить образцомъ; но она даетъ

[1]) Препод. р. лит. Стоюнина, 65,

хорошій урокъ относительно школьнаго предразсудка, опутывающаго современную проповѣдь схоластикой. Древняя проповѣдь, не умѣя справиться съ мыслями, ихъ внѣшнимъ расположеніемъ, соблюдала логику здраваго смысла; она говорила заразъ о многихъ предметахъ, существенно необходимыхъ для слушателей. Этимъ предпочтеніемъ содержанія формѣ она обличаетъ нынѣшнюю проповѣдь, жертвующую существомъ дѣла логической формѣ. Нынѣшняя проповѣдь, слѣдуя латинскимъ образцамъ, въ основаніе проповѣдническаго искусства полагаетъ тему, взятую по приказу, или на удачу. Развитіе темы, условленное подраздѣленіями, не заботится о жизни, ея стремленіяхъ и недостаткахъ. Представляя стройное сочиненіе по формѣ, такая проповѣдь отличается безсодержательностію, однообразіемъ, утомительными повтореніями и неприложимостію къ жизни. Самый обыкновенный логическій пріемъ, уронившій нынѣшнюю проповѣдь, состоитъ въ раскрытіи евангельскихъ повѣствованій и притчъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ перифразировкѣ и разбавленіи ихъ обиліемъ синонимическихъ реченій. Множество словъ, поученій и бесѣдъ, составленныхъ по логической формѣ, носятъ печать школьной фабрикаціи, на подобіе стальныхъ перьевъ. Нѣтъ въ нихъ оригинальности, самобытности и жизни. Необходимо соединить практическій смыслъ древней проповѣди съ логическою формою новой. Правильное сочетаніе состоитъ въ выборѣ одного или нѣсколькихъ предметовъ, относящихся къ жизни, и въ послѣдовательномъ развитіи ихъ. Въ этомъ случаѣ жизненный предметъ даетъ естественную форму, а не форма логическая даетъ искуственное содержаніе. Ученіе о темахъ и разъясненіяхъ повѣствованій надобно бросить. Школа, погружен-

ная въ теоріи и системы, не имѣетъ возможности, досуга и привычки заняться дѣйствительною жизнію. Пока она не сблизится съ міромъ, она не можетъ быть истолкователемъ его нуждъ и стремленій.

Древняя проповѣдь даетъ намъ урокъ и относительно слововыраженія. Созданная книжниками, она не могла получить надлежащаго развитія въ своемъ выраженіи, какъ не получила его и въ другихъ отношеніяхъ. Какъ разъясненіе божественнаго ученія, проповѣдь, по понятію книжниковъ, должна облекаться въ церковнославянскую рѣчь. «Я думаю, говоритъ Зиновій отенскій, что это лукавое умышленіе христоборцевъ (!), или грубыхъ смысломъ, чтобы уподоблять или низводить книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей. Гораздо приличнѣе, я думаю, исправлять общія народныя рѣчи книжными рѣчами, а не обезчещивать книжныя рѣчи народными. Поэтому не слѣдуетъ говорить: жду, а чаю воскресенія мертвыхъ» [1]). Подобные взгляды на славянскую рѣчь инока Вишневскаго, порицавшаго науки, извѣстны. Этотъ предразсудокъ темныхъ вѣковъ держится донынѣ. Многіе желаютъ соблюсти славянскую фразеологію, поддерживающую отрѣшенность мысли отъ живыхъ предметовъ, какъ святыню. Свѣденія объ этомъ предметѣ, какъ и вообще о недостаткахъ русской проповѣди, изложены въ «Русскомъ Проповѣдничествѣ» [2]). Но церковная и житейская практика вытѣсняетъ подобные предразсудки. Замѣняя славянскія формы живою рѣчію, она показываетъ, что выраженіе, какъ и изложеніе проповѣди, подлежитъ усовершимости. Въ самомъ дѣлѣ, родной языкъ, лежащій въ основѣ образованія, долженъ быть господствующимъ и въ проповѣди. Онъ одинъ даетъ намъ не только формы рѣчи, но и знаки вещей, со всѣми ихъ оттѣнками, понятными издѣтства. Живой языкъ даетъ намъ въ своихъ оборотахъ логическое и художественное содержаніе вещей, вложенное въ нихъ геніемъ народа. Какъ бы ни былъ богатъ чужой и мертвый языкъ, онъ не можетъ замѣнить языка живаго, какъ не замѣнятъ опавшіе листы живой зелени, сіяющей цвѣтами.

Исторія древняго проповѣдничества, греко-русскаго и латино-русскаго (о коемъ рѣчь впереди), выясняетъ намъ религіозную жизнь народа, въ связи съ гражданскою, возвышеніе и упадокъ ея подъ вліяніемъ церковнаго слова, и начертываетъ путь къ дальнѣйшему совершенству, развитію общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ она выясняетъ судьбу проповѣди, постепенную усовершимость ея содержанія, формы и выраженія; предохраняетъ отъ заблужденій и предразсудковъ школы и партіи относительно неприкосновенности состава проповѣди, освященнаго церковной практикой. Важнѣйшая заслуга исторіи проповѣдничества состоитъ въ изъясненіи нравственныхъ обязанностей христіанина, отсѣченіи ригоризма и примѣненіи нравственнаго закона къ практическимъ цѣлямъ, возвышающимъ общество. Ибо замѣтно большое различіе въ поведеніи людей, руководимыхъ слѣпою, или разумною вѣрою. Залогъ высокой нравственности заключается въ свободѣ изслѣдованія. «Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчается великое противоположеніе въ общежитіи людей, по мѣрѣ того, какъ просвѣщеніе покровительствуется, или утѣсняется. Между тѣмъ какъ въ католическихъ областяхъ нѣмецкой земли народныя понятія

[1]) С. 966.
[2]) Стр. 433—442.

омрачены грубостію невѣжества и суевѣрія, протестанскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія» [1]). Въ этомъ смыслѣ, какъ продолженіе исторіи проповѣдничества и выводъ изъ него, необходимо спеціальное сочиненіе «о недостаткахъ современнаго проповѣдничества въ его теоріи и практикѣ» [2]).

---

[1]) Соч. Мурав. 1856 г. 1, 343.
[2]) И оно готовится.

ПРОДАЮТСЯ

1. **Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества.** Томъ I-й. Ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 р.

2. **Русское проповѣдничество.** Ц. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

3. **Сочиненія св. Іустина философа и мученика,** въ русскомъ переводѣ съ введеніями и примѣчаніями свящ. *П. Преображенскаго.* Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

4. **Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ,** въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями свящ. *П. Преображенскаго.* Ц. 1 р 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

5. **Сочиненія св. Иринея Ліонскаго,** въ русскомъ переводѣ свящ. *П. Преображенскаго.* Ц. 3 р. съ пересылкою.

6. **Размышленія о сущности христіанской вѣры.** Соч. *Гизо,* пер. прот. *Н. Серіевскаго.* Ц. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

7. **Вѣчная жизнь.** Публичныя чтенія *Э. Навиля,* пер. прот. *Н. Серіевскаго.* Ц. 75 коп.; съ перес. 1 р.

8. **Объ основныхъ истинахъ христіанства.** Публичныя чтенія профессора прот. *Н. Серіевскаго.* Ц. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

9. **Рѣчи,** произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго Военнаго Училища, свящ. *А. Иванцовымъ-Платоновымъ.* Ц. 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

10. **Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.** Изслѣдованіе прот. *Иванцова-Платонова.* Ц. 2 р.; съ пер. 2 р. 50 к.

11. **Нравственный идеалъ Буддизма въ его отношеніи къ христіанству.** Соч. *А. Гусева.* Ц. 1 р. 75 к.; съ пер 2 р.

12. **О Новомъ Завѣтѣ** Господа нашего І. Христа. Соч. арх. *Θеодора.* Ц. 75 к.; съ перес. 1 р.

Желающіе пріобрѣсти означенныя книги благоволятъ обращаться съ своими требованіями въ **С.-Петербургъ, въ Книжный Магазинъ КОРАБЛЕВА и СИРЯКОВА.**